

res MILITARIS

А. А. ХЛЕВОВ

МОРСКИЕ
ВОЙНЫ
РИМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005

ББК 63.3(0)32
X55

Хлезов А. А.

X55 Морские войны Рима. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 496 с.
ISBN 5-288-03738-8

Книга рассказывает об истории древнеримского флота от Первой Пунической войны до эпохи упадка Империи.

Подробно рассматриваются боевые действия римлян на море во время Пунических войн, борьба со средиземноморским пиратством, морские экспедиции Цезаря, участие флота в гражданских войнах и его противостояние флотам варваров.

Одна из глав посвящена типам боевых кораблей, вооружению и основным аспектам службы римского флота.

Для широкого круга читателей, интересующихся военно-морской историей.

Б Б К 63.3(0)32

© А. А. Хлезов, 2005

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2005

*Посвящается морякам ВМФ
Союза Советских Социалистических Республик*

Римский народ всегда имел наготове флот ради славы, пользы и величия своего государства, а не вследствие необходимости при каком-нибудь волнении; именно для того, чтобы никогда не было такой необходимости, он всегда имел флот в готовности. Ведь никто не решается вызывать на войну или наносить обиду тому царству или народу, который, как он знает, может быстро оказать сопротивление и наказать за эту смелость.

Флавий Вегетий Ренат

ВВЕДЕНИЕ

Краткая периодизация морской истории Рима — Были ли римляне «народом моря» ?

Италия, расположенная в самом центре Средиземного моря и делящая его почти пополам, казалось, самой природой была ориентирована на то, чтобы с древнейших времен стать колыбелью морской цивилизации. Мягкий и теплый климат, весьма протяженное побережье создавали чрезвычайно благоприятные предпосылки для развития всех видов морского промысла, а также мореплавания и судостроения как такового.

Между тем история развития морских сил государства, которому предстояло в перспективе объединить под своей властью все территории по берегам Средиземного моря — Римской Республики, а затем и Империи, — была длительной, противоречивой, а порой в полном смысле слова мучительной. Рим прошел долгий путь от практически полного игнорирования флота как составляющей части собственной военной стратегии до превращения военно-морских сил в полицейские, по сути дела, подразделения, ориентированные на поддержание порядка судоходства в гигантском внутреннем море. Предотвращение возможного пиратства в отсутствие реальных противников-государств, располагавших боевыми кораблями, стало в эпоху Империи основной задачей флота, каковая дополнялась никогда не терявшей актуальности функцией переброски войск. Впрочем, флот активно использовался также и в различного рода внутренних неурядицах, в гражданских войнах, ставших, особенно с III в. н.э., самой важной составляющей внутривластной жизни Римского государства. В том же столетии возникли и новые направления военно-морской угрозы — северо-восточное, связанное с возникновением на черноморских рубежах Империи готов и началом готских морских походов, а также северо-западное, связанное с отражением набегов англов и саксов на британский и галльский берега. Наконец, в V в. влияние на море, в последние два столетия постепенно переходившее на сторону Восточной Римской империи, окончательно становится прерогативой Византии. Однако это положение вскоре сменилось новым переделом сфер влияния. С VII в. усиливаю-

пций арабский флот становится главным действующим лицом морской истории Средиземноморья. Именно он, вместе с византийским и возрождающимися флотами Западной Европы, составляет основу раннесредневековой системы морского противостояния в бассейне моря, бывшего некогда внутриимперским водоемом Рима.

В морской истории Рима достаточно отчетливо выделяются несколько периодов. Первый из них был связан с Пуническими войнами, когда в первый и единственный раз Республике пришлось столкнуться с противником, безусловно превосходившим ее на море. Собственно, именно в эти годы и произошло окончательное оформление римского флота в самостоятельную категорию вооруженных сил.

Затем последовал этап явного доминирования римского флота в регионе. В ходе подчинения Восточного Средиземноморья римлянам противостояли греческие города, располагавшие первоклассными флотами, однако завоевание Греции было совершено преимущественно в традиционном римском стиле сухопутных операций, а флот привлекался преимущественно в качестве средства переброски войск. Столь же традиционным по форме было завоевание большинства остальных территорий будущих провинций Рима. В силу этого сложно говорить о существенной трансформации тактики военно-морских сил римлян — у них просто не было достойного противника, противостояние с которым необходимо для развития.

Определенное разнообразие внесли внутренние конфликты, сопровождавшиеся применением флота, в том числе крупнейшее морское сражение эпохи — бой у мыса Акий. Определенные элементы прогресса были обусловлены при этом самими боевыми действиями, приводившими к поиску новых решений. В египетской эпохее, кроме того, римской тактике пришлось столкнуться с флотом, принадлежащим иной, эллинистической традиции.

Последней, наименее известной, но при этом не менее важной страницей истории римского флота стало противостояние имперских морских и речных сил варварским войскам и флотам — преимущественно на европейском и черноморско-эгейском театрах боевых действий. Изощрение технологических приемов кораблестроения, возрастание опыта моряков и командного состава уже не могли изменить общего вектора развития событий. Глубокий и всеобъемлющий кризис Империи, протекавший на фоне усиления ее варварского окружения, в полной мере отразился на флоте.

Более того, как показывает исторический опыт, в условиях упадка государства флот страдает в первую очередь, и процессы упадка и разложения идут в нем гораздо быстрее, нежели в сухопутных силах — флот становится тем, на чем в первую очередь начинают экономить. Так было в Риме, так позднее случалось в государстве франков при преемниках Карла Великого в IX в., в Англии после короля Альфреда в начале X в. Исторические параллели можно усмотреть во всех странах, проходивших серьезный государственный кризис — вплоть до перестроечного СССР.

Как бы то ни было, римские военно-морские силы к V в. на Западе пришли в полный упадок. Восточная Империя унаследовала морские традиции античного Рима, однако эта история принадлежит уже иному периоду прошлого — средневековью.

Утверждение, что римляне были рождены лишь для подвигов на суше и были исключительно сухопутным народом, по сути дела — один из научных трюизмов. Его действительно трудно опровергнуть, однако все свершения великой державы на земле не отвергают того факта, что римляне вписали не одну страницу в летопись всемирной морской истории. То, что они совершили на морях, крайне редко было самоцелью, однако от этого не становится менее значимым.

Более того, детальный анализ позволяет утверждать, что Римская империя с полным правом может быть причислена к числу ведущих морских держав всех времен и народов. Однако пришли к этому состоянию римляне нелегким и не самым прямым путем. Более того — само определение «морского» или «сухопутного» народа всегда нуждается в конкретизации. В мировой истории были этносы, которые никогда не имели выхода к морю и, соответственно, не получили ни одного шанса проявить свои задатки мореходов: например, чехи, швейцарцы, многочисленные народы глубинной Азии. В то же время народы, чья жизнь протекала на морском или океанском побережье, порой, даже располагая всем необходимым для совершенствования своей морской практики, так и оставались на зачаточной стадии ее развития.

Быть может, наиболее отчетливо демонстрирует модель отношения к морю в греческой культуре эпизод из Ксенофонта, когда греческий отряд, после долгого и исполненного опасностей и лишений пути по горам Армении, наконец выходит к морскому побережью. Искренняя радость греческих воинов была обусловлена не только и не столько тем, что открывшаяся их взору картина напоминала пейзажи родины — в гораздо большей степени их вдохновила, безусловно, сама возможность *доплыть* домой. Попытаемся представить на их месте римских легионеров — вряд ли можно было бы ожидать от них слез радости. Скорее всего, ход мыслей был бы примерно таким: «стоило преодолеть столько испытаний, чтобы в результате мучиться от морской болезни». По меньшей мере с гомеровских времен ставшие классическим «народом моря», греки прочно усвоили архетип отношения к морской стихии, в корне отличный от того, который был свойствен римлянам. Показательна и знаменитая фраза, сказанная однажды Марком Порцием Катоном. Он как-то заметил, что одним из трех своих поступков, в которых он раскаивается, является тот случай, когда он однажды сел на корабль, хотя имел возможность пойти пешком. Комментарии, как говорится, излишни.

И вместе с тем поразительно, что одним из символов Рима стала именно роstralная колонна — столп, унизанный носовыми оконечностями таранных судов противника. Сухопутное мышление римлян тем более контрастирует с тем, что трибуна для выступлений на римском Форуме также была украшена корабельными рострами. В общем, пусть читатель сам решит для себя старую, как Рим, проблему: сухопутным или морским народом были римляне.

ГЛАВА I П Р Е Д Ы С Т О Р И Я . У Ч И Т Е Л Я И П Р Е Д К И

Crede experto
(Верь опытному)

Геополитические предпосылки вступления римлян в войну на море — Природно-географическая характеристика Италии и прилегающих акваторий — Невыгодность ее положения в сравнении с Грецией — Греческое влияние на развитие римской мореходной культуры — Этруски и их воздействие на римское морское искусство — Проблемы истории этрусской талассократии — Технические нововведения этрусков в области морского дела — Феномен этрусского пиратства.

Уже в III столетии до н. э. экспансионистские притязания Рима вышли далеко за пределы Апеннинского полуострова. В сфере интересов растущего и набирающего мощь государства оказались практически все географические направления.

Рим стремился утвердить свое преобладание на южных берегах Средиземного моря, войдя в чрезвычайно жесткую и бескомпромиссную конфронтацию с Карфагеном. Это государство стало главным камнем преткновения на пути римлян к практически мировому господству. В связи с этим предельно четко обозначились притязания римлян на североафриканское побережье, которое в результате Пунических войн стало чрезвычайно важной составной частью колониальной системы римских владений.

На западе привлекательной целью была территория Пиренейского полуострова. Причин тому было несколько. Разнообразный ландшафт, способствовавший различным формам хозяйства, наличие полезных ископаемых, весьма многочисленное население делали этот громадный регион лакомой добычей. Помимо этого существовали еще две немаловажные причины для завоевания западных территорий. Во-первых, Испания была одной из важнейших баз Карфагена — баз, с которых осуществлялась экспансия против Рима и, в любом случае, исходила потенциальная угроза. Одновременно контроль над полуостровом давал прочное основание для контроля над всеми западными торговыми путями, выходившими через Геркулесовы Столпы из Средиземного моря в Атлантический океан. Главной их целью были берега Британии, располагавшей оловом, все еще, несмотря на доминирование железа и вытеснение им бронзы, не утратившим значения стратегического сырья в античном мире.

Север все отчетливее становился предметом устремлений Рима в силу того, что явно обозначался перелом в истории противостояния двух цивилизаций — античной и кельтской. Кельты не сумели модернизировать собственное общество до необходимых — прежде всего социальных — стандартов. Тех стандартов, которые помогли бы выстоять в борьбе с усиливающимся Римским государством — своего рода образцом и эталоном военно-административного устройства того времени. Следствием этого был постепенный, но неуклонно трагичный для кельтских племен путь отступления под натиском превосходящих сил римлян. Целью северной агрессии Рима была, разумеется, прежде всего, Галлия — богатая и чрезвычайно удобная практически для любой формы использования территория, ставшая позже едва ли не важнейшей провинцией Империи на европейском континенте.

Наконец, наиболее естественным и закономерным путем экспансии Рима неиз-

бежно становилось восточное направление. Завоевание Греции, этого созвездия блестящих и богатых полисов, бывших на тот момент вершиной развития цивилизации, на определенном этапе для римлян становилось практически неизбежным. Оно диктовалось как насущной необходимостью непосредственной качественной трансформации собственной культуры, так и очевидной несовместимостью сообщества свободных и мощных государств Восточного Средиземноморья с растущим агрессором в центральной его части. Внутренняя структура Римской Республики, а уж тем более Империи, просто не предполагала наличия в пределах досягаемости ее интересов таких своеобразных форм автономии, какими были греческие города-государства. Одновременно экспансия в Грецию открывала перспективу дальнейшего продвижения на Восток — перспективу, пределы которой не были лимитированы никакими географическими рамками и определились, как показала история, лишь балансом усилий римлян и противодействующих им племен и государств Ближнего и Среднего Востока.

Таким образом, к III в. до н. э. притязания Рима распространялись на весьма далекие от Вечного города территории. Между тем сама Италия — ядро и основа великого государства — всегда оставалась основой римской экономики, базой экспансии римских армий, безальтернативным (вплоть до последнего времени Империи) центром политической жизни и административного управления римского государства, а также главным и основным очагом римской культуры.

Кроме того лишь характеристика собственно Италии может дать представление о том, в каких условиях возникало государство римлян и что определило известное своеобразие его внутреннего устройства и цивилизационных характеристик, игравших существенную роль в его дальнейшей истории.

Апеннинский полуостров, на котором локализовался центр будущей державы, представляет собой средний из трех крупных полуостровов (Пиренейского, Апеннинского и Балканского), глубоко врезающихся с севера в Средиземное море и делящих его — вместе с островами Корсика и Сардиния — на четыре больших акватории. Италия тянется с северо-запада на юго-восток узкой полосой, общая протяженность которой — около 1 тыс. км. Наибольшая ширина собственно полуострова при этом — не более 150 км. Общая площадь полуострова — свыше 300 тыс. км кв. На севере естественным географическим барьером для Италии служат Альпы — горы, большой подковой отграничивающие территорию полуострова от остального континента. Несмотря на то, что непреодолимой преградой для вторжений извне Альпы отнюдь не являлись — это продемонстрировали как кельтские нападения, так и походы Ганнибала, а также последующие многочисленные интервенции германских племен, — все же они создавали определенные предпосылки для изоляции полуострова с севера, по крайней мере, «фильтруя» потенциальных агрессоров. Наиболее проницаемой была восточная часть Альп, обращенная к Южной Галлии и Испании — так называемые Юлийские Альпы.

Крупнейший остров вблизи итальянских берегов — Сицилия, отделенная от Апеннинского полуострова столь незначительным Мессинским проливом, что фактически может рассматриваться как непосредственное продолжение его самого. Сицилия же, в свою очередь, весьма близко в южной своей части — всего на 150 км — подходит к североафриканскому побережью. Полоса суши Италия—Сицилия—Северная Африка является наиболее «узким местом» Средиземноморья, с одной стороны, отчетливо перегораживающим бассейн моря, с другой —

создающим предпосылки к надежной связи его северного и южного берегов. Путь каботажного плавания вдоль берегов в сочетании с относительно несложным даже для примитивного мореплавания «скачком» через пространство открытого моря был наиболее логичным направлением меридиональных связей в этой части Средиземноморья.

С запада полуостров омывается Тирренским (или Нижним) морем, с востока — Адриатическим, с юга — Лигурийским. Чрезвычайно характерная черта Апеннин и близлежащих акваторий — бедность их прибрежной зоны островами. Близ восточного побережья полуострова их почти совсем нет. На юге — только крупная Сицилия, которая лишь номинально является островом, будучи географически неразделима с Италией. Определенным ее аналогом на западе являются Сардиния и Корсика, однако они слишком далеко отстоят от побережья полуострова и реально практически не могли влиять на раннее становление мореплавания. К северу от Сицилии расположены группы мелких Дилерских и Эгатских островов. Вблизи западных берегов расположен лишь ряд небольших островков: Ильява (ныне Эльба), Капреи (соврем. Капри) и др.

Напомним, что полуостровная территория Греции была окружена огромным количеством мелких островков, образующих весьма плотную «вуаль», окружающую Балканский полуостров и тянущуюся до берегов Малой Азии. Наличие тысяч заселенных островов, расположенных в пределах непосредственной видимости, создавало предпосылки бурного развития мореплавания, морской торговли и переселений водным путем. Перемещение на кораблях по чрезвычайно благоприятному для этого морю было намного проще и логичнее, чем преодоление гористых ландшафтов по суше. Непрерывная цепь островков, связывающая Балканы с азиатским берегом, способствовала многосторонним культурным контактам, сопровождавшимся активным развитием собственной цивилизации. Таким образом, территория Греции и прилегающих архипелагов была идеально приспособлена для прогресса всех форм морской активности человеческих сообществ — от рыболовства до широкомасштабной морской колонизационной агрессии. Не случайно уже во II тыс. до н. э. именно в этой зоне возникают «талассократии» — архаические империи, власть которых основывалась на безраздельном господстве на морских коммуникациях. Преимущества собственных мореходческих способностей греками были талантливо сохранены и приумножены; благодаря этому им удалось отстоять собственную независимость в борьбе с восточными деспотическими режимами — прежде всего Персидской монархией. И, вероятно, не будет преувеличением сказать, что окончательный закат греческой цивилизации как самостоятельного исторического феномена в ходе римского завоевания в значительной степени был обусловлен невозможностью активного и полномасштабного использования сил флотов в условиях почти исключительно сухопутных кампаний, навязывавшихся римскими легионами.

На этом фоне чрезвычайная бедность итальянского побережья островами была отнюдь не на руку развитию здесь судостроения и мореходства. Одна из важнейших природно-географических предпосылок совершенствования морского дела, каковую Греция имела в виде своего островного мира, в Италии отсутствовала. При этом важно не только отсутствие прибрежных островов, но и островных цепей, связывающих полуостров с другими регионами Средиземноморья. Это обстоятельство обрекало все итальянские племена на каботажное плавание вдоль

берегов самого полуострова, делая чрезвычайно затруднительным преодоление открытых морских пространств. На фоне своих соседей — греков и карфагенян — племена Апеннинского полуострова располагали несомненно худшей природно-географической «наследственностью», в силу чего долго не могли составить своим соперникам адекватной конкуренции на море.

В столь же неудачном направлении воздействовала на развитие морского дела береговая линия Апеннинского полуострова. Несмотря на существенные размеры Апеннин, протяженность его берегов сравнительно невелика и ни в какое сравнение не идет с аналогичным показателем для южной части Балкан, располагающих чрезвычайно изрезанной и извилистой конфигурацией границ моря и суши. Берега Италии, напротив, чрезвычайно мало изрезаны и весьма неудобны для мореплавания. На побережье Адриатического моря почти нет удобных бухт, а берега, изобилующие отмелями и лагунами, не слишком приспособлены для причаливания кораблей: довольно часты крутые обрывы, исключаящие удобную выгрузку и погрузку корабля. Почти не отличаются в этом смысле в лучшую сторону южное и западное побережья Италии, однако на Тирренском и Ионийском побережьях уже существенно больше подходящих глубоких бухт и заливов. Неудивительно, что именно здесь совершенствование мореплавания шло более быстрыми темпами. На западе в средней части полуострова (в провинции Кампания) имеются особенно хорошие бухты. Не случайно такое совпадение приемлемых географических факторов и территории формирования в центральной части Апеннин государства римлян сыграло в последующие времена на руку последним.

Строением поверхности полуостровов столь же существенно отличается от Греции. Юг Балкан во всех направлениях изрезан горными цепями, создающими множество почти изолированных областей, сообщение между которыми порой чрезвычайно затруднено. Италия же располагает одной мощной горной цепью, протянувшейся вдоль полуострова с северо-запада на юго-восток — собственно Апеннинскими. И если в северной своей части они труднопроходимы и достигают высоты 4800 м, то к югу становятся все более пологими и низкими, в конце концов, ближе к южной оконечности полуострова, разделяясь на несколько отлогих горных цепей, расходящихся в разных направлениях. В Италии в силу этого почти нет замкнутых географических областей, за исключением отдельных небольших районов на северо-западе и в центральной части, это с древнейших времен располагало к контактам и перемещениям людей и товаров внутри полуострова сухопутным способом, т. е. отчетливо поощряло развитие сухопутных коммуникаций. Бурный прогресс мореплавания в этом случае становился если не излишним, то, по крайней мере, избыточным элементом развития цивилизации.

Древняя Италия располагала значительными водными ресурсами. Речная система ее была достаточно богата. Крупнейшей водной артерией была расположенная на севере полуострова, в Цизальпинской Галлии, река Падус (соврем. По), имевшая целый ряд судоходных притоков: Большая и Малая Дурия, Тицин, Требия и Парма. Разветвляясь на рукава и образуя дельту, Падус впадал в Адриатическое море. Сюда же стремились и другие реки восточного побережья: Рубикон, Метавр, Ауфид в области Апулия. В западном направлении протекали Арно (Arno) в северной части Этрурии, Тибр, Лирис в Лации и Вольтурн. В древности все эти реки были намного полноводнее, чем в настоящее время. В пе-

риод таяния горных снегов даже небольшие реки бурно разливались, заболачивая местность. Особенно это было характерно для рек западного побережья: с древнейших времен были широко известны и считались непроходимыми Тосканские и Помптинские болота — соответственно в устье Арно и Тибра. Тибр, служивший границей трех областей — Лация, Умбрии и Этрурии, — в чисто географическом плане практически ничем не выделялся среди прочих рек Италии. Долины рек Апеннинского полуострова были освоены людьми в глубокой древности, причем освоение это сопровождалось порой заметным изменением ландшафта: в речных долинах обнаружены следы древнейших ирригационных сооружений, позволявших регулировать водосток и использовать водные ресурсы более рационально.

В Северной и Средней Италии было много озер: в Альпах — Вербан (соврем. Лаго Маджоре), Бенак (Гарда), в Этрурии — Тразименское, в Лации — Регильское и Альбанское, в Самнии — Фуцинское озеро. Наличие большого количества внутренних водоемов и водотоков, к тому же достаточно полноводных, несомненно, располагало обитателей Италии к их освоению. В силу этого развитие малого судостроения имело под собой весьма прочную базу — производство небольших лодок и малых судов для внутреннего, прежде всего грузового и коммерческого, сообщения зафиксировано с древнейших времен. Однако внутренние водные пути лишь дополняли вполне пригодные для использования сухопутные коммуникации, не создавая им ощутимой конкуренции. К тому же развитие судостроения для внутренних сообщений, как правило, имеет мало общего с прогрессом морского дела — слишком различаются условия плавания и, как следствие, требования, предъявляемые к кораблям и экипажам. Равнинные реки и озера Италии, следовательно, ни в коей мере не могли послужить серьезной предпосылкой для развития судоходства открытых акваторий.

Чрезвычайно богатый природный мир Италии обусловил богатство выбора, предоставляемого человеку для собственного жизнеобеспечения. Южная часть полуострова лежит в зоне вечнозеленой субтропической растительности. Как флора, так и фауна Апеннин изобиловали видами, пригодными для многостороннего использования их человеком. В дикорастущем состоянии здесь были представлены все основные сельскохозяйственные культуры средиземноморского «джентльменского набора».

Несмотря на то, что большинство областей полуострова не отличаются экстраординарным плодородием, почва Апеннин создает в целом прекрасные условия для земледелия и скотоводства. Так, плодородная долина Падуса была одной из самых древних областей земледельческой культуры. Красноземы Этрурии также выделялись своим качеством и привлекали земледельческое население. Вулканическая почва Лация, Кампании и Сицилии весьма щедро вознаграждала труд обрабатывавших ее людей. Южная Италия издревле славилась прекрасными пастбищами. В результате пригодной для эффективной обработки земли на Апеннинах было намного больше, нежели в Греции. Это, в свою очередь, приводило к тому, что земля давала больше возможностей для поддержания жизнедеятельности и нужда в дополнении ее плодов дарами моря была выражена не столь отчетливо. При этом обильные рыбой и моллюсками моря и внутренние водоемы создавали предпосылки для активного промысла, каковой, собственно, всегда и осуществлялся. Однако он никогда не достигал по своему удельному весу столь существенных величин, как в Греции. Существенным привлекательным

моментом морского побережья Тарентинского залива, кроме того, был промысел пурпура, в изобилии добывавшегося из местных раковин; впрочем, это мало влияло на развитие собственно мореходства.

Наличие в Италии запасов (впрочем, не слишком больших) полезных ископаемых—меди и золота в Альпах, железа и олова в Этрурии, серебра в Бруттии, мрамора в Апеннинских горах, керамической глины в Кампании, а также огромные запасы леса, в значительной степени сведенного в последующие столетия, — все это создавало предпосылки динамичного развития ремесленных навыков населения. В результате индустриальный сектор древней Италии был не менее эффективен, чем ее сельское хозяйство. Одновременно относительное богатство Италии металлами и лесом приводило к тому, что она не была в такой степени, как Греция, связана с внешним миром насущной необходимостью импортировать хлеб, строевой лес, кожу и многие другие виды сырья. Соответственно, хозяйство полуострова в гораздо меньшей степени нуждалось во внешнем обмене и могло более долгий срок оставаться относительно натуральным и замкнутым.

Любопытно, что в устье Тибра располагались места древнейшей добычи соли — еще одного важнейшего стратегического продукта древности. Наличие солевых варниц обусловило как богатство этого региона, так и притязания на него соседей. Собственно, главным и основным стимулом к выходу древнейшего Рима на берег моря и была борьба с соседями за контроль над этим участком: именно захват соляных промыслов, а не сам по себе контроль за устьем Тибра и возможные претензии на морское доминирование, был определяющим в экспансии римлян вдоль течения своей главной реки. Логика экономической борьбы и де-лежа сырьевого рынка вывела римские войска на берег моря — все дальнейшее было уже следствием этого выхода.

Определенное своеобразие вносила и геополитическая обстановка вокруг Италии. Весьма удаленный от Малой Азии, и тем более от Ближнего Востока, полуостров не был, подобно Балканам, погружен в пучину многообразных и активных контактов с древневосточными цивилизациями — контактов, явившихся определяющими для прогресса цивилизации греков. Высокоразвитый образец для подражания в Италии был только один: греческие колонии Сицилии и юга Апеннинского полуострова. Непосредственные связи собственно с Грецией были до известной степени затруднены как удаленностью полуостровов друг от друга и отсутствием промежуточных архипелагов, так и неблагоприятным характером восточно-италийского побережья. К тому же западная часть Балканского полуострова всегда несколько отставала от восточной, в результате чего ближе всего к Апеннинам находились относительно слабо развитые греческие государства.

Характеризуя начало морской истории Рима, мы не можем упускать из поля зрения чрезвычайно важное обстоятельство. В течение очень долгого времени сам Рим был весьма заштатным государством, в истории которого мало что предвещало как непомерные амбиции грядущих веков, так и, еще менее, их блестящую реализацию и воплощение. Глядя на Италию, скажем, VI в. до н.э., вряд ли кто-нибудь из просвещенных современников мог разглядеть на холмах по берегам Тибра ядро будущей столицы мира. Несомненно, многие соседи могли показаться гораздо в большей степени соответствующими этому великому будущему. Во всяком случае, Этрурия в тот момент представляла собой, по крайней мере внешне, гораздо более величественное зрелище.

Но Рим не только был заштатным государством — он был государством сухопутным. Проблемы адриатического побережья, равно как и прочих побережий Италии, оставались чрезвычайно далекими для римлян, не имевших даже собственного выхода к морю и до времени не слишком к нему стремившихся. Соседние племена, территория которых выходила к побережью, порой располагали неизмеримо более надежными познаниями в области судостроения и мореплавания, как теоретическими, так и практическими. Не случайно еще очень долго римский флот был — и по составу, и по сути — флотом не столько римским, сколько союзническим. Он служил таким же «ауксилиарным» дополнением легионов, каким часто была придававшаяся легиону союзная конница.

Говоря о слабых предпосылках мореплавания в принципе, мы должны помнить, что многие племена в Италии все же располагали флотами — как торговыми, так и боевыми. На общем фоне, без сомнения, ярко выделяются этруски. Их роль в становлении итальянского мореходства невозможно переоценить.

Подводя итог географической характеристике Италии, следует отметить противоречивый характер предпосылок образования будущей мировой империи применительно к морскому театру действий. Несомненно, что физические особенности природы полуострова и характер его политического и экономического окружения отчетливо затрудняли здесь развитие мореходства. В течение очень долгого времени в активном его развитии просто не было острой нужды, так как совершенствование сухопутной экономики давало больший эффект, а основополагающие приоритеты прогресса племен Апеннинского полуострова концентрировались вокруг решения внутренних проблем. Существенным фактором было отсутствие явно выраженной внешней угрозы — как сухопутной с континента, так и морской. В самом деле, лишь с началом кельтских завоеваний в V-IV вв. до н. э. возник отчетливо осознаваемый источник опасности на севере. Что же касается интервенции с моря, то вплоть до пирровых и Пунических войн, т.е. до III в. до н.э., попыток ее совершить практически не было. Отношения племен Италии с греческими колониями Юга вряд ли можно назвать безоблачными, однако противостояние здесь — вплоть до начала активной экспансии Рима — никогда не было слишком ожесточенным.

В то же время сухопутная ориентация, преобладавшая во внешней политике Рима изначально, позволила сконцентрироваться именно на этом направлении собственного развития и достаточно рано до совершенства отшлифовать материальную базу и организацию сухопутной экспансии.

При этом необходимо отметить, что центральное положение Апеннинского полуострова в Средиземном море имело чрезвычайно важное значение. Благодаря ему Италия оказывалась в наиболее выгодной стратегической позиции на море. Подобно тому, как центральное положение Рима в рамках полуострова давало ему преимущество в ходе подчинения прочих племен Италии, сама Италия, находясь на пересечении континентальных коммуникаций, контролировала широтные и меридиональные связи в рамках Средиземноморья. Локализуясь в центре акватории, римские силы, в том числе и морские, коль скоро они возникли, могли успешнее действовать, разъединяя своих противников и препятствуя созданию единого фронта противостояния римской экспансии.

Можно сказать, что условия Италии мало благоприятствовали зарождению у римлян самостоятельной традиции морских сообщений и возникновению боевого

флота. В этом не было тактической необходимости до тех пор, пока Рим решал локальные задачи самоутверждения, подчинения соседей и союзников и покорения врагов на полуострове. Но как только римляне перешли к решению задач стратегического порядка и обратили свои взоры за пределы родного полуострова, ситуация коренным образом изменилась. Географическое положение дало им колоссальные преимущества, а наложение опыта соседей-мореходов на собственный — не слишком существенный — опыт судостроения и судовождения принес весьма ощутимые и очень быстрые плоды. В течение считанных лет Римская республика превратилась из сугубо сухопутного государства в мощную морскую державу, способную на равных противостоять любому сопернику в Средиземноморье и создавать принципиально новые традиции морского боя. Именно эта блестящая способность к быстрой обучаемости и гибкое использование собственного и чужого опыта стали залогом безраздельного доминирования римлян в античном мире, залогом превращения Средиземного моря в *mare nostrum* — внутреннее море Империи.

Чрезвычайно существенным фактором, наложившим отпечаток не только на формирование морских сил и амбиций Рима, но и на всю историю Римского государства, стал факт существования к востоку от Италии, все в том же Средиземном море, мощнейшего культурного очага, каковым была греческая цивилизация.

Существенно, что еще до наступления эпохи классики в самой Элладе греки начали масштабную колонизацию порой весьма удаленных от их метрополии земель, располагавшихся на побережьях Средиземного моря и морей, образующих его бассейн. Собственно, сам расцвет классической Греции и небывалые высоты, достигнутые ее материальной и в особенности духовной культурой, были в громадной степени обусловлены именно наличием мощной периферии, обеспечивавшей континентальную и островную Грецию пищевыми ресурсами, сырьем, рабами, а также создававшей достаточно емкий рынок для греческих товаров — в лице как самих греков-колонистов, так и необозримой массы варварских племен. Иными словами, без колонизационной активности и сложения устойчивой дихотомии и симбиоза полисов метрополии и городов-колоний величие греческого мира вряд ли приобрело бы известные нам масштабы и оказало серьезное воздействие на параметры всей античной цивилизации. Наиболее существенными и масштабными для греков всегда оставались два основных направления колонизационной активности — северо-восточное и западное.

В первом случае целью колонистов являлись берега Черного моря. Возникшие здесь полисы — Ольвия, Херсонес Таврический, Боспор Киммерийский, Томи, Фанагория и множество других, став достаточно могущественными и экономически развитыми единицами, играли существенную роль в снабжении собственно Греции хлебом, вином, соленой рыбой и прочими товарами. Многие области — в частности, сама Аттика — в отдельные периоды времени практически полностью зависели от импорта многих элементов «потребительской корзины» из Причерноморья и Таврики.

Западное направление греческой колонизации было в определенной — весьма, заметим, серьезной — степени стеснено наличием здесь столь сильного на тот момент государства-хищника, каковым являлся Карфаген. В результате поле коло-

низационной активности сужалось, что, однако, не помешало греческим полисам создать в центральной и западной частях Средиземного моря ряд мощных городов, игравших на протяжении нескольких веков большую роль в жизни эллинского мира. Основными регионами греческой колонизации на Западе оставались Сицилия, юг Италии и южное побережье Галлии.

Колонизационная активность всегда была тесно связана с особенностями внутренних политических и экономических коллизий греческого мира. В конце VII в. до н. э. в Малой Азии и Балканской Греции произошли серьезные политические изменения, давшие ощутимый импульс греческой колонизации во всех направлениях, но особенно в западном. В этот период Малая Азия становится объектом экспансии мидян и персов. На Пелопоннесе достигает кульминационной фазы конфликт между спартанцами и мессенцами.

В колонизации Италии принимали участие многие греческие государства, но первопроходцем, безусловно, был полис Халкида, располагавшийся на прилегающем к Средней Греции острове Эвбея. Уже в 775 г. до н. э. халкидяне обосновались на островке Питекуссы (Искья) в Неаполитанском заливе, превратив его в один большой эмпорий, отличавшийся неослабевающей торговой активностью. Судя по археологическим данным, материалу многочисленных гробниц, исследованных в середине и второй половине XX в., можно составить представление о том, что занимавшие Питекуссы халкидские колонисты в 775-700 гг. до н. э. практически держали в своих руках торговлю между Восточным Средиземноморьем и Центральной Италией. Материал погребений изобилует предметами восточного происхождения, совершенно идентичными тем, что содержатся в богатых погребениях этрусков.

Это, в частности, смогло развеять бытовавшее некогда убеждение в том, что предметы роскоши с явным восточным влиянием, находимые в Лации и Кампании, являясь свидетельством проникновения сюда этрусков и даже этруской колонизации этих земель. Раскопки на Питекуссах явственно продемонстрировали, что большая часть восточных импортов в Италию VIII в. до н. э. — несомненное свидетельство коммерческой активности греческих обитателей Питекусс, а после их переселения в Италию — обитателей города Кумы.

Согласно античной традиции, Кумы были древнейшей греческой колонией в Италии. Она была основана выходцами из эвбейской Халкиды в середине VIII в. до н. э. Халкидяне Питекусс не участвовали в основании Кум, но они, по свидетельству Страбона, переселились во вновь основанную колонию — сначала из-за раздоров, а затем вследствие землетрясения и других стихийных бедствий. Это переселение, сопровождавшееся значительным притоком населения и случившееся, судя по археологическим данным, в начале VII в. до н. э., способствовало необычайному усилению Кум.

В период существования поселения халкидян на Питекуссах и халкидской колонии в Кумах этруски были чрезвычайно заинтересованы в торговле с пришельцами и не оказывали им противодействия. Несколькими десятилетиями позднее ситуация, однако, изменяется. В VI в. до н. э. этруски становятся противниками халкидян и других греков — тогда, когда они сами основывают в Кампании города, объединяющиеся в знаменитое «двенадцатиградье».

Вслед за халкидянами в колонизации Италии и прилегающих к ней островов принимают участие выходцы из города Книд на побережье Малой Азии, а

также обитатели острова Родос. Около 580 г. до н. э. книдско-родосские колонисты обосновываются на Липарских или, как их называли сами греки, Эолийских островах.

Этруски вели с греческими колонистами Липарских островов морскую войну, сведения о которой восходят к сицилийскому историку V в. до н. э. Антиоху Сиракузскому. Помимо этого весьма существенная, хотя и чрезвычайно краткая, характеристика этого конфликта содержится у Страбона, который сообщает следующее: «Прежде Липара называлась Мелигунидой. Она стояла во главе флота и долго оказывала сопротивление набегам тирренов». Из сообщений Диодора Сицилийского о порядках, установленных липарцами из-за нападения этрусков (передел земли, продукты с которой потреблялись всеми гражданами на общих обедах, постоянное участие боеспособного населения в охране островов от этруских набегов), можно сделать совершенно убедительный вывод о том, что речь шла не о случайных набегах любителей наживы, а о настоящей и достаточно широкомасштабной морской войне.

Об этой войне рассказывает и Павсаний, повествуя, в частности, об одном из сражений обитателей Эолийских островов с этрусками: «Пифия велела липарцам вступить в сражение с флотом тирренов, как бы мало они ни имели кораблей. И вот они выступили против тирренов, имея всего пять триер. Тиррены сочли для себя позором, если в морском деле уступят липарцам, и поэтому выступили против них с равным числом кораблей. Липарцы захватили эти их корабли и вторые пять, которые выступили против них, затем третью пятерку, равным образом они захватили и четвертый отряд из пяти кораблей». Из описания Павсания можно заключить, что в морской войне этрусков с липарцами ошутимый военный перевес все же был на стороне первых. Героический подвиг неизвестных липарских мореходов, судя по всему, являлся для этой войны скорее исключением из правил. Этрусский флот должен был настолько превышать число липарских кораблей, что этруски могли решиться на такой вполне «рыцарский» жест, как сражение на равных условиях с более слабым противником.

Одновременно этот вывод находится в определенном противоречии с постоянно употреблявшейся характеристикой этрусков как пиратов, каковая стандартна для греческих авторов той эпохи. Пиратская тактика, предполагающая внезапные нападения на неподготовленного и разрозненного противника с последующим отступлением, мало похожа на вполне правильные и регулярные сражения, которые встают перед нами со страниц сообщений античных историков. Возможно, на эту войну, о которой существуют более или менее подробные сведения, экстраполировалась тактика этрусков, применявшаяся в иные периоды сосуществования греческих и этруских городов. Однако приведенные свидетельства демонстрируют, что и в греческих колониях Запада сталкивались с противником, исповедующим тактику регулярного и, судя по всему, вполне квалифицированного морского боя. Кроме того, постоянная война с липарцами предполагает, что флот этрусков базировался не только в известных гаванях Эфалии и Пирги, а имел, кроме того, более или менее постоянные якорные и швартовые стоянки также и в колонизованной этрусками Кампании.

Борьба между этрусками и липарцами велась в 580-560 гг. до н.э., т.е. до того времени, как в водах Тирренского моря появились более опасные для мест-

ных племен, и этрусков в особенности, соперники — фокейцы. Согласно Геродоту, фокейцы вообще «первыми среди эллинов пустились в далекие морские плаванья и открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс». Вряд ли это вполне справедливо. Сообщение Герододота об «открытии Тирсении» фокейцами сомнительно, поскольку находится в противоречии со свидетельствами античной традиции о захвате халкидянами Питекуссы и основании Кум. Однако, видимо, колонизационная активность фокейцев в 6 в. до н. э. была столь значительна и широкомасштабна, что более ранняя колонизация либо забывалась, отодвигаясь в мифологическую даль, либо полностью приписывалась новым «хозяевам морей».

Достигнув Тартесса, фокейцы, согласно Геродоту, вступили в дружбу с царем этой страны Аргантонием, который им посоветовал «покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно». Однако переселенцы предпочли далекому Тартессу более близкую Италию **PI** острова Тирренского моря, а также побережье, заселенное племенем лигуров. Последовательность заселения этих территорий фокейцами недостаточно ясна. Согласно Геродоту, ранее всего была основана фокейская колония Алалия на острове Кирне (Корсика), куда через 20 лет нахлынула новая, и гораздо более крупная, волна фокейских колонистов. Затем, после разгрома в морском сражении при Алалии, фокейцы отступили на юг Италии, где основали город Гиелу. Несмотря на то, что Геродот знал о существовании Массалии (Марселя), располагавшейся в Лигурии, он не сообщает тем не менее о ее основании фокейцами.

Согласно иной версии фокейской экспансии, которая восходит к греку Тимею, конечной ее целью была Массалия. При этом промежуточными пунктами на пути к ней выступают Эфес и Италия. В Эфесе, как сообщает Страбон, фокейцы захватили с собой деревянное изображение Артемиды, культ которой был учрежден впоследствии в Массалии и других фокейских колониях. В Италии, как информирует нас Юстин, фокейская молодежь вошла на кораблях в устье Тибра и установила дружеские отношения с римлянами. Это событие Юстин датирует «временем царя Тарквиния».

Фокейская колонизация для местного населения Италии, прежде всего для этрусков, имела принципиально иное значение, нежели экспансия халкидян. Последние, расселившись и обосновавшись в непосредственной близости от этруских владений, стали посредниками в их торговле металлом и рабами. Фокейцы же пытались перерезать пути этруской торговли на запад и вытеснить их с территорий, в которых были заинтересованы этруски. На смену относительно удачному на первых порах симбиозу пришла открытая конфронтация.

В результате этого началась этруско-фокейская война, в которую был втянут — на стороне этрусков — также и Карфаген. Союзники выставили по 60 кораблей. Фокейцы же смогли противопоставить им лишь 60 судов. В водах близ острова Корсика произошло сражение, условно называемое битвой при Алалии (535 г. до н. э.). Несмотря на численное неравенство, фокейцам удалось избежать поражения. Однако Геродот предпочитает говорить о том, что фокейцы стяжали «кадмову победу» — именно в том смысле, в котором стало употребляться впоследствии выражение «пиррова победа». Активная наступательная тактика, использованная греками в этом сражении, привела к тому, что они быстро захватили инициативу в свои руки. Более маневренные суда фокейцев, пользуясь

этим преимуществом, нарушали строй противника и атаковали его с различных углов, нанося ощутимые потери. Однако прочные корпуса этрусских и в особенности карфагенских кораблей в сочетании с отчаянным сопротивлением союзников сделали свое дело. Греки понесли тяжелейшие потери, поставившие под вопрос сам факт их победы. Фокейцы лишились 40 кораблей, а оставшиеся 20 потеряли боеспособность из-за утраты собственных ростров. Фокейцам пришлось вернуться в Алалию и, погрузив на корабли жен и детей, отплыть на юг Италии, где они основали колонию Гиела.

Такова версия, которую излагает Геродот. Рассказ Геродота о битве при Алалии давал основание думать о крушении фокейского могущества на западе: разгроме флота и уходе фокейцев с Корсики. Однако раскопки некрополя близ Алерии (древнейшая Алалия) внесли некоторую ясность в так называемую «загадку Алалии». Материал погребений 500–340 гг. до н. э. не дает оснований говорить о преобладании в это время на острове этрусков. Аттическая посуда составляет около четверти всей керамики, в то время как этрусская керамика достаточно редка. Металлические изделия, составляющие немногим менее половины всех находок, характеризуют скорее местное, но никак не этруское ремесло. В обработке металлов отчетливо прослеживаются иберийские, а не этрусские традиции. Немногочисленные надписи с именами этрусков — *sethnlia* и *kailes* — наряду с другими данными говорят о развитии Корсики после Алалии по самостоятельному и не зависящему от этрусков пути, отмеченному преобладанием греческого и иберийского влияния.

В этом контексте следует обратить внимание и на определенные несообразности в самом рассказе Геродота. Так, сразу возникает вопрос: могли ли 20 кораблей, сохранившихся после разгрома, перевезти фокейскую колонию — вместе с женщинами, детьми, рабами, скотом и имуществом? Коль скоро этруски и карфагеняне сохранили значительную часть своего флота, что могло помешать им довершить разгром фокейцев, захватить их немногие сохранившиеся корабли и обратить их команды и пассажиров в рабство? Наконец, почему Геродот, рисуя фактически картину победы (по крайней мере численной) этрусков и карфагенян, в то же время употребляет выражение «кадмова победа» в значении «пиррова победа»?

Очевидно, что этрускам не удалось добиться захвата Корсики и их победа над фокейцами была неполной и, более того, после 535 г. до н. э. начинается постепенный, но вполне ощутимый упадок этрусского влияния. Проследить этот упадок можно на основании как письменной традиции, так и данных археологии. На территории самой Этрурии увеличивается влияние греческой культуры. Город Цере после битвы при Алалии устанавливает игры наподобие олимпийских или пифийских, что Геродот объясняет, в частности, предписанием Дельф в наказание за убийство беззащитных фокейских моряков. Однако это объяснение противоречит известному правилу «победителей не судят» и свидетельствует о том, кто именно преобладал в регионе в тот момент и диктовал свои условия. Кроме того, почти одновременно и без какой-либо связи с расправой над пленниками на территории Этрурии возводятся греческие храмы. Наконец, с 520 г. до н. э. можно говорить уже о подлинном засилье греков в Этрурии. Обосновавшись в этрусских портах, они захватывают торговлю с западом, которая в то же время обогащала и этрусков. Складывается новый симбиоз греческих и этрусских

городов, несколько отличающийся по своим характеристикам и составу, однако не менее, судя по всему, выгодный для обеих сторон.

Вне всякого сомнения, наиболее мощной и организованной силой в Италии в конце первой половины и в середине I тыс. до н. э. были этруски — могущественный и до сей поры загадочный народ. Именно они стали, с одной стороны, наиболее серьезными соперниками Рима в первый период его существования, но с другой — и одними из наиболее последовательных его «учителей». Существенный масштаб деятельности этрусков был придан, прежде всего, их немалым значением и весом на море. В локальном центрально-средиземноморском регионе этруски представляли важную силу, с наличием и угрозой которой до определенного времени приходилось считаться всем, в том числе и столь успешным и опытным «пенителям морей», каковыми были греки и карфагеняне.

Как писал Тит Ливий, «Империя этрусков до римской Империи охватывала значительные пространства по суше и морю. Названия свидетельствуют о том, что они господствовали на Верхнем и Нижнем морях, которыми омывается Италия наподобие острова. Одно из них итальянские народы называют Тусским, по имени народа, другое — Адриатическим, от Адрии, колонии этрусков, греки же — соответственно Тирренским и Адриатическим. И, распространяясь по тому и другому морю, они заселили землю своими двенадцатью городами». «Империя этрусков», как охарактеризовал Тит Ливий этруское двенадцатиградье, охватывала Центральную Италию между Тирренским и Адриатическим морями, а также Северную Италию и Кампанию. Однако власть этрусков распространялась и на острова, лежащие далеко в стороне от Италии, в Тирренском море. Этруски обладали сильным флотом, делавшим их серьезными и грозными соперниками. Этот народ создал — безусловно, впервые в Италии — классическую талассократию: государство, могущество которого основывалось на господстве над морями, контроле торговых путей и морском пиратстве. Возникновение феномена этруской цивилизации без активного использования морского пространства было бы немыслимо.

В проблеме «этруски и море» сконцентрировались многие сложные вопросы этрускологии, в том числе и вопрос о самом происхождении этрусков. Не случайно выдвинутая теория северного происхождения этрусков основывалась на уверенности в абсолютной невозможности переселения целого народа морским путем. Скептическое отношение к версиям Геродота и Гелланика свидетельствует, впрочем, лишь о недостаточно четком понимании историками прошлого характера мореплавания и судоходства в период, предшествующий великой греческой колонизации.

Проблемами этруской талассократии и пиратства занимались многие авторы. В отечественной литературе, в частности, вопросам роли моря в жизни этрусков посвящены работы А. И. Немировского. Помимо данных античной традиции серьезным дополнением является, несомненно, эпиграфический материал, в частности, из раскопок Пирги и Грависки. Надписи раскрывают различные аспекты договорных отношений между этрусками, греками и карфагенянами. Кроме этого, важным подспорьем является родственный эпиграфическому материал изображений, доносящий до нас как облик этруских кораблей, так и некоторые особенности их применения.

Изучению этрусской талассократии должно предшествовать рассмотрение географической среды, в которой она возникла и развивалась. С точки зрения удобства плаваний Тирренскому морю обычно противопоставляется Эгейское море с его множеством островков, служивших мореходам прекрасными ориентирами.

В Тирренском море островов действительно гораздо меньше, чем в Эгейском, но они все же неплохо выполняли ту же самую роль. Страбон в своем географическом сочинении уверял, что три главных острова Тирренского моря — Сардон (Сардиния), Кирн (Корсика) и Эфалия (Эльба) — были видны (впрочем, первый из них с трудом) с побережья Италии, между городами Популония и Пиза. В действительности же Сардиния находится слишком далеко, чтобы ее можно было разглядеть с побережья Италии, и к тому же ее из Популонии закрывает остров Эльба. Но из Популонии была видна Эльба, с Эльбы — Корсика, а с Корсики — Сардиния. Таким образом, мореплаватели, покинувшие Популонию, могли достигнуть Сардинии в классической античной традиции плавания, не теряя из виду берега.

Из Сардинии, впрочем, нельзя было увидеть конечной цели плавания на юг — Ливий, но путь туда через сардинский берег был почти в три раза короче, нежели плавание вдоль берегов Италии и Сицилии. Неизвестно, кем именно и когда был открыт этот островной путь — финикийцами или этрусками, но им пользовались на протяжении всей древней истории. Более того, Перипл Псевдо-Скилака даже сохранил указание о длительности каждого отрезка пути: от Популонии до Корсики через Эльбу — полтора дня, от Корсики до Сардинии — треть дня, от Сардинии до Ливий — одни сутки. Существование пути через Корсику в Африку подтверждает и Авиен, опиравшийся на перипл массалиотов. Островным путем, как наикратчайшим, пользовались не только этруски, но и их коллеги-мореплаватели: карфагеняне и греки-массалиоты.

По весьма категоричному утверждению Страбона, побережье, на котором находились древние тирренские города, было «лишено гаваней. Поэтому основатели городов или совершенно избегали моря, или же выставляли впереди укрепления со стороны моря, чтобы эти города не оказались легкой добычей для нападений с моря». Описание Страбона, впрочем, относится прежде всего к побережью южнее Популонии с ее прекрасной гаванью. Греческий географ знал и о расположенных к северу от Популонии гаванях — Луне и Пизе, а также о гавани Аргоос на Эфалии, названной таким образом якобы в память о корабле «Арго». Позднее, чтобы скорректировать природный недостаток, сделавший побережье «на огромнейшем расстоянии лишенным гаваней», Траян в Центумеллах (соврем. Чивиттавеккья), согласно сообщению Плиния Младшего, провел существенные земляные работы, соорудив искусственную гавань, переименованную затем в Порт Траяна.

Впрочем, указание античных авторов на удаленность этрусской цивилизации от морского побережья входит в отчетливое противоречие с данными исторической реальности. Возникает вопрос: если этрусские города располагались вдали от моря, то каким образом они осуществляли морскую торговлю и господствовали на морях? Ведь населенные пункты на тирренском побережье, которые Страбон именует «корабельными стоянками», были, по его мнению, крепостями, предназначавшимися для защиты от нападений со стороны моря.

Определенная ясность была внесена в ходе активных археологических и топографических исследований этруских городов. Благодаря им стало ясно, что этруски строили свои города таким образом, чтобы иметь выход к морю. Это доказано на примере городов, руины которых теперь находятся на значительном расстоянии от моря. Наиболее показательно в этом отношении расположение города Ветулонии. В настоящее время ее остатки расположены в 12 км от берега моря. Однако, как известно из письменных источников, рядом с городом было озеро, которое, согласно современным исследованиям, соединялось с морем, т. е. представляло собой бухту. В римское время бухта эта превратилась в мелководное озеро, позднее болото, которое потом и вовсе высохло. Таким образом Ветулония вследствие природного катаклизма, естественным ходом обстоятельств была лишена выхода к морю, поэтому ни один из римских авторов и не сообщает о ее былой морской славе. Однако о Ветулонии именно как о морском порте имеются вполне отчетливые косвенные данные. Так, эмблемой города, изображенной на стеле I в. до н.э., но, бесспорно, восходящей еще к этрустскому времени, был один из морских богов Портун с веслом в руке. На монетах Ветулонии, кроме того, изображены якорь, дельфины и ростр. В свете этих данных славное морское прошлое города вряд ли может вызывать сомнения.

Несколько сложнее решается вопрос о выходе к морю другого древнейшего этрустского города — Рузелл, расположенного к северо-востоку от Ветулонии. В 5 км от городских стен Рузелл протекала речка Умбро, впадавшая в ту же лагуну, которая соединяла с морем Ветулонию. Судя по отсутствию находок в ближайших к Рузеллам прибрежных точках по реке Умбро, отдельными исследователями высказывалось предположение о том, что в этрустскую эпоху эта речка была несудоходной и в распоряжении жителей города была лишь гавань Теламона, входившая в полис Ветулонии. Однако вряд ли это так. Отсутствие находок в ближайшем к городу пункте на реке Умбро не является решающим доводом против использования Рузеллами именно этого пути, так как гавань вполне могла быть впоследствии занесена песками.

Описывая побережье Тирренского моря к югу от Популонии, Страбон указывает на возвышающийся над морем город Козу с гаванью Геракла и важным хозяйственным объектом: пунктом наблюдения за ходом тунца. Этот же город, Козу, упоминает и Гекатей Милетский в числе пеласгийских городов. Однако в гавани Козы, несмотря на археологические раскопки, не обнаружено никаких следов этрустского присутствия. Это не этрустский порт, а гавань позднейшей римской колонии Коза, выведенной сюда в 273 г. до н. э. Выбор этого места римлянами для основания колонии был связан со стратегической ситуацией начального периода этрустской талассократии и важностью этого географического пункта. Остается загадкой, почему этруски не обратили внимания на этот столь выгодный для мореплавания пункт.

«Если плыть от Козы к Остии, — пишет далее Страбон, — то на пути лежат маленькие городки: Грависки, Пирги, Альсий, Фрегена... От Грависки до Пирги расстояние немного меньше 180 стадий. Это корабельная стоянка керетанцев, в 30 стадиях от города». Археологические исследования второй половины XX в. не только выявили две из указанных Страбоном корабельных стоянок, но и позволили более широко подойти к вопросу об их принадлежностях к этрустским городам, расположенным на некотором отдалении от моря. Пирги оказались не

просто корабельной стоянкой, соединенной с Цере сухопутной дорогой, но и своеобразным религиозно-культовым центром этого полиса. Правитель города Цере Тефарий Велиана принес в храме Пирги жертву богине Уни (отождествляемой с финикийской Астартой). Уже на основании «Перечня кораблей» в «Энеиде» исследователи делали вывод о том, что Грависки, как и Пирги, являлись корабельной стоянкой одного из этрусских городов. Теперь же на археологическом материале выявилась важная роль Грависки в торговле и преобладание в ней греческого населения.

Таким образом, перекрестный и комплексный анализ археологического, письменного и топографического материала в последние десятилетия развеял сомнения в значимости западного побережья Италии в качестве колыбели местного мореходства. Разумеется, природные условия здесь не были столь откровенно располагающими к бурному спурту судостроения и мореплавания, как в Элладе. Однако население неплохо приспособлялось, активно используя существующие гавани и русла рек, впадавших в море, в качестве мест корабельных стоянок и портов. Более того, в определенном смысле локализация крупных городских центров в глубине побережья с выведением портовых пригородов на дистанцию в несколько километров была выгодна в стратегическом и военном плане, так как уменьшала уязвимость города от морского нападения. Именно подобное устройство отличало, например, наиболее показательный и во всех смыслах эталонный город Греции — Афины, располагавший портом Пирей в качестве вынесенной к морю гавани. Однако стратегические преимущества подобной локализации были таковыми только в случаях, когда центр не зависел всецело от морской торговли и снабжения морским путем. В противном случае захват порта, который было относительно несложно организовать в случае его незначительной величины, отрезал обороняющийся город от притока ресурсов, имея перспективой довольно скорую полную капитуляцию. Впрочем, этрусские города, судя по всему, вполне сбалансированно опирались как на морской промысел и торговлю, так и на сельскохозяйственную округу. Этрурия, стоя прочно на земле, имела возможность и желание смотреть в море.

Как бы то ни было, в результате постепенного завоевания Италии римлянам, помимо прочего, досталась и вполне обустроенная морская и приморская инфраструктура Этрурии. Без учета этого невозможно понять последующее практически мгновенное рождение и бурный прогресс римского флота.

Существовала, однако, и еще одна техническая сторона дела, а именно проблема обеспечения судостроительного ремесла необходимым и достаточным количеством строительного материала, т. е. прежде всего строевого леса.

Весьма большое значение для развития у этрусков судостроения имела обеспеченность лесом как самой Этрурии, так и прилегающих к ней территорий. Важные сведения в этом отношении дает, в частности, Теофраст (IV в. до н. э.) в своем «Исследовании о растениях»: «Самые огромные деревья растут, как говорят, на Кирне. Даже исключительно прекрасные пихты и сосны Лация — они больше и красивее всех остальных деревьев — ничто по сравнению с кирнскими. Римляне, говорят, некогда пожелали выстроить на этом острове город и отплыли туда на 12 кораблях, но деревья на острове были так велики, что мореходы, заходя в заливы и бухты, рисковали поломать мачты. Поэтому римляне отказались от мысли основать здесь город; несколько человек вышли на берег и на

маленьком участке срубили такое количество деревьев, что их хватило на целое пятидесятивесельное судно».

Видимо, это описание отражает состояние дел не времени жизни самого Теофраста, а более ранний период. На это указывает слово «некогда» в данном тексте, описание острова, сплошь покрытого лесом, а также отсутствие в античной традиции достоверных сведений о наличии у римлян до первой Пунической войны (264-241 гг. до н.э.) значительного флота, и, более того, даже прямые указания Полибия на отсутствии такового. В таком случае вполне допустимо предположение, что под «римлянами» у Теофраста имеются в виду этруски, господствовавшие в Риме в VI в. до н.э., вплоть до изгнания династии Тарквиниев.

Однако некоторые исследователи относят упоминание Теофрастом морской экспедиции на Корсику к IV в. до н.э. и полагают, что речь идет о первой попытке римской колонизации острова в столь раннее время. Так, в итальянской науке было высказано вполне тенденциозное мнение о том, что уже в IV в. до н.э., т.е. еще до Пунических войн, римляне обладали сильным флотом, по крайней мере транспортным, способным перевезти колонистов на Корсику, а также военными судами, располагавшими силами для обеспечения их безопасности. Сообщение Теофраста о выведении колонии на Корсику должно быть отнесено к римлянам, пользовавшимся поддержкой своих союзников — этрусков из города Цере. Свидетельство Теофраста автор подкрепляет указанием Диодора Сицилийского о посылке римлянами в 377 г. до н.э. 500 колонистов на Сардинию. Однако текст Диодора именно в этом месте вызывает сомнения: было высказано предположение, что вместо Sardo (Сардиния) следует читать Satricum (Сатрик). С Сатриком, городом латинов и вольсков, римляне, согласно Титу Ливию, упорно сражались в первой половине IV в. до н.э. и основали в 385 г. до н.э. на его землях римскую колонию. Об основании колонии в Сатрике сообщает и Дионисий Галикарнасский. Хронология Диодора Сицилийского и в этом случае расходится с хронологией Тита Ливия. Последний, в свою очередь, нигде не сообщает о выведении римской колонии на Сардинию, которая тогда находилась всецело в сфере карфагенского влияния.

Таким образом, имеются достаточные основания относить рассказ Теофраста ко времени, значительно более раннему, нежели появления его труда. Источник Теофраста скорее всего имел в виду Рим времени этруского владычества, а не город эпохи войн с Пирром.

Наряду с лесными богатствами Корсики этруски использовали в судостроении и леса Лация, о которых Теофраст высоко отзывается, хотя и ставит их ниже лесов Корсики. В другом месте своего труда Теофраст отмечает, что в «Лации рубят деревья такой длины, что одного бревна хватает на весь киль для тирренского судна». Собственно, именно это место показывает, что этруски были первыми, кто использовал лесные богатства Лация в судостроении и в то же время демонстрирует, что речь и в самом деле могла идти не о римской экспедиции, а об этрусской — хотя и с определенным участием собственно римлян.

Но прежде всего этруски, конечно же, эксплуатировали лесные богатства самой Этрурии, прежде всего Циминский лес, казавшийся в V в. до н.э. таким же огромным и непроходимым, как современникам Августа — Герцинский и Каледонский леса. Однако деструктивное воздействие человека было столь велико, что всего лишь несколько поколений умудрились свести гигантский лесной мас-

сив на большей части его площади. Это, помимо прочего, свидетельствует и о масштабах «судостроительных программ», которые выполнялись этрусскими кораблями.

После того как Циминский лес был вырублен, пришла очередь и лесов к северу от реки Арно. Страбон с горечью и сожалением говорит о том, что корабельный лес, использовавшийся некогда обитателями Пизы для защиты от опасности со стороны моря, в его время изводили на постройки. Впрочем, в период его жизни ситуация на Средиземном море существенно изменилась, и потребность в строевом корабельном лесе временно отступила на задний план, затмившись потребностями жилищного строительства, более актуального в ту пору. Однако перспектива в очередной раз показала, что хищническая вырубка лесов практически всегда исходит из сиюминутных потребностей общества и болезненно отзывается в будущем, когда уже практически ничего нельзя исправить.

Помимо леса в Этрурии имелись и другие материалы, необходимые для судостроения. Прежде всего металл, традиция обработки которого уходит в глубь веков. И хотя греческие авторы времен Пелопоннесской войны сообщают нам лишь о высококачественных этрусских канделябрах, нет никакого сомнения в том, что мастерство этрусских кузнецов в изготовлении металлических частей корабля было ничуть не меньшим.

Подводная часть военных судов этрусов была традиционно для той эпохи снабжена металлическим тараном, известным римлянам под названием ростра. Ростр фигурирует у Филострата в описании тирренского корабля. Примечательно, что Плиний Старший называет конкретную личность, которой приписывалось изобретение ростра, «тиррена Писея», имя которого указывает на италийскую, а не на пелопоннесскую Пизу, расположенную вдали от моря и никаким образом не связанную с тирренами. Одна из рукописей Плиния Старшего в упомянутом рассказе об изобретении Писеем ростра содержит дополнение: «как и якорь». Столь серьезное «обвинение» вызывает, по меньшей мере, интерес.

Роль якоря в развитии мореплавания была столь велика, что его изобретение приписывается ряду лиц, существенно более знаменитых, чем Писей: фригийскому царю Мидасу, скифскому мудрецу Анахарсису и греку Евпаламу из Сикиона. Речь идет о том, что был изобретен так называемый адмиралтейский якорь — со штоком и двумя лапами из металла — вместо прежнего деревянного якоря, якорного камня или корзины с камнями. Изготовление в Этрурии VII в. до н. э. усовершенствованных якорей хорошо согласуется не только с началом этрусской талассократии, но и с развитием этрусской металлургии. Оно, кроме того, подтверждается достаточно частым изображением якорей указанного типа на реверсе серебряных монет этрусских городов в IV-III вв. до н. э. Плиний мог назвать изобретателем якоря именно этруска постольку, поскольку именно пеласги и тиррены познакомили с усовершенствованным якорем обитателей Италии, до того пользовавшихся якорными камнями. Впервые в Италии мы встречаем изображение якоря со штоком и двумя лапами именно на монетах Ветулонии и других этрусских полисов. Поскольку якоря того же типа применялись римлянами, среди специалистов господствует мнение, что усовершенствованный якорь они заимствовали у этрусов.

Очевидно, этруски внесли какие-то новшества и в парусное снаряжение корабля. В морской терминологии латинского языка с безусловным преобладанием

в ней терминов сугубо греческого происхождения встречается, между тем, слово *antemna* («рей»). Судя по весьма характерному окончанию, это слово этрусское.

Что касается внешнего вида и типов этрусских судов, то мы можем представить их себе как по описаниям в литературных источниках, так и по изображениям на фресках, рельефах, монетах. В качестве параллелей обычно используются также сведения о лучше известных нам греческих и финикийских кораблях. Впрочем, подобное сопоставление, несмотря на свою очевидную безальтернативность, вытекающую из традиционной источниковедческой безвыходности, не может, конечно же, быть признано абсолютно корректным, однако и оно имеет право на существование.

Так, судя по приведенному сообщению Теофраста, этруски сооружали 50-весельные корабли (пентеконтеры), имевшие в длину до 25 м. На таких же кораблях, как подчеркивает Геродот, плавали и фокейцы. В сражении при Алалии около 535 г. до н. э. флот фокейцев, так же как объединенная этруско-карфагенская флотилия, состоял главным образом из пентеконтер. При нынешнем состоянии представлений о морском деле всех средиземноморских народов чрезвычайно трудно сказать, кто и когда изобрел этот тип корабля. В последний раз в связи с этрусками его упоминает Фукидид в рассказе о посылке тирренами помощи Афинам против Сиракуз.

Наряду с крупными кораблями этруски могли использовать (и, несомненно, широко применяли) более мелкие и подвижные суда того самого типа, который впоследствии стал известен как «либурны». На кратере (чаще для смешивания вина и воды) из Цере греческий мастер середины VII в. до н. э. изобразил морской бой двух 20-весельных кораблей. На их палубах стоят воины со щитами и копьями, готовые к броску. Корабль, изображенный слева, собирается таранить противника. И это этрусское судно.

Несомненно, этруски плавали и на так называемых «круглых» кораблях, более приспособленных к перевозке грузов и воинов, чем к морскому бою. Именно такой корабль изображен на фреске этрусской «гробницы Корабля» в Цере. Он имел две мачты: одна — высокую, в центральной части судна, несла на рее прямоугольный парус. Собственно, она была главным двигателем. Другая, меньших размеров, на носу, с небольшим квадратным парусом, служила прежде всего для управления кораблем — наряду с двумя кормовыми рулевыми веслами. Передняя мачта (очевидно, допустимо именовать ее фок-мачтой) являлась своеобразным аналогом позднейшего средневекового бушприта и облегчала управление судном под ветром. Фреска относится к III в. до н. э., но, насколько известно, каких-либо серьезных усовершенствований в торговом судостроении в период с V по III в. до н. э. не происходило. В силу этого данное изображение вполне обоснованно может быть использовано как иллюстрация и для существенно более раннего времени.

Наиболее сложной и трудноразрешимой, пожалуй, является проблема происхождения этрусской триеры. Согласно Фукидиду, первую триеру построил коринфянин Аминокл за 300 лет до Пелопоннесской войны. По Геродоту, однако, первые триеры приказал построить египетский фараон Нехо. Еще один автор, Климент Александрийский, приписывал изобретение триеры финикийцам из города Сидон. Использование этого типа судна греками засвидетельствовано лишь в VI в. до н. э. Впервые слово «триера» встречается в стихотворении греческого поэта второй половины VI в. до н. э. Гиппонакса. Геродот, в свою очередь, флот,

состоящий из триер, впервые упоминает в связи с Поликратом Самосским и событиями, предшествующими завоеванию персами Египта в 525 г. до н. э. Известно также, что около 500 г. до н. э. флот Сиракуз пополнился большим количеством триер.

Впервые о применении триер этрусками сообщает Диодор, рассказывая о двенадцати триерах тиррена Постумия, казненного как пирата в 339 г. до н. э. Однако весьма маловероятным кажется, чтобы триеры появились у этрусков так поздно, т. е. фактически уже в период упадка их талассократии. На погребальной стеле Вела Каикны из Болоньи изображен корабль. Не исключено, что на нем можно различить три ряда фигур. Если это действительно так, то первое этруское изображение триеры относится к V в. до н. э. Знакомство же с триерой в собственно Этрурии должно быть отнесено, вероятно, к еще более раннему времени.

Сравнительно небольшой объем наших знаний о конкретике этруского кораблестроения, с одной стороны, а также огромное значение флота для генезиса и развития этруской цивилизации — с другой, конечно же, ставят вопрос о происхождении этруского кораблестроения. Решение его, т. е. заключение о том, в какой мере местные корабли использовали финикийский и греческий опыт, а в какой — собственные традиции, принесенные извне в Италию, не представляется однозначным или даже близким к таковому.

Высказывалось мнение, что этруские парусники с изогнутым носом и большой неподвижной мачтой, вероятнее всего, происходят из района Трапезунда и идентичны «камарам», описанным Страбоном и Тацитом. С этим предположением согласуются увеличившиеся в последние десятилетия данные о предметах урартийского типа в Италии (котлах с протомами в виде сирен, которые обнаруживаются также в Западной Анатолии, на островах Эгейского моря и на Пелопоннесе). Эти данные, вероятно, позволяют реконструировать некие варианты морского или же сухопутно-морского путей из Урарту в Италию.

Не исключено также, что переселение тирренов с Сардинии и их слияние с пеласагами привели к оживлению тех архаических элементов культуры, которые берут свое начало в эгейско-анатолийском регионе. Вместе с этим возобновились и утраченные в период переселения народов XII-XI вв. до н. э. торговые связи с Урарту, Фригией и Лидией — связи, нашедшие свое отражение и в судостроительной традиции.

Вместе с тем, несомненно, стоит отметить и то обстоятельство, что изображения наиболее архаических этруских кораблей «вельботного» типа, с симметричными очертаниями носа и кормы и серпообразным профилем находят четкие аналогии в общеевропейском нордическом наследии, отчетливо перекликаясь с совершенно аналогичными конструктивно кораблями с каменных и на скальных изображений Скандинавии. Разумеется, между этими изображениями существует определенная временная цезура, однако идентичность кораблестроительной идеи очевидна.

Наиболее взвешенным, вероятно, является вывод, согласно которому Италия и в доэтруское время располагала определенными традициями судостроения, которые уводят нас в общеевропейское культурное наследие и географически, не исключено, связаны с Северной Европой. Находясь в несколько угнетенном состоянии в связи с собственной временной «невостребованностью», эти навыки

смешались с принесенными (откуда бы то ни было) предками этрусков судостроительными традициями, после чего в силу вступили те факторы, о которых упоминалось: влияние Эллады, Финикии и Карфагена, а также Малой Азии и иных регионов.

О чрезвычайно высокой роли моря в жизни этрусков свидетельствуют данные об их господстве на островах, изображения этруских кораблей, богатство этруских погребений изделиями неиталийского происхождения. О плаваниях этрусков в эпоху их господства на морях в восточном направлении не сообщает ни один из древних авторов — может быть, впрочем, именно потому, что в них уже не видели ничего необычного. Однако археологические находки с лихвой компенсируют отсутствие сведений в литературных источниках. Этрусскую керамику обнаружили на островах Керкира, Итака, Наксос, Делос, Хиос, Родос. Она в большом количестве встречается в материковой Греции (Коринф, Афины, Перахора), в Малой Азии (Смирна, Даскилейон), в Сирии (Рас-эль-Басий), Ливане, на западном побережье Черного моря (Истрия). Этрусские бронзовые изделия нашли в Афинах, Дельфах, Додоне, Олимпии, а изделия из слоновой кости — на островах Кипр и Родос.

О посещении этрусками стран Западного Средиземноморья в период подъема их талассократии говорят находки специфической керамики типа буккеры в Провансе и Каталонии. В Массалии эту керамику обнаруживают в слоях VI в. до н. э. — вместе с коринфской, ионийской и аттической керамикой. Это дает нам основание говорить об осязаемом торговом соперничестве между этрусками и греками как в этом, так и в других регионах Средиземноморья. Достаточно многочисленны находки этрусского буккеры также в греческих торговых колониях на западном побережье Иберии.

География этрусского экспорта, о которой свидетельствуют данные находки, позволяет предполагать большой объем торговли и участие в ней значительного числа этруских государств. Без сомнения, как по географическому местоположению, так и на основании данных археологии, к государствам, широко участвовавшим в торговых операциях, следует отнести прежде всего Цере, Тарквинию, Популонию и Ветулонию. Именно в этих городах, либо находившихся на морском побережье, либо имевших гавани, были обнаружены гробницы архаической эпохи с наиболее богатыми предметами восточного, прежде всего, стиля.

Бурное и всестороннее развитие этрусской торговли было обусловлено не только и, быть может, даже не столько развитием ремесленного производства и потребностями поиска новых рынков сбыта ремесленных изделий, но главным образом формированием аристократии, чрезвычайно заинтересованной в приобретении предметов роскоши и иной продукции, жизненно важной для ее престижа. Этрурия, судя по археологическим находкам, активно скупала все лучшее, что создавалось в ремесленных мастерских Афин, Коринфа, Кипра, Карфагена: изящную коринфскую керамику, сменившуюся около 540 г. до н. э., в соответствии с изменением моды, краснофигурной аттической; золотые украшения; серебряные чеканные блюда; упоминавшиеся бронзовые котлы с протомами в форме сирен или голов грифонов, изделия из слоновой кости, фаянсовые сосуды, египетских скарабеев и даже страусовые яйца.

Неоднократно поднимался в науке и вопрос об этрусском экспорте. Впрочем, ответить на него затруднительно, так как собственно этруских вещей, несмотр-

ря на дальние географические пределы их распространения, не так уж много. Они не образуют устойчивого представления о доминирующих статьях этрусского экспорта. Наиболее удачным представляется решение, согласно которому основу вывозимых товаров составляли сырьевые ресурсы — в частности, такие стратегические товары того времени, как железо и медь. Кроме этого, несомненно, существовал и массовый вывоз рабов.

Средиземноморская торговля и освоение пространства этого моря были основой для дальних путешествий этрусков. Первым сравнительно дальним предприятием были попытки этрусков колонизовать Иберию и прилегающие к ней острова. Косвенным подтверждением этому в литературных источниках служат древнее название Балеарских островов — Тирренские острова, а также сообщение, сохранившееся у Стефана Византийского, о тирренах на средиземноморском побережье Иберии. Следующим на очереди лежал выход в открытый океан.

Особый интерес представляют сведения о выходе этрусских мореходов в Атлантику, которые сохранились у Диодора Сицилийского в рассказе о колонизации одного из атлантических островов: «Итак, финикийцы, исследуя по указанным выше причинам побережье по ту сторону Геракловых Столбов, вдоль берега Ливий, были занесены сильными ветрами многих дней, они высадились на упомянутый выше остров и, оценив его за благодатную природу, хорошо изучили его. Вот почему этруски, пользовавшиеся господством на морях, захотели основать на этом острове свою колонию. Но карфагеняне им воспрепятствовали, частично из-за того, что боялись переселения на этот остров большого числа карфагенян, которых могли бы привлечь достоинства острова, или из-за того, что хотели его приберечь для себя на худой конец, когда Карфагену будет угрожать полное уничтожение».

О том же острове в Атлантическом океане сообщает Псевдо-Аристотель: «Рассказывают, что в море за Геракловыми Столпами открыли остров, покрытый лесом из различного рода деревьев и с судоходными реками, удивительный по богатству и плодородию. Он удален на многие дни пути. Когда карфагеняне, пользуясь благоприятными условиями, стали часто посещать остров и некоторые обосновались на нем, правители Карфагена запретили под страхом смерти туда плыть. Живущих там они уничтожили, чтобы они не сообщили (об острове) и чтобы еще большее число жителей не переправлялось на остров и, добившись могущества, не угрожало бы благополучию Карфагена».

Согласно Диодору, остров был открыт не карфагенянами, а финикийцами. Под последними следует понимать, видимо, жителей Гадеса (соврем. Кадис) — древнейшей финикийской колонии, расположенной у выхода в открытый океан. Именно от них этруски могли узнать о существовании неведомого острова. Но попытка обосноваться на острове встретила резкое противодействие Карфагена. Более того, согласно Псевдо-Аристотелю, Карфаген препятствовал заселению острова даже своими согражданами, а об этрусках вообще не упоминается.

Дата этого выхода в океан остается гипотетической. В любом случае, скорее всего, она не может располагаться на шкале времени позднее даты крушения этрусской талассократии — 474 г. до н. э., т. е. до битвы при Кумах. Согласно мнению А. И. Немировского, это произошло не позднее 535 г. до н. э., т. е. до начала союзных отношений между этрусками и Карфагеном. В пользу этого, кстати, свидетельствует и то, что уже договор Рима с Карфагеном в 509 г. до н. э. содер-

жал запрещение римлянам плавать к проливам. Блокада пролива, известная и по другим источникам, была установлена карфагенянами скорее всего после реальной угрозы их интересам в океане — угрозы, исходившей именно со стороны этрусков.

В конце VI и в начале V в. до н. э. существовавшее в центральной части Средиземного моря относительное равновесие начинает разрушаться. Возникают и набирают силу противоречия между Этрурией, Карфагеном и греческими полисами, заинтересованными в морской торговле через Мессинский пролив. Складывается принципиально новая политическая ситуация, приведшая в конечном счете к крушению этрусской талассократии. Своеобразной моделью этого конфликта, возможно, является история древней колонии халкидян Регий. Около 494 г. до н. э. Анаксилай, выходец из Мессении, установил в Регии тиранию. По общей традиции тиранов античности он проводил чрезвычайно активную внешнюю политику и ставил своей целью создать государство на обоих берегах пролива. Примерно в 480 г. до н. э. он захватил расположенный напротив Регия на сицилийском берегу город Занкле и переименовал его в Мессану. Известно сообщение Страбона о постройке Анаксилаем на мысе Скиллей, в узкой части Мессинского пролива, крепости для борьбы с тирренскими пиратами. Но даже если бы не было этого прямого свидетельства антиэтрусской направленности деятельности Анаксилая, ее можно было бы предполагать хотя бы на основании разрушения в 510 г. до н. э. города Сибариса. В результате этруски потеряли союзника, в гавани которого могли базироваться их корабли. Теперь пролив полностью был закрыт даже для чисто торговых целей этрусков. Но, как выяснилось позднее, и торговые суда всегда можно объявить пиратскими, как это, например, случилось с римским кораблем, отправленным в Дельфы через тот же Мессинский пролив 80 лет спустя.

Ко времени регийской блокады Мессинского пролива относятся пиратские действия фокейца Дионисия, в прошлом одного из руководителей восстания ионийцев. Геродот сообщает, что Дионисий занялся сначала пиратством в финикийских водах и потопил несколько кораблей, а затем отправился на остров Сицилия, откуда стал нападать на карфагенские и тирсенские торговые корабли — не трогая, однако, эллинских.

Пиратские действия Дионисия совпадают со временем образования на обоих берегах Мессинского пролива государства Анаксилая. Чтобы нападать на карфагенян и этрусков, Дионисий должен был обосноваться на западном побережье Сицилии или на Липарских островах. Объектом грабежа, как об этом свидетельствует сообщение Геродота, служили торговые корабли карфагенян и этрусков. В результате возникла осязательная угроза коммуникациям этрусско-карфагенской торговли, использовавшей путь через Корсику, Сардинию и западные воды Сицилии. Сам факт этой угрозы и безнаказанности пирата, имевшего в своем распоряжении всего лишь три корабля — яркое свидетельство не только ослабления этрусской талассократии, но и утраты былого единства действий между этрусками и карфагенянами. Об этом же говорит и анализ обстоятельств, приведших к битве при Гимере, которую — наряду со сражением при Саламине — считали поворотным пунктом в истории всего греческого мира.

Союзники Сиракуз — жители Акраганта изгнали из Гимеры тирана Терилла, тестя Анаксилая. И хотя внешне дело выглядело таким образом, что наибольшую

активность проявлял сам Терилл, Геродот отмечает, что «главным зачинщиком похода был, однако, Анаксилай, тиран Регия». Он привел в Сицилию карфагенское войско под командованием Гамилькара общей численностью в 300 тысяч человек. Среди воинов Гамилькара были, кроме самих карфагенян, также финикийцы, лигуры, элисики (иберы), сардоны, а также жители Кирна (Корсики). Последние были наемниками. Сами этруски в сражении не принимали участия, хотя оно и значило для них ничуть не меньше, чем сражение при Алалии. Выступление этрусков в качестве союзников карфагенян исключалось, так как инициатором всей экспедиции был заклятый враг этрусков Анаксилай. Разгром карфагенского флота у Гимеры в 480 г. до н. э. коренным образом изменил соотношение сил в Западном Средиземноморье. Потерпели поражение не одни карфагеняне, но и Анаксилай. Однако этрускам не удалось извлечь из этого решительно никаких выгод. Место Регия в Сицилии занимает еще более опасный противник — Сиракузы.

Лишь несколько лет спустя после битвы при Гимере теперь уже этрускам пришлось столкнуться с Сиракузами. Конфликт возник из-за халкидской колонии Кумы, заключившей союз с Сиракузами против этрусков и их союзников — жителей Кампании. Согласно краткому сообщению Тита Ливия, при консулах Луции Фурии Медулине и Авле Манлии (474 г. до н. э.) «кампанцы захватили Кумы, которыми ранее владели греки». В это же время произошла морская битва между этруским и сиракузским флотом тирана Гиерона.

Данные об этой битве весьма отрывочны и противоречивы. Согласно Диодору Сицилийскому, Гиерон разбил этрусков. Туманные и весьма витиеватые стихи современника этого сражения, поэта Пиндара, свидетельствуют, что при Кумах были разбиты не только этруски, но и карфагеняне. Помимо этого обнаружена надпись на шлеме воина, найденном в Олимпии: «Гиерон, сын Диномена, и сиракузяне (за победу) Зевсу над тирренами». Как видим, карфагеняне не упомянуты. Впрочем, на шлеме могли быть упомянуты только тиррены, поскольку трофей был этруским, а не карфагенским.

С битвой при Кумах исследователи связывают сообщение Страбона о попытке Гиерона захватить остров Питекуссы в Неаполитанском заливе и построить на нем крепость. Вероятно, после переселения колонистов Питекусс на материк и основания ими Кум сами Питекуссы стали южной базой этруского флота. Об этом может свидетельствовать негреческое название острова — Инарима. Поражение этрусков при Кумах позволило сиракузянам захватить эту базу и удерживать ее до тех пор, пока сильное землетрясение не заставило их вернуться в Сицилию.

Неблагоприятно складывалась в это время для этрусков и ситуация в водах, омывавших Южную Галлию и Восточную Испанию. Резко активизируется деятельность фокейской Массалии, выведшей на Лигурийское побережье многочисленные колонии. Постепенно продвигаясь на юг, массалиоты постепенно входят в зону влияния и интересов Карфагена и начинается борьба Массалии с Карфагеном. Первые сведения о ней содержатся в той части труда Фукидида, которая посвящена анализу морских сил как фактора могущества. После рассказа о создании Поликратом Самосским в годы царствования Камбиза сильного флота, с помощью которого были захвачены различные острова, Фукидид говорит: «Наконец фокейцы, заселившие Массалию, побеждали карфагенян в морских битвах». В исторической науке высказывалось мнение, согласно которому Фу-

кидид упоминает о событиях, имевших место в период основания Массалии (в первой половине VI в. до н. э.). Против этой датировки свидетельствует не только хронологический порядок морских побед в изложении Фукидида, но и то обстоятельство, что в начале VI в. до н. э. Массалия еще не имела стратегических интересов в Испании и к тому же не обладала сильным военным флотом.

Кроме того, античная традиция единодушно считала первым крупным морским сражением фокейцев с карфагенянами и этрусками битву при Алалии (540–539 гг. до н. э.). Однако фокейцы Массалии в качестве ее участников не упоминаются: видимо, если в это время Массалия уже существовала, то она еще не располагала сильным флотом. Первая достоверная морская победа массалиотов над Карфагеном увековечена в бронзовой статуе Аполлона в Дельфах, созданной не ранее середины VI в. до н. э.

Известна и еще одна победа массалиотов над карфагенянами между 490 и 485 г. до н. э. Сражение это произошло близ мыса Артемисий (соврем. мыс Нао), на берегу Испании. Это сражение стало последней из известных морских побед массалиотов над карфагенянами. Точно так же, как и битва при Гимере, сражение у мыса Артемисий сыграло заметную и весьма неприятную роль для этрусков и их талассократии. В результате поражения ее пределы были ограничены водами, омывающими Тиррению и Корсику. Морская торговля этрусков с городами и племенами Южной Галлии и Западной Испании стала опасной — опасной практически на грани невозможного.

Наконец, последний удар по этрускому морскому могуществу нанесли в середине V в. до н. э. Сиракузы. В 452 г. они предприняли против этрусков большую экспедицию с целью сокрушения главной базы этруского флота в гавани Аргоос на Эфалии. Экспедиция была вполне удачна, однако не дала ожидаемых результатов. Этрусски подкупили сиракузского наварха Файла. Тогда была послана новая флотилия во главе с навархом Апеллесом. Он захватил Эфалию, опустошил берега Этрурии и Корсики и возвратился с большим количеством рабов и иной добычи.

В результате как внешнего натиска усиливающихся соседей, так и внутренних проблем, к середине V в. до н. э. произошло крушение этруской талассократии. Примечательно, что, с точки зрения событий на море, римляне не были ни в какой мере причастны к этому печальному для этрусков исходу. Их историческая роль была совсем иной — «коньком» граждан Вечного города стала война на суше, и им вполне хватало удачных антиэтруских кампаний в Италии.

Однако с крушением этрусков как властителей морей не все вполне ясно. Так, сам факт упадка их городов и качественной перемены экспансионистских планов и намерений сомнения не вызывает. Между тем, исследователи говорят о так называемой «тирренской загадке».

Существует целый ряд фактов, явственно свидетельствующих об усилении и развитии в IV—III вв. до н. э. этруского пиратства, причем в районах, порой весьма далеко отстоящих от Италии. Так, сообщениями о набегах тирренских разбойников пестрят греческая литература и официальные документы этой эпохи. Историк IV в. до н. э. Филохор, живший в Аттике, пишет о нападении тирренов-этрусков на острова Лемнос и Имброс и о похищении ими женщин с населенной афинянами части островов. Оратор IV в. до н. э. Лисий говорит об опасностях плавания по Адриатическому морю. А известный афинский оратор

Гиперид произнес речь «О защите от тирренов» (известную нам, к сожалению, лишь только по названию). Афиняне вынесли в 325 г. до н.э. решение о посылке колонистов на берега Адриатического моря с целью охраны от нападений тирренов. Из фрагмента надписи в честь некоего Тимократа с Родоса известно, что два сына этого родосца погибли в борьбе с *tyrannoi*. Власти острова Делос в 299 г. до н.э. приняли постановление о выдаче денег для защиты от тирренов. Скорее всего, именно с тирренскими пиратами была связана речь оратора III в. до н.э. Динарха «*Tyrrenikos*».

Как нетрудно заметить, эти факты находятся в ощутимом противоречии с очевидным по иным источникам сокращением влияния этрусков. В историографии античности присутствует немало попыток разрешения этой проблемы. Так, утверждалось, что под пиратами-тирренам IV—III вв. до н.э. следует понимать не этрусков, а любых пиратов, ибо термин «тиррен» к этому времени приобрел не этнический, а профессиональный характер. Далее, утверждалось, что пиратством в эту эпоху занимались не этруски, а эгейские тиррены, или, вернее, «тирраны», как они называются в вышеупомянутой родосской надписи — особый народ, лишь по имени созвучный с греческим наименованием этрусков. Последователи еще одной точки зрения полагают, что никаких иных тирренов, кроме итальянских, никогда не существовало, и, следовательно, все упомянутые «подвиги» следует отнести к старым добрым этрускам.

Как указывал отечественный исследователь А. И. Немировский, развитие этрусского пиратства вовсе не противоречит падению этрусской талассократии, но, напротив, является как раз результатом этого падения. По его мнению, упоминания тирренов в греческих источниках IV—III вв. до н.э. не оставляет никаких сомнений в том, что базой тирренского пиратства в это время являлось отнюдь не Тирренское, а Адриатическое море. Действуя там, вдалеке от Эфалии и Пирги, опустошенных сиракузянами, пираты Адриатики для греков продолжали оставаться тирренами, и в этом нет ничего удивительного.

В Адриатическом море этрускими базами и опорными пунктами были в это время Спина, Адрия и другие города со смешанным полиэтническим этрусским, греческим и итальянским населением. Так, материалы раскопок Спины показали, что в V в. до н.э. этот город вел оживленную торговлю с Афинами и многими другими греческими городами. Тем не менее, находясь в теснейших торговых отношениях с Элладой, Спина в IV в. до н.э. превратилась в базу пиратской экспансии.

Решение этого вопроса вытекает из анализа общую военно-политическую обстановку в Этрурии в этот период, особенно с начала IV в. до н.э. В 384 г. до н.э. сиракузский тиран Дионисий возглавил военно-морскую экспедицию против этрусков. Имея весьма мощный флот из 60 триер, он опустошил берега Этрурии и Корсики, разграбил храм Левкофеи и увез из него тысячу талантов. Впоследствии он выручил еще 500 талантов, продав пленных и добычу, что свидетельствует о размерах ущерба, нанесенного грабежом. В этот же период на суше этруски терпят поражения от римлян, неуклонно расширяющих собственную территорию за счет слабеющего стратегического соперника. Причем заметим, что римская экспансия разворачивалась преимущественно вдоль западного побережья Апеннинского полуострова, к северу и к северо-западу от устья Тибра. Именно там лежала сфера римских стратегических интересов в тот период. В

свете этой информации становится совершенно ясно, почему этруски предпочли Адриатическое море своему «родному» и хорошо освоенному Тирренскому.

Помимо большей удаленности от основных и наиболее опасных врагов оно позволяло беспрепятственно выходить в Восточное Средиземноморье, хотя и существенно снижало здесь возможности для базирования флота. Несмотря на очевидные затруднения технического свойства, стратегическое положение этой акватории обращало этруских мореходов к весьма богатым водным коммуникациям и городам греческого мира, путь к которым существенно сокращался. Располагая еще возможностью контролировать весь поперечник Апеннинского полуострова, этруски могли позволить себе этот «стратегический бросок», переориентировав собственные морские силы на другой регион действий и существенно продлив дни и годы существования собственной, хотя и сильно сократившей зону претензий, талассократии.

Путаница, возникшая в связи с употреблением слова «тиррен», возможно, объясняется тем, что в древнейший период тирренами называли некий народ в бассейне Эгейского моря, который также занимался пиратством. Так, в одном из гомеровских гимнов содержится мифологический рассказ о нападении тирренов на Диониса, однако нет и намека на то, что действие разворачивается в Италии. Местом действия служит мыс на берегу некоего «бесплодного моря», где был захвачен Дионис. Аполлодор же излагает несколько иную версию, согласно которой Дионис нанял корабль тирренов, желая переправиться с острова Икария на остров Наксос. Но тиррены, оказавшиеся пиратами, проплыли мимо Наксоса, взяв курс на Азию. Здесь тиррены также не связаны с Италией. Еще одна версия содержится в изложении этого же мифа Овидием в его «Метаморфозах». Место действия — то же самое море близ Наксоса, однако один из пиратов, тиррен Ацет, называет своей родиной Меонию (древнее название Лидии, а во времена Августа почти повсеместно была принята теория лидийского происхождения этрусков). Второй пират, Ликаон, является изгнанником из какого-то этрусского города; имя третьего пирата Эфалион — намек на остров Эфалия, который в начале IV в. до н. э. стал пиратским гнездом. В результате в античной литературе в разное время пираты разных эпох и различных географических районов обозначались одним термином «тиррены».

Вообще сложилась определенная традиция стереотипного изображения этрусков, согласно которой в античной литературе это имя стало едва ли не нарицательным, обозначая пирата и морского разбойника — уже без особой связи с реальным положением вещей. Столь же априорно многими античными авторами просто отвергалась этрусская торговля как таковая. Так, Цицерон утверждал, что финикийцы занимались мореплаванием ради торговли, а этруски — ради разбоя. По словам того же Гомера финикийская торговля была просто неотделима от пиратства. Вероятно, то же самое следует сказать и об этрусках. Имеются многочисленные и бесспорные следы этрусской торговли VII—II вв. до н. э., как и свидетельства об их разбое. Восприятие этрусков-тирренов в качестве исключительно пиратов, возможно, сложилось под влиянием трудов древних мифографов, имевших в виду тирренов Эгейского моря, или сведений о пиратстве этрусков времени подчинения их Риму. Вообще же в органичном сочетании пиратства и морской торговли не только в рамках активности одного народа, но и в рамках одной экспедиции, нет ничего необычного. Блестящие примеры подоб-

ной «универсальности» в эпоху раннего средневековья дали, например, фризы и скандинавы в Северной Европе.

Вполне исторический и очень реалистичный, взвешенный подход к проблеме этрусского пиратства обнаруживается, вероятно, лишь у Страбона. Он не считал пиратство явлением, характерным для всех эпох истории этрусков: «Находясь во власти одного правителя, тирренцы были весьма могущественными, но в позднейшие времена, как кажется, их объединение было уничтожено, и они под давлением соседних народов распались на отдельные города. Действительно, иначе они, пожалуй, не могли бы, оставив свою благословенную землю, заняться морским разбоем, посылая одни пиратские шайки в одно, другие — в другое море. Правда, там, где они действовали согласованно, они не только могли защищать себя от нападения противников, но и, в свою очередь, нападать и даже совершать дальние походы».

Несмотря на то, что политическое единство Этрурии было полностью измыслено Страбоном, все же рациональным зерном в его теории было указание на то, что политическое и экономическое могущество Этрурии сопровождалось ее господством на морях, каковое господство в ту пору отнюдь не нуждалось в применении пиратских методов обогащения. В ранний период, в период расцвета Этрурии, доминирующим и главным направлением деятельности этрусков на море была торговля. Вместе с тем, с упадком могущества этрусков и постепенным подчинением их Риму, на первый план все отчетливее выходит именно пиратство—своего рода «аргумент слабости».

Само пиратство подразделялось на два периода. В первый (VIII-V вв. до н. э.) пиратство было весьма тесно связано с торговыми интересами этруских полисов. Этруски вели борьбу со своими конкурентами и с попытками вытеснения с торговых рынков. И хотя противники называли этрусков «пиратами», это на самом деле не всегда соответствовало действительности. Такие морские операции, как действия у Липарских островов, никак не могут быть отнесены к пиратским.

В рамках же второго периода (IV—III вв. до н. э.) пиратство постепенно все более и более отделяется от морской торговли и становится самостоятельной профессией. Пираты в это время вербуются уже не только и, быть может, не столько из этрусков, но и из других обитателей Италии и занимаются теперь исключительно грабежом. Вполне возможно, что ряды пиратов пополнялись и мятежными элементами, число которых росло с усилением внутренних разногласий в Этрурии. Переходу к морскому разбою содействовала, несомненно, и римская колонизация Этрурии.

Пиратство в Восточном Средиземноморье Страбон совершенно определенно связывает с разрушением Карфагена и Коринфа и потребностями римлян в большом количестве рабов. Вероятно, развитие тирренского пиратства в незначительной степени определялось также потребностями римлян в рабах, ибо из многих сведений о действиях пиратов IV—III вв. до н. э. явственно вытекает, что они были поставщиками рабской силы. Есть сведения и о заинтересованности римлян в этруском пиратстве. Александр Македонский обвинял Рим в попустительстве морскому разбою, а Деметрий Полиоркет указывал на причастность римлян к действиям тирренов и их союзников — антиатов: «Он (Александр Великий. — А.Х.) отослал римлянам захваченных пиратов и велел передать, что хотя он и оказывает им любезность, возвращая пленных ради родства римлян с греками, но

все же считает недостойным, чтобы люди, владеющие Италией, высылали шайки пиратов или сооружали на форуме святилище Диоскуров, почитая тех, кого все называют спасителями, и в то же время посылали в Грецию людей разорять отечество Диоскуров». Таким образом, этрусские пираты задолго до критских и киликийских активно удовлетворяли потребности римского рабовладельческого государства в рабах.

Значимость этрусков и созданной ими талассократии в исторической перспективе древней Италии, да и всего Средиземноморья, трудно переоценить. Античная традиция, считая этрусков учителями римлян в области религии, архитектуры, театра, не упоминает о том, что они были также и их наставниками в морском деле. Из одного замечания Страбона складывается впечатление, что учениками этрусков в области мореходства были отнюдь не римляне, а критские пираты. Однако последующее развитие римской техники судостроения и судоходства напрямую зависело от достижений этрусков и их опыта.

Сама логика истории бурно протестует против того, что первые римские корабли были, согласно Полибию, созданы по образцу карфагенских. Не вызывает сомнения, что римляне имели прочную и надежную основу в мореходческих традициях в лице своего близкого и до поры очень опасного соседа — этрусков. В период этрусского господства Рим включился в систему международных отношений, заключив по образцу других государств договор с Карфагеном.

После столетнего перерыва, заполненного войнами с италийцами, Рим вновь обращается к морю. И на этот раз он не обходится без этрусской помощи. Есть все основания полагать, что в IV в. до н. э. орудием римской морской политики стал Цере с его гаванями, флотом и традициями мореходства. Но на этом не завершается поддержка Рима этрусками. В годы решающих битв с карфагенянами этруски поставляют все необходимое римскому флоту для сокрушения прежнего союзника.

Паразитирующее пиратство, развивавшееся после потери этрусскими городами самостоятельности, отразило общий упадок Этрурии. Вытесняемые римлянами и установленными ими порядками, этруски становились пиратами. Занявшие их место римские колонисты уже не смогли приспособиться к природным условиям, поэтому приходит в запустение развитая система каналов. Скапливаются излишки влаги, превращая прибрежную местность в болота — традиционный рассадник малярии. Название некогда процветавшего этрусского порта Грависки начинают ошибочно производить от латинских слов «тяжелый воздух», что говорит об ухудшении климата этого района. Лагуны заносятся песком, и этрусские портовые центры постепенно теряют связь с морем и превращаются в жалкие селения. Вырубаются корабельные леса, и на священном поле, бывшем родиной умудренного знаниями Тага, трудятся римские рабы. В I в. до н. э. уже мало кто помнит, кому римляне были обязаны техникой судостроения и навыками мореплавания. Образ ленивого, предавшегося излишествам, склонного к грабежу этруска эпохи упадка рассматривается как типичный для всех периодов существования этрусского народа.

ГЛАВА II О Р Л Ы Н А Д М О Р Е М . П Е Р В А Я П У Н И Ч Е С К А Я В О Й Н А

Unguibus et rostro
(Когтями и клювом)

Общие замечания касательно военно-политических стереотипов римлян — Неизбежность столкновения с Карфагеном — Необходимость применения морских сил — Строительство кораблей для вторжения на Сицилию и первые столкновения на море — Создание флота, методы строительства и подготовки экипажей — Липарская операция — Столкновение в Мессанском проливе — Сражение при мысе Милы и его анализ — Тактика применения «воронов» — Латентная стадия войны — Операции на Сицилии, Сардинии и Корсике — Бой у мыса Тиндарид — Решение о переносе войны в Африку и сражение при мысе Эгном — Особенности эгномской тактики римлян — Десант под Клупеей и возможность закончить войну — Строительство новых кораблей, эвакуация Клупеей и гибель флота у берегов Сицилии — Взятие римлянами Панорма — Гибель кораблей во время бури у берегов Лукании — Временный конец «политики больших эскадр» — Осада Лилибея — Сражение у Дрепан — Успешные рейды карфагенян под командованием Атарбала и Карталона — Инцидент у мыса Пахин — Карфагенские десанты в Локриде и Бруттии — Бой у Эгимура и новая буря — Блокада Лилибея и Дрепан римлянами — Рейд Ганнона и сражение у Эгатских островов — Итоги Первой Пунической войны — Анализ боевой деятельности флотов противников.

Вся история Древнего Рима — непрерывный ряд более или менее значительных военных конфликтов. Именно в результате этих войн Римская держава и стала тем грандиозным историческим организмом, который известен нашим современникам и который поражает воображение уже множества поколений людей. Конфликты эти были весьма разнообразны по форме, но уже в самом начале во многом совпадали по содержанию. Если первые военные столкновения общины Лация с сопредельными племенами и государствами с некоторой натяжкой и можно было назвать вынужденными и оборонительными (в той степени, в какой вообще являются оборонительными любые конфликты зарождающихся государств), то достаточно быстро отчетливая завоевательная направленность деятельности римлян вышла на первый план.

Несомненно, применительно к этой эпохе понятия «жертва» и «агрессор» не более, чем экстраполяция норм новейшего времени на период, которому они чужды в принципе. Во времена открытой и абсолютно бескомпромиссной конкуренции между возникавшими государственными организмами благодушные рассуждения о справедливости и естественных правах вряд ли вызвали бы даже усмешку — настолько они были нелепы. В этой ситуации вопрос шел лишь об одном — о выживании, которое не могло быть достигнуто иным способом, кроме ликвидации или серьезного ослабления и «уплотнения» конкурирующих государств и племен. Что и выполнялось претендентами на место под солнцем с неослабевающим упорством, ограниченным исключительно собственными ресурсами, силами и способностями.

В подобной ситуации всегда на повестку дня вставал один исключительно важный вопрос — об обучаемости потенциальных претендентов на региональное или мировое господство. Племя, государство или империя, желавшие оставаться конкурентоспособными и продолжать свое существование, были просто обязаны

следовать в ногу со временем в плане не только количественном, но и качественном, т.е. в сфере использования новых достижений в технике и технологии, а также, в первую очередь, в военном деле. Применение новых способов ведения войны, новых типов воинских формирований, нового оружия — всего того, чего не было или было мало у противника — позволяло рассчитывать на успех в долгосрочной перспективе и, в конечном счете, на победу. В результате однозначно больше шансов занять достойное место во всемирной истории получали те племена и народы, кому удавалось более живо реагировать на требования времени и отвечать на них соответствующими решениями: в противном случае оставалось лишь уповать на неразворотливость врагов, которая не могла длиться вечно.

Мы должны признать, что в этом смысле римляне оказались в целом на почти недостижимой высоте. Сколь бы ни велики были их успехи как администраторов, юристов и инженеров, прежде всего с понятием «римлянин» всегда и везде в памяти потомков ассоциировалось понятие «солдат». Созданная гражданами Рима образцовая военная машина фактически без существенных сбоев и пробуксовок исправно функционировала в течение более чем половины тысячелетия, опираясь, прежде всего, на свое базовое ядро — структуру римского легиона. Ее крах последовал в основном все же в результате внутреннего кризиса этой базовой структуры, а не усилий многочисленных врагов: никому из них так и не удалось создать воинские формирования, равноценные легиону (отметим существенный момент — равноценные качественно, при равном количественном составе). Военная мощь Рима была подорвана им самим, и окружающим народам оставалось лишь довести дело до закономерного и логического конца. Тот факт, что ничего эквивалентного на развалинах Империи не появилось, очень легко подтвердить: достаточно сопоставить масштабы и мощь государств, существовавших на этих развалинах в последующие десять-пятнадцать столетий с мощью самого Рима. Симптоматично, что Европа доросла до качественно сопоставимых вооруженных сил лишь к расцвету нового времени, что сразу отразилось на размерах и силе Новых империй.

Упорство и самомнение римлян дополнялись важнейшим и исключительно значимым качеством — способностью учиться. В нем и только в нем содержится ответ на главный вопрос: почему именно Рим стал владыкой Средиземноморья, а мы теперь не изучаем историю греко-германского синтеза или семито-кельтских языковых связей за неимением как первого, так и вторых.

Способность подхватить на лету то, что открыто кем-то другим, и воплотить его в жизнь, доведя до совершенства — по сути дела, качество не менее важное, чем сама способность к первооткрывательству. Примеров тому много. Вся русская культура построена, как известно, на бесчисленном количестве заимствований из сопредельных культур — заимствований, которые, окультуривавшись, стали ее визитной карточкой, потеряв всякую связь с первоисточником. Все послевоенное «японское экономическое чудо» было основано на упорном, творческом и быстром внедрении чужих (прежде всего американских) технических разработок. А европейцы, познакомившись с порохом, который китайцы добрую тысячу лет употребляли на фейерверки, через каких-нибудь три столетия вернули это изобретение тем же китайцам, подмяв постепенно под себя их цивилизацию.

Поэтому Рим не стал бы Римом, не сумей он вобрать в себя опыт союзников и врагов, дальних и близких соседей, но в первую очередь тех, кто был его естественными врагами. И Рим сделал это.

Но, конечно, говоря о легионах, нельзя забывать и о морской составляющей мощи государства. В начале своей истории Рим таковой не обладал — ни практически, ни теоретически. И до поры до времени вполне благополучно без оной обходился, ибо решал сухопутные задачи, которые в принципе не требовали привлечения морских сил. Пока римская экспансия ограничивалась пределами Италии, в ходу были в основном речные военные суда (*caudices*), лишь ненадолго выходившие в каботажное плавание. О том, как они выглядели, можно лишь более или менее обоснованно догадываться.

Да, многие из покоренных римлянами территорий лежали на морском побережье, обладали гаванями и флотами — преимущественно, разумеется, торговыми и рыболовецкими: похвастать боевыми кораблями могли, пожалуй, лишь жители греческих колоний — однако получалось так, что сухопутной мощи Рима оказывалось вполне достаточно для нейтрализации всякого сопротивления этих противников, а в перспективе союзников. Их хозяйство ни в малейшей степени не достигало такого состояния, чтобы зависеть, например, от морских поставок продовольствия и товаров, которые требовалось бы пресекать классической морской блокадой. В силу этого обстоятельства римляне в период завоевания Италии на практике ни разу не были поставлены перед необходимостью расширить свои воинские таланты за счет масштабных боевых действий на море.

Нет никакого сомнения в том, что без грандиозной драмы, разыгравшейся в Западном и Центральном Средиземноморье в эпоху Пунических войн, Рим не стал бы тем великим государством, о котором так много говорят и пишут, своего рода эталонным государством не только античного мира, но и всемирной истории вообще. Но также справедливо и то, что именно эти драматические события привели к рождению и окончательному утверждению на мировой арене феномена римского флота.

Карфагеняне, вступив в борьбу со своим, как тогда казалось, не вполне состоятельным в военном плане противником, вряд ли подозревали, что именно этот шаг приведет в конце концов к утверждению римлян в качестве главной силы Средиземноморья. Более того, в тот момент этого не подозревали и сами римляне. Трудно сказать, что именно — при объективном взгляде из сегодняшних времен — доминировало в мотивации римлян к 264 г. до н. э.: стремление к расширению своих владений или стремление оказать отпор своему самому страшному на тот момент противнику.

Война эта была неизбежна — столь же неизбежна, как и две последующих, вызванные уже неудовлетворенностью сторон результатами предшествующего конфликта или стремлением добить поверженного врага. Следовательно, исходя из формальной логики, неизбежным было и возникновение римского военного флота, который, в конце концов, утвердился в качестве сначала главной, а затем и единственной морской силы в Средиземноморье. В соответствии с вечной иронией истории карфагеняне оказались учителями римлян в этом становлении флота, и не без основания римляне могли выпить заздравную чашу в их честь, подобно тому, как это после сухопутных баталий проделывал Петр Великий в отношении шведских генералов.

Без становления мощного, структурированного, управляемого и мобильного флота римляне не имели ни малейших шансов на победу. Но, что еще более важно, эта победа была бы столь же недостижима без самого главного условия — создания традиции военного кораблестроения. Единожды построенный или «одолженный» у союзников флот мог быть побежден и потоплен, и тогда все вернулось бы к прежнему состоянию. Но римляне создали ту питательную почву, которая позволила им самим стать народом моря со всеми вытекающими последствиями: сочетание римских сухопутных дарований с умением мастеров-корабельщиков породило ту среду, которая позволяла восстанавливать флот даже после самых тяжелых испытаний и самим завоевывать морские пространства. После Пунических войн, а если быть предельно корректным, то уже к концу второй из них, римляне с полным правом могли считать себя властителями Средиземноморья. Их таланты создателей мощного государства наложились на устойчивую традицию судостроения.

Свидетельств того, что римляне уже перед началом Пунических войн располагали не только некоторым количеством боеспособных военных судов, но и определенным опытом их применения, действительно вполне достаточно. Незадолго до вторжения царя Пирра в Италию рядом источников перекрестно фиксируется факт применения римлянами небольшого подразделения собственного флота на юге Италии, в Таренте. Этот эпизод, как и многие другие в античной истории, при всей своей бесспорности оставляет простор для истолкования отдельных нюансов, что и привлекает к нему внимание исследователей.

Тарент на рубеже IV и III столетий до н. э. представлял собой едва ли не самую серьезную угрозу распространению власти римлян в Италии. Его относительная удаленность от Рима (Тарент располагался как раз «под каблуком» Апеннинского «сапога») создавала ту дистанцию, которая была насущно необходима для устойчивого ощущения собственной защищенности от поползновений весьма активного хищника из Лация. В то же время изрядный и традиционный авторитет Тарента в мире греческих колоний Запада подкреплялся его хотя и несколько ослабевшим, но все еще более чем достаточным экономическим и военным потенциалом. Именно поэтому вмешательство тарентинцев в итальянские войны римлян было — в тех или иных формах — вполне стандартным явлением. Неизбежным в исторической перспективе стало и прямое столкновение римлян с Тарентом: стратегические военные и торговые интересы этих государств рано или поздно неминуемо должны были вступить в открытое противоречие.

Однако положение Тарента существенно ослаблялось фактом наличия серьезного противовеса в лице Сиракуз. Это сицилийский город, будучи равновеликим полюсом силы в регионе, в конечном счете и определял то динамическое равновесие, в котором находилась общая политическая и военная ситуация на юге Италии в эти десятилетия. Его противодействие Таренту приводило к тому, что последний уже не мог адекватно и единолично контролировать восточное побережье Бруттия и быть главной региональной силой. Все это объективно создавало условия своего рода «форы» для старта римлян в процессе окончательного утверждения на юге Апеннинского полуострова. Процесс этот был длительным, сложным, а порой и исключительно болезненным для них, однако его неизбежность не подлежит сомнению: Рим, как акула, оставался живым и боеспособным

до тех пор, пока двигался вперед. Он сделал свой выбор, и вопрос был только в тактике и сроках исполнения намеченного.

Симптоматично, что именно с Тарентом Рим достаточно давно обзавелся соответствующим договором о разграничении сфер влияния. Этот договор, насколько можно судить, был существенной вехой в истории римской дипломатии и, самое главное, отчетливо свидетельствовал о растущих притязаниях римлян на расширение сфер своего влияния на море. Точная дата его заключения неизвестна, но совершенно ясно, что договор был заключен вскоре после 300 г. до н. э., во всяком случае, не позднее середины 290-х годов до н.э. Одним из важнейших пунктов этого соглашения был тот, согласно которому римским кораблям воспрещалось заходить к востоку от Лацинского мыса, располагавшегося неподалеку от известного греческого города Кротона на юге Италии. Исходя из этого, можно с определенностью утверждать, что крайняя оконечность Апеннинского полуострова уже вполне отчетливо контролировалась римлянами. Принципиальная важность этого состояла в том, что контролю подвергались и берега Мессанского пролива, что было крайне существенно в контексте последующего «броска на Сицилию». Однако силы Тарента были еще вполне достаточны для того, чтобы сопротивляться римской экспансии, и уж тем более на море. Именно поэтому договор носил отчетливо ограничительный характер для римлян, стесняя их продвижение не только на Адриатическое побережье Италии, но и (учитывая преимущественно каботажный характер плавания того времени) в Восточное Средиземноморье в целом. Тарент в течение нескольких лет выполнял роль своего рода «затычки», не выпускавшей римлян на просторы исподволь предуготовлявшей себя к увяданию эллинской цивилизации. И, хотя экспансионистские притязания римлян тогда еще так далеко не простирались, надо признать, что Тарент сам по себе на эту роль уже не годился. Время могучих полисов и их союзов медленно, но безвозвратно уходило в прошлое.

Кстати, прорыв на Адриатику вскоре состоялся, и помешать ему ни Тарент, ни другие греческие города уже никак не смогли. В 283 г. до н. э. римляне, разбив галлов на севере Италии, основали на побережье Адриатики новую колонию — Сену Галльскую. Преувеличивать значение этого обстоятельства для становления морских сил римлян не стоит — в последующие века, насколько можно судить, она будет скорее вспомогательным портом для римлян. Однако в ситуации начала III столетия до н. э. это было исключительно важно — римляне обзаводились базой, позволявшей в прямом и переносном смысле обойти и Тарент, и его сподвижников из других греческих колоний.

Симптоматично, что все эти дипломатические и военные мероприятия разворачиваются на фоне плотного тумана, окутывающего действительные или мнимые силы римлян на море. То, что они наличествовали, сомнений не вызывает в части транспортных и торговых судов — иначе становятся бессмысленными границы любых зон ответственности в определяемых договорами условиях. Купеческие корабли римлян были главными пожинателями результатов подобных соглашений, именно ради свободы их мореплавания эти соглашения и заключались. Вместе с тем силой, обеспечивающей действие этих договоров, был отнюдь не римский флот, а римская сухопутная армия. Римские легионы на суше создавали условия, которые позволяли оказывать давление на противника и принуждать его смириться с торговой экспансией на море. Несомненно, сбалансиро-

рованным такой подход не назовешь. Он не мог, во всяком случае, защитить от внезапного нападения отдельные корабли и купеческие конвои римлян, не имевшие прикрытия. Да и любое нарушение договоренностей могло быть нейтрализовано и компенсировано опять-таки исключительно сухопутными средствами. Впрочем, поступали римляне таким образом явно не от хорошей жизни, а в силу неумолимых обстоятельств, не оставлявших возможности маневрировать ресурсами и успевать на всех фронтах. Эти обстоятельства еще не поставили римлян перед необходимостью сбалансировать свои силы.

Однако наличие некоторого количества боевых кораблей у римлян несомненно. Об их численности и качественных характеристиках говорить не приходится—они находились в русле традиций эллинского колониального и этрусского кораблестроения, однако это единственное, что можно предположить с изрядной долей достоверности. Скорее всего, к тому же, эти корабли, сколько бы их ни было, строились как раз на греческих верфях по заказу римского правительства, либо закупались или арендовались у греческих полисов. Во всяком случае, в самом начале войн с Карфагеном римляне столкнутся именно с той проблемой, которая согласуется с подобным решением вопроса: для них будет новшеством не строительство боевых кораблей как таковых, но лишь строительство крупных военных судов определенных типов и классов, да еще налаженное на собственных верфях.

Исходя из этого, можно утверждать, что в начале III в. до н. э. Рим использовал до нескольких десятков боевых кораблей среднего водоизмещения (до класса трирем включительно), пригодных для действий на морских театрах, которые были построены в основном на союзных верфях и укомплектованы — по крайней мере, в основном — экипажами из союзников. Назначением этих сил была преимущественно патрульная служба и демонстрация наличия флота как такового. Так «банановая республика» нашего времени гордится двумя ракетными катерами советской постройки и имеет собственного главкома ВМС, которые, в принципе, не способны ни защитить от масштабной агрессии, ни устроить локальный апокалипсис соседней (и не менее великой, разумеется) «державе», однако являются символом того, что «и на море мы что-то значим». Естественно, Рим тогда не был «банановой республикой» во всем, что не касалось военно-морского флота. И только поистине младенческое состояние его морских сил оправдывает это сравнение.

Кроме того, Рим оттого и стал мировой державой, что никогда не пренебрегал возможностью «загрести жар чужими руками». Очевидно, этот фактор зачастую остается недооцененным в исследованиях раннего периода истории римского флота. И в самом деле, для чего нужно было отвлекать собственные ресурсы и внимание на занятие делом, мягко говоря, не исконно римским, если можно было безболезненно и традиционно «напрячь» союзников? По сути дела, это было продолжением принципа разумной достаточности в военной и политической сфере. Позднее, когда Рим завязнет в Восточных войнах, те же симптомы станут индикатором не мнимого «упадка» римского флота, а нежелания тратить силы. В самом деле, когда реальный упадок флотов сыновей Карла Великого или потомков не менее Великого Альфреда Уэссекского оставит незащищенными границы их государств перед нападениями викингов, ситуация будет принципиально иной — ни те, ни другие не будут иметь под рукой и в числе союзников ни Родоса,

ни Регия, ни Локр, ни Сиракуз, ни множества других морских центров. Стоит, в самом деле, различать упадок и разумную и экономную внешнюю политику.

Как бы то ни было, в течение без малого двух десятилетий договор о Лацинском мысе свою функцию выполнял, защищая Тарент от торговой (и не только) экспансии римлян, а тем давая возможность, напротив, утверждаться на побережьях Южной Италии и копить силы для нового броска. Ситуация взорвалась на рубеже 282 и 281 гг. до н. э.

Ранней весной 281 г. до н. э., как раз в разгар празднования в городе Великих Дионисий, в гавань Тарента вошла небольшая эскадра римлян во главе со своим командующим, Клавдием Корнелием. В сущности, единственное, что можно сказать со всей определенностью — это то, что отряд этот насчитывал десять кораблей. Все остальные обстоятельства этого инцидента продолжают оставаться более или менее достоверными или правдоподобными. Так, не вполне ясна цель кампании: Тарент был крупным портом, а силы его флота, находившиеся в гавани, были таковы, что не оставляли надежд на какой-то успех и гораздо более сильному соединению. То есть предпринять любые насильственные действия эта небольшая эскадра могла, лишь пойдя таким образом на коллективное самоубийство. Источники указывают как минимум на две причины, по которым корабли римлян оказались в тарентинской гавани: плохую погоду и выполнение дипломатической миссии.

Первое, учитывая время года (рубеж февраля и марта), выглядит вполне вероятным. Примечательно, что еще Т. Моммзеном было высказано соображение, что римляне укрылись от шторма в гавани Тарента во время перехода сил флота в Сену Галльскую, основанную немногим более года назад. Это, кстати, весьма правдоподобная версия, которая демонстрирует ту самую степень зависимости римлян от своих союзников-судостроителей, которая существовала на тот момент. Моделируя ситуацию, можно сказать, что, основав базу, римляне были не в состоянии самостоятельно наладить в ней строительство кораблей, и предприняли перегонку сил флота вдоль берегов к новому месту службы. Эта модель в известном смысле напоминает ситуацию с российскими Тихоокеанскими эскадрами, хотя и в уменьшенном масштабе, и с этой точки зрения, повторим, исключительно правдоподобна. Но, во всяком случае, это было открытое и демонстративное нарушение договора с Тарентом.

Безусловно, стоит обратить внимание и на версию реализации внешнеполитических функций. Реализация эта, впрочем, была равносильна объявлению войны, ибо посольство, прибывая на кораблях, автоматически нарушало договор. Вероятно, мы никогда не узнаем всей правды, но вот то, что произошло в дальнейшем, нам в общих чертах известно. Празднества, как было сказано, были в самом разгаре, а учитывая их характер, можно смело утверждать, что подавляющее большинство мужского населения города уже успело адекватным образом выразить свое уважение Дионису и находилось, мягко говоря, в перевозбужденном состоянии. Когда из театра, находившегося на возвышенности и открывавшего вид на порт, увидели входящие в гавань корабли римлян, реакция была вполне предсказуемой. Громадная толпа под руководством демагога Филохара бросилась в порт, к судам нарушившего договор противника. Клавдий Корнелий, не дожидаясь, пока на борту его кораблей окажутся разъяренные греки, приказал выходить в открытое море.

Но только половина его отряда сумела этот приказ выполнить. Пять из римских кораблей сумели все же выскочить из гавани, в то время как на оставшиеся пять — в том числе и на флагман самого Клавдия — со всех сторон напали горожане в небольших лодках, в изобилии качавшихся на волнах в порту. Быть может, взять эти суда на abordаж с лодок было бы невозможно, однако они выполнили свою миссию и задержали отход римлян. Это имело для последних роковые последствия — за те драгоценные минуты, что были потеряны, тарентинцам, судя по всему, удалось вывести в акваторию гавани несколько боевых судов, стоявших у берега, и организовать миниатюрное, но вполне регулярное морское сражение по существу в черте самого города. Подробности его неизвестны, но результат чрезвычайно красноречив — из гавани не вырвался ни один из кораблей римского арьергарда, причем четыре из них потопили, а одно судно захватили со всей командой. В числе погибших оказался и сам командующий. Впрочем, пленные римляне не намного пережили его, ибо также были вскоре убиты. Напротив, гребцов — в массе своей греков из других колоний и, возможно, италиков — тарентинцы обратили в рабство. Что, кстати, лишний раз свидетельствует о том, что в римском флоте той поры прослойка этнических римлян была, в сущности, чрезвычайно эфемерной.

Сам по себе этот локальный военно-морской инцидент со всеми основаниями претендует на роль первого в истории боевого столкновения римлян с противником на море. Факт именно регулярного морского сражения несомненен, ибо само по себе потопление четырех кораблей было возможно только лишь в результате классических таранных атак со стороны тарентинских кораблей, имевших это приспособление. Разумеется, их не могли потопить расковыривавшие борта или раскачивавшие суда греки из пресловутых лодок, облеплявших римские корабли, а если судно брали на abordаж, то после этого топить приз никто и никогда в те времена не порывался. Так что это был действительно морской бой — вероятно, первый в римской истории.

Возможно, впрочем, что случаи боевого столкновения римских моряков с противником имели место и ранее, однако завеса источниковедческого тумана в данном случае остается непроницаемым препятствием для каких-либо суждений. Источники, как известно, в большинстве случаев говорят совсем не о том, что хотелось бы узнать из них исследователю, что и породило феномен источниковедческой критики и анализа.

Но, конечно, надо отметить и другое. Этот военно-морской инцидент в конечном счете привел к затяжной, почти десятилетней, войне с Тарентом и, что не менее важно, к высадке в Италии войск царя Пирра. Первое имело своим следствием дальнейшее продвижение римлян в Италии и, в конечном итоге, установление ими контроля над всем полуостровом. Второе со всей откровенностью показало перспективы господства на море, как и отсутствия такового. После кельтов и вплоть до вторжений германцев (исключая, конечно, Ганнибала) Италия оставалась в военно-стратегическом плане не полуостровом, а островом, и потенциальный враг мог попасть на ее землю почти исключительно по морю. Именно поэтому в угрожаемые годы ночным кошмаром римских сенаторов, да и народа, станут возможные морские десанты того или иного противника — как во внешних, так и в гражданских войнах. Так что «общественное мнение» бы-

ло подготовлено к принятию программы господства на море именно вторжением Пирра.

Однако главным побуждающим моментом к созданию собственного сильного флота станет не мечта о морском господстве, а вполне частная и локальная необходимость. До подлинной морской стратегии должны пройти еще многие годы.

Не вызывает никакого сомнения то обстоятельство, что столкновение Рима и Карфагена в противоборстве за владычество в Центральном и Западном Средиземноморье в исторической перспективе было абсолютно неизбежно. Оно было лишь вопросом времени, так что даже форма самого конфликта — смешанная, сухопутно-морская — была, конечно, предрешена геополитической ситуацией в регионе. Карфаген, быть может, и не вознамерился бы в относительно краткосрочной перспективе затевать те или иные аннексионистские мероприятия на территории материковой Италии — ему пока вполне хватало практически безраздельного контроля за морским пространством, который автоматически обеспечивал защиту карфагенских интересов на прилегающих сухопутных территориях.

Однако выход Рима за пределы не только своих стен, но и территории полуострова также был лишь вопросом времени. А любое подобное движение вызвало неизбежную тревогу и ответную реакцию Карфагена. Это, в общем-то, типичное свойство стареющих империй, лишь по внутренней сути отличалось от экспансионистских прыжков молодого хищника — Рима, однако формы реакции, естественно, были устойчивы и однозначны: военные действия и еще раз военные действия. Какова же была международная обстановка в регионе в первой половине III в. до н.э., приведшая к конфликту со столь далеко идущими последствиями?

Рим воевал почти всегда, любил это занятие и на государственном уровне, и на уровне психологии отдельно взятой личности. Римляне любили воевать, делали это весьма часто, и, как следствие, умели это делать. Следствие это отнюдь не универсально — например, потомки римлян, итальянцы конца XIX и первой половины XX столетия, тоже любили воевать и делали это часто, однако воевать так и не научились, многократно продемонстрировав свою полную несостоятельность как на суше, так и на море и в воздухе (разве что под водой они достигли чего-то заслуживающего упоминания). В отличие от своих нерадивых потомков древние латиняне уже в III столетии имели блестящий опыт сухопутных операций — пусть не всегда победных, но неуклонно ведших Рим к грядущему величию.

Именно благодаря этому один из обычных городов-общин Италии, не располагавший ни особыми ресурсами, ни исключительной численностью населения, к рассматриваемому периоду существенно расширил зону своего влияния. Из точки на карте Рим превратился в ведущую силу пока еще не слишком прочного и отнюдь не унитарного в современном понимании государственного образования, занимавшего фактически всю территорию Апеннинского полуострова. Симптоматично, что завершение формирования этого римско-италийского союза пришлось как раз на 265 г. до н. э. Быть может, современники и не могли заглянуть в будущее, но нам с дистанции в два с четвертью тысячелетия совершенно ясно, что аннексия Вольсиний — последнего непокорного субъекта будущего великого государства на территории Италии — непосредственно предвляла дальнейшие события, которые развернулись в следующем, 264 г. до н.э.

У римлян уже, вероятно, не было не только желания, но и возможности умерять свои колонизационные аппетиты. Характеристики экономической системы их государства не позволяли рассчитывать на успех и даже просто на само существование без устойчивого и обильного притока дешевой рабочей силы — рабов, которыми становились военнопленные. Главным и основным источником таких могли быть только войны — непрерывные и успешные. Кроме того, Рим, становясь региональной державой, нуждался в устойчивом и эффективном контроле за путями коммуникаций в Средиземноморье, и прежде всего за торговыми трассами. В силу этих обстоятельств выход Рима на «большую дорогу» дележа территорий и сфер влияния был делом решенным.

Географическое положение Италии диктовало две основные возможности утоления этих аппетитов. Фланкированная на всем своем протяжении с северо-запада на юго-восток полоса суши оставляла два выхода для любой мыслимой экспансии: на континент и на острова Средиземного моря. Сухопутные операции по покорению северных территорий были не за горами и в какой-то степени уже имели место. Римское влияние понемногу распространялось как в Южной Галлии, так и в Иллирии, хотя речь еще не шла об установлении полного и прямого контроля над этими территориями. Вторым направлением развития римской экспансии была Сицилия. Завоевание этого острова, отделенного от носка Апеннинского «сапога» узким проливом, имеющим минимальную ширину всего в 4 км, было естественным и логичным шагом внешней политики римлян, но именно здесь конфликту с карфагенянами, зреющему давным-давно, суждено было перейти в фазу жестокой и бескомпромиссной войны.

Треугольный остров в центральной части Средиземного моря издавна являлся лакомым куском, на который претендовали многие государства и правители. Безусловно, в рассматриваемый период основной силой здесь были эллины. Древнейший и едва ли не крупнейший регион греческой Великой колонизации характеризовался как важной ролью в экономике региона и его транзитной торговле, так и политической нестабильностью. Греческие полисы, существовавшие здесь — в основном на побережье острова, — как правило, вели достаточно ожесточенную борьбу друг с другом и нередко принимали активное участие в распрях более крупных и отдаленных соседей, стремясь извлечь из этих распрей выгоду для собственного положения. Никакого, хотя бы и отдаленного, подобия единого государственного устройства на острове не существовало. По сути, в политическом смысле это был миниатюрный осколок классической Эллады в ее наиболее харизматичном выражении — с поправкой на вырождающуюся к этому времени сущность прототипа.

Несколько достаточно крупных полисов Сицилии играли ведущую роль в ее экономической и политической жизни. Среди них следует в первую очередь упомянуть Дрепану, Агригент, Панорм и, конечно же, лидеров в этом списке: Мессану и Сиракузы. Последние два города представляли собой крупнейших контрагентов в торговле как с материковой Грецией, так и с Римом и с Карфагеном. Их стремление проводить по меньшей мере самостоятельную внешнюю торговую и военную политику вставало на пути Рима к доминированию на острове. Исключительное значение для войны на море в ходе грядущих боевых действий имел город-крепость и важный морской порт Сицилии — Лилибей.

Однако гораздо большую опасность для римских планов представляли пре-

тензии на господство на Сицилии самого Карфагена. Карфагеняне вполне обоснованно рассматривали этот остров как часть сферы своего непосредственного влияния со всеми вытекающими отсюда последствиями. Стратегическое положение Сицилии на перекрестке морских путей с севера на юг и с запада на восток имело для них определяющее значение в мотивации претензий на эту территорию. Потомки финикийцев были в первую очередь купцами, и их интересовали главным образом экономические последствия любого передела земель и контроля за путями прохождения товаров. На втором месте находился интерес к самым цветущим полисам Сицилии, которые, естественно, могли приносить немалый доход в казну.

Отношения римлян и карфагенян интересны для нас тем, что они, уходя корнями в глубокое прошлое, олицетворяют весьма ранний выход римлян на просторы морской дипломатии. Эта дипломатия, безусловно, предшествовала созданию военно-морских сил Рима, но в то же время была продолжением и результатом дальней морской торговли римлян. До нас, благодаря Полибию, дошли в оригинальном (или очень близком к оригинальному) звучании тексты нескольких договоров Рима и Карфагена. Важная составляющая их исторической ценности — отчетливая демонстрация эскалации этого конфликта, растянувшаяся на века, но оттого не менее отчетливая. Эти источники — по своему уникальные — дают блестящее представление о системе взаимоотношений между важнейшими силами Центрального Средиземноморья задолго до того, как они вступили в открытое противостояние, и именно это обстоятельство оправдывает пространное цитирование источника.

Итак, первый из дошедших до нас договоров Рима и Карфагена был заключен в 509 г. до н. э., при консулах Луции Юнии Бруте и Марке Горации — первых консулах после упразднения царской власти. Так что молодая Республика в буквальном смысле на заре своего развития обеспечивала международное урегулирование и защиту своих интересов на морях. Текст договора гласил: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами с союзниками на нижеследующих условиях: римлянам и союзникам римлян возбраняется плыть дальше Прекрасного мыса, разве к тому они будут вынуждены бурей или неприятелями. Если кто-нибудь занесен будет против желания, ему не дозволяется ни покупать что-либо, ни брать сверх того, что требуется для починки судна или для жертвы. В пятидневный срок он обязан удалиться. Явившиеся по торговым делам не могут совершать никакой сделки иначе, как при посредстве глашатая или писца. За все то, что в присутствии этих свидетелей ни было бы продано в Ливий или Сардинии, ручается перед продавцом государство. Если кто из римлян явится в подвластную карфагенянам Сицилию, то во всем римляне будут пользоваться одинаковыми правами с карфагенянами. С другой стороны, карфагенянам возбраняется обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркеитов, тарракинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой народ и не подчинен римлянам, карфагенянам возбраняется тревожить города их; а если какой город они возьмут, то обязуются возвратить его в целости римлянам. Карфагенянам возбраняется сооружать укрепления в Лациуме, а если они вторгнутся в страну как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

Содержание договора исключительно информативно и показательно. Кроме последних пунктов, в смысловом отношении занимающих не более трети текста,

в которых идет речь об урегулировании возможных сухопутных проблем, все остальные положения посвящены определению зон влияния на море. В общем и целом следует признать, что тон договора остается в высшей степени доброжелательным. Противники еще не вошли в тот клинч, когда каждая строка заключаемого соглашения потенциально перетекает в ультиматум с перспективой объявления войны. Примечательно, что карфагеняне настойчиво стараются не пустить римлян фактически только в свои африканские владения — ведь Прекрасный мыс вдавался в море едва ли не от стен их столицы. Однако сам Полибий буквально в следующей фразе прямо указывает, что карфагеняне стремились не допустить за Прекрасный мыс именно «длинные», т. е. боевые, суда римлян и, следовательно, воспрепятствовать их разведывательной деятельности в самом сердце их державы, где располагались весьма удобные гавани. Является ли это доказательством того, что у римлян такие суда имелись в наличии? Скорее всего, да. Вопрос состоит только в том, в какой степени они были «римскими», поскольку нет сомнения, что построены и укомплектованы они были римскими союзниками, хотя и выполняли боевые задания в интересах Рима. Однако нет сомнения, что возможность полномасштабного конфликта между сторонами в тот момент всерьез не рассматривалась и в целом была относительно низка.

В то же время препятствий в торговле римлянам не чинили. Полибий утверждает, что по торговым делам им разрешалось плавать и в Карфаген, и в другие города Ливий, а также на Сардинию и в города подчиненной карфагенянам части Сицилии. Как карфагеняне не владели всей Сицилией, так и римляне не вышли еще толком за границы своего Лация. Государства не соприкоснулись своими границами и, вероятно, этот договор не дошел бы до нас — как не дошли многие другие договора с более актуальными на тот день противниками Рима, — если бы историки последующих веков не стали свидетелями острейшего противостояния Рима именно с Карфагеном и не сохранили для потомков предысторию этого конфликта.

Карфаген и ранее неоднократно предпринимал попытки захвата Сицилии. Трудно сказать, когда они начались в действительности. Документально зафиксированные события относятся, судя по имеющимся источникам, к самому началу V в. до н. э., к эпохе греко-персидских войн. Тогда персидский царь Ксеркс произвел стратегически безупречную дипломатическую игру. Понимая, что греческий мир сицилийских колоний вряд ли останется безучастным к судьбам соплеменников в самой Элладе, Ксеркс связался с карфагенянами и заключил с ними союз, результатом которого стала региональная война Карфагена с городами Сицилии. Эта война оттянула на себя внимание сицилийцев, не дав им возможности серьезно повлиять на боевые действия в Восточном Средиземноморье. Карфагеняне осуществили массированную высадку на остров в 480 г. до н. э. и вели там боевые действия — впрочем, без каких-либо кардинальных стратегических успехов.

Через семь десятилетий Карфаген вновь вел войну на сицилийских равнинах и побережьях. Новая война была, в общем, более успешна для пунийцев. Несмотря на то, что контролировать остров или диктовать свои условия большинству из его полисов они по-прежнему были не в состоянии, карфагеняне все же закрепились на побережье, и весьма надежно. Именно ими был основан Лилибей — это произошло в 409 г. до н. э. Имея в своем распоряжении мощнейшую

крепость, прикрывавшую обширную гавань, карфагеняне стремились расширить свое влияние на местные дела и увеличить плацдарм, однако серьезного успеха их попытки не имели.

Второй из известных договоров с Карфагеном римляне заключили в 348 г. Текст его гласил примерно следующее: «Быть дружбе между римлянами с союзниками и карфагенянами, тирийцами, народом Утики с союзниками на следующих условиях: римлянам возбраняется ходить по ту сторону Прекрасного мыса, Мاستии и Тарсеия как за добычей, так и для торговли и для основания города. Если карфагеняне овладеют в Лациуме каким-либо городом, независимым от римлян, то они могут взять деньги и пленных, а самый город обязаны возвратить. Если какие-либо карфагеняне возьмут в плен сколько-нибудь человек из народа, соединенного с римлянами писанным договором, но не находящегося под властью римлян, карфагенянам возбраняется привозить пленных в римские гавани; если же таковой будет доставлен туда и римлянин наложит на него руку, то пленный отпускается на свободу. То же самое возбраняется и римлянам. Если римлянин в какой-либо стране, подвластной карфагенянам, возьмет воды или съестных припасов, ему возбраняется с этими съестными припасами обижать какой-либо народ, связанный с карфагенянами договором и дружбою. То же самое возбраняется и карфагенянам. Если же случится что-нибудь подобное, обиженному возбраняется мстить за себя; если кто-нибудь учинит это, то деяние его будет почитаться государственным преступлением. В Сардинии и Ливии никому из римлян не дозволяется ни торговать, ни основывать город, ни приставать где-либо, разве для того только, чтобы запастись продовольствием или починить судно. Если римлянин будет занесен бурей, то обязан удалиться в пятидневный срок. В той части Сицилии, которая подвластна карфагенянам, а также в Карфагене римлянину наравне с гражданином предоставляется совершать продажу и всякие сделки. То же самое предоставляется и карфагенянину в Риме».

Примечательно, что, при сохранении общего смысла документа, тональность его меняется чрезвычайно существенно. Фактически он наводит порядок в своего рода необъявленной и вялотекущей войне с захватом пленных и прочими «преlestями», несколько регламентируя это противостояние. Напряженность звучит в каждом пункте этого соглашения. До открытой войны еще почти столетие, однако ею уже пахнет в воздухе.

Принципиально то, что сохраняется сугубо морской характер договора, а также резко ограничивается торговая деятельность римлян, из сферы которой фактически изымается Африка.

В IV в. до н. э. борьба Карфагена за Сицилию, как правило, носила экономический характер и серьезных военных столкновений не было. Однако к концу столетия противоречия приняли столь острый характер, что разразилась новая война. В период между 311 и 306 гг. карфагеняне вновь пытались силой оружия, и в первую очередь, конечно, флота, установить свое господство на возжеланном острове. В этой войне, изобиловавшей весьма острыми моментами, флоту принадлежала существенная роль — без него вообще никакие операции на Сицилии не были бы возможны. Быть может, громких сражений и не было, однако повседневные патрулирования вод, небольшие стычки флотов сицилийских полисов и пунийцев, каперство в чужих водах и, конечно же, масштабные переброски войск и припасов по морю имели место постоянно. Но, тем не менее, стремление Кар-

фагена завоевать землю не смогло превозмочь решимости сицилийцев эту землю отстоять. В результате этой войны окончательно подтвердился факт устойчивого присутствия карфагенян в Западной Сицилии. Опираясь на Лилибей, они все более активно заявляли свои права на доминирование повсюду на острове.

Рассматривать последующие годы как затишье перед бурей правомерно, но мы не можем сомневаться в том, что даже и без притязаний Рима война за Сицилию сама по себе была не за горами. В первой половине III в. до н. э. ситуация постепенно накалялась. Карфагеняне все отчетливее понимали, что главной противостоящей силой становятся уже отнюдь не сицилийские греки. Однако отношения развивались все же относительно волнообразно. Пароксизм своего рода взаимной привязанности римлян и пунийцев относится ко временам войн царя Пирра. Видимо, ощущение опасности и чувство общего врага на время сгладили неприязнь и подтолкнули оба государства к некоторому сближению. Следы этого взаимного движения отчетливо усматриваются в последнем предвоенном договоре между Римом и Карфагеном — договоре 280 г. до н. э.

Согласно ему подтверждалось то, что содержалось в предшествующих договорах, кроме того, добавлялись следующие условия: «Если римляне или карфагеняне пожелают заключить письменный договор с Пирром, то оба народа обязаны выговорить себе дозволение помогать друг другу в случае вторжения неприятеля, какая бы из двух стран ни подверглась нападению. Если тот или другой народ будет нуждаться в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда ластовые и военные, но жалование своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама. Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает».

Как видно, перед лицом общей опасности противники почти объединяются, однако иллюзий, понятно, никто не питал. Симптоматично, что почти накануне войны в договоре фиксируется отчетливое преобладание карфагенских морских сил и слабость, если не отсутствие таковых, у римлян.

Однако было ясно, что такие союзы могут существовать только вопреки обстоятельствам — они вынужденны и недолговечны. Ликвидация опасности, грозившей и той, и другой стороне, неминуемо вела к охлаждению и возврату к настороженному, а затем и враждебному взгляду друг на друга. Уже с 275 г. до н. э., с момента завершения войны с Пирром, отношения начинают ухудшаться. Вопрос вновь был лишь во времени столкновения и формальных поводах к войне.

Использование флотов сопровождало этот процесс конфронтации с абсолютной неизбежностью. Поскольку важнейшим пунктом раздела сфер влияния по заключенным договорам было запрещение приближаться к берегам противной стороны, а сделать это можно было исключительно посредством кораблей, несомненно, что нарушения хрупкого мира нужно было ожидать с моря. Возможно, мелкие казусы случались и раньше, но в 272 г. до н. э. карфагеняне нарушили договор весьма ощутимо. Рим вел войну с непокорным городом Тарентом, весьма далеко, надо отметить, от Сицилии. Осада Тарента по всем параметрам международного права и того, и нашего времени была внутренним делом римлян. Вмешательство в эту войну любой другой стороны вполне справедливо и обоснованно было бы ими расценено только негативным образом. Тем не менее

карфагеняне оказали тарентийцам поддержку. Очевидно, что посылка флота в сугубо римские территориальные воды сама по себе была недружественным актом и нарушением договоренностей. К тому же это была открытая поддержка внутреннего мятежа. Тем не менее этот *casus belli* в тот раз не сработал. Война с Карфагеном в той ситуации для римлян была просто невозможна. Однако события эти не были забыты.

Теперь, с расстояния в десятки столетий, было бы по меньшей мере наивно рассуждать о справедливости войны с той или другой стороны. Давно нет тех, кто хоть в какой-то степени мог бы претендовать на прямую наследственную связь как с римлянами, так и с карфагенянами. И та, и другая сторона для нашего современника — лишь персонажи увлекательного исторического романа; болеть за кого-либо из них или остаться безучастным — дело вкуса. И все же, если быть объективным, то вина за первое нарушение *status quo* все же лежит на Карфагене. Непосредственный повод к войне, который подали римляне, безусловно, вторичен.

Как бы то ни было, но в 264 г. до н. э. война все же началась. Она и замышлялась, и велась изначально как в том числе и морская война. Иначе и быть не

**Акватории, контролировавшиеся римлянами
перед началом Пунических войн**

могло — римляне фактически впервые в своей уже многовековой истории столкнулись с необходимостью вести боевые действия на территории, отделенной от их метрополии водным пространством. Конечно, может показаться, что пространство это было смехотворно мало — в самой узкой части Мессинского пролива, между Регием и Мессаной — не более 4 км, да и в других его местах ширина, как правило, не превышает 10-12 км. Однако вспомним, что, например, для союзников в разгар второй мировой войны этот пролив вовсе не был легким препятствием. Конечно, в эпоху римлян и карфагенян не было двигателей внутреннего сгорания, авиации и огнестрельного оружия (которые насколько усложняли форсирование водных преград, настолько же и упрощали), но для союзного командования даже единовременная переправа контингента долгие месяцы была настоящей головной болью. Римляне столкнулись с этой проблемой задолго до них.

Переброска войск, их снабжение, пополнение и замена контингентов, очевидно, были возможны и с помощью относительно небольшого по численности торгового флота. Силы для этого у Рима, разумеется, были, и решить задачу военнотранспортного характера ему было вполне «по зубам». Однако противостояние ведущей морской державы усложняло эту задачу и делало ее осуществимой лишь при чрезвычайно удачном для римлян стечении обстоятельств. В самом деле, не нужно быть выдающимся стратегом, чтобы понять: любой карфагенский полководец, грамотно организовав патрулирование Мессинского пролива и блокаду западного побережья Апеннинского полуострова, мог даже с помощью нескольких десятков полноценных боевых кораблей тяжелых классов парализовать снабжение высаженных войск или не допустить такой высадки вовсе. Как тут не вспомнить бессмертное замечание Петра Великого о государе, имеющем две руки лишь тогда, когда он имеет и армию, и флот?

Война априорно виделась римлянам прежде всего сухопутной, и понятно, что и так небезграничные силы Рима концентрировались на формировании легионов и их снабжении для действий на относительно отдаленной территории. Опасения за их судьбу и регулярность функционирования каналов обеспечения были, таким образом, главной и первостепенной причиной возникновения у Римской республики собственных военно-морских сил. То, что эти опасения измышлены нашими современниками, достаточно ясно опровергается словами Полибия, который прямо указывает, что легионы, отправленные на Сицилию, «терпели сильную нужду».

Говоря о Первой Пунической войне, нельзя не отметить, что боевые действия на море в этом конфликте были достаточно кучно локализованы на карте Средиземноморья. Нет никаких оснований для выделения в этом конфликте нескольких театров военных действий. Несомненно, все сражения, перевозки и маневры флотов разворачивались, по сути дела, на одном-единственном театре — центрально-средиземноморском. Безусловным центром его выступали сицилийские прибрежные воды, однако спорадически боевые действия переносились и в другие регионы Средиземноморья. Однако фактически они никогда не выходили за пределы, ограниченные внешними сторонами треугольника Италия—Сицилия—Сардиния—Корсика. Это пространство достаточно ограничено. Но главное не это. Опыт исследования боевых действий в Первую пуническую войну и сопоставление их с действиями в ходе Второй пунической войны демонстриру-

ют кардинальную разницу в использовании флотов. Изрядная недифференцированность боевых соединений в ходе первого конфликта приводила к тому, что по сути дела в этих акваториях действовал один римский флот, одна эскадра. Тактические подразделения могли выделяться из ее состава, однако римляне в ходе своего первого открытого и ожесточенного конфликта с Карфагеном еще не доспели до оперативного маневрирования на уровне нескольких самостоятельных эскадр, отвечавших за те или иные фронты и театры. В полном соответствии с этим обстоятельством римские власти, сенат и командование рассматривали все акватории, где велись боевые действия, как нечто достаточно единое, как один театр боевых действий.

Несомненно, римляне вполне отчетливо представляли, с кем они имеют дело на море. У обеих сторон были свои плюсы и минусы. Вряд ли все они явственно стояли перед мысленным взором участников самих событий, но мы с расстояния более чем в два тысячелетия, конечно же, некоторые вещи осознаем лучше. За плечами карфагенян стояли века удачных морских экспедиций и фактического господства на значительной части Средиземного моря. Традиция кораблестроения была устойчива и глубока, это был тот «гумус», который нарастает веками и не исчезает просто так, без следа, даже в случае угасания культуры, о котором в тот момент не было и речи. Выработанные типы кораблей, пригодные для использования в различных ситуациях, были безусловным и важным активом карфагенской стороны. Второй важнейшей составляющей были, несомненно, кадры корабельных мастеров и флотоводцев. Этот потенциал значил еще больше: школа судостроения и в особенности школа судовождения давали пунийцам невообразимое стартовое преимущество над римлянами.

Последние, в свою очередь, могли похвастать лишь более или менее отработанным искусством создания скромного по размерам и мореходным качествам гражданского флота. Разумеется, он также располагал кадрами — как в сфере строительства, так и в сфере кораблевождения. Однако механически эти кадры не могли быть мгновенно переориентированы для создания и использования полноценного боевого флота. Даже напряжение сил союзников в Италии и греческих полисах могло решить эту проблему лишь отчасти. Таким образом, нужно признать, что стартовый уровень карфагенян и римлян в плане морского потенциала был мало сопоставим, и эта диспропорция была отнюдь не в пользу сынов Вечного Города.

Однако была и другая сторона вопроса. По обучаемости римляне намного превосходили своих противников. Еще важнее был аспект изобретательности. Именно римский гений пришел к логичному и неизбежному (глядя из нашего исторического далека), но в действительности далеко не очевидному и совсем не простому решению о дополнительной механизации своих судов с целью организации полноценного абсорбционного боя. Напомним, что цивилизация скандинавов, например, развивавшая совершенно самобытное и оригинальное искусство судостроения как минимум с неолита до конца эпохи викингов (т. е. несколько тысячелетий) и пользовавшаяся в морских сражениях исключительно абсорбционной тактикой, так и не создала специальных приспособлений для облегчения переброски воинов на вражеский корабль. Так что изобретение римлянами знаменитого «ворона» было совершенно оригинальной и вполне гениальной догадкой, кардинально изменившей положение дел на море. Симптоматично, что карфа-

геняне — разумеется, познакомившиеся с этим нововведением римлян, в принципе не имели никаких технологических препятствий для его распространения на своих кораблях: даже не имея в руках образца, такое не слишком сложное с инженерной точки зрения сооружение нетрудно было воспроизвести в собственной, оригинальной версии. Проблема, однако, заключалась в том, что пунийцам просто нечего было перебрасывать на римские корабли.

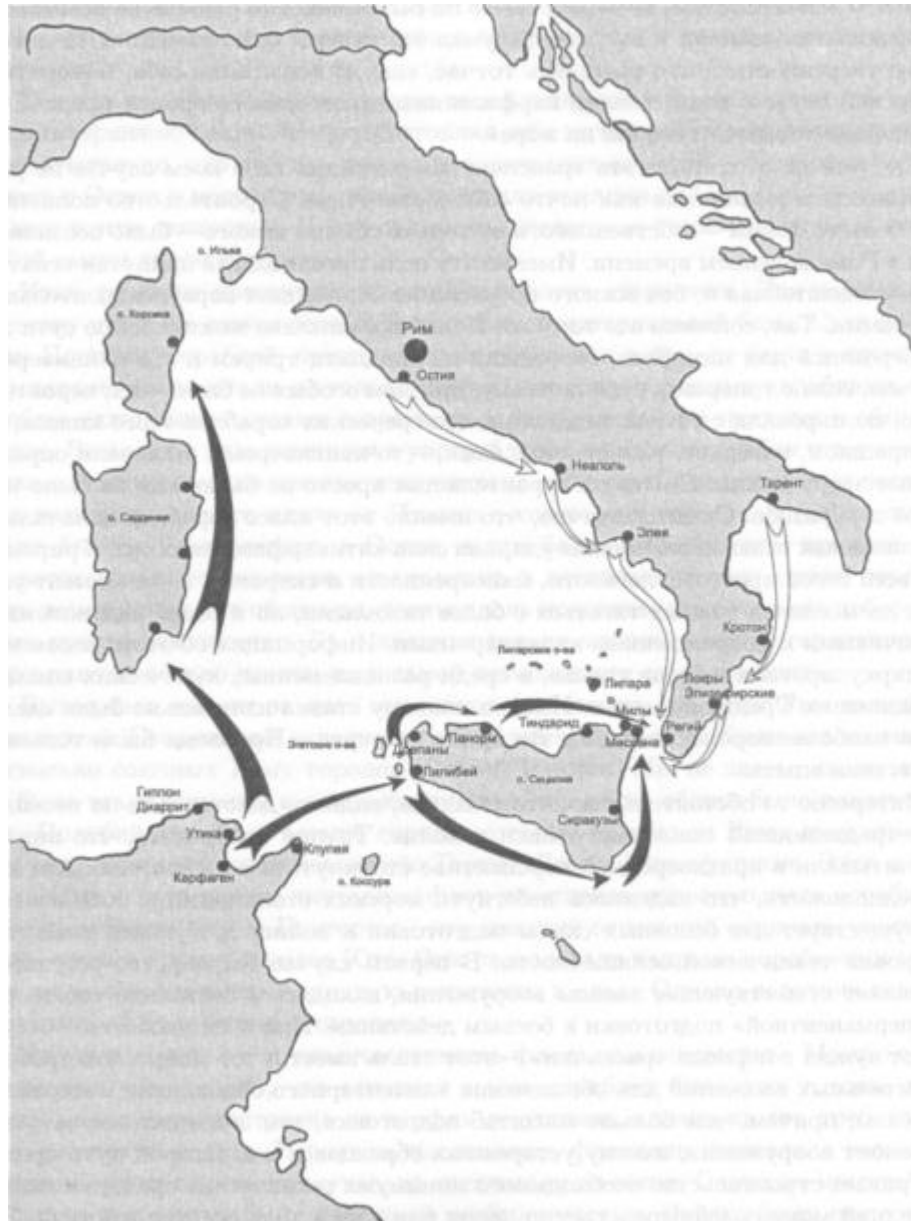
Век, который стоял на дворе, был во всех отношениях веком пехоты. Несмотря на все успехи нумидийской конницы (как за несколько веков до нее — персидской и вообще восточной кавалерии) или экзотику в виде боевых слонов, становым хребтом всех армий продолжала оставаться пехота. Поскольку конница карфагенян при всем желании не могла бы принять участие в абсордажном бою на море, оставалось рассчитывать только на пехоту. Но, вероятно, карфагенские военачальники хорошо представляли себе, чего в реальности стоит их пехота. При всех оговорках в ходе пунических войн она явственно продемонстрировала, что уступает римским легионерам по всем статьям.

К слову сказать, это имело отношение и к корабельным командам. Безусловно, в реальной боевой обстановке имело огромное значение состояние боевого духа экипажей судов — как тех, кто стоял у руля или управлял такелажем, так и тех, кто сидел на скамьях под настилом палубы, вцепившись в рукоятки весел. В значительной степени от того, сколь стойкими окажутся эти люди перед лицом опасности страшного таранного удара в борт или захвата корабля абсордажной партией противника, зависел и сам исход боя. Собственно, от них требовалось только одно: безукоризненно и своевременно исполнять команды, невзирая на любую опасность. Очевидно, что для этого требуется — коль скоро речь идет о массовом явлении — определенная коллективная заинтересованность, социальная целеустремленность и, в конечном счете, патриотизм.

Пожалуй, именно здесь мы упираемся в главный и основной вопрос Пунических войн. В них, в конечном счете, победили не римская армия и флот, а римское государство как феномен. Построенное на коммерчески-родовом принципе карфагенское государство вообще, говоря откровенно, с трудом может быть названо государством как таковым. Все военные конфликты между Римом и Карфагеном (а не только Вторая пуническая война) были в большей степени инициативой отдельных личностей, семей и партий Карфагена, чем государственными мероприятиями. На этом фоне фактически тотальная война, которую каждый раз вел Рим, выглядит более убедительно и перспективно. Конечно, вопрос о том, был ли предрешен закат Карфагена, сродни вопросу о том, проиграл ли Гитлер Вторую мировую войну еще до ее начала. С исторической, научной точки зрения он не вполне корректен. И вместе с тем ответ на него вполне очевиден как в первом, так и во втором случае. Карфаген был разгромлен не благодаря корвусам, талантливым флотоводцам римлян и их великолепной морской пехоте. У него просто не было шансов на победу в этом противостоянии систем и стереотипов государственной власти. Это, однако не отрицает того факта, что римляне столкнулись со смертельно опасным противником и не умаляет их героизма и талантов. К тому же в 260-х годах до н. э. вряд ли нашелся бы человек, в особенности в самом Риме, который смотрел бы в будущее с таким же оптимизмом, как делаем это мы спустя почти двадцать три столетия.

Всякая война имеет начало. Поскольку боевые действия в ходе Первой пунической войны велись прежде всего на территории острова Сицилия, первой и важнейшей задачей сражающегося Рима стала переброска войск на Сицилию.

Как и в наши дни, в те времена элементарная переправа контингентов через пролив по определению не могла рассматриваться только как транспортное

**Начальный период Первой Пунической войны.
Концентрация сил сторон на театре боевых действий**

мероприятие: наличие противника на море автоматически превращало ее в комплексную операцию, сопряженную с риском открытого столкновения морских сил. Всю значимость этого своего первого шага в войне на море римляне отлично осознавали. Симптоматично, что Полибий — один из двух главных наших информаторов в вопросах Пунических войн — относит революцию в морской политике римлян именно к этому эпизоду войны. «Не имея средств к морской войне не то что значительных, но каких бы то ни было, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас, еще до испытания себя, померяться в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо властвовали на море».

Следует заметить, что эта транспортная операция ни в коем случае не рассматривалась римлянами как нечто самодостаточное. Строительство полноценного боевого флота — собственного, а не только союзнического — было осознаваемым в Риме велением времени. Именно эту цель преследовала принятая сенатом широкомасштабная и, без всякого преувеличения, дерзкая кораблестроительная программа. Так, согласно все тому же Полибию, римляне заложили, по сути дела, огромный для них флот, состоящий из двадцати трирем и ста квинкверем. Причем, если с триерами, судя по всему, проблем особых не было — их, вероятнее всего, скопировали с устоявшихся образцов греческих кораблей этого класса, да и в прошлом, наверное, уже строили сами, — то квинкверемы вызвали определенные затруднения. Опыта их строительства просто не было, как не было под рукой и образцов. Симптоматично, что именно этот класс кораблей изначально мыслился как главная и основная ударная сила антикарфагенских сил. Триремы, при всей своей простоте, легкости, маневренности и скорости, в тот момент уже вряд ли могли на равных тягаться с более тяжелыми, но и более надежными и устойчивыми к повреждениям квинкверемами. Информация об этом, несомненно, циркулировала и среди греков, и среди разноплеменных купеческих команд, наводнявших Средиземноморье. Именно поэтому ставка изначально была сделана на наиболее перспективный в это время тип судна. Проблема была только в отсутствии опыта.

Интересно то обстоятельство, что римляне, видимо, действовали по несколько нетрадиционной схеме подготовки к войне. Трудно вообразить, что они не рассчитывали в краткосрочной перспективе столкнуться с карфагенянами, как и предположить, что надеялись избежать морских столкновений. Как известно, существует две основных схемы подготовки к войне, требующей известного уровня технической оснащенности. В первом случае государство регулярно обновляет существующие запасы вооружения, находясь в состоянии своего рода «перманентной» подготовки к боевым действиям. При всем удобстве — отсутствует нужда в периоде «раскачки» — этот стиль имеет и тот минус, что требует значительных вложений для обеспечения элементарного обновления материальной базы; причем, чем больше масштаб подготовки, тем значительнее затраты на ремонт вооружения, замену устаревших образцов и т.д. Второй путь предусматривает строительство необходимого минимума технических средств в самый последний момент, непосредственно перед или уже в ходе боевых действий. Заметим, что в отличие от ситуации XX или XXI столетий, в эпоху античности войны не были столь молниеносны. Именно поэтому второй вариант действий

был рентабельнее и, в определенном смысле, приемлемее для римлян. В самом деле, нужда во флоте возникла только на пороге открытой войны с Карфагеном. При определенной неспешности разворачивавшихся боевых действий этот путь, даже при известной его рискованности, был вполне оправдан. Конечно, вопрос о том, что было бы, если бы карфагеняне в первые же месяцы войны предприняли массированную десантную операцию где-нибудь близ Остии или Неаполя, остается открытым. Но — сколь открытым, столь же и риторическим. Слишком не в карфагенском духе было подобное мероприятие, и слишком иные времена еще были.

Так что римляне были оправданы самой историей — в том смысле, что оказались совершенно правы, не предуготовляя себя загодя к большой морской войне. Примечательно, что эти два потока исторических событий — постройка боевого флота в Остии и подготовка транспортов для высадки на Сицилии — разворачивались почти синхронно. И они оказались достаточно тесно связанными между собой самим ходом истории.

Итак, римляне приступили к созданию флота вторжения. Для переправы в Мессану у них и в самом деле не было никакой материальной базы. Судя по данным Полибия, кораблей, пригодных для перевозки войск, не было в принципе: римляне не располагали не только парусными транспортными кораблями, но и вообще «длинными» судами современного типа; не было в наличии и обычных лодок. Возможно, находившиеся в употреблении торговые корабли в тот момент были в исключительно плохом техническом состоянии, возможно, что часть из них находилась где-то вдали от Италии с торговыми целями. В любом случае их не было в Риме, вернее, в Остии, а тем более в Мессанском проливе. Что касается лодок, то, вероятно, они имелись в остийском порту, однако переправить немореходные, в общем-то, челны вдоль половины итальянского побережья было просто невозможно. Да и наличие только легких лодок не гарантировало переправе не только успеха, но и самой возможности ее осуществить.

Выход был найден за счет союзников (собственно, за этим Рим ими и обзаводился). Сооружение и поставка кораблей всех классов были возложены на несколько союзных Риму городов Южной Италии. Мы не знаем, сколь широка была эта программа и какое количество городских общин было вовлечено в нее. Полибий называет четыре города, которые поставили Риму имеющиеся у них суда либо соорудили новые: это Тарент, Локры Эпизефирские, Элея и Неаполь. Именно эти города выставили флот из «пятидесятивесельных» кораблей и «трехпалубных» судов. Повторим — нет никаких оснований отрицать участие в этой акции и других городов Юга. Они располагали кадрами корабелов и моряков, их капитаны имели отличную репутацию и опыт. Однако источник говорит нам лишь об этих четырех городах.

Время постройки и точная численность флота нам неизвестны. Можно с уверенностью утверждать, что основная масса кораблей была уже готова, лишь часть могла быть достроена на верфях союзников, однако на это требовались дни, максимум недели. Вероятно, численность флотилии составляла несколько десятков судов, во всяком случае, не дотягивала до сотни. Слишком масштабные мероприятия еще не были насущной необходимостью. Войска были погружены на суда и отправились в свой недолгий путь. Именно здесь, в проливе между Италией и Сицилией, и произошло первое драматическое столкновение между

сторонами на море. Примечательно, что это как бы подчеркнуло характер начавшихся более чем вековых войн.

Опять же, обстоятельства этого столкновения достаточно туманны, однако стоит попытаться проникнуть за ту завесу, которая отделяет нас от реальных событий. Карфагеняне не могли не знать о приготовлениях римлян. Сколь бы краткосрочной ни была подготовка к высадке, сбор кораблей, их ремонт и достройка были слишком заметны, и об этом знало, вероятно, все заселенное греками побережье Италии. Неизвестно, на какую гавань базировался карфагенский флот и в каком составе он выступал. Кораблей вряд ли было много. Скорее всего, пунийцы выделили небольшой отряд — вероятно, в составе одного-двух десятков кораблей — с тем, чтобы попытаться сорвать переправу. Возможно, что эта эскадра просто осуществляла регулярное патрулирование Мессанского пролива. В любом случае держать здесь весь флот и «утюжить» им море постоянно было просто физически невозможно. Напомним, что римляне и союзники готовили флот, состоящий из транспортников. Даже вдвое уступающий ему по численности флот, полностью состоящий из боевых кораблей с таранами, мог элементарно перетопить добрую половину римских судов, что называется, «с первого захода» — при условии, что сам находился в непосредственной близости и не зевал.

Этого, однако, не случилось. Карфагеняне действительно напали на римлян в проливе во время переправы. Однако это нападение было не слишком результативным для них самих. Полибий вообще не упоминает о потерях римлян в людях и кораблях. Даже если они и были, то явно незначительные и никак не повлияли на результаты десантной операции. Скорее всего, карфагенская эскадра просто опоздала и напала на римские суда в завершающей стадии операции. Именно этим объясняется не только отсутствие потерь, но и ключевой эпизод начального этапа всей войны. По сути дела, карфагеняне этой атакой навредили самим себе. Один из нападавших на римлян кораблей оказался потерян при следующих обстоятельствах: кормчий не рассчитал траекторию движения корабля и, пытаясь таранить уже пристававшее к берегу римское транспортное судно, выскочил на берег. Понятно, что снять свой корабль с мели в этих условиях карфагеняне не могли — римляне просто не позволили им этого сделать. В результате судно в практически исправном состоянии досталось римлянам. Это был именно тот тип квинкверемы, который требовался как образец при строительстве собственного флота или, по крайней мере, очень близкое к нему судно. Остальное, в сущности, было делом техники. Исследовать судно, произвести необходимые обмеры и вычисления, при необходимости выполнить какие-то чертежи и переправить эту документацию, а возможно, и сам корабль в Остию было уже делом нескольких дней.

Так, в результате «подготовленной случайности», римляне получили мощный технологический импульс к строительству современного, полноценного и боеспособного флота. Надо отметить, что весь этот эпизод породил в научной литературе массу мнений и кривотолков, вплоть до полного отрицания его достоверности. Гиперкритики утверждают, что народ, незнакомый с судостроением в должном объеме, не способен качественно скопировать сложное судно. Утверждают, что случай вымышлен, а римляне и сами смогли создать адекватные суда, без опоры на якобы потерпевший крушение карфагенский корабль. В общем, схема Полибия критиковалась не раз. Однако с нашей точки зрения, схема, учитывающая

наложение на высокоразвитую производственную базу и инженерную традицию римлян конкретного случая «превратностей войны», своего рода непредумышленного технологического шпионажа, с точки зрения современности выглядит в высшей степени правдоподобно. Разве не таким же точно образом Германия в 1915 г. создала собственную высококачественную истребительную авиацию? Сколько сотен и тысяч подобных «заимствований» предоставил в распоряжение историков науки один только XX в.? Так что, на наш взгляд, Полибию можно и нужно доверять — и не только в этом случае.

Итак, первое столкновение на море состоялось. Формально победителей в нем не было, однако с объективной точки зрения, несомненно, победителями были римляне. Они выполнили свою задачу, переправив войска на сицилийский берег и не понеся при этом ощутимых потерь. Карфагеняне, напротив, с поставленной задачей — сорвать переправу легионов — не справились ни в какой степени. Так что счет уже с первых дней кампаний на море был в пользу римлян. Однако первое реальное столкновение боевых флотов произошло несколько позже.

Римляне, осуществляя свою строительную программу и используя данные, касающиеся устройства захваченного ими корабля, развернули кипучую деятельность. Любопытно, что для ускорения процесса подготовки экипажей ими был применен своего рода тренажерный комплекс, при всей своей примитивности блестяще соответствовавший возложенным на него задачам. Специально назначенные люди вербовали команды строящихся кораблей. Дабы не дожидаться спуска судов на воду, до которого было еще довольно далеко — не менее месяца, — был применен элементарный способ. На берегу в Остии был сооружен упрощенный макет интерьера корабля, состоящий из скамей, расположенных в том же порядке, что и на реальном судне. Римских военачальников можно было понять: они имели дело с «призывниками», которые попросту никогда не сидели на веслах и не имели должного понятия о синхронности движений при гребле, да и о самих движениях. Все приходилось начинать с нуля. Традиция отсутствовала, и ее создавали наспех, но вполне эффективно. Между рядами располагался келест, задававший ритм гребли, и будущие моряки, для начала вообще без весел, просто учились откидываться назад и заводили весло вперед. Сохранение этого ритма в течение длительного времени, нескольких часов, отрабатывалось до автоматизма, на что ушло немало дней, однако к тому моменту, когда корабли начали спускать на воду, гребцы, по крайней мере, имели уже базовую подготовку. Оставалось отработать движения на воде, с настоящими веслами и настоящей нагрузкой, что также требовало некоторого времени — хотя бы для того, чтобы мышцы гребцов привыкли распределять эту нагрузку в ходе многократных и монотонных движений.

Примечательно, что был применен еще один прием, весьма напоминающий современную практику кораблестроения. Корпуса кораблей спускались на воду, как только это позволяло их состояние, иными словами, корабли сходили со ступеней недостроенными. На них сразу же приступала к тренировкам команда, а рабочие верфей, тем временем (в основном по ночам и в перерывах между тренировками, но иногда и параллельно с ними) производили необходимую достройку, установку рангоута и такелажа и т. д. Это существенно сокращало срок достройки и позволяло свести к минимуму потери во времени, которое становилось все драгоценнее.

Неоднократно упоминалось в литературе применение стандартизации в процессе постройки античных кораблей и, в частности, ссылались на то, что именно подобная стандартизация на основные элементы конструкции облегчала и ускоряла постройку кораблей римлянами в эти дни. Разумеется, в отличие от археологических находок (элементов корабельного набора) с клеймами, обнаруживающихся в различных регионах Средиземноморья, применительно к ситуации в Остии в год начала Пунической войны данных у нас нет. Однако ничего неправдоподобного в такой стандартизации нет. Базируясь на опыте греческих мастеров, римляне, несомненно, не прошли бы мимо такой великолепной возможности облегчить себе задачу, тем более что она полностью соответствовала их собственному прагматически-инженерному взгляду на действительность. Изготовление базовых элементов конструкции корпуса, не говоря уже о массовом производстве весел, частей рангоута и дельных вещей, могло серьезно ускорить постройку, и было оправдано в условиях массового «госзаказа», когда в одном месте строились десятки кораблей. Кроме того, в этой ситуации можно было распределить часть заказов по многочисленным столярным и плотницким мастерским — как самого Рима, так и сопредельных с ним городов.

Вполне вероятно и возможность распределения части заказов на постройку судов среди нескольких приморских городов — союзников Рима, однако конкретных указаний на их названия в источниках нет, и эта версия остается лишь догадкой, не опускаясь на почву реальных фактов.

Именно подобная рационализация труда могла способствовать и в самом деле молниеносному созданию флота. Согласно сообщениям Флора, Плиния и Орозия, римские корабли были полностью достроены в течение ровно двух месяцев. Эта цифра порой вызывает удивление, однако, учитывая, что ее называют все три источника, это удивление представляется необоснованным. Конечно, авторы могли заимствовать цифру друг у друга или воспользоваться чересчур лояльным к римлянам первоисточником. Однако, учитывая описанную систему разделения труда и интенсивную подготовку команд на берегу, а также то обстоятельство, что римляне были кровно заинтересованы в успехе предприятия и считали строительство флота главной задачей текущего момента, есть основания полагать, что были предприняты и сверхординарные же усилия. В результате в двухмесячный срок флот все же был создан.

Всего несколько дней ушло на тренировки на воде, и новый римский флот, полностью укомплектованный и снаряженный, был практически готов к боевым действиям. Естественно, возникает вопрос: какова была реальная боевая ценность этого флота? Римляне, люди трезвомыслящие и вообще не склонные к недооценке своего противника, не могли не отдавать себе ясного отчета в том, как на самом деле ограничены их шансы на успех. Конечно, корабли были, сколь только возможно, укомплектованы греческими специалистами, а из новобранцев выжали все, что только можно. Но показательно, что несколькими строками ниже рассказа о постройке флота Полибий замечает: «...корабли римлян вследствие дурного устройства были неловки в движениях». Можно представить себе, что суда, построенные как копии доселе неизвестного образца (невольно вспоминается знаменитая история с буквальным копированием в СССР бомбардировщика В-29), отнюдь не были шедевром судостроения. В отдельных случаях мастера могли импровизировать, в результате чего страдала как прочность кон-

струкции, так и мореходные качества. Но даже если корабли и были точными копиями, во-первых, нет гарантии, что образец был последним словом техники, а во-вторых, равенство конструкций компенсировалось превосходством опыта карфагенских команд. Так что римляне отлично осознавали, сколь серьезное испытание им предстояло.

Ответом на этот вызов стал знаменитый «ворон» — безусловно, самое знаменитое нововведение римлян в тактике морских батальей. Нет никакого сомнения в том, что это приспособление было установлено на кораблях еще в процессе их постройки на верфях в Италии и достройки на плаву. Нет также сомнения и в том (это явственно вытекает из слов Полибия), что изначально абордажный мостик не имел собственного названия, и лишь позднее это детище безвестных римских гениев-инженеров получило оставшееся в веках имя — «*cogvus*». Речь о его устройстве и применении пойдет в гл. IX, здесь же отметим, что римляне интуитивно угадали верное направление выхода из тупика, создавшегося вследствие их хронической неопытности в морских батальях. По сути дела они перенесли на морскую гладь тактику своих сухопутных сражений, сознавая, что в них им нет равных. Конечно же, римские корабли были оборудованы таранами. Безраздельно господствовавшая в те времена таранная тактика морского боя была настолько логична, очевидна и естественна, что ни один флотоводец не рискнул бы разом отказаться от нее. Римляне оставили тараны как неизменный атрибут своих кораблей и при случае неплохо пользовались ими. Однако изначально в качестве как минимум вспомогательного наступательного средства мыслился и «ворон». Учтем, что тактика его применения была отработана только в теории и на тренировках войск. Никто не знал, да и не мог знать, как поведет себя это нововведение в реальной боевой обстановке — в море, в условиях противодействия противника с помощью метательного вооружения, а в перспективе — и отчаянного маневрирования, коль скоро станет ясно, насколько эффективен этот «ворон» в бою. Однако римляне были уверены в своем изобретении. Впрочем, ничего другого им просто не оставалось: пора было воевать.

Полибий упоминает о «воронах» достаточно поздно — непосредственно перед рассказом о сражении при Милах, однако у нас нет никаких оснований полагать, что корабли римлян были оснащены этим приспособлением только в этот момент. Да, о его употреблении ранее речь не идет, однако единственное столкновение до мильской эпопеи — эпизод у Липарских островов. Скорее всего, «воронами» оснащали не все корабли. На триремах вероятнее всего, он не ставился: эти корабли были легче квинкверем и несли меньше солдат-пехотинцев, высота надводного борта была меньше. Полноценный абордажный бой был затруднен — его можно было вести только с равным противником, т. е. с вражеской триремой. Патрульное, конвойное и т. п. назначение трирем очевидно. А именно они, конечно же, принимали участие в операции у Липар. Менее понятно, почему не применили «вороны» в схватке с отрядом из 50 карфагенских судов, но об этом чуть ниже. Поэтому случаев применения «воронов» ранее сражения у мыса Милы и не описано — их просто не было.

Вновь построенный флот вышел в свой первый поход. Командующий флотом, Гней Корнелий, столь активно рвался в бой и был, вероятно, настолько уверен в своих способностях, что допустил изрядную ошибку, разделив с самого

начала свои силы. Общее назначение флоту было дано — двигаться вдоль побережья Италии в направлении сицилийских берегов. Учитывая, что обстановка на Сицилии была к тому моменту не вполне ясная, нужно было определиться с местом базирования морских сил, источниками их снабжения, направлениями первоочередных действий и вообще осмотреться на месте. Понятно, что делать это должен был в первую очередь сам командующий флотом. Однако Гней Корнелий отправился в Мессану во главе совсем небольшой эскадры в составе 17 судов. Остальным кораблям надлежало по готовности (т. е. по завершении всех достроечных мероприятий) следовать за ним в Мессанский пролив. Гней действительно благополучно прибыл в Мессану, на несколько дней опередив основные силы своего флота. Тут-то и произошло событие, которое иногда рассматривается как первая операция римского флота в этой войне и чуть ли не в его истории вообще.

Собственно, назвать его сражением попросту невозможно, ибо до боя как такового дело даже не дошло. Неудачность этого боевого эпизода для римлян, а также определенная его унижительность были следствием в первую очередь самонадеянности главкома, его пренебрежения элементарными правилами безопасности и критического отношения к разведанным. Данные Полибия довольно поверхностны, однако ситуация прочитывается предельно ясно. Целью Гнея были Липарские острова. Их исключительно удачное стратегическое расположение объясняло интерес к этому архипелагу. Липары были удобной стоянкой, облегчавшей движение от итальянского побережья к центральной части северного побережья Сицилии — путь через них сокращал расстояние и позволял совершать переход, фактически не теряя землю из виду. Находящийся на них флот мог с успехом контролировать Мессанский пролив со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Наконец, Липары позволяли карфагенянам «нависать» над итальянскими владениями римлян, чего следовало опасаться. Ведь Карфаген долго и успешно использовал Липарские острова как одну из основных баз своего флота в этом регионе. Карфагеняне неоднократно совершали пиратские нападения на побережье Италии от Неаполя и южнее. Эти набеги совершались достаточно большими силами — есть данные, что в них одновременно участвовало до 70 боевых кораблей. Одной из самых удачных баз для промежуточных стоянок карфагенян и были Липары, а подобное положение дел римлян устраивать, понятно, не могло.

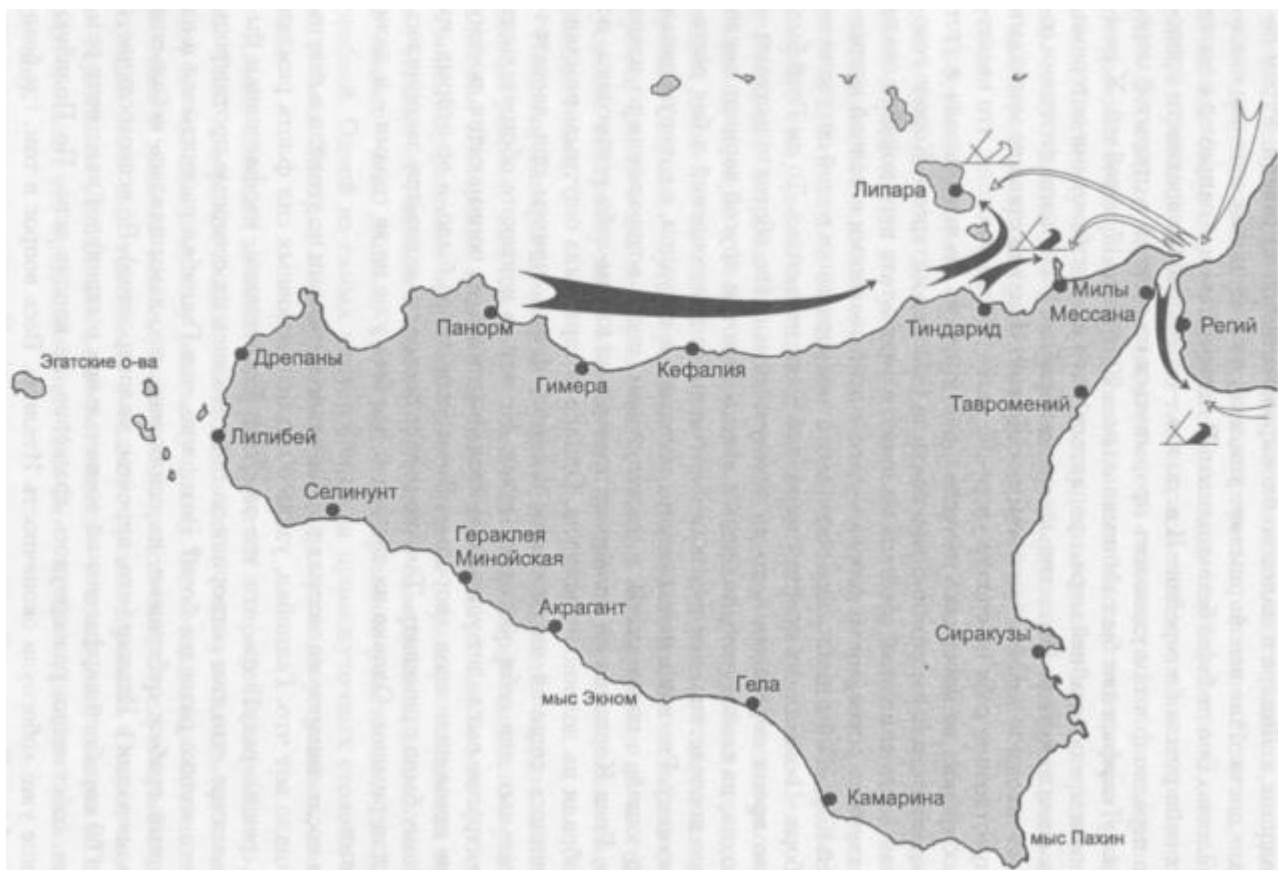
Иными словами, замысел Гнея был логичен и хорош. Подкачала его реализация. Гней доверился людям, обещавшим сдать главную гавань архипелага, Липару, без боя подошедшему римскому флоту. Остается загадкой, узнали ли карфагеняне о замысле командующего непосредственно перед операцией, или вся ситуация была ими тщательно и толково срежиссирована. Второе кажется более вероятным. Дополнительные источники — в частности, сведения Полиэна — подтверждают это предположение. Как бы то ни было, римлян грамотно вели в ловушку.

Прибыв в гавань Липары, Гней не принял элементарных мер безопасности. Судя по всему, дозорная служба вовсе не была организована, иначе сложно объяснить дальнейшее. Командующий карфагенским флотом, Ганнибал (не путать с Ганнибалом — героем Второй пунической войны) отправил своего подчиненного

Боодеса с отрядом из 20 кораблей, дав ему задание запереть флотилию римлян в бухте, где она бросила якоря.

Надо сказать, что карфагеняне прекрасно справились с задачей. Ночью их эскадра подошла к Липаре и надежно блокировала выход из гавани. Утром ситуация стала достаточно ясной: римляне увидели, в каком положении они оказались. Безусловно, оно не было безвыходным. В последующем — например в эпоху Восточных войн римлян в середине II в. до н. э. — подобные превратности происходили, но нередко флотам удавалось прорываться из гаваней в открытое море. Перевес сил у карфагенян был минимальным — 20 против 17 кораблей. У римлян были шансы — по крайней мере, прорваться, хотя и с неизбежными потерями. Однако произошло другое. Вероятно, команды кораблей были психологически совершенно не готовы к подобному повороту событий. Недавно ставшие моряками римляне чувствовали себя не вполне уверенно даже просто в походе; что касается союзных греков, то наверняка значительная часть их не испытывала в этот момент желания столь откровенно рисковать за римские интересы. Короче говоря, большая часть экипажей сбежала на сушу, в результате чего корабли стали просто плавучими островами из дерева — хотя и пребывавшими в полной исправности. Гней Корнелий и немногие оставшиеся с ним соратники в этой ситуации не имели выбора — воевать, по крайней мере, они были не в силах. То ли Гней был захвачен во время переговоров, то ли принужден к сдаче обстоятельствами — неизвестно, да, на самом деле, не очень и важно. И тот, и другой вариант имели идентичные последствия: вся римская флотилия без повреждений и боя досталась противнику. Римляне, надо сказать, отнеслись к ситуации, в которую попал их командующий, с пониманием: в последующем, после возвращения из плена на родину, Гнея Корнелия не только не подвергали каким-либо репрессиям, но и вновь избрали на должность консула. Однако потеря была ощутима: римляне разом лишились седьмой части своего военного флота, причем при достаточно унижительных для себя обстоятельствах. Кстати, в контексте обстоятельств несколько странно выглядит удивление исследователей, не понимающих, почему римляне не применили свои «вороны». Во-первых, их не было, а во-вторых, их просто некому было применять. Так что первое боевое столкновение закончилось плачевно для римлян. Однако их звездный час был уже не за горами — и даже не за морями.

Вскоре после липарского захвата карфагеняне чуть сами не угодили в ловушку. Произошло вот что. Ганнибал, узнав о подходе основных сил флота римлян из Остии, решил разузнать, что это за флот. Естественно, карфагенянам было небезразлично, что там сотворили за пару месяцев их северные противники. Была ли это только разведка боем? Возможно, что Ганнибал рассчитывал и на традиционный грабеж побережья, не исключено, что замышлялась небольшая десантная операция в Италии (что, впрочем, маловероятно). Во всяком случае, с флотом из 50 кораблей карфагенский военачальник выдвинулся навстречу римлянам. Где, собственно, развернулось сражение, не вполне ясно. По Полибию, карфагеняне уже «обогнули оконечность Италии». Весь вопрос в том, где базировался их флот. Если это было в гавани на севере Сицилии, то тогда встреча произошла южнее крайней оконечности Калабрии; если флот был где-то в районе восточного побережья Сицилии — эта встреча должна была состояться к северо-западу от калабрийских берегов. Первое кажется более вероятным, однако Ган-

Боевые действия в 260 г. до н. э.

нибал все-таки шел *навстречу* римлянам, а не догонял их. Однако, где бы ни состоялась эта встреча, она стала полной неожиданностью (!) для карфагенян. Римляне шли по-боевому, в развернутом строю.

Непонятно, на что рассчитывали карфагеняне, но в развернувшейся скоротечной таранной схватке Ганнибал потерял большую часть из своих 50 судов и в панике отступил с немногими оставшимися. Предлагавшееся объяснение этого эпизода, согласно которому карфагеняне стояли на якоре, а не натолкнулись на римлян, малоубедительно. Скорее всего, римляне предполагали возможность встречи или в силу простой осторожности, или пользуясь данными разведки. Более интересно то, что в этой стычке (как-то даже неловко называть ее сражением) римляне не применили «вороны», хотя они, несомненно, стояли на их кораблях. Скорее всего, корабли просто не были укомплектованы абордажными командами по штату и с них некого было высаживать на вражеские палубы. Ведь, согласно приказу уже находившегося к тому времени в плену Гнея Корнелия, осуществлялась просто перегонка судов в Мессану или на другую базу — поближе к театру основных действий. Боевое столкновение, конечно, предполагалось, но его вероятность была относительно невысока. А содержать легионеров на судах было гораздо более обременительно, чем укомплектовать корабли абордажными командами на месте новой стоянки. Ну и, конечно, сказался численный перевес римлян — он был двукратный. В общем, боевое крещение флота прошло вполне пристойно. Трофеев, правда, особых не стяжали — при качественном таранном ударе у корабля противника было мало шансов остаться на плаву более нескольких минут. Однако и потерь, похоже, не понесли, а флот противника уменьшили весьма существенно.

Теперь наступила пора подготовки к решающему сражению, ради которого, собственно, и строился флот. Прибыв на Сицилию, римские флотоводцы узнали о печальной участи своей передовой эскадры и своего командующего, увезенного карфагенянами в тыл. Начали спешно готовиться к бою. Флот был расквартирован вместе с сухопутным войском, на корабли поднялись абордажные команды. Производились последние тренировки, проверялись конструкция и работоспособность «воронов». Те корабли, на которых «воронов» еще не было, в спешном порядке оснащались таковыми. Флот ждал благоприятного момента для сражения и сам рвался в бой. Примечательно, что римляне, эти новички на море, сразу же заявили о себе как об активной, наступающей стороне. Их флот был создан отнюдь не для того, чтобы противодействовать неприятелю. Его главной задачей сразу же мыслилось завоевание господства на море и уничтожение карфагенских эскадр. Теперь ожидали подходящей погоды, да еще случая, чтобы неприятель «открылся». Ожидания эти увенчались успехом.

Командовавший сухопутным контингентом римлян Гай Дуилий только от посланцев с кораблей узнал о несчастном пленении Гнея Корнелия и о том, что флот остался без командующего. Не раздумывая, он передал сухопутное войско своим трибунам, а сам возглавил флот. Трудно представить более откровенное подчеркивание значимости нового рода вооруженных сил. Через несколько дней разведка сообщила, что карфагеняне опустошают окрестности города Милы, находившегося на северном берегу Сицилии, всего в нескольких милях от Мессаны. Немедленно весь римский флот вышел в море и двинулся к Милам.

Вполне разумно предположить, что обе стороны примерно в равной мере стре-

мились к встрече друг с другом и решающему сражению. Карфагеняне вывели в море весьма большие силы, что явно демонстрировало их серьезные намерения — это была не просто разведка боем.

Встреча двух флотов произошла сравнительно недалеко от берега. Римляне, предполагая столкновение с противником, шли в полной боеготовности. Карфагеняне, в общем-то, тоже не зевали, и их разведка держала ухо востро. Есть все основания полагать, что сражение состоялось утром или, по крайней мере, в первой половине дня — карфагеняне накануне вытащили свои суда на берег, опасаясь всяких случайностей, столь обычных в боевой обстановке, и корабли их находились на суше, когда флот Дуилия оказался в непосредственной близости от места стоянки. Но фактор внезапности своей роли в этом сражении практически не сыграл. Римляне были замечены то ли дозорными постами на берегу, то ли легкими силами флота задолго до их подхода. По крайней мере, карфагенские моряки успели спустить суда на воду и привести их в порядок, а также выйти в открытое море — если бы римлян заметили сами корабельщики, эта схватка могла иметь совсем трагический для Карфагена исход. Так что застать врагов врасплох римлянам все-таки не удалось.

Однако урок, преподанный совсем недавно Ганнибалу, не пошел впрок. Карфагеняне даже не сочли нужным соблюдать строй и вести регулярный бой по правилам. Видимо, традиционное и укоренившееся презрительное отношение к «пешеходам» из Лация никак не могло покинуть карфагенское массовое сознание; на римлян смотрели как на легкую добычу, которая сама идет в сеть.

Командовавший пунийцами Ганнибал только что прибыл с прямо противоположной стороны острова Сицилия, из Акраганта. Он, несомненно, был уверен в победе и гордо вел свой флот, командуя флагманом — квинкверемой, имевшей, надо сказать, весьма почтенный возраст и историю: этот корабль некогда принадлежал самому царю Пирру. Ганнибал вывел в море 130 судов, т.е. едва ли не в полтора раза больше, чем могли выставить римляне. Численность римского флота в этом сражении вряд ли превышала 90 кораблей — сказались потери в Липарском инциденте, да и какая-то часть судов, несомненно, была отряжена для поддержки войск в Проливе и дозорной службы. В обоих флотах главной действующей силой были квинкверемы — триремы играли явно вспомогательную роль, и их было немного. Есть упоминания — впрочем, не во всех источниках — о наличии в числе карфагенских кораблей по крайней мере одной септиремы. Она, в частности, оказалась потом в числе римских трофеев. Кораблей такого класса у римлян вообще не было, однако у них было кое-что лучше.

По мере того, как корабли сближались, самые осторожные из карфагенян начали испытывать смутное беспокойство. На носках всех римских кораблей вздымались «вороны», выглядевшие, конечно же, довольно непривычно и загадочно. Однако большинство просто с удивлением и интересом рассматривало эти неведомые штуковины, не имея ни малейшего представления, как их можно использовать. Наконец, флоты сблизилась и карфагеняне устремились в атаку. Собственно, в атаку устремились обе стороны, но тактика ее была принципиально разной. Если целью пунийцев были скуловые части, борта и весла римлян, то последние стремились во что бы то ни стало оказаться в непосредственной близости от борта ближайшего корабля врагов — так, чтобы его борт оказался в

зоне досягаемости железного крюка «ворона». Дальнейшее было делом техники и пехотинцев.

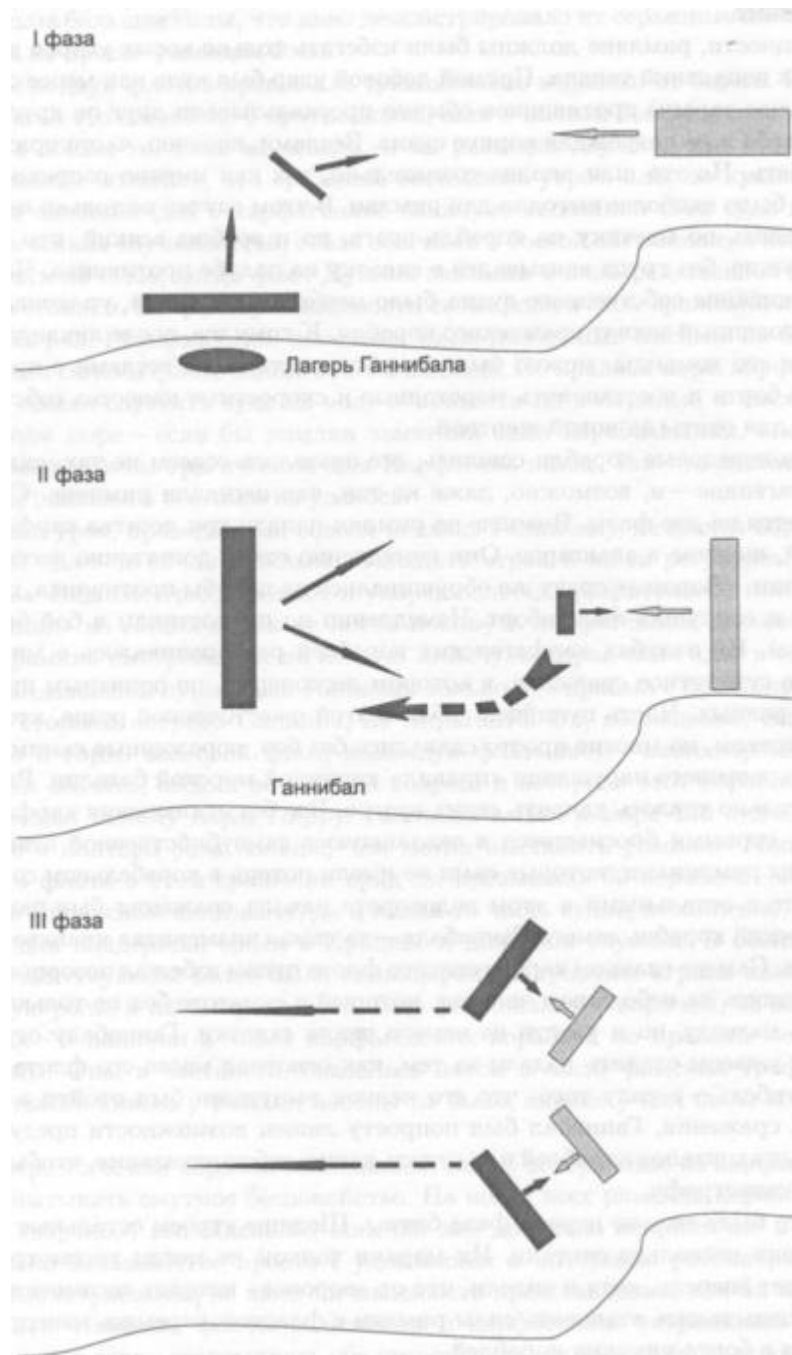
В сущности, римляне должны были избегать только косых ударов в скулу и бортовых попаданий тарана. Прямой лобовой удар был куда как менее опасен. В этом случае тараны противников обычно проскальзывали друг по другу, не нанося ущерба и не повреждая корпус судна. Веслами, конечно, часто приходилось жертвовать. На это шли вполне сознательно, так как именно соприкосновение бортами было наиболее выгодно для римлян. В этом случае не только легионеры перебирались по мостику на корабль врага, но и вообще всякий, кто мог держать оружие, без труда ввязывался в схватку на палубе противника. Частичное обездвиживание собственного судна было необходимой ценой, уплачиваемой за гарантированный захват вражеского корабля. К тому же, после ликвидации или пленения его команды, можно было воспользоваться его веслами с противоположного борта и восстановить мореходные и скоростные качества собственного корабля для охоты за новой жертвой.

Когда передовые корабли сошлись, все оказалось совсем не так, как ожидали карфагеняне — и, возможно, даже не так, как ожидали римляне. Сражение распадается на две фазы. Вначале на римлян напали три десятка карфагенских кораблей, шедшие в авангарде. Они немедленно стали достаточно легкой добычей римлян. «Вороны» сразу же обрушивались на палубы противника, пробивая настилы и сокрушая фальшборт. Немедленно по их мостикам в бой бросались легионеры. На палубах карфагенских кораблей разворачивалось в миниатюре типичное сухопутное сражение, в котором легионерам, по понятным причинам, не было равных. Часть пунийцев гибла в этой ожесточенной резне, кто-то спасался бегством, но многие просто сдавались без боя, пораженные самим фактом столь откровенного нарушения «правил» типичной морской баталии. Римлянам действительно удалось удивить своих врагов. Все без исключения карфагенские корабли, первыми бросившиеся в оказавшуюся самоубийственной атаку, были захвачены римлянами, которые сами не имели потерь в корабельном составе.

Вместе с остальными в этом водовороте начала сражения был захвачен и флагманский корабль самого Ганнибала — та самая знаменитая квинкверема царя Пирра. Сам же главнокомандующий карфагенского флота чудом избежал позорного пленения, спасшись на небольшом челноке, который в суматохе боя не только сумели спустить на воду, но и увести из самого пекла схватки. Ганнибалу оставалось только с ужасом следить издали за тем, как основная масса его флота идет на верную гибель — в силу того, что его челнок вынужден был отойти в сторону от места сражения, Ганнибал был попросту лишен возможности предупредить остальных капитанов кораблей или отдать какие-либо приказания, чтобы предотвратить катастрофу.

Но это была только первая фаза битвы. Шедшие строем остальные корабли карфагенян несколько отстали. Их моряки толком не могли рассмотреть, что происходит впереди, хотя и видели, что от «воронов» исходит несомненная угроза. Они попытались атаковать силы римлян с флангов, стремясь нанести удары таранами в борта римских кораблей.

Строй пунийского флота начал «течь», расходясь в стороны и стремясь охватить сражающиеся или уже искавшие новую добычу римские корабли. По мере приближения корабельщики могли все более отчетливо наблюдать всю страш-

Сражение у мыса Милы 260 г. до н. э.

ную картину повсеместного разгрома собственного авангарда, а также вблизи убедиться, что действие нового секретного оружия римлян поистине разрушительно и фактически непреодолимо. Карфагеняне, в итоге, решили атаковать римский флот с флангов. Причем решение это было массовым и спонтанным: в этот момент, естественно, единое командование было утрачено, и каждый из командиров кораблей принимал решения о характере атаки на свой страх и риск. Логика была вполне очевидна: карфагеняне стремились наносить удары в борта либо корму римских кораблей, надеясь, что «вороны» в этой ситуации будут бессильны им помешать. Пунийцы рассчитывали на быстроходность своих кораблей и, как следствие, преимущество в выборе позиции при маневрировании. Действительно, в условиях обычного боя эта тактика была обречена на успех, однако в конкретной ситуации первого использования римлянами абсордажной тактики она потерпела фиаско. С какой бы стороны карфагеняне ни пытались атаковать римские суда, их неизменно встречали металлические клювы «воронов». Благодаря своей подвижности и тому, что ометаемый ими сектор был близок к 270 градусам, т. е. к трем четвертям окружности, римские абсордажные мостики встречали противника с любого направления.

Вся «соль» таранного удара заключалась именно в том, что атакующему кораблю было необходимо дать хотя бы незначительный задний ход, с тем чтобы освободить пробойную в борту вражеского судна от закрывавшего ее собственного тарана. В контерстие устремлялась вода, катастрофически уменьшавшая плавучесть подвергнувшегося атаке судна. К тому же оно лишалось опоры в виде ростра противника — оставаясь в сцепленном состоянии корабли могли оставаться на плаву весьма долго, если не постоянно. В этом случае атака практически теряла смысл. Именно этого и добились, в конечном счете, римляне. Даже если карфагенскому судну и удавалось протаранить борт своего противника, этот удар не достигал цели. Имевшие полную свободу вращения «корвусы» опускались на палубу карфагенского судна, с грохотом проламывая ее настил и намертво скрепляя оба судна. Разорвать эти «объятия» можно было, только оставив на клюве «ворона» кусок собственного борта с частью палубы, да и то лишь теоретически — на практике это не удалось никому. Так что даже если римский корабль и получал повреждения, абсолютно несовместимые с нахождением на плаву, это не вело к его гибели: суда намертво скреплялись, а римские солдаты довольно быстро очищали корабль противника от команды и войск. Потом уже можно было подумать и о ремонте собственного судна.

Впрочем, часто римляне не терпели и этого ущерба. Маневрируя в ограниченных пределах фактически стоя на месте или имея чрезвычайно малый ход, они наводили «вороны» на палубы вражеских судов, одновременно избегая таранного удара, который приходился в результате по касательной в скулу корабля, не нанося последнему ощутимого урона. Решающими в этом эпизоде сражения стали прочностные характеристики узлов крепления абсордажных мостиков к набору кораблей римлян, однако эти конструкции с честью выдержали предъявленные им колоссальные нагрузки. Несомненно, имела значение и сноровистость и общая подготовленность тех немногочисленных «наводчиков», которые непосредственно опускали «вороны» на палубы врагов. Эта подготовка могла быть только следствием регулярной и усиленной тренировки, что, кстати, работает на версию об изначальной установке мостиков на корабли.

Так что в течение непродолжительного времени выяснилось, что любые ухищрения карфагенян наталкиваются на практически непреодолимую стену римской тактики, искусное маневрирование римлян и стойкость их легионеров. Все атаки закончились плачевно для атакующих: карфагеняне ни разу не имели успеха — в том смысле, что не захватили ни одного римского корабля. В то же время сами они понесли тяжелейшие потери. В результате этой второй фазы сражения римляне захватили в качестве трофеев 50 вражеских судов — т. е. половину основной группы атаковавших их карфагенских судов. Остальные корабли, либо не предприняв атаки вообще, либо чудом избежав abordaja, в панике ретировались, даже не пытаясь — по вполне понятным причинам — организовать какое-то подобие повторного натиска на корабли римлян.

Данные о потерях карфагенян приводятся в нескольких источниках, однако они разнятся. Пожалуй, наиболее точен в цифрах Орозий, согласно которому 31 корабль был захвачен и 13 потоплено; к тому же он упоминает о 3000 карфагенян, погибших в этом сражении и о 7000 плененных пунийцев. Евтропий «утопил» на один карфагенский корабль больше. Надпись в честь Гая Дуилия гласит, что захвачено было 30 квинкверем и трирем и одна септирема, а потоплено 30 судов. Наконец, Полибий сообщает, что потеряно было около 80 кораблей — 30 в первой фазе боя и 50 во второй. Таким образом, общие потери пунийцев колеблются, в зависимости от источника, в пределах 44–80 кораблей. Иными словами, они потеряли от одной до двух третей выведенного в море флота. Это был действительно впечатляющий результат, особенно если принять во внимание степень опытности сторон в морских баталиях. Таким образом, римляне потопили или пленили едва ли не столько же кораблей противника, сколько сами располагали. Случай, надо признать, примечательный для военно-морской истории человечества.

Любопытно, что практически все античные авторы, которые упоминают об этом сражении, делают заметный и примерно одинаковый акцент на разнице качества кораблей сторон. Они достаточно отчетливо указывают, что корабли карфагенян были более быстроходными и маневренными, нежели римские, однако явно проигрывали им по своим размерам и конструктивной прочности. Так, один из авторов, Флор, дает весьма вдохновенное и образное описание начального этапа боя: «восхищения достойна красота схватки, когда быстрые, как бы летавшие по волнам корабли врагов окружались нашими тяжеловесными и неуклюжими судами».

В истории морских баталий достаточно часто можно встретить примеры того, что крупные размеры могут быть как положительным, так и отрицательным качеством судна в бою. Уменьшая степень его реакции на переключивания руля или увеличивая инертность, этот параметр явно повышает непотопляемость судна, а в случае abordajного боя дает его команде неоспоримые преимущества. Однако пониженная маневренность никак и никогда не относилась к достоинствам корабля. Остается думать, что маневренность судов противников не так уж сильно различалась, зато римляне имели преимущества за счет «воронов», превращая бой во всеракурсный, что было явно не на руку пунийцам. Именно это обстоятельство позволяет разгадать на главную загадку этого сражения.

Одна из главных проблем первого регулярного морского сражения, данного римлянами, заключается в реконструкции боевого построения сторон во время битвы. Точных данных в источниках нет, кроме самого факта наличия или отсут-

ствия строя в тот или иной момент, что породило в научной литературе немало домыслов и кривотолков. Общим местом являются рассуждения об имевшем место построении в виде двойного фронта. Это вполне возможно, однако отнюдь не является ни очевидным, ни необходимым в данном случае. Римляне в первой фазе боя в принципе могли быть выстроены именно так, хотя в этом случае придется признать, что они шли в этом строю еще до того, как обнаружили карфагенян: сдваивание фронта в условиях визуального контакта с противником и быстрого сближения маловероятно при отсутствии у римлян привычки к активному маневрированию больших строев кораблей. Еще менее вероятно сдваивание фронта основными силами карфагенян во второй фазе боя — смысла в этом не было практически никакого и это лишь уменьшало ударную силу карфагенского флота. Такими же фантастичными кажутся попытки авторов построить римлян в финальной фазе боя в кольцо, каре или иные замкнутые боевые порядки. И уж совсем странным выглядит реконструированный в новейшей литературе маневр карфагенского флота, бросающегося не только во фланговую атаку, но в том числе и в ловушку между шеренгами римских кораблей: такой самоубийственной атакой могли порадовать неприятеля только затесавшиеся в массовом порядке в когорту пунийских шкиперов саботажники и «враги карфагенского народа». Даже малоискусшенные в таранном бою противники не устояли бы перед таким соблазном.

Несомненно, главной ошибкой карфагенян (если не считать недооценки противника) было поэтапное введение в бой своих сил. Римляне, по крайней мере, на первом этапе схватки, получили явное преимущество над противником, разгромив его и лишив главнокомандующего. Вероятно, основные силы немного отстали: во всяком случае, маловероятно сознательное ослабление своих сил даже в условиях презрения к римлянам-морякам. Но эта ошибка обошлась карфагенянам очень дорого. Римляне действительно получили возможность беспрепятственно взять в полукольцо авангард противника, который шел в ловушку: карфагеняне, атакуя, оказались из-за численного перевеса римлян пассивной стороной. Фронт Дуилия просто «втягивал» в себя противника, которому оставался только путь фронтального сближения, в то время как римляне могли выбирать ракурс схождения с вражеским кораблем; к тому же они могли как минимум вдвоем атаковать одно судно врага. В этой фазе сражения карфагеняне были обречены.

В дальнейшем карфагеняне, утратив кардинальное численное превосходство над римлянами и своего командующего, просто не могли рискнуть атаковать их фронтально и тем более окружить — им оставалась тактика фланговых атак. Как представляется, вторая фаза сражения развернулась на большой акватории и носила хаотичный характер — ни о каких строях здесь не могло быть и речи. Ближайшие друг к другу корабли сцеплялись, в результате чего практически всегда исход этого единоборства оказывался предрешенным; часть карфагенских кораблей просто не вступила в схватку — именно они и спаслись, в конечном счете.

Однако было бы ошибкой приписывать решающую роль в этой победе разделению сил. Подлинными героями сражения оказались римские «вороны» и римские же легионеры. Впервые в военно-морской истории в чистом и классическом виде был применен абордаж. Традиционная для Средиземноморья и, конечно

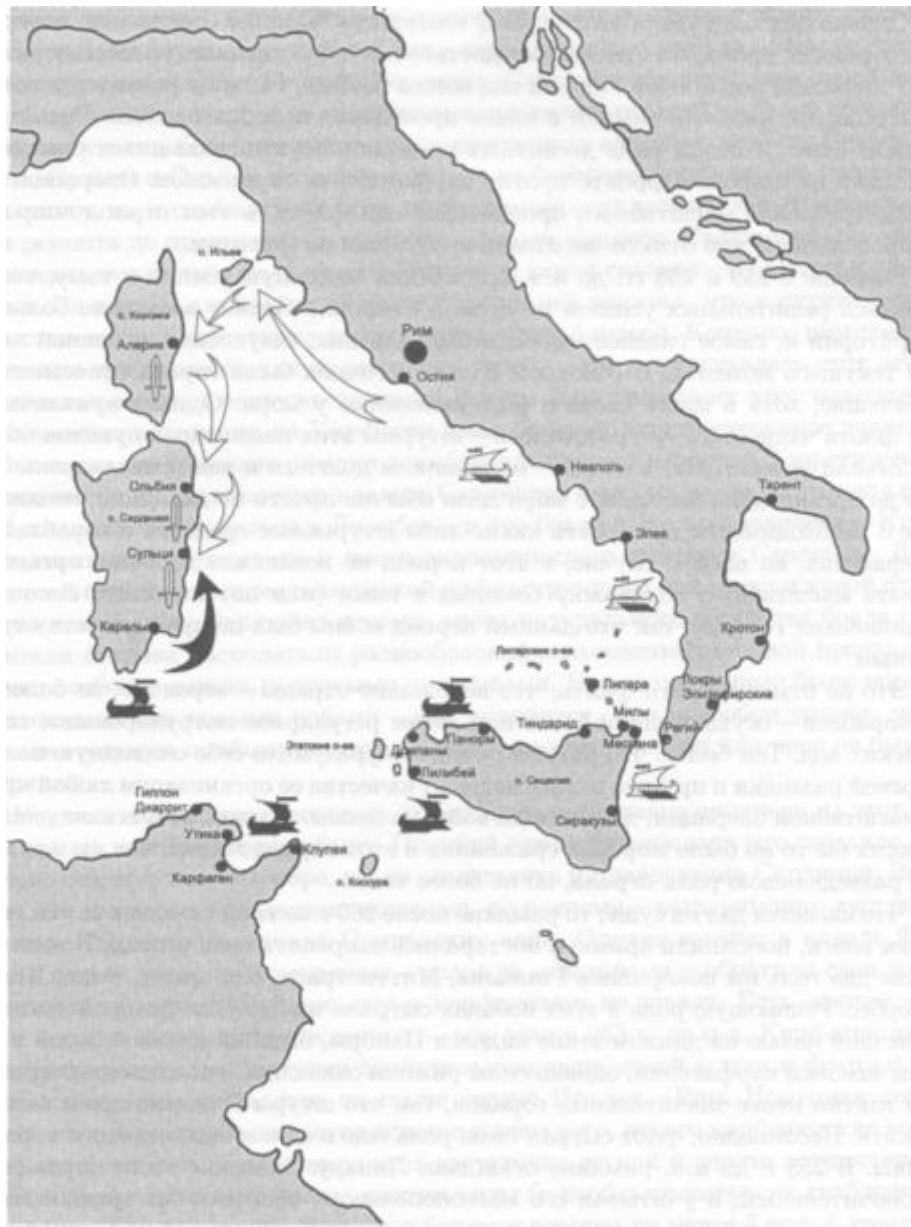
же, для карфагенян, тактика таранного сражения, вне которой не мыслилась морская битва, внезапно отступила перед совершенно новаторским подходом к вопросу римлян. «Эффект новичка», к тому же, сработал безотказно. Римлянам не на что было оглядываться, они смотрели только вперед и над ними не довлела никакая традиция. Как потом выяснилось, они угадали наиболее перспективный путь развития военно-морского искусства и сделали по нему первый и весьма удачный шаг.

Значение битвы при Милах заключается даже не столько в утрате карфагенянами изрядной части корабельного состава — в конце концов, эту потерю можно было относительно легко восполнить. Проблема заключалась в том, что был создан прецедент разгрома карфагенского флота — и кем? Противником, который в недалеком прошлом самими карфагенянами вообще всерьез на море не воспринимался. Римляне же обрели не только и не столько важный тактический опыт, испытав на практике, в совершенно критической обстановке, свое новшество, сколько уверенность в своих силах. В этой одержанной ими моральной победе крылся ключ к победоносному завершению Первой пунической войны и вообще к победе над Карфагеном. Однако до этого было еще очень и очень далеко.

После отмеченного пароксизма морских битв, всплеск которого пришелся как раз на 260 г. до н.э., в боевых действиях на море наступила совершенно новая фаза. Назвать ее стагнационной невозможно, однако нет никакого сомнения в том, что морская война временно перешла в своего рода латентную стадию. В течение двух полных сезонов боевых действий — 259 и 258 гг. до н.э. — ни та, ни другая сторона не предпринимала широкомасштабных шагов на просторах Средиземного моря.

Несомненно, причиной этого стал не милый разгром, более того, битва при Милах вызвала цепь взаимосвязанных событий, которые первоначально не были на руку римлянам. Так, по сообщению Полибия, непосредственно после этого победоносного для римлян сражения уже на суше в лагере римлян разгорелась едва ли не потасовка по поводу того, кому именно принадлежит честь быть автором этой победы. Спорили между собой союзники римлян, которыми, в массе своей, и был укомплектован флот на уровне экипажей и командиров — и, естественно, сами римские легионеры, из которых комплектовались отряды морской пехоты. Понятно, что с нашей точки зрения этот спор малопродуктивен и несколько абсурден по своей сути, ибо только комплексное использование всех возможностей флота обеспечило победу. Однако в том далеком году распря привела к тому, что союзники римлян разбили свой лагерь в некотором отдалении от легионеров, за что и поплатились в ближайшем будущем. Узнавшие об этом карфагеняне напали на союзнический лагерь, истребив в нем не менее четырех тысяч человек. Собственно, сыграло роль сребролюбие, вполне объяснимое, впрочем, поскольку честь победы была важна не столько сама по себе, сколько как обоснование претензий на главную часть захваченных трофеев. Так что сражение при Милах имело достаточно печальное продолжение на суше.

Само же по себе оно не меняло кардинально и тем более бесповоротно обстановку ни на море, ни в войне в целом. Переключив внимание на сухопутные операции на Сицилии, а также на периферийные театры боевых действий, про-

Боевые действия и зоны патрулирования в 259 г. до н. э.

тивники с неизбежностью вынуждены были отказаться от концентрации всех усилий на собственных флотах. Генеральные сражения не замышлялись, не планировались, а тактика незначительных по масштабам операций фактически исключала «случайное» (как бывало раньше) столкновение двух боеготовых флотов со всеми вытекающими последствиями в виде спонтанной битвы нескольких сотен кораблей.

Однако недооценивать этот период «затишья» было бы совершенно неверно. В его рамках произошло несколько достаточно существенных по своему значению операций, повлиявших как на ход войны вообще, так и на развитие и совершенствование навыков римлян в плане проведения подобных акций. Речь идет, прежде всего, о целом ряде десантных операций, осуществлявшихся римскими войсками на широком фронте против карфагенских гарнизонов. Операции, которые требовали масштабного привлечения сил флота, в этот период попросту не проводились, что отнюдь не означало затишья на фронтах.

Римляне в 259 и 258 гг. до н. э. приложили максимум усилий к тому, чтобы добиться решительных успехов на суше в Сицилии. Захват возможно большей территории и, самое главное, городов был для них, безусловно, основной задачей текущего момента. В основном целью легионов были города относительно небольшие, хотя в массе своей и расположенные у моря. Однако привлечения сил флота чаще всего не требовалось — штурмы этих населенных пунктов обычно бывали успешными, а осады — не слишком долгими и изматывающими. Так что до организации блокады с моря дело обычно просто не доходило, не говоря уже о необходимости применять какие-либо штурмовые средства с кораблей. У карфагенян, во всяком случае, в этот период не возникало желания организовывать масштабную поддержку союзных с ними (или потенциально союзных) сицилийских городов, так что данный период войны был по преимуществу сухопутным.

Это не отменяет того факта, что небольшие отряды — вероятно, не более 5–10 кораблей — осуществляли более или менее регулярное патрулирование сицилийских вод. Тем более, что римляне отлично уразумели себе очевидную пользу морской разведки и прямую зависимость от качества ее организации любой крупномасштабной операции, да и исхода войны в целом. Однако отсутствие данных о каких бы то ни было морских сражениях в этот период заставляет думать, что эта разведка свою роль играла, но не более того.

Что касается дел на суше, то римляне после 260 г. активно взялись за усиление своих войск, пополнили армию и постарались закрепить свои успехи. В последующие два года им покорились Гиппаны, Миттистрата, Камарина, Энна, Камик и Гербес. Решающую роль в этих победах сыграло применение осадной техники. Конечной целью на данном этапе виделся Панорм, бывший главной базой и местом зимовки карфагенян, однако силы римлян оказались в основном исчерпаны при взятии менее значительных городов, так что штурм Панорма пришлось отложить. Несомненно, флот сыграл свою роль еще в одном эпизоде этого периода войны. В 258 г. до н. э. римляне осаждали Липару. Значение этого порта было исключительным, а учитывая его местоположение, обойтись без транспортных и боевых кораблей для поддержания связи с сухопутной армией на Сицилии и в Италии, а также для организации блокады было в принципе невозможно. Однако чрезвычайная скудость информации об этой операции заставляет воздержаться от каких-либо умозаключений касательно характера боевых действий на море под Липарой.

Более полной информацией мы располагаем относительно другого большого острова Средиземноморья, который попал в орбиту этой войны именно в данный период. Речь идет о Сардинии.

Значение этой территории было, безусловно, чрезвычайно высоко. Особенно

ярко это проявилось в годы Второй пунической войны, которая обнаружила всю прозорливость римлян, установивших в свое время контроль над этим островом. Фланкируя акваторию Тирренского моря, Сардиния представляла собой удачную базу, располагавшую целым рядом подходящих гаваней на своем восточном побережье и еще большим количеством приличных якорных стоянок. Города Каралы, Сульци и Ольбия позволяли не только базировать там вполне приличные флотилии, но и снабжать их всем необходимым — от строительных материалов для ремонта до пропитания и пресной воды для моряков. Сардиния была расположена сравнительно недалеко от Италии и, самое главное — от Остии и самого Рима. Во всяком случае, опыт последующих лет показал, что в случае нужды она становится элементарно достигаемой и очень близкой. Конечно, римляне интуитивно чувствовали, какую реальную угрозу может представлять этот остров в качестве стоянки недружественного флота. Для них самих этот плацдарм в плане выгод нападения на Карфаген имел, конечно, третьестепенное значение. Однако для противников римлян все обстояло как раз наоборот. Теоретически и практически для карфагенян владеть Сардинией было то же самое, что для римлян, скажем, обосноваться в Лилибее — и это без всякого преувеличения. Кроме того, нельзя не учитывать и чисто экономического значения Сардинии. Даже при всей неразвитости экономической инфраструктуры той эпохи и явной отсталости населявших Сардинию племен, эпоха натурального хозяйства брала свое. Жители острова располагали разнообразной сельскохозяйственной продукцией и, что особенно важно, зерновыми культурами. Новые подданные были новыми союзниками или новыми рабами — как получится. Это, в любом случае, несло дополнительную прибыль и ресурсы, которые никогда и ни для кого не бывали лишними.

Неудивительно, что и римляне, и карфагеняне издавна смотрели на этот остров как на вожденную добычу. Полибий прямо утверждает, что римляне, как только они вступили на море, стали помышлять и о завоевании Сардинии. Впрочем, это высказывание можно понимать по-разному — ведь римляне «вступили на море» задолго до начала Пунических войн. Однако именно в начале 250-х годов до н.э. римские командиры — вслед за сенаторами — обратили свои взоры на запад, за море. Тем более, что и карфагеняне не зевали. Есть данные — хотя и недостаточно подтвержденные, — что уже в 263 г. до н.э. Карфаген начал концентрировать на Сардинии значительную часть своей армии и флота с тем, чтобы совершить нападение на самое сердце Италии — Рим. Некоторое сомнение в этих данных порождается непониманием того, отчего карфагенские военачальники так и не осуществили этот достаточно легкий и вполне осуществимый план и держали значительные контингенты (с необходимостью их снабжения и поддержания морального духа) под боком у римлян не менее 5 лет. А римляне, кстати, выводили свой флот далеко на юг и не придавали первостепенного значения охране метрополии. Карфагеняне, без сомнения, совершали в начале войны не слишком масштабные тревожащие набеги на итальянское побережье. Но эти набеги не были ни массовыми, ни слишком опасными.

Не меньшее значение для противоборствующих сторон теоретически имела и Корсика. Однако римляне были гораздо в большей степени заинтересованы в овладении этим островом, который оставался в тени своего более крупного соседа. Строевой лес и меньшие, но все же ощутимые, продовольственные ресурсы

привлекали к нему внимание. Как база для флота карфагенян он подходил куда меньше, но, в сущности, Сардиния и Корсика были настолько взаимосвязанной системой, что римляне, безусловно, не рассматривали их как нечто раздельное.

В то же время внимание, уделяемое Карфагеном Корсике, было исключительно. Пунийцы предпочитали держать население острова в страхе и повиновении и исключить саму возможность опоры римлян на Корсику. Под угрозой смертной казни корсиканцам запрещалось выращивать хлеб и плодовые деревья — взамен этого карфагенский флот брал на себя снабжение острова необходимым продовольствием. Понятно, что такая политика — достаточно обременительная для карфагенской казны — была вынужденной и акцентированно антиримской. Она была одновременно и индикатором значимости острова для римлян.

Как бы то ни было, интерес к острову со стороны пунийцев был явно обозначен, и вполне симптоматично, что в битве за Сардинию в 259-258 гг. до н. э. карфагенян возглавлял тот самый Ганнибал, который выступал в качестве карфагенского главкома на море в предыдущие годы. Но именно здесь звезда этого незадачливого тезки великого полководца стала клониться к закату, а потом покинула небосклон вовсе, причем при весьма трагических обстоятельствах.

После битвы при Милах Ганнибал с остатками своего флота отплыл в Карфаген. Можно представить себе, что главкома там встретили не слишком радостно и ласково. Тем не менее от командования он отстранен не был. Флот пополнили, отремонтировали и доукомплектовали. Весной 259 г. до н. э. он был отправлен с дополнительным контингентом войск на борту на Сардинию. Известно, что командный состав все же был заметно усилен. Помимо Ганнибала флот располагал большим количеством специально прикомандированных опытных капитанов, среди которых были известные в Карфагене флотоводцы. Более того, в отличие от Полибия, остальные авторы именуют главкома Ганноном. Впрочем, они могли осуществлять командование и совместно — на разных уровнях. Сенат Карфагена явно уже не вполне доверял своему командующему и пополнил кадры. Нет сомнения, что карфагеняне рассчитывали на морское сражение в большей степени, чем на вульгарный грабеж италийского побережья или, тем более, разработку ресурсов самой Сардинии. Необходимо было выманить римлян и завлечь их в ловушку. Однако события стали развиваться совсем по другому сценарию.

Сенат распорядился о посылке римского флота в корсиканские и сардинские воды с самыми решительными намерениями. Корабли были взяты с сицилийского фронта. Их количество было явно не менее сотни — в противном случае маловероятным представляется успех в дальнейшем, у берегов Сардинии. Примечательно, что, в отличие от сицилийской высадки, с которой началась война, здесь была осуществлена массированная переброска значительного воинского контингента не через смехотворные километры Мессанского пролива, а на сотни километров, в том числе несколько десятков миль было пройдено непосредственно в открытом море, до корсиканского побережья. Сама по себе эта операция для римлян была беспрецедентна и стала блестящим достижением. Без подобных тренировок в условиях боевой обстановки были бы невозможны аналогичные и гораздо более масштабные транспортные операции в дальнейшем, которые, в конечном счете, принесли римлянам победу в войнах с Карфагеном. Несомненно, в операции приняли участие транспортные корабли, а не только боевой флот.

Общая численность войск, переброшенных в этот момент на острова, судя по всему, была менее десяти тысяч человек, но никак не меньше пяти тысяч. Командование флотом принял Луций Корнелий Сципион. Флот совершил достаточно быстрый «прыжок» к северному побережью Корсики, а затем, воспользовавшись отсутствием здесь значительных карфагенских контингентов, реализовал высадку десанта вблизи главного населенного пункта Корсики — Алерии. В штурме города флот участия не принял, в силу как его скоротечности, так и полной достаточности сил у римлян на суше.

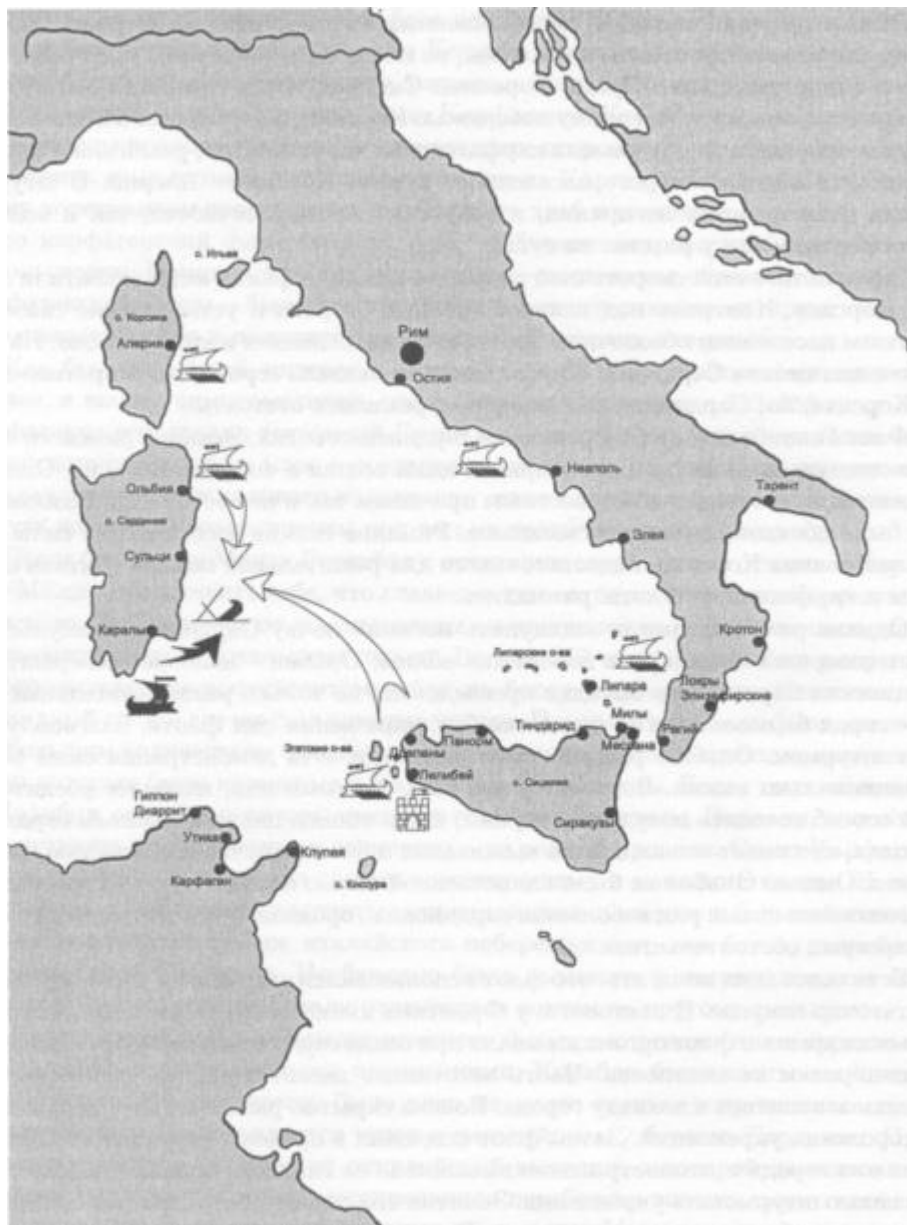
В результате этой скоротечной операции римляне фактически захватили остров Корсику. Контроль над главной гаванью острова и установление связей с местным населением обеспечили прочность их положения в этом регионе. На повестке дня стояла Сардиния. Карфагеняне не оказали серьезного сопротивления на Корсике, но, Сардинию, несомненно, стремились отстоять.

Флот Ганнибала уже базировался в сардинских водах. Эскадра римского консула двинулась на юг, и флоты практически вошли в соприкосновение. Однако сражение по совершенно неизвестным причинам так и не состоялось. Возможно, это было обоюдное желание главкомов. Римляне еще не восстановили силы после завоевания Корсики, недостаточными для решительной победы считали свои силы и карфагеняне. Флоты разошлись.

Однако римляне смогли «пошупать ногами» почву Сардинии. Консульский флот совершил высадку на побережье вблизи Ольбии — наиболее северного из сардинских портов. Эта высадка преследовала не только разведывательные цели — город был осажден и, опять же без применения сил флота, благополучно взят штурмом. Ольбию разграбили и подожгли. Эта демонстрация силы была принципиально важна. В ту эпоху это был, без сомнения, наиболее убедительный способ показать полудиким горцам, как и вполне цивилизованным сардам в городах, кто имеет все шансы на выживание и благополучие под властью новых хозяев. Однако Ольбия не была единственной целью похода. В эту же кампанию был захвачен целый ряд небольших сардинских городков, причем при достаточно интересных обстоятельствах.

Есть основания полагать, что флот использовался римлянами уже в эту эпоху достаточно искусно. В частности, у Фронтинума имеются сведения о том, что консульская армия и флот организовывали при осаде сардинских городов подлинные инсценировки на местности. Часть пехотинцев десантировалась ночью вблизи предполагавшегося к захвату города. Войска скрытно располагались неподалеку от городских укреплений. Затем флот подходил в пределы визуального обнаружения из города и демонстративно высаживал не слишком большое войско с явной целью штурмовать укрепления. Заметив это, защитники устраивали вылазку с целью перебить непрошенных гостей. Естественно, в городе оставался минимум войск. Затем второй десант демонстративно отступал, увлекая за собой разгоряченных погоней защитников. Естественно, штурм слабо охраняемого города становился относительно легкой задачей для затаившихся в засаде легионеров. Учитывая, что этот прием сработал несколько раз, надо признать, что легковерие сардинцев и изощренность тактического мышления римлян были примерно на одном уровне.

Существенную проблему при интерпретации сообщений источников составляет разнесение событий по годам. Не вполне понятно, какие из эпизодов островных

Боевые действия и зоны патрулирования в 258 г. до н. э.

баталлий относятся к 259, а какие — к 258 г. до н. э. Вероятно, что римляне взяли небольшой «тайм-аут». Возможно, что войска и флот, в основной своей массе, были даже отведены в Италию. Однако нет никаких оснований считать, что консульская армия и флот вовсе покинули Корсику. Во всяком случае, имела место явная передышка в боевых действиях. Но с приходом весны 258 г. до н.э. они разгорелись с новой силой.

В этот же момент римский контингент был существенно усилен. Как мы помним, на Сицилии к 258 г. наметились ощутимые успехи римского оружия. В результате часть войск оттуда, а также дополнительные силы флота были отправлены к берегам Сардинии. В сущности, эта переброска была еще более сложной операцией, чем прошлогодняя корсиканская экспедиция. Морские переходы были куда продолжительнее. Нет сомнения, что римляне вполне осознанно готовились к экспедиции в Африку. Уже теперь, в разгар войны, когда еще ничего толком не было определено, они думали о перенесении боевых действий на территорию противника. Хотя, скорее всего, это не было реальной целью. Проводилась сознательная дезинформация противника, поскольку известно, что римляне через подставных лиц, выдававших себя за дезертиров, стремились убедить карфагенское командование, что главной целью является именно экспедиция в Африку.

Флотом и войсками командовал Гай Сульпиций Патеркул. Переход флота к Сардинии был успешным. Здесь римские войска соединились с остававшимися с прошлой кампании контингентами и вскоре вступили в схватку с флотом Ганнибала. Мы располагаем только данными о результатах этого столкновения. Реконструируя ситуацию, ясно видно, что состоялась морская битва, имевшая, однако, ограниченный характер. Потери карфагенян были достаточно велики, и они, без сомнения, проиграли эту схватку. Вынужденный отступить Ганнибал укрылся в одной из гаваней на сардинском побережье. Возможно, это был порт Сульци. Попытка взять реванш была заведомо проигрышной — новый выход флота в море принес только новые потери. Становилось ясно, что эта «сардинская бухта Чемульпо» не принесет ни победы, ни славы. Дальнейшие события очень ярко демонстрируют состояние дел в карфагенском флоте и отвечают на вопрос о том, почему Карфаген проиграл войну. Уцелевшие в сражениях карфагеняне схватили собственного адмирала и в порыве ненависти тут же его и распяли. Такие крутые меры, разумеется, не исправили положения вещей. Остатки карфагенского флота были захвачены римлянами.

Относительно незначительные масштабы действий на море и побережье в этот период не могут заслонить от нас всего их значения. В результате двух кампаний карфагеняне лишились своих опорных баз на этих двух важнейших островах к западу от Италии. Стратегия вытеснения карфагенян из региона сработала вполне успешно. Периферия римского влияния, о которой раньше в сенате задумывались скорее как о некоем воображаемом горизонте политической перспективы, стала в эти годы превращаться в часть римской республики — пока еще робко, но уже неуклонно. Тирренское море в результате кампании 259–258 гг. до н. э. понемногу начало превращаться во внутренний водоем Рима. Разумеется, было бы неразумно преувеличивать скорость этого процесса, ведь и в годы Второй пунической войны Сардиния и Корсика временами будут оказываться спорной территорией, но вектор развития Центрального Средиземноморья был изменен бесспорно.

Не менее важно и то, что римляне, наконец, получили столь необходимый и жизненно важный опыт дальних морских экспедиций. Постепенность и рациональное наращивание усилий в этом направлении вызывают уважение. К концу периода «затишья» римляне были способны к дальним переходам морем и переброске значительных контингентов в пределах всей «зоны актуальности», т. е. вплоть до самого Карфагена. Возможно, желание забежать вперед и решить про-

блему очень быстро, в одну кампанию, будоражило мысли некоторых сенаторов, но до этого было еще далеко. И, вместе с тем, материальные и моральные предпосылки к этому уже имелись. В любом случае вопрос о перенесении войны в Африку вставал на повестку дня.

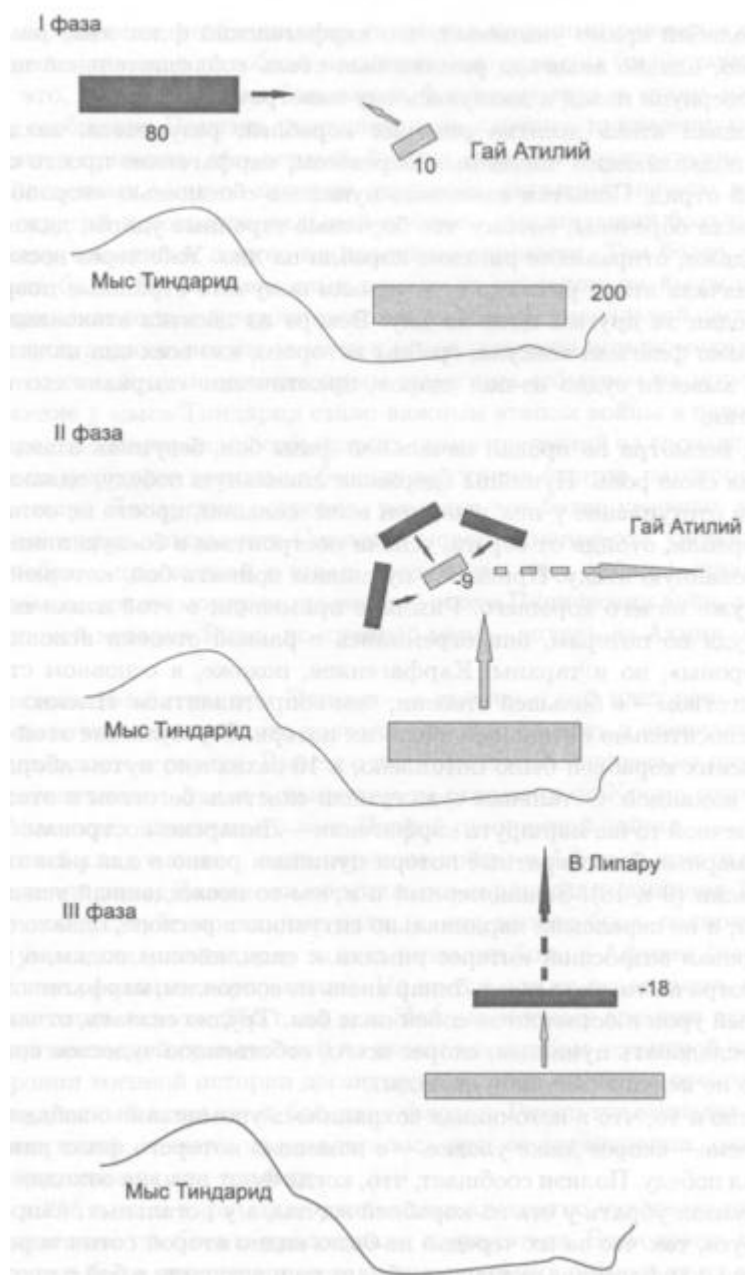
Новые события принес и римлянам, и карфагенянам 257 г. до н. э. Командующим римским флотом был назначен консул Гай Атилий. Флот в этот период традиционно контролировал район Мессанского пролива. Выведенные с Сардинии корабли были отремонтированы, а состав флота пополнен новыми судами, построенными на остийских верфях. К весне 257 г. до н. э. флот консула был у берегов Сицилии. У ее северного побережья и развернулось очередное сражение с карфагенянами, вошедшее в историю как бой у мыса Тиндарид.

Традиционной точкой приложения главных усилий римлян в сицилийских водах оставались Липарские острова. Устойчивый контроль над этим регионом, несмотря на все усилия, римляне установить пока так и не смогли. Регулярные патрулирования зоны Липар и периодические незначительные стычки не перерастали в сражение крупного масштаба. Однако рано или поздно оно должно было произойти.

Ожидавшееся сражение, как обычно и бывает, произошло все-таки неожиданно. Римляне вывели в море достаточно крупное соединение. Оно включало в себя более 200 кораблей разных классов. Это был не весь римский флот того времени, но, во всяком случае, не менее двух его третей. Часть кораблей оставалась в сардинских водах, часть контролировала акваторию Мессаны. Все прочие силы были отправлены к Липарам. Замышлялась, конечно, атака архипелага и его главного порта. В ожидании перехода морем флот стоял у берега за мысом Тиндарид, располагавшимся практически на траверзе островов, всего в нескольких десятках миль от берегов Сицилии. Вероятно, стоянка была относительно продолжительной — обстоятельства сражения показывают, что значительная часть кораблей попросту не была в боеготовом состоянии — экипажи находились на берегу, а возможно, на берег же вытащили и часть самих кораблей. Во всяком случае, появления карфагенян не ждали.

Те же, в свою очередь, сами шли навстречу этому сражению. Флот, собранный пунийцами, насчитывал 80 кораблей. Командовал эскадрой Гамилькар Барка. Он, безусловно, в гораздо большей степени прославился в качестве отца знаменитого Ганнибала, героя эпохи Второй Пунической войны, нежели как самостоятельный полководец или флотоводец, хотя и провел бой у Тиндариды. Целью этого похода, скорее всего, были также Липарские острова, будь ею атака кораблей римлян в районе Мессаны, можно было бы ожидать от пунийцев большей агрессивности при виде противника — пусть и превосходящего по численности, но неспособного к мгновенной реакции.

Римляне стояли на якоре, когда из-за мыса начали показываться карфагенские корабли. Они, надо отметить, тоже следовали в беспорядке и были несколько обескуражены, заметив врага. Консул Гай Атилий, рвавшийся в бой и стремившийся добыть победу в этих, как ему казалось, вполне благоприятных условиях, немедленно отдал приказ об атаке карфагенского флота. Корабли вынуждены были сниматься с якоря по готовности, вразнобой, и так же точно начинать атаку. Более того, Гай Атилий, не намереваясь ждать свои основные силы, ринулся в

Бой у мыса Тиндарид в 257 г. до н. э.

атаку всего с десятком кораблей. Разумеется, ситуация не слишком способствовала успеху этого поступка. Как бы ни был решительно настроен римский консул, силы в начальной фазе боя были слишком неравными. Карфагеняне, обнаружив противника, сразу поняли, в каком состоянии он находится. Главной их ошибкой было то, что они позволили спровоцировать себя и втянулись в бой с авангардом

консула. Полибий прямо указывает, что карфагенский флот явно намеревался пройти мимо, однако авангард римлян был столь соблазнительной целью, что пунийцы повернули назад и двинулись ему навстречу.

Бесстрашная атака десятка римских кораблей, разумеется, захлебнулась. Пользуясь подавляющим численным перевесом, карфагеняне просто окружили консульский отряд. Попытки атаковать пунийцев с помощью «воронов» в этой ситуации были обречены, потому что бортовые таранные удары, даже в случае удачи абордажа, отправляли римские корабли на дно. Уже через несколько минут после начала атаки римские суда начали получать страшные повреждения корпуса и один за другим идти ко дну. Вскоре из десятка атаковавших судов остался только флагман консула, гребцы которого, изо всех сил налегая на весла, сумели вывести судно из-под ударов, практически «вырвав» его из самого пекла схватки.

Однако, несмотря на провал начальной фазы боя, безумная атака Гая Атилия сыграла свою роль. Пунийцы одержали локальную победу, однако времени на маневр и отступление у них уже, при всем желании, просто не осталось. Все римские корабли, отойдя от берега, успели построиться в боевую линию и начали организованную атаку. Пришлось пунийцам принять бой, который не сулил теперь им уже ничего хорошего. Римляне применили в этой атаке смешанную тактику. Судя по потерям, они стремились в равной степени использовать не только «вороны», но и тараны. Карфагеняне, похоже, в основном стремились спастись бегством — в большей степени, чем сопротивляться. Именно этим объясняется относительно небольшое число их потерь. В результате этой фазы боя 8 карфагенских кораблей было потоплено, а 10 захвачено путем абордажа вместе со всей командой. Остальные суда сумели спастись бегством и отступили на север, к конечной точке маршрута карфагенян — Липарским островам. Таким образом, суммарные безвозвратные потери пунийцев ровно в два раза превысили потери римлян (9 к 18). Закономерный и в чем-то неожиданный успех римлян, быть может, и не переломил кардинально ситуацию в регионе, однако отчетливо символизировал возросший интерес римлян к сицилийским водам, а не только суше. Несмотря на то, что захват Липар вновь не состоялся, карфагенянам нанесли ощутимый урон и оставили за собой поле боя. Трудно сказать, отчего Атилий не стал преследовать пунийцев; скорее всего, собственное чудесное спасение заставило его не искушать судьбу дважды.

Интересно и то, что в источниках сохранилось упоминание о забавном тактическом приеме — скорее даже уловке, — с помощью которого флот римлян, якобы, одержал победу. Полиэн сообщает, что, когда флот римлян отходил от берега, консул приказал убрать у ста из кораблей мачты, а у остальных, напротив, распустил паруса, так что за их чередой не было видно второй сотни кораблей. Соответственно, карфагеняне оказались обмануты и вступили в бой с противником, которого они считали равным по численности. Несмотря на наличие подобного свидетельства, оно вызывает массу сомнений. И дело даже не в том, что под парусами в атаку обычно не ходили, а в хронологии сражения и последовательности его фаз. Теоретически «занавесить» парусами горизонт было вполне возможно, однако тогда получается, что карфагеняне не рассмотрели сразу, какова численность флота римлян, еще до атаки их авангардом консула. Кроме того, выходит, что консул успел не только на ходу отдать приказ об атаке, но и просчитать

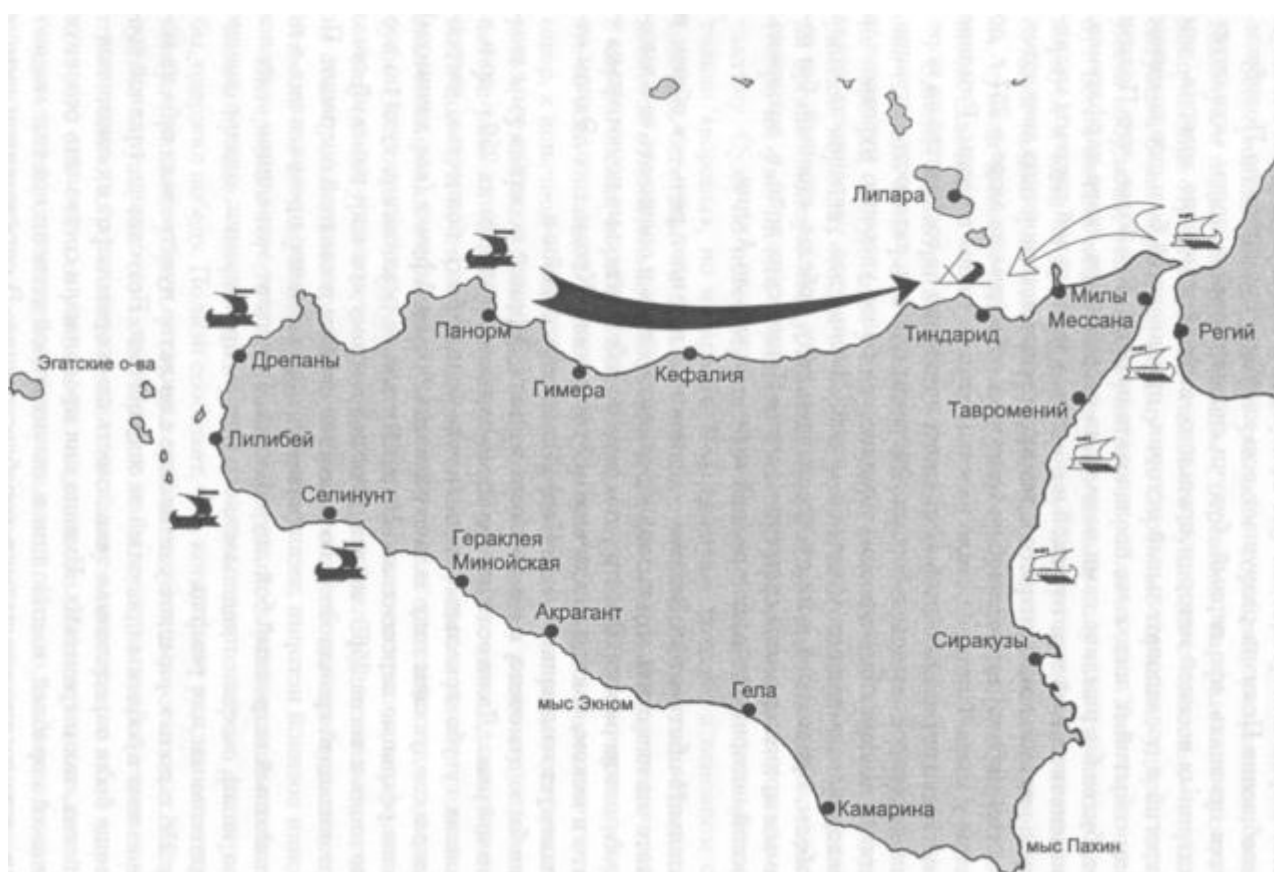
реакцию карфагенян, необходимость сокрытия истинных размеров своих сил, а также довести приказ о подобной маскировке до эскадры (представить себе, что он делал это, вырвавшись из боя, когда флот уже шел в атаку, невозможно). В общем, сообщение Полиэна разрушает всю картину, приведенную Полибием. И приходится признать, что первый, будучи скорее исследователем «кундштюков», свойственных военной истории прошлого, вызывает меньше доверия, чем второй — строгий и последовательный историк, придававший большое значение общему ходу событий и логике их последовательности. Тем более, что Полиэн утверждает, будто бы римляне сами напали на стоявших на якоре карфагенян. Так что применение такой экзотической и по-своему уникальной системы маскировки следует, видимо, все же отнести к разряду военно-исторических анекдотов.

Вместе с тем, будучи единственным заметным событием на море в 257 г. до н.э., сражение у мыса Тиндарид стало важным этапом войны в целом. Римляне еще раз продемонстрировали серьезность своих претензий на господство на море. Несмотря на некоторое затишье в боевых действиях флотов, патовость ситуации, спорный статус Липарских островов, римляне все более уверенно чувствовали себя в акваториях омывавших Сицилию морей. Именно эта уверенность стала залогом победы, пришедшей к ним в следующем году, победы, ставшей, без сомнения, самым ярким морским сражением эпохи Пунических войн, а, возможно, и всей морской истории Рима, по крайней мере — вплоть до Акция.

Обстоятельства битвы при Экноме — а именно о ней идет речь — в общем и целом достаточно известны, что позволяет анализировать и оценивать ее с высокой степенью достоверности. Вместе с тем сама по себе она весьма поучительна — как в стратегическом, так и в тактическом отношениях. Кроме того, Экном отчетливо знаменует изменение в ходе Первой пунической войны.

Как уже было отмечено, идея переноса войны в Африку посетила умы римлян достаточно рано. Даже если корсиканско-сардинская кампания 259 г. до н.э. и преследовала сугубо локальные цели (в чем нельзя быть полностью уверенным), то уже в следующем году задача разведки боем в Африке (как минимум) имела вполне реальные перспективы. Но время для ее реализации, судя по всему, настало лишь к весне 256 г. до н.э. Как раз к этому времени римский сенат занялся организацией грандиозной по своим масштабам десантной операции. По вечной иронии военной истории десантная операция внезапно превратилась в не менее грандиозный встречный бой двух флотов. Результат экспедиции оказался совершенно иным, нежели предполагалось при ее организации, однако вполне удовлетворительным для римлян.

Итак, к 256 г. до н.э. римляне уже вполне адекватно чувствовали себя на море. Определенные проблемы продолжали сохраняться. Безусловно, главной среди них все еще была определенная зависимость самих римлян от их союзников — как италийских, так и греческих. Именно они продолжали составлять основную массу экипажей кораблей, именно они в значительной степени все еще монополизировали технологические навыки кораблестроения. В определенном смысле римляне продолжали оставаться заложниками этих союзников, лояльность которых в значительной степени зависела от положения дел на фронтах. Однако безусловное владение инициативой в плане тактики давало римлянам исключительно важную фору. Располагая возможностью выбора между традиционным

Боевые действия и зоны патрулирования в 257 г. до н. э.

таранным боем (в котором они вполне, как оказалось, могли тягаться с пунийцами) и абордажем (в котором им попросту не было равных), римские флотоводцы уже не чувствовали себя «юнгам», как, вероятно, незадачливый Гней Корнелий еще три-четыре года назад.

Невзирая на сложности, римляне продолжали уделять всевозрастающее внимание подготовке своего флота. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в боевых действиях на суше наступило определенное затишье. Карфагеняне, видимо, тоже почувствовали это нарастание напряженности и перенесли свои усилия на подготовку морских сил. Как бы то ни было, но на Сицилии в сезон 257–256 гг. до н. э. и в самом деле не происходило ничего примечательного, а войска, по словам Полибия, довольствовались мелкими стычками. Всем было ясно, что это затишье долго не продлится.

Напряженная учеба моряков и подготовка легионеров для морской пехоты сочетались в этот период с увеличением общей численности сухопутных войск, предназначавшихся для десантной операции, а также с постройкой новых судов. В результате весной 256 г. до н. э. флот вторжения был полностью готов и укомплектован по штату. В его составе насчитывалось 330 кораблей разных классов. Здесь были и боевые корабли — преимущественно квинкверемы и триремы, — и транспортные суда, перевозившие войска, припасы и амунизию. Общая численность войск, которые находились при флоте, оценивается авторами примерно в 40 тысяч человек. Для операции проводился специальный отбор наиболее храбрых и опытных солдат в пехоте. Римляне не могли рисковать — абордажные партии должны были быть безупречны, а в случае высадки в Африке эти войска были единственной надеждой — помощи ждать было неоткуда. Не вызывает никакого сомнения, что главной задачей этой армии была высадка в Африке. Подобный контингент был, пожалуй, избыточен для действий на Сицилии и, в общем-то, превышал потребности в морском бою. Место предполагаемой высадки нам неизвестно — скорее всего, таковым должен был стать наиболее близкий пункт на африканском побережье, т. е. окрестности Клуpei. Однако достигнуть его в том году было римлянам не суждено.

Основная масса войск и флота, как и прежде, зиму провела в Остии, Риме или городах юго-западного побережья Италии. Пунктом сбора была назначена Мессана. Именно здесь флот был приведен в полную боевую готовность, а войска распределены по кораблям. Часть войска, однако, продолжала оставаться на суше — она могла вполне благополучно пересечь Сицилию и выйти к точке randeву с эскадрой, это было намного проще и рентабельнее, чем везти все колоссальное войско по морю. К тому же часть воинских контингентов продолжала выполнять различные задания командования в глубинных районах острова, и некоторые из этих подразделений отводились на южное побережье для погрузки на корабли. Конечной точкой сбора и стал мыс Эконом, расположенный на южном побережье Сицилии, примерно на середине перехода морем между Акрагантом к Камариной. Именно здесь, близ устья реки Гимеры, собирались войска, именно сюда кормчие по приказу консулов привели корабли, преодолев предварительно добрую половину периметра сицилийских берегов. Минувя Сиракузы и обогнув мыс Пахин, флот через несколько дней добрался до Эконом.

Во главе соединенного флота Римской республики стояли два безусловно выдающихся командира. Консулы Марк Атилиус Регул и Луций Манлий Вольсон не

первый год участвовали в боевых действиях и были далеко не новичками. Атилий Регул, в частности, прославился еще до Пунических войн, отлично проявив себя при завоевании Южной Италии — под его командованием был взят порт Брундизий. Вольсон также был известен своими успешными кампаниями. Вместе с тем им досталась нелегкая обязанность: руководить громадным флотом было и без того непросто, а опыт крупномасштабных перебросок легионов был у всех римских командиров в тот период минимален — если вообще присутствовал. Что касается морского сражения, то здесь и вовсе требовалась школа, которая только складывалась — необходимый «гумус» опыта морских схваток еще только нарастал. Впрочем, вероятность прямого морского сражения рассматривалась как относительно низкая, поэтому консулов назначали на флот прежде всего исходя из интересов наземной операции. Однако и на этот раз сенаторы не промахнулись.

Таким образом, флот и сухопутные войска встретились у Экнома и стали готовиться к последнему броску. Вероятнее всего, промежуточные стоянки у сицилийского берега всерьез не планировались. Римские командиры предпочитали прямой переход морем по кратчайшему направлению к африканскому побережью. Рисковать и распылять силы близ побережья Западной Сицилии, где были весьма сильны позиции пунийцев и неподалеку располагалась их главная база флота, не было ни малейшего резона. Однако внезапный «кинжальный удар» в «мягкое подбрюшье» Ливий не получился — план римлян оказался разрушенным в самом начале, фактически еще до его серьезной реализации. Их противники также не сидели весной сложа руки.

Карфагеняне, конечно же, располагали информацией о планах неприятеля. Их позиции на Сицилии были достаточно прочны, а информаторы из местного населения — что еще важнее — исправно отрабатывали свои деньги. Утаить подготовительные мероприятия такого масштаба, длившиеся к тому же многие месяцы, было просто невозможно. Когда же речь зашла о концентрации войск на южном побережье острова, никаких сомнений в назначении этих действий уже просто не могло оставаться. Трудно сказать, на каком этапе осуществления римского плана он был раскрыт карфагенянами, но очевидно, что подготовка ответных действий началась едва ли не синхронно. К моменту сбора римлян у Экнома маховик ответных действий карфагенян достиг полной мощности.

Не менее очевидно, что карфагенский сенат и командование мечтали о решительном морском сражении и взятии реванша за многочисленные уже к тому времени неудачи. Карфагену насущно необходимо было переломить ход войны на море в свою пользу — от этого в конечном итоге зависела судьба всей кампании. Очевидно и то, что карфагеняне разрывались между несколькими необходимостями. С одной стороны, насущной задачей было недопущение высадки в Африке. Отлично зная слабые стороны своей обороны, карфагенские военачальники как огня боялись вторжения римлян с их легионерами на побережье Ливий. Помимо слабости укреплений как таковых не приходилось надеяться на лояльность местного населения: характер власти Карфагена исключал симпатию со стороны покоренных африканских племен, которые ничего не имели против того, чтобы расправиться со своими хозяевами. Предотвратить это, очевидно, можно было двумя путями: либо перехватив и уничтожив римский флот в пути следования, либо сковав действия армии вторжения вне пределов Африки — в Сицилии. С другой стороны, требовалось вообще возвращать себе инициативу в боевых дей-

ствиях. Первый вариант развития событий, судя по всему, начал отрабатываться карфагенянами с самого начала. Об этом свидетельствует большое количество войск, отряженных для проведения кампании.

Полибий упоминает, что «число войск их, судя по кораблям, превышало сто пятьдесят тысяч человек». Он же несколько ранее свидетельствует, что карфагеняне вышли в море с тремястами пятьюдесятью палубными кораблями. Разумеется, невозможно представить себе, чтобы в это число были включены только войска, перевозимые на кораблях. В этом случае придется вообразить, что корабли перевозили по 400-500 человек, не считая припасов и снаряжения. Если добавить хотя бы две-три сотни гребцов на корабль, то получится монстр, который вряд ли пригоден даже для демонстрации силы иноземным послам в собственной гавани. Вероятно, указана общая численность и гребцов, и десантных партий. В таком случае как раз и получается, что численность собственно войск в карфагенском флоте была никак не менее римских 40 тысяч человек, а скорее всего, дотягивала до 50 тысяч. Это была действительно серьезная сила, о наличии которой римляне до поры до времени не знали. Несомненно, данные о контрподготовке пунийцев у них были, но истинные масштабы таковых открылись лишь в самый последний момент. Тем более, что остается непонятным, какая часть этого войска находилась на кораблях с самого начала. Ведь вполне возможно, что значительное количество наемников наняли и погрузили на суда только на Сицилии. В этом случае задача римлян по сбору разведанных еще усложнялась.

Сформированный и укомплектованный экипажами флот покинул Карфаген и, совершив переход морем, достиг Лилибея. Это произошло, вероятно, примерно в одно время с прибытием римской эскадры в Мессану. Здесь корабли привели в порядок, запаслись продовольствием и, погрузив войска, двинулись на юго-восток. Следующей промежуточной базой карфагенского флота стала Гераклея Минойская, и именно отсюда он отправился в свой последний поход. Во главе карфагенского флота стояли Ганнон и уже знакомый нам Гамилькар Барка. Конечно, легко выносить вердикты с высоты двух тысяч лет исторического опыта, однако приходится признать, что объективные обстоятельства, видимо, наложились на субъективное отсутствие избыточных талантов у этих двух карфагенских адмиралов. Как бы то ни было, надежд в этом бою они не оправдали.

Карфагеняне, как мы уже убедились, разрывались между двумя вызовами. Вероятно, на каком-то этапе подготовки операции они ясно уразумели, что время уже в значительной степени упущено и навязать сухопутное сражение не получится. Поэтому все силы были употреблены на подготовку к традиционной и привычной для пунийцев таранной морской битве. Явное противоречие между грандиозными контингентами на кораблях и столь же явной беспомощностью карфагенян в абордажном бою есть главная интрига подготовки к баталии. Разрешить его непротиворечиво не удастся. Остается совершенно непонятным, как Ганнон и Гамилькар собирались использовать на море вверенные им воинские формирования. Не имея ни специальных приспособлений класса римского «корвуса», ни специфических навыков палубного боя (а ведь сражаться должны были разношерстные наемники — других армий Карфаген практически не знал), пунийцы имели мало шансов на реализацию своего достаточно эфемерного численного преимущества (не более двух десятков кораблей и не более десяти ты-

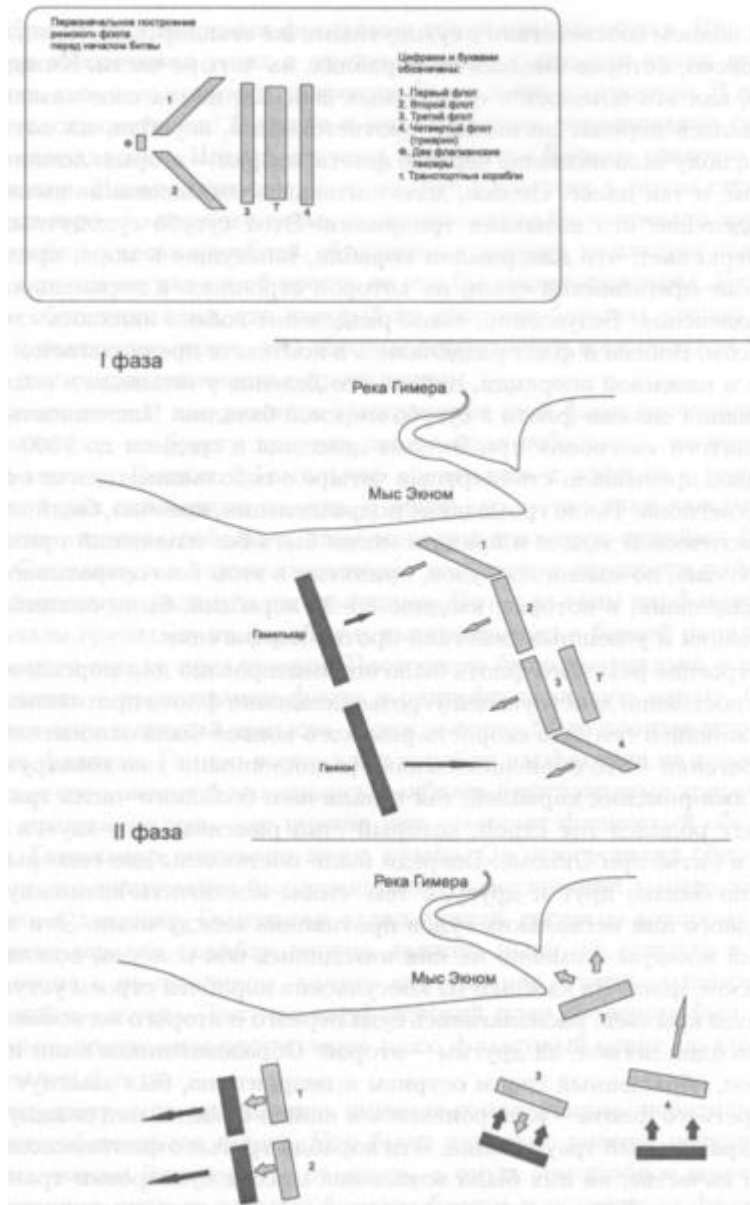
сяч воинов). Полибий безапелляционно утверждает, что вооружение карфагенян «всецело рассчитано было только на морскую войну».

Римляне, напротив, выставили вполне сбалансированный флот, равно оптимизированный как для морской баталии, так и для десантной операции на неприязельском берегу. И, выставив его, практически уже только этим выиграли грядущее сражение.

Масштаб приготовлений сторон к моменту встречи флотов был действительно неслыханным. Конечно, позднее — в период Второй и Третьей Пунических войн — противники превзойдут эти приготовления. Но, во-первых, ненамного, а во-вторых, это ведь была первая проба сил в операциях такого уровня — по крайней мере, для римлян. Полибий пишет: «Не только свидетель-очевидец, но и каждый слушатель, соображающий на основании числа воинов и кораблей, был бы изумлен величием борьбы, богатства и мощью обоих государств».

У мыса Эконом флоты встретились. Было бы неверно рассматривать это сражение как результат внезапной встречи с противником, которого долго искали или за которым охотились. Римский флот был готов к отплытию и уже в ходе окончательной подготовки — возможно, за день-два до предполагаемого перехода в Африку — получил известие о подходе карфагенян из Гераклеи Минойской. Те же, в свою очередь, также отлично знали о местоположении римского флота и целенаправленно шли к Экону. Однако маловероятным выглядит утверждение некоторых авторов о желании пунийцев напасть на римлян в момент посадки их на корабли. Может быть, такая мысль и витала в головах карфагенских начальников в Карфагене или в Лилибее, но однозначно не в эти дни. Полибий, наш главный информатор, косвенным образом дает понять, что карфагеняне как минимум переночевали на берегу перед встречей с римлянами, причем, похоже, в пределах досягаемости, быть может — за ближайшим мысом. Противники явно знали о присутствии совсем рядом противоборствующего флота, но вели себя осторожно и рассудительно. Соответственно, наутро флоты стали выходить в море и строиться в боевой порядок в пределах визуального контакта друг с другом. Ни о какой спешке или опрометчивости и речи быть не могло. Намечалась регулярная морская битва, и обе стороны были к ней в достаточной степени готовы — как материально, так и морально. Да, римляне были несколько разочарованы срывом плана беспрепятственного вторжения в Африку, но оба консула, как и все во флоте, до последнего гребца, отлично понимали, что карфагеняне вряд ли допустили бы эту беспрепятственную переправу. Так о чем было жалеть?

Бой при Экноме принципиально важен для нас (как и для римлян) прежде всего тем, что это действительно было крупнейшее и наиболее организованное столкновение на море периода Первой Пунической войны. Тактика действий римских консулов отчетливо показывает, сколь далеко шагнуло римское военноморское искусство. Построение флота, распределение сил — все это демонстрирует тщательнейшее изучение обстановки и продумывание до мелочей своих действий, как и возможных действий противника. Вместе с тем никак не удается отделаться от мысли, что сухопутное тактическое мышление консулов, как и римлян вообще, безусловно довело над их военно-морскими замыслами. За штевнями кораблей любому римскому военачальнику виделись прежде всего знакомые до рези в глазах манипулы и центурии. Впрочем, как оказалось, это не мешало им выигрывать морские сражения.

Бой у мыса Эконом 256 г. до н. э.

Насколько можно судить, состав боевого флота римлян был достаточно однороден — в нем однозначно преобладали квинкверемы, команды которых комплектовались стандартно: на борту корабля было 300 гребцов и 120 легионеров из абордажной партии. Единообразие флота облегчало управление им в бою, насколько это вообще было возможно. Однако сухопутное мышление римлян отчетливо проявилось в том, что войска для битвы подразделялись, по словам

Полибия, в полном соответствии с сухопутными же стандартами. Консулы разделили все войско, которое имелось на кораблях, на четыре части. Каждая часть, опять-таки, как это повелось в сухопутных войсках, имела свое название. Первая именовалась первым легионом — соответственно, корабли, на которых она находилась, получили название первого флота; вторая — вторым легионом и вторым флотом, и так далее. Особое, дополнительное наименование имело четвертое подразделение: его называли триариями. Этот сугубо сухопутный термин вновь подчеркивает, что для римлян корабли, плывущие в море, представляли собой подобие прерывистой суши, на которой строились и перемещались воинские подразделения. Безусловно, такое разделение войска являлось своего рода компромиссом. Войска и флот разделялись в контексте предполагаемого использования их в наземной операции, однако это деление учитывало и возможность маневрирования силами флота в сугубо морской баталии. Численность каждого отдельно взятого «легиона» при Экноме доходила в среднем до 9600-9900 солдат, что вдвое превышало стандартные четыре с небольшим тысячи пехотинцев тогдашнего легиона. Такие громоздкие подразделения, конечно, были данью конкретной тактической задаче и вряд ли могли быть без изменений применены на берегу. Вероятно, по мысли консулов, принятые в этом бою оперативно-тактические подразделения, в которые входило 80-90 кораблей, были оптимальны для маневрирования и успешных действий против карфагенян.

Все построение римского флота было оптимизировано для морского перехода в условиях постоянно действующей угрозы нападения флота противника. Их действия осложнялись тем, что скорость римского конвоя была относительно ниже, чем у карфагенян — это объяснялось как традиционными уже конструктивными особенностями римских кораблей, так и наличием большого числа транспортов. В результате родился тот строй, который стал римским «*ноу-хау*» и визитной карточкой в битве при Экноме. Впереди были поставлены две гексеры, шедшие максимально близко друг к другу, с тем чтобы исключить возможную угрозу прорыва одного или нескольких судов противника между ними. Эти суда были флагманами эскадры — именно на них находились оба консула, возглавлявшие, таким образом, флот. За каждым из консульских кораблей строем уступа, в виде расходящихся крыльев, располагались суда первого и второго легионов: за одним из консулов один легион, за другим — второй. Образовавшийся клин или своего рода шеврон, обращенный своим острием к неприятелю, был замкнут сзади кораблями третьего флота — выстроившись в линию фронта, они замкнули строй, образовав правильный треугольник. Эти корабли третьего флота использовались и в другом качестве: на них была возложена миссия буксировки транспортных кораблей, которые были пришвартованы канатами к кормовым частям боевых кораблей. Наконец, завершал построение четвертый флот триариев. Это подразделение выполняло ярко выраженную резервную функцию и было численно больше остальных — в нем насчитывалось до 90 кораблей. Кроме того, триарии были выстроены с несколько большими интервалами между судами. В результате шеренга четвертого флота несколько выступала за фланги треугольного строя ударных кораблей.

Получившийся строй клина-треугольника с «ажурными» сторонами и мощным основанием был весьма необычен и в любом случае совершенно нетрадиционен для той эпохи. Он немного напоминает знаменитую рыцарскую «свинью»,

столь любимую европейскими феодалами эпохи средневековья. Вне всякого сомнения, он обеспечивал успех в случае прямого таранного удара линии флота противника, т.е., как минимум, широкую брешь в его построении. В дальнейшем могло быть осуществлено быстрое и массированное наращивание сил на необходимом направлении. Иными словами, в качестве боевого средства строй был весьма удачен. Явным минусом было то, что на марше в таком строю был затруднен маневр — во всяком случае, изменение курса было чревато ломкой строя. Слова Полибия о носах кораблей, обращенных наружу, не следует понимать буквально — в таком случае строй просто не мог бы двигаться вперед. Историк имел в виду то обстоятельство, что каждый из участков боковых сторон клина был способен к нанесению удара, ибо носовые оконечности всех римских судов были открыты для соприкосновения с противником.

В то самое время, как римляне выстраивали свой флот, изготовляясь к бою, карфагеняне еще на берегу провели своего рода небольшой, но вполне торжественный митинг. Ганнон и Гамилькар обратились к войскам с речью, в которой лишний раз напомнили то, что, в общем-то, и так знал каждый солдат и матрос: что в случае победы в этом морском сражении пунийцы будут вести войну за Сицилию, а в случае поражения подвергнут опасности римского вторжения собственную родину и своих родных. Вслед за этим карфагенское войско также начало грузиться на корабли и выстраиваться в боевой порядок. Ничего оригинального они не предложили. Построение было тривиально и примитивно и заключалось в вытягивании флота в одну фронтальную линию. Однако и в нем крылся определенный замысел. Прежде всего, было произведено наращивание сил на флангах. Ганнон возглавлял корабли карфагенян на правом фланге. Именно под его командой находились наиболее быстроходные триремы и квинкверемы; предполагалось, что именно они совершат фланговый обход римских кораблей. Гамилькар возглавил левое крыло. Он осуществлял общее командование, и по его инициативе был предпринят классический маневр заманивания противника в ловушку. Гамилькар отдал приказ, согласно которому после первого натиска римлян корабли центра должны были, не вступая в прямое соприкосновение с противником, начать отступление, втягивая римский флот в образующийся «котел». Так что карфагенский план сражения был достаточно традиционен: притворное отступление плюс фланговый охват, по крайней мере, одним крылом флота.

Заметив построение противника, римские командующие оперативно изменили построение собственного флота. Это было довольно опасно, поскольку флоты находились совсем близко друг от друга, а столь масштабное перестроение на какой-то период лишало эскадру боеспособности и подвергало флот большому риску. Однако перестроение все же произвели. В результате римские корабли также вытянулись в линию фронта перед неприятельским строем. Однако линия эта имела более сложную конфигурацию и была изогнута. Три первых флота были растянуты фронтально, причем первый, находившийся на правом крыле, вытянули далеко вперед, имея целью охватить вражеские корабли. Четвертый же флот образовал левое крыло всего римского строя, в виде крюка загибаясь к берегу. В такой позиции и начался бой.

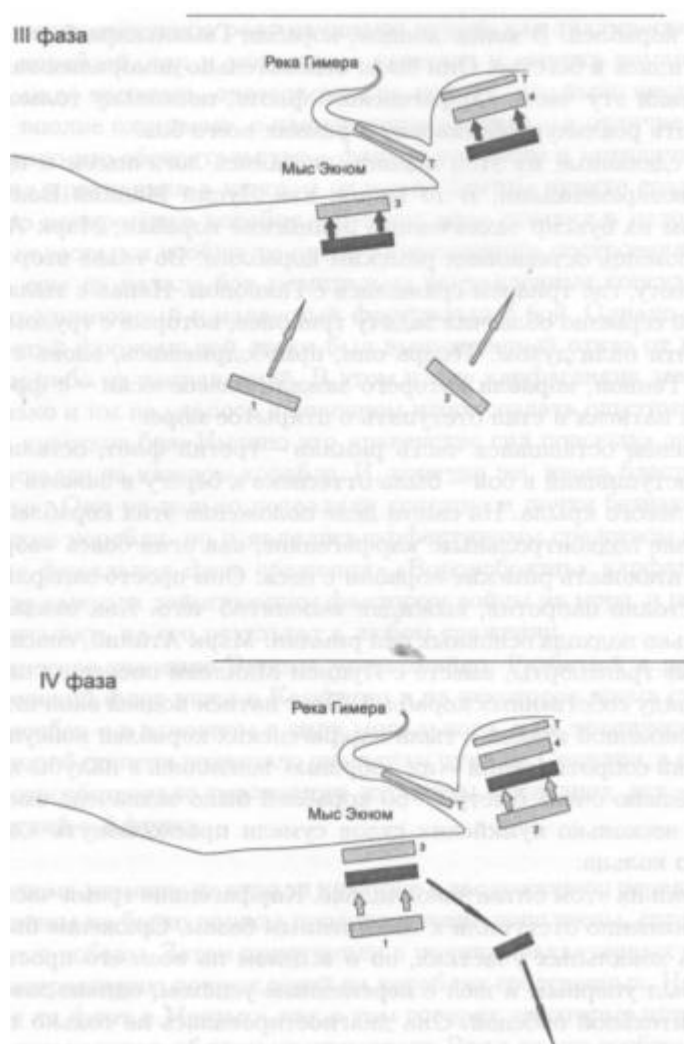
Сражение открыли римляне. Приняв во внимание неглубокое построение пунийцев, римские корабли, расположенные в центре, атаковали центральную же

часть флота карфагенян, пребывая в полной уверенности, что не составит труда прорвать его в этом месте. Однако карфагеняне, в точности исполняя приказ Гамилькара, немедленно бросились в притворное бегство, стремясь расстроить неприятельское построение. И в значительной степени это удалось, так как римляне, словно не замечая опасности, рвались вперед, причем чем быстрее отступали карфагеняне, тем активнее их преследовали римские суда. Главный натиск осуществляли римские первый и второй флоты, втягивавшиеся в расставленную карфагенянами ловушку. Третий и четвертый флоты несколько отстали, по той причине, прежде всего, что один из них тащил на буксире транспортные корабли, а триарии прикрывали движение этого конвоя.

И вот теперь, когда, как казалось, римляне уже прочно увязли в «котле», Гамилькаром был подан сигнал к атаке. Немедленно все отступавшие корабли развернулись и вступили в бой с преследователями. На стороне карфагенян был некоторый численный перевес в силу того, что на этом этапе боя им противостояла от силы половина флота римлян (впрочем, и против них были не все силы карфагенян, а только их центр). К тому же большая скорость хода и маневренность пунийских судов позволяли им выбирать направление атаки, своевременно отступать и вновь нападать, т. е. они буквально кружились рядом с кораблями римлян. Однако римляне располагали другим ощутимым преимуществом. Как только карфагенский корабль оказывался в пределах радиуса действия «ворона», его участь, как правило, была предreshена. Грохот железного клюва, пробивавшего палубу и ломавшего фальшборт, топот ног легионеров по деревянному настилу и ожесточенные крики сражающихся — все это следовало немедленно и практически всегда оканчивалось захватом карфагенского судна. Пунийцам было чрезвычайно трудно атаковать римлян в своей классической манере, с применением таранов. К тому же мотивация у римлян была, без сомнения, на высоте — они понимали, что попали не в безвыходную, но чрезвычайно сложную ситуацию, и потому сражались со всем возможным ожесточением. Кроме того, именно здесь, в самом пекле схватки, вместе с солдатами находились и оба консула, а римские легионеры всегда в особенности стремились не ударить в грязь лицом на виду у своих командиров.

Однако эта схватка была только частью общей картины боя. В то же время разгорелись еще две схватки, не менее напряженные и не менее значимые. Ганнон, который со своими кораблями до поры оставался в стороне от схватки и выбирал время и место для атаки, теперь также вступил в сражение. Его отряд быстроходных судов, внезапно ринулся в атаку и напал на флот триариев; причем нападение это было столь стремительным и решительным, что даже это элитное соединение пришло в некоторое замешательство. Одновременно другое крыло карфагенян — то, что находилось близ берега — атаковало третий флот, тащивший на буксире транспортники. Однако командиры третьего флота, отдав приказ отдать буксировочные канаты, храбро вступили в сражение, склав вступительным боем силы последнего отряда карфагенян.

Таким образом, вскоре после начала сражения в бой оказались втянутыми все боевые корабли обеих сторон в рамках трех изолированных очагов сражения. Эти три очага были отделены друг от друга значительным расстоянием и в тот момент практически никак не были связаны. Фактическое равенство сил противников в каждой из точек сражения было очевидно — флоты сами собой

Бой у мыса Экум 256 г. до н. э. (вторая часть)

разделились удивительно сбалансированно. Недостатки каждого из типов кораблей компенсировались присущими ему же достоинствами. Ожесточение достигло предела. В этой ситуации в принципе невозможно было осуществлять не только общее руководство схваткой, но и изменить что-либо в ее ходе даже на локальном участке. Тем более что оба консула находились в гуще битвы и в одном и том же месте — ни один из них даже не подозревал, что именно творится за пределами кольца окружения центральной группы.

В этих условиях исход сражения целиком и полностью зависел от схваток между отдельно взятыми кораблями — как исход средневековых войн решался исключительно поединками между бойцами. И вот теперь на первый план вышло преимущество римлян в абордажной тактике. Изматывающий, кровавый бой на центральном участке фронта медленно, но неуклонно склонялся в пользу

консульских кораблей. В конце концов, корабли Гамилькара были оттеснены и вскоре обратились в бегство. Они были основательно деморализованы. Консулы не преследовали эту часть карфагенского флота, поскольку только теперь они смогли оценить реальную обстановку в рамках всего боя.

Выводы, сделанные из этой оценки, оказались логичными и правильными, а главное, своевременными. В то время, как Луций Манлий Вольсон взял со своим флотом на буксир захваченные пунийские корабли, Марк Атилий Регул ринулся на помощь оставшимся римским кораблям. Во главе второго флота он подошел к месту, где триарии сражались с Ганноном. Напав с тыла на Ганнона, Марк Атилий серьезно облегчил задачу триариев, которые с трудом сдерживали натиск и почти пали духом. Теперь они, приободрившись, вновь стали теснить противника. Ганнон, корабли которого зажали классически — с фронта и тыла, не выдержал натиска и стал отступать в открытое море.

Тем временем оставшаяся часть римлян — третий флот, оставивший транспортники и вступивший в бой — была оттеснена к берегу и зажата там пунийцами бывшего левого крыла. На самом деле положение этих кораблей было сложным, но вполне подконтрольным: карфагеняне, как огня боясь «воронов», даже не пытались атаковать римские корабли с носа. Они просто заперли их, прижав к берегу, и стояли напротив, выжидая непонятно чего. Как оказалось, дождались они только подхода основных сил римлян. Марк Атилий, спасший триариев и собственные транспорты, вместе с Луцием Манлием поспешил на помощь последнему отряду собственных кораблей. Этот натиск подвел окончательный итог сражения. Внезапной атакой с тыла карфагенских кораблей консулы раздавили всякие остатки сопротивления — их «вороны» вонзились в палубы карфагенян и дело было решено очень быстро — 50 кораблей было захвачено вместе с командой и лишь несколько пунийских судов сумели проскользнуть вдоль берега и выскочить из кольца.

Фактически на этом битва закончилась. Карфагеняне тремя частями в беспорядке и разрозненно отступили к собственным базам. Сражение было выиграно не только на локальных участках, но и в целом на всем его пространстве. Тяжелый бой был упорным и шел с переменным успехом, однако завершился для римлян решительной победой. Она диагностировалась не только тем, что поле боя осталось, безусловно, за римлянами, но и соотношением потерь. Оно чрезвычайно показательно. В результате сражения римляне потеряли безвозвратно — через потопление — 24 корабля. У карфагенян было потоплено более 30 судов. Если здесь еще соблюдался определенный паритет, то остальные цифры действительно впечатляют. Ни один римский корабль вместе с командой (!) не был захвачен противником. Пунийцы же потеряли таким образом почти пятую часть своей эскадры — римлянами были захвачены 64 карфагенских корабля (!). Эта победа была безоговорочной и подтверждалась великолепными трофеями.

Бой при Экноме стал одним из крупнейших сражений Древнего мира. Участие в нем не менее чем 680 кораблей и примерно 290 тысяч человек действительно впечатляет. Исключительно велико было значение сражения при Экноме как с тактической, так и со стратегической точек зрения.

В плане тактики было, прежде всего, отчетливо продемонстрировано, что при выходе за определенные количественные рамки флоты перестают быть управляемыми в ходе сражения. Бой превращается в изолированные локальные сраже-

ния, и здесь первостепенную роль начинают играть как тактическая подготовка командиров кораблей, так и моральные качества и выучка команд. Стойкость карфагенян, надо признать, оказалась не на высоте (что было неудивительно, и, в принципе, вполне ожидаемо, с нашей точки зрения) — в отличие от стойкости римлян. Именно это обстоятельство — фактор упорного и методичного «перемалывания» сил противника в каждом отдельно взятом пункте сражения, на палубе каждого конкретного корабля — решило итог схватки в целом. Отчетливо проявились недостатки вообще-то очень качественного построения римлян «попоходному», еще до начала боя решительно исправленные консулами, которые предпочли традиционный и надежный фронтальный бой. Однако естественным следствием этой фронтальной атаки был вынужденный отказ от концентрации сил на каком-либо из направлений. В этом плане карфагеняне даже превосходили римлян, однако и им не удалось в конечном итоге создать ощутимый перевес ни на одном из участков боя. Именно это «равенство сил повсюду» замкнуло круг: исход боя решался на каждом корабле. И, конечно же, вновь блестяще показали себя «вороны». Они не только позволяли успешно и почти безнаказанно атаковать вражеские корабли, но и являлись эффективным средством сдерживания, что показала финальная фаза сражения. «Воронобоязнь» карфагенских моряков уже стала важным действующим фактором войны на море, и римляне могли смело рассчитывать на его результат в любом сражении.

Стратегическое значение Экнома чрезвычайно. Разбитый и деморализованный карфагенский флот ушел в Карфаген и на некоторое время стал практически небоеспособен — в основном в силу морального, а не технического фактора. Это до некоторой степени развязало римлянам руки на Сицилии, а самое главное, наконец-то способствовало реализации их мечты последних лет — перенесению боевых действий в Африку.

После Экнома римляне получили краткую и заслуженную передышку. Войска были выгружены на берег, запасы продовольствия пополнены, справлено торжество по случаю победы. Затем приступили к починке захваченных карфагенских кораблей и исправлению повреждений на кораблях собственных. Не вполне ясно, возвращался ли флот в Мессану, как о том говорят некоторые источники, — Полибий, во всяком случае, об этом не упоминает. Вряд ли это вообще имело смысл, поскольку в таком случае терялась как минимум неделя, а то и больше. Флот, естественно, не понес такого ущерба, который можно было бы возместить только в крупном порте. Повреждения римских кораблей были вполне «косметическими»; что касается трофеев, то характер разрушений, причиняемых «корвусом», был таков, что не требовал докования или вытаскивания на берег вообще — они никак не влияли на плавучесть, требовалось лишь перестелить часть палубы. Так что терять время на триумфальный переход было бессмысленно. Африка, во всяком случае, была важнее. Да и упускать инициативу было нельзя — куда как выгоднее было ворваться на территорию противника на его плечах. Так что Экномский бой лишь на несколько дней отсрочил экспедицию в Ливию.

Достойна уважения тактическая грамотность римских консулов, в полной мере обнаружившаяся в этом походе. Хотя флот противника и был нейтрализован, консулы не стали отправлять в плавание весь конвой сразу, полагаясь на грамотные построения боевых порядков. Вперед был выслан разведывательный отряд

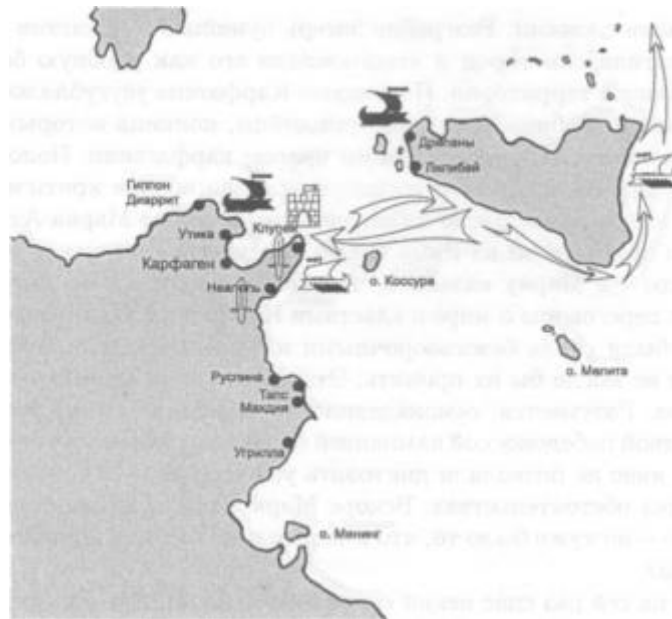
из нескольких десятков боевых кораблей. Пересекши открытое море, эти суда разведали обстановку в районе так называемого Гермесова мыса, выдающегося в море по направлению к Сицилии. Это была ближайшая сухопутная точка в Африке. Именно вблизи этого мыса разведывательный дивизион встал на якорь. Несколько посыльных судов курсировали между ним и основными силами флота, медленно двигавшимися в Ливию. Вскоре весь флот собрался близ африканского побережья. Затем он двинулся к ближайшему городу Клупее, именуемому в источниках также Аспидом.

Здесь десант, наконец, был высажен. Римляне вытащили корабли на сушу, разбили свой классический лагерь, который обнесли рвом и валом, после чего приступили к осаде города. Горожане, как ни удивительно, сдаваться пока не собирались.

Тем временем выяснилось, что промедления в связи с экспедицией римляне избегали не напрасно. Остатки карфагенского флота, совсем недавно вернувшиеся в столицу, принесли с собой печальные известия. Уцелевшие карфагеняне не сомневались, что римляне не преминут последовать за ними в сам Карфаген, поэтому всячески побуждали власти усилить оборону города. Это и было сделано. Окрестности Карфагена усиленно патрулировались и охранялись сухопутной армией, в акватории дежурил флот. Однако совсем скоро до города дошли вести об осаде римлянами Клупеи, и карфагеняне решили во что бы то ни стало отстоять этот город. Уже были собраны необходимые войска и флот, когда пришло новое известие — на этот раз о падении города. Римляне действительно смогли быстро расправиться с этим противником, причем, похоже, силы флота при штурме даже не понадобились.

Война вступила в новую фазу. Захват Клупеи был принципиально важен. Римляне, впервые вступившие на африканский континент в качестве завоевателей, сразу же обзавелись удобной и выгодной базой, располагавшей как отличной гаванью, так и необходимой инфраструктурой. Опираясь на нее, консулы со своей армией развернули широкомасштабные и активные грабительские действия на берегу, разбредаясь по окрестностям. В непродолжительный период, не встречая практически никакого противодействия, они разорили большое количество жилищ, угнали тысячи голов скота и захватили более двадцати тысяч пленных, которых отвели на свои корабли. Одновременно несколько кораблей было отправлено непосредственно в Рим с сообщением о достигнутых успехах и просьбой отдать распоряжения на будущее: какой именно образ действий принять в непосредственной перспективе.

Пока римляне предавались грабежам на африканском побережье, увеличивая благосостояние родной Республики, сенат рассмотрел ситуацию и принял решение. Корабли с посланцами вернулись из Рима в Ливию и привезли с собой распоряжение сената. Оно заключалось в следующем. Группировка в Африке уменьшалась, а силы консулов разделялись. Луций Манлий Вольсон с основными силами флота в количестве не менее 300 кораблей, награбленным добром и пленными возвращался в Рим. В то же время Марк Атилий Регул с 40 кораблями, 15 000 пехотинцев и пятью сотнями всадников оставался в Африке. Такое решение вызывает массу вопросов. Сознательное ослабление своего контингента в Ливии не может быть объяснено на базе имеющихся источников. Соображение, согласно которому римляне настолько возомнили себя хозяевами положе-

Экспедиция в Африку 256-255 гг. до н. э.

ния, что пренебрегли элементарной осторожностью, кажется единственно верным. Это «головокружение от успехов» привело в конечном итоге к довольно печальным последствиям. Несомненно, оставляя в далекой и в принципе враждебной Ливий, за сотни миль от Рима и даже от ближайших баз на Сицилии, столь небольшое войско было чрезвычайно опрометчиво. Сомнительно, чтобы флот, уведенный Луцием Манлием в Рим, нуждался в переформировании или серьезном ремонте — никаких событий (боев, штормов), которые бы могли нанести ему ущерб, источники не отмечают. Бунтов среди экипажей победоносной флотилии тоже ожидать не приходилось. Награбленное можно было перевезти и на меньшем количестве кораблей. Для триумфа корабли вообще не требовались. Во всяком случае, «африканский корпус» был существенно ослаблен.

Вместе с тем сенат совершенно серьезно рассчитывал на масштабную и продолжительную кампанию в Африке. Экспедиционные войска получали достаточную помощь с Сицилии, хотя их численность и не росла. Симптоматично, что в результате победы римлян при Экноме карфагеняне вывели флот с Сицилии, оголив прибрежные воды этого острова. Римляне, во-первых, получили свободу действий в этом регионе, и именно в силу этого многочисленные перемещения их эскадр транзитом до Рима и обратно в Африку в этот период были уже совершенно безопасными. Не будет преувеличением сказать, что римляне в середине 256 г. до н. э. стали единоличными хозяевами Центрального Средиземноморья, вытеснив карфагенян в акваторию залива, прилегавшую к их собственной столице. Это был блестящий, хотя еще и непрочный, успех.

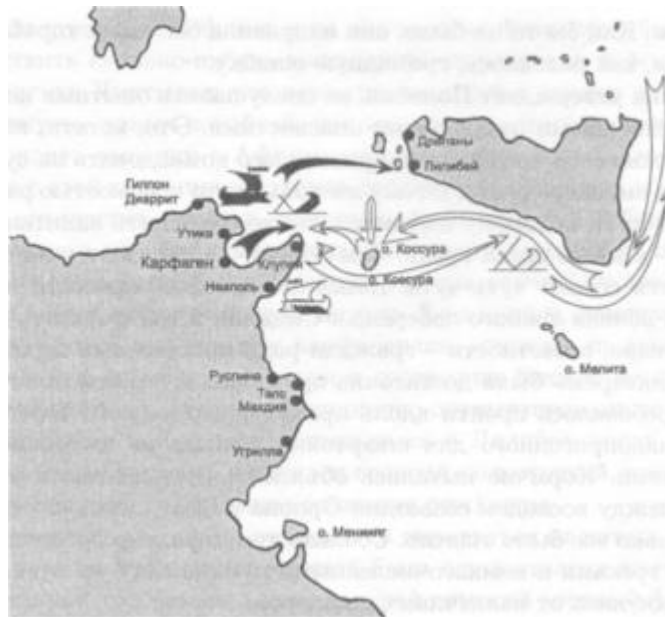
Тем временем римляне продолжали одерживать победы на суше. Небольшая экспедиционная армия вскоре — уже в 255 г. до н. э. — сумела выиграть сражение неподалеку от города Тунет, разгромив карфагенское войско, которое располага-

ло даже боевыми слонами. Разграбив лагерь пунийцев и обчистив окрестности, римляне захватили сам город и использовали его как удобную базу для контроля окружающей территории. Положение Карфагена усугублялось еще и тем, что, почувствовав слабость, восстали нумидийцы, конница которых могла быть как лучшим союзником, так и злейшим врагом карфагенян. Положение самой столицы и, следовательно, всего государства было вполне критическим. Однако Карфаген на этот раз спасло избыточное честолюбие Марка Атилия Регула. Опасаясь, что присланный из Рима новый консул отнимет у него честь окончательной победы — а Марку казалось, что столица противника вот-вот падет, — консул затеял переговоры о мире с властями Карфагена. Однако его требования капитуляции были столь безоговорочными и тяжелыми, что карфагеняне при всем желании не могли бы их принять. Это означало фактическую ликвидацию их государства. Разумеется, самонадеянность Марка, как и его желание завершить войну одной победоносной кампанией были в тот момент не слишком уместны. Его силы явно не позволяли диктовать условия, даже в крайне невыгодных для противника обстоятельствах. Вскоре Марк Атилий жестоко поплатился за свою гордыню — но хуже было то, что вместе с ним платить пришлось и тысячам римских солдат.

Карфаген на сей раз спас некий спартанец Ксантипп из тех бродячих эллинских стратегов, что подвизались в те годы по всему Средиземноморью. Организовав войско и вдохнув в сенаторов и население уверенность в победе, он в блестящей тактической комбинации окружил и фактически уничтожил (частью потоптав слонами) войско римлян. Около 500 человек вместе с Марком попали в позорный плен, спаслось же в Клупею не более 2 000 человек — все остальные погибли. Этот страшный разгром фактически ликвидировал римский экспедиционный корпус. С оставшимися силами и в отсутствие командира должного ранга можно было в лучшем случае отсиживаться в Клупее. Так что через год после высадки операция в Африке потерпела крах. Тем не менее взять Клупею карфагеняне не смогли и вскоре сняли осаду.

Однако римляне не собирались оставлять свою стратегическую затею. Более того, ими был организован новый поход не меньшего, чем ранее, масштаба. Как только в Риме были получены сведения о разгроме консульской армии, сенат отдал соответствующие распоряжения. На верфях в срочном порядке закладывались и строились новые корабли; первостепенное внимание было уделено ремонту уже имеющихся в составе флота. Занимались тренировкой экипажей и подготовкой легионеров. В результате к весне 254 г. до н. э. новый флот вторжения был готов и вышел в море.

В состав этого флота входило 350 кораблей различных классов. Командование им было поручено двум консулам — Марку Эмилию Павлу и Сервию Фульвию Петину. Снявшись с якоря, флот отбыл в Африку. Его путь традиционно пролегал мимо притихшей Сицилии. На своем пути консулы сделали остановку на острове Коссур (Пантеллерия) и, захватив его, создали там базу и оставили свой небольшой гарнизон. Однако конечной целью была Африка. Необходимо было вызволить оставшихся в живых легионеров и восстановить свое присутствие на континенте. Впрочем, по-настоящему закрепиться там, как кажется, римляне не собирались.

Экспедиция в Африку 254 г. до н. э.

Карфагеняне тоже не сидели без дела. Не было сомнений, что римляне повторят попытку вторжения, а когда агентура донесла о спуске на воду нового флота, в Карфагене стали спешно готовить свой ответ. Размах этих приготовлений надо признать относительно скромным. Пунийцы подготовили к отражению атаки всего 200 кораблей, значительная часть которых была отправлена в море с тем, чтобы нести там патрульную службу и вовремя предупредить о приближении римлян. С этой задачей патрули справились, и застать пунийцев врасплох не удалось. Однако это мало повлияло на общий результат дела. Вышедший на перехват карфагенский флот у Гермесского мыса был просто растерт римлянами. Подробности нам неизвестны, но в одной-единственной атаке карфагеняне лишились 114 кораблей, захваченных абордажем вместе с командой. Остальные обратились в беспорядочное бегство. В источниках, отличающихся от Полибия, упоминается о 35 000 погибших со стороны карфагенян, а также о нескольких десятках судов, потопленных, а не взятых в качестве приза. Прокомментировать эти данные затруднительно, но факт победы с разгромным счетом от этого не подвергается существенной корректировке.

Вслед за тем римляне пристали к Клеппе и эвакуировали оттуда две тысячи своих солдат и командиров, державшихся в захваченной два года назад базе. Трудно сказать, почему этот успех не был развит и какие именно соображения имели на этот счет консулы и сенат Рима. После взятия на борт легионеров громадный флот отправился обратно к Сицилии. Возможно, уразумев все сложности организации заморской экспедиции, римляне предпочли пока сосредоточиться на «зачистке» Сицилии и утвердиться там окончательно. Может быть, имели место иные соображения — например, элементарная избыточная осторож-

ность консулов. Как бы то ни было, они направили бег своих кораблей вспять, и тем совершили, как оказалось, громадную ошибку.

Консулы, как утверждает Полибий, не послушались опытных кормчих и пренебрегли естественными природными опасностями. Это, кстати, вполне похоже на правду. Можно себе представить привыкшего командовать на суше римского военачальника высокого ранга, к тому же только что с легкостью разгромившего карфагенский флот, которому пытаются что-то объяснить капитаны и штурманы кораблей — в массе своей греки. Тем более, что горизонт чист и палуба под ногами качается совсем чуть-чуть. Консулам хотелось провести явную демонстрацию силы вблизи южного побережья Сицилии и тем склонить к покорности местное население, в частности — граждан ряда прибрежных городов. Эта «дипломатия квинкверем» была достаточно прозрачна и незамысловата. Но для ее реализации требовалось пройти вдоль пресловутого южного берега Сицилии — гористого и малопригодного для швартовки, отнюдь не изобиловавшего гаванями и отмелями. Кормчие пытались объяснить, что именно в этот период — промежуток между восходом созвездий Ориона и Пса — здесь случаются страшные бури. Однако все было тщетно. Соблазн триумфально прошествовать перед изумленными греками и немногочисленными пунийцами был слишком велик, и консулы отмахнулись от навязчивых шкиперов.

Расплата была молниеносной и страшной. В течение суток с небольшим флот пересек море и уже приближался к сицилийскому берегу. Внезапно разразившаяся буря подвергла его, по словам Полибия, «таким злоключениям, которые превосходят всякое описание». По данным этого историка, флот изначально насчитывал в своем составе 364 корабля (точность, внушающая уважение). Подавляющее большинство из них нашло свой страшный конец у скалистого побережья. Часть попросту утонула со всем экипажем и войсками, часть была вброшена на скалы и мысы. Уцелело и осталось относительно невредимыми не более 80 судов. Несколько дней после этого море прибывало к берегу тела римлян, погибших столь бесславно в результате самоуверенности и недальновидности своих командующих. Замечание Полибия о том, что самоуверенность и безрассудная настойчивость нигде не вредили римлянам так, как на море, приходится признать справедливым и полностью соответствующим истине. Впрочем, сами консулы были в числе спасшихся, что, как кажется, в данных условиях было потерей лица.

Версия о полудетективном сокрытии консулами факта поражения от некоего флота карфагенян и списании этих потерь на бурю кажется малоубедительной. Во-первых, консулы получили триумф в Риме (за победу над жителями Коссур и карфагенянами), который так просто не давали — его надо было заслужить, к тому же совершенное должно было серьезнейшим образом перевешивать потери от шторма. Во-вторых, при высокой «прозрачности» и демократизме — в хорошем смысле этого слова — римского общества той поры, значении данной экспедиции и большом числе свидетелей всякая фальсификация со стороны как консулов, так и сената была крайне маловероятной. Поэтому буря, видимо, действительно была главной виновницей этой трагедии — если не считать консулов.

Теперь главные события разворачивались на Сицилии. Карфагеняне сразу же узнали о несчастье, постигшем их противников. Поэтому они всеми силами старались воспользоваться образовавшейся паузой. Римляне в одночасье лиши-

лись трех четвертей своего флота и на тот момент физически были не в состоянии осуществить сколько-нибудь масштабную переброску войск — в общем-то, даже на Сицилию. Учитывая, что лето уже катилось к закату, а на постройку — даже экстренную — новых кораблей, как мы помним, требовалось как минимум два месяца, ждать высадки в Африке до следующего года было бессмысленно. Карфагеняне в этой ситуации экстренно отослали на Сицилию корпус Гасдрубала, серьезно его усилив — войско, например, располагало 140 боевыми слонами. Для переправы его на остров оказалось достаточно уцелевших после разгрома у Гермесова мыса кораблей (их было, во всяком случае, не менее 75 единиц) и имевшихся всегда под рукой транспортов. Кроме того, немедленно после отправки этого корпуса на Сицилию карфагеняне, опираясь на свою мощную кораблестроительную отрасль, заложили и достаточно быстро достроили еще 200 кораблей. Это были боевые суда, традиционно оптимизированные для таранного сражения. Гасдрубал тем временем высадился в Лилибее, вновь ставшем главной базой флота на Сицилии, и занялся военной подготовкой, тренируя людей и слонов в надежде дать генеральное сражение римлянам.

Римляне тоже всеми силами стремились оправиться от потерь, причиненных штормом. В течение трех месяцев зимой была осуществлена впечатляющая кораблестроительная программа, в ходе которой римский военный флот пополнился 220 новенькими кораблями. Римляне упорно старались поддерживать принятый ими стандарт — иметь на море одновременно не менее 300 выпелов. Уцелевшие и вернувшиеся в Остию 80 кораблей консульского флота также были приведены в порядок и отремонтированы. К сезону 253 г. до н. э. флот был полностью укомплектован и приступил к боевым действиям. Командование им было возложено на консулов Авла Атилия Кайатина и Гнея Корнелия Сципиона Азину.

Экспедиция в Африку 253 г. до н. э.

Финальный этап экспедиции в Африку 253 г. до н. э.

С этого момента визитной карточкой действий римского флота стало сочетание тактики усиленного давления на Сицилию с тактикой мелких, но чувствительных для карфагенян акций вблизи африканских берегов.

Главной операцией флота в 253 г. до н. э. стали действия под Панормом. Спасшиеся корабли стояли в гавани Мессаны. 220 новопостроенных судов с консульской армией перебазировались сюда из Остии и южноиталийских городов. В Мес-

сане силы соединились, и эскадра из 300 судов отправилась на запад, к Панорму. Этот город был крупнейшим из населенных пунктов принадлежавшей карфагенянам части острова. Осада города была предпринята массированная и квалифицированная. Флот блокировал город с моря и высадил войска в его окрестностях. Блокада не была напрасной. Некие силы карфагенского флота в это же время, мимоходом напав на Коссуру и отбив ее у римлян, попытались пробить эту блокаду. О численности их нет данных, однако угроза прорыва была немедленно пресечена римлянами. Корабли же доставили под стены города осадную технику. Несомненно, часть осадных машин работала прямо с палуб кораблей, поскольку основной удар осаждающие направили против одной из прибрежных башен. Вскоре она была разрушена, и войска ворвались в город. Панорм пал достаточно быстро и, оставив в городе свой гарнизон, римские консулы отплыли назад в Остию и Рим.

В источниках есть упоминание и о еще одном походе флота в этом году — к Кефалии, которая была якобы захвачена римским флотом. Отсутствие перекрестных данных и большое количество упомянутых при этой акции кораблей (250 единиц), создающее сложности при «втискивании» данного события в лето, занятое осадой Панорма, заставляют воздержаться от безоговорочного принятия информации о нем на веру. Но, вероятно, этот поход все же имел место.

Новый этап операций против африканских владений Карфагена начался в 252 г. до н. э. Новыми командующими были назначены Гней Сервилий и Гай Семпроний Блез. Флот, доверенный им, включал 260 кораблей. Он прибыл на Сицилию, где римляне предприняли некие действия против Лилибея. Сколь они были масштабны — непонятно. Речь, конечно, не шла о штурме базы карфагенского флота. Возможно, имела место своего рода разведка боем и высадка небольших десантов вблизи города. Но Лилибей в тот момент ни в какой мере не был для консулов главной целью. Покинув Сицилию, флот отправился к берегам Ливий. Достигнув африканского побережья, консулы двинулись вдоль берега существенно южнее Гермесова мыса, делая частые высадки. Ничего примечательного во время этих высадок не происходило, кроме заурядного разорения местности и взятия небольших городков. В конце концов римский флот достиг острова Менинг, лежавшего весьма далеко от привычных римлянам пределов. Так далеко они еще не забирались. Трудно сказать, для чего это было предпринято: располагать здесь базы или искать союзников было довольно сложно.

Именно тут, в акватории залива Малый Сирт, римляне вновь попали в передрягу из-за незнания особенностей театра боевых действий. Неподалеку от острова большинство кораблей встало на якорь на мелком месте. Консулы и корабельщики не учли влияния отлива. Когда он начался, корабли оказались на отмели, и не было ни малейшей возможности снять их оттуда. Окажись рядом карфагенский флот, все могло обернуться совсем плохо. Однако карфагеняне вели себя в этот период исключительно пассивно и не сделали вообще никаких попыток воспрепятствовать экспедиции.

Впрочем, через непродолжительное время начался прилив. Это облегчило положение римского флота, но еще не спасло его. Снять с мели тяжело груженные корабли не удавалось. И только выбросив за борт все награбленное имущество римляне смогли с трудом сдвинуть свои суда с мелкого места. Можно предста-

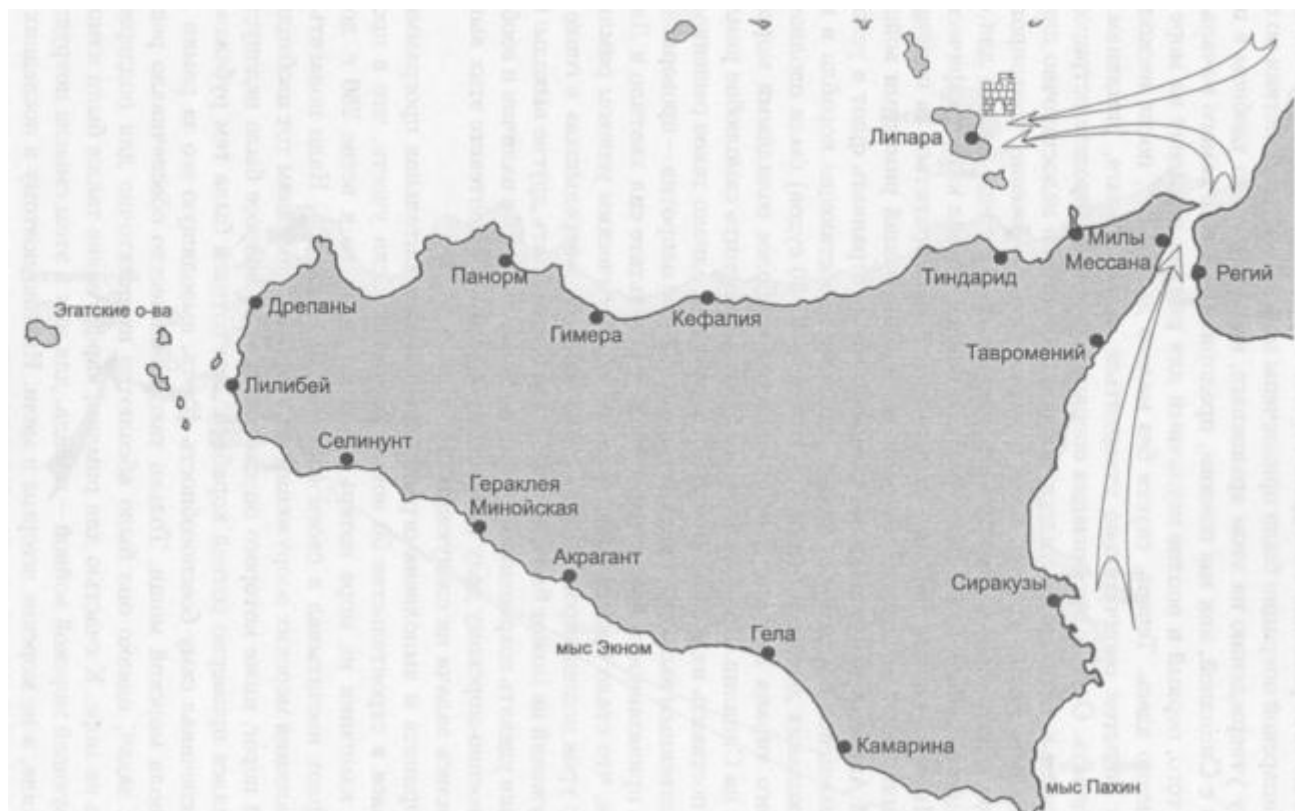
вить себе всю досаду римских легионеров и корабельщиков, которым пришлось пожертвовать ради собственного спасения с таким трудом добытым добром.

Дальнейшее, по свидетельству Полибия, больше походило на бегство, чем на обратную дорогу. Сицилию римский флот обогнул с запада, миновав Лилибей, после чего пристал у Панорма. Пробыв там несколько дней, консулы отправились домой, в Остию. Однако они вновь пренебрегли осторожностью и пустились в плавание через открытое море. Стремясь сэкономить время и избежать долгого пути через Липары и вдоль побережья Италии, консулы вновь оказались жестоко наказаны. Застигнутый бурей на переходе морем, в непосредственной близости от берегов Лукании, флот серьезно пострадал. Было потеряно около 150 кораблей, т. е. почти две трети корабельного состава.

Интересно, что это событие оказало на римлян серьезное психологическое воздействие. Несмотря на весь размах военно-морского строительства и способность в кратчайшие сроки восстанавливать численность и боеспособность своего флота, римляне ощутили определенную усталость. Совершенно однозначно с этого момента в войне на море наблюдается своего рода перерыв, выразившийся в том, что римляне сознательно на время отдали инициативу действий на морях в руки своих противников. В самом деле, в ходе всего двух кампаний в результате двух штормов было в одночасье потеряно более 430 кораблей. Людские потери оценить намного сложнее, но по вполне объективным оценкам они могли достигать 180 тысяч человек. Это был страшный урон, даже если не учитывать потери имущества, находившегося на кораблях. Кроме того, нельзя не принять во внимание, что ставшее традиционным пренебрежение римских консулов к рекомендациям греческих штурманов явно не поднимало их авторитета и могло привести к глухому, а то и открытому недовольству последних. В общем, в римской военно-морской политике наступил явный кризис, несмотря на отчетливое преобладание их на море в предшествующий период. Экономика республики была серьезно подорвана снаряжением гигантских флотов, и сенат вынужден был временно откровенно отдать море карфагенянам.

Именно в контексте этой новой политики все усилия были сведены к решению конкретной задачи — окончательному утверждению на Сицилии. Она была вполне логична, поскольку распыление сил для операций в Африке и раньше выглядело преждевременным. В результате на кампанию 251 г. до н.э. были даны совершенно четкие и вполне ограниченные задачи в плане формирования сил флота. Отряженным на Сицилию легионам под командованием консулов Луция Цецилия и Гая Фурия придали всего шестьдесят боевых кораблей, что было смехотворно мало по сравнению с предшествующими годами. Но и задачи этому соединению ставились вполне ограниченные. Ему вменялось в обязанность исключительно снабжение контингента на Сицилии и минимальные охранно-разведывательные функции. Никаких самостоятельных операций флот такого размера выполнять, естественно, не мог.

Уход римлян от политики больших эскадр ознаменовал качественное изменение хода военных действий, но отнюдь не свертывание таковых. Борьба за Сицилию, вообще являвшаяся главной задачей для обеих сторон в этой войне, вступила в свою решающую фазу. И флот принял в ней должное участие. Несмотря на ограничение его сил, флот Республики содействовал поддержанию боеспособно-

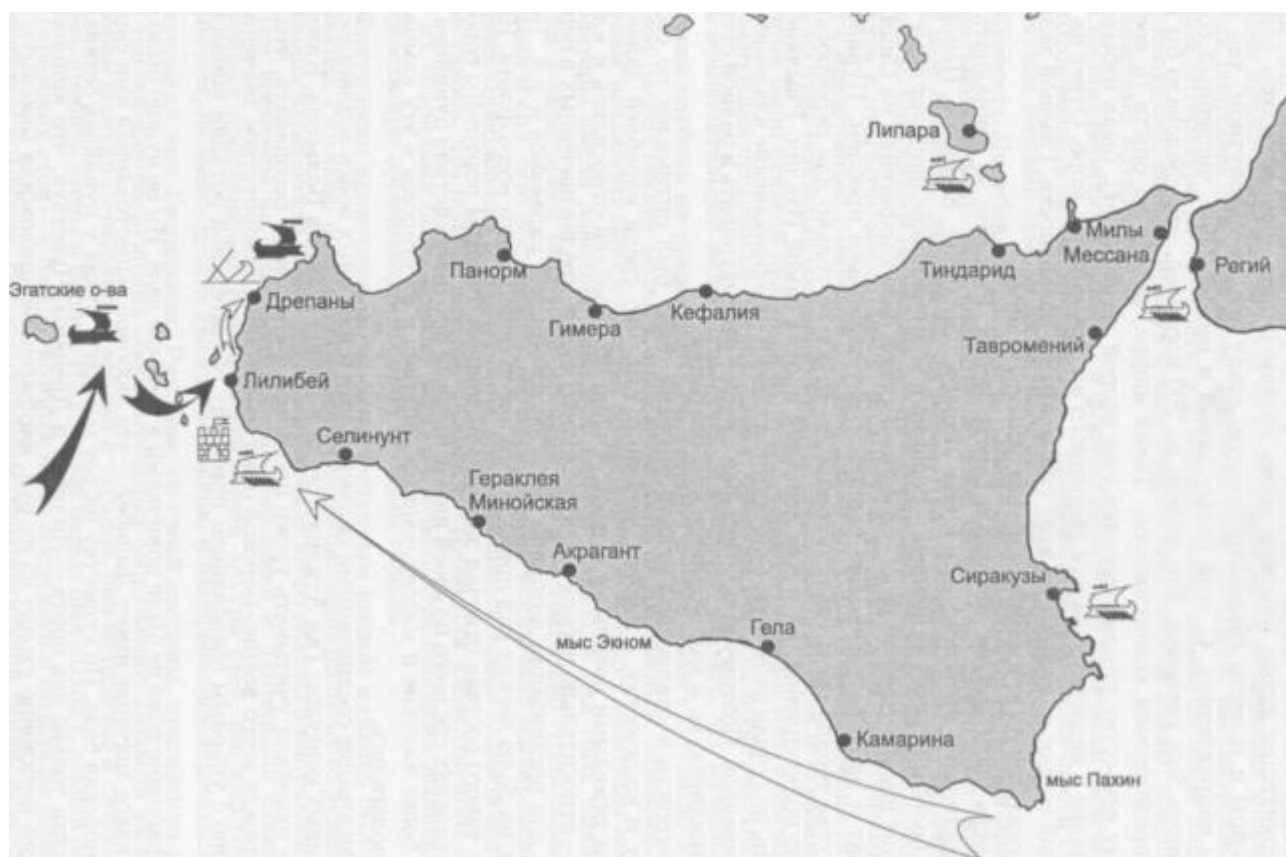
Кампания 251 г. до н.э.

сти войск на возделанном острове. Наиболее значимым эпизодом с его участием стало взятие Липары.

В 251 г. до н.э. римляне осаждали города Ферма и Липара. Во всяком случае, для Липарской операции были привлечены морские силы. Действия по окончательному утверждению на этом архипелаге, исключительно удобном в плане сообщения с Сицилией, как мы помним, предпринимались с самого начала войны — боле того, первый и вполне неудачный для римлян инцидент на море произошел именно здесь. Теперь, спустя без малого десять лет, после нескольких неудачных попыток окончательно утвердиться на архипелаге, римлянам удалось это сделать. Однако организация операции явственно продемонстрировала, что имевшихся в наличии шестидесяти судов совершенно недостаточно для выполнения задачи такого уровня. Если осуществлять снабжение, конвоирование транспортов и патрульную службу этот урезанный флот еще мог, то для организации одновременной блокады островного полиса его сил катастрофически не хватало. Именно поэтому римляне вынуждены были обратиться за помощью к своим сицилийским союзникам. Разумеется, командующий римскими войсками консул Гай Аврелий Котта отлично понимал, что отстраивать флот в условиях уже начинавшейся осады было поздно, поэтому недостающие корабли в количестве нескольких десятков (вероятно, не более 40-50 судов) были одолжены у сиракузского тирана Гиерона, располагавшего наиболее солидными морскими ресурсами на Сицилии. Вряд ли это могло сильно ущемить самолюбие римлян и тем более поставить их в зависимость от сиракузян, однако такое решение явно было единственным выходом в этой ситуации. Скорее напротив — проверялась на прочность привязанность новых союзников. В результате сил хватило и Липара была взята, что стало чрезвычайно важным стратегическим успехом римлян.

Однако урок пошел впрок. Сенату стало ясно, что «передышка» в гонке морских вооружений не может быть долгой. Надо было искать другие выходы: больше внимания уделять сохранению тех сил, которые имелись в наличии и вообще — «учиться военно-морскому делу настоящим образом». В контексте этих выводов и определились задачи на следующий, 250 г. до н.э.

Была принята и выполнена ограниченная судостроительная программа, заключавшаяся в строительстве 50 новых кораблей. Если учесть, что в предшествующей кампании на море потерь не отмечалось, то к весне 250 г. до н.э. римский флот насчитывал в своем составе 110 вымпелов. Надо полагать, что опыт сокращения морских вооружений ясно показал римлянам тот необходимый численный порог, ниже которого опускаться в этом вопросе было недопустимо. Он исчислялся примерно сотней кораблей. Эта сотня и была тем рубежом, который обеспечивал саму боеспособность флота, выводящую его за рамки всего лишь символа морской мощи. Только такое количество обеспечивало решение насущных задач, однако оно было абсолютно недостаточно для поддержания господства на море. К счастью для римлян, карфагеняне также были измотаны предшествующей морской войной — правда, для них в этом смысле потрудились сами римляне, а не морские штормы и мели. Именно поэтому в последних кампаниях пунийцы использовали флот чрезвычайно ограниченно и не помышляли о генеральных сражениях на море. Обе стороны, будто сговорившись, пошли на небольшую передышку, сосредоточив все усилия на сухопутных операциях. Самой значимой из них стала битва под Панормом, в ходе которой римляне под

Кампания 249 г. до н. э.

руководством консула Цецилия, хотя и остававшиеся в ослабленном составе (половина войск была в Италии), сумели разгромить карфагенское войско и даже отбить у него всех боевых слонов.

Воспрянувшие духом римляне вновь вознамерились единым махом решить исход войны и повести сбалансированную атаку как на сухопутном, так и на морском направлениях. С этой целью зимой и весной 249 г. численный состав флота вновь был увеличен. Его довели до 200 кораблей, что следовало бы признать определенным компромиссом. Такая цифра, исходя из опыта (а военноморскому искусству римлян стукнул уже второй десяток лет), была избыточна для обороны и недостаточна для уверенного наступления на море. Ответ на возникающий вопрос о назначении этих сил лежит на поверхности. Главной задачей консульских сил на эту кампанию стал захват Лилибея.

Эта цель была вполне логична и своевременна. Римляне за тринадцать лет войны постепенно приближались к ней. Липара, Тиндарид, Кефалия, Панорм — все эти, более или менее успешные, операции в течение прошедших лет отмечали небольшие шаги к главной цели — военно-морской базе карфагенян на Сицилии. Ее захват и прочное удержание решали сразу несколько проблем. Пунийцы в этом случае теряли свою главную опорную точку не только для переброски на Сицилию подкреплений, но и для действий против самой Италии. Римляне же, напротив, получали отличную базу для нападений на африканские владения своих противников. Поэтому атаку Лилибея следует рассматривать в равной степени и как сицилийскую, и как африканскую операцию.

В контексте поставленной задачи римский флот был оптимален по своему качеству и количеству. Имеются данные о том, что среди кораблей далеко не все были тяжелыми военными судами. Около 60 кораблей относились к классу керкур — относительно легких и быстроходных судов, предназначенных в первую очередь для организации дозорной службы, прикрытия караванов и т. д. Таким образом, на долю легких сил приходилось около одной трети всего флота. Именно флот такого состава отвечал задачам надежной блокады портового города с моря в условиях среднего по своей интенсивности противодействия пунийцев. Вероятно, более жесткие и массированные действия с их стороны в эту кампанию не предполагались.

Командование соединенными силами флота и наземных войск возлагалось на проверенных консулов: Гая Атилия Регула и Луция Манлия Вольсона. Кажется, римляне начинали учитывать уроки прошлого и понемногу осознавать, что боевой, и прежде всего военно-морской опыт имеет явно приоритетное значение по сравнению с упорным следованием принципу обязательной ротации командных кадров.

Карфагеняне тоже не были новичками в военном деле. Им не нужно было объяснять, какое значение имеет Лилибей — эта любовно выпестованная ими самими военно-морская база. По существу на тот момент в руках у пунийцев оставались на Сицилии только два порта — Лилибей и Дрепаны. Чувствуя, что инициатива на острове неуклонно уходит из их рук, карфагеняне приложили максимум усилий для удержания города в своих руках. Отступать, и в самом деле, было уже почти некуда. Поэтому обороне Лилибея уделялось приоритетное внимание и все остальные участки противостояния фактически были преданы забвению.

Осада Лилибея принципиально важна для нас еще и потому, что это первое

пространное и подробное описание комбинированной наземно-морской операции по блокаде и штурму приморской крепости, известное в истории Рима. Это была далеко не первая осада, в которой принимал участие римский флот, однако ни один предшествующий эпизод не рассматривался в источниках хоть сколько-нибудь подробно. На этом фоне действия под Лилибеем, рассмотренные в античной литературе (в частности, у Полибия), лишь немногим менее тщательно, чем, например, осада Сиракуз в ходе Второй Пунической войны, представляют несомненный интерес.

Римляне перебросили войска и флот в Панорм, где произвели окончательные приготовления, а затем отправились к крайней западной оконечности Сицилии. Здесь, под стенами самого Лилибея, и был разбит римский лагерь.

Крепость Лилибей представляла собой чрезвычайно интересный пример рационального дополнения усилиями людей естественных природных укреплений. Сам мыс Лилибей, давший ей название, являлся ближайшей к Африке точкой Сицилии. Он тянулся по направлению с северо-востока на юго-запад, далеко выдаваясь в открытое море. Здесь, на мысу, и располагался укрепленный город-порт с предстоящей с морской стороны гаванью. Сила его укреплений складывалась из трех основных составляющих. Помимо мощных стен и глубоких валов, которые были основой любой качественной фортификации того времени, Лилибей окружали неглубокие лагуны. Эти обширные морские пространства отличались исключительной мелководностью. Достаточно сказать, что на большинстве участков глубина не превышала 2 м, зачастую уменьшаясь почти до 1 м. Хаотичное расположение мелей и их обилие делало возможным плавание по этим лагунам исключительно в светлое время суток и только с опытным лоцманом. Фарватеры имели довольно сложную конфигурацию, и для того, чтобы знакомые с акваторией мореходы изучили их самостоятельно, требовалась масса времени и сил. Это обстоятельство практически исключало массированное применение кораблей при штурме стен — дальнобойность любой осадной артиллерии была такова, что подвезти ее на корабле к стенам для элементарного достижения их снарядами было крайне затруднительно. Эта проблема выливалась и в трудности при организации морской блокады города.

Фактически единственным вполне доступным входом в гавань был главный фарватер. Римляне, придавая второстепенное значение полному окружению порта, сконцентрировали свои усилия на блокаде этого главного направления.

Тем временем на суше развернулась жестокая и длительная схватка двух достойных противников. Карфагеняне имели внутри стен, помимо городского ополчения, не менее десяти тысяч наемников, и намеревались держаться стойко. Командовал ими Гимилькон. Римляне, со своей стороны, приложили невиданные усилия для разрушения оборонительных сооружений. Подвезя на кораблях и собрав десятки метательных орудий и таранов, они методично и ежедневно пытались дробить стены и башни. Их главной целью был выход к южной оконечности городских стен — к башне, которая была последней и стояла на берегу моря, обращенном к Африке. Начав с середины оборонительной линии, римские инженеры методично и неуклонно сокрушали оборонительные укрепления пунийцев. По словам Полибия, не проходило и дня, чтобы не приходила в негодность или не падала одна из башен. В течение непродолжительного времени рухнули шесть из них. Карфагеняне, впрочем, регулярно устраивали кровопролитнейшие для

обеих сторон вылазки, и держались за счет того, что Гимилькон регулярно отстраивал новые стены по мере продвижения римлян вглубь территории города. Кроме того, был успешно пресечен заговор наемников, собравшихся было перейти на сторону римлян и сдать город.

До тех пор, пока карфагенский флот не появлялся, блокада города осуществлялась относительно небрежно. Возможно, именно это и послужило причиной серьезного провала римлян. В столице карфагенян, не зная в точности всей обстановки в городе, решили отправить ему вспомогательные силы и продовольствие. Был снаряжен отряд из 50 кораблей, несших на своем борту десятитысячное войско под командой очередного Ганнибала, сына Гамилькара. Этот отряд, выйдя в море, не стал сразу же нарываться на неприятности. Ганнибал приказал бросить якорь как раз на полпути между Африкой и Сицилией. Эгусская банка, где остановился флот, была весьма удобной позицией. Ганнибал ждал попутного ветра. Возможно, он провел разведку с помощью легких судов, однако, если она и имела место, то была проведена просто филигранно — римляне ничего не заподозрили.

Как только подул устойчивый юго-западный ветер, флот снялся с якоря и на всех парусах устремился к Лилибею. Ганнибал приказал привести суда в полную боевую готовность, а всю команду, вооруженную до зубов, выставил на палубах. Появление этой небольшой эскадры привело римлян в некоторое замешательство. Видимо, в тот момент надежной охраны фарватера не было — Полибий пишет, что римские корабли даже не отошли от берега. Внезапность нападения, осторожность по отношению к малознакомой акватории, а также то обстоятельство, что сильный ветер может увлечь вместе с карфагенскими в город и их собственные суда — все это не дало римлянам возможности среагировать. Им оставалось только с досадой и ненавистью следить за тем, как неприятельская эскадра входит в гавань осажденной крепости. Толпы людей на городской набережной приветствовали флот — сначала они высыпали на стены, а теперь рукоплескали, радуясь в большей степени не тому, что прибыли подкрепления, а тому, что удалось посрамить римлян.

Фронтин, однако, описывает маневр, произведенный, якобы, карфагенянами. Согласно его данным, Ганнибал отделил часть своего флота, которая и выманила силы римского флота в море. В это время мимо них и проскользнула по фарватеру основная группировка карфагенян. Эти данные, вполне, казалось бы, правдоподобные, находятся в кардинальном противоречии с сообщениями Полибия. Само по себе это еще не свидетельствует в пользу последнего, однако возникает закономерный вопрос — что мешало римлянам уничтожить (хотя бы с досады) ту часть кораблей, которая выполняла роль «подсадной утки»? Ведь ни тот, ни другой авторы не дают оснований говорить о потерях карфагенян в тот день. Поэтому гораздо больше доверия вызывает схема, нарисованная Полибием.

Прибывшие войска немедленно влились в гарнизон города, а на следующий день Гимилькон устроил вылазку всех наличных сил, стремясь сжечь осадные приспособления и машины римлян — главные орудия постепенного уничтожения городских укреплений. Несмотря на героизм осажденных, эта кровопролитная вылазка закончилась безрезультатно: войска принуждены были возвратиться в город.

Однако Ганнибал не испытывал ни малейшего желания просто так оставить-

ся в городском порту. Его сил было совершенно недостаточно для того, чтобы сражаться с римским флотом. К тому же, оставаясь в гавани, он имел все шансы быть все же запертым в ней римлянами. Поэтому в ночь непосредственно после сражения карфагенский флотоводец вывел всю свою небольшую эскадру из гавани в море и ушел с нею в находившийся относительно неподалеку — примерно в трех милях — порт Дрепаны. Находившийся там карфагенский гарнизон во главе с Атарбалом, хотя и не получил уже никаких подкреплений, был все же рад ощутить, что в столице о них не забыли.

Чрезвычайно показательно то обстоятельство, что римляне действительно не вели никаких действий на море ночью. Фарватер оставался неохраняемым, что никак нельзя признать рациональным. Несомненно, отсутствие устойчивого опыта блокады приморских крепостей налагалось в данном случае на объективные трудности — незнание рельефа дна в акватории. Однако это никак не оправдывает того, что не было даже попыток установить ночные посты на одном-единственном направлении, которое можно было элементарно перекрыть десятком кораблей. Вероятнее всего, от противника не ожидали такой откровенной наглости.

Так что двукратный прорыв блокады — без каких бы то ни было потерь со стороны блокадопрорывателей — состоялся. Есть все основания полагать, что римляне выделили часть сил флота для блокады Дрепан. Это следует хотя бы из уверения Полибия, что карфагеняне в столице не имели представления о реальном положении дел в сицилийских портах — следовательно, флот обратно не возвращался. Полибий же отмечает, что часть карфагенских сил на острове «была заперта, а за другими существовал бдительный надзор». Так что, видимо, урок был учтен.

Отныне римляне стали более тщательно следить за подходами к городу. Именно поэтому попытки карфагенян в дальнейшем оказать помощь осажденному порту помощь оказались довольно скромными. Наверняка сказывался и элемент усталости и подрыва сил. Неудачи преследовали карфагенян уже много лет. Ресурсы этого государства тоже не были безграничны. Продолжались волнения племен в Африке. Карфаген был изрядно измотан. Строительство флота в этот период могло иметь только ограниченные масштабы. Именно поэтому в конечном итоге пунийцы и не пошли на обдуманный риск прорыва в Лилибей с большими силами.

Однако сама по себе связь с городом и спорадические попытки прорыва блокады не прекратились. Разница была в том, что теперь это были единичные корабли, а не эскадры. В частности, именно сейчас взошла звезда некоего знатного карфагенянина Ганнибала по прозвищу Родосец — надо полагать, он сделал свое состояние на торговле именно с этим островом. Он сам вызвался провести разведку, прорвавшись в Лилибей с одним-единственным принадлежавшим ему самому кораблем. На этом корабле Ганнибал Родосец вышел в море и, достигнув одного из островков неподалеку от Лилибея, встал там на якорь. Дождавшись попутного ветра, Родосец снялся с якоря и в четвертом часу дня на глазах у изумленных римлян беспрепятственно вошел по фарватеру в порт. Пассивность римлян не поддается объяснению. Конечно, сплеховала разведка. Но скорее всего, когда они уже обнаружили судно, было просто незачем гнаться за ним — весьма быстроходным, конечно — слишком мелка была цель. Так или иначе, по-

пытка прорыва удалась. Родосец сумел это сделать не только благодаря скорости. Он великолепно ориентировался в мелях и фарватерах Лилибея. По мелководью он шел с такой скоростью, с какой римляне мчались по открытому морю. Это давало ему гигантскую фору перед противниками.

А то, что Родосец ходил на судне-рекордсмене, подтвердилось на следующий день. Римляне все же по инициативе консула блокировали выход из порта. Был почти полный штиль. Десять наиболее быстроходных римских кораблей, разделившись на два отряда, еще ночью встали с поднятыми веслами вдоль лагун. Сам консул с большим количеством воинов располагался на берегу неподалеку от выхода из гавани. Но римляне вновь были посрамлены. Родосец на веслах действительно вышел из порта. Но римляне были настолько поражены его скоростью, что как будто оцепенели. Дерзость и быстрота этого демарша превосходили всякое воображение, и одинокий корабль даже не пытались преследовать. Стремясь усилить эффект, Родосец, отойдя на некоторое расстояние, остановился и вызывающе и издевательски поднял весло, откровенно насмехаясь над своими противниками.

В дальнейшем Родосец неоднократно повторял свой маневр — всегда с неизменным успехом. Обычно он пользовался одним и тем же фарватером. Подходя к Лилибею, корабль Родосца делал поворот на юг-юго-запад, после чего он достигал точки, из которой крайняя приморская башня лилибейских стен закрывала собой все остальные. Здесь корабль резко изменял курс и начинал на всех парусах двигаться на северо-восток. Таким образом Родосец всегда достигал своей цели. В результате в Карфагене были в курсе событий и нужд осажденной крепости. Правда, помочь ей все равно не могли. Плохо для римлян было то, что Родосец уже не был одиночкой. Его примеру последовали несколько вражеских кораблей под руководством столь же храбрых и умелых шкиперов. И если от массового прорывав в город римляне были гарантированы, то с одиночными кораблями по-прежнему не удавалось ничего сделать. Не вызывает сомнения, что упорное желание римлян разрушить именно приморские башни было вызвано как раз стремлением ликвидировать этот чрезвычайно важный наземный ориентир.

Римляне, не будучи в силах совладать с блокадопрорывателями посредством боевых кораблей, решили соорудить плотину, перекрывающую этот удачный фарватер. Однако все попытки земляных работ оканчивались безрезультатно. Крупных камней под рукой не было, а щебень и земля, которую высыпали за борт с кораблей, относились течением, еще не достигая дна — течение здесь, на мелководье, было достаточно сильным. Столь же неудачной оказалась и попытка затопить на фарватере несколько обветшавших легких кораблей. Выведенные в море 14 груженных камнями керкур, когда им прорубили днища, стали погружаться на дно; однако течение вновь внесло свои коррективы — пока суда затонули, их разнесло так далеко, что перекрыть фарватер они не могли. Было перепробовано множество вариантов создания подводных заграждений — вплоть до прикрепленных к каменным якорям бревен, которые, подвсплывая, должны были обеспечить непроходимость фарватера, но течение всякий раз нарушало первоначальный план сооружения препятствий.

Наконец, когда, казалось, уже не осталось надежды выполнить задачу, успех пришел к римлянам. Одна из плотин оказалась устойчивой и находилась в нужном месте. Именно на этой мели и оказалась одна из квадрирем, пытавшихся вы-

рваться из гавани. Трудно сказать, почему римлянам приглянулся этот корабль и чем он был лучше их собственных — вероятно, сказывались все же скоростные характеристики. Но именно захваченная квадриема была вооружена римлянами на свой манер и приняла через несколько дней участие в удачной охоте за Родосцем. Он к тому времени ходил в гавань уже в основном по ночам. Утром, покидая порт, Родосец заметил одновременно снявшуюся с якоря квадриему и, узнав ее, пришел в некоторое замешательство. Он попытался оторваться, но вскоре понял, что трофейное судно, принадлежащее теперь римлянам, неумолимо настигает его. Понимая, что уйти уже не удастся, Родосец развернул свой корабль и вступил в отчаянный бой с римлянами — бой, который он, разумеется, проиграл. Римские морские пехотинцы по «ворону» ворвались на корабль и в два счета пресекли попытки сопротивления. Сам Ганнибал Родосец попал в плен.

Римляне включили и это быстроходное судно в состав своего флота и теперь, наконец, полностью пресекли попытки прорыва блокады Лилибея. Однако, как назло, именно теперь, когда, казалось бы, дело пошло на лад, осаду пришлось снять в результате печальной перемены обстоятельств: осажденным лилибейцам удалось — таки сжечь многие из машин римлян, разрушавших их стены. При этом погибло много солдат и инженеров, что вынудило римлян пересмотреть свои планы.

Осада Лилибея плавно переросла в боевые действия под Дрепанами. Этот город-порт рано или поздно должен был оказаться в орбите внимания римлян и, как мы помним, был вовлечен в войну уже в ходе прорыва Ганнибала.

Римлян вынуждало к этому и то, что карфагеняне явно активизировали свои действия на побережье Сицилии и, возможно, в самой Италии. Точных данных о количестве и направлениях этих ударов нет, но этим летом карфагенские корабли совершали незначительные по силе, но явно тревожившие римлян нападения на подконтрольную им территорию. Несомненно, их целью были попытки отвлечь внимание римского командования от Лилибея и Дрепан. Ситуация была не угрожающей, но явно неприятной.

Теперь, понеся потери под Лилибеем, уже в то же лето (это был исключительно насыщенный для римлян год) римляне прибегли к экстраординарным мерам. Команды моряков, спешно сформированные в Риме, были посуху (!) отправлены в Регий, затем переправлены в Мессану и после нескольких пеших переходов достигли места базирования флота под Лилибеем. Численность этих команд достигала почти 10 000 человек. Данных о строительстве новых кораблей нет. Возможно, состав флота пополнили на месте, на Сицилийских верфях, но это лишь догадка, абсолютно ничем не подтвержденная. Во всяком случае, некоторое приращение во флоте произошло — по одной из версий, восходящей к данным Евтропия, численность римских кораблей была на уровне 230 единиц. Учитывая подготовку к лету 249 г. до н. э. примерно 200 кораблей, получается, что существенного пополнения корабельного состава действительно не произошло.

Когда новобранцы прибыли под Лилибей, консул Публий Клавдий Пульхр собрал своих трибунов и объявил им, что настала пора идти вместе со всем флотом под Дрепаны. Он аргументировал это тем, что Атарбал, возглавлявший карфа-

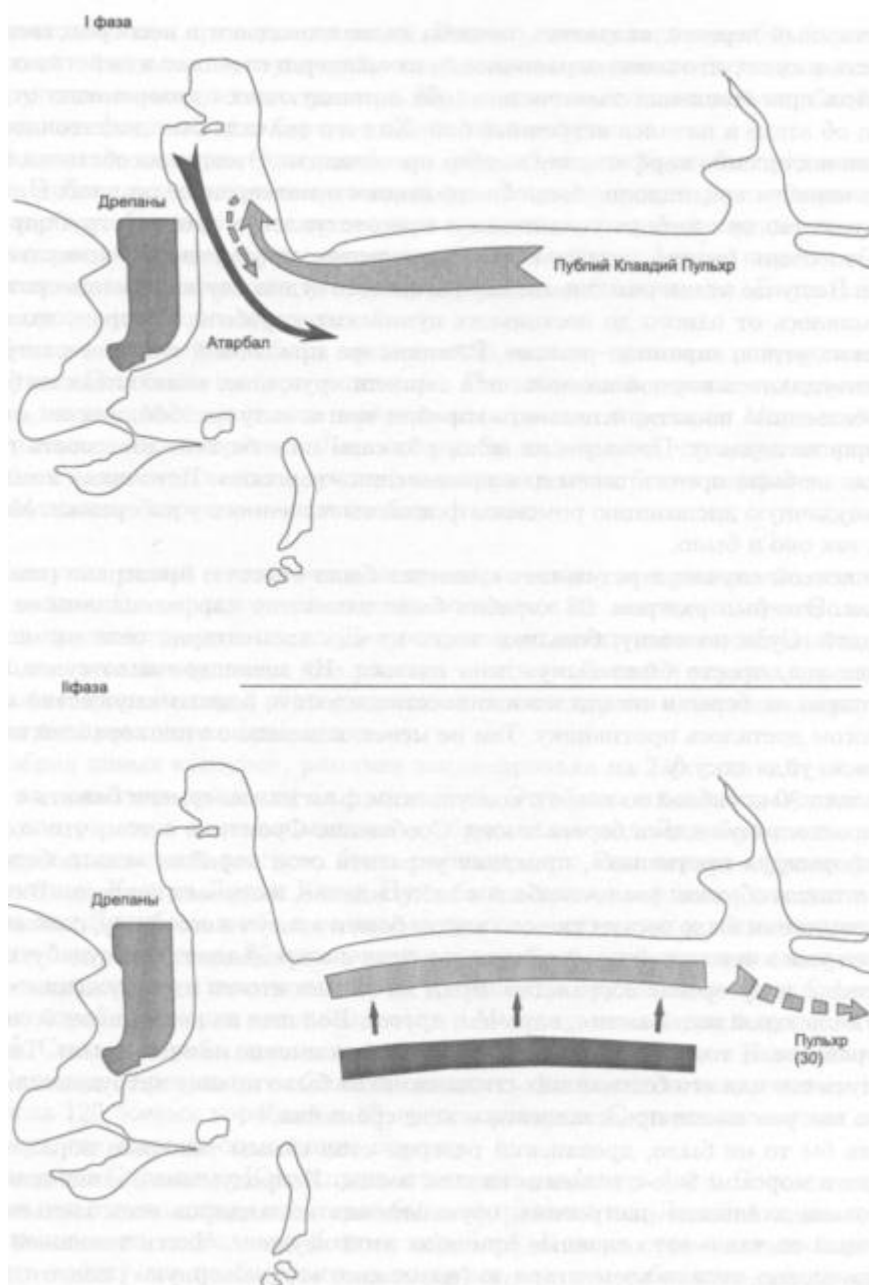
генян в этом городе, в данный момент, наверняка, не подготовлен как следует к обороне, не знает о прибытии к римлянам подкрепления и пребывает в уверенности, что римляне, понеся потери, физически и морально не в состоянии атаковать новую цель и выйти в море со всем своим флотом.

После краткого военного совета, на котором все командиры одобрили предложенный план, войско стало грузиться на корабли. Новые экипажи примкнули к старым; было сформировано несколько новых отрядов морской пехоты и распределено по кораблям. Воодушевление в войске было весьма серьезным: все шли в бой чрезвычайно охотно, ибо поход предстоял совсем недалекий, а результаты его представлялись достаточно очевидными: все надеялись на легкую победу и ощутимую добычу.

Погрузка войск происходила ночью с соблюдением всех мер маскировки. Около полуночи флот вышел в море, не будучи замечен противником. Он шел медленно и осторожно к северу вдоль берега и на рассвете авангард показался близ Дрепан. Заметив его, Атарбал вначале испугался, но потом, поразмыслив, решил держаться и постараться воспрепятствовать явно замышлявшейся осаде. Поэтому карфагенянин отважился на отчаянный шаг. Он решил дать морское сражение подходившим врагам. Учítывая, что силы, которыми он располагал, были существенно меньше римских, это было действительно смелое решение. Точная численность карфагенских кораблей нам неизвестна, но можно с уверенностью полагать, что их было не более сотни. Выведя команды на берег, Атарбал обратился к ним с речью, отчетливо расставив в ней все акценты. Он объяснил, что, напав, пунийцы имеют шанс на победу, который стремительно уменьшится, коль скоро они окажутся в осаде. Воодушевленное войско и матросы, как ранее римляне, стали садиться на корабли.

Выведя свой корабль на рейд, Атарбал приказал остальным следовать за ним и не терять из виду. Римский флот в этот момент понемногу уже втягивался в гавань с ее южной стороны. Карфагеняне выдвигались вдоль северного берега бухты. Таким образом, одновременно в бухте происходило встречное движение двух вражеских флотов. Публий Клавдий, шедший в конце колонны, заметил этот маневр неприятеля и попытался предпринять решительные меры. Видя свои растянувшиеся порядки, когда голова колонны была уже почти у берега в глубине бухты, а замыкающие корабли еще были в открытом море, он, естественно, пришел в ужас. В этот момент карфагеняне, кстати, вполне могли разрезать решительным ударом порядки римлян, однако они еще не были к этому готовы — флот только выдвигался на позицию и имел четкие указания следовать за флагоманом.

Публий отдал приказ всем поворачивать к выходу из гавани. Поскольку принять его сигнал, в какой бы форме он не был отдан, было крайне сложно — часть кораблей, которая уже входила в гавань, была вне визуальной досягаемости и требовалось время, чтобы сигнал дошел до них — произошла неразбериха. Новые корабли, выходя из-за мыса, наталкивались на разворачивавшиеся им навстречу суда. Началось невообразимое смятение, корабли сталкивались и ломали друг другу весла. Однако командиры кораблей и командующие отрядами проявили себя самым лучшим образом. Каждый корабль, который выходил из бухты обратно, становился в ряд вдоль берега — кормой к суше и носом к противнику. Публий теперь расположился на левом фланге своего строя.

Сражение у Дрепан в 249 г. до н. э.

Атарбал, тем временем, выстроил свои корабли аналогичным образом, но в открытом море. Сам он находился с пятью кораблями своего отряда на правом крыле, как раз напротив римского флагмана. Так что вскоре оба флота встали в линию друг против друга параллельно берегу. Однако римляне, несмотря

на численный перевес, оказались загнаны на мелководье и в непосредственную близость к суше, что резко ограничивало их маневр и стесняло в действиях.

Когда приготовления закончились, оба командующих одновременно отдали сигнал об атаке и начался встречный бой. Ход его вначале был достаточно равным, но постепенно карфагеняне начали преобладать. Этому способствовало то, что их корабли традиционно были быстрее и маневреннее римских и имели преимущество при выборе угла атаки и при отступлении для перегруппировки сил. Это очень быстро нейтрализовало численное преимущество консульского флота. В случае атаки римлянами карфагенского судна ему на помощь сразу же устремлялось от одного до нескольких пунийских кораблей, которые, заходя с кормовых углов, таранили римлян. Римляне же при любой попытке отступления или садились кормой на мель, или терпели крушение, выскакивая на берег. Их собственные попытки атаковать корабли врага, ведущие бой, как ни странно, терпели неудачу. Почему — не ясно, ибо сама по себе тяжеловесность ранее никогда не была препятствием для применения «воронов». Источники винят во всем неудачную диспозицию римского флота, выстроенного у побережья. Может быть, так оно и было.

Во всяком случае, в результате сражения было вчистую проиграно римским флотом. Это был разгром. 93 корабля было захвачено карфагенянами со всей командой. Судя по всему, большая часть из них элементарно села на мель и, потеряв ход, просто была вынуждена сдаться. Не меньшее число судов было выброшено на берег и не подлежало восстановлению, однако имущество с них во многом досталось противнику. Тем не менее, команды с этих кораблей все же спаслись, уйдя посуху.

Только 30 кораблей во главе с консульским флагманом сумели бежать с поля боя, проскользнув вдоль берега к югу. Сообщение Фронтинна о том, что консул, дезинформируя противника, приказал украсить свои корабли «как победоносные» и таким образом ввел Атарбала в заблуждение, вызывает вопросы. В самом деле, римлянам было весьма тяжело в этом бою, и консул к его концу, похоже, находился уже в некоторой прострации — он отлично предвидел свою судьбу: и суд, и штрафы, и презрение сограждан. Вряд ли он или кто-то из окружения могли продумать такой ход. Важнее, впрочем, другое. Бой шел на не слишком большом пространстве. К тому же пунийский флагман был именно на этом крыле. Так что обмануть его или его ближайших сподвижников было крайне затруднительно — они-то как раз имели представление о ходе сражения.

Как бы то ни было, дрепанский разгром стал самым тяжелым поражением римлян в морском бою с момента начала войны. Непродуманное командование, шапкозакидательские настроения, обуявшие как командиров всех звеньев, так и личный состав — вот основные причины этой неудачи. Часть экипажей имела, безусловно, только элементарную (возможно, «тренажерную») подготовку, и они просто не могли грамотно выполнить требуемый маневр, тем более в состоянии растерянности и стресса от внезапной встречи с боеготовым противником. Находясь в хвосте своей колонны, консул, безусловно, не имел возможности отреагировать своевременно на изменение обстановки — вообще непонятно, почему он избрал подобное местоположение, являющееся ключом к пониманию хода и результатов боя. Собственно, консул вообще не собирался вступать в бой на море и, скорее всего, не настраивал на это экипажи — ведь планировалась только

высадка десанта и организация осады. Именно потому весь план боя был импровизацией — разумеется, неудачной, какой только и следовало быть импровизации сухопутного командующего на море. И, разумеется, чудовишной ошибкой была постановка флота вблизи берега в самом начале битвы.

В качестве альтернативы развитию событий можно было бы предложить на месте Публия немедленно начать атаку арьергардом против флагманского отряда Атарбала. Помимо обезглавливания противника это могло привести к окружению или, во всяком случае, сковыванию его маневра. Однако гадание в сослагательном наклонении, как известно, бесплодно и беспочвенно. Битва «наяву» была проиграна безоговорочно.

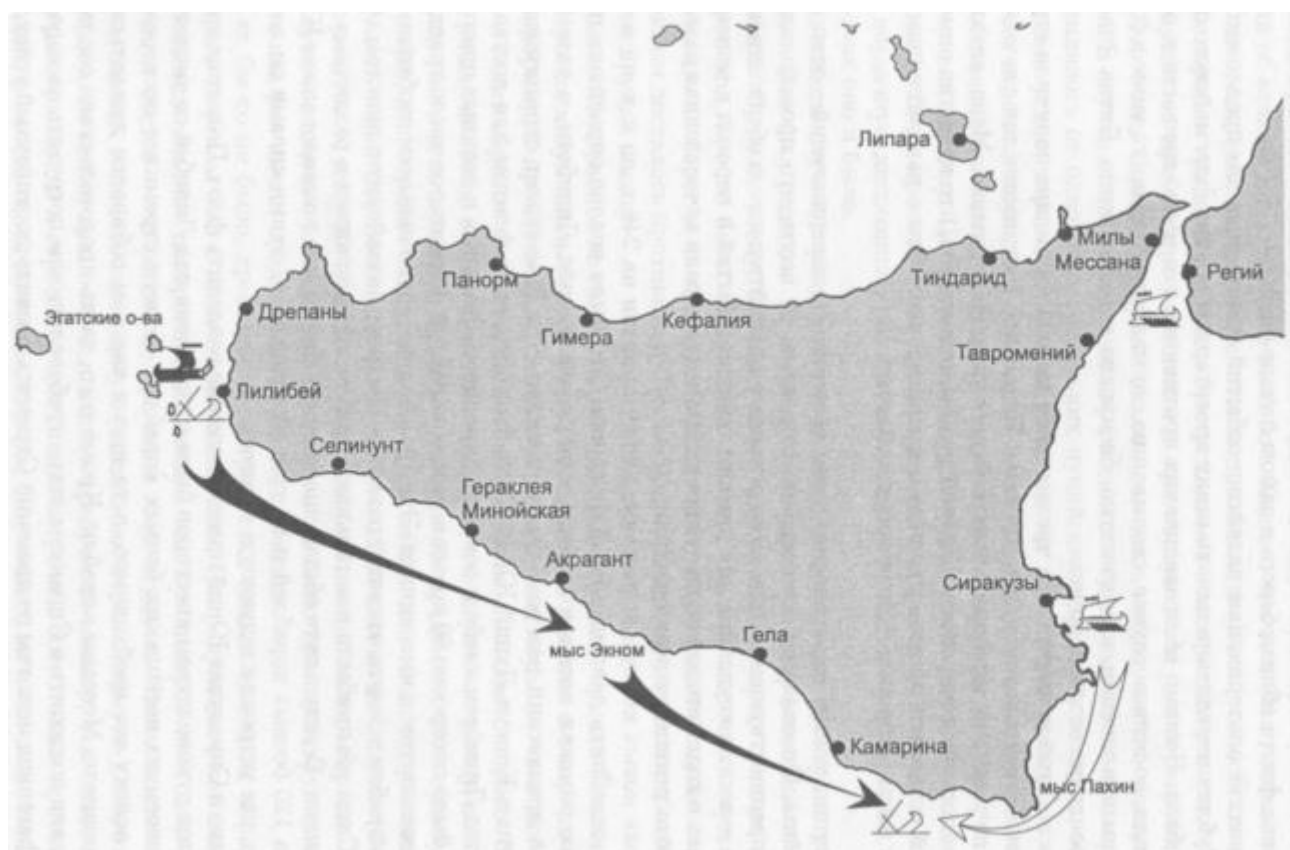
Цена же этой неудачи была чрезвычайно высока — римляне получили страшный урок. Это были не бури и штормы. Печальное завершение так удачно, казалось, начавшейся кампании повергло всех римлян в уныние. Море, казалось, отказывалось им покоряться. Лишний раз было доказано, что качество римских кораблей оставляет желать лучшего и в маневренном бою с карфагенянами их спасают лишь «вороны» — если вообще спасают.

Наступил новый — как впоследствии выяснилось, завершающий — этап морской войны. Он оказался качественно отличным от всего, что происходило на море в предшествующие годы. Две основные отличительные особенности этого периода — весьма неудачное для римлян течение событий и переход к маневренной войне, в ходе которой первостепенное значение играли качественная разведка и быстрота реакции командующих.

Избрав новых консулов, римляне запланировали на 248 г. до н. э. ни в коей мере не ослаблять давления на противника. Это было вполне оправдано: после того, как римская военная машина «забуксовала» под Лилибеем, а затем последовал дрепанский разгром, было очевидно, что Рим теряет стратегическую инициативу. Консул Луций Юний Пулл был отряжен с флотом для доставки в лагерь под Лилибеем хлеба и основных продовольственных и военных припасов. К весне было построено 60 новых военных кораблей и некоторое число транспортов — в дополнение к имеющимся. Эти транспорты, груженные всем необходимым, боевые корабли эскорта отконвоировали в Мессану, назначенную пунктом сбора флота. Сюда же прибыли и остальные корабли, находившиеся в различных портах Сицилии. В результате общая численность флота под командованием Юния достигла 120 боевых кораблей и 80 транспортников. С этими силами он достиг Сиракуз, где устроил следующую стоянку.

Именно в Сиракузах Юний принял решение разделить флот. Половина транспортов под руководством квесторов была отправлена под Лилибей со смехотворным конвоем из нескольких боевых кораблей. Консул стремился поскорее доставить войску все необходимое, в то время как сам собирался дожидаться запаздывавшие из Мессаны корабли. Кроме того, часть продовольствия союзники продолжали подвозить в Сиракузы, и его требовалось еще погрузить на корабли.

Карфагеняне меж тем не дремали. Стремясь развить достигнутый успех, они активизировали деятельность на море. Атарбал, отослав в Карфаген пленных и трофеи, полученные в ходе сражения под Дрепанами, переформировал свой флот. Была создана специальная мобильная эскадра под командованием товарища Атарбала — еще одного карфагенского военачальника, Карталона. Семьдесят

Кампания 248 г. до н. э.

кораблей привел он сам, еще тридцатью пополнил его отряд Атарбал. Таким образом, численность этого подразделения была доведена до сотни кораблей. Задачи этому отряду ставились вполне определенные. Он должен был нанести римлянам существенный ущерб на море и способствовать разблокированию Лилибея. Вблизи этого города продолжал оставаться римский флот ограниченной численности (не более 50 судов), который нес патрульную службу и, собственно, «запирал» гавань.

В контексте этого Карталон отправился к Лилибею и в точности выполнил первый приказ своего командующего. Перед рассветом, когда римские корабли стояли у берега, а команда находилась в основном на суше, было произведено внезапное и молниеносное нападение на эти «дозорные» силы. Римляне, организуя блокаду, в который уже раз стали жертвами собственной беспечности и недомыслия. У них явно что-то не ладилось в организации, в общем-то, не такого уж сложного дела. Во всяком случае, объяснить, почему флот, в обязанности которого входило дежурство в акватории, в том числе и в ночные часы, оказался полностью не готов к бою, трудно. Ни о каком сопротивлении в источниках и речи не идет. Карфагеняне захватили и увели на буксире не менее четырех кораблей, а остальные просто сожгли на месте. Видеть в этом инциденте пример первого употребления зажигательных снарядов несколько преждевременно. Никакими данными об установке тех или иных приспособлений для метания сосудов с горючей смесью, копий с подожженной паклей и т. д. мы не располагаем. Отсутствие сопротивления серьезно облегчало задачу. Скорее всего, этот поджог был совершен с помощью самых обыкновенных факелов, бросавшихся с проходящих мимо кораблей карфагенян, или командами поджигателей — ведь не исключено, что некоторые корабли римлян вообще были вытасканы на берег.

Более того, на римских солдат, ринувшихся на выручку своему флоту, с тыла напали сделавшие вылазку карфагеняне Гимилькона из Лилибея, поставив их на время в весьма тяжелое положение.

Как бы то ни было, римская эскадра под Лилибеем просто прекратила свое существование, не оказав сопротивления, что стало серьезным успехом карфагенского флота. Город был разблокирован с моря. Теперь в повестку дня вставала нейтрализация остальных сил римлян, которые двигались сюда из Сиракуз. И здесь началась война разведок. Фактически впервые мы встречаем в источниках достаточно массовое и регулярное использование легких сил флота для дальней разведки, сыгравшее исключительную роль и определившее ход всех последующих событий.

Карталон увел свой флот, вместе с захваченными кораблями, к Гераклею Мисийской, где временно оставался, изучая обстановку. У Карталона была хорошо организована дозорная служба, которая, несомненно, неслась не только штатными силами своего флота, но и местными жителями — торговцами, рыбаками и т. д. Поскольку главной задачей карфагенского командующего на данном этапе было противодействие подходу остальных сил римлян, первостепенным был контроль за акваторией у сицилийских берегов к востоку от Лилибея и Гераклеи. Поэтому, когда квесторский конвой оказался в пределах досягаемости разведчиков, Карталон немедленно получил об этом данные и начал действовать. Весьма высокомерно относясь к способностям римлян на море — что, казалось, подтверждали события у Дрепан,—он вышел в море со своим флотом, горя желанием

немедленно разобраться с римлянами. В этом желании его, естественно, укрепляло то обстоятельство, что разведка донесла о незначительном количестве кораблей прикрытия. Если общая численность шедших друг на друга флотов была примерно равна, то по количеству боевых кораблей карфагеняне превосходили римлян в 5-10 раз. Вряд ли в этих условиях у непредвзятого наблюдателя могли быть сомнения в результате этой «охоты на куропаток».

Однако и у римлян разведка была на высоте. Впереди отряда двигались легкие суда, несшие дозорную службу вполне качественно. Они своевременно предупредили квесторов о сближении с карфагенской флотилией. Так что оба флота двигались друг против друга отнюдь не с завязанными глазами. В сложившихся условиях лобовое столкновение, да и просто встреча с таким противником явно не входили в планы римских командиров. Поэтому квесторы немедленно отошли на якорную стоянку близ одного из подконтрольных римлянам небольших городков (возможно, Финтиаса). Гавани он не имел, но располагал удобной стоянкой, прикрытой береговыми утесами. Здесь римляне решили обороняться, поскольку карфагенский флот явно не собирался прекращать преследование. Квесторы достаточно грамотно повели себя в этих условиях, организовав то, в чем они разбирались лучше всего, — наземную операцию по прикрытию. Войска были высажены на берег и развернули кипучую деятельность. Несколько артиллерийских орудий имелось на кораблях, остальные были спешно доставлены из городка. Римляне молниеносно развернули оборону, поставив на берегу катапульты и камнеметы, и стали поджидать врага. На стороне римлян были сложные условия местности: гидрографическая обстановка вокруг якорной стоянки резко уменьшала пределы маневрирования карфагенских кораблей, а наличие береговых утесов позволяло подходить к берегу только на незначительном пространстве. Карфагеняне попытались организовать правильное нападение на римский флот, однако с берега на них обрушился такой град метательных снарядов, что эта попытка имела лишь ограниченный успех. Отогнуть римлян к городу и беспрепятственно завладеть их кораблями также не удалось в силу отсутствия артиллерии на карфагенских кораблях. Судя по всему, имела место попытка высадки десанта и расправы с римлянами, но она также провалилась. В результате Карталон вынужден был довольствоваться захватом нескольких ближайших к открытому морю транспортных судов римлян с продовольствием (по некоторым данным — до 13 единиц), после чего карфагеняне укрылись в устье реки, находившейся в пределах видимости. Трудно сказать, почему они не предприняли дальнейших атак. Ведь квесторы вскоре после отхода противника вновь посадили свою команду на корабли и продолжили путь в лилибейский лагерь, а карфагеняне, как указывает Полибий, «наблюдали за выходом в море неприятелей». Вряд ли погода ухудшилась уже к тому времени — тем более настолько, чтобы карфагеняне боялись выйти в море, а римляне — нет. Скорее всего, Карталон был несколько обескуражен таким яростным и совершенно нетрадиционным отпором римлян и предпочел не рисковать, еще раз хватая рукой этого «шмеля». Он получил от разведки данные о подходе основной массы консульского флота и решил дожидаться именно этих кораблей, не отвлекаясь на «второстепенную» цель. Вероятно, Карталон не хотел оказаться в бою между двумя римскими флотами и стремился разгромить второй и основной на максимальном удалении от первого, руководствуясь принципом «мало ли что может случиться». Таким обра-

зом, с поставленной задачей на этом этапе карфагенский флотоводец откровенно не справился: первый конвой с продовольствием, потеряв не более седьмой части своего численного состава, прошел в направлении Лилибея.

Однако успех римлян был временным. Едва отойдя от своей прикрытой стоянки и миновав карфагенян, они из-за прогрессирующего ухудшения погоды вынуждены были вновь пристать к берегу.

Консул Луций Юний, похоже, хуже организовал разведку. Учитывая, что он двигался с интервалом не менее одного дня от своего авангарда, рассчитывать на его помощь было сложно: авангард могли перехватить, так что надо было опираться на собственные источники информации. Если они и были, то разведка эта была явно неглубокой: карфагенский флот был обнаружен уже посредством визуального контакта самими консульскими кораблями. Случилось это вскоре после того, как флот обогнул мыс Пахин — крайнюю южную точку Сицилии. Значительная численность сил противника заставила Юния призадуматься о целесообразности лобовой атаки, тем более, что он ничего не знал о судьбе своего авангарда; однако тот факт, что противники уже обнаружили друг друга не позволял избежать столкновения вообще, тем более, что римским кораблям традиционно не удавалось еще тягаться с пунийскими в скорости хода. Поэтому консул принял решение, аналогичное тому, что приняли недавно его квесторы. Он отошел со своими кораблями к берегу — правда, здесь не было городов, и флот встал неподалеку от обрывистых скал, в месте, исключительно опасном даже при небольшом волнении. Юний, стремясь во что бы то ни стало не отдать врагу своих кораблей, предпочитал пойти на любой риск.

Карфагеняне и в самом деле не рискнули приближаться к этой якорной стоянке, а встали на якорь у мыса на некотором отдалении к западу от консульского флота, но наблюдая за ним. Одновременно посыльные суда извещали Карталона и о положении дел у римского авангарда, который все продолжал стоять у берега. Погода ухудшалась и все говорило о том, что скоро грянет настоящий шторм. Карфагенские корабельщики обратились к Карталону с просьбой немедленно отойти к восточному побережью Сицилии, за мыс Пахин. Карталон, хотя и неохотно, но последовал их совету. И оказался прав. Когда карфагеняне, сняв свой дозор, прошли мимо консульского флота и с колоссальным трудом в условиях уже разыгравшейся бури обогнули-таки мыс Пахин, римские корабли уже начали гибнуть под ударами стихии.

Время было упущено. Рядом с якорными стоянками не было удобных гаваней, позволявших сохранить хотя бы материальную часть. Идти в условиях шторма искать эти стоянки было форменным самоубийством. Максимум, чего могли достичь в этой ситуации римские командиры — это спасти людей. Именно поэтому и квесторы, и сам консул постарались, насколько это было возможно, высадить на берег вплавь или на подручных средствах, свой личный состав. Большая часть его все-таки благополучно была спасена, чего нельзя сказать о флоте. Сначала квесторский, а затем и консульский отряды были разбиты в щепки до последнего корабля. Вместе с ними погибло громадное количество продовольствия, амуниции и оружия. Ущерб был чудовищным и, что самое главное, ставившим под сомнение успех дальнейшего ведения войны. Есть данные, что консул спас по крайней мере два своих корабля, однако это, во-первых, маловероятно и, во-вторых, ничего не изменяет в общем счете потерь.

Римляне, лишившись практически всех сил флота (а в ходе этих событий суммарные потери превысили 250 судов), полностью очистили море. Господство карфагенян на море к концу 248 г. до н. э. было практически полным, как в начале войны — и это после стольких славных побед над ними в предшествующие годы. Все, что оставалось у римлян — это накопленный ими опыт и страстное желание отыграться. Война перешла преимущественно в наземную фазу. Снимать осаду Лилибея римляне не собирались, организовав устойчивые каналы снабжения своих войск по суше. Юний, стремясь реабилитировать себя, захватил психологически очень важный для сицилийских греков город Эрикс на одноименной горе со знаменитым святилищем Афродиты.

Более того, один из авторов — Зонара — сообщает о чрезвычайно интересном эпизоде этого периода войны, относящемся к 247 г. до н. э. По его данным, некая эскадра римских кораблей, выйдя из Панорма, преодолела путь до Африканского побережья и вошла в гавань города Гиппона Ливийского. Возможно, маневр был осуществлен ночью, возможно — карфагеняне просто не ожидали такого наглого вторжения разгромленного противника. Во всяком случае, сопротивления оказано не было. Римляне высадились в гавани города, разрушили и сожгли ряд построек в его центре и, самое главное, спалили карфагенские корабли, стоявшие в гавани на рейде. Выходя из гавани после учиненного погрома, римляне, якобы, оказались заперты в ней, ибо цепь, перегораживающая вход в бухту, пунийцы подняли. Римляне, впрочем, выкрутились. Сначала команды перебежали на корму своего корабля, который «въезжал» на цепь своим носом; потом, по команде, все бросались на бак, в результате чего судно, если было крепко сделано, соскальзывало с цепи по другую ее сторону. Не исключено, что имел место и какой-то морской бой с карфагенскими судами при отходе, завершившийся поражением последних.

Скудость информации и невозможность проверить ее анализом перекрестных данных из других авторов заставляет воздержаться от комментариев по поводу тактики и стратегии римлян. Однако распространенность сюжета о преодолении бонового заграждения в виде цепи в бухте, исключительно живучего там, где это имело место (достаточно вспомнить полностью аналогичный рассказ о спасении конунга Харальда Сурового с его викингами из гавани Константинополя в XI в.), наводит на мысль о некоторой легендарности по крайней мере подробностей этого рассказа. Однако нельзя отрицать и того, что римляне страстно желали и вполне могли организовать такой рейд для сокрушения инфраструктуры противника в его логове. Кораблей для него много не требовалось, к тому же могли быть привлечены и суда союзников и частных лиц. В любом случае к информации об этом набеге следует относиться с осторожностью.

В том же году римский десант численностью около тысячи человек был высажен на острове Пелий вблизи дрепанской гавани. Смыслом и целью этой крайне поверхностно освещенной в источниках операции могло быть только усиление контроля за подходами к Дрепанам и повышение эффективности блокады города. Однако что именно мог предпринять гарнизон, не располагая ни кораблями, ни средствами дальнего поражения проходящих судов, остается непонятным.

В 247 г. карфагеняне назначили командовать флотом Гамилькара Барка. Возможно, операции против италийских берегов производились и раньше — Картагон, в частности, организовал какую-то вылазку флота к побережью Италии, —

Операции 247-246 гг. до н. э.

однако данные о них скудны и неточны; во всяком случае, подробности нам неизвестны. Но Гамилкар занялся этим вопросом со всем рвением. В 246 г. до н. э. он вышел со своим флотом к берегам Южной Италии. В условиях отсутствия противодействия со стороны римского флота ему сопутствовал успех. Десанты были высажены на побережье в районе подошвы италийского «сапога». Область вокруг Локр Эпизефирских — Локрида, и Бруттийские поля были зачищены вполне ос-

новательно. Карфагеняне разоряли земли, угоняли скот и убивали население, стремясь нанести римлянам максимальный ущерб. После этого Гамилькар отплыл обратно на Сицилию и обосновался в местности между Панормом и Эриком.

Основанная здесь карфагенянами база отличалась исключительным удобством — прежде всего в стратегическом отношении. Вокруг нее, в значительной степени, и сосредоточилась война. Располагая отличной гаванью, где мог укрываться флот, Гамилькар контролировал подходы к ней. Это в полном смысле слова курортное место, описанию достоинств климата которого Полибий отводит треть страницы, стало осиным гнездом карфагенских моряков. Отсюда Гамилькар неоднократно совершал набеги на Италию, достигая окрестностей Неаполя и Кум в Кампании. Эти набеги, тревожившие римлян и их союзников в непосредственной близости от самого Рима, в известном смысле были расплатой за римские операции в Африке около десятилетия назад. Причиняя ущерб противнику, Гамилькар держал его в постоянном напряжении, тем более, что попытки нейтрализовать его базу были безуспешны. Флот против нее использовать было бессмысленно, а когда римляне разбили лагерь примерно в 5 км от этой базы к востоку, Гамилькар в течение трех лет давал им там вполне успешные сражения.

В период между 246 и 243 гг. до н. э. на море шла вялотекущая война, которую довольно сложно назвать противостоянием двух соперников. Все, чем ограничивались в это время стороны — это взаимные операции, ориентированные исключительно на разорение побережья противника. В основном этим занимались карфагеняне, достаточно уверенно почувствовавшие себя на море. Располагая базой на севере Сицилии, они довольно успешно держали под контролем акваторию Тирренского моря. Противодействие римлян, разумеется, не было нейтрализовано. Однако, к сожалению, мы не располагаем данными о степени интенсивности и масштабах кораблестроительных приготовлений римлян в эту пору. Вероятно, Рим был ослаблен напряжением сил в предшествующий период и на подготовку новых флотов времени сил просто не оставалось. Количество кораблей в этот период колебалось в пределах 50-100 единиц, чего было вполне достаточно для организации охранения переправ в Мессанском проливе — жизненно важных коммуникационных артерий, обеспечивавших боеспособность сицилийской армии. Однако ответные масштабные действия римского флота были ограничены. Есть сообщение Флора об экспедиции консула Марка Фабия Бутеона, который в 245 г. до н. э. отправился в Африку и близ острова Эгимур встретился с карфагенским флотом — плывшим, соответственно, в Италию. В последовавшем сражении карфагеняне были разбиты, однако на переходе домой римлян вновь — в который уже раз — застала буря, изрядно потрепавшая победителей потерявших значительное — но неизвестное — число кораблей.

В эти годы организация масштабных экспедиций римлянами была скорее исключением из правил. В основном использовались мелкие эскадры, занимавшиеся противодействием пиратским акциям карфагенян. Кроме того, активно привлекались корабли союзников и суда частных владельцев, вооружавшиеся и использовавшиеся в военных целях, но количество этих судов было достаточно скромным.

Однако море не было второстепенным театром. Римляне не покидали его совсем, пребывая в совершенно справедливом убеждении, что только таким обра-

Боевые операции 245-243 гг. до н. э.

зом можно добиться окончательного успеха в войне. Более того, в 243 г. до н. э. римляне, собрав силы своего флота, провели удачную операцию по блокаде карфагенского лагеря Гамилькара близ Эриксы. Исключив подвоз продовольствия по морю, римские войска в конце концов поставили противника, столь долго до-саждавшего им, в чрезвычайно тяжелое положение.

К этому времени практика привлечения частных средств к строительству флота достигла своего расцвета. Поскольку сбережения казны истаяли, по мере своих средств каждый гражданин сам по себе или вдвоем и втроем с другими обязывался доставить оснащенную квинкверему, «причем издержки на это только в случае счастливого исхода предприятия должны были быть возмещены казною», — пишет Полибий. Новые корабли явно учитывали неблагоприятный для римлян ход последних событий на море. За почти два десятилетия войны стало ясно, что конструкция римских кораблей нуждается в усовершенствовании. Хронический проигрыш карфагенянам в скорости и маневренности судов было необходимо ликвидировать. Именно поэтому в качестве модели для массового тиражирования в ходе реализации новой кораблестроительной программы был избран знаменитый корабль Родосца, захваченный несколько лет назад у Лилибея. Это быстроходное судно, снабженное на римский манер «вороном», несомненно, имело явные преимущества перед кораблями образца начала войны. К тому же заметно вырос численный состав флота. К лету 242 г. до н. э. была завершена постройка не менее 200 кораблей. Кроме того, осуществлялась и программа транспортного кораблестроения, которая численно было сравнима с военно-морской. Есть данные, что количество транспортников доходило до трех сотен.

Примечательно, что квинкверема к концу войны практически вытеснила из обихода корабли других классов. Разумеется, они тоже были, но заполняли достаточно ограниченную нишу, неся патрульную службу и выполняя вспомогательные функции.

Консулом и командующим флотом в 242 г. до н. э. был избран Гай Лутаций Катул. Во главе вверенного ему флота в составе как боевых кораблей, так и транспортов, он отбыл прямо к берегам Сицилии. Никакого противодействия на море карфагеняне не оказали — этот поход, кажется, был для них полной неожиданностью, к тому же они просто не располагали флотом в Тирренском море. Целью Гая Лутация стали Дрепаны. Кстати, в контексте этой операции, кажется, становится вполне понятной акция на острове Пелий несколькими годами ранее. Римляне, вполне возможно, поддерживали жизнеспособность этого своего поста, который был отличной дозорной точкой и пунктом «подскока» прямо напротив Дрепан. Во всяком случае, информация об обстановке вблизи этого города была сенату довольно хорошо известна. Она заключалась в том, что карфагенский флот в полном составе находился в этот сезон в Африке. Скорее всего, у пунийского командования были проблемы с боеспособностью войск. Починить корабли и пополнить запасы можно было и не уводя флот в Ливию, а вот войска и наемники наверняка нуждались в пополнениях, а скорее всего, просто в замене. Как известно, одним из слабых мест карфагенян всегда был кадровый состав их войск.

Во всяком случае, и Дрепаны, и Лилибей с моря были открыты. Лучшего момента ждать не приходилось. Молниеносно появившийся римский консульский флот, разделившись на две части, одновременно выполнил и две задачи. Меньшая часть флота заняла якорные стоянки Лилибея, вновь блокировав город. Основные силы ворвались в гавань Дрепан и установили над ней контроль. Консул приказал немедленно организовать регулярную и надежную блокаду Дрепан с суши, возведя осадные сооружения и установив метательные машины.

Однако он ни на минуту не забывал о своем главном предназначении. У Гая Лутация не было сомнения в том, что карфагенский флот не заставит себя долго ждать. Ожидая морского сражения и стремясь к нему, консул проводил регулярные тренировки личного состава своего флота. Именно в силу регулярных и интенсивных тренажерных и практических упражнений консулу удалось уже в разгар операции прямо рядом с осажденным городом превратить своих новобранцев в сплоченные и подготовленные команды, вполне годные для предстоящего боя. В конечном итоге именно эта неустанная подготовка и обеспечила римлянам исключительно важное преимущество в решающий момент.

В Карфагене вскоре узнали о том, что римляне вернули себе господство на море в сицилийских водах. Мириться с этим пунийцы, понятно, не собирались. Был снаряжен довольно большой флот, который насчитывал в своем составе — по разным данным — от 250 до 400 кораблей. Скорее всего, вторая цифра верна — часть была боевыми кораблями, но значительную часть флота составляли тяжело нагруженные хлебом и прочими припасами транспортные корабли. Слабым местом этой эскадры, что выяснилось впоследствии, была крайне низкая подготовка гребцов и команд на кораблях. Вероятно, не предполагая внезапной активизации римлян, карфагеняне подзапустили свой военный флот и в итоге собирали экипажи «с бору по сосенке». Командующим назначили Ганнона, а главной целью операции стало разблокирование лагеря при Эриксе. Это весьма показательно, поскольку явственно демонстрирует, сколь важна для пунийцев была эта база и как болезненна была ее потеря. Судя по всему, морского боя с римлянами не то чтобы очень опасались, но явно к нему не стремились. О разблокировании двух важнейших портов на Сицилии речь не шла.

Катастрофической для карфагенян была нехватка качественных войск на кораблях. По плану Ганнона его флот должен был скрытно преодолеть акваторию, контролируемую римскими кораблями, по возможности избегая встречи с ними и тем более открытого столкновения. Достигнув лагеря при Эриксе, флот должен был выгрузить припасы и тем облегчить корабли. Взамен продовольствия собирались взять на борт отлично подготовленных и испытанных в боях воинов-наемников из войска Гамилькара, а также и его самого. И вот тогда, располагая высококлассным войском, можно было вступить в морской бой с римлянами или померяться силами в ходе внезапной десантной операции. Однако римлянам удалось сорвать выполнение этого плана в самом начале.

Встреча флотов произошла на подходе к Сицилии, вблизи островков Эгатского архипелага. Карфагеняне подошли к острову Гиера и встали здесь на стоянку, изучая обстановку. Римляне успели создать достаточно качественную систему разведки. Отчасти она состояла из патрульных сил легкого флота, однако важную роль играли и дозорные посты на островах, а также местное население и рыбаки. Поэтому о прибытии карфагенского флота консул узнал сразу же. Он верно предугадал опасения карфагенян и стремление противника проскользнуть мимо незамеченным. Нужно было ему помешать.

Посадив на корабли отборных легионеров, консул отправился с основными силами флота к другому островку архипелага — Эгусе. Здесь он по традиции обратился к войску с ободряющей речью, сообщив, что завтра будет битва, а кормчим кораблей дал соответствующие указания. Ошибки допустить было нельзя. Римляне уже не располагали такими ресурсами, чтобы жертвовать флотом, со-

бренным с колоссальными усилиями и на последние средства. В определенном смысле судьба Республики решалась в тот момент у этих невзрачных островков.

Утром, когда рассвело, Гай Лутаций осмотрел окрестности и провел совещание со своими корабельщиками. Море было бурным, хотя настоящего шторма ждать, кажется, не приходилось. Кроме того, сильный ветер дул с запада — он был попутным для пунийцев и противным для римлян. Все это серьезно осложняло задачу. Однако консул решился. Он прекрасно понимал, что если навяжет бой сейчас, то будет иметь преимущество. Тяжело груженные и неповоротливые корабли противника были практически неспособны к маневру. Не располагая абордажными командами должной численности и качества, они могли стать хоть и сопротивляющейся, но относительно легкой добычей. Пропустить их к Эриксу было нельзя — потом, когда они освободятся от груза и примут на борт Гамилькара, которого римляне боялись в тот момент больше всего, победа станет весьма проблематичной. Поэтому консул вывел флот в море. Благодаря неустанным тренировкам команда легко выполнила все приказания, и флот, несмотря на сильное волнение, слаженно развернулся в линию для фронтальной атаки. Кроме того, корабли римлян были дополнительно облегчены накануне. С них сняли все лишнее, не служившее для целей морского сражения.

Карфагеняне, шедшие под парусами при попутном ветре, внезапно увидели на своем пути разворачивающийся для атаки римский флот. На их судах началось смятение. Удирать от римлян против ветра и с забитыми трюмами было бессмысленно. Без всякого окружения противники карфагенян не оставили им никакого выбора. Нужно было идти вперед. Полибий пишет, что положение противников было прямо противоположно тому, что имело место во время битвы близ Дрепан.

Карфагеняне, убрав паруса и подбадривая друг друга криками, стали готовиться к неизбежной битве, разворачиваясь также в боевую линию. Как только сражение началось, стало очевидно преимущество римлян. Их подготовка была на высоте. Напротив, карфагеняне, вообще не готовившиеся к морскому бою, намеревались всю дорогу пройти под парусами. Их гребцы, похоже, с отплытия из Африки не сажались на весла и вообще не имели должной подготовки. Солдаты также не имели боевого опыта — карфагеняне откровенно не верили в возрождение морского могущества римлян и не считали их достойными противниками. Поэтому фронтальный бой сразу же был ими проигран почти во всех пунктах. Примечательно, что римляне не полагались только на свои «вороны». Таранная тактика с их стороны применена была также широко, как и абордажный бой, что отразилось на потерях в ходе сражения. Имея преимущество по всем основным показателям, римские корабли полностью господствовали над противником. Выбирая направление удара, они отправляли на дно одни корабли врага, в то время как с другими надежно сцеплялись абордажными мостиками, перенося бой на их палубу. Сохранилось исключительно яркое свидетельство Луция Аннея Флора о ходе этого боя, поистине достойное пера поэта: «Римский флот, удобный, легкий, надежный... вступил как будто в конное сражение. На любые удары подвижные ростры отзывались словно живые. В самое короткое время разбитые вражеские суда покрыли своими обломками все море».

К этому сложно что-то прибавить. В течение короткого времени бой завершился.

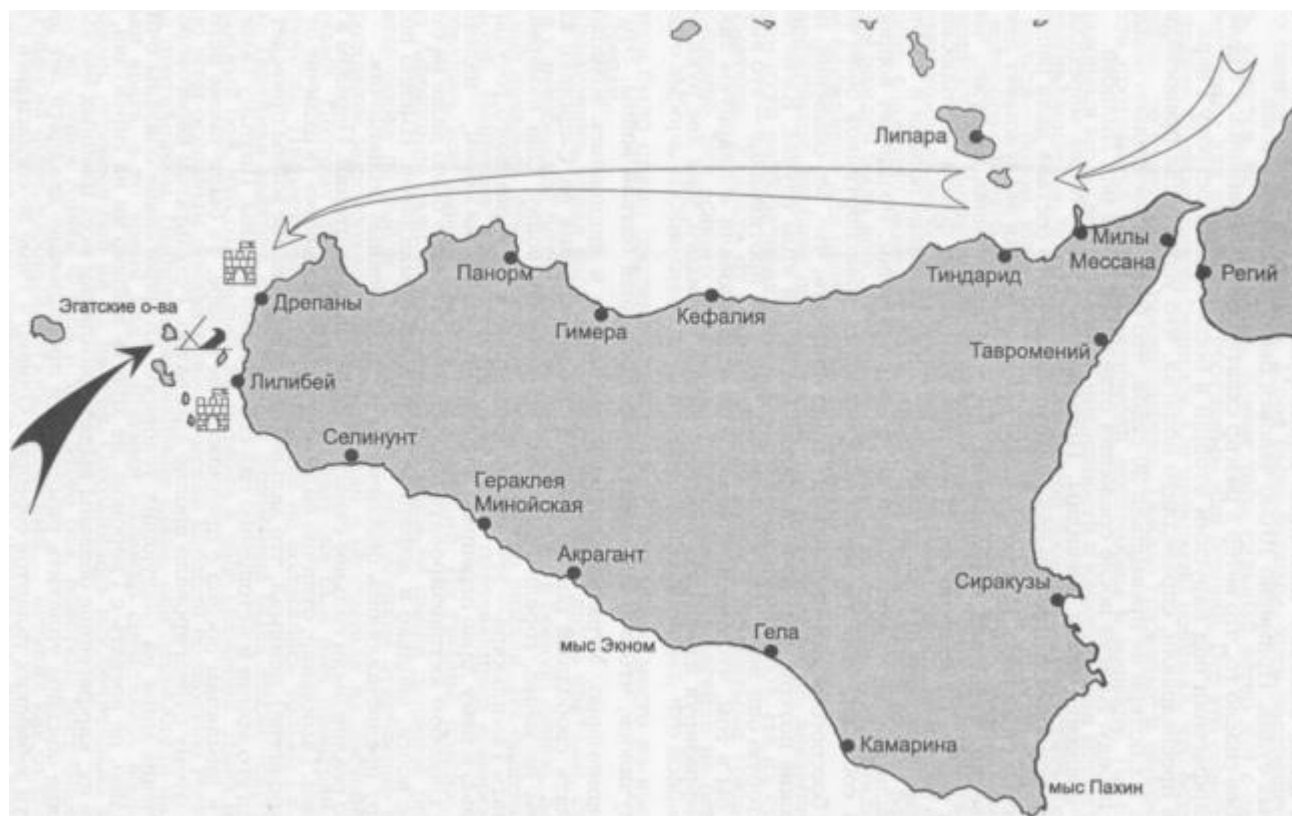
ся. Не менее 50 карфагенских кораблей было потоплено в результате таранных атак, не менее 70 — захвачено римлянами. «Не менее» — потому что в источниках есть и более высокие численные данные: например, 63 потопленных и 125 захваченных судна. Примерно 10 000 человек было захвачено в плен.

Пунийцев спасло то, что ветер в разгар схватки резко переменялся. Уцелевшие корабли карфагенян под парусами отошли в беспорядке к острову Гиера. Римляне их не преследовали, справедливо полагая, что успех и так превосходит все ожидания. Их потери не превышали 20 судов, что было относительно невысокой платой за победу. Консул после сражения отвел свой флот под Лилибей.

Уроки сражения были очевидны. Применение новых, более мореходных и скоростных кораблей и тщательная подготовка личного состава дали решающее преимущество римлянам. Исключительно высокой оценки заслуживает деятельность разведки, наведшей консульский флот на противника не хуже, чем это сделал бы радар. И, конечно же, грамотное построение флота честолюбивым и талантливым консулом принесло свои плоды. Карфагеняне попали в ловушку и потом играли уже на чужом поле и по чужим правилам. Возникает вопрос: как пошли бы события, будь на месте карфагенских транспортников облегченные корабли с боеспособными экипажами? Надо признать, что, без сомнения, понесся бы более высокие потери, римляне выиграли бы ее и в этом случае. Качество той войны, которую они вели, уже было выше, чем у их противников — это выражалось хотя бы в том, что они вполне искусно использовали «бинарную» тактику, имея, перефразируя известную максиму Петра Великого, уже две руки вместо одной.

Так случилось, что это сражение стало последней битвой войны. Это было вполне закономерно. Утратив контроль над морем и лишившись возможности осуществлять свободный подвоз войск и продовольствия на Сицилию, карфагеняне, тем не менее, горели желанием продолжать войну. Они намеревались использовать Гамилькара — эту занозу, сидевшую в теле римского государства. С этой целью к нему даже переправляли гонцов — опять же морем, — надеясь тем или иным способом активизировать его гарнизон. Главное было даже не столько в нехватке войск, сколько в дефиците достойных командиров. Именно поэтому Гамилькару предоставлялись фактически неограниченные полномочия.

Однако реалии были сильнее самых ограниченных мечтаний. Перелом в войне был пройден. Гамилькар, отлично видя обстановку «на месте» (в отличие от стратегов в Карфагене), понимал, что дальнейшее продолжение войны приведет только к гибели его армии и истощению сил собственной страны. Поэтому Гамилькар отправил к римлянам послов с предложением о мире. Те были также истощены войной, поэтому отреагировали вполне адекватно. Результатом переговоров стало заключение мира на следующих условиях: «Карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра». Однако в Риме не согласились с этими формулировками и специальное посольство, отправленное на Сицилию, сохранив суть договора, ужесточило его условия. Срок выплат сократили до десяти лет, сумму увеличили на тысячу талантов и, кроме того, обязали карфагенян «очистить все острова, лежащие между Италией и Сицилией».

Боевые операции флотов 242 г. до н. э.

Как можно заметить, преимущественно морская война имела вполне морские последствия. Сицилия отходила к римлянам, логически и географически завершая их движение по Апеннинскому полуострову. Римляне получали в свое распоряжение великолепный плацдарм, изобилующий естественными ресурсами и отличными гаванями, где они могли довольно уверенно проводить свою политику. Ведь Сицилия юридически и фактически не входила в состав Римской республики — она лишь провозглашалась своего рода зоной стратегических интересов римлян, в отличие от карфагенян, которые уступили свое право беспрепятственно использовать ее в своих интересах. Но еще интереснее пункт об островах. Этот пункт отчетливо демонстрировал, что зоной интересов римлян становится не только Сицилия, но и вся акватория Тирренского моря. В дальнейшем, в последующей войне с Карфагеном, вся эта политика найдет свое воплощение и продолжение. Как отмечал все тот же Полибий, «ясно, что римляне не случайно и бессознательно, как думают о том некоторые эллины, но с верным расчетом и по изощрению своих сил в столь многочисленных и важных битвах, не только возымели смелую мысль о подчинении и покорении мира, но и осуществили ее».

Дальнейшие события — в частности, эвакуация карфагенских гарнизонов с острова, проходившая поэтапно — осуществлялись уже после заключения мира и не сопровождалась противодействием римского флота. Тяжелейшая гражданская война, постигшая Карфаген в 241-238 гг. до н.э., надолго отвратила его от заморских притязаний. Государство было истощено, военный флот пришел в упадок, и все силы были брошены на борьбу с восставшими племенами Ливий. Показательно, что римляне, вначале молчаливо поддерживавшие восставших, вскоре встали на позицию, которую занимали многие полисы Италии и Сицилии и, в частности, Сиракузы со своим Гиероном, т. е. стали поддерживать карфагенян как определенный противовес в регионе. Однако в 238 г. до н. э. конфликт, назревавший давно, вылился в открытую форму. Именно к римлянам перебежали карфагенские наемники с Сардинии. Римляне давно собирались завладеть этим островом, и вот теперь представился удачный случай. Обвинив карфагенян в том, что они готовятся воевать не со своими наемниками, а самими римлянами, сенат отправил флот к острову. Карфагеняне однозначно считали, что преимущественное право на этот остров принадлежит им. Однако они были настолько истощены войной у себя дома, что просто физически не имели сил для необходимой экспедиции и противостояния римлянам ни на суше, ни на море. Поэтому римская экспедиция прошла гладко и без столкновений с противником. Более того, карфагеняне не только эвакуировали Сардинию, сдав ее недавним противникам, но даже выплатили римлянам громадную контрибуцию в 1 200 талантов. В результате Тирренское море и в самом деле стало римским. Так что римляне в этой так и не начавшейся войне обзавелись еще одним островом и дополнительными финансами, лишней раз обкатав практику военно-морского давления, приносящего — гарантированно — земли и деньги. Но, фактически, военно-морские действия в этой войне завершились только теперь, в 238 г. до н. э.

Анализируя ход Первой Пунической войны, следует иметь в виду, что Карфаген находился на пике своего могущества; Рим же только стремился к нему. Однако, вне всякого сомнения, именно столкновение карфагенского быка и рим-

**Акватории, контролировавшиеся римлянами
к концу Первой Пунической войны**

ского орла над Средиземным морем имело определяющее значение для исхода этого первого раунда противостояния.

Не имея не столько базового уровня для морской войны должного качества, сколько опыта, нарастающего десятилетиями, римляне, несомненно, имели чрезвычайно невыгодные стартовые условия для начала морской войны. Однако исключительная настойчивость римлян, талант их руководителей и инженеров, проявившийся с мощной опорой на судостроительные мощности союзников как в Италии, так и на Сицилии, сделали свое дело. Конечно, применение «корвусов» — абордажных средств нового класса, являвшихся конструктивной частью самих кораблей — имело решающее значение. Непобедимая римская пехота, которой и тогда, и много позже не было равных на полях сражений, получила доступ на палубы карфагенян. Дальнейшее было вопросом времени. Сочетая тактику тарана, которой неустанно старались овладеть, с абордажем, римляне получили преимущество над противником, которое можно было нейтрализовать только численным превосходством и лишь иногда — подвижностью судов.

Стратегический план римлян заключался в вытеснении противника с Сицилии и постепенном вовлечении в число своих союзников максимального количе-

ства греческих полисов острова. Вероятно, остальные задачи — такие, как война за Сардинию и Корсику — возникали лишь по мере необходимости. И этот план вытеснения шел достаточно успешно — до тех пор, пока римляне были последовательны. Пока военно-морские действия шли близ берегов восточной части острова, все было благополучно. Начавшись с досадного инцидента на Липарских островах, морская война проходила при явном и неожиданном преобладании римлян.

Нет сомнений, что война могла бы кончиться раньше, но римляне решили опередить события и высадиться в Африке. Это было роковой ошибкой. Не рассчитав своих сил, они ввязались в совершенно иную войну. Организация конвоев была, к слову сказать, на высоте, однако неопытность в дальних морских экспедициях еще проявлялась в полной мере. Бури и отмели нанесли римлянам больший ущерб, чем могли мечтать карфагеняне. Это подорвало силы Республики и отбросило ее назад. Началась череда неудач, в том числе и военных. Разумеется, в середине 250-х годов до н. э. захват Лилибея и Дрепан был куда важнее, чем акции устрашения в Ливий. Но дело шло так, как оно шло. В результате война продлилась двадцать четыре года. Римляне дважды в ее ходе фактически оставляли море в руках карфагенян, но каждый раз возвращались, заново отстраивая флот и восстанавливая его мощь. Причиной этого было то, что все прекрасно понимали, — без обладания морем нечего было и думать о победе. Симптоматично, что именно в результате морской изоляции Сицилии римлянами окончательно прекратила сопротивление вполне еще боеспособная армия Гамилькара Барки.

В ходе войны размах боевых действий на море превосходил все, что знала до того история. Число одновременно сражающихся в битвах людей достигало почти 300 000. В ходе войны совокупные потери квинкверем — основной ударной силы того времени на море — достигали с карфагенской стороны 500 единиц, а с римской — 700, большинство из которых погибли в результате кораблекрушений. Грандиозность этой морской битвы действительно потрясает воображение.

ГЛАВА III КОММУНИКАЦИИ РЕШАЮТ ВСЕ. РИМСКОЕ МОРСКОЕ МОГУЩЕСТВО В ХОДЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Rebus in arduis
(В трудных обстоятельствах)

Роль превентивной морской мощи в истории войны, на море — Состояние римского флота и контроль над морями в промежутке между Первой и Второй Пунической войнами — Планы сторон — Переход сил римского флота в Испанию и неудачная операция на Родане — Десант под Эмпорием и действия в устье Ибера — Карфагенская экспедиция к Лилибею и ее провал — Распределение сил на морях в начальный период войны — Неудачи на суше, связанные с вторжением Ганнибала в Италию, и их воздействие на ход морской войны — Победа Сципиона над Гасдрубалом в устье Ибера — Рейд в Новый Карфаген и на Балеарские острова — Попытка прорыва карфагенян в Италию через сардинские воды и ее крах — Ответный рейд в Африку — Вступление в войну Македонии и провал попыток Филиппа Македонского противостоять Риму на море — Сношения с Сиракузами и инициативы Гиерона Сиракузского по поводу вторжения в Африку — Поход Тита Отацилия — Период после битвы при Каннах — Эвакуация гарнизона Локр Эпизефирских — Отпадение Сиракуз — Новая кораблестроительная программа — Осада Сиракуз — Технические ухищрения римлян — Машины и приспособления Архимеда — Прорывы карфагенского флота в Сиракузы и из них — Падение Сиракуз — Стабилизация войны на море — Действия под Тарентом — Переход римлян к наступательной стратегии — Действия римского флота на Балканах и в Греции — Применение флота в Испании — Взятие Нового Карфагена — Привлечение средств граждан к строительству флота — Сражение эскадры Децима с тарентинцами — Рейды в Африку — Флот Сульпиция на Балканах — Перехват флота карфагенских транспортников — Рейд Магона в Испанию — Перенос войны в Африку — Действия под Утикой и Гиппоном — Эвакуация Ганнибала из Италии — Завершение войны и ее итоги, сожжение карфагенского флота.

Не будет преувеличением сказать, что ключевыми вопросами для понимания и оценки всего хода Второй Пунической войны были и остаются те вопросы, которые связаны с решением фундаментальной проблемы этого исторического периода: выходом римлян на арену морского противостояния средиземноморских этносов. Важнейшие аспекты этой проблемы сводятся к нескольким узловым пунктам, а именно — каковы были функции и значение морской мощи в ходе этой войны; насколько в действительности римлянам в этот период удалось овладеть мореходным искусством и морскими просторами в целом; как, в конечном счете, на исход войны повлияло смещение акцентов в противостоянии на морях. Стоит отметить, что, несмотря на очевидность некоторых выводов и поистине гигантский объем (что вполне объяснимо «за давностью лет» проблемы) всего, что когда-либо было написано о Пунических войнах вообще и о второй из них в частности, единого мнения по этому вопросу не сложилось. Одни авторы утверждали, что римляне прекрасно подготовились к этой войне с точки зрения материально-технического обеспечения флота и в силу этого и именно благодаря флоту сумели, в конечном счете, одержать победу. Другие, напротив, подчеркивали, что римское командование фактически проигнорировало высокую роль флота в достижении победы, в результате чего морские силы Республики не смогли сыграть роль, которая была предназначена им судьбой, и внесли

вклад, явно меньший, чем это могло бы быть, иными словами, результат мог быть и большим.

Причина столь диаметрально противоположных выводов коренится в том, что исследователи Второй Пунической войны практически никогда не рассматривали военно-морские силы Рима и саму войну на море как нечто самоценное, видя в ней лишь некий вспомогательный и, безусловно, второстепенный фронт военной активности, ибо вся война рассматривалась прежде всего как грандиозный сухопутный конфликт между Ганнибалом и Римом. В результате в большинстве случаев все события на море занимают в литературе лишь несколько страниц повествования о Второй Пунической войне и исключительно редко становятся предметом отдельного внимания. Чрезвычайно яркий и драматичный характер этих событий, издревле привлекающий внимание историков, бесспорно, оставляет в тени на заднем плане усилия италийских моряков и создает некоторую аберрацию восприятия, всегда влияющую на угол зрения, под которым рассматриваются эти события; фактически произвольно создается своеобразный экран, отгораживающий действия на море от сухопутной войны. Конечно, вторая Пуническая война не была отмечена столь впечатляющими морскими баталиями, как первая, однако римские военно-морские силы сыграли в ней огромную роль. Вставшая перед ними нелегкая задача обеспечения прикрытия собственного побережья, блокирования вражеских сил, выполнения конвойных операций была с честью выполнена, что, в конечном счете, позволило римским легионам уверенно и твердо стоять на земле и отразить нависшую над Римом опасность. Вспомогательная в общестратегическом смысле задача при ближайшем рассмотрении оказывается первостепенной, без решения которой исход войны был бы совершенно иным.

Нет ничего удивительного в том, что сведения об этой активности на морях мы вынуждены буквально по крупицам выуживать из сочинений римских историков, прежде всего Тита Ливия. Фактически то же самое можно сказать и о работах современных авторов исторических сочинений. В результате, если попытаться рассмотреть вторую Пуническую войну как самостоятельный военно-морской конфликт, нам придется начать с тщательного собирания отдельных фрагментов мозаики, преследующего первостепенную цель — возможно более точное определение тех сил и средств, которыми располагали к началу столкновения римляне и карфагеняне на море, их дислокации и динамики развития в каждой из фаз войны. То есть получить объективную картину происшедших событий весьма затруднительно — для этого необходимо исследовать то, что современникам казалось второстепенным и вспомогательным.

Количественный состав сухопутных сил, которые выделялись Римом для продолжения наземной войны, хотя и считался длительное время несколько фальсифицированным, все же трудами многочисленных исследователей был, в общем и целом, избавлен от груза гиперкритицизма. Но, безусловно, коль скоро мы доверяем источникам в этой части, в еще более значительной степени мы должны доверять сведениям, относящимся к количеству морских сил — ведь эти силы не оказывали столь завораживающего воздействия на умы историков — современников событий, как марширующие легионы, в руках которых совершенно зримо были сосредоточены судьба и сама жизнь Вечного города.

И далеко не всегда информация, связанная с флотом, лежит на поверхности. Так, Тит Ливий упоминает о пропреторе Тите Отацилии Крассе, выполнявшем обязанности командующего Сицилийской эскадрой с 217 г. до н.э. вплоть до собственной кончины в 211 г. Подобный факт представляет собой типичный пример совершенно объективной и не подвергшейся фальсификации заметки почти служебного порядка, ибо события, связанные со скромным командующим не слишком заметного и не самого большого соединения морских сил той войны, соединения, предназначавшегося для пограничной службы и контроля территориальных вод, вряд ли затрагивали чьи-либо высокие интересы. Вместе с тем тот же самый факт — кстати говоря, у Полибия имя командующего просто опущено — представляет для нас чрезвычайную ценность, ибо является косвенным свидетельством того, что римляне вполне осознали к этому моменту как ценность постоянных патрульно-оборонительных соединений флота, так и важность поддержания постоянства в командовании ими. Здравый смысл, определенно, все чаще отмечал в эту войну действия римского правительства. Накапливаемый опыт в морском деле был еще более важен, нежели в реализации сухопутных операций, и в этом контексте исполняющий до конца дней пусть не самую престижную, но жизненно важную воинскую функцию командир являет собой пример наиболее адекватного решения этой вечной проблемы.

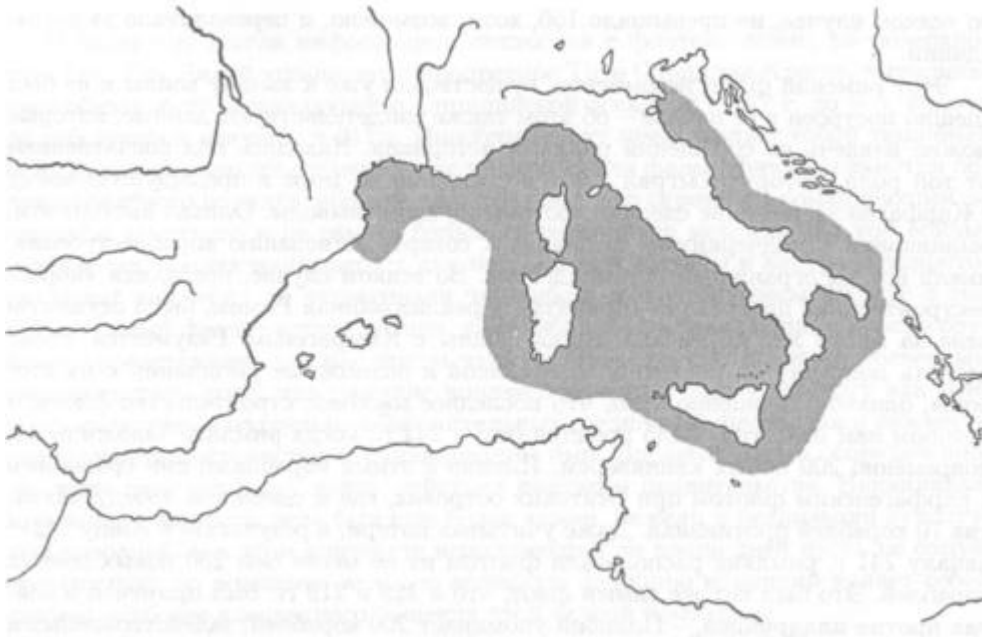
Численность римского флота к 218 г., т.е. к началу Второй Пунической войны, составляла 220 квинкверем и 20 целосов — небольших судов, которые фактически не представляли серьезного боевого значения и в силу этого ими можно практически пренебречь.

Много это или мало? Несомненно, единственным показателем в этом смысле может выступать лишь соотношение с численностью флота единственного противника Рима — Карфагена. Точное количество судов, которыми располагал последний в 218 г., не определено, однако не вызывает сомнения, что оно было ощутимо меньшим, нежели численность римских кораблей. Косвенные данные, по крайней мере, дают некоторое представление о численности карфагенского флота. Так, Тит Ливий и Полибий утверждают, что в Испании Карфаген располагал пятьюдесятью квинкверемами, двумя quadriremami и пятью триремами, т.е. совокупная численность флота, базировавшегося у европейских берегов, составляла 57 единиц. При этом надо учитывать и такой немаловажный фактор, как реальная боеспособность флота и отдельных составляющих его судов, которая в действительности всегда и в любую эпоху оказывается существенно ниже его «штатной» численности. Те же авторы сообщают, что в готовности к боевым действиям, т.е. в состоянии полной укомплектованности и снаряженности, находились тридцать две квинкверемы и пять трирем, что снижает численность испанской эскадры до 37 единиц крупных боеспособных кораблей. Разумеется, это был не весь карфагенский флот, и даже не большая его часть. Составить себе некоторое представление о масштабах всех морских сил карфагенян позволяют данные о том, что в том же 218 г. Карфаген отправил дополнительно 55 кораблей в итальянские воды; в следующем, 217 г., карфагеняне отправили туда еще 70 судов. Несомненно, это также не исчерпывающие цифры, однако они позволяют составить представление о том, что общая численность тяжелых боевых кораблей Карфагена, которые в 218 г., в момент начала Второй Пунической войны, могли быть введены в действие против римского флота,

во всяком случае, не превышало 150, хотя, возможно, и переваливало за сотню единиц.

Этот римский флот, несомненно, существовал уже к началу войны и не был спешно построен в ее начале — об этом также свидетельствуют данные, которые можно извлечь из сообщений римских историков. Находясь под впечатлением от той роли, которую сыграл флот и сражения на море в предыдущую войну с Карфагеном, римляне сделали соответствующие выводы. Однако выводы эти, вылившиеся в подчеркнутое внимание к совершенствованию кораблестроения, имели все же ограниченные последствия. Во всяком случае, последняя «кораблестроительная программа», принятая и реализованная Римом, была осуществлена за много лет до начала второй войны с Карфагеном. Разумеется, стоит сделать поправку на состояние источников и возможные умолчания с их стороны, однако совершенно ясно, что последнее массовое строительство флота, о котором нам известно, было предпринято в 242 г., когда римляне заложили одновременно 200 новых квинкверем. Именно с этими кораблями они сражались с карфагенским флотом при Эгатских островах, где и одержали победу, захватив 70 кораблей противника. Даже учитывая потери, в результате к концу 242 — началу 241 г. римляне располагали флотом из не менее чем 250 новых боевых кораблей. Это был тот же самый флот, что в 229 и 219 гг. был применен в войнах против иллирийцев, — Полибий упоминает 200 кораблей, задействованных в боевых операциях 229 г., Тит Ливий не упоминает каких-либо цифр корабельного состава вообще. Это был тот же самый флот, что начал боевые действия в 218 г. против Карфагена. Конечно, корабли ветшали. Им требовался ремонт, и он не мог быть бесконечным. Какая-то часть кораблей, если они применялись в боевых действиях, была потеряна (впрочем, скорее всего незначительная). Это указывает на то, что для поддержания боевого состава флота на уровне не менее 200 единиц (что, возможно, являлось одной из задекларированных целей римлян) новые корабли все же строились между 241 и 218 г., однако основная масса кораблей к началу новой войны перешагнула двадцатилетний возрастной рубеж. Иными словами, многочисленный и грозный римский флот был достаточно стар или, во всяком случае, все быстрее приближался к пределу своего физического старения. В любом случае в относительно недалеком времени необходимо было задуматься о новых кораблестроительных программах и предпринять в их рамках соответствующие усилия. Собственно, именно это и было сделано в ходе Второй Пунической войны, когда в строй вводились новые корабли, принимавшие участие в действиях против карфагенян.

Складывается впечатление, что обе стороны, — как сам Ганнибал, так и его римские противники, — вполне отдавали себе отчет в явном превосходстве римлян в военно-морских силах. Именно в этом направлении возможно истолковать те стратегические планы, которые строили римляне в самом начальном периоде войны. На этот раз они отчетливо осознавали свою мощь на море и понимали, что это обстоятельство дает им возможность захватить стратегическую инициативу с первых же шагов в войне. Во всяком случае, именно этим объясняется тот замысел, который римляне намеревались реализовать с началом войны. У нас нет уверенности в том, что этот «план Шлиффена» эпохи античности был давней задумкой, как нет данных и о том, что он был всего лишь экспромтом, родившимся виду непосредственной угрозы войны, однако весь ход событий за-

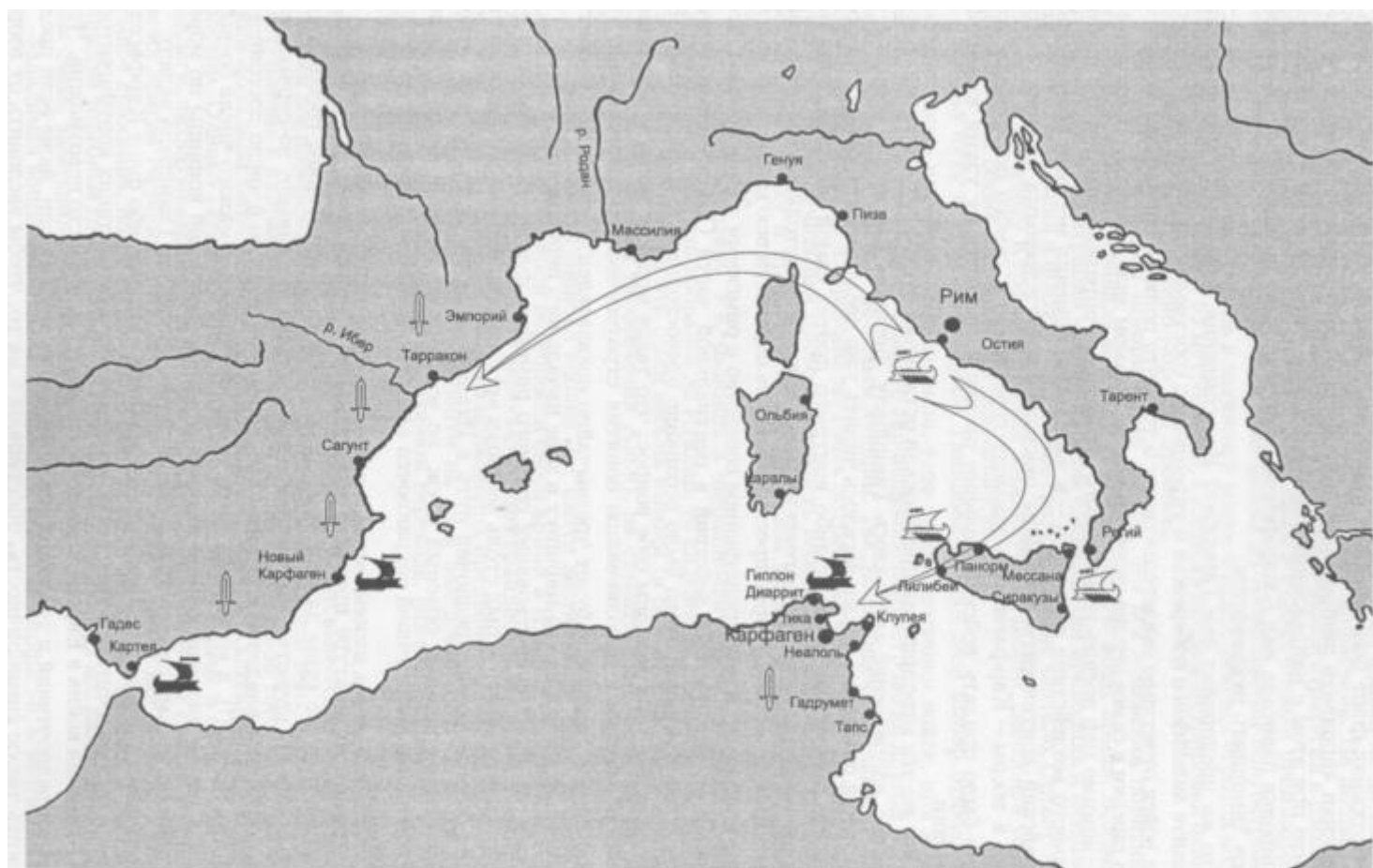

Акватории, контролировавшиеся римлянами к началу Второй Пунической войны

ставляет все же предпочесть скорее первую версию. Как бы то ни было, в основе этого наступления лежала возможность римлян свободно оперировать своими силами на морских пространствах Средиземноморья.

План предусматривал синхронный и мощный двойной удар, основанный, в частности, на массированных десантных операциях. В соответствии с ним Сенат послал против Ганнибала две группировки войск: консул Публий Сципион с армией и приданными ему 60 квинкверемами был отправлен через Массилию в западном направлении, в Испанию; другая часть армии под командованием Тиберия Семпрония Лонга на 160 квинкверемах была выслана в направлении Сицилии — ее задачей было осуществление фронтального удара в самое сердце державы пунов — Карфаген. Небольшое число кораблей, отряженных на испанский фронт, показывает, что римские полководцы и государственные мужи не предполагали и не слишком опасались атаки Ганнибала на море: западный фронт мыслился прежде всего как сухопутный со всеми вытекающими последствиями.

Кроме того, обращает на себя внимание факт отличной постановки разведывательной службы у римлян. Мы помним, что в ходе Первой Пунической войны римляне всегда имели достаточно адекватное представление о характере и размерах карфагенской военно-морской угрозы. Нет сомнения, что, установив определенный паритет, а затем и захватив лидерство в гонке морских вооружений, римляне всегда тщательно отслеживали состояние флота своего основного противника. Оперативный и трезвый учет обстановки, собственно, и был продемонстрирован в ходе перераспределения сил флотов: римляне отрядили на испанский фланг количество кораблей, практически равное общей численности карфагенской группировки и в полтора раза превосходящее количество реально боеспособных судов. Принцип разумной достаточности действовал в данном слу-

Вторая Пуническая война: стратегические планы римлян

чае безотказно: флот был способен адекватно противостоять любым попыткам карфагенян «проявить инициативу», однако ни одного лишнего корабля не было снято при этом с направления главного удара — практически втрое большая группировка нависала над Карфагеном, став отчетливо выраженной «головной болью» тамошнего руководства.

Что же предпринял сам Ганнибал? Нет сомнения, что все его мероприятия по защите ливийского побережья и укреплению собственно африканской группировки войск отчетливо свидетельствуют о том, что полководец ожидал мощного удара римлян в самое сердце своей державы. В самом деле, Ганнибал предпринимал — помимо мер военно-технического характера — определенные шаги в плане морального воздействия на воинов — в частности, поменял местами иберийский и ливийский контингенты: ливийцы оказались вынужденными защищать Испанию, а иберы — Карфаген. По замыслу советников и самого полководца это должно было придать войскам большее рвение и сплотить их узами взаимной поддержки.

И все же эти мероприятия продолжали оставаться сугубо сухопутными. Карфагенское направление мыслилось Ганнибалу фронтом пассивной обороны — препятствия римлянам предполагалось чинить уже *после* десантирования на африканском побережье, а каких-либо контрмер против самой высадки, судя по всему, не замышлялось. Карфагенский полководец был настолько увлечен идеей войны в Европе и столь упорно преследовал цель перенести всю мощь своих войск на этот континент, в непосредственное соседство с римскими территориями, что отказался от масштабных действий в центральной части Средиземного моря. Вместе с тем причиной этого было осознание превосходства римлян на море. В самом деле, если мы зададим себе вопрос: что такое морская мощь в действии, а также обратимся к истолкованию понятия стратегического сдерживания, то пример похода Ганнибала будет чрезвычайно показателен — достаточно бросить лишь беглый взгляд на его маршрут в ходе начального периода этой войны.

Даже сам факт существования сильного римского флота — хотя бы он и не покидал своих гаваней — был столь весомым аргументом, что карфагенский полководец безоговорочно предпочел путь в Италию по суше. Путь, во всех отношениях более сложный, опасный и уж, во всяком случае, ни в какой степени не гарантировавший лучшей сохранности армии во время ее движения до места назначения.

Нередко в литературе приводятся аргументы в пользу того, что Ганнибал выбрал бы путь по суше даже в том случае, если бы карфагеняне господствовали на море. В качестве важнейших доказательств указывают, во-первых, на то, что свободное владение морскими просторами не входило в число достоинств семейства Барка (!), а во-вторых — что транспортировка немалого числа боевых слонов, а также многочисленной великолепной карфагенской конницы по морю представляла весьма сложную, если не неразрешимую для Ганнибала задачу.

Последний аргумент не выдерживает никакой критики, ибо флот Карфагена как раз и был рассчитан, в том числе, на перевозку именно таких контингентов, без чего всякая война в Европе теряла бы смысл и была просто невозможна. Что касается предпочтений и традиций дома Барка, то вряд ли они, даже если предположить такую специфичность, простирались на то, чтобы заслонить от взора самого Ганнибала важность театра морских действий. Конечно, Ганнибал был

прежде всего блестящим полководцем, а не адмиралом, однако не до такой степени, чтобы игнорировать традиционную стихию карфагенян. Не вызывает сомнения, что кардинальная переориентация карфагенской стратегии в рассматриваемой войне была вызвана именно заведомым и существенным превосходством римлян на море. В дальнейшем, в ходе войны на Апеннинском полуострове, когда армия Карфагена увязла в затяжной войне и оказалась под угрозой полного блокирования и изоляции от метрополии, Ганнибал продемонстрировал отличное понимание важности военно-морских проблем.

Вместе с тем нельзя игнорировать и того, что вся испанская политика семьи Барка, конечно, ставила во главу угла сухопутную мощь армии. Вольно или невольно, но концентрация усилий на этом направлении приводила к некоторому снижению внимания к флоту — сил на все сразу просто не хватало. Остается фактом, что в эту эпоху Карфаген не смог выдвинуть личности, способной уследить за развитием обоих направлений деятельности.

Избрав путь в Италию по суше, Ганнибал сделал свой выбор отнюдь не из «спортивного интереса». Несомненно, этот способ доставки войск, при котором на все перемещение армии с одного европейского полуострова на другой потребовалось пять месяцев, был не самым лучшим. Так, по сообщению Ливия, Лелию на пересечение моря от Таррагоны до Рима потребовалось 34 дня. Даже увеличив этот срок вдвое, учитывая многочисленность войска, неизбежные в такой обстановке неразбериху и проволочки, мы получаем экономию времени по меньшей мере в три месяца.

Что касается потерь, т. е. разницы в численности войск, ушедших в поход с Ганнибалом, и тех, кто добрался до Италии, то надежных данных у нас нет, однако тот факт, что потери эти были весьма высоки (и большая их часть пришлась, разумеется, на момент пересечения Альп), не ставится под сомнение никем из историков.

Иными словами, Ганнибал вполне мог найти достаточное число транспортов даже для единовременной переброски своей армии в Италию, однако постоянная угроза того, что римский флот перехватит этот грандиозный конвой и расправится с ним, заставила карфагенского полководца предпочесть наименьшее из двух очевидных зол — было логичнее пойти на риск заведомой потери части армии в труднейшем и беспрецедентном горном переходе, нежели смириться с угрозой потерять все и сразу.

Определенная аналогия усматривается в деятельности другого великого полководца античности — Александра Великого. Тот был вынужден захватить практически все побережье Восточного Средиземноморья для того, чтобы развернуть наступление в направлении Внутренней Азии — и все из-за того, что его противники обладали безусловным господством на море, а Александр не располагал флотом. Однако Ганнибал вынужден был поступать иначе: в отличие от своего коллеги, захватывавшего одну морскую базу за другой и тем самым лишившего своих врагов господства на море, карфагенский стратег мог дать крупное наземное сражение, но не был в состоянии методично и шаг за шагом побеждать морские торговые города. Именно поэтому, возможно, вся его кампания, в конечном счете, завершилась поражением.

Зададимся вопросом: что бы произошло, если бы Карфаген, а не Рим, в 218 г. господствовал на море, как это было в Первую Пуническую войну? Сослагатель-

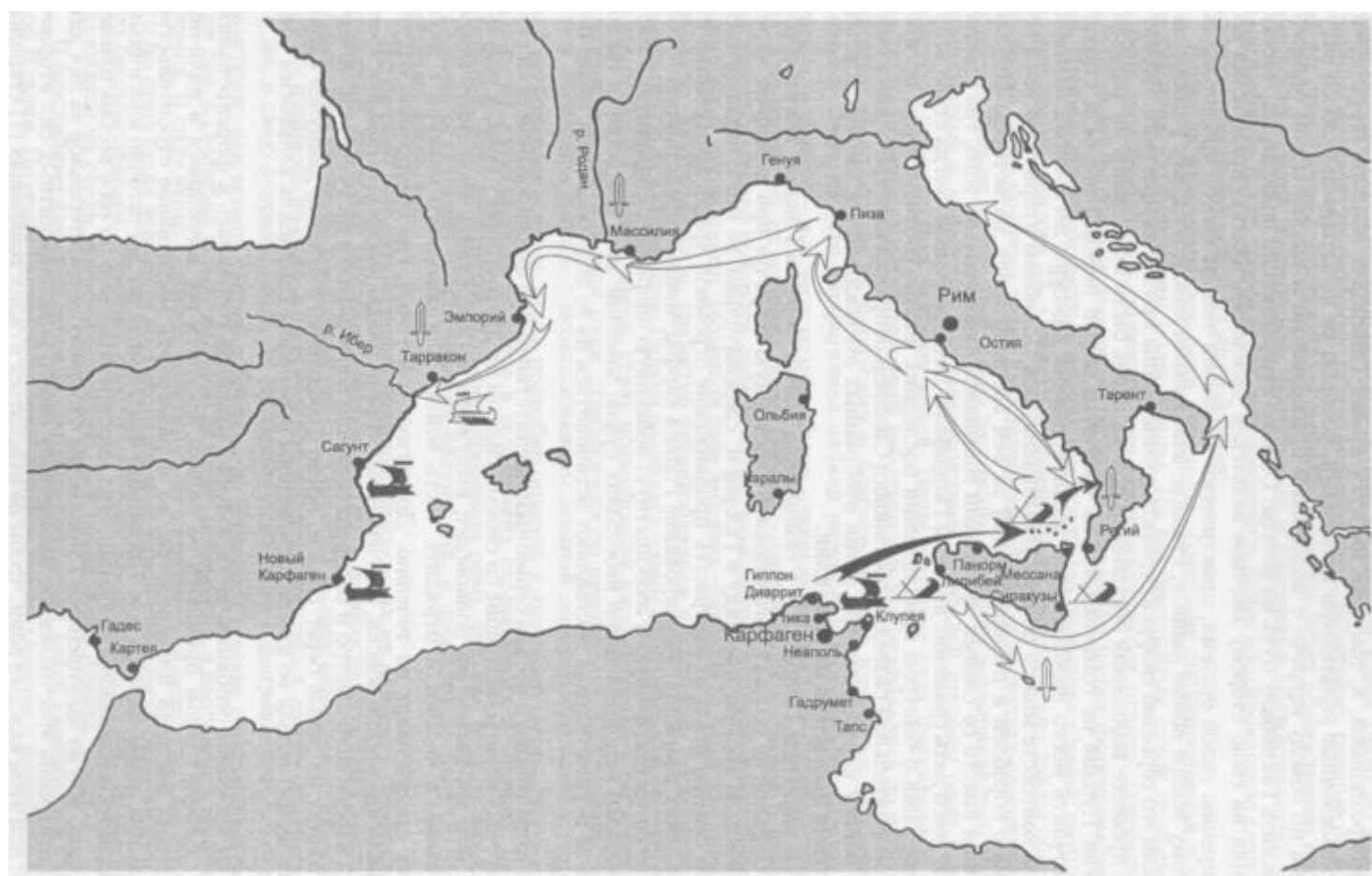
ное наклонение, так часто порицаемое профессионалами от истории, в действительности служит лишь для более отчетливой прорисовки исторических событий, имевших место в реальности. Мы не подменяем реальный исторический сценарий вымышленным, но всего лишь фиксируем свое внимание на том, чего на самом деле не хватило для победы той или иной стороне, в силу каких условий история пошла именно по тому пути, который стал нам известен. Без сомнения, в описанных условиях Ганнибал обрушился бы на Италию с гораздо большей армией и раньше, по крайней мере, на три месяца. К тому же высадка эта произошла бы в том месте, которое избрали бы сами карфагеняне — с необходимой поправкой на сухопутное маневрирование римлян, разумеется. В свою очередь, такая высадка сделала бы попросту невозможным осуществление римских планов начала и в особенности поддержки собственной наземной операции в Испании, а следовательно, все ведение войны на испанском фронте, имевшем в течение десяти лет такое колоссальное значение для судеб этой войны. Коль скоро бы эта операция римлянами и была осуществлена, экспедиционный корпус мгновенно попал бы в зависимость от перерезанных морских коммуникаций снабжения продовольствием — как это случилось с самим Ганнибалом, быстро столкнувшимся с угрозой голода, — и, вероятно, его ждала бы крайне незавидная участь. Более того, быстро и без особых сложностей Гасдрубал и Филипп V Македонский смогли бы высадить свои войска в Италии и присоединить их к силам Ганнибала.

Иными словами, становится ясно, что в случае отсутствия сильного, боеспособного и агрессивного флота дело римлян было бы проиграно в самом начале. Учитывая таланты Ганнибала как полководца, общую расстановку сил, мы вряд ли погрешим против истины, отметив, что именно наличие флота у римлян и его качество предотвратили проигрыш ими Второй Пунической войны, причем уже в самом ее начале.

Однако необходимо вернуться к реальности. Мы видим, что поддержание устойчивого военно-морского превосходства, наличествовавшего в 218 г., было для римлян предметом постоянной заботы и вопросом особой важности. Попробуем понять теперь, насколько им удалось справиться со стоящей перед ними задачей.

Из двух наступлений, нацеленных римлянами против своего врага, в первую очередь стоит рассмотреть действия испанского флота. Публий Сципион с его 60 квинкверемами, без сомнения, располагал и немалым количеством транспортных судов. Они не упомянуты в источниках, однако в их наличии сомнений быть не может: переброска двух легионов Сципиона не могла быть осуществлена на 60 боевых кораблях. Вообще в римской морской истории вопросы транспортировки и транспортных кораблей традиционно играют своего рода «латентную» роль, что неоднократно отмечалось исследователями. Упоминание «небоевых» морских средств, видимо, не входило в число обязательных с точки зрения авторов исторических сочинений.

Как бы то ни было, флот Сципиона в течение пяти дней благополучно достиг Массилии. Бросив якорь в одном из устьев Родана (Роны), командующий узнал ошеломляющую новость: оказывается, Ганнибал уже переходит через Пиренейские горы. Не вполне доверяя этой информации, Публий был все же уверен, что карфагеняне еще достаточно далеко от него — местность была весьма

Боевые операции 218 г. до н. э.

труднопроходимой, к тому же на пути армии Ганнибала лежали территории, густо заселенные кельтскими племенами, которые не испытывали особого энтузиазма по поводу встречи с подобными пришельцами и вполне могли серьезно осложнить Ганнибалу путь на восток. Однако карфагенский полководец, частью склоняя на свою сторону местное кельтское население, частью принуждая его к смирению силой оружия, практически не снизил темпов своего продвижения. Поэтому вскоре новые данные, ставшие известными командующему римлян, заставили его серьезно скорректировать планы войны против карфагенян. Вероятно, в процессе выяснения обстановки войска вновь были погружены на корабли, так как Публий не сомневался, что требуется новый переход морем и старался уточнить место необходимого десантирования римских легионеров. Именно в этом контексте можно понять упоминающуюся Полибием вторичную высадку войска с кораблей и последовавший за ней военный совет, на котором Публий Сципион вместе со своими трибунами совещался относительно того, где именно лучше всего дать сражение войскам Ганнибала. Это произошло, когда стало ясно, что сведения о быстром приближении последних вполне соответствуют истине. Для окончательной разведки обстановки Сципион отправил навстречу движущемуся войску карфагенян три сотни отобранных им всадников в сопровождении кельтских наемников из Массилии.

Тем временем Ганнибал и в самом деле достиг берегов Родана. Таким образом, Сципион не успевал организовать «достойную встречу» при переправе через крупнейшую водную преграду в Галлии и, следовательно, не мог с имеющимися у него силами реально задержать продвижение огромной армии противника на приморских равнинах. Форсирование Родана карфагенянами представляет собой вполне самостоятельную и любопытную войсковую операцию, связанную с массированным использованием небольших судов; значение этой операции, а также стиль ее осуществления заставляют остановиться на ее ходе более или менее подробно.

Определенным и весьма серьезным препятствием при форсировании реки стали местные кельты, вставшие со своими силами на другом берегу реки, в результате чего карфагенский полководец вынужден был проявить свое тактическое дарование, в частности отрядить часть войска для обходного маневра в двух сотнях стадий вверх по течению. Достигнув той точки, где совершенно отсутствовали вражеские войска, а течение самой реки раздваивалось, омывая остров, отряд карфагенян быстро и беспрепятственно переправился на тут же сколоченных плотках на левый берег реки и, после однодневного отдыха, двинулся вдоль берега на юг, заходя во фланг ожидавшим переправы Ганнибала кельтским войскам.

Тем временем основная часть войска Ганнибала готовилась к форсированию реки. Карфагенянам пришлось не только закупать все имеющиеся в наличии у местных жителей плавсредства, но и развернуть масштабное строительство небольших лодок-однодревок. Последний факт выглядит достаточно алогичным выходом из создавшейся ситуации. Это мероприятие само по себе весьма примечательно, ибо из закупленных Ганнибалом отборных лесоматериалов за два дня было построено «бесчисленное множество» своего рода «москитных сил вторжения»; при этом каждый воин, чтобы не нуждаться в своих товарищах (?) старался сам обеспечить себе переправу. Очевидно, что централизованное строительство

более крупных коллективных средств для переправы войск было по какой-то причине отвергнуто карфагенским командованием. Возможно, помимо надежды на то, что частная инициатива в данной ситуации будет эффективнее организаторских усилий командиров, имело место и следующее обстоятельство: такой «москитный» флот, скорее всего, мог обеспечить более массированную одновременную переправу войск на другой берег.

Вслед за этим началась сама переправа, блестяще спланированная и организованная карфагенским полководцем. На рассвете пятых суток пребывания у реки, одновременно с подходом уже переправившегося отряда, который дал о себе знать условным дымовым сигналом, Ганнибал начал форсирование реки. Наибольшие сложности, конечно, представляла переправа слонов, которых в армии насчитывалось 37. Остальное войско было распределено таким образом, чтобы на более крупных судах находилась кавалерия, а на лодках-однодревках — наиболее ловкие и искусные в бою пехотинцы. Лошади переправлялись вплавь, привязанные к корме судов с кавалеристами: с каждой стороны один человек тянул за поводья трех-четырех коней. Более крупные суда форсировали реку выше по течению, в результате чего небольшие лодки оказывались до некоторой степени прикрытыми их корпусами и боковое течение влияло на них заметно меньше. Заметив, что карфагеняне начали переправу, кельты враспынную бросились к берегу — и в этот момент были атакованы с тыла и фланга отрядом, находившимся на их стороне реки. Одновременный поджог лагеря и атака не ожидавших такого поворота дела кельтов, немедленно поддержанная высадившимися с лодок воинами, возымели свое действие — кельты бежали в полном беспорядке. Таким образом, грамотно организованная и блестяще осуществленная операция по форсированию Родана оказалась одним из первых шагов Ганнибала в его войне с Римом — шагов, сразу позволивших карфагенянам в определенной степени захватить в свои руки стратегическую инициативу. Последовавшая за этим переправа слонов с использованием ложной поверхности земли, устроенной на больших плотках, столь подробно описана в античной литературе и стала одним из излюбленных мотивов в сочинениях современных историков. Она, в сущности, уже не относится к форсированию реки, так как осуществлялась в условиях отсутствия сопротивления неприятеля, и проходит по разряду транспортных операций.

Встречный бой двух отрядов конницы, посланных на разведку главнокомандующими, позволил войскам впервые вступить в непосредственный контакт и обнаружил истинное расположение сил сторон. Римляне немедленно начали погрузку припасов на суда, в то время как войска двинулись к лагерю карфагенян. Те же, в свою очередь, столь же поспешно двинулись в направлении Альп, имея намерение как можно скорее добраться до Италии. Римляне опоздали на целых три дня, а Ганнибал ушел с войском не вдоль побережья, а направился вглубь материка. В силу этого Сципион упустил своего противника окончательно: догнать его по суше было невозможно, преследование вдоль побережья становилось просто бессмысленным. Римляне просто не могли предположить, что карфагеняне отважатся на столь дерзкую операцию, как поход через Альпы.

В ближайшее время следовало ожидать появления войск Ганнибала в Северной Италии. Поэтому Сципион принял решение о немедленном и возможно более быстром возвращении на Апеннины, имея в виду исполнение своего непосред-

ственного консульского долга — принятия командования вооруженными силами Римской республики в Италии.

Одновременно с этим он решил столь же оперативно отправить имевшиеся в наличии войска под командованием своего брата Корнелия Сципиона в Испанию. Их задачей было развязывание боевых действий против оставшихся за Пиренеями контингентов под командованием Гасдрубала и Ганнона. При всей кажущейся неоднозначности подобного решения, со стратегической точки зрения оно было, безусловно, верным. В результате Испания, располагавшая большими воинскими формированиями, несколько раз была лишена возможности отправить эти войска в Италию — именно тогда, когда в них там ощущалась особенная нужда. Небольшие подразделения римлян в течение более чем десяти лет скопывали в испанской метрополии войска, которые лишь в 207 г. смогли уйти на помощь основному контингенту карфагенян, однако к тому моменту римляне уже в достаточной степени восстановили свои силы, и произошедшее усиление итальянской группировки не оказало решающего воздействия на исход войны.

Что же произошло с упоминавшимися шестьюдесятью боевыми кораблями, имевшимися в наличии в начале испанского похода? Достаточно общим убеждением историков всегда было то, что они почти в полном составе были отправлены в Испанию с Корнелием Сципионом, а Публий Сципион возвращался в Италию чуть ли не в одиночестве. Однако существуют аргументы, весьма убедительно опровергающие это самоочевидное, казалось бы, утверждение. Так, например, весной 217 г. Корнелий Сципион в сражении близ устья реки Эбро располагал 35 кораблями против 40 судов карфагенян. Вот тот численный состав эффективно действующих и боеспособных военно-морских сил, которыми он реально располагал в этот момент. Совершенно невероятным кажется, чтобы командующий мог оставить в резерве другие 25 судов перед лицом численного превосходства карфагенян, сохранявших репутацию отличных моряков; столь же невероятна потеря этих судов в бою либо вследствие каких-то иных причин — мы не располагаем данными о каких бы то ни было морских инцидентах в сезон 218–217 гг. Таким образом, Публий Сципион разделил свой флот на две численно сопоставимые части, меньшая из которых сразу же после выяснения обстановки в Южной Галлии вместе с ним вернулась в Италию.

В то же время основная часть войск была отправлена в Испанию — на кораблях, вернувшихся в Италию, находилось лишь небольшое число воинов. Эта флотилия пристала к итальяскому берегу в Пизах, откуда сам Сципион и отправился через Этрурию к основным своим преторским войскам, с которыми позднее выступил на север, в долину Падуса (По) для встречи с войском Ганнибала.

Кстати, весь этот эпизод явственно демонстрирует, насколько все же «сухопутным» было мышление римлян — по крайней мере, лучших из их историков, которые, вероятно, все же отражают характерные особенности менталитета руководства республики, да и всего общества.

Таким образом, первый эпизод войны на западном морском театре может быть охарактеризован нами как своеобразная разведка боем. Первоначально флот предполагалось использовать почти исключительно как средство быстрой доставки войск для перехвата карфагенской армии в процессе форсирования ею Родана. Однако незначительное опоздание привело к тому, что Публию Сципиону пришлось на ходу принимать достаточно сложное решение о перегруппировке

своих сил и распределении их по направлениям дальнейших действий. Никаких боевых действий на море в этой фазе не велось, да они и не были возможны в условиях отсутствия флота противника и в силу того, что собственно контакт основных сил сторон пока еще не состоялся. Флот использовался исключительно как средство для быстрой переброски войск.

Следует признать, что со своими задачами римляне на море справились на этом этапе достаточно хорошо. Опоздание к переправе Ганнибала следует рассматривать скорее как досадную случайность, нежели как следствие нерасторопности — не располагая точной информацией о маршруте движения карфагенян из Испании и ориентируясь лишь в соответствии с приблизительными расчетами, Сципион упустил возможность воспрепятствовать форсированию водной преграды противником. Воспрепятствовать, но не предотвратить таковую — сомнительно, чтобы два легиона римлян смогли в этот момент полностью сорвать итальянский поход Ганнибала, однако потеря Римом всей этой группировки кажется практически неизбежной. В то же время маневр, совершенный впоследствии римским командующим, был осуществлен столь быстро, что Ганнибал был немало удивлен, встретив после спуска с Альп римское войско, возглавляемое полководцем, которого он оставил в окрестностях Массилии всего лишь за несколько дней до этого. Полибий, например, особо оговаривает, что морской путь из Массилии в Этрурию был достаточно сложен и продолжителен. В результате оба полководца остановились друг перед другом в одинаковом изумлении по поводу тактических способностей своего визави: насколько Сципион был озадачен беспримерным переходом армии Ганнибала через Альпы, настолько и этот последний недоумевал по поводу мгновенной реакции римлян.

Одновременно с неудачами римлян в Северной Италии достаточно успешно шли их дела в Испании. Тот экспедиционный корпус, который под командованием Гнея Корнелия Сципиона был отослан к испанским берегам, совершил морской переход и пристал к берегу в месте, которому в дальнейшем суждено было стать излюбленной точкой высадки римских войн на Пиренейском полуострове — в окрестностях Эмпория. Эта точка была, с одной стороны, удалена от центральных районов карфагенского владычества в Иберии, а с другой — была ближайшим местом к Италии, откуда открывались удобные наземные пути вглубь территории противника.

Дальнейшие действия отчетливо делятся на два периода. В рамках первого Гней Корнелий совершил рейд вдоль восточного побережья Пиренейского полуострова вплоть до устья реки Ибер (Эбро). Города, изъявлявшие покорность римлянам, милостиво принимались под их опеку, те же, которые пробовали оказывать сопротивление, приводились к покорности силой. Для этого осуществлялись высадки войск на берег — совместная угроза сухопутных сил и флота для небольших городов побережья, находившихся на периферии карфагенского контроля, оказывала вполне ощутимое воздействие на настроения местного населения. В результате этого рейда под контролем Гнея Корнелия Сципиона оказался большой участок побережья в непосредственной близости от территории противника. Второй этап операции включал в себя рейд сухопутных сил Гнея Корнелия и набранных в новых союзных городах войск из местных жителей вглубь полуострова. Небольшие города, расположенные здесь, постигла та же участь, что и прибрежные поселения: частью силой, частью де-

монстрацией таковой они были приведены к покорности и стали союзниками римлян.

Однако ответом на это вторжение стал контрудар оставленного Ганнибалом карфагенского войска. И если под городом Кисса римляне разбили войска Ганнона и Гандобала (взяв их обоих в плен) и захватили весь обоз ушедшей в Италию армии самого Ганнибала, то на побережье дела у них шли менее удачно. Потерявшее бдительность войско, оставленное Гнеем Корнелием охранять флот, находилось в приподнятом настроении по поводу череды легких побед и оказалось совершенно неспособно противостоять внезапному нападению отряда Гасдрубала (8000 пехотинцев и 1000 всадников), которому удалось истребить значительную часть римских сил, в то время как уцелевшие бежали на корабли, чем и спаслись. Естественно, что вернувшийся к флоту Гней устроил потерявшим осторожность командирам разнос с соответствующими «оргвыводами», наказав виновных.

Завершением действий в глубине сухопутной территории окончился этот рейд римлян — карфагеняне занялись укреплением внутренних областей страны, римляне же, воссоединив свои силы, зазимовали в Тарраконе. В целом операция Гнея Корнелия Сципиона в 218 г. должна быть признана тактически вполне грамотной и имевшей ощутимые и важные результаты. В силу взаимодействия сухопутных сил и флота (исключительно как средства доставки войск) в тылу карфагенской армии вторжения сложилась обстановка, хотя бы отдаленно напоминающая ту, что складывалась в самой Италии. Экспедиционный корпус Сципиона, пусть и не полностью, но все же компенсировал те трагические неудачи первого года войны, которые преследовали римлян у себя дома.

Следует отметить и тот факт, что, по мнению некоторых исследователей, из 35 кораблей, задействованных в кампании 218 г. в Испании, лишь 15 судов были собственно римскими: остальные, вполне вероятно, были поставлены, снаряжены и укомплектованы экипажами массалиотами — союзниками римлян на галльском побережье (таким образом в Италию в самом начале войны, после неудачной «охоты» на Ганнибала, было отправлено не 25, а 45 кораблей). Следует заметить, что решающее значение для всей испанской кампании в ходе Второй Пунической войны имело то обстоятельство, что римляне располагали надежной военно-морской базой в Южной Галлии — Массилией. Не говоря уже о том, что римляне в течение всей войны использовали ее как «порт подскока», расположенный почти на полпути из Италии на Пиренейский полуостров; не говоря о том, что Массилия всегда была городом, поставлявшим римлянам союзные контингенты вспомогательных войск и, что особенно важно, моряков; весь ход войны демонстрирует, что испанский фронт без наличия этой базы не только не мог бы приобрести такое значение, но и само его существование было бы поставлено под угрозу. Предвоенная и военная политика Рима, основанная на отчетливо осознаваемой потребности иметь хотя бы пунктирно обозначенный, но устойчивый маршрут, обеспечивающий каботажное сообщение вдоль северо-западного берега Средиземного моря, принесла свои плоды. В ходе всей войны, несмотря на порой весьма тяжелую обстановку на суше, коммуникации этого региона оставались под устойчивым контролем римлян, что в конце концов и обусловило ликвидацию угрозы, исходившей от Ганнибала с его экспедиционным корпусом.

Что же происходило в это время на юге — там, где был возможен непосредственный удар в самое сердце карфагенской державы? Это направление контро-

лировалось Тиберием Семпронием Лонгом с его 160 кораблями. Однако еще до его прибытия со своим флотом к берегам Сицилии здесь произошли первые морские сражения — хотя и носившие локальный характер, однако свидетельствовавшие о чрезвычайной важности контроля над морем. Так, незадолго до прибытия римской эскадры, карфагеняне выслали к сицилийским берегам небольшое соединение из двух десятков квинкверем, которые, конечно, были в состоянии произвести разведку, и даже вступить в бой с небольшим отрядом кораблей, а также перехватывать одиночные корабли римлян и их союзников. Однако, судя по всему, разведка Карфагена была не на высоте, и карфагенские стратеги не представляли, сколь обширны были планы римлян в отношении южного направления этой войны. Во всяком случае, в преддверии прибытия большого римского флота посылка в территориальные воды Сицилии всего лишь 20 судов выглядит скорее как не слишком изящно принесенная римским богам жертва, нежели как разумная операция.

Впрочем, жертва эта была принесена несколько иным образом, чем можно было бы ожидать. Обойдя Сицилию с запада, карфагенские корабли вблизи Липарских островов попали в сильный шторм, который разметал небольшой флот. Три корабля, дрейфуя, оказались в Мессинском проливе. Здесь они были захвачены Гиероном Сиракузским, который со своими 12 кораблями крейсировал, ожидая подхода римского флота Тиберия. Однако большая часть кораблей из этой эскадры все же уцелела. От пленных, захваченных на взятых кораблях, Гиерон узнал, что другой карфагенский флот, на этот раз более мощный, в составе которого насчитывалось 35 кораблей, двигался следом за первой эскадрой.

Карфагеняне, как оказалось, были настроены весьма решительно — целью этого подразделения был захват Лилибея. В этом случае Карфаген обзаводился чрезвычайно удобной и ближайшей к метрополии базой на сицилийском берегу. Однако тот же самый шторм отбросил вторую эскадру к Эгатским островам, сорвав первоначальный план. Тем временем Гиерон срочно известил отвечавшего за оборону Лилибея претора Марка Эмилия, и тот встретил противника во всеоружии. Битва близ Лилибея закончилась полной победой римлян. Не уступая карфагенянам по числу судов (возможно, что у римлян даже было несколько больше кораблей), они отлично выдержали первое испытание на прочность: искусно маневрируя, римские корабли разгромили карфагенский флот, захватив в качестве трофеев семь кораблей противника, остальные суда в беспорядке ретировались.

Вскоре после этого консул Тиберий Семпроний Лонг достиг с флотом Мессаны. Гиерон проинформировал его об опасности, грозившей Лилибею, и оба командующих со всеми своими силами устремились на запад острова. Однако в пути они были встречены известием о разгроме карфагенян. Стало ясно, что непосредственная угроза временно миновала, поэтому Гиерон со своим флотом отправился домой. Претор Марк Эмилий, столь хорошо справившийся со своей задачей, был оставлен в Лилибее для защиты западного побережья Сицилии. В то же время сам Тиберий Семпроний вместе со всей приведенной эскадрой отбыл в направлении Мальты, которую и отбил у карфагенян. После этого, вернувшись в Лилибей, Тиберий рассудил, что стоит совершить рейд к Липарским островам. Целью его был перехват кораблей той самой первой эскадры, которая вблизи от этого архипелага была рассеяна штормом. Строго говоря, эта операция выгля-

дит весьма сомнительной и авантюрной с точки зрения ситуации, сложившейся в водах Сицилии. В самом деле, с момента достопамятного шторма прошло немало дней. Совершенно ясно было, что ловить несколько кораблей, занимавшихся пиратством и грабившим побережье близ Вибо, было не слишком-то разумно.

Однако задуманный рейд так и не состоялся. Находясь в Лилибее, Тиберий получил, наконец, долгожданное распоряжение сената, доставленное со всей возможной поспешностью; однако распоряжение предписывало совершенно не те действия, которых ожидали и к которым готовились командиры, войска и команды кораблей. Разумеется, исходя из сложившейся обстановки, сенат требовал немедленного перехода флота в Северную Италию, к месту наиболее драматических и важных для Рима событий — флот вторжения и размещенные на нем войска должны были усилить легионы, уже сражавшиеся с Ганнибалом.

Поскольку конечной точкой переброски контингента мыслилась Умбрия, т. е. побережье в северной части Адриатического моря, переход обещал быть нелегким. В самом деле, от Лилибея, расположенного на крайнем западе сицилийского побережья, кораблям предстояло совершить длительное плавание вдоль всего южного, юго-восточного и северо-восточного берегов Апеннинского полуострова. Учитывая насущную необходимость ежесуточных или, во всяком случае, очень частых ночевок войска на берегу, быстро осуществить эту акцию не представлялось возможным. А именно быстрота в данной ситуации была наиболее необходима. В результате решено было отправить войска в Аримин — конечный пункт назначения — по суше. Пехотинцы, покинув корабли, могли совершить пеший переход относительно быстро — путь через Италию к Аримину был существенно короче, нежели трасса морского путешествия, повторяющая изгибы итальянского побережья. Более того, для ускорения марша не предусматривалось передвижение войск одной монолитной массой — каждому легионеру было предписано добираться до места сбора самостоятельно, наиболее коротким и удобным для него путем. Все расстояние было покрыто армией за 40 дней, что исключает марш всего войска одной походной колонной — только небольшие подразделения или одиночные воины могли проделать этот путь с такой скоростью (общее пройденное расстояние превышало 900 км). День сбора был оговорен, и солдаты должны были прибыть в Аримин одновременно. Несомненно, именно высокий уровень дисциплины, традиционно свойственный римским войскам, а также четкая и согласованная деятельность командиров всех уровней и наличие навыков самостоятельных действий у каждого солдата позволяли надеяться на успех в подобном мероприятии.

Следует, впрочем, сказать, что данная версия событий, изложенная Полибием, находится в противоречии с сообщениями Тита Ливия, который утверждает, что Семпроний отправил свои войска морским путем на север, используя для этого 150 кораблей, в то время как сам он, уладив вначале все дела на Сицилии, отправился следом с 10 оставшимися судами. При всем доверии к Титу Ливию, версия Полибия выглядит более взвешенной, ибо сомнительно, чтобы командующий в той ситуации мог подвергнуть опасностям штормов осенней Адриатики все свое войско и весь флот, к тому же доверив его своим подчиненным и не имея возможности вмешаться в ход событий. Полибий прямо указывает, что сам Тиберий Семпроний во главе более или менее значительной части своих войск

проследовал через Рим. Вероятнее всего, в Лилибее было оставлено 50 судов, в то время как остальные из приведенных Тиберием ушли в Рим.

Южная Италия в этот момент еще никоим образом не проявляла своих симпатий к Ганнибалу, однако события последующих лет, когда почти все ее города сделали выбор в пользу карфагенян и их успехов, показали, что прочного тыла римляне не имели и здесь. Конечно, определенный риск в раздельном переходе армии и флота был. К тому же в результате практически оголялся южный фланг Италии. Главное предвоенное направление оставалось открытым для возможных действий карфагенян. Однако ситуация на севере Италии была столь сложной и угрожающей, что на подобный риск можно было пойти не колеблясь. Морская пехота Тиберия Семпрония была гораздо нужнее в Аримине. Флот же, в свою очередь, значительной своей частью отправился в Рим и в порты союзников, для того, чтобы находиться в непосредственной близости от весьма трепетно относившегося к его судьбе сената. Коль скоро вторжение в Африку откладывалось, не было никакой нужды держать корабли вдалеке от Рима, к тому же без войск, которые были главной ударной силой этих кораблей и одновременно их единственной защитой. В то же время вовсе оголять южный фланг римляне не могли и не хотели.

Главное, чем запомнился римлянам 218 г. — помимо самого перехода Ганнибала через Альпы, — серия поражений на суше, на реках Тицин и Требия, которые, собственно, с самого начала кампании в Италии и определили чрезвычайно драматичный для римлян ход войны. На этом этапе важнейшими для римлян стали действия на севере Апеннинского полуострова, а также обстановка на юге Италии и на острове Сицилия — в непосредственной фронтальной близости карфагенской метрополии. Собственно, разбитые при Требии в декабре 218 г. войска — это в основном снятые с сицилийского направления подразделения Тиберия Семпрония Лонга, которые прошли за сорок дней всю Италию от Лилибея до альпийских предгорий — только лишь для того, чтобы потерпеть здесь громкое поражение.

Дальнейшие действия римлян на южном направлении свидетельствуют о том, что они явственно опасались вторжения с моря на острова и в континентальную Италию со стороны как самих карфагенян, так и их восточных союзников: новые гарнизоны были отправлены на острова Сардиния и Сицилия, а также в город Тарент (в Калабрии) и в те места побережья, где было удобно осуществить высадку.

Итак, к концу 218 г. — первого года новой войны — военно-морские силы Римской республики подверглись существенной передислокации. К этому времени 15 римских кораблей находились в Испании (вместе с двумя десятками союзных кораблей из Массилии составляя экспедиционную эскадру на западе), 155 дислоцировались в Риме или ближайших к нему портах союзников, а 50 кораблей прикрывали южное направление. Крупных столкновений на море пока еще не было, однако из всех произошедших стычек римляне выходили победителями; в результате за первый год войны ни одного боевого корабля они не потеряли. В то же время было захвачено несколько вражеских судов. Однако, учитывая серьезные потери войск Тиберия Семпрония при Требии, а также убыль в численном составе на испанском фронте, следует признать, что воинский контингент флота, т. е. морская пехота, все же понес урон, и немалый. Достигнуто было относительно немного: намечавшееся вторжение в Африку было пресечено в за-

родыше натиском Ганнибала с севера, с помощью массалиотов велись активные действия в Испании. Единственным безоговорочным успехом следует признать захват Мальты, всегда имевшей стратегическое значение для Средиземноморья.

Вместе с тем мы должны помнить, что карфагеняне осуществили свое вторжение в Италию посуху и действовали в чрезвычайно сложных условиях; их армия все время опиралась на очень шаткое основание своих непрерывных успехов, в то время как сама она была полностью изолирована от метрополии. Море было на замке. А карфагенский флот за этот первый год войны так и не покинул своих гаваней и не вышел в море. Отсутствие морских сражений в данном случае было равносильно выигранному сражению для римлян, если не превосходило его по результатам. Следует признать, что римский флот блестяще справился с той главной задачей, которая перед ним стояла в этот момент: господство на море было обеспечено, и именно это обстоятельство определяло изменение стратегической ситуации в Средиземноморье. Римляне, заявив о своем рождении в качестве первоклассной морской державы в Первую Пуническую войну, в 218 г. сделали главный практический шаг к реализации этой заявки, подтвердивший ее обоснованность. *Mare nostrum* становилось таковым. Так завершился первый год войны.

Чрезвычайная ситуация, однако, все более усугублялась на рубеже 218-217 гг. Лавина несчастий, последовавших за началом действий Ганнибала в Италии, продолжала расти. Начало нового 217 г. ознаменовалось рядом поражений римлян в Северной Италии. Ганнибал, действуя смело и решительно — особенно решительно — потому, что у него не оставалось другого выбора, — смог в течение нескольких месяцев кардинально ухудшить положение римлян в самой Италии. Новые успехи армии вторжения привлекли на сторону Ганнибала даже те племена, которые занимали неустойчивую позицию и при прочих равных условиях могли бы оставаться союзниками Рима — не говоря уже о тех, кто изначально был настроен антиримски. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что чем глубже увязала в чужой стране армия Карфагена, тем большее количество итальянских племен предпочитало власть пришельцев власти горделивых и самонадеянных римлян. Оторванное от своих баз в Испании войско Ганнибала в очередной раз продемонстрировало хрестоматийную истину о том, что, единожды захватив и крепко удерживая в своих руках стратегическую инициативу, можно чрезвычайно успешно действовать по сути в глубоком тылу вражеской территории. Римляне в самом начале войны умудрились попасть в замкнутый круг: чем неудачнее были даваемые ими сражения, тем быстрее сокращался круг реальных либо потенциальных союзников, а следовательно, ресурсная и мобилизационная база для войск и контролируемая территория, что неизбежно должно было обернуться новыми поражениями. Разумеется, подобного исхода еще год назад никто предвидеть не мог. Поэтому для Рима и его обитателей действительно настали нелегкие дни.

Тактика изматывания Ганнибала, осуществляемая диктатором Фабием Максимом, давала лишь относительный результат: карфагенский полководец, предпочитая до поры до времени не приближаться к самому Риму, увел свою армию в Апулию, на побережье Адриатики, где и дал отдых своему войску. Однако при всех своих успехах Ганнибал не смог тем не менее разрушить римско-италийский

союз — основу всего сопротивления его вторжению на Апеннины. В этой ситуации значение остальных театров военных действий было особенно ощутимо и события, происходящие там, могли заметно повлиять на ход дел в Италии.

Сразу же после поражения при Требии римляне бросили все свои силы на усиление как сухопутных войск, так и флота. Спешно набирались новые солдаты, чрезвычайно активизировалась работа по подготовке контингентов союзников и стягиванию их в Рим или к местам боевых действий. Что касается флота, то римлянам удалось в течение совсем небольшого времени достроить и оснастить, полностью введя в строй, 60 новых квинкверем. Вероятно, в состав флота в это же время вошло немало небольших кораблей, а также транспортов, однако источники об этом почти традиционно умалчивают, и никакими численными данными мы, конечно, не располагаем. Однако обновление основных ударных сил флота в первые месяцы 217 г. (скорее всего, еще до окончания зимы) более чем на четверть налицо. Обновление, ибо параллельно с вводом в строй новых кораблей выводились из боевого состава флота корабли, изношенные до критического состояния. Ведь, как мы помним, римский флот был перед войной уже достаточно стар, большая часть кораблей служила далеко не первый год, а порой и не первое десятилетие. В силу этого на первых порах ощутимого роста численности кораблей не наблюдалось, однако корабли несколько «молодели».

Сенаторы, принимавшие решение об обновлении и усилении флота, отлично отдавали себе отчет в том, что на первый план в стратегии этой войны окончательно вышла изоляция Ганнибала в Италии. Вторжение в Африку было отложено на неопределенный срок, а вот карфагенская армия в непосредственной близости от Рима — это было вполне серьезно, настолько серьезно, что ставило под угрозу само существование Вечного города. Сенат, да и все, кто задумывался о дальнейшем, понимали, что перед Ганнибалом в следующем, 217 г., встанет насущная задача: установить надежный контакт с метрополией. Это, собственно, он и стремился сделать в дальнейшем. Хорошо еще, что карфагеняне находились в Северной Италии, однако было ясно, что одним из важнейших для Ганнибала может оказаться прорыв в Южную Италию, что было вдвойне опасно — из-за угрозы мгновенной потери многочисленных городов-союзников Юга и в силу того, что оттуда пунийский полководец мог установить непосредственный, устойчивый и легко осуществимый контакт с африканским Карфагеном. В этом случае дело римлян было бы проиграно окончательно и бесповоротно. Поэтому усиление группировки флота в Риме воспринималось как задача не менее важная, чем подготовка и экипировка новых когорт.

На фоне тяжелых сражений в материковой Италии, ведшихся на суше, на фоне новых сложностей, множившихся для римлян как снежный ком, чрезвычайно существенными оставались события на побережье Испании и в омывающих Пиренейский полуостров водах. По сути дела именно здесь началось то, что традиционно именуется «войной на море», ибо античные источники рассматривают предыдущие события исключительно как незначительные стычки между кораблями противоборствующих сторон. Находившийся здесь Гасдрубал, как и римляне, также не сидел без дела. За зимние месяцы он серьезно усилил свой флот — отремонтировал и заново оснастил тридцать два корабля, оставленных братом — Ганнибалом — в Испании, а также, в дополнение к ним, построил 10 новых боевых кораблей. Как бы ни казались эти масштабы не соответствующи-

ми морским строительным программам римлян, учтем, что дело происходило в Испании, а здесь римляне держали только лишь полтора десятка судов, которые, к тому же, совершенно однозначно нуждались в ремонте. Поэтому деятельность Гасдрубала дала ему временный и локальный, но чрезвычайно ценный и необходимый численный перевес над флотом римлян и массалиотов.

Итак, имея в своем распоряжении 42 судна и назначив Гамилькара командующим флотом, с наступлением теплой летней погоды Гасдрубал начал действовать. Сам он двинулся вдоль берега из Нового Карфагена, взяв с собой большое количество пехотинцев и конницы. В то же время Гамилькар во главе флота получил приказание двигаться в прибрежной зоне в северо-восточном направлении. По замыслу Гасдрубала, точкой randеву назначалось устье Ибера.

Гней Корнелий Сципион, получив сообщение о готовности карфагенского войска к походу, вначале предполагал дать противнику два самостоятельных сражения, выступив походным маршем с зимних стоянок и отправив навстречу Гамилькару свой флот. Но, получив известия о том, что сухопутное войско карфагенян весьма велико, Гней переменял план. Теперь он решил отказаться от сухопутного сражения и сосредоточить свои усилия на морском театре военных действий. Этот факт показателен сам по себе: не превосходя противника численно на море, римляне, не колеблясь, навязывали ему инициативу, что свидетельствует о высокой степени уверенности в своих силах в этой относительно новой еще для них стихии.

Подготовка была проведена тщательная и достаточно быстрая. Еще раз проверив техническое состояние тридцати пяти своих кораблей, Гней Корнелий отобрал из своего войска наиболее опытных и способных воинов — поскольку они пока не были нужны на суше — и погрузил их на корабли. В составе флота были, как мы помним, и корабли жителей Массилии. Отличаясь хорошей маневренностью, они были совершенно незаменимы, отлично дополняя высокортные и мощные боевые римские корабли. Снявшись с якоря в гавани Тарракона, римская флотилия к следующему дню преодолела небольшое (около 40 миль) расстояние до устья Ибера.

Карфагенский флот уже находился здесь и, по-видимому, не ожидал столь активных действий римлян. Не входя в устье реки со всеми силами, Гней приказал кораблям встать на якорь примерно в двух милях от предполагаемого местонахождения неприятеля, укрывшись за берегом, и выслал вперед для разведки ситуации два небольших и быстроходных массалиотских судна. Убедившись в наличии флота пунийцев в устье реки, массалиоты вернулись назад и сообщили римлянам об этом. Однако прибытие римлян не осталось незамеченным: разведка и у Гасдрубала работала неплохо, поэтому выход римского флота из гавани и его приближение не были для него полной неожиданностью. Кроме того, повсюду в Испании на возвышенностях были выстроены башни, с которых можно было наблюдать приближение разбойников и пиратов, а также выдержать оборону против них. Разумеется, не могло обойтись без подобной башни и устье стратегически важной реки. С ее-то вершины и обнаружили карфагенские дозорные приближающийся римский флот.

Римляне шли, соблюдая тишину, к тому же были еще прикрыты берегом, поэтому на кораблях карфагенян никто и не догадывался о приближении противника — не было слышно ни плеска весел, ни разговоров и команд. Поэтому

срочно переданное многочисленными посыльными, ворвавшимися в лагерь, приказание немедленно грузиться на суда вызвало недоумение и состояние, близкое к панике. Никто вначале просто не понял, почему надо оставить мысли о наземной обороне и готовиться к морскому сражению. В лагере поднялась страшная неразбериха, воины из числа команд кораблей и гребцы бросились по своим местам, что больше напоминало бегство от неприятеля, чем действия по сигналу боевой тревоги. Одни отвязывали швартовы, другие рубили их, спешно выбирали якоря; солдаты мешали гребцам и наоборот — в общем, слаженной подготовки к сражению не получилось. При этом сухопутное войско построилось в большем или меньшем порядке на берегу.

В то же время Сципион, полностью владея инициативой, не только сблизился с противником, но и сделал это в образцовых боевых порядках. Первую линию наступающих образовали римские корабли, вторую — суда массалиотов. Внезапность нападения, хотя она и не была абсолютной, полностью оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Карфагеняне были настолько не готовы к сражению, что о стойкости, вполне ожидаемой в иной ситуации, в данном случае не приходилось и говорить.

Разгорелось сражение. Натиск римлян и массалиотов был чрезвычайно мощным — мотивация была, естественно, на высоте, ибо римляне отлично понимали, что единственный ключ к их общей победе качается на морских волнах в устье Ибера, поскольку на суше в данной ситуации шансов на успех у них было не в пример меньше. Поэтому их действия отличались решительностью и агрессивностью.

Карфагеняне сразу же оказались в положении обороняющихся, что при прочих равных обстоятельствах имеет один явный недостаток, ибо однозначно отдает инициативу нападающим. К тому же наличие на берегу, близ лагеря, собственного большого и хорошо вооруженного войска сыграло с карфагенскими моряками и воинами экипажей злую шутку. Оно само по себе, самим фактом существования и присутствия, вредило духу тех, кто сражался на море. Эти шеренги воинов не столько ободряли и внушали уверенность — поскольку реально ничем помочь морякам не могли, — сколько внушали мысль о возможном отступлении под надежную защиту лагеря. Поэтому боевой дух карфагенского флота испытал серьезный натиск. Соблазн отступить перед натиском римлян оказался слишком велик, и карфагеняне не стали упорствовать. В бою они потеряли два корабля вместе с их экипажами, а еще на четырех судах были сломаны практически все весла и погибла или была выведена из строя большая часть воинов на борту. Поэтому, видя не очень удачное для себя начало схватки, карфагеняне вскоре почли за лучшее отступить, бежав на сушу под прикрытие своих войск. Поддавшись панике, они направляли свои суда к берегу и в большинстве своем выбрасывались на отмель, покидая корабли и опрометью бросаясь к боевым порядкам своей пехоты. К тому же изначально боевой дух экипажей был не слишком высок — ведь это были в основном набранные в Испании местные моряки и капитаны, а не карфагеняне.

Победа была полной и безоговорочной. В довершение ее римлянам достались богатейшие трофеи. Римские и массалиотские корабли смело подходили к берегу, пользуясь своей недостижимостью для воинов, выстроившихся на суше. После этого команды и воины проворно заводили буксирные концы на корму оставших-

ся бесхозными кораблей карфагенян. Хорошая погода и спокойная вода в устье крупной реки облегчали задачу; никакого реального сопротивления противник уже не оказывал, к тому же в битве наступил тот самый переломный момент, когда паника, растерянность и недоумение достигают наивысшего предела. Волна карфагенян отхлынула от берега — возможно, они еще могли бы что-то предпринять, если бы у них было побольше времени. Однако римляне блестяще воспользовались моментом и не стали мешкать. Взяв на буксир все те корабли, которые не были безнадежно повреждены или не сидели на мели слишком прочно, чтобы поддаваться усилиям римских гребцов, римляне двинулись прочь от берега.

Радость победителей была безгранична. Следует признать, что и в самом деле столь блестящая операция заслуживала того, чтобы ею гордились и чтобы эту победу праздновали. Совершив молниеносный набег, не обладая численным превосходством и даже уступая в этом отношении врагу, римляне одержали верх. Пунийцы разом лишились практически всего своего флота, который был построен и оснащен с немалыми усилиями. В результате операции было захвачено двадцать пять кораблей и еще несколько судов полностью выведены из строя — так что их использование было уже невозможно. Учитывая, что захваченные корабли автоматически входили в состав римско-массалиотского флота (основная их часть была передана римлянами своим верным союзникам), эта победа была вдвойне болезненной для Карфагена и кардинально изменяла общее соотношение сил на испанском направлении — по крайней мере, на море. В течение часа с небольшим ситуация в войне на этом театре подверглась столь резкой перемене, о которой сами римляне могли только мечтать, хотя, естественно, стремились именно к чему-то подобному.

Сразу после битвы римляне, не останавливаясь на достигнутом, решили закрепить успех. Их флот немедленно отправился вдоль побережья к городу Онуса (современная Валенсия), который и был с ходу взят штурмом и разграблен. Вслед за тем они совершили рейд в самое сердце иберийских владений противника — к Новому Карфагену. Флот карфагенян был уничтожен, поэтому на море опасаться Сципиону было уже нечего. Однако на суше у него, напротив, не было никаких шансов: о серьезном ущербе, тем более о штурме самого Карфагена, разумеется, не приходилось и думать. Тем не менее римляне, высадившись неподалеку от города, от души предались разорению окрестностей и даже подожгли деревянные посады, примыкавшие к городским стенам и предвратные укрепления. После этого флот, нагруженный немалой добычей, отбыл в область Лонгунтика, где на берегу римлян поджидал еще один, и весьма ценный, трофей. Дело в том, что Гасдрубал складировал здесь сырье, привезенное для нужд своего флота, — спарт (эспарто), волокнистое растение, из которого изготавливали не только прочные канаты и веревки, но и грубую ткань, годившуюся для парусов. Сципион погрузил на корабли столько спарта, сколько было необходимо для римлян, а остальное моряки сожгли здесь же на берегу.

Однако и на этом поход не был закончен. Пройдя вдоль берега, римляне направили свои корабли к Балеарским островам. Достигнув ближайшего из них — Эбуса (современная Ибица), они два дня осаждали расположенный на нем город; однако поняв, что взять его не удастся, занялись грабежом окрестных деревень. Римский флот обогатился здесь гораздо большей добычей, нежели на материке; римляне уже собирались отплывать, когда к Сципиону явилось посольство, пред-

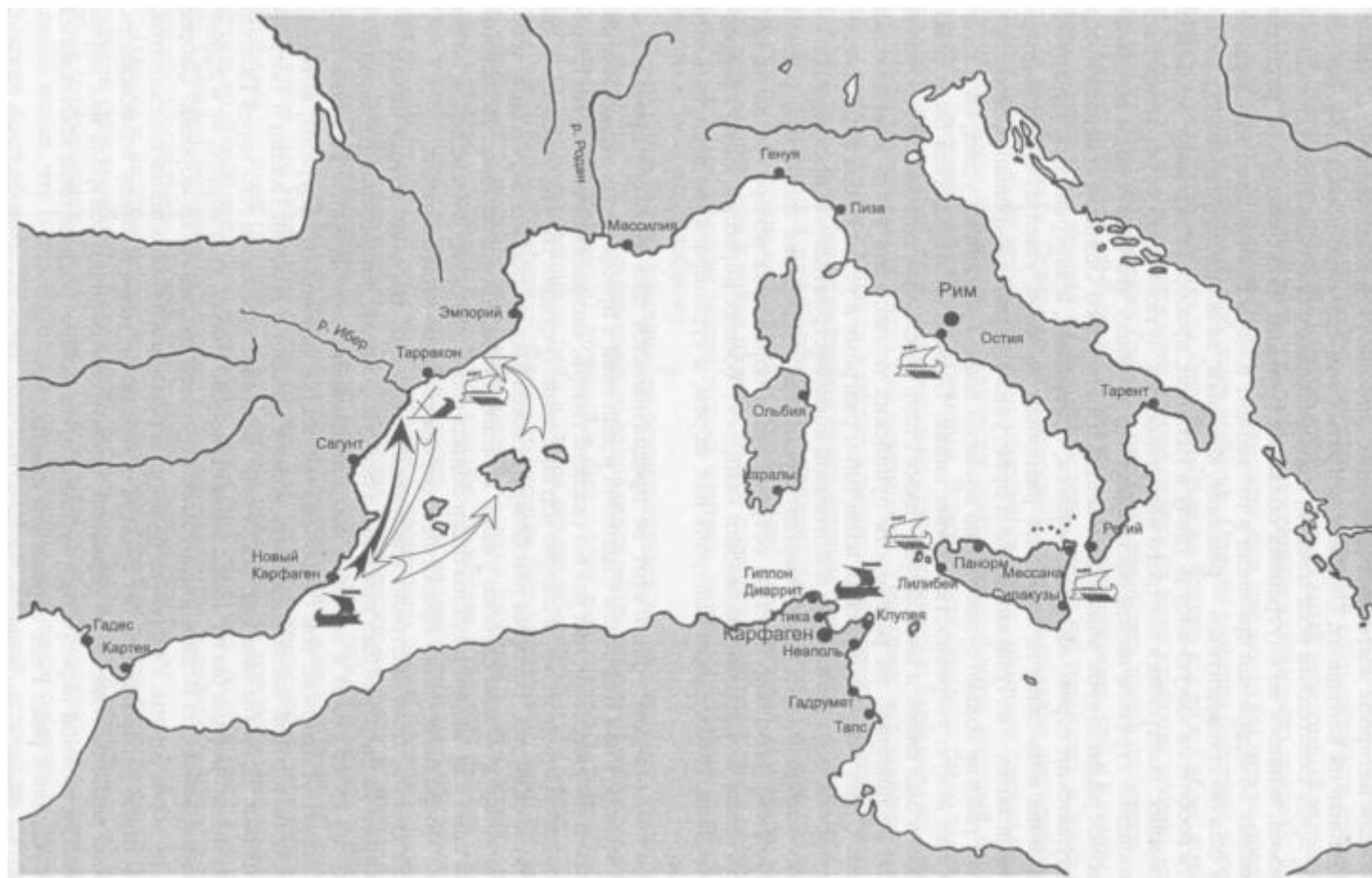
ставлявшее интересы жителей Балеарских островов, с целью заключить перемирие. Отплыв на континент, Сципион встретил там еще одно посольство, отправленное представителями всех племен, проживавших в бассейне Ибера, а также и от племен, живших во внутренних областях Испании. Всего около ста двадцати племенных объединений признали в тот момент власть Рима и дали заложников. Успех был беспрецедентным — римляне, которым, казалось, трудно было рассчитывать вообще на какую-нибудь удачу в Испании, приобрели огромное влияние в этих землях. Настроения местного населения, как чуткий прибор,отреагировали на изменение стратегической обстановки — в ту эпоху это было одним из самых надежных индикаторов положения вещей. После этого Сципион совершил рейд к Кастулонским горам, на чем кампания, собственно, и завершилась. Гасдрубал же, не имея возможности помешать римлянам на море, ушел со своим войском далеко на запад — в Лузитанию, где и приступил к переформированию своих сил.

Этот рейд не только существенно повысил шансы римлян на успех, но и вдохнул в них новую уверенность в своих силах. Однако расслабляться было рано. Карфаген был силен и настойчив — даже столь бесславное поражение его флота нимало не повлияло на решимость пунийских командиров взять немедленный реванш. Сразу после получения известий о разгроме в устье Ибера карфагеняне приступили к осуществлению масштабной кораблестроительной программы. Поскольку материальная база, навыки строителей и средства позволяли решить эту проблему довольно быстро, острота этого поражения вскоре сошла на нет. Карфагеняне немедленно заложили семьдесят боевых кораблей — они прекрасно понимали, сколь важен контроль над морем, и стремились его вернуть всеми силами.

Причем, отметим, флот этот не предназначался для простого противодействия эскадре Гнея Корнелия Сципиона и действий в прибрежных водах Иберии. Карфагеняне задумали, как мы бы сказали теперь, «асимметричный ответ», преследующий одновременно и далеко идущие цели. В сущности, это был очередной стратегический ход, который неизбежно должен был воспоследовать в силу того, что Ганнибал все-таки глубоко увяз в Италии и нуждался в помощи. Испанские войска рано или поздно должны были попытаться прийти ему на помощь, и битва в устье Ибера была лишь прологом к осуществлению этой попытки.

Собственно, дело обстояло следующим образом. Весенне-летний поход Гамилькара и Гасдрубала был призван, в первую очередь, ликвидировать досадную помеху на сухопутном и прибрежном направлениях сообщений с Италией. Это была попытка прорыва той (впрочем, не вполне надежной) преграды, которую представляли собой экспедиционные войска римлян в Южной Галлии и Восточной Иберии. Если бы она удалась, то не вызывает сомнения, что через Галлию карфагеняне бросили бы на помощь Ганнибалу не только этот корпус, но и дополнительные войска из Испании. Как была бы осуществлена эта переброска? Скорее всего, не через Альпы. Разгромив форпосты римлян и их союзников-массалиотов, карфагеняне расправились бы с частью угрозы на море и имели возможность, построив несколько десятков кораблей, попытаться вернуть контроль над морем для безболезненной переправы в Италию всего войска посредством каботажных рейсов. Смелый рейд Гнея сорвал эти планы.

Тем не менее сама идея прорыва в Италию не исчезла; более того, возник еще более грандиозный замысел. Вновь построенные 70 кораблей предназнача-

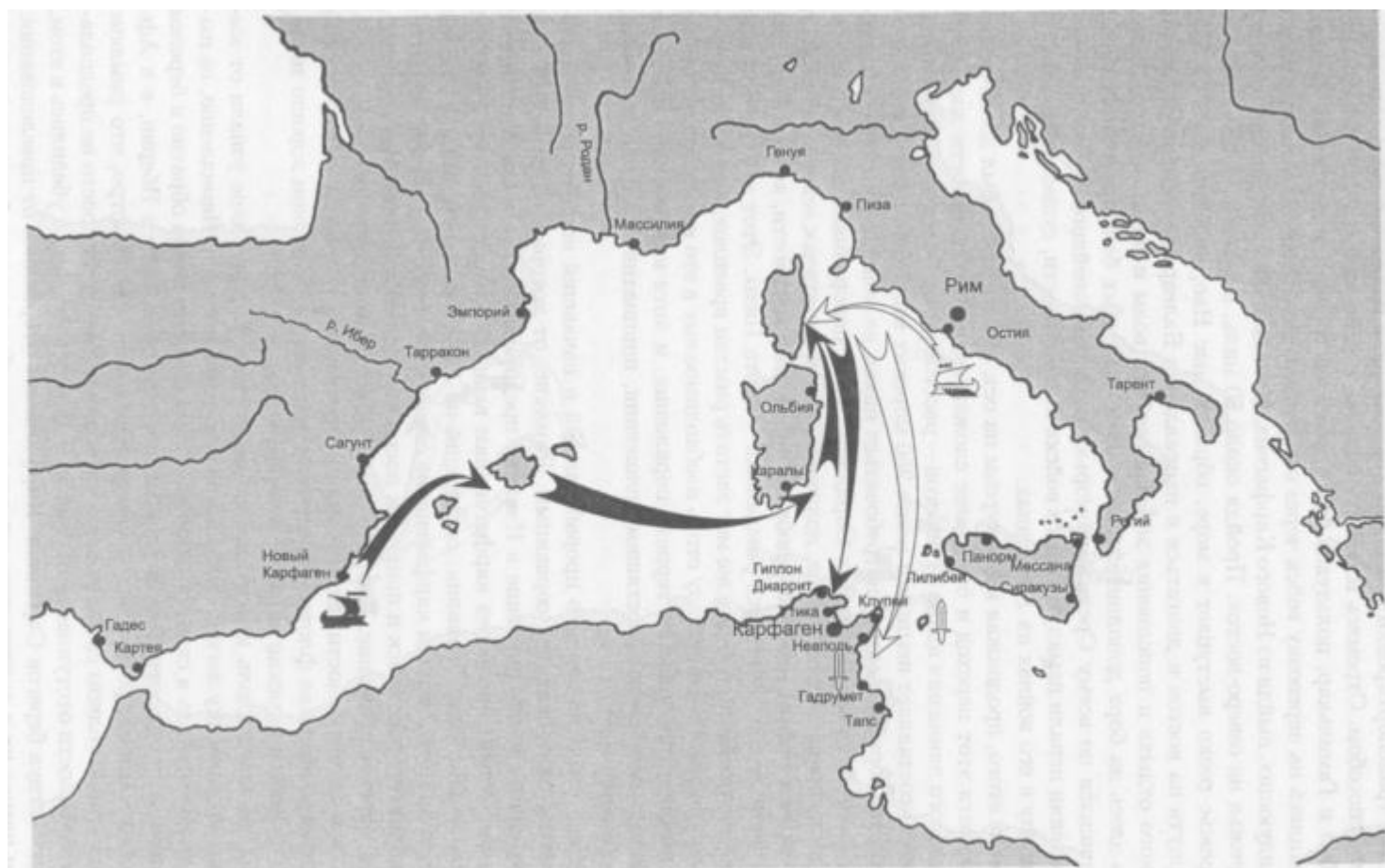
Боевые действия флотов 217 г. до н. э. Испанская операция

лись для транспортировки войск непосредственно в Италию, однако совершенно другим способом. Стремясь избежать встречи с усилившимся флотом Гнея, Гасдрубал и Гамилькар, пользуясь благоприятной и еще вполне летней погодой, отважились на перевозку войск через открытое море. По замыслу карфагенских командующих, выйдя из Нового Карфагена, флот должен был отправиться вдоль побережья на северо-восток. Пройдя около 80 миль, в том месте, где испанское побережье резко выступает в море, образуя мыс Нао, корабли должны были повернуть на восток и двигаться в направлении Балеарских островов. Помимо краткого отдыха и пополнения запасов пресной воды и пищи, предполагалось взять здесь на борт дополнительные войска — местных балеарских пращников, славившихся по всему Средиземноморью, а также копейщиков. Эти союзники карфагенян играли немалую роль в войска и, в частности, существенно помогли Ганнибалу в его войнах на Апеннинах.

После этого, продолжая идти курсом на ост, флот должен был достичь Сардинии, хотя этот переход и был более сложен ввиду необходимости достаточно длительного движения вдаль от берегов — расстояние от Балеарских островов до Сардинии составляет немногим менее 250 морских миль и на преодоление этого расстояния кораблям могло потребоваться никак не менее двух суток, а скорее всего, даже больше. Достигнув Сардинии, флот поворачивал на север и, следуя вдоль корсиканских берегов, должен был приблизиться к североиталийскому побережью в районе наиболее удобного порта этой местности, который чрезвычайно активно использовался римлянами — порта Пизы. Этот рейд, пусть и не слишком стремительный, все же мог застать римлян врасплох, а самое главное — позволял доставить Ганнибалу столь необходимое ему в это время подкрепление. Ведь римляне продолжали терпеть поражения, и хотя карфагеняне в Италии находились не в самом блестящем положении, инициатива на суше полностью принадлежала им.

Однако столь тщательно проработанный и начавший вполне сносно реализовываться план оказался сорванным. Римляне, от которых не укрылась подготовка флота и его движение в Италию, предприняли классический перехват. Из Рима (Остии) наперерез карфагенянам вышел большой римский флот под командованием Гнея Сервилия, состоящий из 120 квинкверем. Мало того, что эти корабли превосходили карфагенские своей численностью — на них не грузили дополнительных войск и припасов, поскольку целью операции был не десант, а лишь морское сражение. Поэтому римский флот имел преимущество и в скорости, и в маневренности. Собственно, о регулярном сражении нечего было и думать: карфагенские флотоводцы к тому времени уже слишком хорошо знали, на что способны римские корабли в морском бою.

Уже двигаясь вдоль корсиканского побережья, карфагеняне узнали от высланных на разведку легких судов о приближении этих сил. Немедленно, не пытаясь даже вступить в схватку с противником, они повернули обратно к берегам Сардинии, а оттуда отплыли в Карфаген — уже не Новый, в Иберии, а в Африканский. Причем ретирада эта совершилась настолько быстро, что римляне даже не успели толком среагировать — вероятнее всего, они просто не предполагали возможности отступления иберийского флота в Африку и убедились в этом, лишь достигнув берегов Сардинии. Карфагеняне оторвались от преследования, причем рвение их в достижении спасительных собственных побережий было, во

Боевые действия лета 217 г. до н.э. Попытка карфагенского десанта и десанты римлян

всяком случае, большим, нежели в достижении италийского берега. Как бы то ни было, погоня за карфагенянами не достигла цели: даже более быстроходные корабли римлян, не имевших точного представления о том, каким именно курсом ушли враги, не смогли установить с ними контакт. Поняв, что догнать противника не удастся, Гней Сервилий прекратил преследование и отдал приказ идти на восток, к Сицилии. Войдя в гавань Лилибея, он дал флоту небольшой отдых, пополнил запасы и все же продолжил плавание к Африке. Здесь, близ берегов Ливий, он, вероятно, чтобы не чувствовать обиды от «безрезультатной» экспедиции, путем демонстрации силы получил немалую дань с жителей одного из островов — Керкины. Те согласны были откупиться десятью талантами серебра, лишь бы римляне, громадный флот которых производил должное впечатление, не пристал к берегу и не вздумал хотя бы безвозмездно обеспечить себя всем необходимым, не говоря уже о прямом грабеже «излишков».

Кроме того, было осуществлено десантирование на побережье Африки — впрочем, вдали от крупных населенных пунктов. Римляне так увлеклись грабежом, что внезапное нападение карфагенян заставило их спешно отступить на корабли, потеряв не менее тысячи человек, после чего флот отплыл в Италию.

На обратном пути Гней захватил небольшой, но очень важный остров Коссира, находящийся на полпути от Сицилии до мыса Меркурий — ближайшей точки, подвластной Карфагену. В городке на острове был помещен достаточно мощный гарнизон, благодаря чему римляне получили возможность сделать первый и очень существенный «шаг через море» в сторону карфагенской метрополии и завладели прекрасным наблюдательным пунктом в центре южного театра боевых действий.

После этого рейда флот Гнея Сервилия вернулся в Лилибей и встал на якорь на рейде этого города. Пехотинцы были сведены на берег и размещены в городе, а сам Гней некоторое время еще оставался на кораблях, отдавая приказания и оценивая обстановку, после чего также присоединился к своим сухопутным войскам. Извещение о победе — бескровной и существенной — было незамедлительно отправлено в Рим, поскольку в сложившейся ситуации для римлян вести об успехах были, пожалуй, даже важнее, чем подкрепления и новые корабли. Зимой 217-216 гг. флот Гнея Сервилия вернулся в Рим.

Таким образом, попытка непосредственной поддержки войск Ганнибала провалилась — и провалилась в первую очередь благодаря совершенному господству римлян на морских коммуникациях вблизи Италии. Воспрепятствовать этому можно было, только блокировав и захватив порты Италии и лишив римлян их морских баз. Единственным, кто был в состоянии это осуществить, был Ганнибал, однако его армия была совершенно не в состоянии штурмовать города либо подвергать их длительной осаде. Поэтому реальных рычагов для воздействия на ситуацию карфагеняне не имели.

Получив сообщение от Гнея Сервилия, римский сенат лишний раз убедился в том, что иберийское направление продолжает оставаться чрезвычайно важным для всей римской политики в условиях ведущейся войны. Именно поэтому во главу угла иберийской политики сенаторы однозначно поставили усиление римского влияния. Отданные в этом контексте распоряжения были направлены на укрепление группировки войск в Испании. Опасаясь захвата карфагенянами новых территорий в восточной части Пиренейского полуострова, что резко увеличило

бы количество доступных ресурсов и позволило бы отправлять подкрепления в Италию, римляне прилагали все силы к тому, чтобы сделать испанский фронт неприступным барьером для новых проникновений карфагенских войск на восток. Однако, учитывая то обстоятельство, что римляне были стеснены в смысле набора новых воинских контингентов даже для задействования их на итальянском фронте, нетрудно понять — основной упор должен был быть сделан на интенсификации боевых действий, а не на количественном росте формирований.

В то же время войскам в Испании помогли и традиционным способом — посылкой подкреплений. Вскоре в направлении Испанских берегов отправился конвой из 20 судов под командованием Публия Сципиона, брата Гнея. Такое количество кораблей не является случайным: соединение должно было заменить те 20 кораблей массалиотов, которые до этого составляли более половины иберийского флота. В результате численность уже собственно римской группировки в Испании доводилась до прежней — 35 кораблей, не считая союзных сил. На шедших из Рима кораблях находилось около восьми тысяч солдат, которые должны были усилить иберийскую группировку как на суше, так и на море, а также большое количество продовольствия и припасов.

Прибыв в Иберию, Публий соединил свои войска с войсками брата, и они совместными усилиями сразу же приступили к новым действиям. Усиление западной группировки позволило римлянам совершить шаг стратегического значения — впервые их войска перешли реку Ибер и углубились в земли, подконтрольные Карфагену. До сего времени они не отваживались на такие рейды. Флот постоянно обеспечивал морской фланг наступления, снабжая войска и прикрывая их от возможных нападений с моря. Зимой был отправлен еще один конвой в Иберию, на этот раз не с подкреплением, а лишь с продовольствием и амуницией.

Так закончился 217 г. — второй год войны. Наступила зима, снизившая накал боевых действий на море. В результате кампании 217 г. римляне вновь продемонстрировали, что именно они владеют морским пространством. Можно по-разному оценивать их действия, но непреложным остается факт: во всех случаях морских столкновений карфагеняне терпели урон — от необходимости отступить без выполнения поставленной задачи (Сардиния) до потери практически всего флота (Ибер). Сама демонстрация военно-морской мощи и ее наличие в ходе этого сезона боевых действий предотвратили серьезную угрозу для римлян в Италии. Несмотря на сохранявшуюся способность карфагенян к быстрой и качественной постройке новых кораблей в массовых масштабах, в результате инициатива на морях принадлежала всецело их противникам. Тирренское море полностью контролировалось римлянами, а на африканском и иберийском направлениях их превосходство было отчетливо заявлено.

В разгар активности флота в самой Италии для непосредственной охраны Рима и побережья Тирренского моря оставалось всего лишь 15 кораблей. Отправив в погоню за карфагенянами 120 квинкверем, римляне временно оголили собственные внутренние воды, однако к концу года статус-кво был восстановлен: 135 кораблей вновь базировалось на Рим (Остию), 35 находилось в Испании и 50 — в Лилибее, т.е. диспозиция, сложившаяся в первый год войны, продолжала соблюдаться.

В то же время 217 г. был отмечен и еще одним немаловажным событием. Ведь началом массового отпадения союзников в Центральной и Южной Италии дело

не ограничилось. Именно с этого года стал намечаться новый фронт войны, возникновение которого было крайне невыгодно для римлян со всех точек зрения, к тому же это могло стать той самой последней каплей в чаше, или последней соломинкой на спине верблюда. Дело в том, что именно с этого года возникает угроза вступления в войну против Рима Македонии. Царь Филипп Македонский усиливает свое присутствие в Адриатическом море и совершает первые нападения на римские владения.

Предыстория этих событий была такова. Юный и энергичный, храбрый и удачливый Филипп, несомненно, вдохновлявшийся примером своих знаменитых предшественников-земляков, и в первую очередь Александра Великого, лелеял далеко идущие планы. Сейчас уже трудно сказать, какая именно степень «мирового» господства могла бы удовлетворить этого честолюбивого властителя и толкового полководца, однако остается фактом, что доминирующим направлением в его притязаниях до 217 г. оставалась Греция и Балканский полуостров в целом. Филипп, талантливый геополитик, отлично понимал значение и привлекательность также и Иллирии, бывшей одной из жемчужин античного Средиземноморья. Поэтому, если говорить о стратегических направлениях его агрессии, среди них выделяются южное и западное — греческое и иллирийское. В затяжной греческой кампании регулярно и весьма активно, хотя и не в очень больших масштабах, применялся флот. Так что нельзя сказать, что римлянам противостоял противник, неискушенный в морском деле. К тому же за Филиппом стояла многовековая история эллинской морской цивилизации, по отношению к которой традиционно сухопутные македоняне были хотя и приемными, но все же детьми.

Учитывая характер взаиморасположения Македонии и зависимых от нее стран, с одной стороны, и Рима — с другой, становится понятно, что морские коммуникации и владение морем были важны для этого столкновения не менее, чем для войны с Карфагеном, а возможно, даже в большей степени. Так, если карфагеняне находились в непосредственной близости от Италии и располагали, если можно так выразиться, общей морской границей с Римом, то македонцы вынуждены были действовать с баз, расположенных в завоевываемых землях по побережью Адриатики: базы Южной и Западной Греции были слишком удалены от Италии. Иными словами, в 217 г. Филипп находился в несколько менее выгодных условиях для развязывания морской войны.

Тем не менее македоняне, постоянно отслеживая обстановку, были в курсе всех основных событий в Центральном и Западном Средиземноморье. От них не укрылся факт постепенного ухудшения положения римлян в 218–217 гг. В разгар боевых действий в Этолии в 217 г. Филипп прибыл со своими друзьями и сподвижниками в Аргос на немейское празднование. Царь как раз наслаждался зрелищем гимнастических состязаний, когда к нему привели гонца из Македонии, спешно мчавшегося со срочным письмом. Известие, содержащееся в нем, состояло в том, что римляне разбиты в большой битве в Северной Италии и поле сражения осталось в руках Ганнибала. Филипп, отлично понимая значимость события, не стал, между тем, делиться полученными сведениями даже со своим окружением, сообщив об этом только одному из своих союзников и советников, Деметрию из Фара. Тот, по здравом рассуждении, рекомендовал царю как можно скорее воспользоваться удачно складывавшимися обстоятельствами. Он советовал возможно быстрее завершить войну с этолянами, учитывая, что большая

часть Греции была к этому времени уже замирена и в общем македоняне вполне прочно удерживали над ней господство. Филиппа ожидали, по словам Деметрия, гораздо более важные дела на западе. Деметрий рекомендовал немедленно организовать покорение Иллирии и, утвердившись там и получив относительно устойчивый контроль над портами адриатического побережья, начать завоевание Италии. Трудно представить, чтобы подобные предложения не нашли отклика в сердце честолюбивого македонского властителя.

Деметрий сказал Филиппу, что завоевание Италии, в сущности, не самоцель: это всего лишь первый шаг к завоеванию всего Средиземноморья (что в традициях той эпохи было почти что равноценно мировому господству). Это, добавил Деметрий, приличествует ему более, чем кому-либо иному. И именно теперь, когда римляне сокрушены и разбиты, для этого настал вполне подходящий и благоприятный момент.

Разумеется, слова друга упали на благоприятную и вполне подготовленную почву. Филипп был и сам склонен полагать, что следует действовать, в том числе и в западном направлении, а теперь, располагая, что называется, независимым мнением советника, укрепился в своих мыслях. Не раскрывая перед остальными соратниками всех своих замыслов, царь созвал их и предложил обсудить перспективы мира с этолянами, к каковым перспективам приближенные отнеслись с должным энтузиазмом. И тогда Филипп начал действовать.

То, что царь предпринял в Греции, свидетельствовало о грамотном и психологически выверенном отношении к противнику. Желая заключить мир на наиболее выгодных для Македонии условиях, Филипп не только не снизил активности боевых действий, но, напротив, всемерно их интенсифицировал. Параллельно с этим к этолянам было отправлено посольство во главе с уроженцем города Навпакта Клеоником. В то время, как посольство разворачивало свою деятельность, Филипп предпринял стремительные морские рейды. Отправившись в Коринф, он взял стоявшие там корабли и сухопутное войско и отправился в Эгий, а оттуда двинулся к Ласиону, захватил укрепления в Периппиях и всячески делал вид, как будто хочет вторгнуться в Элею. Действуя напористо и энергично, царь демонстрировал желание совершить как можно больше территориальных захватов и, как могло показаться, рассматривал заключение мира как не слишком желательное для себя решение вопроса. В конце концов, когда Клеоник не менее трех раз съездил на переговоры, царь с отлично разыгранным сожалением уступил просьбам этолийцев начать переговоры о мире.

Приостановив военные действия, он отправил к союзным греческим городам гонцов с письмами об условиях проведения переговоров, а сам со своими войсками и флотом переправился на противоположный берег залива и расположился лагерем около Панорма, гавани Пелопоннеса. И вообще, в ожидании прибытия посольства, Филипп то и дела перебирался с войском и флотом на новое место, разбивая там лагерь и «играя мускулами». В конечном счете на вполне приемлемых для обеих сторон условиях мир был заключен. Руки у Филиппа были развязаны, и ничто теперь не мешало ему заняться западной политикой.

Македоняне справедливо полагали, что, вне всякой зависимости от того, как пойдут дела в Италии, ничем хорошим для окружающего мира это не кончится — если, конечно, не вмешается кто-то агрессивный и сильный. Победят ли итальянцы или одержат верх карфагеняне — и в том, и в другом случае победившая

сторона всемерно усилится и, получив новые земли, подданных и ресурсы, приступит к дальнейшим завоеваниям. Победитель в этой войне станет господином Западного Средиземноморья, а это уже крайне серьезная заявка на мировое господство. Любопытно, что и македонские стратеги, и писавший об этом Полибий, и многочисленные современники вряд ли даже догадывались, насколько близки они были к истине. В лучшем случае для большинства современников эта война была войной за выживание между Римом и Карфагеном. В этом как раз прекрасно отдавали себе отчет многие. Но вот последующие события — события, отстоящие от описываемых на века — показали, что именно в этом году решались судьбы не только Италии и Карфагена, но и, по сути, всего человечества. Победа при Каннах имела все шансы разом отменить ту Историю, которую мы знаем из учебников и исторических сочинений, и сделать достоянием человеческой памяти совсем иную череду событий и действующих лиц. Неудивительно, что Филипп вмешался в ход боевых действий. Это был его шанс, и шанс, надо признать, вполне весомый и отнюдь не призрачный. Советники указывали ему, что продолжать разорять Элладу и настраивать против себя эллинов в данной ситуации было бы уже безумием — напротив, в их лице следовало искать союзников против гораздо более серьезных врагов на Западе. «Если царь допустит только, чтобы поднимающиеся теперь с запада тучи надвинулись на Элладу, то следует сильно опасаться, как бы у всех нас не была отнята свобода мириться и воевать и вообще устраивать для себя взаимные развлечения — отнята до такой степени, что мы будем вымаливать у богов как милости, чтобы нам вольно было воевать и мириться друг с другом, когда хотим, и вообще решать по-своему наши домашние распри», — этими словами Агелай, один из ближайших сподвижников царя, поставил точку в любых возможных колебаниях.

Таким образом, на третьем году войны с Карфагеном, в наиболее критический момент, как бы для того, чтобы продемонстрировать брэнность всех земных устремлений и истинность латинской поговорки о мирской славе, судьба «подарила» Риму нового врага. Однако реальный результат подобного приобретения был гораздо более значимым. Фактически после 217 г. конфликт Италии и Карфагена перерос в своего рода небольшую мировую войну — вполне в масштабах того времени. Дело в том, что с этого момента, благодаря замешанности Филиппа в восточных делах и войнах эллинистического мира, практически все значимые участники политических подмоетков Азии и Восточного Средиземноморья вникали в ход Пунической войны и обменивались посольствами то с карфагенянами, то с римлянами. События в Италии встали в ряд главных политических новостей, циркулировавших на пространствах тогдашней ойкумены. Со своей стороны и римляне стали чрезвычайно бдительно следить за тем, что творится на Востоке, и в первую очередь в Греции. Таким образом, вступление в войну Македонии привело к перерастанию локального, безусловно, конфликта, в войну глобального масштаба, каждый акт которой отзывался эхом по всему античному миру. Одновременно римляне — как бы мало они в тот момент ни задумывались об этом — получили намек на то, в каком направлении может развиваться их экспансия: и в самом деле, Греция вскоре стала очередной добычей победившего и усиливающегося Рима. Впрочем, все это было далеко впереди, а пока на повестке дня стоял вопрос выживания.

Филипп предпринял ряд действий в отношении Иллирии и восточных остро-

вов Эллады с целью обеспечения тылов и баз, после чего приступил к организации собственной экспедиции в Италию. В ходе зимовки 217-216 гг. царь прикидывал свои силы и сообразовывал их с тем, что мог выставить противник. Римляне до этого момента не имели постоянной эскадры в Адриатике. Базировавшийся на Лилибей флот, который постепенно увеличивался, был ориентирован на проведение операций прежде всего к западу и югу от Сицилии и для действий на коммуникациях между Африкой и Европой. Традиционно, в условиях наличия союзных греческих полисов на востоке Сицилии, римляне уделяли явно второстепенное значение этой части побережья, а учитывая отсутствие реальной военной морской угрозы со стороны Адриатики, не принимали мер по наращиванию своей мощи в этой акватории.

Однако чрезвычайно показателен факт: авторитет римлян на море в этот момент был уже столь высок, что Адриатика была как бы превентивно защищена от посягательств со стороны. По крайней мере Филипп, готовясь к экспедиции в Италию, отлично отдавал себе отчет в том, что на море ему противостоит умелый и многочисленный противник. В Иллирии развернулось строительство новых кораблей и подготовка команд, однако эти приготовления велись исключительно для осуществления вторжения на Апеннинский полуостров. Македонский царь отлично понимал, что для морского сражения с римским флотом его сил, даже при условии их чрезмерного напряжения, явно недостаточно. Потенциал Македонии для этого был слишком мал. Поэтому вся ставка изначально делалась на внезапную и массовую переброску в Италию значительного контингента сухопутных войск. Эта операция должна была кардинально изменить соотношение сил на полуострове — и римляне, и карфагеняне напрягали все свои силы в схватке, и даже незначительное вмешательство могло разрушить то крайне неустойчивое равновесие, которое складывалось в эти месяцы.

Переправа должна была осуществляться интенсивно, войска высаживались в нескольких пунктах на восточном и юго-восточном побережье Апеннинского полуострова, деморализуя противника и готовя базы для приема новых контингентов македонян. Филипп, оценивая шансы, пришел к выводу, что наиболее удачным в данной ситуации было бы применение судов иллирийского типа, популярных по эту сторону Адриатики. И об этом следует сказать особо.

Не будет преувеличением утверждение, что на адриатических волнах в 216 г. впервые на арену международной политики вышли корабли будущего — знаменитые либуры. «Корабли иллирийского типа», на которые возлагал надежды Филипп Македонский, были, собственно говоря, те самые *naves liburnae*, корабли одного из наиболее могущественных иллирийских племен — либурнов. Применение этих кораблей, унаследовавших традиции эллинского судостроения и воплотивших самобытный талант своих создателей, кораблей легких, подвижных и одновременно достаточно вместительных, позволяло и в самом деле рассчитывать на успех всей операции. И как бы ни складывалась обстановка на «восточном фронте» римлян и дальнейшая история их военно-морских сил, первый шаг к использованию либурн в римском флоте был сделан именно сейчас.

Филипп предпринял масштабное строительство флота: была заложена сотня либурн, которые были достаточно быстро спущены на воду и оснащены. После этого войско, распущенное на зимние квартиры, было вновь собрано по приказу царя и стало готовиться к походу. Тем временем проводилась подготовка экипа-

жей — на слишком привычные к морскому делу македонские гребцы на новых кораблях спешно овладевали премудростями этой профессии и в короткий срок достигли вполне приличного уровня для того, чтобы на них можно было полагаться, по крайней мере при переправе в Италию. Завершив курс обучения экипажей, Филипп погрузил войска на суда и вышел в море. Двигаясь на восток и достигнув острова Кефалления, он бросил якорь и стал ждать известий. Разведданные вскоре поступили — соглядатаи царя докладывали, что римский флот находится в Лилибее (это была та самая постоянная эскадра в 50 кораблей, наличие которой в этом порту с самого начала войны было для римлян необходимым минимумом). Успокоенный этими известиями, царь смело вышел в море, направляясь в сторону крупнейшего города Иллирии — Аполлонии.

И вот тогда события стали развиваться совершенно неожиданным образом. Флот македонян уже подходил к устью реки, не которой располагалась Аполлония, когда во время очередной вечерней стоянки перед последним переходом корабли Филиппа догнали несколько лодок, находившихся в аррьергарде. Их экипажи сообщили, что мимо них только что прошли какие-то лодки, плывущие из Ионийского залива, а люди, сидевшие в этих лодках, уверяли, будто бы они недавно оставили позади себя близ Регия римские квинкверемы, двигавшиеся в сторону Аполлонии. Паника, которая поднялась в македонском флоте при этом известии, трудно поддается описанию. Нечто подобное, пожалуй, творилось в самом начале Первой мировой войны, когда замеченный над водой предмет, хотя бы и отдаленно напоминавший перископ, приводил в замешательство целые флоты, заставляя их изменять курс и отказываться от осуществления предписанных задач. Филипп и его окружение немедленно представили себе, что разведка доставила неверные или устаревшие сведения, и весь римский флот — вернее, сицилийская эскадра — теперь движется по пятам македонского флота. Поэтому, не мешкая ни минуты, царь приказал сниматься с якоря и спешно двигаться обратно к Кефаллении, стараясь держаться не очень близко к берегу. В величайшем беспорядке и смятении это приказание было, наконец, исполнено, и македонский флот в полном составе со всей возможной скоростью отправился к гаваням острова. Они шли день и ночь, и лишь пристав к побережью Кефаллении, Филипп почувствовал себя в безопасности. Недоумение местных жителей царю пришлось неуклюже рассеивать, выдумывая историю о том, что лишь необходимость устроить некоторые дела в Пелопоннесе заставила его спешно повернуть назад. Стремление царя сохранить лицо вполне объяснимо, однако вряд ли многие ему поверили.

Между тем македоняне фактически испугались собственной тени. Римляне тоже располагали разведывательной информацией. Не всегда используя собственных шпионов, они получали известия и от своих вольных или невольных союзников. Так получилось и в этот раз. Скердилаид, один из самых последовательных противников Филиппа, узнав о строительстве последним большого числа кораблей, через своих послов незамедлительно уведомил об этом римлян, одновременно попросив у них помощи (что, собственно, было к общей пользе и той, и другой стороны). Римляне пошли на очень серьезный риск, отправив к берегам Балканского полуострова небольшую эскадру из десяти кораблей, выделив их из числа судов лилибейской эскадры. При прочих равных условиях эти суда могли быть попросту захвачены «москитным флотом» Филиппа. Именно их и

повстречали македоняне возле Регия. Произошедшее предельно ясно демонстрирует то грандиозное значение, которое имел римский флот в это время. Сама мысль о появлении римских кораблей приводила в трепет противника, который отступал, даже не делая попыток уточнить информацию. Между тем македоняне никогда не были столь близки к своей цели — захвату Иллирии, — как в этот раз. Вообще операция в адриатических водах имела все шансы на успех: ведь римляне в 216 г. были слишком поглощены своими неудачами на суше. Но репутация римского флота летела далеко впереди форштивней римских кораблей, рассеивая их противников еще до вступления в битву. Она защищала Рим уже лучше, чем сам флот.

Таким образом, попытка демонстрации силы и прямой интервенции на Апеннины для македонян завершилась полным крахом. Даже не вступив в сражение с противником, Филипп вынужден был вернуться. Потерь он не понес, однако унижение испытал, и немалое.

В самой Италии, тем временем, наступил 216 г. — год страшного разгрома при Каннах. Несмотря на успехи на морях, римляне продолжали нести потери в сухопутных сражениях — как людские и материальные, так и, что не менее важно, моральные — от талантливого карфагенского полководца, который вязался, казалось бы, в совершенную авантюру в глубоком тылу противника.

В эту зиму и весной 216 г. для римлян особенно важной оказалась поддержка союзников в Италии. В частности, на передний план вышло сотрудничество с Гиероном, правителем Сиракуз, который оставался наиболее преданным и надежным партнером Рима на юге. В начале 216 г. Гиерон отправил в Рим морским путем 30 000 модиев пшеницы и 200 000 модиев ячменя (модий — мера сыпучих продуктов, около 8,74 л). Кроме того, римлянам были направлены дополнительные воинские отряды — 1000 пелтастов и 500 воинов с острова Крит, — которые усилили чрезвычайно нуждавшуюся в подготовленных воинах армию Рима. Поскольку тяжелые пехотные войска и конница римлян комплектовались только гражданами Рима и союзниками, Гиерон намеревался усилить легкие вспомогательные отряды своими воинами. Он знал уже, что эти лучники и прашники отлично проявили себя в сражениях с маврами и жителями Балеарских островов, применявшимися в аналогичных целях карфагенянами. Именно поэтому Сиракузы делали Риму этот щедрый подарок.

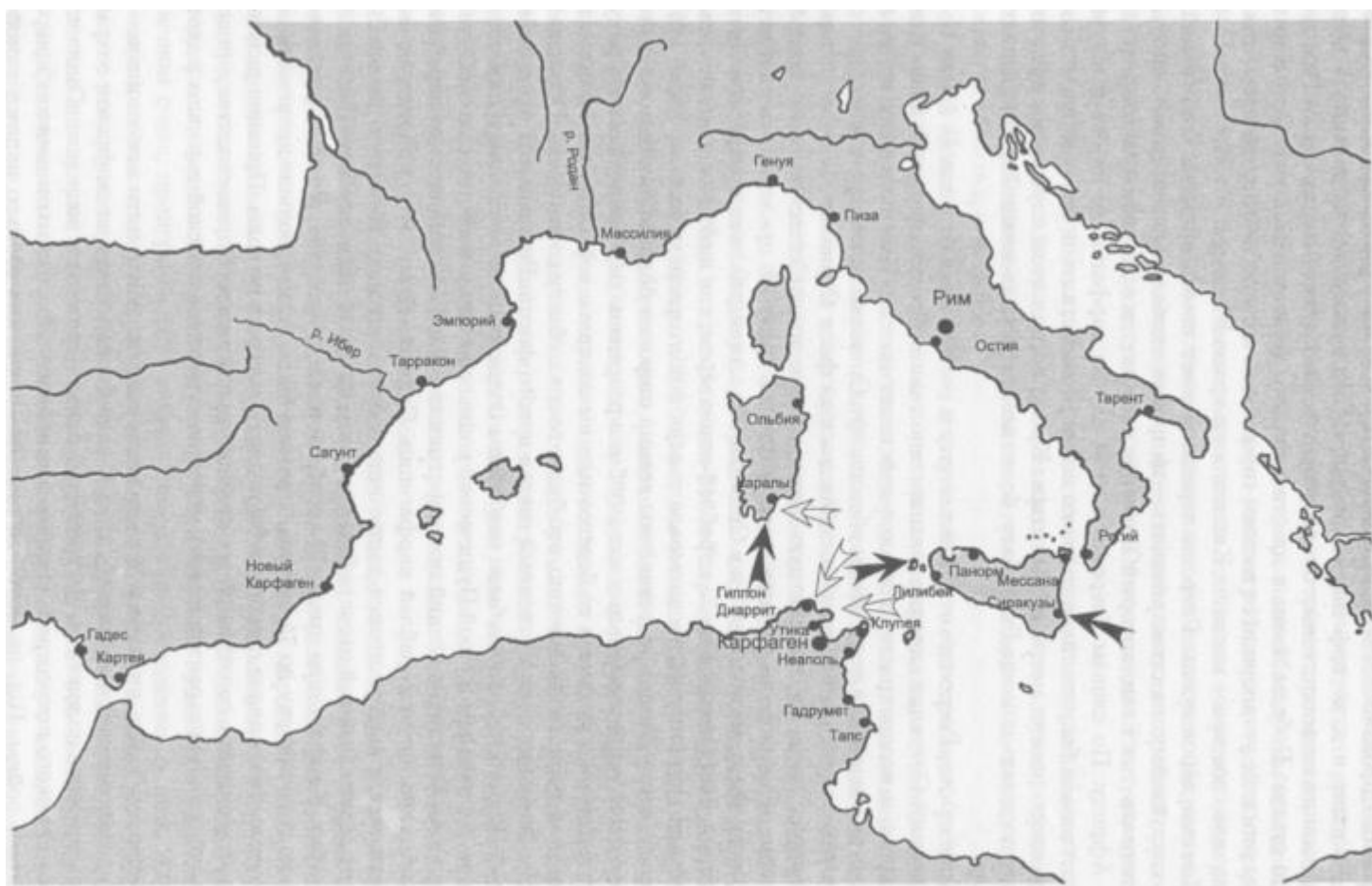
Этот античный «ленд-лиз», сохранявший громадное значение в течение всей войны, стал особенно важен, когда многочисленные союзные Риму города открыто встали на сторону карфагенян после каннского разгрома. Одновременно он демонстрировал колоссальную важность контроля за морскими коммуникациями: именно по ним в первую очередь осуществлялось снабжение Вечного города продовольствием. В условиях, когда большая часть Италии отказала Риму в поддержке, именно эти внешние источники позволили избежать голода и, в конечном счете, проигрыша всей войны. Римское превосходство на море свело на нет, в конечном счете, все победы Ганнибала в Италии. В течение всей войны римляне регулярно осуществляли ввоз продовольствия, прежде всего зерна, не только с Сицилии, но и с Сардинии, а также из Египта. И это несмотря на то, что карфагеняне не оставляли попыток аннексии плацдармов в западной части Средиземноморья, в особенности на островах (ведь балеарско-сардинская экспедиция 217 г. была не последней попыткой вторжения).

Помимо продовольственной помощи Гиерон оказал римлянам и своеобразную — вполне в духе времени — моральную поддержку, преследовавшую цель поддержания их воинственного и патриотического духа. Он отправил в Рим золотую статую Победы весом в двести двадцать фунтов в качестве дара с тем, чтобы римляне установили ее в своем городе навечно, что и было сделано — статуя заняла свое новое место на Капитолии в храме Юпитера.

Помимо даров послы Гиерона передали совет своего владыки, сводившийся к следующему: не стоит мешкать — напротив, необходимо как можно скорее реализовать тот план, который стоял на повестке дня до войны, и вторгнуться в Африку. По словам Гиерона, в этом случае карфагеняне на своей шкуре почувствовали бы, что такое война со всеми ее тягостями, и, несомненно, их воинственного рвения могло поубавиться. Кроме того, в этом случае они вряд ли смогут посылать помощь Ганнибалу, более всего обеспокоенные защитой родного города.

Конечно же, Гиерон не открывал сенату и всем римлянам глаза на некую новую истину. Ситуация складывалась именно таким образом, что сенат и сам уже обсуждал, и неоднократно, вопрос о действиях на юге. Именно в силу этого, а отнюдь не только для того, чтобы обезопасить Сицилию от вторжения, так долго задерживался в гавани Лилибея победоносный флот Сервилия. Потому-то слова Гиерона упали на благодатную почву; однако вполне естественная в данной ситуации осторожность не позволила римлянам сразу же предпринять высадку в Африке. Флот, находившийся в Сицилии под командованием пропретора Тита Отацилия, был увеличен на 25 кораблей-квинкверем, т. е. в общей сложности, сицилийская группировка насчитывала теперь в полтора раза больше судов — 75. Командующему были предоставлены весьма широкие полномочия: помимо патрулирования территориальных вод ему было разрешено переправиться в Африку и вести боевые действия у ее берегов или высаживать войска на континент — в том случае, если, по его мнению, это будет вести ко благу государства. Обращает на себя внимание количественный состав нового флота. Римляне еще со времен Первой Пунической войны были озабочены поддержанием численного паритета на море, а с началом Второй Пунической войны постоянно заботились о том, чтобы на каждом из направлений противостояния с Карфагеном число их кораблей превосходило число кораблей карфагенян. Судя по всему, этот принцип практически всегда выдерживался достаточно последовательно. В рассматриваемый момент главной точкой отсчета был тот флот, который отправился из Испании и был отбит. Карфагеняне имели 70 кораблей и, следовательно, римляне увеличили свою группировку до 75 единиц — меньше было нельзя, больше не позволяли обстоятельства — иначе пришлось бы оголить внутренние воды. Принцип разумной достаточности, сочетавшийся с принципом неизменного превосходства, — так, пожалуй, можно охарактеризовать морскую стратегию римской державы в этот период.

Вероятно, война на море в последующие месяцы могла идти как-то иначе — совершенно неизвестным нам образом, — если бы на итальянском фронте сохранилось прежнее положение. Но грянули Канны — сражение, вошедшее в анналы полководческого искусства и ставшее важнейшим переломным моментом в первом этапе войны. Год, на который римляне возлагали столько надежд зимой, ознаменовался страшнейшим военным провалом.

Боевые операции флотов 216 г. до н. э.

А после него события разворачивались для римлян, в общем-то, самым неблагоприятным образом. Один за другим отпадали союзные города Северной Италии. Резко сокращалась площадь, с которой римляне могли получать столь необходимые в данный момент ресурсы любого типа. И вместо того, чтобы вести «свободную охоту» в сицилийско-африканском пространстве и терроризировать карфагенян в их собственном доме, флот Отацилия вдруг оказался вынужден заниматься сугубо оборонительными мероприятиями, да еще в самых невыгодных для себя условиях.

Шок, переживаемый гражданами Рима, в котором отменили ежегодное празднование в честь богини Цереры и оплакивали павших — толком даже не зная, кто уцелел в битве, — был усугублен письмом с Сицилии, внезапно доставленным в сенат. Пропретор Тит Отацилий сообщал, что карфагеняне начали массированную атаку с юга, из Африки. Крупный пунийский флот открыл боевые действия против главного и надежнейшего союзника римлян — царя Гиерона. Не предпринимая пока осады самих Сиракуз, карфагеняне жестоко разоряли окрестные сицилийские владения Гиерона, причиняя ему колоссальный ущерб. Царь, не располагавший силами для обуздания этой агрессии, умолял Отацилия о помощи. Впрочем, Отацилий, естественно, и рад был ее оказать — собственно, для этого он и находился на Сицилии. Однако положение затрудняло то обстоятельство, что его разведка обнаружила другой карфагенский флот, стоявший в полной боевой готовности на якоре у Эгатских островов.

В общем-то, план был задуман блестяще. Не вызывает сомнения, что вся эта акция была каким-то образом согласована с действиями Ганнибала — слишком подозрительно, что сразу же вслед за битвой при Каннах Карфаген организовал вылазку к Сицилии. Успех следовало закрепить, лишив римлян баз в Сицилии и союзников на юге. Находившийся к западу от Лилибея второй флот, дождавшись ухода римского флота на помощь Гиерону, должен был немедленно напасть на город, остававшийся фактически беззащитным. Захватив главную гавань римской части Сицилии и одновременно чрезвычайно удобный для переброски войск из Карфагена пункт, флот должен был приступить к разорению окрестностей Лилибея, захвату прочих населенных пунктов и вообще всей сельскохозяйственной округи на территории сицилийской провинции Рима.

В сложившейся ситуации Тит Отацилий вынужден был отправить гонца в Рим — ведь он не вполне представлял себе точную численность обоих флотов. Да и в любом случае, ему пришлось бы гнаться за двумя зайцами — как противодействовать эгатской группировке, так и помогать Гиерону: и то, и другое было одинаково важно. Однако разделение собственных сил было чревато непредсказуемыми последствиями, а римлянам в эти дни не хватало для окончательной гибели только потери трети своего флота и оголения побережья Южной Италии. Вряд ли карфагенский флот был слишком силен, наверное, он не сильно отличался численно от того, что остался боеготовым с прошлого сезона, т. е. вряд ли превышал 70 кораблей; однако рисковать Тит Отацилий не имел права ни в коем случае. Пропретор указывал, что если Рим рассчитывает и помочь союзнику, и сохранить свои земли, он должен прислать подкрепление — новые корабли.

Получив это известие, сенаторы приняли решение, сводившееся прежде всего к переподчинению основного римского флота, базировавшегося на Остию. Претор Марк Клавдий Марцелл, командовавший этим подразделением, был отправ-

лен в Канузий — город, в котором собралось разбитое при Каннах войско, точнее, его остатки. Рим предпочел после поражения поставить во главе войска этого опытного и грамотного офицера, полагая, что именно такой командир необходим сейчас легионам, противостоящим Ганнибалу. Он должен был заменить на посту командующего консула, которому предписали прибыть в Рим. Марк выполнил предписание — он отправил в столицу для усиления ее обороны часть своей морской пехоты, снятой с кораблей, в количестве полутора тысяч воинов. Еще одно подразделение — третий Морской легион — во главе с военными трибунами он отправил вперед в Теан Сицидинский. Сам же Марк Клавдий, передав командование флотом своему соратнику и сподвижнику Публию Фурию Филу, отбыл в Канузий.

Флот под управлением Публия немедленно отправился к Сицилии. Впрочем, часть кораблей осталась в гавани Остии. Это было сделано даже не столько в силу боязни оставить неприкрытым с моря сам Рим, сколько в силу нехватки людей в корабельных войсках. Ведь, нуждаясь в воинах, сенаторы повелели снять с флота значительную часть пехотинцев. Каждая квинкверема несла в идеальном варианте 120 солдат. Количество отправленных на сухопутный фронт было таково, что некоторые корабли просто потеряли боеспособность как полноценные единицы флота: они стали всего лишь плавучими платформами, неспособными к абсордажному бою, ведь невозможно было до бесконечности перераспределять войска на судах, уменьшая их количество на каждом из бортов. Публий оставил в Остии не менее 40 кораблей с минимальными командами, а остальные (более 70 кораблей) повел на юг.

Само по себе появление столь мощной эскадры, которая, вместе с имевшимися у Отацилия кораблями, более чем вдвое превосходила силы карфагенян, произвело требуемое впечатление. Не только флот карфагенян, который, безнадежно упустив инициативу, дожидаясь ухода «простодушных» римлян на восток из гавани Лилибея, но и разорявший владения Гиерона отряд пустились в бегство — впрочем, по вполне понятным и простибельным причинам. Принимать бой в этой ситуации было бы просто безумием — Карфаген мог лишиться разом всех своих военно-морских сил.

Римляне преследовали противника, причем в этом преследовании участвовал только флот Публия Фурия — сицилийская эскадра оставалась в Лилибее. Римская же эскадра, пополнив контингент войск на борту за счет солдат из сицилийских подразделений (у самого Публия имелось, по примерным подсчетам, около 2900 человек солдат в абсордажных командах), бросилась в погоню за карфагенянами.

У берегов Африки стало ясно, что догнать карфагенский флот не получилось — он ушел под защиту стен пунийской столицы. Тем не менее, чтобы не возвращаться с пустыми руками и «поиграть мускулами», что с психологической точки зрения было совершенно необходимым, Публий предпринял адекватный ответ. Римляне высадили десант и постарались отомстить противнику за разорение сицилийских владений своего союзника. К сожалению, данных об этой сухопутной акции у нас совсем мало. Известно лишь, что вначале она была успешна, однако римляне столкнулись с вскоре с ожесточенным сопротивлением. Карфагенское войско попыталось расправиться с орудовавшими на его территории отрядами врага, и в разгоревшемся сражении римляне понесли потери и

вынуждены были отступить на корабли и покинуть Африку. Разгромом это, конечно же, не было, и потери были невысоки, однако сам Публий Фурий Фил был очень тяжело ранен и находился фактически на грани жизни и смерти. Корабельный состав, как следует из источников, не уменьшился. В таком состоянии флот отбыл в Сицилию.

Тит Отаций немедленно известил сенат о результатах рейда. С одной стороны, они были вполне удовлетворительны. С другой же — перед римлянами встала другая проблема, более прозаическая, чем действия на поле боя. Выяснилось, что припасы и финансовые возможности войск на периферии Италии и на островах находятся в критическом состоянии. Солдаты и матросы не получили в срок ни жалованья, ни хлеба, а взять их было совершенно негде. Аналогичная ситуация сложилась и с сардинским гарнизоном — оттуда в Рим прибыли такие же вести. Самое главное, что столица при всем желании ничем не могла помочь своим героическим солдатам, оборонявшим ее на дальних рубежах — в самом Риме ситуация была не менее критичной. Поэтому сенат отдал командующим на Сицилии и Сардинии приказание заботиться о своих войсках самостоятельно.

В результате этой операции положение дел изменилось несущественно. Сухопутные силы на южных рубежах не претерпели изменений в дислокации и численности, а флот Фурия Фили, пробыв некоторое время в Лилибее — такое, которое требовалось для излечения командующего и восстановления боеспособности кораблей, — отбыл в Рим, к месту постоянной дислокации. Это произошло к концу 216 г., а до той поры римские корабли продолжали прикрывать сицилийский фланг обороны.

Важное событие 216 г. — усиление римского присутствия на Сардинии. Вернувшийся оттуда командующий Авл Корнелий Маммула доложил, что на острове постоянное брожение среди местного населения. Сарды находились на грани восстания, недовольные римскими поборами, и для бунта не хватало только подходящего вождя; они даже отправили тайное посольство в Карфаген. Сменивший Авла Корнелия Квинт Муций вскоре тяжело заболел. В этой ситуации сенат отправил на остров легион в составе 5000 пехотинцев и 400 всадников под командованием консула и цензора Тита Манлия Торквата, который как раз в бытность свою консулом и покорил Сардинию.

Тит Манлий вытащил свои корабли на берег близ Карал, вооружил всех гребцов и моряков оружием для сухопутного боя и принял от претора мощное войско: 22 000 пехотинцев и 1200 всадников. С этими солдатами он блистательно выиграл битву с сардами. Этим все могло и закончиться на острове, однако так получилось, что карфагеняне практически одновременно выслали для захвата Сардинии несколько десятков кораблей (точное число неизвестно) с войсками под командованием Гасдрубала, но флот этот прибило бурей к Балеарским островам, а корабли находились в столь плачевном состоянии, — был поломан почти весь рангоут, совершенно расшатан набор корпусов, — что в повестку дня ставилось уже не десантирование, а длительный ремонт на берегу. Опасаясь прибытия флота противника, Тит Манлий отвел войска в Каралы. Поэтому Гасдрубал, прибыв на Сардинию, соединился с местными повстанцами и отправил флот обратно в Карфаген. Эта акция, символизировавшая в том числе и непреклонное желание победить, однако, не принесла карфагенянам успеха. Тит Манлий вышел навстречу; несколько эпизодических схваток завершились генеральным че-

тырехчасовым сражением, в котором римляне блестяще использовали тактику окружения противника. Потеряв 12 000 человек убитыми и 3 700 пленными, сарды и пунийцы сдались. В плен попали и сам Гасдрубал, и знатные карфагеняне — Ганнон и Магон из рода Барки, связанный близким родством с Ганнибалом. Манлий победным маршем прошел всю Сардинию, взяв все укрепления, после чего вернулся в Каралы и, спустив на воду флот, отбыл в Рим с войском.

Сардинская кампания чрезвычайно ярко обнаружила характерную тенденцию менталитета римского командования. Все же сухопутная закуска легионных командиров давала себя знать — флот Тита Манлия Торквата вполне мог быть использован против слабого конвоя Гасдрубала и просто ликвидировать его на подходе к острову. Однако... корабли были вытасканы на сушу, а моряки пополнили ряды сухопутных войск.

Эта операция имела счастливое продолжение. Тит Отаций направился со своим флотом к африканскому берегу и разграбил окрестности Карфагена. Затем он двинулся к Сардинии, зная, что Гасдрубал как будто бы должен прибыть туда с Балеар. Однако, едва выйдя в море, римляне наткнулись на африканскую эскадру карфагенян, возвращавшуюся домой. В скоротечном морском сражении римляне имели полный моральный перевес и захватили семь карфагенских кораблей — остальные в панике рассеялись, так что гоняться за ними было бессмысленно.

В целом действия на море в 216 г. во многом напоминают те схемы, которые реализовывало командование с обеих сторон в предыдущем году. Точно так же карфагеняне совершали попытки напасть на владения Рима и его союзников, опираясь на немалые по численности флоты; точно так же римляне вполне успешно воспрепятствовали им в этом. Наконец, опять, и в этом сезоне, отражение попытки вторжения немедленно переросло в преследование врага, на плечах которого римляне прорывались к африканским берегам, завершая кампанию небольшими по масштабу, но чрезвычайно важными для всего хода войны полурегулярными-полупиратскими действиями, сопряженными прежде всего с высадкой десанта на африканских островах и самом африканском побережье. Впрочем, в 216 г. размах этих действий был несколько скромнее, да и численность флотов, в особенности римского, выделенного для подобной операции, была существенно меньше.

Это объяснялось, разумеется, общим упадком военных сил Римской республики в результате крайне неудачного для них хода военных действий в кампанию 216 г. Ведь Канны были значимы для этой войны не только и не столько как пример блестящего тактического поведения полководца карфагенян: главное значение битвы — весьма трагическое, отметим, для римлян — заключалось в том, что она ознаменовала ту черту, далее которой терпеть поражения было уже просто невозможно. Истощение не только необходимых сил, но и осязаемое приближение кризиса резервов стали действительно переломным моментом. Неблагоприятные предзнаменования преследовали римлян, общее состояние духа населения явно клонилось к упадку. Прибегали к экстраординарным действиям, в том числе к человеческим жертвоприношениям, чуждым римским обычаям: так, на Бычьем Рынке живьем закопали в землю две пары — мужчину и женщину галльского племени и грека с гречанкой. Все это лишь подчеркивало кризисность момента.

В войне, собственно, настал момент, когда любое незначительное изменение обстановки имело шанс привести к чрезвычайным последствиям. Острая нехватка боеспособных и мало-мальски обученных военных кадров приводила к тому, что значительная часть флота была исключена из ведения боевых действий и прозябала на якоре в Остии, не являясь боевым средством. И все же, даже находясь в столь тяжелом положении, римский флот оставался хозяином положения. Самим фактом своего появления в сицилийских водах он предотвратил очередную попытку вторжения карфагенян в Италию и кризис в Сиракузах. Не вызывает сомнений, что римляне полностью продолжали владеть инициативой на морях и занимать лидирующие позиции в противостоянии с Карфагеном.

Положение Ганнибала после сражения при Каннах было устойчивым, но далеко не блестящим. Он не получал больше пополнений и припасов от галлов с севера и был полностью отрезан от помощи Карфагена с юга. Несмотря на его победы, и даже частично благодаря им, он вынужден был испытывать нехватку если не съестных припасов, то, по крайней мере, денег, военного имущества и прежде всего людей. Без бесперебойного снабжения, даже в условиях вялотекущих боевых действий и отсутствия генеральных сражений, эти обстоятельства должны были привести его армию к медленному, но неизбежному концу. Так что неудивительно, что после Канн Ганнибал обнаружил обостренное стремление обладать хорошими гаванями в Италии, чтобы войти в контакт с Карфагеном и Македонией. Конечно, сам факт его обладания такими гаванями не уничтожил бы римское военно-морское превосходство, но, по крайней мере, он мог бы рассчитывать в этом случае на снабжение посредством более или менее регулярных отправок транспортных караванов — более или менее, поскольку мы должны учитывать ограниченный радиус действия древних кораблей и неизбежные на море случайности. Но без наличия контролируемых Ганнибалом гаваней даже и это не стояло бы в повестке дня. Чрезвычайно показательно, что после Канн Ганнибал начинает действия отнюдь не против самого Рима, как ожидали практически все в Италии. Напротив, его целью становится... Неаполь.

Однако эта попытка не имела, да и не могла иметь, никакого успеха. Ганнибал, не располагавший ни одним кораблем для блокады города с моря, мог полагаться только на сухопутные войска. А его не столь уж и большая армия, главной ударной силой которой была правая рука полководца — многочисленная конница, была приспособлена к чему угодно, но не к регулярной и длительной осаде мощных приморских крепостей. Взять Неаполь можно было в этой ситуации только путем предательства, но этого не произошло. Ганнибал, разделив своих нумидийских всадников, часть оставил в засаде, а меньшему отряду приказал в беспорядке разъезжать перед городскими стенами. Соблазнившись легкой добычей, горожане вывели в долину эскадрон всадников, который был бы весь перебит ждавшими в засаде, если бы части воинов не удалось, пользуясь близостью морского побережья, вернуться на рыбацких лодках под защиту родных стен. Так море в очередной раз повлияло на ход боевых действий.

Не видя перспектив в осаде города, Ганнибал ушел. Следует отметить, что карфагеняне не смогли обзавестись тогда ни одним удобным для приема судов пунктом на западном побережье Италии. Что касается восточного берега, а также южной оконечности Италии, то здесь Ганнибалу сопутствовал определенный

успех. Определенный — не более того. Да, разумеется, после его победы многие приморские города Южной Италии отложились от Рима и пополнили ряды сторонников Карфагена. Но, к счастью для римлян, среди этих отпавших городов не было ни одного со сколько-нибудь удобными для приема больших кораблей гаванями. Так на сторону карфагенян встали Салапия (в числе первых), Локры, Кавлония, Кротон (с 215 г.) и, наконец, в 212 г., Тарент, Метапонт, Фурии и Гераклея. При этом ни Брундизий, ни Регий никогда не находились в руках Ганнибала, а ведь именно они были крупными и удобными портами, как нельзя лучше подходившими для сообщения с метрополией, а единственный настоящий морской порт из приобретенных на южном побережье — Тарент — был практически бесполезен для карфагенян. Дело в том, что цитадель, доминирующая над гаванью и контролировавшая вход в нее, оставалась в руках римлян в течение всей войны. Поэтому за все время действий Ганнибала в Италии один-единственный небольшой конвой достиг расположения его войск и доставил помощь в Локры. В остальном карфагенский полководец оставался в надежной изоляции.

Действительно, южное побережье оставалось слабым местом в обороне римлян — если не прорехой, то все же относительно прозрачным пунктом их обороны. В ходе войны контакт между Ганнибалом и его правительством никогда не прерывался полностью. Само собой разумеется, что Рим никогда не господствовал над морем столь строго, чтобы одиночные суда, тем более не транспорты, а легкие посыльные корабли, не могли пробиться сквозь любую блокаду, как это случалось везде и всегда. И в 217 г. известия о победе при Тразименском озере были отправлены в Африку морским путем.

Именно в этом свете мы должны также расценить миссию брата Ганнибала, Магона, после Канн. Он доставил новости о победе в Карфаген, но в то же самое время он ярко обрисовал изолированное положение Ганнибала и просил немедленно оказать помощь в виде подкрепления, денег и съестных припасов. Несмотря на противостояние Ганнона, политического противника семейства Барка, этот запрос возымел действие: было принято решение отправить в Италию в качестве поддержки 4000 нумидийцев, 40 слонов и деньги для вербовки новых воинов (высаженных, все-таки, позднее в Локрах). Вялость и нерешительность карфагенян составляли отчетливый контраст с энергией самого Ганнибала, однако правительство Карфагена все же честно не оставляло попыток поддержать свои войска в Италии и Испании. Схема, реализуемая метрополией, предусматривала двустороннюю поддержку своей армии на Апеннинах: с одной стороны, предполагалось укрепить армию Гасдрубала настолько, чтобы она была способна к пешему маршу в Италию для соединения с Ганнибалом и окончательному сокрушению остатков римского сопротивления — это было частью программы 216 г. С другой стороны, карфагеняне надеялись, что к 215 г. они смогут осуществлять снабжение Ганнибала непосредственно через итальянские порты.

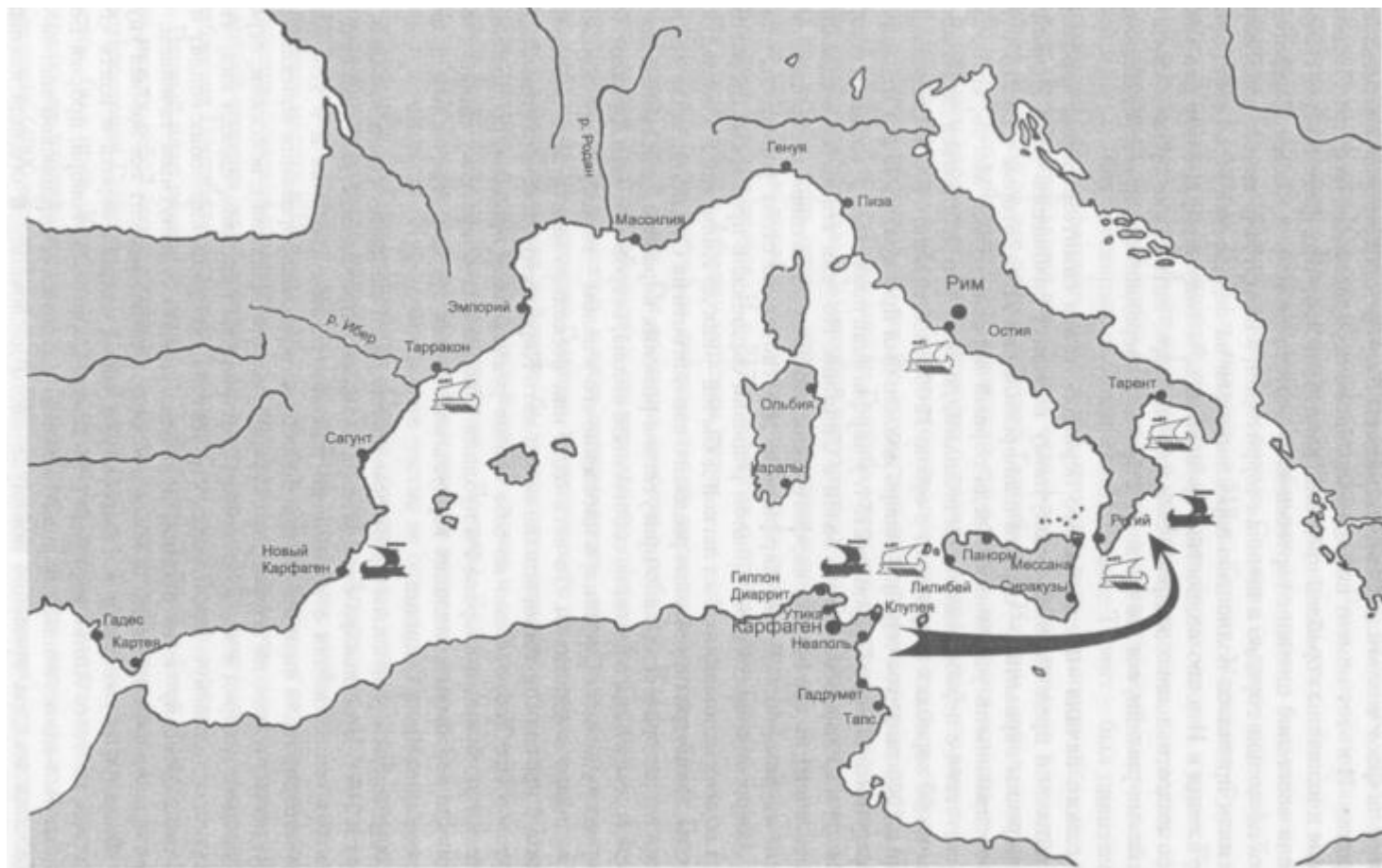
Первый план потерпел неудачу. В Испании Публий и Гней Сципионы, поделив между собой соответственно морское и сухопутное командование, успешно противостояли Гасдрубалу. Он не доверял ни своей армии, ни флоту и, как оказалось, был прав. Карфагенский полководец избегал решительных сражений, стараясь не входить в контакт с римлянами. Получив давно ожидаемые подкрепления (4000 пехотинцев и от 500 до тысячи всадников), он воспрял духом и решил наступать. Лагерь был перенесен ближе к занятой римлянами терри-

тории, а на флот возлагалась задача защиты Балеарских островов и испанского побережья. И в этот момент последовало знаменитое восстание на флоте. Командующие и капитаны кораблей предали Гасдрубала и, бросив флот в устье Ибера, подняли восстание племени тартессиев. В результате из-под власти Карфагена вышли несколько городов и немалая территория, а Гасдрубалу вместо нападения на римлян пришлось полностью переключиться на подавление этого восстания. Наступление в Италию полностью провалилось, к тому же флот потерял множество подготовленных кадров. События на море, хотя и вне прямой связи с действиями римлян, все же привели к провалу очередной масштабной кампании карфагян.

С самого начала «постканнского периода», и это симптоматично, карфагеняне отдавали предпочтение сухопутному варианту снабжения через Испанию всем морским вариантам — первый планировался на 216 г., вторые — на 215, и то под определенными условиями. Когда первый вариант отпал, Магон, который, в соответствии с первоначальными планами, должен был добираться до Италии морем на 60 кораблях и привезти с собою 12 000 пехотинцев, 1500 всадников, 20 слонов и 1000 талантов серебра, теперь должен был пробираться через Испанию.

Лишь после смерти Гиерона в 215 г. у карфагян появилась реальная и оформившаяся надежда обзавестись базой в Сицилии. Но если это не было сделано, то вина лежит не столько на карфагенянах, сколько на активно воспрепятствовавших им римлянах. В чем карфагеняне действительно стоит упрекнуть — так это в совершенно апатичном и вялом решении сардинской проблемы. Ведь этот остров во всех отношениях был легкой добычей — как до Канн, так и в последующие годы. Несмотря на усиление римского контингента на Сардинии, несмотря на сложности, которые создавало присутствие римских кораблей, действовавших в Тирренском море как в бассейне собственной виллы, остров этот был гораздо слабее укреплен, нежели Сицилия, а население его в целом — гораздо менее лояльно по отношению к римлянам. То есть одна или несколько настойчиво повторенных акций против Сардинии вполне могли дать Карфагену блестящий плацдарм напротив устья Тибра. Само по себе это не решало всех проблем, но пробивало громадную брешь в обороне Республики. Скорее всего, политику карфагян определяло неизбывное желание вернуть власть над старым утраченным доминионом, каким была Сицилия.

Единственным успешным примером снабжения Ганнибала стала высадка в Локрах в 215 г. Бомилькара с солдатами, слонами и провиантом, который счастливо избег столкновения с кораблями римлян. Однако римляне и в этот раз продемонстрировали свои блестящие способности в маневрировании войсками и гибком реагировании на изменение ситуации. Аппий Клавдий с войсками, стремясь захватить город с высадившимся противником врасплох, сделал вид, что объезжает сицилийскую провинцию, стремительно переправил своих солдат на кораблях в Мессану через пролив, пользуясь ветром и попутным течением, а затем столь же стремительно прибыл в Локры. Однако момент все же был упущен — Бомилькар уже ушел к Ганнибалу, а город закрыл ворота и взять его не удалось, поэтому Аппий вернулся в Мессану. Собственно говоря, прорыв Бомилькара был единственным положительным результатом сардинской эпопеи — лилийская эскадра временно покинула место дислокации и оголила южный рубеж.

Зоны патрулирования флотилий в 215 г. до н.э. и прорыв Бомилькара

В 215 г. римляне уделили особое внимание обороне калабрийского побережья, Брунדיзия и Саллентинской области на юго-востоке Италии. Общее расположение военно-морских сил вновь обрисовывало приоритеты командования. Следует заметить, что дислокация стала гораздо более дробной и отражала изменившуюся обстановку. С весны этого года военно-морские силы Рима были разделены следующим способом: 75 судов находились в Лилибее, где Отаций сохранял свои функции пропретора; 35 кораблей дислоцировались в Испании. 25 — в Калабрии, чтобы защитить берега между Брундизией и Тарентом, 25 — в Тирренском море для защиты западных берегов Италии; наконец, 60 судов оставались в Остии для сопровождения конвоев, экстраординарных действий и т. д. Они действуют то под Кумами (именно корабли из подразделения Квинта Фульвия перехватывали суда по приказу Гракха), то на сардинском направлении, то патрулируют пространство у берегов Сицилии, но чаще всего базируются в окрестностях Рима.

Продолжая сохранять наиболее мощное ядро флота на африканском направлении, римляне с этого времени перешли к патрулированию небольшими эскадрами наиболее ответственных участков побережья. Так, 25 кораблей, поставленные под командование претора Валерия Левина, были отряжены для охраны калабрийского берега между Брундизией и Тарентом — в чрезвычайно важном месте обороны полуострова. Эскадра под командованием городского претора Квинта Фульвия патрулировала устье Тибра и окрестности Рима. Оборона берегов становилась все более изощренной и целенаправленной. Эти действия явились прямым ответом на сам намек на вторжение со стороны Филиппа: безусловно, лилийская эскадра не была приспособлена к быстрому реагированию на угрозу с востока. И одному из этих подразделений вскоре, конечно же, нашлась работа.

Весной 215 г. на юге развернулись события с совершенно детективным сюжетом: Филипп, более трезво оценив обстановку и свои перспективы, решил заключить союз с Карфагеном, причем союз взаимовыгодный, и отправил в Италию посольство. В стране, раздираемой войной, миссия Ксенофана, возглавившего это посольство, была весьма трудновыполнима. Македоняне, пройдя вдоль всего южного побережья Италии и тщательно избегая встречи с дозорными судами римлян, миновали Брундизий и Тарент, представлявшие наибольшую опасность, и причалили к берегу в Южном Бруттии, на самом «носке» Апеннинского «сапога», вблизи храма Юноны Лацинии. Оттуда, уже по суше, они отправились через Апулию в Капую, однако по пути натолкнулись на римский гарнизон, дозорные которого и отвели пойманных подозрительных греков к консулу Валерию Левину в его лагерь возле города Луцерия. Ксенофан, попав в чрезвычайно щекотливое положение, не растерялся. Он заявил, что послан царем Филиппом с целью заключить мирный договор с римским народом и у него имеются соответствующие поручения к консулам, сенату и народу. В условиях, когда старые союзники один за другим предавали римлян, поддержка каждого нового потенциального союзника становилась подарком судьбы — тем более столь сильного, как македонский царь. Неудивительно, что претор с огромной и нескрываемой радостью принял македонян, нимало не подозревая об истинных целях их миссии; более того, он дал им проводников и подробнейшим образом проинформировал о том, какие именно территории на данный момент находятся во власти римлян, а какие — карфагян. Пользуясь этой информацией, посольство Ксенофана без малейших

затруднений миновало все римские гарнизоны и проникло в Кампанию, откуда вскоре добралось до ставки Ганнибала. В результате переговоров новые союзники пришли к полному согласию. Было условлено, что Филипп снарядит максимально большой флот (около 200 кораблей) и с ним переправится в Италию, где будет действовать как на суше, опустошая принадлежащее Риму морское побережье и захватывая порты, так и на море, не позволяя римлянам продолжать удерживать инициативу в своих руках. Вся Италия, по окончании боевых действий, доставалась карфагенянам; однако затем они должны были переправиться с Филиппом в Грецию и помочь ему покорить всех тех, противников, которых царь укажет. Иными словами, был произведен раздел сфер влияния и заключен договор о взаимопомощи.

Обратный путь послов и сопровождавших их карфагенских вельмож был не менее насыщен приключениями, но не столь успешен. Пробравшись к своему замаскированному кораблю, оставленному у храма Юноны, они отчалили от берега, однако почти сразу же были обнаружены римскими патрульными судами, перехватившими подозрительное судно. Ксенофан, рассчитывая, что прием работает и во второй раз, заявил, что он послан к римлянам Филиппом, но не смог пробраться через Кампанию из-за карфагенских отрядов. Однако одеяния вельмож Ганнибала и их явно семитский облик вызвали подозрение — послов разделили, допросили и обыскали, обнаружив письма к Филиппу, текст договора и прочие бумаги. После этого послов и карфагенян, рассадив по разным кораблям, под конвоем отправили в Рим. Так что приготовления Филиппа и новая угроза с востока от римлян не укрылись. К сожалению, тот самый корабль, на котором прибыли македоняне в Италию, смог ускользнуть и вернуться домой. Поэтому македоняне все же узнали о поимке послов — но не о результатах переговоров.

Корабли с пленными послами прошли вдоль всего южного побережья Италии и вошли в Тирренское море. Когда они миновали Неаполь и шли под парусами на траверзе Кум, консул Гракх, командовавший гарнизоном, проявил сверхбдительность — он только что блестяще отразил натиск Ганнибала, ожесточенно стремившегося взять штурмом Кумы (после неудачи под Неаполем ему был необходим порт!) и решил проверить неизвестные корабли. Перехватив суда, он, прочитав письма, отправил их сушей в Рим, а послов повелел довести до места назначения морем. Те и другие достигли Города одновременно, и сенаторы не на шутку встревожились: только этого сейчас и не доставало. Послов посадили в тюрьму, их сопровождающих продали в рабство, а сами стали обсуждать планы превентивных действий. Показательно, что сенаторы стремились навязать инициативу — предотвратить саму возможность вторжения в Италию. Срочно была увеличена южная эскадра — пять кораблей, привезших послов, вместе с еще 25 судами отправились в Тарент. Предполагалось, что соединение, которое теперь насчитывало 50 квинкверем, примет на борт в Таренте солдат под командованием легата Луция Апустия. Ему вменялось в обязанность не только патрулировать побережье, но и провести разведку боем. В случае, если бы данные договора подтвердились и было замечено масштабное строительство флота и концентрация македонских сил, должна была произойти своего рода рокировка: Луций Апустий принимал командование сухопутными войсками у претора Марка Валерия, а тот, вступив в командование флотом, должен был переправиться в Македонию и открыть там боевые действия против Филиппа. На содержание флота и

войну переадресовывались деньги, которые Гиерон в прошлом году прислал для выплаты жалования войскам.

Не зная, о чем договорились его посланцы, Филипп отправил второе посольство, которому удалось избежать участи первого. Однако время было упущено — лето уже кончилось, и римляне, перехватив один-единственный корабль, избегли нападения в этом году.

Македоняне откровенно боялись римского флота. Та сотня легких судов, которой располагал Филипп, не шла качественно ни в какое сравнение с 50 квинкверемами, сосредоточенными на направлении его предполагаемого удара. Именно поэтому македоняне вскоре начали полагаться в этом вопросе исключительно на своих союзников: возник план, согласно которому транспортировку македонских войск в Италию должны были осуществить корабли карфагенян. Однако вплоть до 212 г. это оставалось попросту невозможным, да и позднее Тарент, как мы помним, отнюдь не был гостеприимным портом для захватчиков. Для самих же карфагенян главным с этого времени стало то, что сменившаяся власть в Сиракузах позволяла рассчитывать на отторжение этой части Сицилии и создание там плацдарма.

Кампания 215 г. в Испании освещена источниками слабо. Известно, что Гней и Публий Сципионы в конце лета отписали в сенат отчет о действиях на западе. Блестящие успехи на этом фронте были омрачены усугублявшимся финансовым и материальным кризисом — впрочем, общим для всей Республики. Войскам и морякам не хватало пропитания и обмундирования, финансы находились под жесточайшим контролем — ведь сократилось количество налогоплательщиков и возросли расходы. Частью нехватку можно было покрыть за счет испанцев, однако значительную часть снабжения необходимо было все же прислать из Рима. Однако в целом надо отметить, что флот реального участия в боевых действиях в этот период в Испании не принимал — все основные события происходили на суше.

Событием морской войны стала и эвакуация гарнизона города Локры. Карфагеняне, отрезавшие город от связи с Римом и захватившие в качестве заложников немало граждан, в конечном счете, принудили власти Локр к сдаче, хотя это решение и не было всеобщим. Однако римские войска под командованием Луция Атилия были тайно выведены в гавань и погружены на корабли южной эскадры, которые без потерь доставили контингент в Регий. Спонтанная, но блестяще проведенная операция сохранила для Рима кадровые войска, а жители города «сохранили лицо», что было немаловажно.

Небольшое количество карфагенских кораблей в этот момент находилось неподалеку от Локр — однако римляне, занятые эвакуацией, не были склонны вступать в сражение. Пустившиеся в погоню карфагенские корабли, достигнув пролива между Италией и Сицилией, заметили еще одну римскую эскадру, направлявшуюся из Мессаны в Регий. На них, кстати, находились войска, посланные претором Клавдием для усиления гарнизона города. Теперь уже для пунийцев столкновение не предвещало ничего хорошего, поэтому они немедленно ретировались. Эта эскадра отбыла обратно в Африку и так и не приняла участия в тех действиях, которые предпринимали повстанцы в Южной Италии, когда целые территории отпадали от Рима.

В 214 г. обострилась ситуация в Сиракузах. Умерший Гиерон завещал своему внуку, Гиерониму, как зеницу ока хранить союз с римлянами, который нерушимо соблюдался уже 50 лет. Однако внук-самодур, склонный скорее к болезненному подчеркиванию собственной тиранической власти, чем к управлению государством, все более склонялся к союзу с Карфагеном — в чем, впрочем, его всемерно поддерживали многочисленные советники. Противники такого союза были в основном уже ликвидированы под разными предлогами либо самим Гиеронимом, либо своими оппонентами. В конечном счете ряд посольств от римлян и карфагенян, посетивших Гиеронима, привел царя к решению о разрыве с давним союзником. Карфагеняне, хоть и были людьми восточными, все же, видимо, были неприятно шокированы поведением юного сиракузского владыки. Тот, сперва договорившись с ними о том, что Сицилия будет поделена между Сиракузами и Карфагеном по реке Гимере, затем со смехом заявил, что карфагенянам хватит и владений в Италии, а вся Сицилия должна принадлежать ему. С этими заявлениями мирились — вернее, закрывали на них глаза, — ведь союзник был необходим, хотя бы и столь одиозный. Ненавидимый народом и большинством приближенных, Гиероним вскоре был убит заговорщиками, что, однако, не отвратило неизбежной войны.

Очередные выборы должностных лиц и перестановки в римском командовании в 214 г. подчеркнули роль флота и его начальников. Показательно сравнение, которое привел в своей речи при избрании консулов Квинт Фабий: «Любой моряк, любой человек на корабле может править им, если море спокойно; в жестокую бурю, когда корабль несет ветром по взволнованному морю, нужен мужественный кормчий. Мы плывем не по спокойному морю; несколько раз в шторм чуть не потонули; посадить к рулю следует человека, хорошо проверенного». Впрочем, речь эта была направлена против избрания не кого-нибудь, а именно Тита Отацилия. Многие римляне — Квинт Фабий не был в одиночестве — обвиняли командуемого сицилийской эскадрой в том, что он допустил подвоз помощи Ганнибалу и мало тревожил африканское побережье! Такой гиперкритический подход, разумеется, делал честь римлянам, однако вряд ли соответствовал действительности. «Мы, Отаций, испытали тебя в малом; ты ничем не доказал, что тебе можно доверить большее. Флот, которым ты командовал в этом году, мы построили ради трех целей: опустошать африканское побережье, охранять берега Италии, а главное, не допускать, чтобы Ганнибалу из Карфагена подвозили подкрепления, деньги и провиант». Нет никакого сомнения в том, что эти обвинения — плод политических интриг, а не отражение реального положения вещей. Вместе с тем очевидно, что ситуация на южном побережье Италии стала более беспокойной после отпадения большинства союзников римлян.

Как бы то ни было, Тит Отаций вновь получил под командование свой флот. Квинт Муций был назначен пропретором на Сардинию, получив два легиона, Марк Валерий с флотом и одним легионом — контролировать южное побережье до Брундизия и следить, не зашевелится ли Филипп Македонский. В Галлии, Апулии и Сицилии разместили по два легиона. Марк Валерий, кстати, принял косвенное участие в обороне Тарента — с приходом Ганнибала под стены города он отрядил туда Марка Ливия, который молниеносно наладил оборону города, набрав отряд боеспособной молодежи.

Ответом на проблемы этого периода стала масштабная кораблестроительная

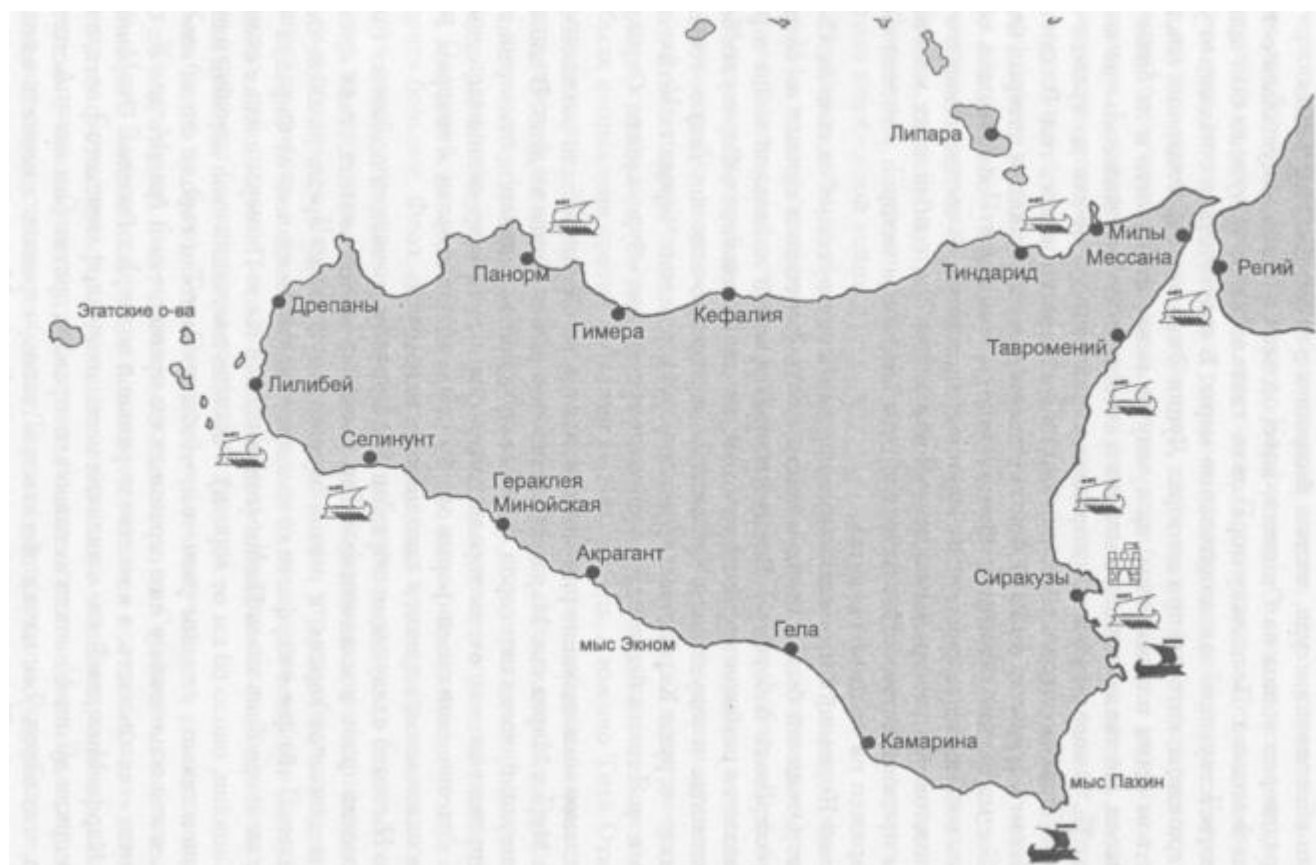
программа, нацеленная на модернизацию корабельного состава. Консулам было поручено заложить и построить сотню новых единиц флота — так, чтобы группировка близ берегов Калабрии составила 150 кораблей. Новые корабли частью заменяли обветшавшие суда, частью вводились в строй дополнительно.

В преддверии войны на Сицилии, которой все ожидали, ощущалась острая нехватка экипажей. Поскольку моряков не хватало, сенат вынужден был принять соответствующие законодательные меры. В соответствии с изданным указом, те граждане, которые при цензорах Луции Эмилии и Гае Фламинии владели имуществом (сами или их отцы) на сумму не менее пятидесяти и не более ста тысяч ассов, выставляли одного моряка и обеспечивали его жалованье на шесть месяцев. Те, у кого имущество определялось в размере от ста до трехсот тысяч ассов — трех моряков и обеспечивали их жалованьем на весь год. Владевшие имуществом в пределах от 300 000 до миллиона ассов выставляли пятерых моряков, более миллиона — семерых. Отцы-сенаторы — каждый — обязывались обеспечивать восьмерых моряков и их годовое жалованье. В соответствии с этим указом состоятельные граждане вооружили моряков и снабдили их месячным запасом продовольствия. Показательно, что впервые в истории римский флот был снаряжен на частные средства.

Публий Корнелий был назначен командовать сухопутными силами на Сицилии, Тит Отаций был поставлен командовать флотскими силами на острове и контролировать побережье. Все готовились к новой локальной войне в рамках пылавшего римско-карфагенского конфликта. Положение в Сиракузах было очень сложным и запутанным. Отдельные партии из всех сил тянули государство: одни — в руки Карфагена, другие — в руки римлян. Череда политических убийств и восстаний была лишь зримым отражением обуревавшего Сиракузы хаоса.

Верховное командование римскими войсками на Сицилии было возложено на консула Марка Марцелла. Марцелл достаточно рьяно взялся за дело. В сложившейся ситуации, когда сам город, да и все государство, кипели противоречиями, он предпринял акцию, очень хорошо знакомую нашим современникам, судя по всему, в классической своей форме она была проведена впервые в истории. Речь идет о классическом варианте «дипломатии канонерок».

Дело обстояло следующим образом. К Марцеллу доставили послов из Сиракуз. Римский флот в количестве сотни кораблей в этот момент стоял сравнительно недалеко от города, в гавани Мургантии. В то же время римляне были осведомлены, что флот карфагенян находится также невдалеке от Сиракуз — он ожидал на якоре близ мыса Пахин (современный Капо-Пассеро, южная оконечность Сицилии, около 60 км от города). Римляне поставили свои корабли напротив входа в гавань, с таким расчетом, чтобы все жители города могли воочию убедиться как в наличии у них серьезных намерений, так и средств для их осуществления — так сказать, в качестве моральной поддержки послов. Сторонники союза с Карфагеном, знавшие о наличии неподалеку карфагенского флота, поначалу воспряли духом и начали активно агитировать против римлян — настолько активно, что народ уже начал сбегаться в гавань, стремясь помешать высадке римского десанта. Именно в такой сложнейшей обстановке собралось народное собрание. Один из лидеров проримской партии, Аполлонид, произнес зажигательную речь, в которой, в частности, заметил, что все происходящее чревато

Зоны боевых действий на Сицилии в 214 г. до н. э.

прежде всего гражданской войной в самих Сиракузах. Аполлонид рекомендовал последовать примеру мудрого Гиерона и предпочесть дружбу, выдержавшую пятидесятилетнее испытание, друзьям пока еще неизвестным, а в прошлом неверным: «Учтем еще обстоятельство немаловажное: отказаться от мира с карфагенянами не значит, что с ними сейчас же начнется война; с римлянами надо сейчас же или заключить мир, или идти на них войной». После ожесточенных споров решено было все-таки придерживаться союза с римлянами.

Мир был подтвержден, однако в основном на словах — один из вождей прокарфагенской партии, Гиппократ, со своими отрядами начал разорять сиракузские территории, соседствующие с римскими владениями в Сицилии — город Леонтины и окрестности, а когда римляне послали войска для защиты союзников, он напал на римский лагерь и перебил немало солдат. Отправленные в Сиракузы послы заявили, что мира на деле не будет до тех пор, пока Гиппократ и его сподвижник Эпикид не удалятся не только из Сиракуз, но и с Сицилии вообще. Возникли новые проблемы. Римляне, по просьбе сиракузян, взяли мятежные Леонтины; Гиппократ устроил провокацию, обвинив римлян в зверствах над населением, а затем устроил откровенный подлог с фальшивым письмом, якобы написанным сиракузскими военачальниками Марцеллу с одобрением этих зверств. Новый цикл беспорядков и дезинформации завершился приходом к власти Гиппократа и Эпикиды. Сиракузы вновь попали под власть тиранов и самодуров.

Когда римляне узнали о таком изменении обстановки, воинский лагерь был немедленно перенесен от Леонтин к Сиракузам и разбит в полтора милях от города. Были отправлены послы в город; послы шли на квинквереме, которую сопровождала квадриема. Квадриема при входе в город была захвачена, так что второму кораблю с послами едва удалось ускользнуть. Переговоры под городскими воротами не дали результата: римляне заявили, что пришли не воевать, а лишь восстановить справедливость, и в этом случае не придется братья за оружие. На это Эпикид, ведущий переговоры, ответил, что когда Сиракузы будут во власти тех, к кому послы приходили, тогда и будут вестись переговоры. А если, де, римляне начнут войну, то узнают, что осаждать Сиракузы — совсем не то, что взять с ходу Леонтины.

Началась осада. Быть может, она осталась бы в античной истории простым военным эпизодом — мало ли было тогда громких и грандиозных осад, длившихся годами и уносивших тысячи жизней? Однако именно в Сиракузах проживал человек, имя которого, вероятно, — единственное, что помнят все поколения потомков в связи с этим, в общем-то, не первостатейным городом древнего Средиземноморья. Архимед — талантливый механик и ученый — был тем, на ком концентрировали свое внимание уже современники и авторы исторических сочинений древности. Именно этот житель Сиракуз, который никак не проявил себя, судя по всему, в политических баталиях прошлого, сделал осаду и долгой, и трудной, и кровавой для римлян, заслужив их уважение и оставшись в памяти человечества. По словам Тита Ливия, это был «несравненный наблюдатель неба и звезд и еще более удивительный создатель разного рода военных орудий, которыми он легко, словно играючи, уничтожал плоды тяжких трудов неприятеля».

По сути дела, Архимед создал то, чего не было до него — прообраз эффективной и сложной системы береговой обороны, развив традиционные методы борьбы с осадой городов с суши и экстраполировав их на противокорабельную борьбу.

Поскольку она отличалась особой спецификой, те новшества, которые мог предложить ум талантливого изобретателя, нашли блестящее применение.

Согласно рекомендациям и планам Архимеда, прежде всего были тщательно укреплены наземные стены города. Стена, опоясавшая его, шла по всхолмлениям и впадинам, в некоторых местах была неприступна; там же, где местность сильно понижалась, т. е. в ложбинах, стены были более уязвимы. Поэтому именно здесь Архимед распорядился поставить многочисленные метательные машины — либо собственной конструкции, либо со своими усовершенствованиями. Однако наибольшие усилия он приложил для защиты города с моря — поскольку это было новшеством, то вызвало у римлян немало неприятных эмоций.

Впрочем, и осаждающие проявили чудеса изобретательности и технической мысли при штурме. Именно поэтому осада Сиракуз стала столь ярким событием и уж, конечно же, одним из самых заметных эпизодов военно-морской истории античного периода. Римляне не только подвели к стенам немалое количество стенобитных орудий и осадных метательных машин — они, естественно, обложили город и со стороны моря, блокировав его от возможной помощи и ведя осаду с поверхности воды. Существенные усилия предпринимались при попытках взятия городских стен со стороны Гексапил, однако наиболее нетривиальной частью осадных мероприятий был штурм с моря.

Сиракузы выросли из поселения, находившегося на острове в гавани, постепенно колония распространилась на прилегающее побережье, однако остров остался своего рода цитаделью и одним из главных центров города. Непосредственно примыкавший к нему центральный район, носивший название Ахрадина, был прикрыт с моря чрезвычайно мощной и удачно спланированной стеной. Главные усилия римлян сконцентрировались на штурме именно этой части укрепления. Не имея возможности подойти к ним с суши, они использовали для этого флот. 60 квинкверем по приказу Марцелла вели регулярный обстрел укреплений Ахрадины из тяжелых метательных машин и периодически пытались штурмовать стены в районе Скитского портика. В основном же применялся обстрел со средней дистанции, позволявший задействовать не столько машины, сколько мускульную силу людей. Многочисленные лучники, пращники и метатели копий в такие дни осыпали вершины стен градом метательных снарядов. При этом преследовалась цель прежде всего нанести максимально возможный урон живой силе противника, оборонявшего стены. Копейщиков отобрали наиболее сильных и опытных — они метали копья, превышавшие по размерам и весу обычные, что практически исключало их вторичное использование осажденными — далеко не каждый неподготовленный мог метнуть такое копьё обратно и причинить римлянам какой-то ущерб. Вызывает уважение мастерство и сила этих римских метателей, соревновавшихся в дальности и меткости броска с пращами и луками. Одновременно выдерживавшаяся дистанция позволяла свести к минимуму собственный урон на кораблях, несмотря на определенное преимущество, которое имели находившиеся на большей высоте защитники стен.

Такой обстрел вела лишь часть кораблей. Восемь квинкверем из шестидесяти, участвовавших в штурме, римляне использовали следующим образом. На каждой паре квинкверем снимались весла с разноименных бортов. После этого два корабля накрепко швартовались канатами друг к другу, образуя импровизированный катамаран. Грузоподъемности и устойчивость такой конструкции, ра-

зумеется, существенно возрастали, а оставшихся весел вполне хватало для движения малым ходом в той ситуации, когда скорость и маневренность не играли существенной роли. На образовавшуюся конструкцию устанавливался общий прочный настил, на котором возводился целый осадный комплекс. Он состоял из осадных башен, насчитывавших несколько этажей, а также стенобитных машин, предназначенных для непосредственного разрушения участков стены городских укреплений. Такие корабли должны были, пользуясь поддержкой непрерывно стрелявших кораблей огневого сопровождения, сгонявших обороняющихся со стен, подходить вплотную к укреплениям и вести осаду и штурм, равнозначные сухопутным. Сложнейшие сооружения представляли немалую опасность для си-ракузян.

На общих палубах таких спаренных квинкверем римляне установили еще одно средство для облегчения штурма — так называемые самбуки (самбикой, или самбукой, назывался струнный инструмент, напоминавший по форме арфу). Они представляли собой в некотором смысле дальнейшее развитие знаменитого «ворона», применявшегося при abordажных боях. Его увеличенный, усложненный и гораздо более адекватно защищенный аналог был предназначен для непосредственного десантирования воинов на стены города. Самбуки представляли собой длинные и прочные лестницы шириной около четырех футов и достаточной длины для того, чтобы даже в несколько наклоненном положении доставать с палубы корабля до вершины городской стены. Нижний конец лестницы укреплялся шарнирно на палубе корабля-спарки, а к верхнему крепился канат, пропущенный через блок на вершине мачты и спускавшийся своим противоположным концом на палубу в позади мачты. Учитывая, что боевые действия придется вести в условиях ожесточенного обстрела со всех трех сторон, римские инженеры особое внимание уделили защите самбук от этой угрозы. В результате приспособления получили не только прочные и высокие перила, но и усиленную защиту по бокам, образованную дощатыми щитами и плетеными прикрытиями. Передний конец, выступавший далеко вперед и вверх над баком корабля, завершался боевой платформой, сбитой из досок, которая с трех сторон — сбоку и сверху — была закрыта специальными плетеными щитами. На этой платформе располагались четверо воинов, на которых лежала ответственнейшая задача: прикрываясь своими щитами, они должны были, несмотря на свою малочисленность и яростное сопротивление неприятеля, утвердить десантную площадку на гребне стены. Как только это удавалось, воины сбрасывали боковые щиты и устремлялись на стены, а за ними следовали взбиравшиеся по лестнице товарищи.

Ответом на это стали многообразные меры противокорабельной борьбы, предложенные Архимедом. Он разместил по стенам прибрежных укреплений большое количество метательных машин большой мощности. Они метали в приближающиеся корабли, бывшие, разумеется, отличной мишенью, чрезвычайно большие и тяжелые камни, совершенно непривычные по своему «калибру» для моряков, привыкших к артиллерии корабельных масштабов. Масса этих камней превышала десять талантов, т. е. существенно превосходила цифру в 250 кг. Естественно, эти камни причиняли наступающим кораблям тяжелые разрушения. Впрочем, главной и основной мишенью для тяжелых машин стали корабли огневой поддержки, практически недостижимые для обычных средств. Как только наступающие суда подходили на ближнюю дистанцию, в дело вступали другие метатель-

ные машины, осыпавшие римлян градом камней меньшего размера и небольших литых свинцовых снарядов, которые были менее опасны для кораблей и осадных сооружений на них, однако причиняли огромный вред живой силе, коль скоро та не была укрыта под броней или деревянными щитами.

Таким образом, благодаря усилиям Архимеда, простреливалась чрезвычайно надежно вся акватория, по которой римляне пытались подойти к стенам приморской части города. Однако этим дело не заканчивалось. Если, по традиции, обороняющиеся в античные времена использовали почти исключительно верхние боевые площадки стен и башен, то Архимед модифицировал эту систему обороны и сделал ее гораздо более изощренной и эффективной. В стене, на разных уровнях, были пробиты ряды бойниц классической формы т. е. сильно сужавшихся к наружной стороне стены. Внутренний поперечник этих отверстий составлял около локтя (немногим менее полуметра), а внешний — около четырех пальцев (т. е. примерно 7,5 см). Это сводило к минимуму возможность поразить бойницу снаружи, однако не мешало вести обстрел изнутри. Из этих-то отверстий жители Сиракуз и вели массированный обстрел противника из луков или, что было еще удобнее и эффективнее, из небольших «скорпионов» — ручных арбалетов, метавших относительно тяжелые стрелы или небольшие камни.

Особую роль сыграли эти отверстия в тот момент, когда римляне, разочарованные постоянными неудачами и терявшие веру в силу собственного оружия, решились, по приказанию Марка Клавдия, на ночной штурм. Кинжальный огонь с близкой дистанции из этих бойниц оказался чрезвычайно губительным, в результате чего ночная атака также провалилась.

Многочисленные машины, построенные по указанию Архимеда, располагались скрытно за стеной, так что их местоположение сразу было невозможно определить. В момент штурма они быстро выдвигались на стены либо поднимались над их уровнем и вступали в бой. Кроме того, машины эти были оснащены развитой системой горизонтального наведения, так что прислуга без труда перенацеливала их по наиболее опасным целям. Коль скоро римляне пытались поднимать самбуки и устанавливать их на стены, сиракузяне тотчас же реагировали, и камни и свинцовые пули, выпущенные из метательных орудий, не только разрушали штурмовое приспособление, но и угрожали самому кораблю.

Однако все эти средства были более или менее традиционны. Одним из новшеств механического свойства, предложенных Архимедом, были своеобразные якоря для выведения из строя неприятельских кораблей. Поскольку конечной целью атаки была не бомбардировка, а непосредственный штурм городских стен, то корабли стремились как можно скорее выйти из под разрушительного обстрела тяжелыми камнями и подойти к стенам. И вот здесь-то их и встречало еще одно изобретение Архимеда, основанное на простейшем принципе рычага, но оказавшееся чрезвычайно эффективным как с точки зрения непосредственного военно-тактического результата, так и в плане морально-психологического воздействия на осаждавших.

Устроено оно было следующим образом. На прочном пирамидальном деревянном основании шарнирно крепилось длинное деревянное коромысло, свободно перемещавшееся в горизонтальной и вертикальной плоскости. На внешнем, более коротком, конце, который выступал за стены и нависал над акваторией, крепился на очень прочной цепи якорь-«кошка». На противоположном конце ко-

ромысла, которым можно было управлять изнутри крепости, подвешивался массивный свинцовый груз. Корабль, близко подходивший к стенам, становился добычей этого хитроумного по тем временам сооружения. Пользуясь указаниями людей, находившихся на стенах, команда машины совместными усилиями как можно быстрее наводила стрелу так, чтобы ее оконечность оказывалась над носовой частью судна. После этого внутренний конец быстро поднимали, стремясь забросить «кошку» на бак корабля. Цепляясь за рангоут и такелаж, а также за деревянные конструкции корабля, приспособление более или менее надежно фиксировалось и, если это удавалось, команда быстро совместными усилиями и перемещением груза вздергивала корабль за носовую часть. В результате взорам изумленных римлян представало удивительное и пугающее зрелище: корабль вздымался над водой под очень большим углом, почти стоймя. Естественно, часть команды просто прыгала за борт, не будучи в состоянии удержаться на потерявшей всякое сходство с горизонтальной поверхностью палубе. Однако сиракузяне, вздернув корабль как можно выше, затем резко по команде отпускали свой конец рычага. В результате судно вместе с оставшимися на нем испуганными матросами обрушивалось на воду, вздымая тучи брызг. В одних случаях корабль при этом просто переворачивался, в других падение было настолько резким, что судно все равно черпало воду и имело все шансы тотчас же затонуть. Несколько кораблей было потеряно именно таким образом, что в совокупности с потерями, причиненными флоту метательной артиллерией Сиракуз, поставило под вопрос саму возможность штурма города с моря. Беспрецедентная попытка римлян натолкнулась на столь же беспрецедентный ответ со стороны осажденных.

Но, судя по всему, наиболее оригинальным изобретением Архимеда стали зажигательные системы из зеркал, фокусирующих солнечный свет на кораблях противника. Упоминания об этих приспособлениях, впрочем, достаточно туманны, и мы не можем ни подробно представить себе, как именно они были сделаны, ни тем более адекватно описать тактику их применения. Однако в самом употреблении таких устройств нет ничего необычного. Стоит лишь отметить, что, если эти сообщения являются истинными, то мы, несомненно, имеем дело с наиболее технически изысканным средством ведения боевых действий в эпоху античности, по своему принципу действия далеко опережающим все, что имелось на вооружении армий и флотов в ту эпоху.

Силы и таланты противников на море в этой схватке оказались равны, и вскоре стало ясно, что попытка захватить город с моря обречена на провал. Не терявший присутствия духа Марк Марцелл, смеясь, говорил, что Архимед, дескать, угощает его корабли морской водой, а его самбуки с позором изгнаны с попойки палочными ударами. Однако горький юмор командующего не мог исправить положения вещей.

Сухопутные укрепления Сиракуз были не менее неприступны. Стены и башни, дополнявшие природные укрепления (большая часть стен проходила по холмам, склоны которых создавали для нападавших массу проблем), были усилены многочисленными машинами Архимеда, что обрекало римлян если не на поражение, то, во всяком случае, на огромные жертвы при прямом штурме. В том числе применялись аналогичные приморским «краны», которые были меньше по своей грузоподъемности, однако поднимали и сбрасывали затем наземь воинов в полном вооружении, причиняя не столь уж большой вред, но оказывая крайне

негативное психологическое воздействие на осаждавших. Поэтому на состоявшемся военном совете было решено, что город следует тщательно обложить и вынудить к сдаче путем блокады.

Особая роль при этом отводилась флоту. В его задачу входила полная и надежная изоляция Сиракуз с моря, с тем чтобы в город невозможно было доставить продовольствие или военные припасы ни из Карфагена, ни от каких-либо иных возможных новых союзников: ведь никто не знал, как будут развиваться события в ближайшее время.

Отлично характеризует создавшуюся ситуацию тот факт, что все время, пока римляне пытались штурмовать Сиракузы с моря и осаждать одновременно с суши, карфагенский флот стоял на якоре либо крейсировал сравнительно неподалеку — вблизи мыса Пахин. Войск у карфагенян было сначала совсем немного, однако вскоре новые суда подвезли из Африки подкрепления. В результате в распоряжении командующего этой эскадрой и войском, карфагенянина Гимилькона, оказались немалые силы: 25 000 пехотинцев, 3000 всадников и 12 боевых слонов. Они были переброшены на остров в результате неоднократных просьб Ганнибала и личной поездки в Карфаген самого Гимилькона. Главной целью этого контингента мыслилось возвращение под власть Карфагена Сицилии, что являлось задачей хотя и важной, но все же локальной и частной. Показательно, что за все время штурма этот флот, как и войско, так и не рискнул вмешаться в ход боевых действий. Римляне даже с небольшим количеством кораблей сохраняли устойчивый контроль над морем в этом регионе, хотя, в то же время, сами не могли кардинально повлиять на ситуацию и нанести карфагенянам упреждающий удар.

Неустойчивое равновесие, создавшееся к этому моменту, отчетливо видно хотя бы по тому обстоятельству, что римская блокада Сиракуз была все же недостаточно прочной. В самом деле, корабли не стояли на рейде города — они лишь патрулировали его окрестности и, как выясняется, не всегда эффективно. Так, в ходе войны за Сицилию, после того, как карфагеняне взяли Агригент (Акрагант) — второй после Сиракуз городской центр острова, — им удалось пройти в гавань самих Сиракуз. Флот из 55 кораблей под командованием Бомилькара вошел в порт города. Однако эта акция имела преимущественно моральное значение.

Дело в том, что именно в эти дни сицилийская эскадра римлян увеличилась, причем весьма существенно. Три десятка квинкверем, которые строились и вводились в строй в Риме, предназначались для перехода в Адриатическое море для борьбы против Филиппа Македонского. Однако, коль скоро македонский царь колебался и не спешил развязывать активные боевые действия, эти корабли оперативно переместили на южный фланг обороны и усилили ими сицилийский флот. Таким образом, в разгар борьбы с Сиракузами римляне располагали в водах, омывающих южный остров, 130 боевыми кораблями. Соответственно, эти силы даже количественно превосходили карфагенскую эскадру более чем в два раза. Флот римлян был рассредоточен: три десятка новых кораблей стояли у Панорма. Они высадили здесь легион, во взаимодействии с которым и приобретали ту самую исключительную силу, когда береговое войско и корабли дублируют и поддерживают друг друга. Остальные сто кораблей находились в разных местах, однако более половины их было задействовано в пат-

рулировании восточного побережья Сицилии. Неудивительно, что карфагеняне не могли в тот момент рассчитывать на успех в прямом столкновении с этими силами.

Центр тяжести в войне в этот период полностью переместился на Сицилию. Обе враждующие стороны, оставив в относительном небрежении фронты в Италии и Иберии, сконцентрировали свои усилия на завоевании острова, который, собственно, и стоял у истоков римско-карфагенского конфликта. В 214 г. римляне провели масштабную замену обветшавших кораблей, выведя из состава флота 105 судов и построив взамен них сотню новых. Общий численный состав флота мало изменился (215 вместо 220 кораблей), однако приоритеты стали еще отчетливее—35 кораблей базировалось на испанские порты, 50 —на Калабрию, и 130 кораблей находилось в сицилийских водах. Высочайшая концентрация кораблей на южном направлении была детерминирована отчетливым осознанием его важности. Разумеется, ухищрения Архимеда нанесли римским военно-морским силам под Сиракузами определенный урон, однако потеря нескольких кораблей в гавани Сиракуз с легкостью компенсировалась за счет флотилии из Лилибея, пребывавшей в постоянной боеготовности.

В наиболее тяжелые годы — и это может показаться странным — римляне не сохраняли в боевом составе флота старых кораблей. Однако стоит учесть, что эти корабли в большинстве своем не пускались на слом, а как бы выводились в резерв. Проблема заключалась в том, что римляне испытывали острую нехватку команд для своего флота. Обученные экипажи было еще труднее подготовить в условиях нехватки людских резервов даже для сухопутной армии. Именно поэтому реальная численность корабельного состава флота существенно превышала число боеготовых кораблей.

Бомилькар, прорвавший блокаду Сиракуз, после усиления военно-морской группировки римлян, разумеется, ощутил тяжесть своего положения в полной мере, не стал связываться с агрессивным и активным противником. Он-то отлично понимал, что его флот уступает римскому не только в численности, но и качественно. Не дожидаясь прибытия наземной и морской группировок римлян, он снялся с якоря и под парусами, пользуясь благоприятным ветром, покинул Сицилию, уйдя к африканскому берегу.

Однако на суше карфагенянам сопутствовал относительный успех. Гимилькон со своей армией демонстрировал силу, и хотя он взял лишь один город — Мургантю, — вдохновленные его приближением, многие города начали отпадать от римлян, изгоняя римские гарнизоны либо уничтожая их.

И все же римляне взяли Сиракузы — хотя участие флота в этом штурме оказалось лишь косвенным. Он, в конечном счете, обеспечил блокаду города с моря. Но блокада эта, на поверку, не оказалась столь эффективной, как ожидалось. Карфагенский флот небольшим числом судов неоднократно прорывался в город, доставляя припасы. Бомилькар с честью выполнил функцию прорывателя блокады. Объясняется это, прежде всего, конечно, близостью Сиракуз к африканскому побережью. В условиях, когда южное побережье острова находилось в подвешенном состоянии, когда не его территории войска противников гонялись друг за другом и осаждали города, порой переходившие из рук в руки, обеспечить надежное прикрытие всех подступов, видимо, оказалось невозможным. Вместе с тем карфагеняне показали себя опытными и храбрыми моряками. Так или ина-

че, но римский флот, несомненно, не справился в данном случае с поставленной перед ним задачей в полной мере.

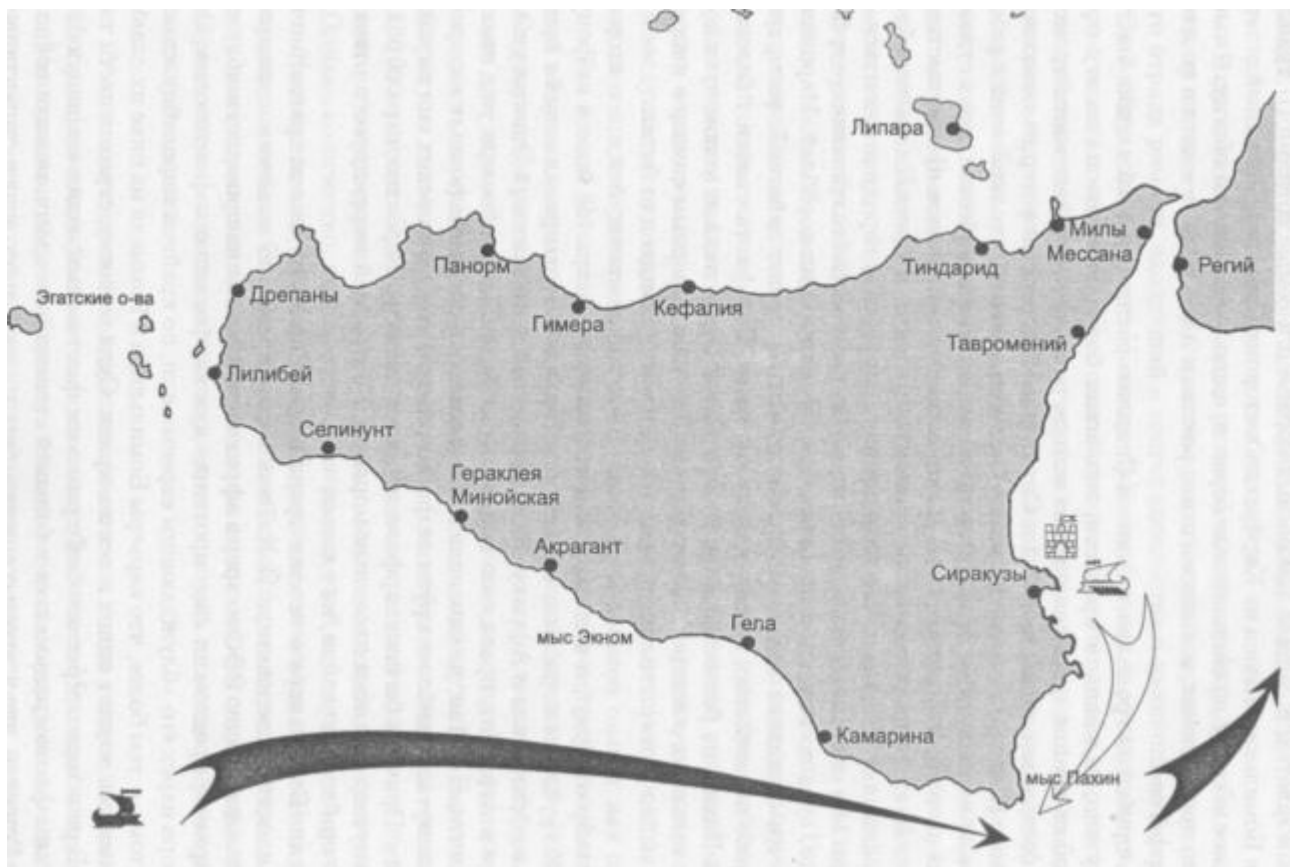
Однако главный удар нанесли сухопутная армия и — конечно же — счастливое для римлян стечение обстоятельств. Ведь Сиракузы держались против римлян более двух лет — случай достаточно редкий даже в ту эпоху длительных осад. Видимо, за это время жители города чересчур уверовали в спасительные возможности машин Архимеда и в собственную неуязвимость.

Сыграло свою роль и предательство, а также активная агентурная работа римлян. Недовольных новыми порядками в городе хватало, поэтому несложно было найти тех, кто согласился бы посодействовать римлянам в их планах. К слову сказать, многочисленных перебежчиков переправляли тайком по морю в рыбацких лодках, укрытых сетями. В результате, несмотря на неоднократные провалы заговоров, римляне все же наладили связь со своими союзниками внутри городских стен.

В 212 г., во время многодневных празднеств в честь Дианы, когда город был погружен в веселье и караульная служба неслась чрезвычайно плохо, римляне, осведомленные об этом, предприняли ночной штурм стены в том месте, где она была ниже всего. Впрочем, назвать это штурмом вообще тяжело. Тщательно продуманный Марком Клавдием Марцеллом порядок следования войск, головные отряды которых запаслись длинными лестницами, обеспечил быстроту выдвижения и скрытность, а остальное было уже очень просто. Римляне взобрались на стены, практически находившиеся без охраны, так как дозорные пребывали в состоянии праздничного опьянения и не оказали никакого сопротивления. Наутро выяснилось, что в руках защитников находится, по сути, только Ахрадина, которая не собиралась сдаваться. Флот Бомилькара стоял в гавани. Следующая ночь была очень бурной, и римляне не отваживались выходить в море и вставать там на якорь для контроля бухты — это, кстати, косвенно свидетельствует о том, что карфагеняне все еще были опытнее римлян в смысле навигации и кораблевождения, — пользуясь этим, карфагенский флот вышел из бухты. Бомилькар оставил защитникам 55 кораблей, а сам с 35 судами под парусами вышел к африканским берегам. Как говорили, Эпикид щедро одарил его из сокровищницы царя Гиерона, и, вероятно, отчасти поэтому Бомилькар сумел убедить карфагенян в столице выслать поддержку Сиракузам. Он вернулся через несколько дней к городу с сотней кораблей. Эти суда внесли свой вклад в последовавшую затем операцию, задуманную, кстати, очень хорошо.

Римляне, осадившие Ахрадину, оказались вдруг в осаде сами: сиракузяне Гиппократы вместе с войсками Гимилькона напали на их бывший лагерь, а карфагенский флот причалил к берегу между расположением двух частей римской армии, не давая им соединиться. Однако римляне отбросили нападавших и ликвидировали угрозу. Но взамен на них — как и на их противников — свалилось новое несчастье — чума. Тяжелейшая эпидемия унесла значительное количество воинов в обоих лагерях, однако римляне, успевшие привыкнуть к местному климату, страдали все же несколько меньше карфагенян. Во всяком случае, те потеряли и Гимилькона, и Гиппократы, разделивших судьбу многих своих воинов. В конце концов Марцелл отвел свое поредевшее войско в город для передышки, прекратив непосредственную осаду Ахрадины, но не сняв кольца блокады.

Бомилькар же вторично прорвался в Африку со своим флотом, убедил кар-

Попытка прорыва карфагенян в 212 г. до н.э.

фагениян попытаться захватить римлян в их новообретенном городе. Он снарядил большое количество транспортных кораблей, которые загрузили «под завязку». С огромным флотом в составе 130 боевых кораблей и семью сотнями (!) транспортников Бомилькар вышел из Карфагена в сторону Сицилии. Попутный ветер быстро донес эскадру до сицилийских берегов, однако помешал ей обогнуть мыс Пахин. Это промедление, возможно, стало роковым для Сиракуз — хотя и не для флота Карфагена.

Слух о прибытии громадного флота в Сицилию распространился очень быстро, сиракузяне, сидевшие в крепости, возлагали большие надежды на эту помощь. Однако крайне неблагоприятная погода не давала карфагенским транспортным и боевым кораблям подойти к Сиракузам. Восточный ветер не позволял обогнуть мыс Пахин, и Бомилькар ждал. Он очень опасался столкновения с римским флотом — опасался не столько из-за численности или качества своих судов, сколько из-за того, что ветер давал его противникам очевидное преимущество. В этих условиях Эпикид самолично покинул крепость и бросился на корабле к своему союзнику, убеждая того немедленно двинуться к городу и сразиться с римлянами. Мы никогда не узнаем, как могло бы выглядеть это сражение — весьма крупное, судя по возможному количеству участвующих кораблей. Марцелл, понимая, что ожидание в данном случае ничем не лучше действий, несмотря на численное неравенство, вышел навстречу врагу. Оба флота стояли у берегов близ мыса Пахин, не решаясь выйти в море до той поры, пока не успокоится погода. Как только юго-восточный ветер утих, Бомилькар первым снялся с якоря, стремясь выйти в открытое море и занять удобную позицию для битвы.

Однако как только показался римский флот, направляющийся в его сторону, Бомилькар отвернул и под парусами отправился в открытое море в сторону Тарента. К грузовым кораблям, стоявшим в Геракле, он отправил гонца с приказанием возвращаться в Африку. Разочарованный и взбешенный Эпикид ушел на корабле в Агригент, правильно поняв, что шансы Сиракуз теперь уже практически ничтожны. Так, не начавшись, завершилась морская баталия, в которой могли столкнуться наиболее крупные формирования военно-морских сил на южном фланге. Причина бегства карфагениян не вполне ясна. Вероятно, играла роль именно репутация римских военных моряков. По крайней мере, другого ответа отыскать, при всем желании, не удастся.

Поведение Бомилькара в течение срока осады Сиракуз в чем-то трагикомично. Голландский исследователь И. Х. Тиль в свое время, по аналогии с данным Эрвину Роммелю радио ВВС во время африканской кампании прозвищем «блуждающий ариец», предложил свое прозвище для карфагенского флотоводца. Он не без юмора нарек его «блуждающим евреем» или, по крайней мере, «блуждающим семитом» — тем более, что карьеры Бомилькара и Роммеля на пике их славы разворачивались почти в одних и тех же краях. Судя по всему, страх понести тяжелые потери в ходе открытого боя с римским флотом вынуждал командующего пунийским флотом заниматься в большей степени маневрами, нежели войной (впрочем, Роммель, вне всякого сомнения, был гораздо агрессивнее, талантливее и, как следствие, удачливее).

В Сиракузах, брошенных на произвол судьбы, вновь разгорелась междоусобная борьба — точнее, ее завершающие акты. Международная ситуация к этому времени существенно изменилась. Практически вся Сицилия была теперь в ру-

ках римлян. Карфагеняне бросили всех своих союзников на острове и полностью утратили — с уходом Бомилькара — всякое влияние в прибрежных сицилийских водах. Помощи ждать было неоткуда. Римляне в ходе переговоров настаивали на сдаче и обещали сохранение свобод города.

В дополнение ко всему один из военачальников Ахрадины был испанцем. К этому человеку — Мерику — явился один из воинов вспомогательного испанского отряда римлян, входивший в состав посольства и имевший особое поручение. Он сообщил Мерику, что Испания практически вся в руках римлян, и он, Мерик, может возглавить своих соплеменников. Эта старая как мир уловка возымела действие, и одним могущественным союзником у римлян стало больше. Под покровом ночи римские воины на грузовой барже были подведены к воротам Ахрадины близ источника Аретузы. Мерик впустил солдат в крепость. С рассветом римляне бросились на приступ, а все горожане устремились отражать их натиск. Вместе с ними, бросив посты на острове, устремились и стоявшие там войска. Пользуясь этим, множество легких судов, которые Марцелл накануне изготовил к бою, подошли кружным путем к острову и высадили солдат. В результате была захвачена часть крепости и сопротивление, фактически, стало полностью бессмысленным. После этого крепость была сдана. Город отдали на разграбление солдатам, что было вполне объяснимо понесенными в ходе длительной осады жертвами. В ходе этих грабежей, как известно, был по неведению убит римским солдатом человек, бывший первопричиной упорного сопротивления и неудач римлян во время осады — Архимед. Марцелл, выказывая уважение к заслугам этого неординарного ученого, окружил почетом его родню, коль скоро не смог предотвратить его гибель.

Так весной 211 г. пал город, который стал примером правильной и эффективной обороны с применением новейших технических средств той эпохи. Занятие Сиракуз дало римлянам немалую добычу и, соответственно, ресурсы, необходимые для дальнейшей войны. Еще более значимо то, что обнажилась вся беспомощность карфагенских флотоводцев и главнокомандующих. В разгар битвы за Сиракузы только во флот Карфагена было мобилизовано, как минимум, около 100 000 человек. Эти крупные силы при качественной подготовке и, самое главное, с самоотверженными командирами, могли если и не все, то весьма многое. Однако количество, похоже, уже не играло в этой войне прежней роли.

Еще важнее то, что с падением Сиракуз обозначился перелом на южном направлении войны. Сицилия вскоре полностью перешла под контроль римлян, и для них открывался прямой путь в самое сердце карфагенской державы. Однако перенесемся ненадолго на просторы других морей, не менее важных для римлян и их противников.

Уже в ходе сицилийской кампании возникли новые театры военных действий. Наконец, начались боевые столкновения с Филиппом Македонским. До той поры он, в основном, долго собирался нанести римлянам удар, но каждый раз трусливо ретировался при одном упоминании о возможности появления римского флота в пределах досягаемости его морских сил. На этот раз Филипп начал с наступления на союзников римлян в Иллирии. Главный удар был нанесен по двум городам, лежавшим через море напротив Брундизия — Орику и Аполлонии Иллирийской. Сперва войска Филиппа, ведя против течения по реке 120 небольших

кораблей-бирем, подошли к Аполлонии и осадили ее. Однако внезапного нападения не получилось, а жители города были настроены крайне решительно в плане отстаивания своей независимости. Поэтому замышлявшаяся осада успеха не имела; однако войска, выведенные из-под стен Аполлонии, ночью совершили скрытный марш и напали на Орик. Город лежал на равнине, практически не был укреплен и не располагал воинскими подразделениями, поэтому с захватом его у Филиппа проблем не возникло. Однако жители города успели сделать то, что от них в данный момент требовалось больше всего, — отправить послов к римлянам с известием о начале боевых действий и обстановке.

Послы умоляли отправить помощь союзникам и предостерегали римлян: по их словам, следовало всеми доступными средствами оборонять приморские города Иллирии и с суши, и с моря, не позволяя македонскому царю утвердиться в портовых поселениях, поскольку в этом случае угроза италийскому побережью с его стороны станет вполне реальной. Впрочем, сами римляне понимали это ничуть не хуже послов. Марк Валерий отреагировал немедленно. Оставив всего лишь 2000 воинов под командованием Публия Валерия для защиты лагеря, он посадил всех остальных воинов на корабли своего флота. Боевых квинкверем не хватало, поэтому были задействованы и транспортные суда. Операция была действительно молниеносной, что свидетельствует о постоянной готовности, в которой находился флот: уже на следующий день Марк Валерий был близ Орика. Филипп оставил символический гарнизон, видимо, не рассчитывая на реакцию врага, поэтому город вновь был освобожден после совершенно незначительной стычки.

Получив базу на иллирийском побережье, Марк Валерий принял послов из Аполлонии, продолжавшей находиться в осаде. Те указали командующему, что самостоятельно не продержатся против македонского царя. Марк немедленно перебросил на кораблях подкрепление в виде двух тысяч отборных солдат под командованием префекта Квинта Невия Кресты в окрестности города. Под покровом ночи эти воины, пользуясь дорогой, на которой не было македонских постов, беспрепятственно проникли в город, усилив его гарнизон. Марк Валерий вернул корабли обратно в Орик, где базировался основной флот. На следующий день был произведен смотр войску жителей Аполлонии, после чего ночью римляне и местные воины, в количестве примерно тысячи человек, неожиданно напали на ничего не подозревающего неприятеля. Паника, поднявшаяся в лагере карфагенян, была неопишима. Не только воины, но и сам полураздетый спороныя Филипп опрометью бросились к стоявшим на реке кораблям, в которых они видели свое единственное спасение. Лагерь был полностью разграблен, около 3000 македонян погибло, еще большее число захватили в плен. В качестве трофеев — и очень ценных трофеев — к римлянам перешли многочисленные осадные приспособления, катапульты и баллисты, находившиеся в лагере.

Сообщение об этой победе немедленно ушло в Орик; Марк Валерий сразу же двинулся с флотом к устью реки, стремясь запереть македонского царя и не дать возможности его флоту выйти в море. Блокированный царь, который был уже совершенно не способен сражаться, однако, сохранил способность трезво оценивать обстановку, отлично понял, каковы его шансы в данной ситуации. Не рискуя даже пытаться осуществить прорыв, он приказал вытащить корабли на сушу и сжечь их, чтобы столь ценные трофеи не увеличили вдвое римские си-

лы на море количественно. Сам же он вместе с войском отступил в Македонию. Войско это потеряло всякую боеспособность: лишившись значительной части вооружения, припасов, артиллерии и кораблей, македоняне представляли из себя достаточно жалкое зрелище, и о продолжении кампании в этом году не могло идти и речи. Римский флот и войско, столь блестяще проявившие себя в этой молниеносной операции, остались на зиму в Орике. Рассматривая иллирийскую операцию, нельзя не отметить блестящей подготовки флота и армии, тесно налаженного взаимодействия командиров и согласованности решительных действий. Подавляющее владение инициативой со стороны римлян являет собой разительный контраст с бездарным руководством и абсолютной нестойкости в условиях отнюдь не катастрофического характера поражений македонской армии. Без сомнения, иллирийский рейд Марка Валерия стал одной из самых захватывающих операций Второй Пунической войны и образцом применения флота в эпоху античности.

Активность на других фронтах, однако, не снизилась. В Испании шли тяжелые сражения с переменным успехом: карфагеняне мстили племенам, союзным с Римом, римляне защищали своих союзников. Война в основном велась по берегам Ибера, который войска противников то и дело форсировали. Однако флот в этот период в Испании практически не применялся — его функции сводились к доставке припасов и патрульной службе, эпизодическим переброскам войск, однако морских сражений не было, в основном в силу пассивности карфагенян, старавшихся лишний раз не рисковать.

Однако самым важным в испанских делах было то, что римляне от стремления всеми силами не допустить врага в Италию перешли к наступательной в стратегическом плане фазе — настало время покончить с карфагенянами на Пиренейском полуострове. Несмотря на гибель обоих Сципионов и возникшую страшную угрозу римлянам на суше, положение быстро выправили.

В боевых действиях на море наступила определенная стабилизация: новые корабли в строй не вводились, серьезных перераспределений сил между флотами пока не было. Несмотря на кажущуюся тяжесть положения римлян, в войне вырисовывался очевидный, хотя и не слишком явный, перелом. Господство римлян на море давало о себе знать, и это было отнюдь не самым последним обстоятельством, склонявшим чашу весов на их сторону.

Главным театром военных действий постепенно становилась Южная Италия. Фактически это была единственная территория, где карфагеняне располагали сухопутными силами, способными реально повлиять на стратегическую ситуацию. 213 г. ознаменовался началом чрезвычайно интересного противостояния римлян и их противников в Таренте. Осада Тарента — хотя, в общем, довольно сложно определить, кто кого там осаждал — стала одним из наиболее показательных примеров важности морских сил и морского пространства в целом для исхода войны. В этом году Ганнибал, с радостью принимавший перебежчиков, которые одни только и могли обеспечить его существование в Италии, захватил этот греческий город в Южной Италии. Почти детективные обстоятельства измены, приведшей к сдаче города, выходят за рамки нашего внимания, однако в результате сложилась весьма парадоксальная ситуация. Карфагеняне, остро нуждавшиеся в удобной гавани в Италии, получили в свое распоряжение как раз такой город, который и был им необходим. Но «подарок» был несколько под-

порчен: римский гарнизон укрылся в цитадели, расположенной крайне выгодно с точки зрения оборонявшихся. Она находилась на мысу, прикрывавшем вход в гавань, и, таким образом, горстка римлян полностью заперла порт, заблокировала в нем имевшиеся у тарентинцев корабли и сама могла без проблем получать поддержку с моря. Парадоксальность этой ситуации выводила Ганнибала из себя и напрочь лишала столь ценное приобретение, каким являлся город Тарент, его главных достоинств. В шоке были и сами тарентинцы, флот которых стоял в бездействии.

Несмотря на то, что римский гарнизон понес существенные потери в самом начале осады, не приходилось и думать о штурме цитадели. Во что бы то ни стало необходимо было овладеть морем. Однако рассогласованность действий карфагенян сказалась здесь как нельзя более отчетливо. Фактически, Ганнибал действовал на свой страх и риск, без поддержки метрополии. Складывается впечатление, что вся его итальянская кампания, а не только осада Тарента, была как бы его личной инициативой — столь равнодушны порой были карфагеняне в столице к судьбе своего удачливого полководца. Впрочем, надо быть объективными: даже если бы они выслали в этот момент флот, скорее всего, большая его часть осталась бы на дне моря в прибрежных водах Сицилии либо пополнила ряды римских флотилий. В эти годы карфагеняне уже не рисковали нарываться на открытые морские сражения со своими недавними учениками.

Как бы то ни было, оставалась лишь одна надежда — на флот самих тарентинцев. В ходе совещания со старейшинами города Ганнибал предложил самоочевидный, но предельно дерзкий план эвакуации судов из-под осады. Город стоял на равнине и был окружен системой отличных и удобных дорог. Этим-то и хотел воспользоваться Ганнибал. Под суда были подведены катки, а самые небольшие корабли погрузили на составленные из телег и повозок «поезда». Применили рычажные и блочные машины, облегчавшие погрузку и транспортировку. Наконец, была замощена наиболее удобная дорога, ведущая к открытому морю. В результате этой беспрецедентной акции карфагеняне и тарентинцы перевезли-таки свои суда к побережью и спустили их на воду. Флот всего за несколько дней покинул свое пристанище и блокировал гавань снаружи. Вот теперь римский гарнизон оказался в настоящей осаде.

Однако общая ситуация продолжала меняться. Карфагеняне в Италии испытывали недостаток в продовольствии, а вместе с ними страдали и их союзники. Римляне же, напротив, напрягая силы, умудрились снабдить продовольствием гарнизон осажденной цитадели Тарента, а также усилили его численно, перебросив из Метапонта подкрепления. Легат Гай Сервилий с несколькими тяжело нагруженными кораблями пробился в гавань города и вдохнул новые силы в осажденных. И положение несколько изменилось: если раньше жители города уговаривали легионеров сдаться, то теперь сдаться на милость римлян уговаривали тарентинцев уже воспрянувшие духом солдаты. Конечно, римляне пожертвовали Метапонтом, гарнизон которого был выведен в Тарент, а жители, лишившись угрозы, окончательно примкнули к Ганнибалу. Но значимость Тарента была чрезвычайной, и это определяло интерес к нему и тех, и других.

У карфагенян был блестящий шанс, который они так и не использовали. Ведь в самой Италии, на ее юге, в обороне римлян зияла огромная брешь. Достаточно было Бомилькару смело устремиться вперед близ Пахина, а затем, вне зависи-

мости от тяжести потерь в схватке с римлянами, десантировать свои войска — и судьба Сицилии могла резко измениться. Однако даже и тогда, когда он уклонился от боя, еще не все было потеряно. Бросок через море к Таренту тоже, в общем-то, решал массу проблем. Осада цитадели в совокупности с блокадой ее флотом из 130 кораблей неминуемо приводила к падению со всеми вытекающими последствиями — переходом под контроль карфагенян удобной гавани и возможностью беспрепятственного подвоза войск и припасов Ганнибалу. Кроме того, флот Бомилькара имел все шансы разбить почти втрое уступающий по численности римский флот в Греции и столь же беспрепятственно заняться переброской войск Филиппа Македонского на Апеннины. Вот это могло стать действительно концом Римской республики. Однако ничего подобного не произошло. «Утраченные победы» были не только у генералов Вермахта. События этой фазы Второй Пунической войны могут быть охарактеризованы — с точки зрения карфагенян — точно так же. Отличный шанс был упущен.

Римляне же, напротив, действовали напористо и решительно. Вообще флот в этой фазе боевых действий сыграл колоссальную роль — именно благодаря свободному оперированию морским пространством римляне осуществляли эвакуацию отдельных гарнизонов — например, в Фуриях. Это позволяло достаточно быстро реагировать на изменения ситуации и сохранять силы. Карфагеняне действовать так уже не могли, и отнюдь не из-за несовершенства флота, а исключительно в силу психологической установки, выработавшейся к тому времени.

К 211 г. обозначился переход римлян к наступательной стратегии. Это становится ясным хотя бы из того обстоятельства, что форпост на востоке был выдвинут из Италии на Балканы — отныне римляне держали пятьдесят кораблей и один легион в Греции. Эти силы уже вполне могли пресечь в зародыше любые экспансионистские планы Филиппа Македонского. На Сицилию базировалось сто кораблей и два легиона. Это, в общем-то, и понятно: война на острове фактически закончилась, и в повестку дня вставала только охрана побережья и подготовка к наступлению, а не бесконечная погоня за армиями и флотами противника вокруг сицилийского треугольника суши.

Переломность этого периода символизировалась многим — несмотря на достигнутый антиримской коалицией максимум возможностей, результаты были невелики. Только Испания принесла карфагенянам временную радость, но при этом Филипп завяз в Греции и на Балканах, Тарент непостижимым образом продолжал держаться, римляне выбили Ганнибала из Капуи и взяли Сиракузы, а флот трусливо бежавшего Бомилькара отдал все лавры победителей в руки римского народа и его армии.

Символом неразворотливости и неэффективности в использовании силы флота стал организованный карфагенянами «продовольственный мост» между Сицилией и Тарентом. В конце лета — начале осени 211 г. карфагенский флот в составе неизвестного, но весьма большого числа боевых и транспортных кораблей отправился из Сицилии к гавани Тарента. Римляне даже не препятствовали его блокаде с моря, и, как потом выяснилось, вполне оправданно. В условиях затянувшейся осады карфагенская армада с ее экипажем из нескольких десятков тысяч человек потребляла продовольствия гораздо больше, чем могла доставлять самим горожанам. В результате положение только начинавших голодать

союзников Карфагена существенно усугубилось, вместо того чтобы улучшиться. Ввиду очевидной бессмысленности этой затеи вскоре снабжение по морю было свернуто и карфагенский флот отозвали обратно — к громадному облегчению затянувшего пояса гарнизона. Эта, в общем-то, позорная операция стала едва ли не крупнейшим событием на данном морском театре в тот период.

Однако и после падения Сиракуз карфагеняне предпринимали усилия для того, чтобы вернуть себе хоть в какой-то степени влияние на события в Сицилии. Разведка в архаическом понимании этого слова у них все же действовала, поскольку известия о том, что римская армия, победоносно завершив этот этап кампании, пребывает на острове в отнюдь не блестящем положении, не миновали карфагенских военачальников. Дело было в том, что гарнизоны, оставленные на Сицилии, составляли войска, чем-либо проштрафившиеся в ходе войны. Марцелл не взял их с собой ни для участия в триумфе, ни для расквартирования в Италии. Иначе поступить он не мог — лишние войска для замены не было, а кому-то нужно было поддерживать порядок в новоприсоединенных областях. К тому же войскам запретили постой в городах новых союзников Рима — для укрепления их дружбы. В гарнизонах началось брожение, вскоре перешедшее в весьма частые случаи мародерства и насилия над местным населением, что сопровождалось резким падением общей дисциплины.

Воспользовавшись этим, карфагеняне в 209 г. отправили небольшую эскадру в количестве примерно 40 транспортных кораблей с небольшим охранением в сторону острова, которая высадила на юго-западном побережье Сицилии десант в количестве трех тысяч всадников-нумидийцев и 8000 пеших солдат-карфагенян. Момент был выбран удачно, но не менее удачной была тактика этих войска, которые отнюдь не напрашивались на большое сражение, а занялись почти безнаказанным грабежом окрестностей. Небольшие отряды разбрелись и разъехались по центральным провинциям Сицилии, отнимая у жителей все, что только было возможно, и успешно соперничая в этом с римскими мародерами. Положение было угрожающим. Марк Клавдий, пропретор, возглавлявший римлян, неимоверными усилиями все же привел к подчинению вверенные ему войска. Вскоре карфагеняне, ставшие встречать повсеместный отпор, вынуждены были морем эвакуироваться на родину.

В год падения Сиракуз одна из эскадр флота — та, которой командовал Марк Валерий Левин, — была использована в качестве классического средства демонстрации воинской мощи. Римляне, ведшие давние переговоры с этолийцами о союзе против Филиппа Македонского, в разгар переговоров преподнесли им сюрприз. Левин прибыл на совет этолийских старейшин во главе своей эскадры, пребывавшей в полной боевой готовности. Вид нескольких десятков кораблей с вышколенной командой и бравыми легионерами на борту как нельзя лучше соответствовал имиджу зарождающейся сверхдержавы древнего мира и, безусловно, произвел большое впечатление на седовласых вождей и старейшин. Когда же Левин сообщил им о победах под Сиракузами и капитуляции Капуи, эффект только усилился. Вопрос о вхождении этолийцев — первыми из заморских, не италийских, народов — в число союзников римлян был почти сразу же решен положительно.

И это возымело последствия. Уже весной следующего года в рамках совместной борьбы римлян и этолийцев против македонского царя их союз проявил себя

просто блестяще. Спланировав поход на город Антикиру, которая находилась в Локриде, неподалеку от входа в Коринфский залив, Марк Валерий Левин провел образцовую «многонациональную» и комбинированную операцию. Римский флот под его командой обеспечивал атаку города с моря, этолийцы брали на себя сушу. Поход был спланирован и подготовлен задолго до его начала. Лишний раз была продемонстрирована исключительная важность согласования времени движения морских и наземных сил. Удивительно, но порой кажется, что античные адмиралы и полководцы справлялись с задачей синхронизации своих действий не в пример лучше, чем многие военачальники современности, располагающие не только более надежными приборами для измерения времени и расстояния, но и просто несравнимой по качеству связью. По крайней мере, сообщений о случаях несогласованности и хаоса при совместных действиях от той поры дошло не так уж и много.

Так вот, после перехода морем из Коркиры, обогнув мыс Левкату и прибыв в Навпакт, Левин затем выдвинулся к Антикире. На третий день началась синхронная осада, преследовавшая цель не столько взять измором, сколько штурмовать город. Наибольшие проблемы для осажденных создавали римские корабли. Этолийцы больше занимались блокированием стен и отвлечением на себя внимания защитников города, в то время как основную тяжесть штурма приняла на себя вначале римская корабельная артиллерия.

Римляне осадили город с моря, имея как минимум четыре десятка тяжелых кораблей. На их палубах были установлены все известные к тому времени метательные орудия — как приспособленные к «грубой» обработке стен при помощи камней, так и к «точечному» поражению дротиками и тяжелыми копьями живой силы противника. Корабли располагали и некоторым количеством зажигательных снарядов, однако до них дело в основном не дошло — по условиям договора город должен был достаться этолийцам, и сжигать его дотла никто не собирался. Через несколько дней усиленной и профессиональной бомбардировки и в результате нескольких попыток штурма с суши город капитулировал, и договор был соблюден: союзники получили его в почти неповрежденном виде, римляне же забрали себе движимую добычу.

Помимо этой крупной операции римский флот в тот период провел на Балканах еще ряд действий менее крупного масштаба. Они заключались в патрульных рейдах в прибрежной зоне, периодических демонстрациях военно-морской мощи перед вражескими войсками, а также в регулярных перевозках грузов транспортными кораблями для снабжения римских воинских контингентов, высаженных в Македонии. Результатом этой деятельности стало выступление Левина перед сенаторами, в котором он, обрисовав положение на Балканах, заявил, что римские войска вообще могут быть в данной ситуации выведены отсюда и флот самостоятельно обеспечит прикрытие восточного фланга боевых действий. По мнению Левина, илирийская эскадра самостоятельно могла сорвать любую попытку Филиппа Македонского высадиться в Италии и немедленно нанести ответный болезненный удар. Это обстоятельство было очень важным, поскольку высвобождало воинские части, нужные на первостепенных сухопутных фронтах.

Перераспределение сил римлянами стало предвестником новой фазы войны. Ганнибал продолжал бродить по Италии со своим войском, однако римляне уже

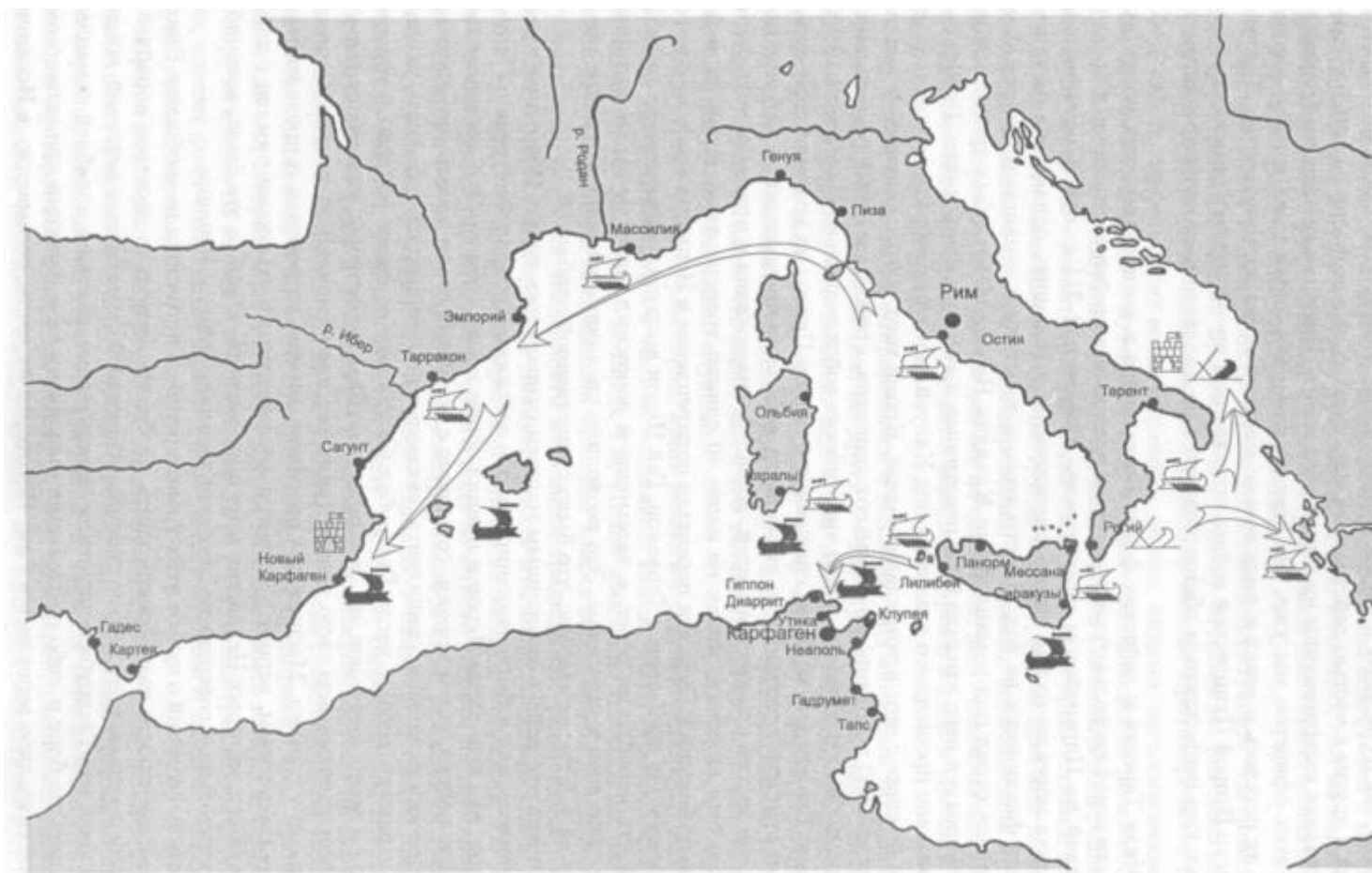
замыслили весьма дерзкие предприятия. Но первое из них было осуществлено еще до взятия Сиракуз.

За несколько дней до падения города уже знакомый нам командующий Тит Отаций повел эскадру к берегам Африки. Его флот насчитывал 80 квинкверем и совершил бросок из римской базы в Лилибее к ближайшему соседу Карфагена — городу Утика. Незадолго до рассвета, когда никто не подозревал о надвигающейся опасности, римляне смело вошли в гавань Утики и захватили стоявшие там на якоре многочисленные баржи, груженные зерном. После этого, пользуясь отсутствием в городе крупных воинских контингентов, а также тем, что боевых кораблей в порту не было, Отаций высадил десант на берег. Здесь легионеры дали волю своим рукам и своему оружию, опустошив окрестности города и перенеся на корабли немалое количество добычи разного рода. Так и не встретив никакого сопротивления — а ведь они находились всего в 30 км от столицы противника, — римские корабли вернулись назад в Лилибей. Операция была проведена практически молниеносно — суда вернулись в базу на третий день! Учтем, что сам путь из Лилибея до берегов Африки занимал примерно сутки.

Последствия этой экспедиции были чрезвычайно важны. Прежде всего, они выражались материально. Римляне захватили общим счетом 130 транспортных судов, груженных зерном. Это был, безусловно, исключительно ценный приз: зерно никогда и нигде не было лишним (разве что в США времен Великого кризиса, да и то по другим причинам). Этим транспортникам немедленно нашлось применение. Флот Отация препроводил их в Сиракузы, где продовольствие тут же пошло на пополнение неотложных потребностей армии и населения, которое, как и войска, после длительной осады все еще испытывало вполне понятный дефицит провизии. Сами по себе корабли также представляли немалую ценность и, в силу того, что были в основном сравнительно новыми, практически без ремонта и переоснащения вошли в состав торгового и транспортного флота римлян. Кстати, хотя наши источники и не дают точных данных по этому поводу, практически не вызывает сомнения, что захваченные транспорты были частью той армады, что безрезультатно простояла у мыса Пахин, а затем была возвращена в Африку. Так что, пусть и запоздало, римляне все же пожали плоды своей несостоявшейся победы.

Но были и моральные аспекты рейда. Сама по себе дерзкая десантная операция практически в пригородах Карфагена повышала самооценку римлян и неминуемо снижала таковую у их оппонентов. Все настойчивее звенели колокола, предвещавшие окончательный переход инициативы на морях, а затем и господства на них, в руки римлян.

Стал сказываться и еще один фактор — качество командования. Примечательно, что римляне почти всегда действовали меньшими силами, чем карфагеняне, и почти всегда «переигрывали» противника. Неразворотливость, косность мышления, отсутствие дерзости и инициативности как будто пронизывали всю карфагенскую структуру командования. Складывается впечатление, что Ганнибал был единственным командиром, способным до поры до времени выкручиваться из любых ситуаций и самостоятельно управлять развитием событий. Но Ганнибал, к сожалению для карфагенян, был один, и он физически не мог присутствовать повсюду: и на земле, и на море, и в осажденных городах. Римляне, напротив, располагали к этому времени уже целой плеядой талантливых командиров как

Стратегическая обстановка на морях в период кампаний 214-210 гг. до н.э.

высшего, так и среднего, а также низшего звена. Такие люди, как Марцелл, Отаций и другие с честью действовали и на суше, и, что особенно важно, на море, не оставляя карфагенянам ни малейшего шанса. Имен подавляющего большинства этих офицеров мы уже, без всякого сомнения, никогда не узнаем, однако дело их осталось в веках в виде военно-морской мощи их государства. Так что в разгар Второй Пунической войны качественное превосходство римских сил являлось уже непреложным обстоятельством, не поддающимся игнорированию.

Осада Тарента и действия флота Бомилькара в южноиталийских морях заставили сенат несколько повременить с предполагавшейся активизацией боевых действий на Пиренейском полуострове. Уже весной 211 г. предусматривалась отправка морским путем новых контингентов в Испанию, однако она была отложена фактически на год. Вместо этого в том году к испанским берегам был отправлен отряд под командой Гая Клавдия Нерона. Отряд был сравнительно небольшим — в него входило 6000 пехотинцев и три сотни всадников. Нерон, герой недавно прошедшего сражения под Капуей, мог сам отобрать себе солдат из числа бывших с ним в том славном деле. Кроме того, в этот контингент входили также 6000 пехотинцев и восемьсот конников, предоставленных союзниками-латинами. Таким образом, общая численность войск несколько превышала 13 000 человек. Все это войско было погружено в гавани Путеол на транспортные суда. Их численность источники не указывают, но можно предположить, что для переброски такого количества людей, лошадей, снаряжения и припасов этот флот должен был включать никак не менее 40 единиц транспортных судов, причем довольно больших. Суда эти перевезли подкрепление в Испанию вдоль морского побережья. По прибытии в Тарракон, Гай Нерон выгрузил войска, отдал приказ вытащить корабли на берег, а затем еще и вооружил команды судов, которые присоединились к его силам. Это позволило увеличить численность войск примерно на 4-5 тысяч человек, что было существенной прибавкой.

Именно это войско ускоренным маршем отправилось к реке Ибер, а по пути соединилось, как и было запланировано, с войсками Тиберия Фонтенея и Луция Марция, над которыми Нерон и принял общее командование. Это доставленное по морю войско, как и моряки, сошедшие с кораблей, стали непосредственными участниками печального инцидента, связанного с грандиозным обманом, укравшим у римлян победу, когда Гасдрубал был заперт со своим войском в горном ущелье в земле авсетанов, но, всемерно затягивая переговоры, понемногу вывел тайными тропами всю свою армию (включая даже слонов!) из ловушки прямо под носом у римлян. Масштабная операция, хорошо устроенная и проведенная, закончилась ничем, вернее — жалкими арьергардными стычками римлян с карфагенянами, которых Нерон так и не смог нагнать. Ошибка эта была, конечно, непростительна и совершенно некстати затянула войну в Испании.

Четких сведений о судьбе этих транспортников источники не сообщают. Вряд ли римляне просто так бросили гнить на берегу несколько десятков кораблей. Рискнем предположить, что по окончании активной фазы боевых действий, когда стало ясно, что Гасдрубала упустили окончательно, снятые с кораблей команды вернулись на борт и либо продолжали выполнять свои функции при испанском контингенте, либо вернулись в Рим. Некоторая их часть, несомненно, в Испании осталась, как показали события последующих лет.

Только к весне 210 г. была развернута окончательная подготовка к масштабной экспедиции на Пиренейский полуостров. Было очевидно, что на испанском фронте необходим решительный шаг или серия шагов для существенного перелома вялотекущей войны, которая там велась.

Римляне в тот момент находились в двойственной ситуации. Частные победы карфагенян в Испании привели к некоторому оттеснению римских сил за Ибер, чем можно было воспользоваться. Только вечные противоречия и борьба за власть карфагенских военачальников, да еще, видимо, патологическое для Карфагена невнимание к нуждам своего лучшего полководца не позволили им наладить в 211 г. сухопутный мост с Италией, снабдив Ганнибала подкреплениями. В то же время южноиталийские воды тоже требовали присутствия и кораблей, и войск. Что было важнее? Сейчас трудно сказать, ведь общий итог войны не сглаживает частных ошибок ее планирования. Возможно, корабли были нужнее на юге, но, скорее всего, римляне все же не ошиблись, подготавливая испанскую экспедицию. Их справедливо тревожил западный фронт, и дела в Испании надо было решать окончательно.

Эта новая экспедиция отправлялась в Испанию под командой молодого (по одним данным ему было 27 лет, по другим — 24) Публия Корнелия Сципиона, сына того Сципиона, что недавно пал в той же самой Испании. Решение это далось римлянам нелегко ввиду молодости этого человека и некоторого ореола невезучести, витавшего после испанской неудачи над его семьей. Однако харизма у юного Сципиона была что надо, как и его талант манипулировать вниманием толпы и распространяемыми слухами.

В результате был собран отряд, лишь немногим уступавший прошлогоднему, в числе 10 000 пехотинцев и тысячи всадников. Войска были переброшены также по морю на 30 судах, о которых Тит Ливий явственно говорит, что все они были квинкверемами. Несомненно, что сами войска перевозились в основном на транспортных, но об их численности источники традиционно умалчивают. Покинув Остию, Публий Корнелий двинулся вдоль италийского побережья и Альп на север, а затем, повинаясь береговой линии, на запад и юго-запад. По дороге к нему примкнули в качестве своего рода почетного эскорта четыре триремы из Массалии — этим массалиоты демонстрировали и свою лояльность Риму, и готовность оказать поддержку на море. Однако, в отличие от своего предшественника Нерона, Сципион не стал сразу достигать Тарракона. Он остановил свой небольшой флот в Эмпориях — небольшой фокейской колонии на пиренейском побережье. Вероятно, он хотел произвести своими действиями впечатление на местные племена и жителей городов, поскольку предпринял явно пропагандистский ход, отправившись пешим маршем во главе своего войска в Тарракон. Спору нет, идти на веслах и под парусами было гораздо быстрее и менее хлопотно, однако флот отправился вдоль берега самостоятельно и налегке, следуя за сухопутными силами.

Пропаганда возымела действие: к Сципиону в Тарракон стали собираться посольства от племен. Достигнув города, он отослал в Массалию принадлежавшие ей корабли, вытащил на берег свои корабли, и, проведя переговоры с послами, занялся приведением в порядок войск. До тех пор Нерон, располагая войском, несопоставимым численно с Гасдрубаловым, мог лишь удерживать того от перехода через Ибер и оказывать на него спорадическое давление. Теперь войск стало

существенно больше, и их разместили в зимних лагерях на некотором отдалении от Тарракона.

Этот город в тот период стал главной базой испанского флота римлян. За годы войны его укрепили и отстроили, дополнительно оборудовав всеми необходимыми постройками и мастерскими большую гавань, которая была самым привлекательным объектом этого поселения. Тарракон был главным плацдармом для отвоевания Испании и единственной приемлемой для всего флота сразу корабельной стоянкой.

На обустройство дел ушло более полугода, и в течение зимы боевые действия фактически не велись. Однако весной 209 г. Сципион начал действовать. Флот был отправлен в устье Ибера. В его составе были как военные, так и транспортные корабли, в числе которых было значительное количество транспортов еще времен Нероновой экспедиции. Общее число кораблей колебалось в пределах 50–60 единиц, более точно сказать невозможно. Армия же была разделена на части. Римские легионеры отправились из лагерей вслед за флотом на Ибер. Сципион двинулся туда же, захватив с собой 5 000 солдат из числа союзных войск. Таким образом, точкой рандеву стало устье главной испанской реки. И тогда началась комбинированная сухопутно-морская операция.

Карфагеняне при приближении римского войска отступили, благоразумно разделив свою отступающую армию на три отряда. Римляне превосходили численностью и качеством каждый из них, но против всего войска Сципион выступить опасался, а риск, что оно вновь соединится, был весьма велик. Поэтому он отверг предлагавшийся ему военачальниками план нападения на ближайший из карфагенских контингентов и решил заняться осадой более важной цели — Нового Карфагена.

Этот город был исключительно привлекателен: богатый и густонаселенный, он олицетворял славу и могущество Карфагена на испанской земле. В нем содержались многочисленные заложники из числа местных племен, которые одни зачастую удерживали эти племена от подчинения Риму; кроме того, в городе хранились огромные запасы продовольствия, оружия и разного рода стратегических припасов, усердно собиравшихся карфагенянами. Наконец, Новый Карфаген был ключом к Африке. Как карфагеняне использовали его против римлян, так и они могли использовать его против его же основателей. Город располагал большой, хорошо оборудованной и обжитой гаванью, которая могла вместить огромный флот. Эта гавань была единственным приемлемым местом для стоянки больших флотов между Гадесом и Пиренеями. В силу этого она была естественным плацдармом для нападения на Италию, но должна, неминуемо должна была стать таким плацдармом, но уже для агрессии в карфагенской метрополии.

На восточном берегу Ибера собравшееся войско вновь было разделено. Для охраны устья реки и путей, ведущих к Тарракону, был оставлен отряд Марка Силана в составе 3000 пехотинцев и 300 или 500 всадников. Сам же Публий Корнелий Сципион во главе большого отряда из двадцати пяти тысяч пеших и двух с половиной тысяч конных воинов форсировал Ибер и направился напрямик к Новому Карфагену. При этом соблюдалась строгая конспирация: кроме руководства главного отряда задача похода была сообщена только командующему флотом — Гаю Лелию. Тот, в свою очередь, обязан был подвести флот к гавани Нового Карфагена в точном соответствии со скоростью движения Сципиона. От

слаженности действий двух командиров, и прежде всего Лелия, зависел успех или неудача задуманной операции.

Переход занял ровно неделю, и на седьмой день после форсирования Ибера войско и флот обложили город. Корабли блокировали гавань, а Публий Корнелий разбил свой лагерь к северо-востоку от города, на перешейке, соединяющем его с сушей, заняв так называемый холм Меркурия.

Дело в том, что стратегическое положение города было исключительно благоприятно для мореплавания и морской торговли, но делало его достаточно уязвимым в случае осады. Большой залив, глубоко — на 4-5 км — вдававшийся в сушу, был как бы закупорен небольшим островком, прикрывавшим его от большинства ветров с моря. Внутри залива находился довольно возвышенный полуостров, который как бы делил его на две части: морскую, весьма глубоководную, и прибрежную, подверженную серьезным колебаниям воды во время приливов и отливов. На этом всхолмленном полуострове и лежал Новый Карфаген. Он как бы плавал в водах почти закрытого водоема. Являясь идеальной гаванью, город мог быть блокирован с суши буквально силами нескольких сот солдат и небольшими инженерными работами, но, при этом, без блокады с моря под его стенами делать было просто нечего — можно было годами сидеть на берегу, наблюдая за снующими в гавань и из нее торговыми судами. Так что римляне вновь возложили на себя бремя комбинированной осады.

При этом римляне не затруднили себя устройством фортификационных заграждений своих позиций, преследуя, прежде всего, конечно же, цель беспрепятственного отступления, коль скоро что-то не заладится. Задача продемонстрировать презрение к противнику, о которой пишет Тит Ливий, безусловно, была вторична. В то же время Сципион возвел осадные сооружения и блокировал город с суши по всем правилам осады крепостей того времени. После этого он лично проинспектировал флот, выстроившийся в гавани, отдал необходимые приказания и тем самым продемонстрировал лишний раз осажденным в городе (которые, конечно, во все глаза наблюдали за своими противниками) решимость захлопнуть все мыслимые «щели» в осаде. Был проведен инструктаж непосредственно со всеми командирами кораблей, каждому из которых было предписано неусыпно и бдительно нести вахту, и прежде всего ночную. В общем-то, «накачка» была не лишней, но вполне показной: все без исключения прекрасно понимали, что поставлено на карту и сколь желанным для горожан был прорыв блокады. В своей краткой, но исключительно энергичной речи младший Сципион еще раз сформулировал для подчиненных краткую суть ситуации: Новый Карфаген — ключ ко всей Испании, делайте выводы.

Флот был хорошо подготовлен к осаде материально, и это показывает, что Сципион планировал осаду этого города задолго до ее начала. На кораблях были в достатке как осадные приспособления — лестницы, веревки, крюки и т.п., так и артиллерия, способная метать и камни, и копья, и зажигательные снаряды, т. е. полный «джентльменский набор» для штурма крупного города. Однако, как показали последующие события, техническая готовность еще не гарантировала успех.

Возглавлял карфагенские силы уже известный нам Магон. Понимая степень опасности, он не только привел в порядок гарнизон города, но и вооружил отряды самообороны из числа горожан. Обнаружив, что его город осажден по всем

правилам, в том числе с моря, он распределил силы в соответствии с угрозами. Две тысячи человек из числа ополченцев охраняли город со стороны римского лагеря, пятьсот кадровых солдат располагались в цитадели, нависавшей над воротами, ведущими к мосту через узкий пролив в северо-западной части города; еще полтысячи солдат он расположил на возвышенности в восточной части города, где находился храм Эскулапа. Все остальные вооруженные люди составили резерв, который можно было в случае нужды перебрасывать в наиболее угрожающее место. После этого Магон предпринял активную оборону с целью деблокировать свой гарнизон с суши. Он вывел свои войска из числа кадровых через городские ворота в сторону римского лагеря. Скорее всего, это была разведка боем, так как карфагенян было намного меньше, чем римлян. Командиры римлян отвели свои передовые отряды назад, под защиту своего лагеря, и здесь вступили в сражение. Силы карфагенян были лимитированы, а к римлянам все время подходили из лагеря новые войска, так что вскоре осажденные обратились в бегство, а у римлян была возможность взять город «с ходу», поскольку они, смешавшись с отступающими, едва не ворвались в ворота.

Фактически без перерыва Публий Корнелий приступил к штурму. Момент, надо отметить, был исключительно удачным. Паника, охватившая отступающее войско, передалась и гарнизону за стенами, в особенности, разумеется, менее опытным в военном деле горожанам. Многие из них попросту бежали со стен и со своих постов и отступили вглубь города. По словам Тита Ливия, караульные просто прыгали со стен и разбегались, что явно не свидетельствует о высоком моральном состоянии оборонявшихся. Так что надо было пожинать плоды неразумной тактики Магона, и как можно скорее.

Взобравшись на Меркуриев холм, Сципион своими глазами увидел все, что творилось за городскими стенами и то, что многие участки их просто никем не охраняются. Не теряя ни минуты, он приказал всем солдатам из своего лагеря хватать осадные приспособления и идти на штурм. Три щитоносца прикрыли Сципиона щитами и он сам возглавил эту атаку. Этот порыв и воодушевление римлян были столь велики, что никакие попытки обороняться (впрочем, не слишком удачные) успеха уже иметь не могли. И воины стали понемногу овладевать стенами города.

По сигналу к атаке городских стен начали штурм и корабли. Однако участие флота, к сожалению, было гораздо менее эффективным, чем этого можно было бы ожидать. Вероятно, сказалось то обстоятельство, что на кораблях находились обычные легионеры, а не абордажные команды, которые не раз блестяще проявляли себя на море. Во всяком случае, десантирование с кораблей и тем более штурм стен при помощи лестниц прошли из рук вон плохо и почти провалились. Солдаты мешали друг другу, действовали несогласованно: в то время, когда одни ставили лестницы к стенам, другие пытались их перетащить, лестницы выдвигались к стене одновременно и хаотично. Легионеры прыгали с кораблей на берег как попало и больше соревновались в этом друг с другом, чем стремились выполнить поставленную задачу. Этот малообъяснимый факт в описании источников напоминает скорее обстановку в лагере новобранцев в первый день службы, но не действия морской пехоты одной из лучших армий в мире. То ли Сципион сам не придавал должного значения подготовке штурмовых партий на кораблях, то ли это был промах командиров среднего и низшего звена — сказать трудно. Воз-

можно, флот предполагалось использовать в основном для блокады крепости и ее обстрела? Но тогда необъясним факт наличия на судах полного комплекта осадных приспособлений и решимость, с которой Сципион бросил свои корабли на штурм с моря. Хотя это последнее обстоятельство как раз вполне можно понять: он видел перед собой деморализованный город, который можно было брать, казалось, голыми руками. Самым удовлетворительным все же кажется объяснение, согласно которому с моряками и морскими пехотинцами произошло то, что изредка бывает даже с самыми подготовленными и профессиональными армиями: внезапное массовое помрачение сознания, наступающее без видимых причин, помноженное на изрядную уверенность в превосходстве над противником. Это и сыграло с римлянами злую шутку.

А тем временем карфагеняне начали возвращаться на стены, как бы опомнившись и устыдившись своей паники. Поскольку метательного оружия, в частности, дротиков, у них было предостаточно, отражение штурма пошло успешнее. Тут уже счастье изменило римлянам — выяснилось, что лестниц заготовили маловато, не каждая достигала края высокой стены, а те, которые удавалось приставить, были весьма тонки для такой нагрузки — многие не выдерживали веса солдат, карабкавшихся по ним наверх и ломались. Некоторые legionеры (они же привыкли воевать на твердой земле, или хотя бы на палубе!) не могли справиться с возникавшей боязнью высоты и немало солдат просто сорвалось с вершин лестниц, лишь посмотрев вниз. Потери римлян стали расти, а успех был теперь гораздо дальше, чем в начале штурма. Срыв нападения был обоюдным: не удался приступ ни с моря, ни с суши. Поэтому был дан сигнал к отступлению.

Однако не успели войска толком прийти в себя и отдышаться, едва только улеглась суматоха на городских стенах, как Сципион отдал приказ новым отрядам, заменившим раненых и уставших, забрать у них лестницы и крюки и вновь идти в атаку. Новый штурм был непосредственно связан с морем, хотя и несколько нетривиальной связью. Сципион отлично уловил важность географической ситуации и учел природные обстоятельства местоположения осаждаемого города — в частности, регулярные отливы в лагуне. Еще от тарраконских рыбаков ему было известно, что в это время вода убывает настолько, что даже лодки с незначительной осадкой садятся на мель, а всю лагуну можно перейти вброд. Как раз теперь ему донесли, что отлив начался, и к тому же поднялся сильный северный ветер, который гнал воду к морю; Сципион решил воспользоваться ситуацией. Во главе небольшого отряда из пятисот человек он побрел по колено, а то и по пояс в воде к городским стенам. Все войско, штурмовавшее стены, напрягло свои последние силы и несло потери, но именно это привело к победе. Со стороны залива город фактически не охранялся — стены были низкими, без башен и там даже не выставили караулов. Этот карфагенский просчет дорого обошелся защитникам, ибо Сципион со своими людьми совершенно беспрепятственно проник в город. Незамеченными они дошли до ворот (!) — все жители города столпились там и ободряли защитников, болея за них. Дальнейшее было делом времени и техники боя. Стену взломали, и воины ворвались в город. В результате этой дерзкой операции Новый Карфаген был захвачен, а Магон сдался, узрев бесполезность сопротивления в своей цитадели. Надо отметить, что и здесь Сципион проявил себя в лучших традициях пропагандистского жанра, объявив заурядный отлив символом расположения к себе

и римлянам со стороны Нептуна. Забавно, но большинство, вероятно, поверило в это.

Помимо самого города и большого количества пленных была взята колоссальная добыча. В числе прочих ее составляющих нас интересуют прежде всего военно-морские трофеи римлян. К числу таковых надо отнести 63 больших грузовых корабля (точность, свидетельствующая об истинности данных), доверху загруженных зерном, оружием, железом и бронзой в слитках, а также разнообразными стратегическими материалами, необходимыми для судостроения: холстом, спартом (растением, из волокон которого плели канаты) и, возможно, строительным лесом. Боевых кораблей в гавани не было, поэтому они и неполнили римский флот. Однако захват громадного каравана с исключительно ценным сырьем отдавал в руки Сципиона и Рима колоссальной ценности груз. Римская республика получала средства для новых судостроительных программ.

Надо отметить, что во втором штурме флот проявил себя с гораздо лучшей стороны, что лишний раз подтверждает вывод о случайном характере первой неудачи. Без его участия город взять было бы несколько сложнее, но не невозможно — все решил рейд Сципиона через лагуну. Флоту даже не пришлось выполнить свою основную миссию — организовать блокаду. Вместе с тем его участие в этом эпизоде войны имеет большое значение. Не только подготовка операции, но и ее проведение были серьезно облегчены, поскольку римляне были полностью прикрыты со своего морского тыла и могли свободно осуществлять наземную фазу операции. Так что роль «оружия сдерживания» и устрашения флот выполнил блестяще и без замечаний.

В заключение произошел весьма трагикомичный случай, когда триумфатор Сципион вознамерился отметить венком того, кто первым взобрался на стену. В результате, как всегда бывает в таких случаях, разгорелся страшный спор между родами войск. Армия выдвинула центуриона четвертого легиона Квинта Требеллия, а флот — своего претендента, Секста Дигития. В результате разбирательства, в которое втянули всех командиров и которое едва не дошло до драки между солдатами и моряками, Сципион принял соломоново решение: на стену оба взойшли одновременно, а коли так, то оба и получают венок. Сколь ни популистским было подобное решение, оно лишний раз уравнило армию и флот в глазах самих военнослужащих и свидетельствовало, что военно-морские силы стали равноправным и самостоятельным видом вооруженных сил.

После взятия города Публий Корнелий Сципион, на волне всеобщего торжества, развернул кипучую деятельность. Не довольствуясь просто плодами победы, он неумоимо принялся отстраивать и укреплять городские стены и башни, налаживать обеспечение войск и снабжение города — словом, всецело отдался делу благоустройства нового драгоценного камня в венце Рима. Он лично отслеживал, как изготавливается оружие, амуниция, как ремонтируются корабли в доках. Огромное внимание Сципион уделил и боевой подготовке войск, сделав должные выводы из неудач во время штурма. В частности, он затеял своего рода гибридных маневров со спортивными играми длительностью в несколько дней, причем в то время, когда солдаты на берегу состязались в беге на четыре мили с оружием, метании пилумов и разыгрывали учебные бои на деревянных мечях, флот также не предавался праздным развлечениям. По приказу Сципиона корабли, выйдя в ясную и тихую погоду в открытое море, устроили настоящие морские маневры,

в ходе которых отрабатывались движение на веслах, групповое маневрирование, а также были разыграны настоящие морские баталии с отработкой сближения кораблей с последующим таранным и абордажным боем. В ходе этих маневров не только матросы, но и корабельные отряды легионеров в течение нескольких дней оттачивали свое умение сражаться. Не вызывает сомнения, что такие тренировки после победоносного сражения очень сильно способствовали закреплению боевых навыков, поскольку проводились при всеобщем и колоссальном моральном подъеме и воодушевлении. Организация их подтверждала, что в лице Публия Корнелия Рим обзавелся молодым, амбициозным и очень способным командующим.

А роль флота была подчеркнута самим Сципионом еще раз. Гай Лелий после штурма постоянно находился при своем главкоме и помогал ему ценными советами по распоряжению со всем захваченным имуществом и пленными. Этот адмирал был весьма уважаем в войсках и заслуженно пользовался доброй репутацией. Именно он был послан Сципионом в Рим с вестью о победе. Лелий отплыл на квинквереме — вероятно, в сопровождении небольшого эскорта из военных кораблей на всякий случай. С ним находился Магон и полтора десятка карфагенских вельмож сенаторского ранга. Вероятно, плыли, не слишком торопясь, и сообщали на стоянках о своей победе, дабы воодушевить тыловиков и союзников в Испании и Галлии. Весь путь по морю занял немногим более месяца: на тридцать четвертый день после отплытия из Тарракона (а из Нового Карфагена он отбыл как минимум за неделю-полторы до этого) Гай Лелий торжественно прибыл в Рим, ведя за собой пленников, и через сутки доложил сенаторам о блестящей победе.

В период 210-209 гг. приоритеты римского морского командования в целом сохраняли прежнюю направленность. Общая численность боевых кораблей превышала 215 единиц, возможно, приближаясь к цифре 250. Распределялись они следующим образом. Сицилийский театр продолжал оставаться главным, поэтому в водах Сицилии базировалось 100 кораблей; 50 военных кораблей находились на Балканско-Иллирийском направлении; отряд из 35 судов был прикомандирован к испанским войскам, и еще не менее 30 кораблей, возвращенных из Сицилии после падения Сиракуз, базировались на Остию, находясь в оперативном резерве и одновременно охраняя сердце метрополии. Небольшой вспомогательный отряд боевых кораблей римлян и их союзников базировался на Регий, однако его численность неизвестна, как неизвестно и количество старых судов, законсервированных в Остии как минимум с 214 г., которые в случае необходимости могли быть вновь быстро введены в строй.

Что же касается морских сил Карфагена, то с ними все обстоит достаточно замысловато и вместе с тем вполне объяснимо. С одной стороны, по всем данным, даже если карфагеняне вообще не занимались строительством новых кораблей (что было бы, по меньшей мере, странно), то и тогда численность только их боевых кораблей должна была колебаться как минимум в пределах 120-150 единиц, и уж, во всяком случае, не опускаться ниже сотни. Учитывая достаточно адресную концентрацию этих судов в африканско-сицилийской акватории, уместно спросить себя, почему по-прежнему не было попыток навязать римлянам решающее морское сражение, быть может, лишь немного увеличив свой флот — хотя

бы для решения сицилийской проблемы? Вместо этого карфагеняне предприняли в 210 г. поход на Сардинию (вовсе не имевшую в своих водах флота и защищенную лишь римскими легионерами) всего с четырьмя десятками кораблей, а в следующем году безуспешно мыкались между Тарентом и Иллирией с 50 боевыми судами. И это при том, что римляне снизили численность своей сицилийской эскадры вдвое, до тех же 50 судов, с которыми продолжали совершать тревожащие рейды в Африку. Регулярно посещавшие Рим слухи о некоем громадном флоте, который собирают в Карфагене для завоевания Италии на поверку так и оставались слухами, будучи всего лишь фантомной болью, напоминавшей о былом величии грозного противника.

Ответ может быть только один. Боевой дух потомков финикийцев упал окончательно. Уже в этот период было ясно, что война ими проиграна — и не только на море. Конечно, могли сказываться и экономические трудности, и временная нехватка сырья в связи с потерями, аналогичными «новокарфагенскому пленению», но это уже не было главной причиной: вся суть была в моральной деградации как самих военных, так и их командования. В свете этого обстоятельства вопрос о численности карфагенского флота и динамике таковой явно теряет свою актуальность.

Однако не следует думать, что римляне в тот момент не имели никаких проблем в области военно-морских сил. Как раз на переломе боевых действий, вероятно, стало сказываться напряжение сил республики. После побед на Сицилии, в разгар экспедиции Сципиона в Испании, и после успехов в Македонии в Риме активно дискутировался вопрос о финансировании флота. Сущность его заключалась не в изыскании средств на строительство кораблей, а на обеспечение их боеспособности в части снабжения экипажами. В ходе регулярных воинских наборов эта проблема постепенно обострялась и наконец достигла своей кульминации. В 211 г., когда солдаты в легионы были уже набраны, римляне занялись наймом гребцов на корабли. Однако финансовое состояние было чрезвычайно неблагоприятным. Учитывая, что жалованье «съедало» огромные средства, да к тому же немалые средства съедали, в прямом смысле, сами гребцы, проблема была нешуточной. Кроме того, теперь стал сказываться копившийся все годы демографический кризис. Извечная проблема Рима, стремившегося к мировому господству, но пытавшегося сделать это руками фактически жителей одного города, приведшая через несколько столетий к размыванию этнического состава армии и краху государства, проявилась. Людские ресурсы были чрезвычайно ограничены. А учитывая, что флот все же комплектовался явно по остаточному принципу, вся тяжесть ситуации легла именно на него.

Консулы, пытаясь найти выход, вновь прибегли к исключительной мере. Был издан указ, согласно которому комплектование экипажей в значительной мере возлагалось на частных лиц, в первую очередь на состоятельных граждан. Как мы помним, впервые подобная мера была предпринята в 214 г. и привела к успеху. Однако в этот раз такой ход встретил серьезную оппозицию в силу ухудшения общего материального состояния населения. Народ встретил указ невиданным ропотом и негодованием. Судя по всему, в Риме давно не сталкивались ни с чем подобным. Город был на грани бунта. На улицах открыто говорили о том, что консулы сначала, дескать, разорили сицилийцев и кампанцев, а вот теперь решили довести до разорения и своих сограждан. Так что, несмотря на успехи флота в

кампаниях, простой народ видел едва ли не главную угрозу своему благополучию именно в экипажах кораблей собственного государства.

Вряд ли можно обвинять римлян в отсутствии патриотизма — им и в самом деле в те времена жилось несладко. Но показательно, что кризисный момент настал, как всегда и бывает, именно в месяцы, когда отчаянно необходимо было «дожать» противника, не упустить возможности и не расслабляться.

Все недовольство выплескивалось в лицо сенаторам и самим консулам — демократичный Рим того времени не умел еще шушукаться за спиной власти. Поэтому сенаторы, дав населению три дня на раздумья, — а вернее сказать, взяв эти три дня на раздумья себе, — все же собрались на еще одно заседание. Решение надо было принимать немедленно, и Марк Валерий Левин предложил единственно возможное решение: «Если ты требуешь чего-то от нижестоящего, потребуй этого прежде всего от себя и своих близких». Слова эти отразили общее настроение, витавшее в воздухе. По предложению Левина сенаторы сдавали в казну не только все свое золото, серебро и медные деньги, оставляя себе лишь необходимый минимум, но и драгоценности своих семей, знаки государственного достоинства из драгоценных металлов и прочие ценности. Целью было побудить весь римский народ к соревнованию в помощи государству. Надо отметить, что призыв этот был поддержан и возымел силу. В кратчайший срок и при участии всех слоев населения средства на флот были изысканы и проблема снята.

К 209 г. ситуация постепенно продолжала изменяться в пользу римлян. К этому году относится развязка истории с осадой — во многом парадоксальной и чрезвычайно интересной в тактическом плане — Тарента. Вероятно, до того времени у римлян всерьез не хватало ни сил, ни времени, чтобы изменить здесь положение дел. Гарнизон, засевший там, отвлекал на себя некоторую долю внимания всех противников Рима, но не требовал при этом каких-либо серьезных затрат на свое обеспечение. Поэтому вряд ли неоказание помощи осажденным может быть расценено как символ недостаточности сил римлян. В крепости все-таки были на грани голода, а у римлян прибавилось возможностей. Поэтому под стенами Тарента произошли весьма примечательные с точки зрения военно-морской истории события. Эта операция описана в источниках достаточно подробно и предоставляет существенные дополнения к нашим представлениям о морской тактике римлян и их противников.

Город Регий был ближайшим к Таренту морским портом и на тот момент являлся главной базой sporadического снабжения тарентинцев. Небольшая эскадра, численностью в двадцать кораблей, которая была откомандирована для связи со стойким гарнизоном, базировалась там же. Децим Квинкий, который отвечал за это снабжение, был, несомненно, намерен сыграть свою роль в истории, и такой случай ему был предоставлен судьбой, однако результат вряд ли может быть назван удачным для римлян.

Децим сделал свою карьеру с нуля. Будучи человеком простого происхождения, он, тем не менее, олицетворяет собой ту прослойку людей из народа, которые выдвинулись во время войны не только на низшие, но и на достаточно высокие командные посты благодаря своим дарованиям.

Служивший под началом Марцелла Децим неоднократно обращал на себя внимание своего командира, проявив себя с самой лучшей стороны как при несе-

нии патрульной службы в прибрежных водах, так и в ходе сицилийской кампании и осады Сиракуз. Будучи командиром корабля, он вскоре получил от Марцелла под свое командование небольшой отряд из пяти кораблей, в числе которых были две большие триремы. Блестящее командование этим соединением заставило командующего добавить к этому отряду еще три квинкверемы. Таким образом, под командованием у Децима Квинция оказалась небольшая флотилия, способная выполнять самые разнообразные задачи и включавшая корабли как минимум трех классов.

Однако талантливый командир пошел дальше и проявил инициативу, «на собственной шкуре» убедившись, что уж где-где, а в римском флоте она не наказуема. Децим самостоятельно потребовал от городов-союзников — Регия, Велии и Пестума — снарядить корабли, которые они по существующему договору должны были предоставить. Вряд ли союзники всерьез обрадовались тому, что обязательно придется выполнять, но результат проявился незамедлительно. Очень скоро Децим стоял во главе отряда из 20 судов, из которых 12 единиц были выставлены союзниками. Флот этот полностью закрывал проблему контактов с тарентинским гарнизоном и периодически совершал рейды к цитадели. В одном из таких рейдов Децим вместе со своими подчиненными обрели славу, но не удачу.

Летним днем эскадра вышла из Регия. Переход совершали неспешно, зашли в города Кротон и Сибарис, где пополнили запасы провианта и взяли на борт новых гребцов, полностью укомплектовав экипажи. Корабли Децима были отлично вооружены и содержались в образцовом порядке. Эскадра уже прошла большую часть пути, и до Тарента оставалось немногим более 15 миль, когда в море показались корабли. Это был отряд тарентинских кораблей под командой Демократа. По весьма редкой иронии судьбы у того было тоже около двух десятков судов.

Последовавший затем морской бой выглядит, даже в кратком описании источников, как образцовый пример тактики морского сражения, включающего несколько техник боя и беспримерного по ожесточению. Прежде всего примечательно, что флоты того времени даже не пытались вступать в бой под парусами. Отчасти это объяснимо тем, что наступил едва ли не полный штиль, но это не исчерпывает вопроса. Управлять кораблем однозначно предпочитали с помощью весел и руля. Едва завидев эскадру тарентинцев, Децим отдал приказ убрать паруса. Тарентинцы и так шли на веслах, но между визуальным обнаружением противника и началом сражения прошло немало времени, так что и те, и другие успели осознать всю важность момента. Мотивация у экипажей обоих флотов была на высочайшем уровне, все понимали значимость Тарента прежде всего для престижа собственной стороны. Однако замечания Ливия о мечтах тарентинцев о господстве на море кажутся несколько надуманными — в эти годы уже только Рим мог обоснованно претендовать на такое. И все же проявить все свои воинские таланты были готовы обе стороны.

Транспортные суда, следовавшие в строю римской эскадры, остались в строю, в то время как боевые корабли готовились к сражению.

Когда приготовления были закончены, с обеих сторон прозвучал сигнал к атаке. До сих пор спорят о том, в какой именно форме он тогда подавался, был ли визуальным или звуковым. Точного ответа не существует, однако можно высказать предположение, что звуковой сигнал (вероятнее всего, звук трубы), несомненно, должен был дублироваться некими зрительно определяемыми действиями. Ведь

в данном случае эскадры были совсем небольшими, но тем не менее расслышать звук духового инструмента на дистанции в несколько десятков метров можно было только в условиях относительной тишины. Отдавать же приказы таким способом в грохоте сражения, тем более, если в нем участвовало не 40, а, к примеру, 300 кораблей, было просто бессмысленно.

Таранного боя не случилось. Источники косвенно, но совершенно неопровержимо указывают на построение эскадр. Несомненно, что корабли были выстроены в линию и сходились фронтально. В этой ситуации маневр был практически невозможен, да, видимо, стороны к нему и не стремились — они были настроены на абордажную схватку. Строи сблизилась, и форштевни кораблей соприкоснулись. С бортов полетели абордажные «кошки», с римских кораблей опустились крюки «воронов». Видимо, фаза перестрелки была чрезвычайно короткой: если противники и успели выпустить друг в друга стрелы, то лучникам хватило времени лишь на несколько залпов, после чего луки были просто отброшены за ненадобностью и завязалась ожесточенная рукопашная схватка.

Чрезвычайно интересно упоминание Титом Ливием некоего приспособления, именуемого в его тексте «железной рукой» (*«ferrea manu»*). В принципе, это уникальное место в текстах, посвященных римскому флоту. Других упоминаний этого приспособления нет, и вряд ли сейчас кто-либо с уверенностью возьмется реконструировать подобный инструмент. Вряд ли за данным термином скрывается традиционный римский «ворон» (*«corvus»*). Допустимо предположить, что это приспособление представляло собой железный крюк, закрепленный на относительно длинной рукояти, которая могла быть сделана как из металла, так и из твердого дерева с металлической оковкой и т. д. Предназначался он именно для обеспечения жесткой сцепки кораблей в бою и фиксации их относительно друг друга. Это, вероятно, позволяло более свободно пользоваться самим «вороном». Можно, конечно, пойти еще дальше и предположить, что эту «руку» применил в своей эскадре самолично изобретший ее Децим Квинций, но это уже область чистой фантазии. Что бы ни скрывалось за этим загадочным термином, остается признать, что если это было некое новое изобретение, то применялось оно весьма редко и не «засветилось» в источниках.

Пехотинцы рвались в бой и перебирались на корабли противника кто как мог. Видимо, носы кораблей пришли в достаточно тесное соприкосновение: возможно, потому, что их держали не только «вороны», но и кое-где вонзившиеся в носовые оконечности противников тараны. Как бы то ни было, гребцы каждого судна продолжали вращать веслами и пытались сдвинуть свой корабль, чтобы хоть чем-то помешать противнику. В результате схватка начала сразу же распадаться на серию поединков кораблей, где каждая пара медленно вращалась на месте, в то время как абордажные команды вели ожесточенную резню на палубах. Сражение приняло хаотичный характер, строй был сразу же сломан и с той, и с другой стороны, и корабли сгрудились все вместе; по ходу дела реально управлять боевыми действиями было уже просто невозможно. По словам Ливия, суда шли друг на друга, «как пехота, в лобовую атаку, и бойцы свободно переходили с корабля на корабль».

Исход сражения был решен поединком флагманов эскадр. Римским кораблем командовал сам Децим Квинций, тарентинский корабль был под командой Никона Перкона — одного из лидеров антиримской партии, сдавшей в свое время

Тарент Ганнибалу. Абордажный бой, разгоревшийся между их судами, был сколь ожесточенным, столь же и скоротечным. Децим, возглавивший своих людей, не только самоотверженно сражался, но и ободрял легионеров. Однако, когда дело дошло до личного столкновения с Никоном, воинское счастье ему все же изменило — тарентинец, удачно метнув копье, насквозь пронзил Децима. В результате тот рухнул в воду прямо перед форштевнем своего флагмана, а поскольку был в полном вооружении, незамедлительно пошел ко дну.

Увидев это, римляне на корабле Децима пришли в некоторое замешательство. Напротив, ободренные тарентинцы начали переходить на римский флагман и теснить его защитников. Довольно скоро они полностью захватили инициативу в свои руки и оттеснили легионеров на корму корабля, совершенно очистив бак. Внезапно со стороны кормы к флагману подошла другая тарентинская трирема, абордажные партии которой начали высаживаться на римский корабль. Конечно, в такой ситуации деморализованным защитникам оставалось только сдаться.

Исход боя флагманов резко изменил моральный дух противников. Среди римлян началась форменная паника при виде того, что их командир погиб, а его корабль достался неприятелю. Началось беспорядочное отступление, больше напоминавшее бегство — корабли бросились врассыпную, и каждый спасался, как мог. Судя по всему, тарентинцы не преследовали противника — данных об этом нет. Возможно, сказались потери и полученные в бою повреждения или еще какие-то причины. Однако от этого участь эскадры римлян не стала более радостной. Часть кораблей ушла в открытое море, где некоторые из них затонули. Прямых указаний нет, но не вызывает сомнения, что это произошло вследствие серьезных повреждений их корпусов в районе ватерлинии, которые могли быть следами таранных ударов. Это косвенно подтверждает, что в бою корабли сцеплялись не только крюками и «воронами». Иных причин для затопления просто нет.

Участь нескольких других боевых кораблей была также незавидной. Они причалили к берегу, но повреждения были тоже весьма значительны, и быстро исправить их не удалось. Поэтому все они вскоре были захвачены жителями Фурий и Метапонта.

Большой успех сопутствовал транспортникам. Сразу же покинув место битвы, они поставили паруса и на максимально возможной скорости пошли в открытое море. В результате противник захватил лишь три или четыре транспортных судна — остальные вернулись в свою базу.

В результате этого спонтанного и жестокого боя была сорвана попытка римлян провести конвой с продовольствием в цитадель Тарента; к тому же римляне потеряли фактически всю свою небольшую регийскую эскадру — у них на этом направлении остались только транспортные суда, — да еще и талантливого амбициозного флотоводца Децима Квинкция.

Однако такие случаи — классические исключения, подтверждающие правило. Частные успехи не могли изменить общего баланса сил на морях в пользу противников Рима, тем более, что тарентинцы, при всех своих претензиях, никак не могли претендовать на какое-либо самостоятельное значение на Средиземноморье в начинающуюся эпоху империй.

Не прекращали римляне в этот период и свою излюбленную практику рейдов на африканское побережье. Вероятно, и стратегия, и тактика таких действий

были отработаны до тонкостей. Возможно также, что в рамках лилибейской эскадры была уже давно сформирована небольшая эскадра рейдеров, специализировавшаяся на таких африканских рейдах. Этот «африканский экспресс» в течение всего года мог выполнять обычные задания, а с наступлением лета готовился к традиционному набегу — ведь не вызывает сомнения, что в источники попали сведения далеко не о всех рейдах на юг. Это лишь предположение, но вызывает интерес достаточно устойчивая численность участвующих в этих операциях кораблей — 50 единиц.

Имя Тита Отацилия Красса в связи с этим рейдом не упомянуто. Судя по всему, он получил новое назначение. Вместо него фигурирует новый дуэт: консул Марк Валерий Левин отдает распоряжение о рейде на Карфаген Марку Валерию Мессале. Этот командующий, взяв с собой, как было сказано, пятьдесят кораблей, произвел своего рода разведку боем, совмещенную с грабежом окрестностей столицы противника. Сформулированная командующим задача сводилась к тому, чтобы разузнать, «что делает и что готовит народ карфагенский». Римляне, разумеется, не могли доверять на удивление пассивным действиям своих врагов в предшествующий период. Подозрения, что возможны какие-то активные действия — строительство флота вторжения, массовая подготовка транспортных кораблей, набор новых войск, — были вполне логичны. Но надо было все узнать на месте и самим.

Местом высадки традиционно стали окрестности Утики. Подойдя перед рассветом к берегу, Мессала высадил свои войска на берег. Римляне традиционно застали карфагенян врасплох. Карфагенский флот бездействовал, по крайней мере, о его участии в противодействии этому набегу неизвестно. Скорее всего, карфагенские руководители предпочли предоставить римлянам наслаждаться грабежом и не рисковали кораблями ради непонятной перспективы морского боя. Но сухопутные части к району высадки отправлены все же были. На это указывает тот факт, что римляне захватили и отвезли к себе многочисленных пленных и, вероятно, именно военных высокого ранга, так как допрос именно этих людей мог что-то прояснить в планах противника — в самом деле, расспрашивать горожанина или купца из Утики было куда как менее продуктивно. О нескольких стычках с военными отрядами противника говорит и длительность набега. Вспомним, что рекорд, поставленный римлянами несколько лет назад, равнялся трем дням — именно за этот срок эскадра рейдеров обернулась из Лилибея в Утику и обратно. На этот раз флот прибыл в базу лишь на тринадцатый день. И, как нам известно, окрестности Утики были основательно разорены на большом протяжении.

Как ни странно, опасения римлян подтвердились. Пленные показали, что карфагеняне действительно готовятся к атаке на Сицилию и якобы готовят огромный флот. Кроме того, по всей Африке набирали наемников в дополнение к уже имеющимся 5000 отборных нумидийцев. Это войско предполагалось отправить в Испанию к Гасдрубалу с тем, чтобы выправить там положение и вернуть ускользавшую удачу.

Однако опасения все же были напрасны. В частности, масштабная высадка или боевые действия карфагенского флота на Сицилии оказались блефом. Вместо этого в конце лета того же года карфагеняне отрядили лишь сорок кораблей под началом Гамилькара для атаки Сардинии. Эскадра подошла к Ольбии и опу-

стошила ее окрестности. Мгновенно слухи об этом дошли до Рима, и из Остии был отправлен небольшой отряд кораблей, перебросивших на остров претора Публия Манлия Вольсона во главе нескольких тысяч воинов. Однако реакция оказалась запоздалой. Едва узнав о приближении римлян, карфагеняне, погрузили войска на корабли, обогнули остров с запада и вновь высадились под Каралами, на южной оконечности Сардинии. Римляне просто не успели среагировать, и карфагенский флот возвратился в Африку с разнообразной добычей. Конечно, она была несопоставима с захваченной римлянами в окрестностях Утики: что было взять с той Сардинии в сравнении с предместьями пунийской столицы, да еще второпях? Но сам по себе этот эпизод демонстрирует снижение претензий карфагенян — они не отважились предпринять набег на Сицилию или тем более Италию и ограничились «укусом» в области одной из самых удаленных римских территорий, которая в тот период толком не охранялась флотом и не имела заметных контингентов войск.

Но вопрос с Тарентом продолжал стоять остро. Необходимо было, наконец, решать патовую ситуацию. Пожалуй, нигде так, как в Таренте, самолюбию римлян-мореплавателей в тот период не наносился ощутимый урон. Невозможность контролировать ситуацию в непосредственной близости от важнейших путей сообщения и недавно отвоеванных территорий, несомненно, выводила из себя многих сенаторов, командиров, да и простых граждан.

Наконец в 209 г. час пробил. Римский сенат отрядил в распоряжение консула Квинта Фабия Максима 30 квинкверем из состава сицилийской эскадры с тем, чтобы отправить эти корабли к Таренту для участия в штурме города. Остальные корабли формирования вновь должны были быть отправлены с Марком Валерием Левином или кем-то из его подчиненных в Африку для грабежа и разведки. Данных о том, состоялся ли этот рейд, нет. При этом вскоре эта эскадра была приказом Марка Валерия Мессалы разделена на несколько отрядов, которые рассредоточились для патрулирования и охраны всего побережья Западной и Южной Сицилии. В состав этих патрульных сил входило 70 крупных боевых кораблей и, вероятно, немалое количество мелких судов.

Три десятка квинкверем, в свою очередь, двинулись к Таренту. Командовал этим отрядом некий Левин или Ливий (наверняка не тождественный знакомому нам Марку Валерию). Войско консула Квинта Фабия подошло к Таренту и расположилось лагерем возле самого входа в гавань. Тарент был крепким орешком. Он располагал некоторым количеством кораблей, которые были грозной силой. Нельзя было исключить и вмешательство карфагенского флота. Подвоз продовольствия и амуниции осуществлялся по морю, поэтому необходимо было конвоировать транспорты и прикрыть подступы к гавани. Однако, к счастью для римлян, Филипп Македонский в этом году вознамерился отомстить этолийцам, поэтому его союзник Карфаген отослал флот Бомилькара к Коркире. Так что Тарент был предоставлен сам себе.

Осада с моря замышлялась едва ли не как главная часть всей кампании. Было заготовлено все возможное для этого. Часть кораблей несла метательные машины, часть — стенобитные орудия. Было запасено множество камней и метательных снарядов; более того, римляне дооборудовали много транспортников, установив артиллерию и на них. Однако применить все это так и не пришлось. По иронии судьбы в городе, так долго героически державшемся, был найден измен-

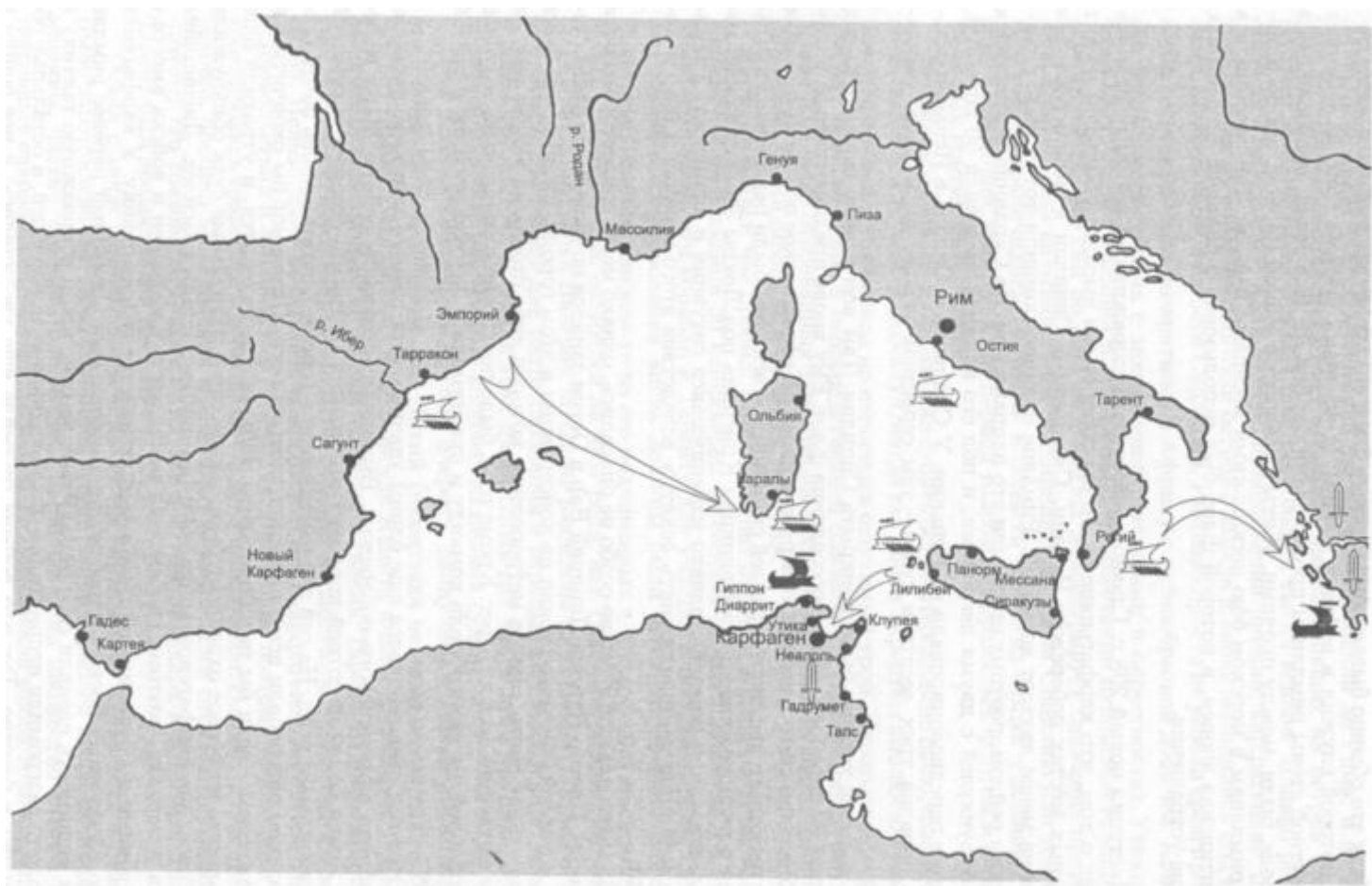
ник (как это обычно бывает, виной всему была его страстная любовь к женщине, брат которой служил в войсках Фабия). И во время штурма один из участков сухопутной стены римлянам просто сдали без боя. В ходе резни, произошедшей в городе, были, между прочими, убиты Демократ и Никон Перкон, так досадившие римлянам в морском бою несколькими месяцами раньше. Так закончилась тарентинская эпопея, в которой флот был использован в большей степени как орудие устрашения.

Наступил новый 208 г. Главной новостью, будоражившей все умы, было известие о том, что карфагеняне будто бы собираются высадить большой десант в разных местах побережья Италии, Сардинии и Сицилии и используют для этого не менее двухсот кораблей. Римляне отлично помнили тот прокол с сардинским рейдом, поэтому прикрыли это направление. На Сардинии разместился Гай Аврункулей с двумя легионами, и под его команду выделили 50 кораблей, которые передислоцировали из Испании. У Сципиона и Силана в Испании осталось порядка трех десятков судов — там серьезной угрозы на море не ожидалось.

Столь же хорошо была прикрыта Сицилия. Там всего лишь вернули из-под Тарента 30 кораблей, вновь воссоединив флот. Ему вновь предписывалось, в случае благоприятных условий, совершить набег на африканское побережье. В этом году несколько десятков кораблей сицилийской эскадры были переведены из Лилибея в распоряжение Тита Квинкция Криспина под Локры Эпизефирские, которые осаждали римляне, однако изменившаяся ситуация и активность Ганнибала в Италии заставили снять осаду, а вследствие этого вернули в базу и корабли.

За Центральную Италию особо не опасались, однако меры предосторожности приняли. Претор Публий Лициний Вар в Остии занялся починкой тридцати старых кораблей, которые стояли на консервации в этом городе. Видимо, это была самая старая часть «флота метрополии», которая либо стояла на якоре, либо на зиму вытаскивалась на берег. Кроме того, было построено и спущено на воду еще 20 кораблей, на них набрали команду и приступили к патрулированию и боевой учебе.

Этот год ознаменовался еще одним удачным для римлян морским сражением вблизи африканского побережья. Выполняя пожелание сената, Марк Валерий Левин со своей сотней кораблей отправился из гавани Лилибея в ставший традиционным рейд. На сей раз высадились у города Клупеи и вновь почти безнаказанно разграбили все в пределах досягаемости. Поход мог бы окончиться и поражением — если бы римляне все же забыли, где находятся, и утратили бдительность, но боевое охранение было на высоте — патрульные суда обнаружили приближение карфагенского флота и римлян не застали врасплох. Дисциплина была в порядке, поэтому грабеж был немедленно прекращен и войска вместе с экипажами погрузились на суда и вышли навстречу противнику. У карфагенян было 83 крупных боевых корабля. Незначительный численный перевес римлян и их решимость сделали свое дело. Римляне предпочли абсордажную тактику и наголову разгромили неприятеля — было захвачено 18 кораблей, а остальные обратились в бегство. Так что добыча от рейда еще увеличилась: в нее вошли и корабли, и имущество, взятое на них.

Кампания 208 г. до н. э.

В том же году флот принял участие в македонских событиях. Филипп по-прежнему имел зуб на этолийцев и всячески досаждал им. Поэтому во время очередной его высадки в Греции у города Ламия на помощь союзникам пришел отряд из тысячи римских моряков, присланных Публием Сульпицием — консулом, отвечавшим за Балканский фронт римлян. Но это было еще не все. Ввязавшись в борьбу многочисленных полисов и преследуя свои интересы, римляне на этом театре боевых действий просто не могли обходиться без поддержки флота. Эскадра Сульпиция вышла к Навпакту и встала там на якорь. Филипп, взбешенный тем, что непокорные этолийцы, чувствовавшие за собой дыхание римлян, выдвигают оскорбительные для него претензии, задумал покончить с римским флотом, чтобы решить проблему морских пространств в свою пользу. Во-первых, он ждал флот карфагенян, который двигался из Африки. Во-вторых, царь Вифинии Прусий также обещал помочь кораблями. Наконец, не желая, видимо, выглядеть бедным родственником, Филипп обменял на время у ахейцев 4000 своих солдат на пять боевых кораблей и решил присоединить их к флотам союзников. Римляне тем временем покинули рейд Навпакта и, причалив между Коринфом и Сикионом, благополучно выгрузили войска и ограбили эту область. Филипп, бывший в то время на Немейских играх, в ярости покинул их и отправился во главе своего конного и пешего войска против грабителей. Надо признать, что на суше римлян застали врасплох. Не успев подготовиться к отражению атаки и поглощенные мыслями о добыче, они не смогли сделать ничего лучшего, как отступить на суда. Впрочем, и потери были небольшими. Однако весть о разгроме римлян грела сердце македонского владыки и явственно работала на его «имидж».

Через некоторое время Филипп двинулся к городу Элиде, рассчитывая на встречу только с войсками непокорных эллинов. Однако Элида располагала собственным портом — Килленой — всего в 23 км от своих стен. Непосредственно перед прибытием македонян Сульпиций, оправившись в Навпакте от поражения, совершил переход с пятнадцатью кораблями к Киллене и перебросил туда 4000 вооруженных солдат. В последовавшей битве, выигранной благодаря участию этих войск, македонский царь чудом не погиб, спасенный своими воинами.

На следующий год, в начале лета, Публий Сульпиций и его союзник царь Аттал успешно маневрировали и угрожали своим объединенным флотом македонскому царю. Сульпиций выделил для этого половину своих сил — 25 квинкверем, а Аттал — 35 кораблей. Они действовали то самостоятельно (так, Аттал со своими кораблями опустошал окрестности города Пепарета), то совместно. В частности, совместной операцией была осада Ореи на острове Эвбея. И вновь по договору было условлено, что Аттал нападет на город с суши, а римляне — с моря. Похоже, эллины уже считали уроженцев Лация в большей степени народом моря, чем себя самих. Впрочем, город вновь был взят изменой, и многочисленные метательные и стенобитные машины не понадобились. Кстати, на кораблях же были эвакуированы остатки пощаженного македонского гарнизона крепости.

Окрыленный Сульпиций на радостях хотел захватить со своим флотом Халкиду, но не учел стойкости защитников, а главное, исключительно неудобной стоянки для кораблей в узком проливе близ города, где они постоянно подвергались страшной опасности; пришлось покинуть Халкиду без всякого результата. Тем временем Филипп внезапно, совершив беспримерный шестидесятимильный

переход, напал на Аттала, который со своим войском (только что разграбившим город Опунт) спасся исключительно благодаря наличию кораблей.

Примечательно, что в те же дни и недели Филипп ждал помощи от карфагенского флота. Но похоже, что карфагенский флот и его командиры были обеспокоены только одним: как бы не встретиться с неприятелем, против которого их послали. Неизвестно, сколько кораблей отрядили пунийцы, но вряд ли их было намного меньше полусотни. И, тем не менее, едва услышав о выходе в море флота Аттала (даже без римлян, всего с 35 кораблями!), brave карфагеняне немедленно ушли за несколько десятков миль от возможной точки randevu.

Но царь македонян все же взял реванш. Собрав «с бору по сосенке» флот — три quadriremy и три biremy у ахейцев, там же захватив семь quinquerem и два десятка заранее заготовленных грузовых барок, царь отправился в Этолию и Коринф, по пути хваля союзников за храбрость и наказывая противников (в основном методом погрузки на свои суда их скота). Наконец в Кассандрии царь заложил сотню новых боевых кораблей, наняв множество квалифицированных рабочих. На время в Греции стало спокойно — Аттал вернулся домой, римляне готовились к новым схваткам, у карфагенян тоже нашлись дела для флота, и он был возвращен в свои базы.

207 г. принес повторение рейда в Африку. Левин в это лето занялся Утикой и самим Карфагеном, где снова взял немалую добычу. В море — на этот раз уже на обратном пути — римский флот вновь попытались перехватить. Карфагеняне действовали в составе 70 кораблей (у римлян, вероятно, вновь было около сотни), и вновь потерпели неудачу. Четыре корабля отправились на морское дно, 17 были захвачены в качестве трофеев, остальные были рассеяны и поспешно ретировались. Высказывавшееся в литературе мнение о том, что эти события в действительности лишь вторичное отражение в источниках прошлогоднего рейда, малоубедительны. Традиция была уже слишком прочна, и ненормальным был год без рейда к африканскому берегу.

Война еще была в разгаре, но в воздухе пахло победой. Одним из самых значимых ее символов в войне на море было сокращение лилибейской эскадры в 206 г. В этой базе оставляли претора Гая Сервилия всего с тремя десятками боевых кораблей. Все остальные суда вместе с командующим проконсулом Марком Валерием возвращались в Рим. Параллельно два легиона, стоявших на Сардинии, заменили одним новым. Южное направление — доселе главное — стремительно теряло свою значимость.

Самое замечательное и вместе с тем самое темное событие 205 г. — захват римлянами примерно 80 тяжелых карфагенских транспортов близ берегов Сардинии. Всего, якобы, в караване было порядка 100 судов. По одной из версий они везли в своих трюмах хлеб, другую провизию, а также деньги и подкрепления Ганнибалу, а по другим — наоборот, возвращались в Карфаген из Этрурии (!) с пленными лигурийцами и горцами. Вторая версия кажется несколько менее правдоподобной. Разве что это был неизвестно откуда взявшийся флот, пришедший со стороны Испании. В любом случае, прохождение такого конвоя без боевого охранения не делает чести карфагенянам как стратегам. Впрочем, посылка «долгожданного» подкрепления Ганнибалу выглядит не лучше. В этом случае каравану пришлось огибать Сицилию и устремляться в самую глубину

внутренних вод противника, что было равносильно самоубийству. К тому же налетел ветер, отнесший корабли далеко на север. Доконало карфагенян то, что в составе каравана не было ни одного гребного корабля! Сугубо парусные транспортники не смогли справиться со штормом и вместо Италии оказались близ южных берегов Сардинии.

Тут все и закончилось. Гней Октавий, который отвечал за эту провинцию, перехватил караван с пятью десятками своих кораблей. Эта «охота на уток» стала апофеозом краха морской политики Карфагена и похоронила все надежды на удачный исход экспедиции Ганнибала в Италии.

Как же обстояли дела на испанском театре? Известно, что к концу 209 г. дела там обстояли настолько удачно для римлян, что Публий Корнелий Сципион на зиму вытащил все оставшиеся корабли (25, кроме отправленных к берегам Сардинии) на берег и свел их команды в сухопутные подразделения. Опасность со стороны карфагенского флота была призрачной — лишившись своей главной базы в Новом Карфагене, он был деморализован, а из Гадеса наносить удары было крайне проблематично, особенно в холодное время года.

В течение двух лет на море ничего не происходило. Однако в 207 г. Гасдрубал был заменен новым командующим — Ганноном. Он прибыл из Африки с войском на кораблях и, несмотря на то, что римляне практически оставили море свободным, не рискнул идти вдоль испанских берегов. Высадив войска в Гадесе, Ганнон предпринял чисто сухопутную операцию вместе с Магоном, набрав войска в глубинной Испании, среди кельтиберов. Однако римляне под командой Марка Силана перехватили отряд и разгромили, а сам незадачливый Ганнон попал в плен.

Последующий год прошел в сухопутных сражениях между римлянами и возглавляемыми Магоном и Гасдрубалом карфагенскими — в основном наемными — войсками. Последние терпели поражение за поражением, и в конце концов Магон в 206 г., прижатый римлянами к берегу, эвакуировался с войском по морю в Гадес. Незадолго до этого морской путь избрал его союзник Масинисса, тайно отправившись в Африку к своим соплеменникам.

Однако римская эскадра отнюдь не прекратила существование. Некоторое количество кораблей постоянно находилось в резерве. Как только обстоятельства потребовали, они были приведены в действие. Вскоре после неудач Магона объявились перебежчики из Гадеса (могли ли римляне мечтать о таком лет шесть-семь назад?), обещая передать город римлянам вместе со всем гарнизоном, его начальником и флотом. Именно в Гадесе тогда находилась небольшая карфагенская эскадра, выведенная из Атлантики, с западного побережья Испании. Сципион вновь отправил комбинированный отряд по суше и по морю. Флотилию возглавлял Гай Лелий, у которого под командой было семь трирем и одна квинкверема. Вряд ли Лелий мог бы захватить Гадес — вероятнее всего, это была разведочная операция, ведь римляне давно не отваживались забираться так далеко на запад, да и вообще не слишком хорошо знали этот театр. Но попытать счастья стоило. Гай Лелий прошел Геркулесовы Столпы и встал на якорь близ берега возле Картеи (в Гибралтарской бухте).

Как раз в это время заговор был раскрыт, и смутьянов отправили под охраной одного из военачальников Магона, Адгербала, в Карфаген. Арестованных

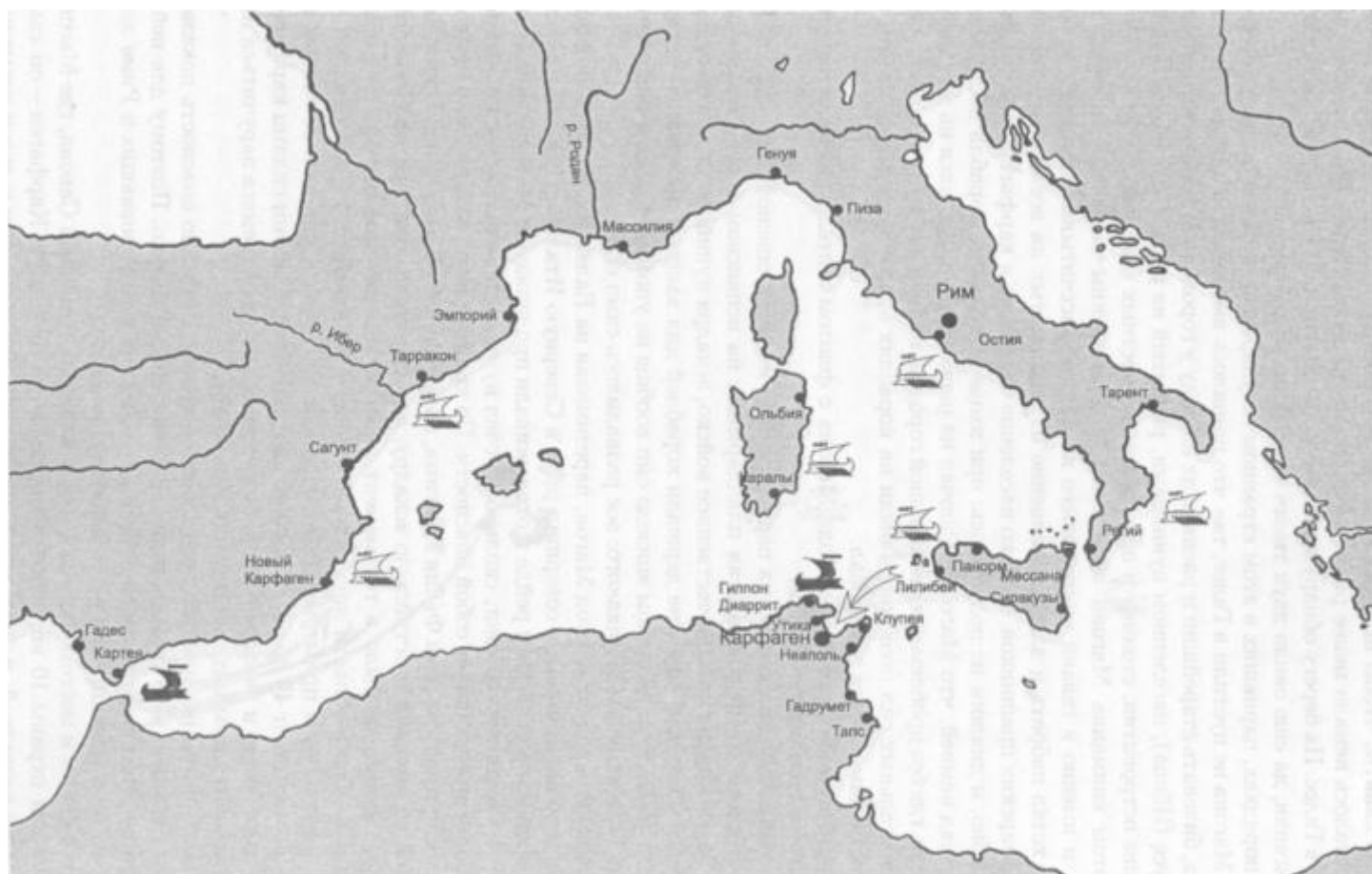
везли на квинквереме, а эскортировали ее восемь трирем. Квинкверему отправили далеко вперед в силу того, что скорость ее была существенно меньше. И когда карфагенский корабль уже почти вошел в пролив, ему навстречу внезапно показались корабли римлян, снявшихся с якоря. Впереди шел сам Лелий на своей квинквереме. Римский командир, не раздумывая, направил свой корабль на карфагенский флагман, рассудив, что в проливе течение делает тяжелый корабль и вовсе неспособным к маневру. Адгербал, находившийся на эскортном корабле, замешкался, не зная, что делать, — вступить ли в схватку или попытаться прорываться и уходить. Пока он размышлял, драгоценные секунды истекли, и из двух вариантов остался только один — бой.

Ко всему еще разыгралось волнение, мешавшее управлять судами. Абордаж в этих условиях был попросту невозможен — триремами вообще стало невозможно управлять, их несло течением, корабли не слушались весел и рулей, попытки таранных ударов практически ни к чему не приводили. Единственными судами, которые сохранили приемлемую управляемость, остались квинкверемы. Более инертные и тяжелые, они почти не страдали от стихии и медленно, но верно повиновались воле своих экипажей. Однако у карфагенского флагмана была только одна задача — прорваться. Похоже, он ее выполнил. Корабль Лелия, не будучи в силах догнать противника, отыгрался на карфагенских триремах. Два судна карфагенян были потоплены, а у третьей римляне искусно снесли все весла. Видя это, Адгербал поднял на кораблях паруса и увел остатки эскадры в Африку. Преследовать его не стали. Лелий, узнав о провале заговора, возвратился в Новый Карфаген, ставший форпостом римлян и главной базой испанской эскадры.

Вскоре вслед за этим карфагеняне показали, что недооценивать их нельзя. Возможно, кому-то из римлян казалось очевидным, что враг повержен. Однако в самом конце войны карфагенские полководцы, и прежде всего флот, показали, на что они еще способны. Ничего подобного не случилось по меньшей мере со времен самых первых боев этой войны.

Карфаген задумал-таки осуществить серьезную поддержку войск Ганнибала, который каким-то чудом давно уже прижился в Италии (как будто бы даже римляне смирились с этим). Магон из Гадеса с флотом, войсками и многочисленными грузами был отправлен вдоль испанского берега в Северную Италию. Число его кораблей неизвестно, но не вызывает сомнения, что их было не менее полусотни. В противном случае такая экспедиция была сродни самоубийству. Действия Магона, впрочем, показывают, что он не испытывал панического страха перед римлянами. В то же время самоуверенность последних и самоликвидация большей части флота были непосредственной причиной новой опасности, постигшей римскую армию и народ.

Первой целью Магона стал новый Карфаген. Пограбив окрестности, флот подвез войска прямо к городу. Войска весь день находились на кораблях, а ночью Магон десантировал армию, чтобы добиться определенной степени внезапности. Эта весьма необычная операция, требовавшая немалой сноровки от корабельщиков и дисциплины от солдат, была, как представляется, новым словом в военноморском искусстве. Однако город встретил карфагенян в полной боеготовности. Блестящая задумка обернулась позором. Подбадривавшие себя криками карфагенские наемники в темноте бросились к кораблям от первых же дротиков. Паника была столь сильна, что, едва попав на корабли, солдаты рубили концы и

Операции 207 г. до н. э.

якорные канаты, чтобы не пустить вслед за собой римлян; вместе с теми на берегу осталось немало менее резвых карфагенских вояк. Утром Магон с флотом бежал в Гадес. На берегу обнаружили около восьмисот зарубленных и заколотых карфагенян, да еще около двух тысяч предметов вооружения.

О порядках, царивших в этом странном государстве, свидетельствует то, что флот Магона не пустили в Гадес, так что пришлось выманивать администрацию города, бичевать старейшин и распять их на виду у горожан. И только на острове Питиусе (Ибица), населенном пунийцами, разбитый на суше флот обрел покой, радушие островитян, стоянку и пополнение из местных юношей.

Потом внимание Магона обратилось к Балеарским островам — кончалась осень, и именно в гавани крупнейшего из них он рассчитывал зимовать, к тому же хотел набрать и здесь пополнение из знаменитых на все Средиземноморье балеарских пращников. Однако население отнеслось к карфагенянам крайне враждебно, и диалога не получилось: при входе в гавань на корабли посыпался такой град камней, что Магон предпочел не рисковать и высадился на меньшем островке, где без проблем взял небольшой городок, набрал две тысячи воинов для вспомогательных сил (эти воины были на кораблях отправлены в Карфаген), а сам с остатками флота зазимовал.

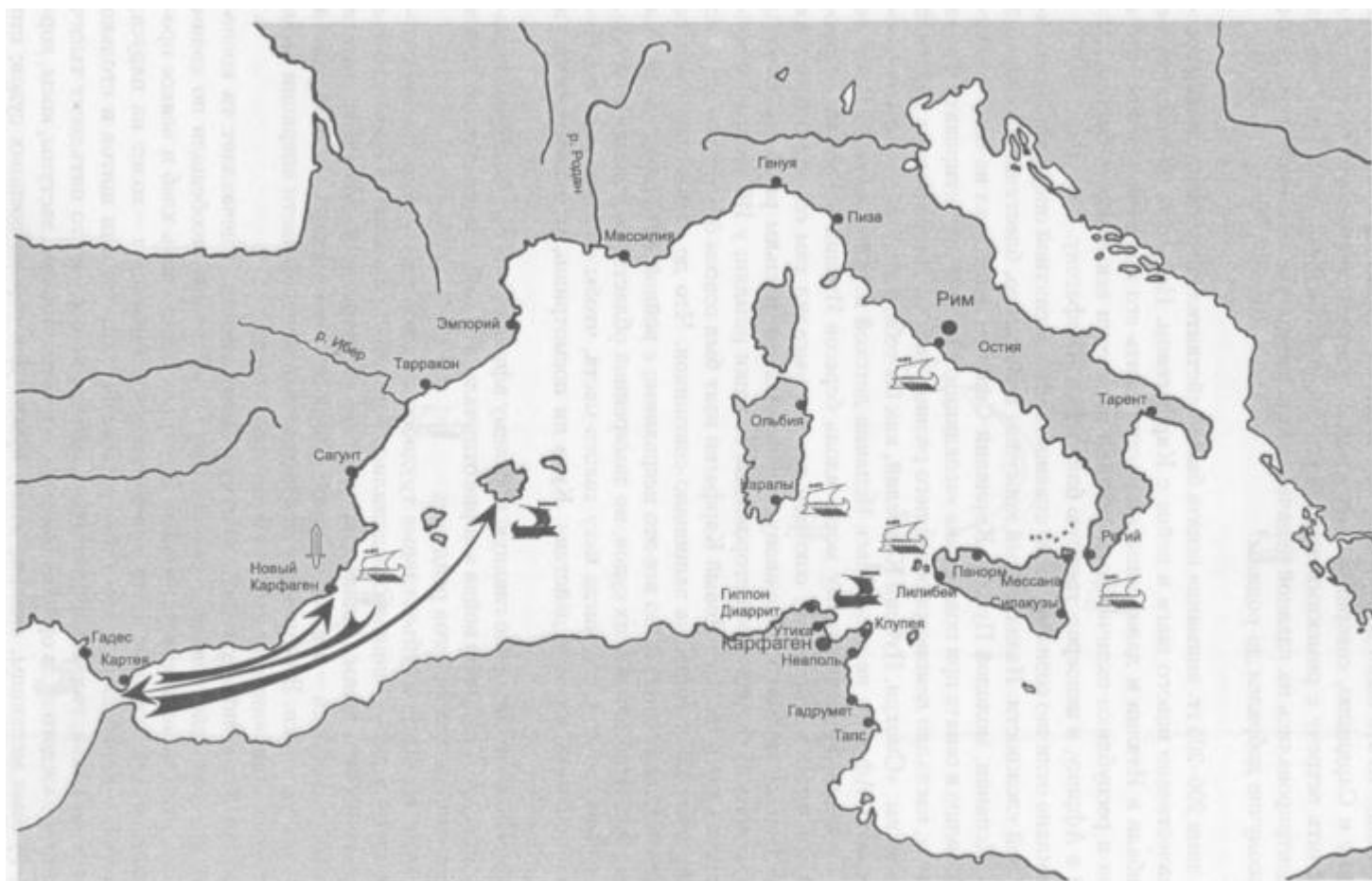
Примечательно, что после ухода Магона с флотом жители Гадеса и округи немедленно сдались римлянам.

Операция Магона только на первый взгляд кажется опасной для римлян. В действительности, не располагая плацдармами на испанском берегу и неся на своем борту крайне низкокачественное войско, эскадра пунийцев была обречена. Неизвестно, сколько римляне держали кораблей для защиты побережья — вряд ли более 25-30, — но в данном эпизоде они вообще не упомянуты, да и использовать их смысла не было никакого: все развалилось само собой.

Однако на следующий год Магон, перезимовав на Балеарах, вновь пополнил свою армию наемниками и совершил рейд в Северную Италию. Примечательно, что римляне знали об этом рейде и отслеживали продвижение Магона. Сципион, вероятно, не столько не смог, сколько не счел нужным помешать ему, посчитав, что рейд не представляет собой опасности. По крайней мере, именно такие выводы можно сделать из речи Фабия Максима, приведенной у Тита Ливия. Впрочем, римляне не выслали и остийскую эскадру, а патрулирования берегов Северной Италии, видимо, не было в тот момент вообще. Именно поэтому Магон высадил свои войска в области лигурийцев. Общая их численность была немалой — 12 000 пехотинцев и примерно 2000 всадников. Весь флот включал 30 боевых и много (вероятно, от 40 до 60) транспортных кораблей. С этими силами карфагенянин взял Геную и ввязался в борьбу местных племен, стремясь заручиться их поддержкой и затем идти на помощь Ганнибалу.

Только теперь римляне всерьез забеспокоились. Внезапно опасность показалась им большей, чем прежде, и находящейся совсем близко. Поэтому для нейтрализации Магона отправили войско не только из квартировавших в Риме легионеров, но и контингенты из вольноотпущенников (!).

Базой флота и местом сбора добычи стала приальпийская Савона, где Магон оставил для охраны 10 кораблей. Остальные он отослал в Карфаген — он сам располагал разведкой, и знал, что Сципион как раз готовился к своей знаменитой экспедиции в Африку. Так что флот был необходим для защиты метропо-

Рейд Магона в 205 г. до н. э.

лии. Вообще-то это было довольно опасной затеей. Кораблям пришлось огибать Корсику и Сардинию, совершать длительные переходы морем для того, чтобы исключить встречу с римскими эскадрами. Но, похоже, римляне в этот период сконцентрировались на главной задаче — атаке Карфагена, — и пунийский флот благополучно добрался до родины.

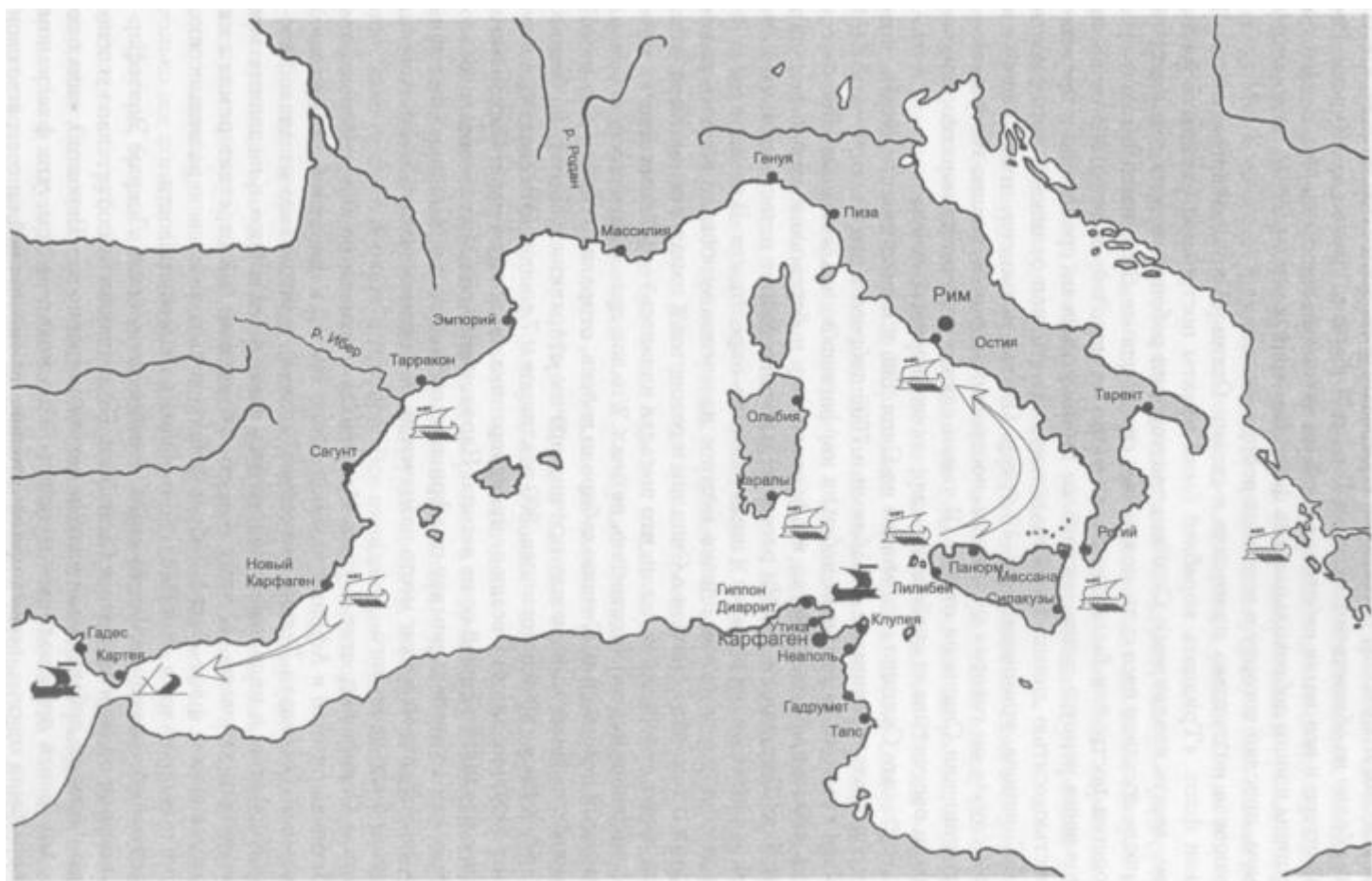
К зиме 206–205 гг. внимание сената было действительно поглощено подготовкой качественно нового шага в войне с Карфагеном. Несмотря на присутствие Ганнибала в Италии и даже попытки организовать его поддержку извне, отцы города и республики окончательно решили перенести всю тяжесть боевых действий в Африку, в непосредственную близость к Карфагену.

Римляне отлично сознавали всю опасность этой десантной операции и связанные с ней сложности. Назначенный консулом в Сицилию, блестяще проявивший себя в Испании, молодой Публий Корнелий Сципион выдержал не одну словесную баталию в сенате при подготовке экспедиции. Уместно процитировать Фабия Максима, наглядно демонстрировавшего разницу нового театра боевых действий с испанским: «Смотри, Публий Корнелий, как бы тебе, когда ты с открытого моря увидишь Африку, не показалась Испания детской игрой и забавой! Разве не так? Ты плыл по замиренному морю вдоль берегов Италии и Галлии; остановился с флотом в Эмпориях, союзном городе; высадил там солдат и повел их по безопасным местам к Тарракону, к союзникам и друзьям римского народа; из Тарракона путь шел через сторожевые стоянки римлян; у Ибера стояли войска твоего отца и дяди... Новый Карфаген взят был совсем без труда — ни одно из трех пунийских войск не защищало союзников. Что до остального, то я не умаляю сделанного тобой, но все это несравнимо с войной в Африке, где нет ни гавани, открытой для наших судов, ни замиренной области, ни союзного города, ни дружественного царя; нигде нету такого места, чтобы обосноваться, и оттуда уже начинать военные действия. Куда ни посмотришь, все неприязненно и враждебно».

Замечание это обнажало главную проблему африканской операции — завоевание плацдарма. Грядущая война в корне отличалась от в общем безответственных и достаточно легких набегов рейдеров.

К тому же были и субъективные трудности. Опасения государственных мужей и заносчивость Сципиона соединились — ему было отказано в производстве воинского набора, а сам Сципион заявил, что государству не нужно тратить на подготовку флота — все необходимое для постройки и снаряжения кораблей ему дадут союзники. В результате вся подготовка морской части операции была переложена Сципионом на Римско-Италийский союз.

Публий Корнелий развернул кипучую деятельность. Впечатляет та кооперация, которая действовала в рамках Союза: «Первыми пообещали по своим возможностям помочь консулу города Этрурии: Цере — дать хлеб и всякое продовольствие для моряков; Популония — железо; Тарквиния — холст на паруса; Волатерры — корабельный лес и хлеб; Арретий — три тысячи щитов и столько же шлемов, копья, галльские дротики, длинные копья — всего пятьдесят тысяч предметов, каждого вида оружия поровну, — а также топоры, заступы, косы, корзины, ручные мельницы, сколько этого нужно для сорока военных судов; сто двадцать тысяч модиев пшеницы и дорожных денег десятникам и гребцам. Пе-

Перебазирование флота и боевые действия в 206 г. до н. э.

рузия, Клузий и Рузеллы пообещали корабельный сосновый лес и много хлеба. Сосны брали из общественных лесов. Города Умбрии и, кроме того, Нурсия, Рета, Амитерн и вся земля сабинская пообещали солдат; многие марсы, пелигны и марруцины пошли добровольцами во флот. Камерин, равноправный по договору с Римом, прислал когорту в шестьсот вооруженных».

Основная подготовка проходила в гавани Остии. В кратчайшие сроки был заложен флот. «Тридцать кораблей были начаты постройкой (двадцать квинкверем, десять квадрирем): Сципион так торопил рабочих, что на сорок пятый день после доставки леса суда, полностью снаряженные, были спущены на воду». Технология постройки была отработана уже до мелочей: срок окончательного изготовления корпуса судна сократился на полмесяца по сравнению с прежними шестьюдесятью днями. Примечательно, что Аппиан занижает численность флота Сципиона, упоминая лишь 10 триер. Однако возможно, что по ошибке в данном случае он говорит не о вновь построенном, а о постоянно находившемся в подчинении Сципиона отряде. В таком случае становится понятно, почему союзники рассчитывали снабжение «для сорока военных судов».

В результате Сципион отправился на Сицилию, к новому месту службы, все-таки с тридцатью военными кораблями и 7000 добровольцев. В то же лето был совершен своего рода пробный набег на карфагенские владения. Гай Лелий, совершив переход морем, пристал к африканскому побережью и ночью высадил десант близ Гиппона Регия. На рассвете, построив солдат и часть снятых с кораблей моряков, он отправился с ними разорять окрестности. В эскадре было не более двух десятков судов, однако местное население мгновенно впало в панику. Слухи о том, что Сципион в Сицилии и готовится к нападению на Карфаген, ходили давно; теперь же увидели, что высадка началась — реальных задач и масштаба операции никто, естественно, не знал. Упадок духа совмещался, впрочем, с активными действиями. Спешно собирали войска, отправили гонцов к немногочисленным союзникам, и, между прочим, срочно отправили к Магону 25 боевых кораблей, а также 6000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов. Эта авантюра впечатляет — слонов, видимо, везли на транспортниках напрямую через Сардинию и Корсику, что было задачей не из легких. Нарращивание сил Магона преследовало цель хоть как-то отвлечь римлян от африканской экспедиции. Опять же, нет данных, как этот конвой достиг места назначения, но, видимо, вполне благополучно. Римлянам было не до того.

Слух о Сципионе достиг и ушей Масиниссы — едва ли не единственного тогда союзника римлян в Африке, каковой лично явился к флоту и был несколько разочарован. Он сказал Лелию, что сейчас — самый удачный момент для нападения на Карфаген, и надо переправлять весь флот и все войско, а не заниматься «булавочными уколами». К тому же, по его данным, на перехват римлян из Карфагена вышел флот. Лелий, забрав добычу и выполнив свою разведмиссию, отчалил и направился в Лилибей, где сообщил Сципиону новости.

Следующей операцией флота стала переброска войск к Локрам Эпизефирским, которые подверглись атаке Ганнибала. Проведенная исключительно успешно, эта операция добавила морякам и пехоте уверенности. Вероятно, какая-то достройка флота производилась и теперь. Упоминание о том, что флагманом Сципиона была гексера, весьма примечательно: именно на ней он совершал свои разъезды вдоль сицилийских берегов.

Прошла зима. В 204 г. почти все силы римлян базировались на сицилийские порты, в основном на Лилибей. Особо упоминается в источниках эскадра Гнея Октавия в составе 40 кораблей. Ей вменялось в обязанность патрулирование побережья «в пределах, указанных сенатом». Очевидно, главным противником виделся Магон со своим флотом, который представлял угрозу и был совсем рядом. Зона патрулирования, скорее всего, включала берега в районе Остии и к северу и югу от нее.

Флот в процессе подготовки к экспедиции в Африку был рассредоточен по нескольким гаваням. Часть кораблей, как известно, находилась в Локрах и Сиракузах. Однако вскоре Сципион отдал приказ собираться всем кораблям и сухопутным частям в Лилибей. Именно он был естественной отправной точкой экспедиции. Ждали только хорошей погоды.

Гай Лелий погрузил моряков на корабли и запретил им сход на сушу. Флот должен был быть в постоянной готовности как к отражению атаки, так и к обеспечению беспрепятственной посадки на суда. Войско же собралось в Лилибее. Античные авторы называют разные цифры его численности. Пехоты исчисляется в пределах от 10 000 до 35 000, конница — от 1600 до 2200 и более. По словам Целия, от крика солдат птицы падали на землю, а на корабли взойшло столько людей, что, казалось, ни в Сицилии, ни в Италии никого не осталось.

Видимо, римляне впервые организовывали десантную операцию такого масштаба и подготовили ее исключительно хорошо. На кораблях был запас пищи на 45 суток и вареных продуктов — на полмесяца. К осуществлению операции было привлечено около 400 транспортных кораблей и 40 военных кораблей осуществляли прикрытие конвоя. Есть данные и о построении этого отряда. «Грузовые суда на правом фланге будут под охраной двадцати военных кораблей, которыми командуют он (Сципион. — *А. Х.*) и Луций Сципион (младший брат Публия Корнелия. — *А. Х.*), на левом — столько же военных кораблей под командой Гая Лелия, префекта флота, и Марка Порция Катона, тогда квестора. На каждом военном корабле по одному фонарю, на грузовых — по два, на корабле командующего ночью горят три — как отличительный знак».

Заслуживает внимания особо оговоренное в источниках упоминание боевых кораблей, вооруженных таранами (*rostratis*), которые упомянуты у Ливия. Флот предназначался прежде всего для выгрузки десанта, и основной задачей охранения было не дать сорвать операцию. Все нападающие суда нужно было безоговорочно топить, не отвлекаясь на абордажные схватки. Для этой цели нужны были именно такие суда.

Образцовая организация привела к тому, что флот представлял впечатляющее зрелище: армада, выстроенная в несколько кильватерных колонн, растянулась как минимум на 5-6 км в длину. Никогда еще отплытие флота не представляло такого величественного зрелища. Не зря посмотреть на него собрались не только все жители Лилибея, но и посольства из городов всей Сицилии.

Наутро, бросив в море внутренности жертвенных животных, Сципион велел дать сигнал трубой к отплытию, повторенный по всему флоту. Первоначальный план Сципиона предусматривал движение и высадку в районе Эмпориев — примерно в полутораста километрах от Карфагена. Богатство той земли и трусоватость местного населения должны были облегчить высадку и обустройство базы. Однако природа внесла коррективы. Сначала дул сильный попутный ветер

и вскоре земля скрылась из виду. Но после полудня ветер стих и все заволокло туманом, так что вести конвой стало чрезвычайно сложно. К счастью, ночью ничего не произошло, а к утру туман рассеялся, и ветер вновь начал надувать паруса. Уже был различим африканский берег. Кормчий заметил Сципиону, что показался мыс Меркурия, ближайшая оконечность Африки, и до него не более 5 миль — нужно править туда и пристать в гавани. Решили пристать именно здесь, поскольку опять опустился туман, ветер стихал и приближались вторые сумерки плавания — Сципион не хотел рисковать флотом: в темноте и тумане, вблизи берега, было чрезвычайно опасно маневрировать с четырьмя сотнями нагруженных доверху кораблей. Бросили якоря на некотором отдалении от берега и стали ждать рассвета. Наутро третьего дня экспедиции взорам открылся мыс Прекрасный, что Сципион счел за доброе предзнаменование и велел немедленно начать выгрузку именно здесь. Все авторы, кроме Целия, свидетельствуют, что плавание было удачным и обошлось без потерь. Вероятно, какие-то корабли были потеряны, но в целом, без сомнения, эскадра выполнила первый этап операции успешно.

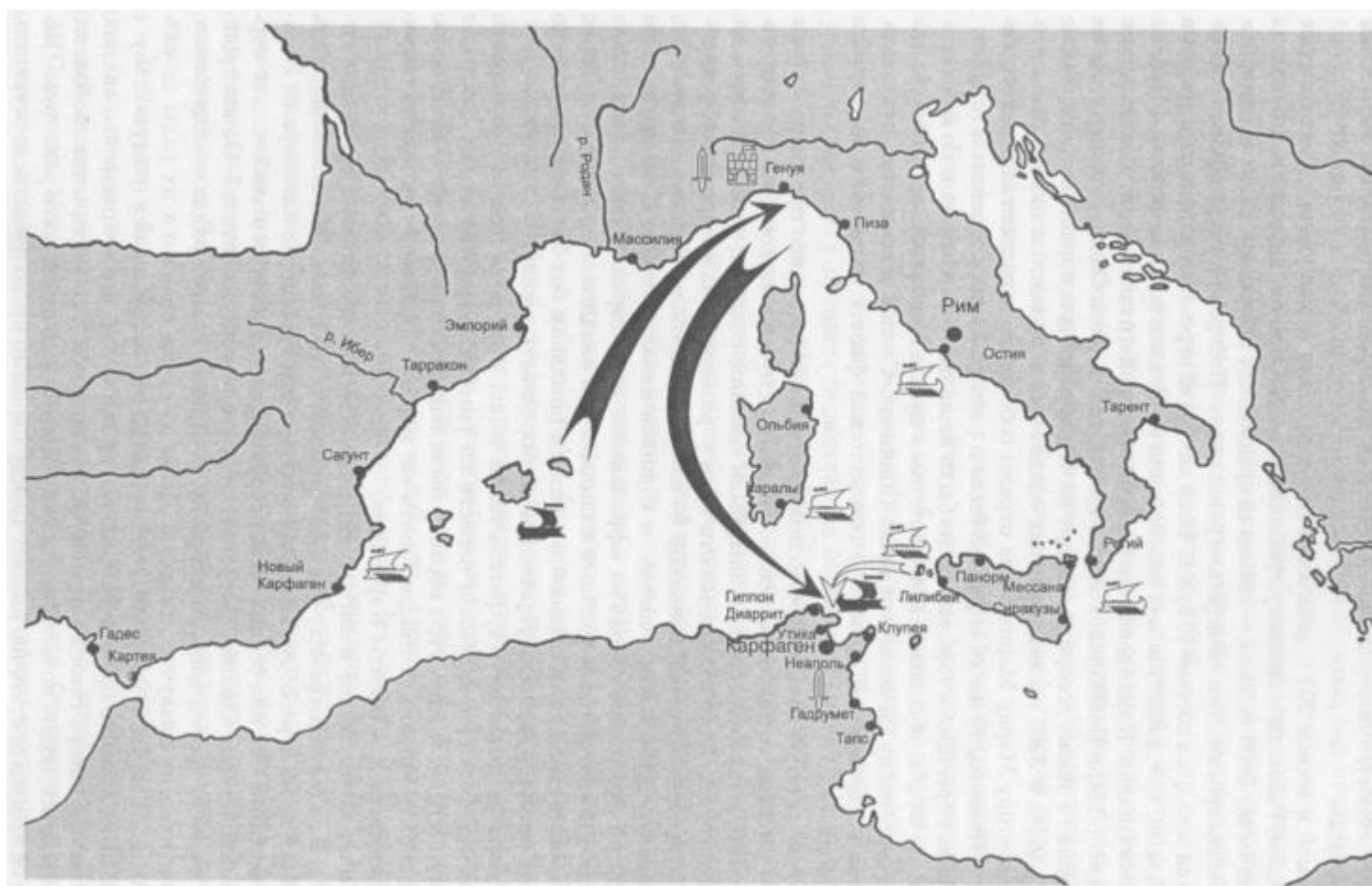
Укрепившись на холмах, Сципион отправил боевые корабли к Утике, а сам выдержал сражение с карфагенской конницей и разбил ее. Добыча, захваченная у солдат и у местного населения, была отправлена с частью транспортных кораблей в Лилибей, вскоре корабли вернулись назад. Судя по всему, после высадки морской мост с Сицилией для снабжения войск действовал уже бесперебойно. Главным интендантом выступал Гней Октавий: он руководил поставками продовольствия и одежды для войск и флота. После этого римляне занялись реализацией второй части операции — захватом базы на берегу.

Естественным кандидатом на роль таковой была Утика. Прекратив грабежи и мелкие набеги, Сципион употребил все свои силы на осаду города. Осада вновь была полной — флот блокировал крепость с моря, армия — с суши. На холме, господствовавшем над городом, установили осадные машины, в разобранном виде перевезенные с Сицилии. Тут же, при армии, были организованы мастерские, где строили новые орудия.

Флот также модернизировали. Вновь, как и при предыдущих осадах городов, римляне применили отработанную практику установки осадных башен на спаренных корпусах квинкверем. На сей раз упор был сделан на дальнобойную артиллерию, предназначенную прежде всего для выведения из строя живой силы противника — по данным Аппиана, эти машины метали камни и чрезвычайно длинные — в три роста длиной (порядка 5 м) — копья. Однако осада оказалась не слишком удачной: после сорокадневных попыток овладеть городом Сципион ушел, так ничего и не добившись.

Флот и войска были расположены в некотором отдалении от города, на мысу, выдающемся в море и соединенном с материком гористым перешейком. Стоянка флота и лагерь моряков были на северной стороне полуострова; сухопутный лагерь — в глубине перешейка; они были обведены единым валом, так что за сохранность своих сил римляне могли почти не опасаться.

Впрочем, карфагенские войска и флот никак себя не проявляли. Вероятно, все мало-мальски качественные соединения флота были отправлены к Магону, а оставшиеся в Африке пребывали в жалком состоянии. Дефицит новых кораблей, отсутствие обученных экипажей (есть данные о закупке 5 000 рабов во флот в ка-

Операции 204 г. до н. э.

честве гребцов), а самое главное инертность командования привели к печальным результатам.

Зимой и весной 203 г. римлянам сопутствовали новые удачи в боях на суше в Италии. Развязка понемногу приближалась. В Сицилии набрали новые войска в количестве 3000 человек — взамен отправленных в Африку. Силы флотов были сбалансированы исключительно равномерно. Побережье патрулировала лилийская эскадра в составе 40 судов. 10 из них были отремонтированными старыми кораблями, три десятка новых перебрали из Италии под руководством Публия Гапулла Виллия. Командовал патрульной эскадрой с итальяскими новобранцами пропретор Марк Помпоний. Гнея Октавия, «интенданта Сципиона», перевели на Сардинию и также доверили эскадру из 40 кораблей для охраны острова. Также 40 кораблей и 3000 свеженабранных солдат для абордажных партий были вверены претору Марку Марцию для охраны собственно западноиталийского побережья. Наконец, те же 40 кораблей были в распоряжении Сципиона в Африке.

Такие меры предосторожности не были лишними — карфагеняне по весне спустили на воду и обновили свой флот, имея целью как тревожащие набеги, так и морскую войну на коммуникациях Сципиона. С этим приходилось считаться. Однако и Сципион не дремал, а готовил свой флот к нападению на корабли карфагенян.

Кроме того, он затеял профессиональную дезинформацию противника. Флот якобы активно готовился к осаде Утики: на спущенные корабли грузили метательные и стенобитные машины, были посланы солдаты, чтобы блокировать Утику с суши. В действительности цель у римлян была совершенно другая — нападение совместно с Масиниссой на войско Гасдрубала, стоящее лагерем. Это предприятие увенчалось успехом, и Сципион начал постепенно занимать одни за другим небольшие города на африканской территории. Одним из них стала Тунета — исключительно удобный плацдарм для нападения на Карфаген. Город был брошен сбежавшей охраной и достался римлянам без боя. Они немедленно начали реконструировать укрепления и оборудовать гавань.

Тунета отстояла от Карфагена на 15 миль, и из нее город был прекрасно виден. Карфагеняне задумали напасть на римлян и уничтожить их флот под стенами Утики. В одно утро корабли были подготовлены к выходу, а в Италию к Ганнибалу отправили гонцов (опять же морем) с просьбой как можно скорее возвращаться для защиты Карфагена.

Сципион находился в лагере под Утикой и непосредственно руководил отражением атаки. Казалось, что дело римлян было плохо. Значительная часть кораблей была переоборудована для осады, и эти громадные катамараны с возвышающимися на них осадными конструкциями попросту не годились для морского боя. Однако Сципион нарушил все правила морских баталий. Он выстроил свои корабли чрезвычайно своеобразно. В первых четырех рядах стояли именно эти неуклюжие плавучие крепости. Дабы во время сражения их ряды не расстроились и не были прорваны, он превратил это сооружение в единую стену: с корабля на корабль были переброшены мачты и реи, все это накрепко связано канатами, а поверх связей помещен настил из досок для обеспечения свободного перемещения людей, по которому можно было ходить вдоль всего ряда судов. Настил находился достаточно высоко: между парными крепостями были оставлены проходы, в которые могли протиснуться на веслах боевые корабли со снятым

рангоутом. Таким образом, легкие суда беспрепятственно могли выходить для боя с противником и столь же легко возвращаться обратно, под прикрытие крепости.

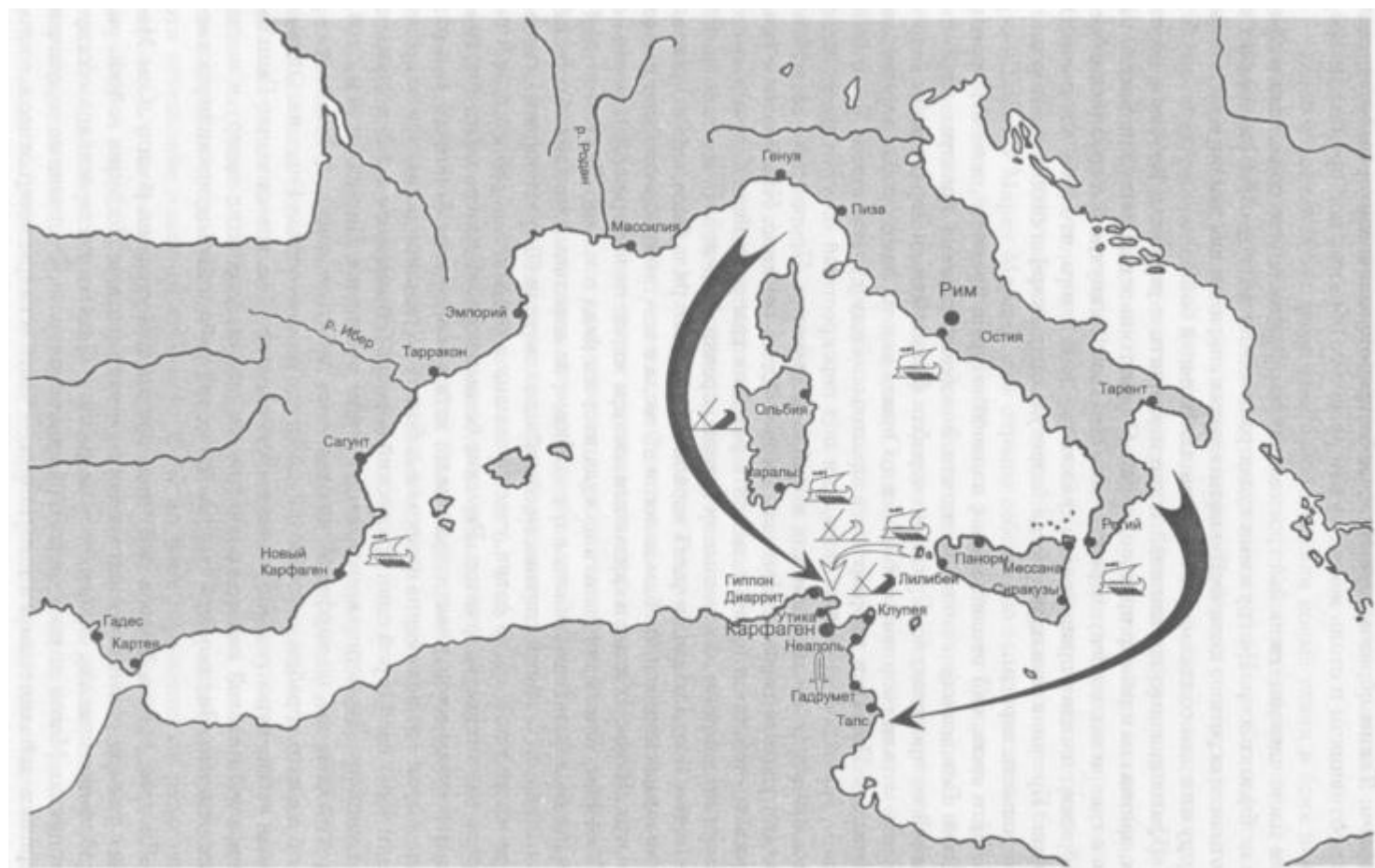
Все было сделано очень быстро, так как карфагеняне уже подходили и времени не было совсем. На грузовых судах разместили тысячу отборных солдат и приготовили огромное количество метательных снарядов для машин и метательного оружия для солдат, с расчетом на длительный бой.

Карфагеняне имели отличный шанс покончить с римским флотом в своих водах, застав его в разгар приготовлений. Однако они осторожничали, встали на якорь в гавани неподалеку, переночевали там и лишь наутро выстроились в боевой порядок, ожидая правильного сражения — как и того, что римляне нападут первыми. Прождав несколько часов безрезультатно, карфагенский флот решил все же напасть первым.

По сути дела, они столкнулись с задачей штурма крепости, а не отдельных кораблей. Без всякого сомнения, ничего подобного ранее в практике морских сражений не происходило. Грузовые корабли были выше, и карфагеняне безрезультатно метали свои копья вверх, в то время как их самих поражали весьма эффективно. Попытки прорваться в проходы между судами также были безуспешны, поскольку пунийцы попадали под перекрестный обстрел, да и часто просто ломали весла и разбивали корабли в узкостях. Прорваться, во всяком случае, не удалось никому. Наконец, было найдено решение. Карфагеняне стали бросать «кошки» и крючья, цеплять римские транспортники баграми, оснащенными на длинные, окованные металлом, древки. Перерубить их было почти невозможно. Когда большая часть кораблей переднего ряда была зафиксирована тем или иным способом, гребцы налегли на весла и все-таки оторвали этот ряд от остальных. Наспех сбитые и связанные доски и жерди не выдержали, и команды кораблей едва успели попрыгать на суда второго ряда и в воду. Ликующие карфагеняне уволокли свою добычу в город, безмерно довольные хоть такой победой над римлянами. В общей сложности пунийцы захватили 60 транспортных судов. Потери их не ясны, но из сотни участвовавших в операции кораблей домой не вернулся, как минимум, десяток. Римские боевые корабли потерь не имели, да и в бою, вероятнее всего, участвовали мало, хотя по сведениям Аппиана — как раз таки наоборот — карфагеняне ничего не добились, а римляне захватили во время вылазки через свой строй один вражеский корабль без команды и отбуксировали его к Сципиону. Вероятнее всего, истина лежит посередине. Потери были и с той, и с другой стороны, но карфагеняне отчаялись добиться успеха и отступили.

В то же лето корабли участвовали в блокаде и осаде города Гиппона. Однако основная война, вероятно, велась на коммуникациях. Так, известно, что Гамилькар внезапной атакой какого-то соединения римлян, захватил триеру и шесть транспортников. Видимо, это был классический рейд на коммуникации противника.

В Лигурии войска Магона получили приказ вернуться на родину. Сам Магон был тяжело ранен и предпочел морское путешествие. Погрузив войска, он, во исполнение приказа, отправился на родину. Однако, когда эскадра обогнула Сардинию, Магон от полученного ранения скончался. Огорченные соратники подверглись дополнительным испытаниям — часть эскадры ветер отнес к востоку, и она была захвачена римским сардинским флотом.

Эвакуация Ганнибала, Магона и зоны боевые действия в 203 г. до н. э.

Однако самым главным событием этого времени, а для многих римлян — и всей войны, стала эвакуация Ганнибала. Повинуясь — хотя и с ненавистью и неохотой — приказу сверху, военачальник, так долго фактически предаваемый своими единоплеменниками, Ганнибал покинул Италию. Транспортный флот и охранение были подготовлены им заранее и построены на верфях немногочисленных приморских городов Бруттия. Показательно, что римляне никак не отреагировали на эвакуацию из Италии своего злейшего врага. Полное отсутствие данных о численности флота и обстоятельствах его плавания косвенно подтверждает тот факт, что римляне настолько свыклись с наличием этого войска у себя дома, что вульгарно проморгали его отбытие и даже постройку кораблей. В противном случае трудно объяснить, почему они не воспользовались таким случаем отомстить за все и отправить его на дно Ионического моря. В то же время Ганнибал, несомненно, и сам давно думал об отступлении, поскольку заготовил корабли отнюдь не в день прибытия посольства. Так закончилась великая эпопея великого полководца — сколь славная, столь и безрезультатная. Это означало близкий конец войны — и ничего больше.

Сообщение с Африкой было оживленным. Оно активизировалось в месяцы затишья в войне, вызванного перемирием. Практика конвоев продолжалась. Претор Публий Лентул переправил из Сардинии в Африку под охраной двадцати военных кораблей сотню транспортников с провиантом. Аналогичная экспедиция Гнея Октавия, который с 30 боевыми судами конвоировал две сотни транспортов, сорвалась из-за буйства стихии: уже в виду африканского побережья буря разметала суда. Боевое охранение, бросив конвой, ушло к Прекрасному мысу, а большинство грузовых кораблей вынесло к Эгимуру — острову в 30 милях от Карфагена, или к Горячим Водам — прямо напротив столицы пунийцев. 50 кораблей Гасдрубала вышли в море и привели в гавань брошенные экипажами транспорты.

Последними событиями этого года были небольшие стычки на море в нарушение перемирия — наподобие той, когда римских послов, возвращавшихся из Карфагена в лагерь Сципиона, атаковали несколько пунийских кораблей из гасдрубалова флота. Атака была не слишком удачна, и захватить команду не смогли — она сумела добраться до берега, но корабль был римлянами потерян.

В 202 г. сенат оставил пропретора Виллия Тапулла охранять побережье Сицилии с 20 военными кораблями и 1000 солдат. Остальные 20 кораблей командировались с Марком Помпонием в Рим, перевоза войска. Самое серьезное усиление касалось африканской эскадры. К ней присоединились 50 новеньких квинкверем (*rostratis*) под командованием Тиберия Клавдия Нерона. Оптимизированные для боя на уничтожение, эти корабли были как нельзя кстати в завершающей фазе операции. Они отбыли из Рима (Остии), но до места назначения так и не добрались. Между Козой и Лоретой флот потрепала буря. Переход к Эльбе, а оттуда — на Корсику и Сардинию был удачен, но близ сардинских берегов флот опять попал в шторм и очень серьезно пострадал: многие суда потеряли оснастку, некоторые утонули. Нерон ушел в Каралы, где занялся починкой материальной части, но тут его полномочия кончились, война подходила к концу, и он увел свой флот — уже как частное лицо — обратно в Остию.

Символичным апофеозом деятельности Ганнибала было его бегство из Африки на одиноком корабле. После проигранной битвы при Заме сопротивление

**Акватории, контролировавшиеся римлянами
к концу Второй Пунической войны**

было бесполезно. Напоследок римляне собирались отправить флот из 50 судов в Африку, однако боевых действий уже не потребовалось. По условиям мира, заключенного в 201 г., карфагеняне выдавали все свои военные корабли. Сципион не удержался от демонстративного акта: все трофеи были выведены в открытое море и сожжены в пределах непосредственной видимости всего населения столицы. По свидетельствам источников, весельных кораблей разных классов было уничтожено около пятисот. Возможно, это и завышенные цифры, но другими мы не располагаем.

В огне этого пожара сгорели последние остатки славы Карфагена как ведущей морской державы Средиземноморья. Крах могущественного некогда морского государства был полным. Выиграв войну на суше, римляне, тем не менее, завершили ее именно показательным уничтожением главного достоинства карфагенян — их морских сил. Война была завершена.

ГЛАВА IV БОРЬБА ЗА ПОБЕРЕЖЬЕ. ВОСТОЧНЫЕ ВОЙНЫ И ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Vae soli

(Горе одинокому)

ВТОРАЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

Активизация восточной политики римлян — «Акмэ» римского флота — Борьба с иллирийскими пиратами — Союзники римлян — Родосцы — Хиосское сражение и бой при Ладе — Вовлечение в войну сил Афин и Египта — Халкидская база македонян и действия против нее римлян — Присоединение к союзникам Пергама — Действия на островах — Штурм Эретрии и действия под Коринфом — Противоречия родосцев и сирийцев — Завершение войны и ликвидация морских сил Македонии.

После завершения Второй Пунической войны Римская республика фактически без перерыва начинает активизировать свою политику на восточном направлении, по отношению к эллинистическим государствам. Этот логически очевидный этап расширения сферы римского влияния имел принципиальное значение для дальнейшей судьбы Республики и ее культурного и политического развития. Главными результатами этого «Drang nach Osten» стали серьезная эллинизация всего римского общества и создание того феномена римской науки, культуры и ментальности вообще, который на добрую половину был сформирован ушедшей в прошлое греческой ученостью, а также получение римлянами «ключей» к странам Востока, в особенности способствовавшее империализации Римского государства.

В течение первой половины II столетия до н. э. римляне приходят в военное столкновение с Македонией (дважды), государством Селевкидов и союзами греческих городов. В течение долгого времени римские политики находят сильных союзников среди эллинистических государств, создают и разрушают могущественные коалиции, активно лавируют в хитросплетениях восточной политики. Противоречия между соперниками как никогда играли на руку Риму и стали основой той масштабной экспансионистской политики, которая привела к аннексии значительных территорий в Восточном Средиземноморье.

Сам тип боевых действий и характер территорий, которые стали основными театрами этих войн, предполагали активное вовлечение сил флота в большинство операций. Однако тип боевых формирований и характер их использования имели в этот период свои особенности.

Период Первой и Второй Пунических войн, включая промежуток между ними (эпоха с 264 по 201 г. до н. э.), справедливо характеризуется в литературе как своеобразное «акмэ» римского флота. Сходного расцвета и развития военно-морские силы этого государства достигали лишь в I столетии до н. э., да и то ненадолго. Общей чертой было одно обстоятельство: и в тот, и в другой периоды римский флот, за небольшими исключениями, формировался самими римлянами. Это были римские корабли с преимущественно римскими же экипажами, хотя в число последних союзники набирались весьма часто. Это объясняется довольно

просто — и в первом, и во втором случаях римлянам приходилось вести борьбу за Италию или Сицилию, и борьба затрагивала настолько принципиальные сферы жизнедеятельности государства, что требовалась предельная концентрация усилий, причем своих собственных.

Однако почти сразу же по окончании Второй Пунической войны римляне обратились к другому театру военных действий, и, как следствие, претерпела коррекцию вся их военно-морская политика. Контингенты флотов союзников — как своих (в меньшей степени), так и далеких, неиталийских, стали активно привлекаться к решению тактических и стратегических задач римского флота, а их доля в его численном составе существенно возросла.

Система вспомогательных флотов, применявшихся на Востоке после 201 г. до н.э., была непосредственным продолжением той практики сотрудничества, которая выковалась в ходе совместных операций Сульпиция и пергамского царя Атталы в эллинских водах во времена Первой Македонской войны, которая фактически была интегрирована во Вторую Пуническую.

Теперь положение изменилось. Если до 201 г. до н.э. греческие воды были однозначно второстепенным театром военных действий и размах оперативной деятельности там был невелик, то теперь восточная политика становилась главной для Рима. Нарастать до бесконечности военное присутствие в условиях определенной «конверсии» после Ганнибаловых войн Рим не мог и не хотел, поэтому практика массового привлечения союзников была вполне оправдана.

Почти сразу же по окончании Второй Пунической войны римляне оказались втянутыми в войну с Филиппом V Македонским. Ситуация в Восточном Средиземноморье в тот период была следующей. Основными силами тамошней политики были три важнейших эллинистических государства — остатки империи Александра Македонского. Это были Македония, находившаяся под властью династии Антигонидов, Египет, возглавляемый Птолемеями, а также империя Селевкидов. Соответственно, Македония стремилась к безраздельному доминированию в материковой Греции — македонский царь к тому же формально был главой лиги греческих государств; держава Селевкидов включала в себя север Сирии, значительную часть юга Малой Азии и практически все восточные провинции, некогда завоеванные Александром; египетская держава включала в себя также южную часть Сирии, Кирену, Кипр и ряд островов Эгейского архипелага.

В ранний период своей истории Рим на Востоке ограничивался преимущественно дипломатической игрой. Единственными серьезными действиями бывали спорадические операции по искоренению пиратства в Адриатическом море. После войн с Пирром Рим заключил союз с Птолемеями II Египетским (в 273 г. до н.э.), однако этот союз лишь окончательно подчеркивал факт вхождения Рима в число «мировых держав» той эпохи, в действительности не обязывая стороны к какой-либо взаимной деятельности или соблюдению каких-то условий. Сферы их фактических интересов пока еще пересекались в столь незначительной степени, что разногласий или особой взаимной привязанности просто не существовало.

Принципиальным моментом стала борьба римлян с иллирийскими пиратами на рубеже 230–220-х годов до н.э. Иллирийские племена были ближайшими соседями римлян на западе, на побережье Балканского полуострова. Только выходя из состояния первобытного бесклассового общества, они, подобно всем аналогичным социумам, перешли к активному внешнему разбою, реализуя свой

потенциал стадии военной демократии. В силу приморского положения племен это естественным образом вылилось в морское пиратство, от которого страдали как Балканы, так и Италия. После падения морского могущества Сиракуз и Тарента к середине III столетия до н.э. иллирийцы совсем осмелели. Их террористическая деятельность достигла такого масштаба, что реально угрожала морской торговле и связям греческих государств и Рима. В довершение всего иллирийцы захватили Коркиру — важнейший остров в транспортном сообщении Италии с Востоком.

Манера действий иллирийцев блестяще описана Полибием в эпизоде с нападением на войско этолийцев: «...Ночью на сотне лодок иллириане в числе пяти тысяч человек подошли к македонскому берегу, в ближайших к городу местностях. Пристав к берегу, они на другой же день с рассветом быстро и незаметно для врага сделали высадку, по обыкновению выстроились небольшими отрядами и двинулись на стан этолян... Иллириане, не останавливаясь, ударили на легкие отряды и благодаря своей многочисленности и тяжести боевого строя выбили их с позиции, а сражавшуюся вместе с ними конницу принудили отступить к тяжелооруженному войску. Вслед за тем они ударили с холма на этолян, стоявших в равнине, и быстро обратили их в бегство, ибо в нападении на этолян участвовали медионяне из города. Много этолян было убито, еще больше взято в плен, все вооружение их и обоз попали в руки иллириан. Исполнив приказание царя, сложив взятые пожитки и остальную добычу в лодки, иллириане немедленно отчалили и отправились домой».

Подобные террористические действия привели в результате к еще большему разгулу иллирийских разбойников, поощряемых государством. Иллирийский «царь» Агрон «по возвращении лодок выслушал сообщение начальников о битве и чрезвычайно обрадовался победе над этолянами, преисполненными величайшей гордыни. Он предался пьянству и прочим излишествами, заболел плевритом, от которого через несколько дней и умер. Царство унаследовала жена его Тевта, которая управляла государственными делами при помощи верных друзей. Тевта, как и свойственно женщине, мечтала только об одержанной победе, не помышляя о прочем, и потому прежде всего разрешила подданным грабить на море по своему усмотрению всякого встречного; потом она снарядила флот, собрала войско не меньшее прежнего и, отправляя его в поход, дозволила начальникам поступать с каждой страной, как с неприятельской».

Иллирийцы и ранее совершали набеги на итальянских купцов, а во время осады Феники в Эпире большая часть их покинула основные силы флота и занялась целенаправленным грабежом римских и итальянских торговых кораблей и портов. Римские послы, намекнувшие царице, что Римское государство следует обычаю защищать своих сограждан, были по ее приказу убиты на обратном пути в Рим. В ответ сенат начал призыв в армию и формирование флота. Вняв просьбам о помощи со стороны итальянских купцов и некоторых греческих городов, римляне ввязались в войну с пиратами. В 229 г. до н.э., в разгар сражений за Коркиру, иллирийцы показали себя умелыми моряками в сражении у Паксов. Используя не только свои корабли, но и семь палубных (классических греческих) кораблей, полученных от своих союзников акарнанов, они вступили в морское сражение с ахейцами — союзниками коркирян. Большие союзнические суда выдерживали удары ахейских кораблей, а иллирийцы, предварительно связавшие свои легкие

корабли по четыре в ряд в целях непотопляемости, атаковали ахейские суда, которые, облепленные вонзившимися в них иллирийскими «связками», теряли подвижность. После этого иллирийцы без всяких приспособлений карабкались на ахейские корабли и в ожесточенной abordажной схватке занимали их. В результате флагман ахейцев вместе с их командующим был потоплен, а четыре quadriremes иллирийцы захватили в качестве приза.

В этой ситуации в дело и вмешался римский флот под командованием Гнея Фульвия, который насчитывал в своем составе две сотни кораблей. Его поддерживала сухопутная армия Луция Постумия. Пользуясь преимущественно силой устрашения, Фульвий прошел с флотом по морям, где действовали иллирийцы, один за другим освобождая города. В столкновениях с противником его флот достаточно легко разделялся с небольшими судами иллирийцев. В одном случае римлянам достались 20 кораблей с добычей. В результате Тевта отправила посольство к римлянам. По условиям договора иллирийцы платили дань, оставляли значительную часть своей территории и обязывались не переходить за Лисс (соврем. Алесслио, между Диррахием и Скодрами) «более как с двумя судами, и то безоружными».

В этой скоротечной операции римляне впервые столкнулись с либурнами — легкими и мореходными судами, которые назывались так по имени впервые создавшего подобный проект иллирийского племени либурнов. В условиях 229 г. до н. э. римляне переиграли оснащенный в значительной мере именно либурнами флот иллирийцев, однако этот тип судна уже тогда начал заимствоваться римскими кораблями. В дальнейшем ему суждено было сыграть ключевую роль в событиях на море позднего периода истории Рима.

Таким образом, территория иллирийского государства с центром в Скодрах (современный Шкодер) была серьезно сокращена, причем это сокращение коснулось прежде всего принадлежавшего им побережья — почти все оно оказалось в руках римлян. Это со стратегической точки зрения было исключительно важно: гавани иллирийцев стали стоянками римского флота в Адриатическом море. Рим приобрел важные опорные пункты для последующей агрессии на Востоке. Рим, к тому же, впервые сыграл в Восточном Средиземноморье роль международного жандарма, и с успехом.

Но еще важнее то, что, захватив иллирийское побережье, римляне перекрыли выход к Адриатике македонскому царю. Вместо полудиких племен Иллирии соседом Македонии стал Рим.

Предпринятые Римом во второй половине III в. до н. э. меры по борьбе с иллирийскими пиратами затрагивали интересы как римской, так и греческой торговли, поэтому римский сенат после заключения мира направил в 228 г. послов в Афины и Коринф, чтобы доложить о результатах кампании на Адриатике. События на этом театре в период Второй Пунической войны подробно описаны в гл. III, здесь же стоит отметить, что римляне превосходно отдавали себе отчет в экспансионистских планах Филиппа Македонского. Несомненно, лавры царя Пирра не давали ему покоя, а римляне, (как британцы времени Нельсона и Черчилля) как огня боялись высадки противника на их полуостров.

События периода 214–205 гг. до н. э. официально считаются Первой Македонской войной, однако шла она безынициативно и не принесла каких либо существенных выгод ни одной из сторон. Филипп сохранил за собой часть адриатиче-

ского побережья (у устья реки Апса), но отказался от претензий на главенство в лиге греческих государств. Сил на увеличение своего влияния на дела в Адриатике у него не было. Поэтому царь занялся поиском союзников. В 203 г. до н. э. он вступил в союз с царем Антиохом III Селевкидом, после чего сумел построить довольно мощный флот и атаковал островные владения Птолемеев. Согласно договору, производился классический раздел сфер влияния, а потом и территорий. Союзники делили периферийные владения Египта: предполагалось, что Антиох получит Келесирию, Финикию и Кипр, а Филипп завладеет малоазиатскими территориями Египта в Карию, островами Эгейского моря и Киреной. Царь Египта Птолемей — тоже пятый по счету, как и сам Филипп, — был слишком мал, чтобы реально управлять государством, и Филипп в последующие два года захватил ряд принадлежавших Египту островов в Эгейском море.

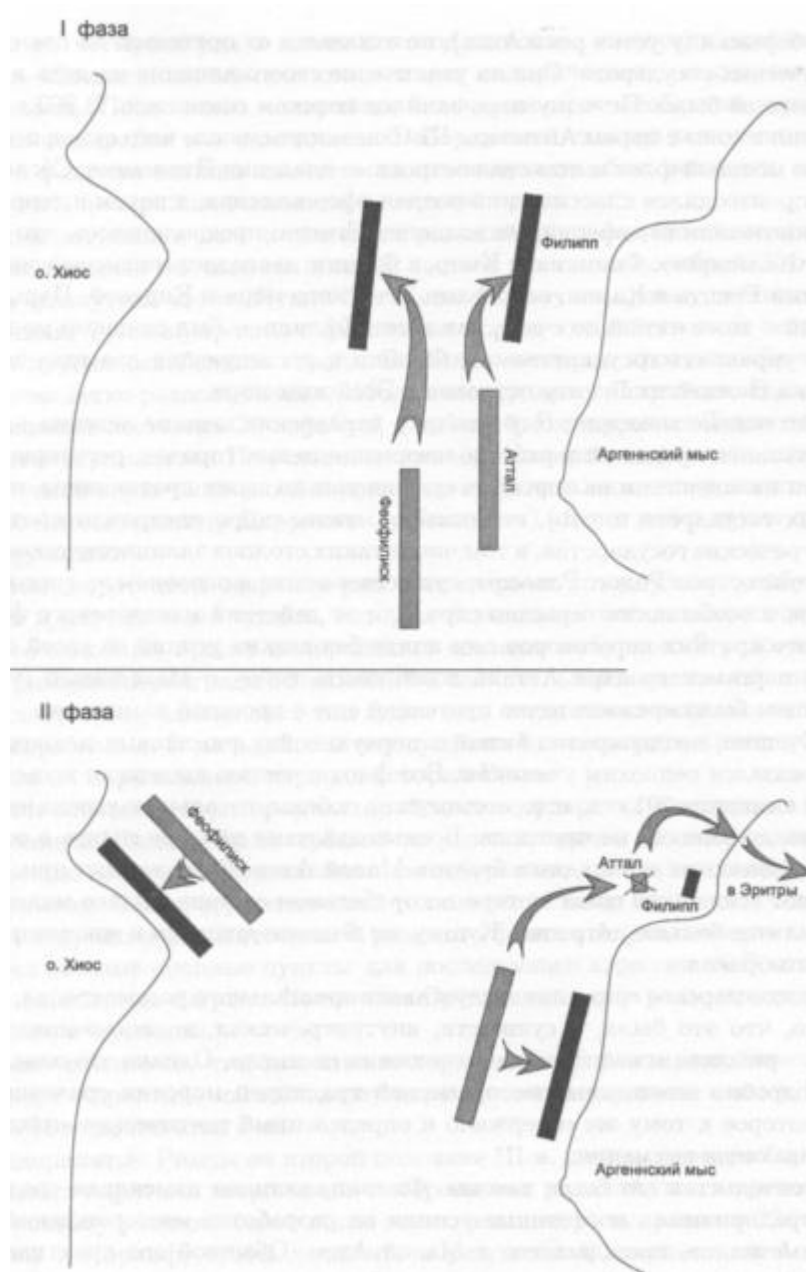
Свойственные македонскому монарху варварские методы ведения войны (а он прославился продажей в рабство населения целых городов, регулярными пиратскими нападениями на торговые суда не только своих противников, но и нейтральных государств и т.д.), естественно, очень скоро настроили против него многие греческие государства, в том числе таких столпов эллинистического мира, как Афины остров Родос. Родосцы, существовавшие в основном за счет морской торговли, в особенности серьезно страдали от действий македонского флота. В результате кратких переговоров они почти без всяких усилий со своей стороны убедили пергамского царя Аттала возобновить войну с Македонией (у того к македонцам было предостаточно претензий еще с прошлой кампании).

Но Филипп, неоднократно битый в первую войну римлянами и союзниками, все же оказался неплохим учеником. Его флот с честью выдержал испытания, и морская кампания 201 г. до н. э., несмотря на победы, тотального успеха на сей раз греческим союзникам не принесла. Боевые действия на море велись в основном близ юго-западных и западных берегов Малой Азии. В сражениях при Хиосе и Ладе флот союзников понес потери в корабельном составе, однако македонский флот был еще больше потрепан. К тому же Филипп лишился и множества своих солдат и моряков.

Хиосское морское сражение заслуживает пристального рассмотрения, несмотря на то, что это была, в сущности, внутригреческая, эллинско-македонская, схватка — римляне к ней прямого отношения не имели. Однако это одно из наиболее подробно освещенных исторической традицией морских сражений древности, которое к тому же содержало и определенные тактические «изюминки», заслуживающие внимания.

Обстоятельства его были таковы. Филипп, активно изыскивая средства на войну, предпринимал постоянные усилия по разработке месторождений драгоценных металлов, прежде всего в Малой Азии. Обычной его практикой было устройство своего рода плавучих дозоров для прикрытия этих разработок. Однако, зная об однозначном перевесе союзников в количестве судов и их качестве (у них было намного больше закрытых, палубных кораблей), македонянин не рисковал. При попытке захватить его врасплох флот снимался с якоря и покидал место стоянки, уходя к новым месторождениям.

Но однажды союзникам все же удалось настичь македонского монарха вместе с его флотом и навязать сражение. Чрезвычайно подробное описание этого боя у Полибия дает пищу для размышлений, тем более, что в нем подробно разбирает-

Хиосское сражение 201 г. до н. э.

ся как общий ход битвы, так и действия отдельных кораблей. Самое яркое, что бросается в глаза, — это удивительная пестрота типового состава флотов противников, где были представлены, похоже, все мыслимые типы кораблей — от крошечных челноков и простых беспалубных гребных судов до децемрем. Учитывая,

что существующая тенденция переводить их наименования как «восьмипалубники», «десятипалубники» и т. д. в корне некорректна (этот вопрос освещается в гл. IX), возникают некоторые накладки при истолковании хода сражения.

Командовали союзниками Аттал и Феофилиск. Несмотря на разновременный выход эскадр в море — родосцы несколько отстали, — гребцы, усиленно налегая на весла, вскоре почти одновременно нагнали эскадру Филиппа. Македонский флот следовал двумя кильватерными колоннами и, в соответствии с этим, Аттал и Феофилиск синхронно напали — первый на правую колонну, а второй — на левую. Численность флота Филиппа определяется в 53 «палубных судна», открытые суда и более 150 челноков и «пристов». Таким образом, общая численность флота Филиппа сильно переваливала за две сотни вымпелов. Ему противостояли не менее семидесяти крупных палубных кораблей союзников — в их числе упомянуты три «тригемии» и столько же триер. То есть численный перевес был у Филиппа, а качественный — у Атталы со товарищи.

Филипп, застигнутый врасплох, дал сигнал своему правому крылу вступить в битву и поворачивать в сторону неприятельских кораблей, а сам с несколькими легкими челноками отступил под прикрытие небольших островков, где и выжидал исхода битвы. Однако с собой он захватил небольшой эскорт из палубных кораблей.

Аттал отдал приказ к атаке. Его корабль набросился на вражескую «восьмерку». Кормчий Атталы блестяще справился с задачей и нанес противнику смертельный таранный удар ниже ватерлинии. Противники пытались оказать сопротивление, как пишет Полибий (какого рода сопротивление может оказать влипший в такую историю корабль — непонятно; вероятно, активно отстреливались), но в конечном итоге, разумеется, как только корабль Атталы попытался дать задний ход, пошли на дно. Флагман Филиппа («десятка», децемрема, судя по всему), напротив, оказался не на высоте. Никто этого не ожидал — корабль был велик и грозен. Его кормчий провел бой на сходящихся встречных курсах с тригемией и удача сопутствовала ему: угол его удара был рассчитан вернее, и таран угодил тригемии в самую середину корпуса, что неизбежно должно было привести ее к гибели. Но страшное ускорение последней и инерция хода привели к тому, что македонский флагман потерял ход, как будто наскочив на скалу, и его стало разворачивать на месте. Тригемия повисла на его таране, и флагман стал практически неуправляем. Видя это, две пентеры с противоположных бортов пробили корпус огромного корабля и отправили его на дно почти со всей командой. Вместе с кораблем погиб адмирал Филиппа, наварх Демократ.

Известны обстоятельства боя двух командиров кораблей Атталы — братьев Дионисодора и Динократа. Динократ при встречном таране пробил вражеской «восьмерке» корпус в подводной части, сам же получил пробоину выше ватерлинии (видимо, противник шел с дифферентом на корму), однако, как ни пытался, не мог стряхнуть врага со своего тарана. Пергамский царь самолично поспешил на выручку своему подчиненному и ударом сбросил вражеский корабль с его тарана. Но корабль был уже «мертв»: в ожесточенной схватке воины Динократа перестреляли всех противников на вражеском судне. Дионисодор же так рьяно устремился на противника, что промахнулся и снес не противнику, а себе не только весла правого борта, но и подпорки боевых башен. Его корабль был окружен

и захвачен, а команда истреблена, за исключением самого Дионисодора и двух его моряков, каким-то чудом спасшихся вплавь и подобранных триемиолией.

Вскоре после начала подоспели родосцы. Сначала они ломали весла, догоняя македонские суда. Но вскоре, примкнув к кораблям Феофилиска, они вступили в правильный линейный бой с македонянами. Последние прибегли к средству, примененному позднее карфагенянами в последней битве под стенами родного города. Все пространство между крупными судами македоняне заполнили многочисленными челноками и легкими кораблями. Они, как стая ос, набрасывались на родосские суда, цепляясь за весла, пытаясь пробить то борт, то нос или корму. В результате правильная атака развалилась на серию поединков кораблей, отягощенных действиями «москитного флота».

Родосцы также попытались применить хитрость. Перегружая носы своих кораблей, они шли на врага с большим дифферентом и получали удары выше опасной зоны, в то время как сами наносили противнику повреждения, вызывавшие неминуемое затопление. Македоняне же открывали такой шквальный огонь из всего, что можно было метнуть и из чего можно было выстрелить, что родосцы начали уклоняться от сближения. Однако вскоре они все же достали своего противника еще одним способом, на сей раз традиционным. Идя в лобовую атаку, родосские корабли старались развить максимальную скорость и сломать весла неприятелю. Этим сокращалось и время нахождения под обстрелом. Затем, описав циркуляцию, нападали на почти обездвиженного соперника и таранили его с кормы или в борт. Именно таким образом было потоплено большинство македонских кораблей.

Известен также героический бой трех пентер союзников. Одним из них командовал Никострат, кормчим был Автолик. Нападение на вражеский корабль для них закончилось трагической победой: пронзив врага, они потеряли свой таран вместе с носовой оконечностью корабля. Потеряв ход и медленно погружаясь, они отбивались от окруживших их вражеских кораблей, но силы были неравны. Почти все воины погибли, а раненый Автолик в полном вооружении предпочел прыгнуть в воду. В это время подошел второй корабль под командой наварха Феофилиска. Он не смог спасти судно, но протаранил два вражеских корабля, воины с которых (с верхних палуб) попадали в море. Но Феофилиска также окружили. Он потерял большинство своих воинов и сам был трижды тяжело ранен. Спас он свой корабль благодаря вмешательству третьего героя, Филострата. Несмотря на ранения, Феофилиск, едва придя в себя, вновь пошел со своим судном в бой.

В силу изначального построения судов македонян в две колонны сражение сразу же распалось на две практически самостоятельные битвы: правое крыло Филиппа постоянно держалось вблизи малоазийского берега, а левое вело бой с родосскими кораблями вблизи побережья острова Хиос. На правом крыле решительный перевес постепенно одерживал царь Аттал. Он уже понемногу приближался к тем островкам, под которыми укрылся Филипп. Однако царь вдруг заметил, что одна из его пентер вышла из общего боя и почти затонула, атакуемая неприятельским кораблем. Он бросился к ней на выручку вместе с двумя тетрерами. Враги бросились наутек, а Аттал так увлекся преследованием, что не заметил, как оказался в опасной близости от резерва Филиппа. И тот не медлил бросить против своего врага весь наличный корабельный состав: четыре

пентеры, три «полуторника» (?) и несколько челноков. Отрезав царя от его флота, они прижали его к берегу и вынудили причалить. Царь с командой бежал на сушу и укрылся в городке Эрифры. Его спасла собственная хитрость и жадность македонян. Он велел разбросать по палубе все самое ценное из своих сундуков. Первыми к судну причалили команды легких челноков; не блиставшие достатком македонские моряки набросились на драгоценности и одежду, забыв о цели своего визита. Ведя на буксире царский корабль, Филипп поплыл к своему флоту, ободряя его и приводя корабли в боевой порядок. Он убеждал всех, что они одержали победу. Дионисодор, принявший командование, смекнул, что именно произошло с его царем, и тоже собрал свои корабли вместе, после чего отошел к якорным стоянкам у малоазийского берега. Два флота разошлись. Прекратили битву и на другом фланге. Остатки македонян вышли из боя, как бы стремясь подать помощь собственным судам. Родосцы, ведя на буксире трофейные корабли, ушли к Хиосу.

В результате сражения фланг Филиппа потерял из состава своего флота по одной «десятке», «девятке», «семерке» и «шестерке», а также 10 «крытых судов» (?), три триемиолии и 25 челноков вместе с командами. На другом фланге безвозвратные потери составили 10 крытых судов и около 40 челноков, еще две тетреры и семь челноков с командами увели родосцы в качестве трофеев. Аттал потерял одну триемиолию и две пентеры, не считая захвата в качестве трофеев двух тетрер и флагмана самого царя. Родосцы потеряли две пентеры и одну триеру, но потерь трофеями не понесли. Что касается людских потерь, то счет был ужасающим. Аттал потерял 70 человек, родосцы — 60, а македоняне 3000 солдат и 6000 гребцов и моряков, да еще более двух тысяч пленными.

Несмотря на это, Филипп провозглашал себя победителем — ибо загнал Атталла на сушу и встал на якорь на месте, где плавали обломки судов, т. е. оставил поле битвы за собой. Однако в душе он иллюзий не питал. Это был разгром.

Не менее интересным, судя по всему, было и сражение при Ладе. Однако, к сожалению, у нас куда меньше сведений и подробностей о нем, чем о многих других и уж, во всяком случае, чем нам хотелось бы иметь.

Древние авторы считали, что битва при Ладе была не только не менее важна, чем хиосское сражение, но даже превосходила его по напряженности, примечательным случаям и по кровопролитности. Интересно, что сдержанный обычно Полибий раздражается целым пассажем по поводу искажений исторической действительности отдельными своими коллегами именно в отношении битвы при Ладе. Однако и в его собственном труде о ней, к сожалению, сохранились лишь совершенно отрывочные сведения. Некоторые авторы — в частности, Зенон и Антисфен, — по словам Полибия, приписывали победу родосцам. Из его слов заключить этого, конечно же, нельзя.

Из конкретики сражения можно выделить упоминаемые в историографии факты захвата двух пентер родосцев македонянами вместе с командой. Родосцы, в конечном итоге, все же отступили. Один из их кораблей, получив серьезную пробоину и другие повреждения, видимо, первым вывалился из схватки и, поставив носовой парус, ушел в открытое море. Вслед за ним то же самое стали предпринимать многие другие корабли родосцев. Наконец, к остальным кораблям вынужден был присоединиться и флагман. И уже затем корабли родосцев были отнесены ветром к Миндскому берегу, где и бросили якоря. На следующий

день они вновь вышли в море и ушли к берегам Коса. Македоняне же, уволокшие с собой свои призы, вновь провели ночь на бывшей якорной стоянке своего противника — видимо, чрезвычайно гордые собою. Так что победа в данной битве, вне всякого сомнения, все же принадлежала не Родосу, а его противникам. Точные их потери неизвестны, однако родосцы вряд ли могли продать свою победу слишком дешево. Как бы то ни было, Филипп нес потери еще до вмешательства римлян.

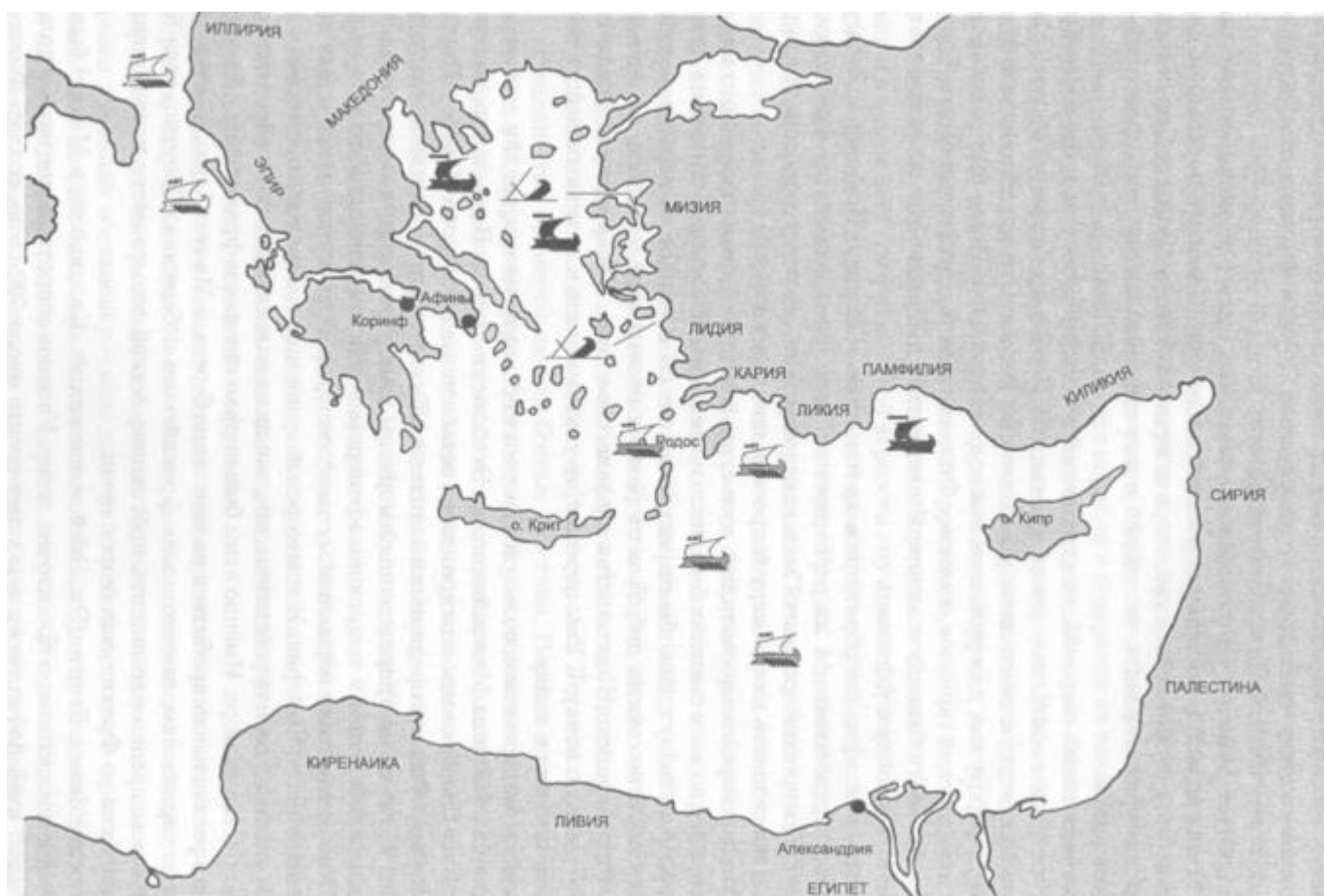
При этом борьба на море не могла ликвидировать сил Филиппа на суше. В результате стало ясно, что без помощи извне обойтись вряд ли удастся. Царь Аттал вновь прибег к испытанному временем средству и решил привлечь к сотрудничеству римлян, усилив за их счет антимакедонскую коалицию. В результате в Рим в 201 г. до н.э. была отправлена группа послов от пергамского царя, которых сопровождала родосская делегация.

На самом деле римлянам война в сложившихся условиях была не слишком-то и нужна. Только что завершилась война с Карфагеном. Государство было измучено напряжением сил и разорением, причиненным Ганнибалом и мятежными союзниками. Не хватало еще воевать на Востоке. К тому же в данной ситуации у римлян решительно не было никакого повода воевать с Македонией. Филипп, вроде бы, вполне корректно соблюдал все условия договора 205 г. до н.э., и со стороны римлян претензий к нему быть не могло. Пергамским царем двигали исключительно корыстные интересы и его цели также были весьма далеки от всякого идеализма. Реально пострадавшей стороной были родосцы, которые потеряли несколько своих портов и были терроризируемы македонским флотом. Только для них эта война была насущной необходимостью.

Однако существовали еще и сугубо стратегические соображения. Помимо осознания того, что в ближайшей перспективе придется что-то делать на Востоке, сыграли свою роль и речи атталовых послов. Несколько раз выступая перед сенаторами, они, наконец, убедили их в том, что союз Филиппа с Антиохом не только в долгосрочной перспективе, но уже и сейчас непосредственно угрожает римским интересам. Военные успехи и явное усиление Филиппа тревожили римлян. Римлянам, разумеется, трудно было забыть, что Филипп, не колеблясь, не преминул воспользоваться результатами битвы при Каннах. Перспектива экспедиции в Италию по примеру Пирра не могла не волновать и сенат, и народ Рима, а такая перспектива была вполне реальна. Повторения подобного никак нельзя было допустить. Поэтому проатталова партия в сенате развернула кипучую пропагандистскую деятельность.

Собственно, римляне и сами предпринимали какие-то действия, реагируя на усиление побежденного некогда противника. Так, например, уже в 201 г., задолго до прибытия посольства от союзников, они, получив известие о действиях македонского флота, перебазировали одну из своих эскадр из Сицилии к берегам Иллирии. Это была эскадра знаменитого пропретора Марка Валерия Левина. Приняв близ Вибоны под свое командование от Гнея Октавия 38 кораблей, Левин отправился к македонским берегам. Однако боевых действий в тот год не велось.

В 200 г. до н.э. консул Публий Сульпиций Гальба, наконец, убедил сенат объявить войну Македонии. Формальным поводом к войне стало то, что Филипп напал на союзников Рима — это было истинной правдой. Македонскому царю

Борьба за господство в Восточном Средиземноморье. Районы патрулирования и боевых действий в 201 г. до н.э.

был послан ультиматум с требованием незамедлительно возместить все убытки как жителям Родоса, так и Пергамскому царству. Помимо этого, от него недвусмысленно требовали впредь отказаться от какого бы то ни было вмешательства в отношения между греческими государствами. То есть Филиппа окончательно устранили от участия в делах греческой лиги.

Не следует думать, что положение македонян было блестящим в этот момент. Македонский флот понес серьезнейшие потери. Наиболее печальным для Филиппа было то обстоятельство, что, в отличие от Аттала и родосцев, он не имел возможности восстановить численный и качественный состав своих флотилий в короткое время.

Положительной стороной его стратегического положения в морской войне было то, что в ходе войны ему удалось захватить Перею, прибрежную область Карий, расположенную всего лишь в 20 милях от Родоса. Это представляло потенциальную угрозу как для родосцев, так и для Пергама. В Перее был расквартирован македонский гарнизон, а самому Филиппу вместе с остатками своего флота удалось прорвать блокаду союзников и вернуться в Грецию, где он почти сразу же вступил в войну с Афинами.

Теперь уже афиняне обратились за помощью к Египту, Пергаму и Родосу. Союзники предоставили в их распоряжение свой флот, однако им фактически нечего было противопоставить македонской армии, поэтому родосцы убедили афинян последовать их примеру и просить помощи у Рима.

Афины по-прежнему считались культурной столицей цивилизованного мира, их авторитет во всех смыслах был исключительным. Поэтому, если послы Аттала и родосцев вынуждены были напрягать все свои усилия на переговорах, но вначале так и не смогли добиться от римлян ничего определенного, то появление в Риме афинского посольства сделало свое дело. Слова афинян упали на подготовленную почву, и Рим перешел от ультиматумов к активным действиям. Римляне вступил в войну.

Родосцы тем временем, пользуясь своими морскими силами, заняли несколько морских баз Филиппа Македонского на Эгейских островах. В рамках их наступления были блокированы его гарнизоны, оставленные на островах Самос и Парос. Параллельно Филипп предпринял активные действия на суше далеко к северу, во Фракии. Не являясь прирожденным моряком и морским стратегом, царь отлично отдавал себе отчет в том, сколь эфемерны в действительности его успехи на море. Как и положено нормальному македонцу, он имел вполне сухопутный образ мышления, не был фанатиком морской мощи и не собирался им становиться. Трезво оценивая свои перспективы, он отнюдь не надеялся добиться абсолютного превосходства на море. Именно этим был вызван интерес к фракийскому фронту. Филипп рассчитывал пробиться на азиатские берега, в Малую Азию, к оставленным там гарнизонам, именно вдоль фракийского побережья. Попутно, если бы это удалось, предстояло лишить противника всякой возможности использовать морские базы во Фракии, заняв их с суши.

Морские базы в Египте (Эн, Элей, Алопеконнес, Каллиполис и Мадит) были захвачены македонянами достаточно легко. Упорное сопротивление оказал только Абидос, куда Аттал перед тем успел ввести около 300 своих солдат. Филипп блокировал город. Репутация македонского царя, уничтожавшего или поголовно продававшего в рабство население захваченных им городов, была такова, что жи-

тели Абидоса, осознав безнадежность своего положения, предпочли покончить с собой и поджечь город, нежели сдаться.

Родосцы, за отсутствием у них наземных войск, не смогли оказать никакой действенной помощи Абидосу, как тем более не смогли воспрепятствовать и продвижению македонян во Фракии. Поэтому они занялись тем, что умели делать: с этого момента Родос ставил своей главной задачей борьбу с флотом Филиппа, а также всемерное уничтожение, где только возможно, критских пиратов, которые были союзниками македонского царя и всюду орудовали в Эгейском архипелаге. В частности, родосцы оказали услугу Афинам, отбив у македонцев четыре недавно захваченных теми афинских корабля и возвратив их законным хозяевам. Однако родосцы не были вполне свободны в своих действиях. Македонская группировка в Перее находилась в угрожающей близости от Родоса и представляла для него нешуточную угрозу. В силу этого Родос постоянно держал значительную часть сил своего флота близ карийского побережья для противодействия возможным попыткам захватить свою территорию.

Филипп был расчетливым политиком. В результате падения Абидоса во Фракии и в целом всей его фракийской агрессии ему удалось организовать настоящий хлебный кризис в Элладе. С захватом черноморских проливов македонский царь в известном смысле наложил руки на горло Греции. Массовое поступление зерна из Причерноморья в Грецию прекратилось. Поскольку Аттика и Родос почти полностью зависели от импорта северопонтийского зерна, это привело к очень серьезным проблемам прежде всего для них. А другой важнейший греческий источник хлеба — Египет — в этот момент также испытывал массу проблем в силу того, что египтяне в Южной Палестине проигрывали войну войскам Антиоха. Те заняли большинство левантских баз Египта. В результате египтяне потеряли как корабли, которые вошли в состав флота Антиоха III, так и материальную базу для их воспроизводства в виде верфей в городах Леванта.

Римляне тем временем начали боевые действия. Первым делом ими была отправлена в Иллирию эскадра. Часть кораблей уже стояла в гаванях иллирийского побережья, теперь общая численность иллирийского флота была доведена до 75 судов. Вместе с кораблями прибыла армия под командованием Публия Сульпиция Гальбы. Этот переход из Брундизия был совершен за один день. Основным пунктом базирования флота Гальба избрал остров Коркира. Свои действия римляне согласовывали с активностью союзников — в то время, как из состава римских сил для патрулирования берегов Аттики было отправлено отборное соединение из 20 трирем, при котором находился Клавдий Центон с тысячей воинов; к ним присоединились посланные родосцами четыре квадриемы, а также несколько афинских кораблей — афрактов.

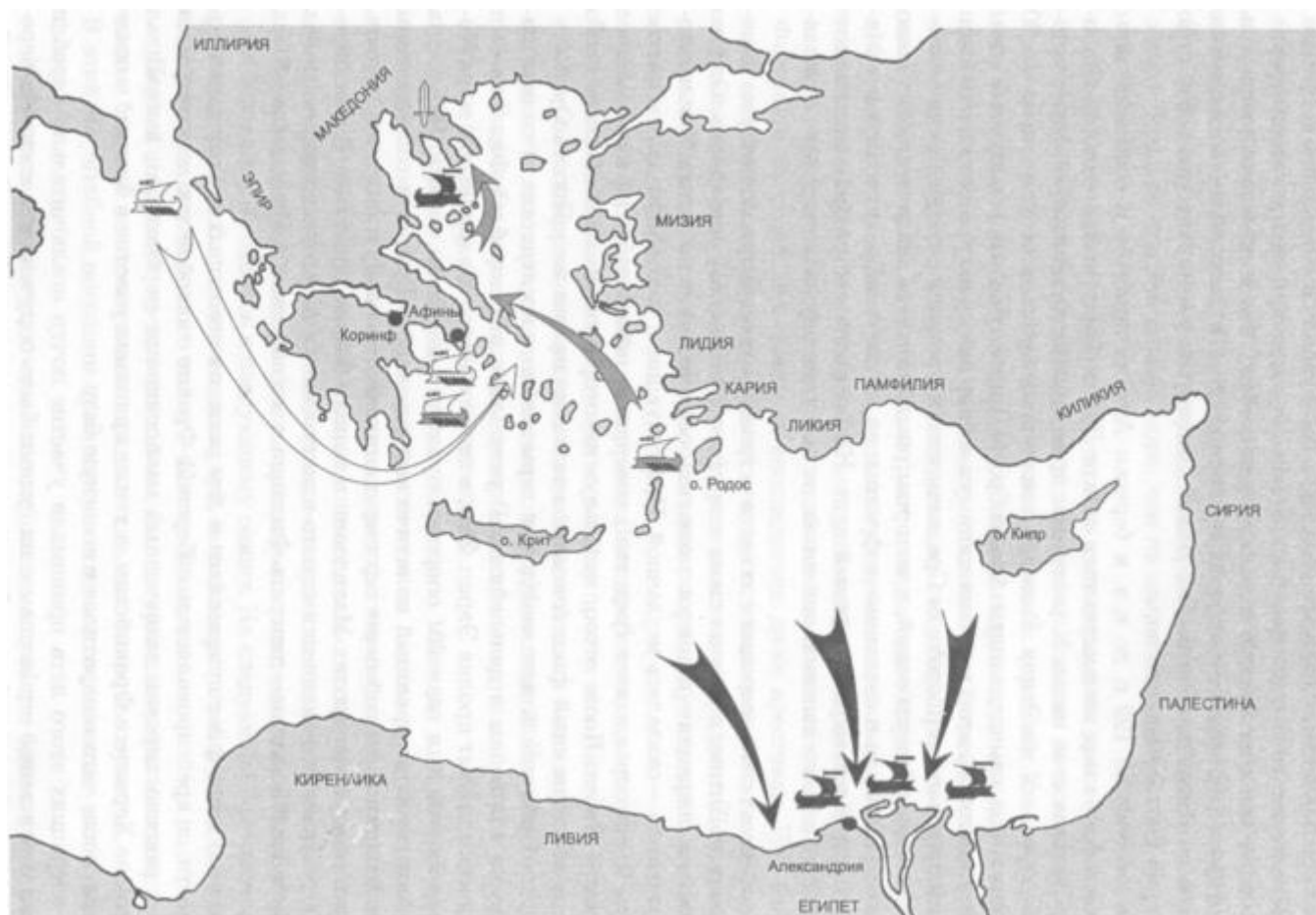
Македоняне в этот момент активно использовали захваченную ими военноморскую базу в Халкиде. Часть сил их флота находилась там и регулярно совершала набеги на греческое побережье. Появление патрульных сил союзников резко изменило обстановку — македонские корабли несколько присмирели. Однако сама по себе база пока была головной болью для союзников. Именно с ней и было необходимо разобраться в первую очередь. Родосцы особенно настаивали на этом — ведь у них имелся достаточно богатый опыт борьбы с пиратскими стоянками — как на Крите, так и в других местах. Несмотря на рискованность предприятия, была проведена чрезвычайно дерзкая и оттого удачная операция.

Воспользовавшись тем, что македоняне, расположенные на Эвбее, не ожидали нападения, не были приведены в боевой порядок и стояли рассредоточенно, объединенная римско-родосская эскадра, совершенно в духе Пунических войн, вошла ночью в пролив Эврип. Перед самым рассветом корабли одним броском достигли бухты Халкиды. Родосцы предоставили свой флот, и их войск на эскадре было совсем мало, поэтому десант состоял преимущественно из римских легионеров. Римляне внезапно ворвались в ничего не подозревавший город и подожгли все, что представляло ценность для базирования флота Филиппа, прежде всего македонские продовольственные склады и арсенал. Родосцы тем временем освободили содержащихся под стражей лидеров антимакедонских партий. Идея рейда заключалась в нанесении македонянам максимального ущерба и общем устрашении. Возможностей вернуть и удержать Халкиду у союзников не было, поэтому они ограничились разрушением укреплений и запасов имущества и, погрузив на корабли войска, ушли.

Нападение на Халкиду и учиненный там погром были не только болезненным уроном для войск македонян. Важно было и то, что это стало неприятным щелчком по носу македонского царя. Рассвирепевший Филипп вторгся в Аттику и осадил Афины, решив взять их штурмом. При этой осаде он и сам чуть не был убит снарядом одной из афинских катапульт. Несмотря на все усилия, штурм оказался безрезультатным. Тогда Филиппу пришло в голову захватить другой важный и весьма значимый для греков город — Элевсин. Но его штурм был не менее провальным. Причем в этом провале свою роль сыграло преобладание союзников на море. Благодаря наличию пусть и небольшого, но уже победоносного флота, с которым македонский царь не отваживался тягаться, римляне и родосцы перебросили в Элевсин подкрепления, которые подоспели как раз вовремя и предотвратили возможное падение города. Вzbешенный полосой неудач Филипп, не будучи в силах достичь искомых результатов, нашел утешение в откровенном вандализме, сорвав свой гнев на многочисленных священных местах Аттики путем разрушения множества храмов и осквернения гробниц. Отведя душу, македонский царь со своим войском ушел через Беотию на север.

Вообще в этот период одной из главных задач флота союзников было адекватное прикрытие с моря Афин. В состав осуществлявших его сил входили как римские корабли, так и три quadriremes с Родоса и еще три беспалубных корабля.

Так закончился первый год этой войны с участием римлян. Вмешательство римского флота привнесло принципиальное разнообразие в течение боевых действий. Даже не вводя в действие всех сил, римляне продемонстрировали, насколько серьезной проблемой является владение морем. Одно только присутствие их военно-морской группировки в водах Аттики и вообще к востоку от материковой Греции резко снизило активность флотилии Филиппа. По сравнению с Пуническими войнами морская война вообще становилась более динамичной. Показательно, что Филипп даже не пытался сопротивляться на море, фактически уступая его римлянам и их союзникам. В свою очередь коалиция без римлян вряд ли была дееспособна. Только последние могли выставить столь же качественные сухопутные контингенты, как и у македонского царя. Мы сталкиваемся с парадоксом. Эта внутренняя греко-эллинистическая война как-то сразу и безоговорочно стала римской войной, ибо именно римляне были решающей силой как на суше, так и на море.

Восточное Средиземноморье. Боевые действия 200 г. до н. э.

Любопытен масштаб римских операций. В ходе войны, например, осуществлялась переброска тысячного контингента нумидийских всадников Масиниссы и огромного количества карфагенского зерна на кораблях в Македонию и Грецию, в распоряжение воюющих армий и флотов. Эти мероприятия наглядно демонстрировали как способности и роль флота вообще, так и намечающуюся роль Рима в грядущем средиземноморском миропорядке. Показательно, что зерновые кризисы не коснулись Рима: Тит Ливий специально упоминает, что в 200 г. до н. э. зерно было очень дешево.

На следующий 199 г. до н.э. к берегам Аттики прибыли и основные силы римского флота под командованием легата Луция Апустия. На этот раз коалиция нарастила свои силы. К римлянам присоединился пергамский флот, который базировался на Эгину. Родосцы также не остались в стороне, прислав 20 квадрирем под командованием Акесимброта. Таким образом, совокупные силы флота союзников в этом году как минимум в пять раз превосходили те, что были сконцентрированы в Восточном Средиземноморье в прошлое лето. Среди многочисленных предзнаменований, к которым римляне всегда были исключительно внимательны, были и связанные с флотом: на корме одного из стоявших в Македонии кораблей вырос лавровый куст. Несмотря на все рационалистические предпосылки этого явления, оно никак не могло не внушать оптимизма римлянам.

Флот начал свои операции с захвата острова Андрос. Здесь Аттал, уже имевший базу на Эгине, построил свою вторую островную базу для флота. Однако следующая операция — попытка захватить остров Кинф в составе Кикладского архипелага — оказалась неудачной. Примкнувшие к союзникам далматинские пираты (цель оправдывает средства!) совершили новый набег на юго-западное побережье Эвбеи. После этого, используя некоторое ослабление обороны этого острова, объединенный флот союзников захватил на нем же крепость Орей.

Сдача Орея имела для македонян серьезнейшие последствия и сильно повлияла на ход войны в дальнейшем. В результате для кораблей Филиппа был фактически закрыт пролив Эврип. Это, в свою очередь, изолировало с моря Коринф, который был главным опорным пунктом македонян на юге. Эта удача коалиции имела и серьезный политический резонанс в Греции и сопредельном мире. Этолийцы, до той поры ведшие достаточно пассивную политику, теперь открыто выступили против Македонии и начали боевые действия. Таким образом, в результате фактически одного-единственного шага союзников половина их возжеленной задачи — запретить Филиппа с его войсками в Македонии — была выполнена.

Помимо этого флот привлекался и для решения некоторых других задач — в частности, он крейсировал вдоль побережья Фракии с явной целью демонстрации силы и рекогносцировки захваченных македонянами морских баз; высаживал десанты на Херсонесе Фракийском, а также принимал участие в блокаде и осаде Аканфа, после чего возвратился в эгинскую базу.

В операциях этого лета принимали участие почти исключительно корабли римлян и пергамцев — родосцам с их судами было поручено отслеживать перемещения македонского флота. Дислоцировался родосский флот вблизи мыса Зеласиум, неподалеку от Деметриады, которая на тот момент выполняла функции главной военно-морской базы македонян.

В этой войне — пожалуй, первой в истории Рима, которую он вел так далеко и, формально, за чужие интересы — роль флота была исключительна. Далеко не всегда есть адекватные данные о конкретике его участия в операциях, но бесконечные «прыжки» с острова на остров, напоминающие операции японского и американского флотов в Тихом океане во время Второй мировой войны, были немыслимы без налаженной структуры морского перемещения сухопутных сил. Эти годы не были отмечены крупными морскими сражениями, но война все-таки в большей степени шла на море, чем на земле. Именно поэтому Филипп ее проигрывал.

Что касается македонского флота, то в этот период он практически не предпринимал активных действий. Дело в том, что македонцы за истекший срок не вводили в строй, насколько известно, новых боевых кораблей. И если в прошлом году Филипп не рисковал понапрасну, то в этом году, с кардинальным увеличением численности противников, рисковать не стоило тем более, в результате всего несколько родосских quadrirem смогли на все лето блокировать совершенно исправный и, наверное, боеспособный флот македонского царя. Эта флотилия все эти месяцы, стоя в Деметриаде, понемногу переоснащалась, ремонтировалась и готовилась к новым «подвигам». Командовавший македонским флотом Гераклеид не предпринимал никаких иных действий и, в конце концов, был смещен Филиппом со своей должности, а впоследствии даже арестован. Но, в общем-то, и сам Филипп прекрасно понимал степень потенциальной опасности, поэтому опустошил острова Перарет и Скиаф, которые лежали рядом с Деметриадой и которые родосцы могли бы использовать как опорные пункты для нападения на нее.

Однако и у союзников были определенные проблемы, в том числе и на море. В частности, внезапное вмешательство в войну против них Антиоха III, который стал угрожать Пергамскому царству, не давало Атталу — как и родосцам — полностью сосредоточить свои усилия на войне с Македонией. Например, половина флота Родоса была вынуждена конвоировать транспорты с зерном и патрулировать пролив между островом и континентом.

Таким образом, в общем и целом, кампанию 199 г. до н.э. можно признать прошедшей под знаком несомненного, хотя и не подавляющего, превосходства союзников на море. Все поставленные перед флотом задачи были с успехом выполнены. Проблемы, которые создавало вмешательство внешних сил в лице Антиоха, никак от союзников не зависели и послужили лишь к их вящей славе.

В период зимних месяцев флоты традиционно отставались в базах, приводя себя в порядок и готовясь к следующему сезону. На следующий год командовать римским флотом был назначен, пожалуй, самый энергичный и удачливый из всех адмиралов за эту короткую войну — Квинт Фламинин.

Первой операцией, предпринятой им, был штурм еще одной македонской крепости, бывшей исключительно важным для них опорным пунктом, — Эретрии. В этой масштабной операции приняли участие все соединенные силы союзного флота.

Установленные на судах метательные машины пробили брешь в стене крепости. Гарнизон попытался начать мирные переговоры с Атталом, но Фламинин опередил их и, совершенно в духе действий советского командования под Выборгом в марте 1940 г., предпринял ночной штурм и захватил город. Показательно,

что в данной операции едва ли не впервые в римской истории артиллерия флота сыграла решающую роль именно в дистанционном разрушении оборонительных стен города-крепости. Было продемонстрировано явное возрастание боевой мощи кораблей и кардинальное увеличение их роли в осадах наземных укреплений. В перспективе это позволяло сокращать численность атакующих города наземных группировок. Более того, теоретически складывались предпосылки для самостоятельных операций флота по взятию приморских крепостей.

Слава этого штурма немедленно разнеслась по всей Греции. Союзный флот образца 198 г. до н.э. представлял собою грозную и вполне самостоятельную силу. Поэтому гарнизон Кариста, другой эвбелской крепости, не стал дожидаться аналогичной участи. Он добровольно капитулировал, после чего был обезоружен и переправлен в Беотию.

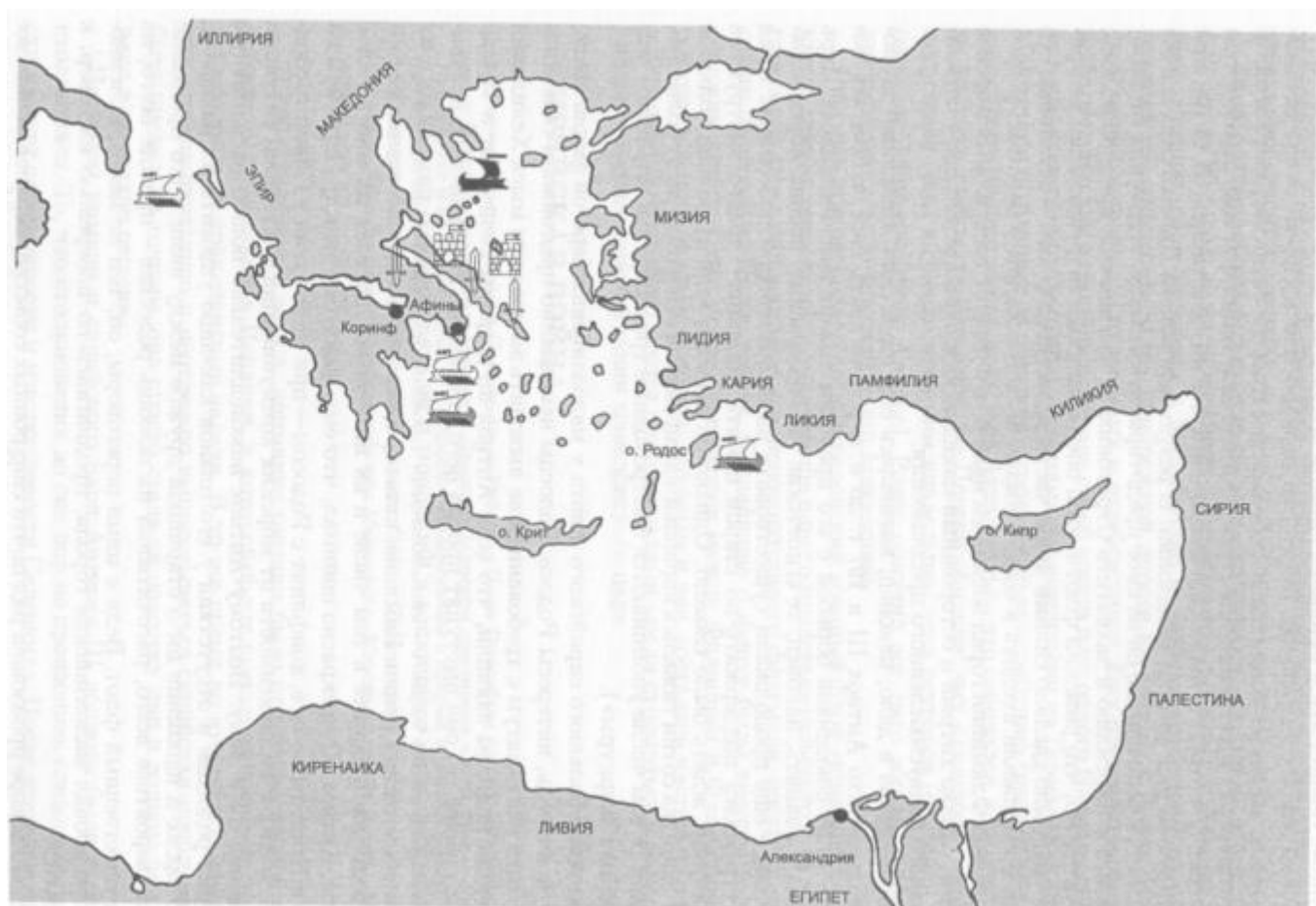
Затем флот союзников направился к Коринфу. На этот раз в чем-то повторилась история с осадой Элевсина. Блокировать город не удалось — Филипп сумел перебросить туда подкрепления и припасы на легких кораблях — лембах, для чего, впрочем, ему пришлось снять экипажи с части своих боевых кораблей. Взять эту сильную крепость штурмом не представлялось возможным. Аттал убедил Фламинина снять осаду, и римский флот вернулся на зиму на свою базу в Коркиру.

Ситуация этого периода характеризовалась тем, что, несмотря на активные боевые действия, союзникам не удалось переломить ход войны в свою пользу окончательно и бесповоротно. Македоняне сумели удержать за собой Коринф. В результате они могли, используя его как чрезвычайно удобную базу, продолжать осуществлять свою практику пиратских нападения на идущие в Грецию римские транспорты и другие суда.

С другой стороны, были и явно положительные моменты — в частности, успешно шли переговоры с Ахейской лигой. Однако в Аргосе к власти в это время пришла откровенно промакедонская партия. В результате все чрезвычайно удачные боевые действия флота союзников летом были несколько снивелированы общей ситуацией, зависевшей как от непосредственных военных действий, так и, в особенности сильно, от политики в этом чрезвычайно многополюсном регионе.

Иными словами, воцарилось некоторое затишье, своего рода пауза в войне, которая и так должна была наступить к зиме, но была явно подчеркнута общей обстановкой. Эту зимнюю паузу македонский царь постарался максимально использовать для налаживания первых мостов к миру. При всей неоднозначности положения, дела Филиппа были совсем не так хороши, как могло показаться. Он прекрасно понимал, что в ходе комбинированной сухопутно-морской войны ему, при всем желании, не удастся переиграть союзников на море, а это имело решающее значение. Поэтому зимой Филипп затеял предварительные переговоры с союзниками.

Встреча сторон состоялась в Локриде в Малийском заливе, куда македонский царь демонстративно прибыл в сопровождении всего лишь нескольких легких судов — «пяти ладей и одной присты». Однако, несмотря на данные ему гарантии безопасности, в первый день он отказался сходить на берег, ссылаясь на присутствие этолийцев, и за все время переговоров единственный раз покинул корабль для личной встречи с Фламинином. Переговоры зашли в тупик. Филипп, в част-

Восточное Средиземноморье. Боевые действия 199-198 гг. до н. э.

ности, готов был вернуть родосцам Перею, но хотел при этом сохранить за собой захваченные гавани, что в принципе лишало его уступку всякого смысла.

Родосцы же к следующему 197 г. уже перебросили в Перею около восьмисот наемных ахейских гоплитов и небольшой отряд из сотни кавалеристов. К этой группировке присоединился родосский командующий флотом, знаменитый Павсистерат, у которого было еще около двух тысяч пехотинцев. В битве при Алабаунде они разгромили македонян. В результате войска Павсистерата все же освободили Перею, однако он не смог предотвратить отход македонских гарнизонов и войск в Баргилию и захватить Стратоникею, что вначале предполагалось. Примечательно, что римский флот в этой операции участия фактически не принимал — все было сделано силами лишь части родосского флота — остальные его корабли продолжали входить в состав союзнической эскадры у берегов Греции. Все это время Фламинин горел желанием навязать Филиппу генеральное морское сражение, однако хитрый и осторожный македонский царь настойчиво уклонялся от такого недвусмысленного предложения.

Одновременно в дело, наконец, вмешалась еще одна сила. Сидевший до поры довольно тихо Антиох III в 197 г. до н.э. решил взять свое, пользуясь поглощенностью союзников борьбой с его прежним товарищем Филиппом. Царь намеревался занять, наконец, те египетские (птолемеевские) военно-морские базы, которые еще продолжали существовать на малоазийском побережье. Вряд ли он стремился поддержать по старой памяти Филиппа — такого альтруизма от Селевкиды ждать было сложно. Однако он вывел в море довольно большого флот — порядка сотни тяжелых кораблей-катафрактов и около двухсот более легких судов (в том числе упоминаются быстроходные транспортные корабли — так называемые «керкуры»).

Появление большого сирийского флота у малоазийских берегов затрагивало, в первую очередь, интересы Родоса. Родосцы немедленно предъявили селевкидскому царю ультиматум с требованием не выходить за пределы мыса Хелидония в Киликии. Родосцы заявили, что если Антиох не удержит свой флот и войско на этом рубеже, то они выступят против него, причем не из какой-либо ненависти, но чтобы он не соединялся с Филиппом и не стал помехой римлянам в их деле освобождения Греции. Римляне, кстати, чрезвычайно высоко оценили стойкость родосцев в защите в том числе и их интересов, удостоив их многих слов похвалы. Антиох III прекрасно понимал, что ему, зажатому между Пергамом на севере и Египтом на юге, конфликт с Родосом — при отсутствии у Сирии господства на морях и ее зависимости от морских коммуникаций — в данной ситуации совершенно ни к чему. Поэтому Антиох незамедлительно пошел на попятную и заверил родосцев в отсутствии у его планов как-либо ущемить их интересы, заодно также и напомнив им о старинной дружбе между ними и его предками. Антиох, вероятнее всего, рассчитывал на помощь родосцев — прежде всего, на их могущественный флот. Ведя с ними переговоры, он, тем не менее, понемногу аннексировал малоазийские города, продвигаясь по побережью на север, к Пропонтиде.

Однако вскоре произошел ряд почти синхронных событий, перемешавших все карты на столе этой многосторонней стратегической игры. Филипп, ослабленный после сражения при Киноскефалах, уже не мог всерьез продолжать войну; флот Антиоха был жестоко потрепан бурей и пострадал от вспыхнувшего мятежа; что

касается Родоса, то его в самом начале 196 г. до н. э. постигло печально известное разрушительное землетрясение, от которого серьезно пострадали его наземные укрепления и вся инфраструктура. В конце концов, военные неудачи заставили македонян пойти на уступки.

Мир, завершивший эту краткую, но насыщенную событиями войну, был заключен в 196 г. до н. э. в городе Никее. Согласно этому договору Филипп должен был уступить свои владения в Малой Азии и вывести гарнизоны из опорных пунктов на проложенной им прибрежной дороге на восток, в Азию. Македонский царь возвращал всех пленных и перебежчиков. Ему предписывалось иметь не более пяти тысяч воинов в составе своей армии и ни одного боевого слона (как тут удержаться от аналогий с условиями, наложенными на Германию в 1919 г.?). Македония выплачивала римлянам громадную контрибуцию (размер ее в источниках указывается различно). Царь Аттал только что скончался, и его сын Эвмен не рискнул требовать большего, но Пергам обидели: ему пришлось вернуть все островные базы в Эгеиде прежним владельцам этих островов (оставили только базы на Эгине и острове Андрос). Родос получил все, чего желал, и главное — ликвидацию военно-морской мощи Македонии.

Римляне конфисковали весь македонский военный флот «крытых кораблей», кроме символических пяти судов и еще одного представительского монстра — гигантского «шестнадцатирядного» неповоротливого флагмана, построенного еще самим Деметрием Полиоркетом. Соглашение о флоте было внесено в договор римским сенатом уже после переговоров между Филиппом и Фламинием. Вероятно, это предложили родосцы, которым и так досталась часть захваченного в Коринфе легкого флота, хотя римляне и сами могли стремиться к полной ликвидации военно-морской мощи македонского царя.

СИРИЙСКАЯ ВОЙНА

Столкновение интересов Селевкидов и Родоса — План Ганнибала по низвержению Рима — Переход Ливия Салинатора к Делосу — Маневры союзников и сирийцев — Битва при Корикие и ее последствия — Хитрость Поликсенида и прорыв кораблей Павсистерта с использованием зажигательных приспособлений — Разброд в действиях союзников, «странная война» — Сражение у мыса Сиде — Пиратские и десантные операции сторон — Разгром флота Поликсенида при Мионнесе — Морская блокада Фокеи и конец войны.

В 190-170-х годах до н. э. внимание римлян было отвлечено войной с кельтиберскими племенами в Испании, в которой флот выполнял важные, но почти исключительно транспортные задачи. В то же время во второй половине 190-х годов стала отчетливо и неотложно вырисовываться сирийская проблема. Если быть предельно точным, она просто стала на повестку дня и должна была быть рано или поздно решена.

Интересы римлян и сирийского царя Антиоха III должны были неминуемо столкнуться. То, что столкновения до сих пор не произошло, следовало бы отнести на счет осторожности и изворотливости Селевкида. После временного «умиротворения» Македонии, держава Селевкидов стала сильнейшим государством эллинистического мира. Она однозначно и активно претендовала на гегемонию в Восточном Средиземноморье. Заняв своими войсками ряд областей Келесирии

и Палестины, Антиох продиктовал Египту условия мирного договора. Вслед за тем он отвоевал несколько флотских баз на малоазийском побережье. Ему подчинился Эфес. На данном этапе он рассматривал как своего главного противника и перспективную добычу Пергамское царство. Готовя агрессию против него, Антиох заботливо окружал Пергам своими союзниками — он привлек в свой лагерь Каппадокию и галатов. Вслед за тем Антиох переправился во Фракию и завоевал греческие города по берегам Пропонтиды — те самые, на которые в свое время претендовал Филипп Македонский. Антиох повторил и шаг Филиппа по завоеванию Херсонеса Фракийского, блокировав Пропонтиду и перекрыв пути из Черного моря.

Фактически родосцы объявили войну Антиоху уже в 197 г. до н.э. И они, и Пергам страстно желали привлечь римлян к участию в этой войне, но тем вполне хватало проблем в Греции, где еще не закончилась война с Филиппом. Римляне вообще намекнули Антиоху, что готовы закрыть глаза на его агрессию в Азии при условии его невмешательства в дела Европы. Однако Антиоха это никак не устраивало. Очередной претендент на наследие Александра Великого уже почувствовал вкус побед и не мог остановиться. Ни Пергам, ни Родос такие отношения не устраивали, и они с нетерпением ожидали, когда же римляне все-таки ввяжутся в эту войну. Дипломатия Рима, во исполнение союзнических обязательств, требовала от Антиоха как оставления греческих городов, так и возвращения отнятых у Египта земель. Но царь и не думал этого делать. Более того, он в 195 г. до н. э. демонстративно и с огромным почетом принял у себя Ганнибала, сделав его своим советником. Ганнибал тотчас же начал разрабатывать планы войны с римлянами в расчете на союз с царем.

Вывод римских войск из Греции породил ряд конфликтов. Многие греки были недовольны римлянами. Однако последним удалось удержать ряд городов от выступления на стороне Антиоха. К тому же, путем поблажек Филиппу по поводу некоторых статей договора, удалось также удержать его в состоянии нейтралитета.

Война в Греции шла уже полным ходом. Спартанский тиран Набис, выступавший на стороне македонян и перед тем разгромленный союзниками, нарушил условия мирного договора, восстановил свой флот (у него было три «катафракта» и несколько кораблей класса лемб), начал войну с Ахейским союзом, захватил ряд прибрежных крепостей и осадил город Гитеум на побережье Лаконии, который удерживал ахейский гарнизон. Ахейцы вначале намеревались снова призвать на помощь римлян, потом решили обойтись собственными силами, что привело к анекдотическим последствиям. Они, в частности, как могли, восстановили тот самый бывший флагман македонского флота, что достался им в счет репараций. Этой quadrireme было порядка 80 лет, что явно было несовместимо не только с боевой службой, но и с содержанием судна на плаву близ стенки гавани. Тем не менее ахейцы, в числе прочих, послали в бой и эту посудину. Естественно, корабль просто развалился при первой же попытке атаковать флот лакедемонян. Однако, несмотря на победу в морском сражении, Набис, кроме захвата Гитеума, не имел других успехов ни на море, ни на суше, где скоро был бит ахейцами.

В войну ввязались этолийцы, рассчитывая на территорию Фессалии. В результате, разочарованные ходом событий, этолийцы обиделись на римлян и призвали в Грецию Антиоха, прося его освободить страну от «римского деспотиз-

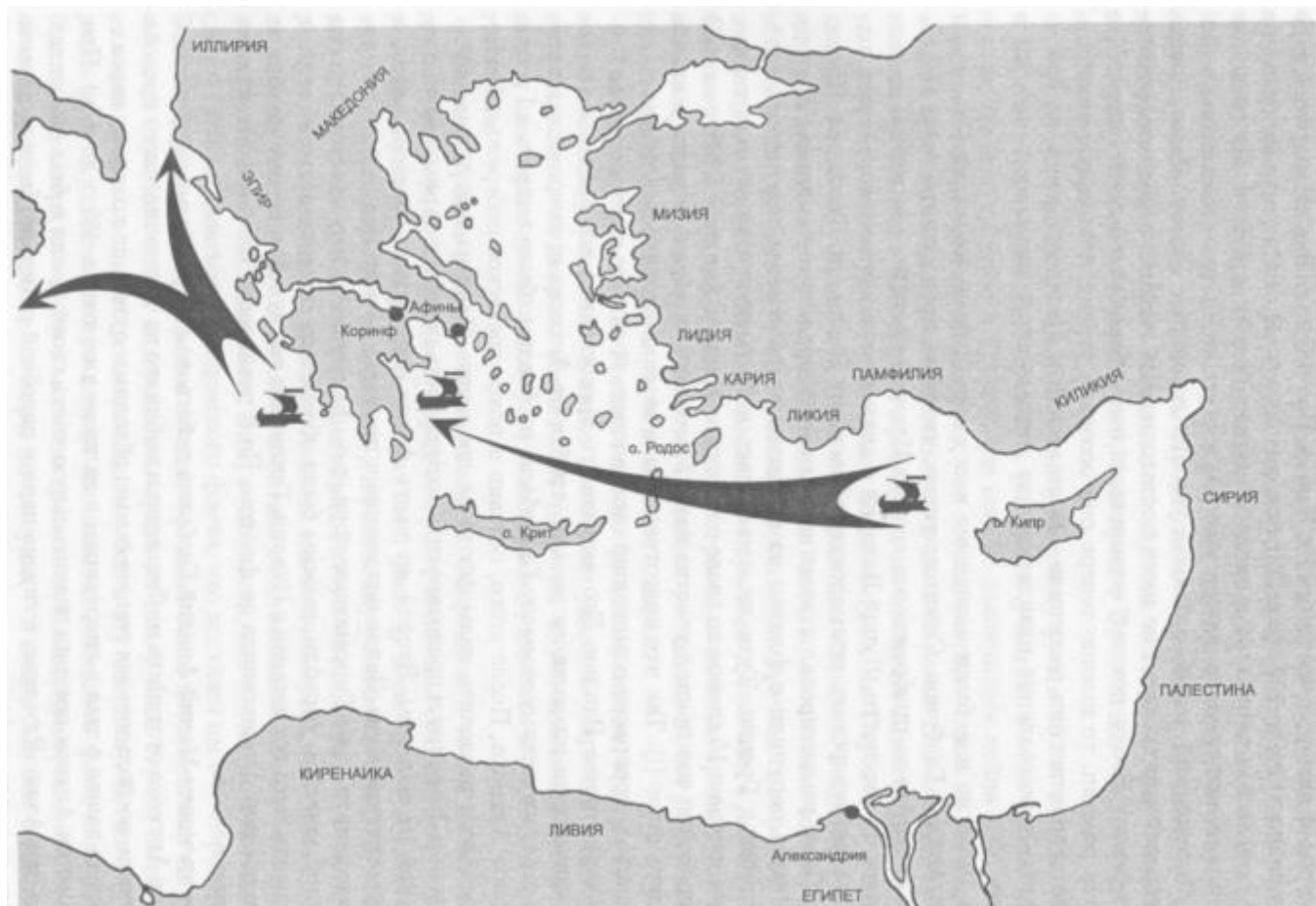
ма». И Антиох все-таки десантировал в 192 г. до н.э. в Деметриаде 10000 воинов, занял Халкиду, вторгся в Фессалию. Флотом Антиоха командовал весьма талантливый адмирал, изгнанный с Родоса Поликсенид. В составе флота царя насчитывалось около 200 транспортников и порядка сотни эскортных судов, из них 40 тяжелых катафрактов и около 60 легких боевых кораблей. Ни греки, ни этолийцы не испытывали теперь уже радости от прибытия «союзника», а Филипп Македонский честно соблюдал условия договора с Римом. Родос, крайне недовольный вторжением, не имел достаточно сил, чтобы на равных противостоять такому флоту, поэтому ограничился пока обороной и бездействовал. Что касается римлян, то именно теперь они осознали угрозу, исходящую от сирийца. Его вторжение они расценили — быть может, и преждевременно, но вполне вменяемо — как создание плацдарма для последующей возможной высадки в Италии.

На 191 г. до н.э. были назначены консулами Публий Корнелий Сципион и Маний Ацилий Глабрион. Симптоматично, что были предприняты меры по усилению контроля за прибрежными водами Италии — видимо, вторжения всерьез опасались. В частности, Луций Валерий с двадцатью военными кораблями должен был патрулировать приморскую область от Пахина до Тиндарея. Претор Марк Юний ремонтировал старые корабли и набирал на них экипаж. Претору Гаю Ливию поручили с флотом из тридцати судов усилить контингент, базировавшийся в Греции. Туда же отсылалась и 20-тысячная армия пехотинцев, 2000 всадников и 15 слонов во главе с консулом Манием Ацилием Глабрионом. В формировании сил принял участие даже Масинисса, который выразил желание снарядить флот (!). Так что подготовка была затеяна вполне масштабная.

Ганнибал, прекрасно помнивший свою эпопею, носился с идеей переноса войны на территорию Италии. Его активность превосходила все пределы. На военных советах он раздражался речами, требуя от Антиоха примерно следующего. По стратегическому замыслу Ганнибала, необходимо было вызвать в Грецию весь флот Антиоха. После этого, оставив в покое греческое побережье, Ганнибал предлагал разделить силы флота на две части. Одна из них должна была блокировать Коркиру и предотвратить возможность переброски римлянами подкреплений на Балканы. Вторая же часть флота отсылалась, согласно плану, в южноиталийские воды. Заняв положение в проливах между Италией и Сицилией и патрулируя воды Тирренского моря, т.е., фактически, зону ответственности остийской эскадры, корабли должны были обеспечить превосходство на море и подготовить высадку десанта в Италии. Ганнибала выслушали, всецело одобрили и даже послали Поликсенида за флотом. Но в реальности план карфагенянина выполнен не был.

Тем временем Маний Ацилий Глабрион действовал в Греции вполне успешно, заставив Антиоха отступить из Фессалии и выбив его из Фермопильского прохода (он, кстати, воспользовался тем же самым обходным путем, по которому персидский отряд зашел в тыл к спартанцам в далеком уже теперь 480 г. до н.э.). При отступлении Антиох потерял значительную часть своей армии и был вынужден вернуться в Азию. Римляне, вынудив царя к подобной ретире, были намерены сплавать за ним и в Азию.

В те же дни сражения при Фермопилах префект римского флота Авл Атилий застиг в море царские корабли, миновавшие с большим грузом провианта

Стратегический план Ганнибала 191 г. до н.э.

пролив Андрос. Часть судов была потоплена, часть захвачена, и лишь немногие вернулись назад, избежав печальной участи, но не выполнив и задания.

Римский сенат принял масштабную кораблестроительную программу, предусматривавшую строительство сотни новых кораблей. Часть ее возлагалась на союзников. Однако выполнение этой программы пробуксовывало и отставало от графика.

Заслуживает внимания экспедиция Гая Ливия Салинатора. Его эскадра из 50 палубных кораблей (в основном старой постройки, еще ветеранов Второй Пунической войны примерно 15-25-летнего возраста) вышла из Рима в Неаполь, куда должны были собраться ожидаемые от союзников суда. Соединившись с ними и приняв их под свое командование, Ливий прошел Мессинским проливом, захватив по пути еще шесть кораблей, посланных Масиниссой, а также суда локрийцев и регийцев. С этим-то флотом он последовал на Коркиру. Узнав, что консул, царь и флот — все находятся под Фермопилами, Ливий двинулся туда же, огибая Пелопоннес. Разорив по пути Саму и Закинф, он присоединил три судна царя Эвмена к своему флоту и вскоре в Пирее принял под командование переданные Авлом Атилием еще 25 кораблей. Завершив этот, вероятно, самый беспрецедентный в истории римского флота маневр с собиранием кораблей, Гай Ливий оказался во главе флотилии из 81 тяжелого корабля и множества легких — как сторожевых, без ростров, так и таранных — легких, но беспалубных. С этой эскадрой он пошел на Делос.

В тот период (191 г. до н.э.) римлянам не всегда сопутствовал успех. Они не смогли отбить Халкиду, не сумели заблокировать в Деметриаде эскадру сирийских судов и понесли заметные потери под Эвбеей. Поэтому Ливий стремился к перелому ситуации на море — сейчас это было жизненно важно.

Главной задачей, стоявшей перед римским флотом, были охрана и снабжение той армии, которая должна была двинуться в Азию по суше, вдоль фракийского побережья. Эвмен, обеспокоенный, естественно, прежде всего судьбой собственного царства, предложил Ливию решить эту задачу, перебросив флот через Делос к пергамской военной базе на Элее, откуда исключительно удобно было контролировать все водное пространство малоазийской акватории, а также охранять Геллеспонт и сам Пергам.

Ливий согласился на это. Он совершил внезапный бросок с флотом через Эгейское море. В результате Поликсенид покинул район пролива. Родосцы, в свою очередь, убедились в том, что римляне действительно готовы сражаться в восточных водах. Родосский флот в числе 25 кораблей под командованием Павсистрата немедленно отправился к острову Самос для соединения с римским флотом. С этого союзного острова, имевшего две укрепленные гавани, родосцы также с успехом могли следить за судами, выходящими из гавани Эфеса. Ливий, пожалуй, больше заботился не о соединении с флотом союзников, а о скорейшем достижении Элеи. Однако ветром его корабли были отнесены в сторону Хиоса, к которому он, отложив randevu с Павсистратом, пристал, решив пополнить запасы провизии и воды.

Поликсенид толково наладил службу оповещения, и ему сразу доложили о приближении эскадры Ливия. Извещенный об этом Антиох, который в то время был уже у Геллеспонта, бросил все дела и, собрав все свои имевшиеся таранные корабли, ушел в Эфес, где стал совещаться со своими приближенны-

ми: не следует ли немедленно выйти в море и дать римлянам морское сражение?

Поликсенид уверял, что медлить ни в коем случае нельзя и следует дать сражение раньше, чем с римлянами соединится флот Эвмена и Родоса. В настоящий момент сирийский флот незначительно уступал римскому в численности, но был новее его и превосходил почти во всем: и в скорости кораблей, и в разнообразии установленных на нем боевых машин и приспособлений. Считая римские суда неповоротливыми и неумело сработанными, Поликсенид отметил, что они еще и нагружены припасами. А сирийцы будут действовать в своих водах и смогут держать на кораблях только необходимое — войска и оружие. Они прекрасно знают здешнее море, береговую линию, направления господствующих ветров; противнику в этом смысле куда как тяжелее. Потратив два дня на подготовку флота, на третий день Поликсенид вышел в море навстречу врагу.

По старой традиции эллинистических монархов Антиох не собирался сам командовать флотом и остался на берегу. Флот пошел к Киссунту — гавани эритрейцев.

К римлянам, тем временем, примкнул Эвмен — с 24 палубными и примерно тремя десятками открытых кораблей. Всего в союзном флоте было 150 палубных судов и около полусотни открытых. Состоявшаяся битва известна как сражение при Киссунте, или Корике.

Поликсениду донесли о приближении флота врага, и он обрадовался случаю наконец вступить в сражение. То ли самоуверенность, то ли незнание тактики римлян, которые после первых сражений Первой Пунической всегда и везде обычно в первую очередь стремились превратить морское сражение в сухопутную рукопашную резню, помешали Поликсениду выбрать правильную тактику. Он начал совершать весьма замысловатые маневры, вероятно, стремясь захватить противника в клещи. Левое крыло он повел сам, направив его в открытое море, капитанам кораблей правого крыла он приказал растянуть свои суда вдоль суши.

Зато на римлян эти весьма, вероятно, толковые и изящные перестроения не произвели желаемого впечатления. Они просто шли и шли вперед на противника, всего лишь сомкнув ряды и увеличив плотность построения в ордере. Ливий приказал убрать паруса и снять мачты. Затем, когда корабли римлян выстроились по тридцать в линию, на них подняли носовые паруса — спинакеры. Они позволяли судну двигаться при попутном ветре и увеличивали маневренность и скорость судов. Ливий отошел мористее и приказал судам перестраиваться так, чтобы атаковать прежде всего правое крыло сирийцев. Перед римским флотом шли три пунийских союзных корабли от Масиниссы, а навстречу им — три царских. Силы были неравны, и сирийцы искусно зажали один из кораблей, обломав ему весла с обеих сторон, а затем взяли его на abordаж. Второй дрался один на один, но отступил, увидев поражение товарища.

Разъяренный Ливий бросил свой корабль в бой против тех самых двух кораблей, что ломали весла пунийцу. Пытаясь повторить маневр, они также устремились к его кораблю. Ливий приказал опустить весла в воду и табанить. Остановив корабль, он приказал захватывать корабли сирийцев уже знакомыми нам «железными руками». «Воронов» на кораблях опять не было, но захваченные корабли римляне без проблем взяли на abordаж — причем оба и довольно лег-

ко. В результате началось общее сражение двух линий судов. Эвмен, подоспев позже всех и видя, что Ливий напал на левое крыло неприятеля, взял на себя правое.

Вскоре на левом крыле началось самое настоящее бегство; Поликсенид, заметив это, также поднял передние паруса и бросился бежать. За ним вскоре последовали и сражавшиеся вблизи берега сирийские корабли. Римляне и Эвмен налегали на весла, стремясь догнать беглецов. Но те шли налегке и удирали столь быстро, что союзные гребцы начали выдыхаться, и вскоре Ливий прекратил преследование.

Римляне потопили в этом сражении 10 вражеских кораблей и еще 13 захватили вместе со всей командой. По данным источников, римляне потеряли единственный карфагенский корабль в начале боя и, даже если эти данные занижены, победа была полной.

Поликсенид остановился, только ворвавшись в гавань Эфеса. Римский флот на следующий день покинул место сражения и отправился в Эфес; будучи на подходе, он встретился с флотом палубных кораблей родосцев числом 25 под командованием Павсистрата. Затем, достигнув гавани Эфеса, они блокировали ее. В результате противники союзников вынуждены были признать свое окончательное поражение. После этого римляне ушли курсом на Хиос, а союзники разошлись по своим портам. Приближалась зима, поэтому Ливий приказал вытаскивать суда на берег под Канами (одна из вспомогательных пергамских баз) в Малой Азии и обнести лагерь валом для зимовки.

Антиох все еще надеялся предотвратить перенесение военных действий в Азию, блокировав дорогу через Фракию. Пользуясь зимой, он спешно достраивал заложенные в предшествующем году новые корабли — Ганнибала, выполнявшего при нем роль неофициального военного советника, он отправил с этой целью в Финикию, где находились его главные судостроительные мощности, а Поликсенид тем временем спешно ремонтировал флот в Эфесе.

Антиох надеялся начать кампанию на море и объединить свой флот прежде союзников. Но и они не дремали.

Римляне продолжали развивать свою судостроительную программу. Трем легатам — Сексту Дигитию, Луцию Апустию и Гаю Фабрицию Лусцину — поручили вновь собрать у союзников заказанные корабли и перевести их в Брундизий. Флоту был дан новый командующий — Луций Эмилий Регилл. Вместе с тем был отдан приказ и еще одному командиру — Луцию Аврункулею — подготовить дополнительно тридцать квинкверем и двадцать трирем, поскольку ходили слухи, что Антиох значительно увеличил свой флот.

Весной 190 г. родосцы отправили на север 36 кораблей под командованием Павсистрата (на этот раз они не опаздывали, а наоборот, опередили всех), а Ливий вышел со всем своим флотом намереваясь разрушить ряд укреплений противника и расчистить дорогу для римской армии — быть может, несколько и преждевременно, поскольку ей предстояло воспользоваться этим маршрутом не раньше, чем в следующем году. Оставив 10 кораблей на стоянке напротив Абидоса, Ливий направился с остальным флотом осадить Сест.

Поэтому сложилась весьма опасная для союзников ситуация: Родос остался без поддержки, один на один с Антиохом, против всего сирийского флота. По-

Сирийская война. Кампания 191-190 гг. до н.э.

ликсенид воспользовался этим и решил заманить родосский флот в ловушку. Павсистрат, его соотечественник, отзывался о нем презрительно, и Поликсенид был оскорблен еще и лично. Он послал к Павсистрату послов, сообщая, что готов выдать ему весь царский флот или, по крайней мере, большую его часть в обмен на право вернуться на родину. Предложение было слишком заманчивым, но и опасным. Когда Поликсенид в присутствии павсистратова гонца лично написал подтверждение и запечатал его своей печатью, Павсистрат, наконец, поверил. В самом деле, его визави оставлял такие улики, которые неминуемо привели бы его на эшафот, узнай об этом Антиох.

Родосский флот в это время базировался на Самос, в гавани Панорма, откуда Павсистрат продолжал следить за Эфесом. Договорились и о технике измены: Поликсенид оставит все приготовления, и на кораблях будет некомплект гребцов и матросов. Часть судов выташат на берег или отошлют в другие порты, оставив лишь некоторые в гавани Эфеса. Многих гребцов отослали в Магнесию, чинили причалы и вообще создавали видимость полного разброда и неготовности. Павсистрат последовал примеру Поликсенида и разослал с поручениями часть своих кораблей.

Пойманный на Самосе воин Антиоха рассказал на допросе правду, однако Павсистрат уже настолько уверовал в удачу, идущую в руки, что не придавал значения сведениям пленного.

Поликсенид действительно вытащил большую часть своих судов на берег около Эфеса, однако в назначенное время тайно вызвал гребцов обратно, спустил на воду суда, сразу после захода солнца с 70 палубными и несколькими десятками легких судов двинулся против родосцев. Кроме того, он заключил союз с пиратом Никандром, который с пятью палубными кораблями должен был ночью высадить своих людей у Панорма в тылу у родосцев. Разделив свой флот на два отряда, он попытался взять гавань Панорма в клещи.

Сирийский флот появился у входа в гавань на рассвете, когда было еще темно. Павсистрат быстро взял себя в руки и повел воинов и моряков на образующие гавань полукруглые мысы, пытаясь удержать порт на суше. Но тут с тыла напали пираты Никандра, принятые родосцами за десант гоплитов Антиоха. Павсистрат немедленно приказал отступать на корабли и прорываться из гавани.

Расположенные по обеим сторонам бухты снятые с судов метательные машины открыли огонь по сирийским судам. Это был блестящий пример использования береговой артиллерии в классическом, почти современном, ее понимании. Около двух десятков судов Павсистрата уже были захвачены на берегу. Остальные, гребцы которых налегали на весла, устремились к выходу из гавани. Сирийцы, ловя ускользящую добычу, отыгрались на флагмане противника. Корабль Павсистрата был пронзен таранами трех кораблей и затонул вместе с командой и героическим навархом. Та же участь постигла и многие другие суда родосцев. Лишь пяти кораблям с Родоса и двум с Коса (из 27) удалось уйти.

Их спасение было следствием изобретения Павсистрата, блестяще примененного в этом бою. На носах кораблей укреплялись длинные шесты с металлическими крюками на концах. На крюках подвешивались железные корзины с горючими материалами, в которых и разводился огонь. Будучи безопасным для собственного корабля, такое приспособление, оказываясь над палубой, корпусом или снастями противника, почти неминуемо поджигало его — тем более, что этим

шестом можно было управлять и стряхивать зажигательную смесь на вражеский корабль.

Это страшное поражение союзников заставило Ливия прервать бесполезную геллеспонтскую экспедицию. Корабли нуждались в ремонте, людям не хватало продовольствия — поддерживаемые Антиохом пираты перехватывали шедшие из Италии транспорты с припасами. Известие о поражении родосцев вызвало мятеж в Фокее, где оставались четыре римских корабля. Собрав свой флот (вместе с кораблями, спущенными на воду в Канах) и дождавшись Эвмена, Ливий ушел на Самос.

Родосцы буквально за считанные дни восстановили свои силы, преисполненные гневом на предательство и скорбящие о гибели цвета своего флота. За несколько дней было отстроено или оснащено 20 новых quadrirem; суда укомплектовали экипажем и назначили командовать флотом Евдама. Родосский флот соединился с римским у Самоса, причем по пути туда римлян едва не перехватил Поликсенид. Поликсенид устроил засаду у острова Макрис: он хотел атаковать суда, отбившиеся от строя проходящей на Самос эскадры. Однако ветер крепчал, и он сам побоялся выходить в море. Противники простояли у острова Эфалия, не решившись напасть друг на друга. В открытом бою Поликсенид не рисковал нападать на римлян, и укрылся в Эфесе. Ливий попытался разорить окрестности этого города и пополнить запас провианта, но его солдат атаковали эфесяне, и они вернулись ни с чем.

Наконец, Ливия сменил Регилл. Напоследок спросили совета Ливия, и он предложил затопить на входе в бухту Эфеса грузовые корабли, заполненные песком, дабы запереть врага в гавани. Однако этот совет отвергли — вряд ли противник позволил бы беспрепятственно это сделать, к тому же мог поднять корабли, а сам получил бы передышку. Четкого плана действий не было ни у кого — ни у римлян, ни у союзников. Родосцы почти восстановили численность своего флота. Они встретили Регилла в Пирее, откуда он направился на Хиос, оставив у берегов Греции 18 кораблей для борьбы с пиратами, угрожавшими римским транспортным коммуникациям.

Родосцы предложили захватить Патару, укрепленный город на азиатском берегу, до войны им же и принадлежавший. Он располагал удобно и хорошо защищенной гаванью, из которой вполне можно было перехватить идущий с юга, из Финикии, к Поликсениду флот Антиоха. Регилл в целом одобрил план, но категорически отказался разделять свой флот. Он выделил для этой операции лишь две quinqueremes под командованием все того же Ливия. Для операции, вместе с четырьмя родосскими quadriremами и двумя афрактами, удалось набрать только 11 кораблей. Вообще операция сразу не задалась: потерян был из-за плохой погоды элемент внезапности. Гарнизон сделал вылазку, которую союзники отбили. Однако не стоило и думать о штурме крепости с таким контингентом. В результате Ливий отпустил родосцев и, не заходя на Самос, отбыл сначала в Грецию, а затем в Италию. Регилл был крайне разозлен этим неудачным сражением. Он предпринял ряд довольно бессмысленных действий, явственно свидетельствовавших о недостаточности его талантов как флотоводца.

Региллу упорно не везло, однако причиной этого невезения был в первую очередь он сам. У него не было ни четкого стратегического плана действий, ни ясного представления о роли флота в этой войне. В силу этого боевые подразде-

ления римских кораблей распылялись и привлекались в основном для решения второстепенных, хотя и объективно важных, задач. Первостепенной целью как римского, так и союзнического флотов были, по мнению Регилла, набеговые действия против береговых группировок противника и его населенных пунктов. Регилл увел весь вверенный ему флот с Самоса, предоставив Поликсениду полную свободу действий, затем совершил несколько рейдов на побережье и, наконец, подошел к Лориме — ближайшему к Родосу порту на материке. Его собственные трибуны неодобрительно высказывались о планах своего командира, предвидя, что противник наверняка воспользуется сложившейся ситуацией. Так и произошло. Сын Антиоха, Селевк, атаковал сперва пергамскую морскую базу в Элее, а затем двинулся на Пергам.

Естественно, Эвмен, как только получил известие о приближении врага к своей столице, немедленно вернулся в Пергам и увел с собою все свои корабли. Римляне и родосцы вынуждены были последовать за ним хотя бы только для того, чтобы не дать противнику уничтожить по пути весь пергамский флот, который в одиночку вряд ли мог противостоять сирийцам.

Антиох тем временем подошел к Элее со всей своей армией и предложил собравшимся там союзникам начать переговоры о мире. Однако царь по какой-то причине не воспользовался чрезвычайно выгодным для себя моментом — ведь взятие Элеи или Пергама однозначно приводило к перелому в войне и ставило под удар планы римского и союзнического вторжения в Азию. Флот Поликсенида вполне мог запереть весь союзный флот в гавани Элеи (этот вопрос был предметом жарких споров в союзнической ставке: римляне и слышать не хотели о такой возможности, а родосцы, напротив, очень ее опасались).

Регилл, как мог, затягивал переговоры, обоснованно ссылаясь на то обстоятельство, что он не уполномочен подписывать какие либо соглашения до прибытия консула (вместе с консулом, как знали, должна была прибыть и армия). Повисла странная пауза, всего менее объяснимая с точки зрения сирийского царя: Антиох ни на чем особо не настаивал, как и не предпринимал никаких действий под Пергамом. Поликсенид оставался в Эфесе и тоже практически бездействовал.

Регилл предпринял еще одну неудачную попытку захватить Фокею. Римский флот вместе с кораблями Эвмена и родосцев отправился в Митилену. После этого рейда он ушел в Фокею, где союзники десантировали войска у острова, именуемого Вакховым, и предались грабежам окрестностей. Разгрому и расхищению подверглись многочисленные храмы, до той поры не страдавшие от войны и оттого особенно богатые. Потом, подойдя к самому городу, войска начали штурм. Однако прибывшее к горожанам и войскам подкрепление изменило баланс сил, и союзники вынуждены были отступить обратно на корабли.

После этой не слишком успешной операции союзники начали всерьез готовиться к переправе в Азию. Эвмен ушел домой готовить все необходимое для переправы через Геллеспонт консула и войск, а римляне и родосцы двинулись к Самосу. Престиж Регилла был весьма низок, и союзники в каждом удобном случае предпочитали действовать самостоятельно. Эвдам, забрав с Самоса 13 родосских quadrirem, одну quinquerem с Коса и одну — с Книда, вернулся на Родос, чтобы стоять там на страже в ожидании вражеского флота, который, по слухам, плыл из Сирии. К моменту его возвращения уже было получено известие о выходе в море флота Ганнибала — за пару дней до прибытия Эвдама против

него были отправлены 13 родосских quadrirem под командованием Памфилида. Эвдам поспешил на юг вслед за ним и настиг флотилию Памфилида у Меги-сте, где принял командование объединенным родосским флотом. Тем временем родосцы, используя еще четыре корабля, охранявшие побережье Карики, отбили осаду Дедала и ряда других укреплений Переи, осаждаемых войсками Антиоха.

Фаселида, область, лежавшая на границе Ликии и Памфилии, образовывала далеко выступающий в море мыс, издали видный морякам и служивший ориентиром. От нее море также отлично просматривалось, поэтому лучшего места для засады не было — там и расположился родосский флот. Однако нездоровый климат этой местности и неподходящее время года (самая середина лета) привели к настоящей эпидемии. От лихорадки и разного рода инфекционных болезней вскоре страдало огромное количество членов экипажей, и в первую очередь гребцов. Поэтому флот немедленно перебазировали в устье реки Эвримедонт. И уже здесь Эвдам узнал от местных жителей, что флот противника стоит у мыса Сиде. Безраздельно господствовавшие в этот период западные ветры серьезно тормозили продвижение сирийского флота и были на руку родосцам. Они встретили противника у мыса Сиде. Сирийцы также знали от береговых жителей о близости флота противников. На рассвете оба флота вышли из своих гаваней и двинулись навстречу судьбе.

Несмотря на то, что родосцы высылали вперед разведывательные суда, встреча была неожиданной для обеих сторон — оба флота шли в походном строю и обигали мыс, когда внезапно увидели друг друга. Сирийцы имели преимущество, так как уже были выстроены в боевой порядок. Они имели в этом бою небольшой численный перевес. У родосцев были тридцать две quadriremы и четыре triremы. Флот противника включал тридцать семь больших судов, в том числе три «семерки» (гептеры) и четыре «шестерки» (гексеры), а также десять трирем. Левым («царским») крылом командовал сам Ганнибал, правым, находившимся ближе к берегу, — Аполлоний, один из приближенных Антиоха. У родосцев во главе строя шел корабль Эвдама, замыкал строй Хариклит, а серединой командовал Памфилид.

Чтобы предотвратить окружение родосского флота и дать ему время на перестроение, Эвдам решился на смелый шаг — на глазах у противника развернуть кильватерную колонну по фронту. Это перестроение не обошлось без накладок. Его флагман и четыре корабля сопровождения покинули строй и атаковали левый фланг противника. Но Эвдам, второпях не слишком далеко выйдя в море, уже начал разворачиваться к атаке, поэтому следовавшие за ним суда всего строя не успели повторить этот маневр — у них было недостаточно пространства для крутого разворота. Маневр запоздал и оказался скомкан, поэтому когда корабли, замыкавшие колонну, еще только готовились к встрече с противником, на правом фланге уже давно шел бой.

Родосцы имели неоспоримое преимущество в скорости и маневренности, их команды были лучше обучены, да и сама конструкция их quadrirem давала им преимущество при лобовой таранной атаке. Основными способами поражения в этом бою стали таранные удары в скуловую часть корпуса или сбивание весел по борту. Многие корабли, прорвав строй противника, выполняли повторную атаку на догонных курсах и таранили суда сирийцев в кормовую оконечность.

В первые же минуты боя одна из сирийских гептер на правом фланге была

выведена из строя таранным ударом небольшого родосского судна и вскоре захвачена; несколько вражеских кораблей лишились весел — гораздо более маневренные родосские корабли обламывали их таранами, прорываясь сквозь строй.

Довольно скоро правый фланг сирийцев дрогнул и обратился в бегство. Эвдам на флагмане был оттеснен в открытое море и почти окружен отрядом самого Ганнибала, но спас свой корабль. У родосцев была блестяще поставлена сигнальная служба, и знаки, подаваемые флагами на мачтах, были видны очень далеко, а с дисциплиной все было в порядке. Поэтому, когда на мачте флагмана взвился сигнал сбора всего флота, подоспевшие с левого фланга и уже обратившие противника в бегство родосские суда едва не окружили самого Ганнибала, и тот вынужден был дать сигнал к отступлению. Родосцы и рады были преследовать противника, но сказались последствия повальных болезней: большинство гребцов было не в состоянии в течение длительного времени налегать на весла. Несколько получивших тяжелые повреждения крупных кораблей царского флота — в том числе и флагман Ганнибала — были взяты на буксир легкими беспалубными кораблями; двадцать с небольшим сирийских кораблей, наименее пострадавшие в схватке, также покинули место сражения. Флагман Эвдама также получил серьезные повреждения, но он, не в силах совладать с соблазном, отправил Памфилида и Хариклита вдогонку за противником. Те какое-то время преследовали его, однако когда флот сирийцев приблизился к суше, стали опасаться, что ветром их может прибить к вражескому берегу, и прекратили преследование. В результате родосцы не столько радовались победе, сколько жалели потом об утраченной возможности перетопить или захватить весь флот противника.

Самым ценным трофеем (и одним из немногих) оказалась гептера, захваченная в самом начале сражения. Однако важнее всего было другое. Ганнибал был настолько шокирован внезапным и профессиональным разгромом своей флотилии, что совершенно впал в отчаяние и просто перепугался. Он не отважился плыть вдоль берега Ликии, несмотря на то, что это сильно сокращало путь к точке randеву с остальным царским флотом. Более того, Ганнибал, достигнув гавани базирования, так до конца войны и не покидал ее со своим флотом. Таким образом, поражение при Сиде исключило эскадру Ганнибала из боевых действий в этой войне.

Эвдам, ведя трофей на буксире и в сопровождении семи больших кораблей, вернулся на Самос, к римскому флоту. Он оставил Хариклита с 20 таранными кораблями близ Патар у острова Мегисте — на тот случай, если Ганнибал снова попытается прорваться на север. Регилл, верный своей практике пиратских набегов на побережье, в это время планировал еще одну экспедицию в Геллеспонт, и Эвдаму стоило большого труда убедить его от нее отказаться — находившихся там кораблей Эвмена было вполне достаточно для решения задачи, а перед союзниками стояли более насущные проблемы. Нужно было решать проблему с Поликсенидом, засевшим в Эфесе, а также налаживать конвойную службу для проводки транспортов с провиантом и подмогой.

Антиох в это время отправился в Эфес проводить смотр флоту. Тот стоял в Эфесе уже давно и был, как казалось, в полной готовности. Антиох не был «морским царем», да и в текущую войну его дела на море складывались не слишком удачно, однако флот оставался, тем не менее, его единственной надеждой в данное время: он прекрасно понимал, что его армия не выдержит удара римской

армии, коль скоро та окажется на территории Азии. Этому необходимо было во что бы то ни стало помешать. Антиох вновь задумал морское сражение. Демонстративно осадив города Колофон и Нотий (которые находились близ Эфеса и служили прибежищем для союзнической агентуры), Антиох рассчитывал выманить римлян в море и дать бой. С этой целью в море вышел флот Поликсенида.

Эмилий Регилл на Самосе тем временем страдал от бездействия. Эвдам настойчиво внушал ему, что надо забыть о Геллеспонте, где флот Эвмена отлично справляется с задачей прикрытия переправы, что гораздо почетнее как вызвать из осады союзников, так и повторно разгромить однажды уже битый флот и тем самым окончательно вырвать у врага из рук господство на море.

Римляне использовали Хиос как конечную точку для конвоев из Италии. С Самоса приходилось плавать туда за припасами. В очередной раз, когда запасы пищи на базе стали подходить к концу, Регилл получил от агентуры известие, что транспортные суда с грузом вина из Италии задерживаются, но что жители Теоса заготовили пять тысяч амфор вина для флота Антиоха. Решив перехватить этот ценный груз, Эмилий Регилл с полпути отправился на Теос, по дороге встретил пятнадцать легких пиратских судов, союзников Антиоха, и, преследуя их, едва не посадил весь свой флот на рифы у мыса Мионнес, где укрылись пираты. Те возвращались со всевозможной добычей, разорив побережье Хиоса, и, увидев римлян, ударились в бегство, держа ближе к берегу. Их корабли были легкими, маневренными и никак не могли стать добычей римлян, к тому же последние совершенно не ориентировались в прибрежных водах, в которые пираты их успешно завлекли. Высокие, подмытые морем, скалы Мионнеса, под которыми укрылись пираты, не давали римлянам даже приблизиться к ним без опасения в шепки разбить свои суда. К ночи Эмилий Регилл отказался от бесполезного преследования и, пристав в гавани на Теосе, отправил войска разорять окрестности.

Здесь, в гавани Герестик, пока Эмилий Регилл выяснял отношения с местными жителями, обещая прекратить грабеж, если они поставят вино не Антиоху, а римлянам, их и попытались застичь врасплох корабли Поликсенида. Ему стало известно — вероятно, от тех же самых пиратов, что римляне стоят в гавани на Мионнесе. Скрытно подойдя, он бросил якорь напротив Мионнеса, в бухте на острове Макрис, совершенно закрытой с моря и скрывавшей его корабли. Поликсенид предвкушал разгром всего римского отряда кораблей. Он рассчитывал применить уже один раз блестяще сработавший прием и захлопнуть ловушку. Гавань Герестик напоминала гавань Панорма в миниатюре. Два мыса, выдаваясь в море, сходились на концах, так что в этот проход едва могли пройти два корабля разом. Однажды два римских корабля едва не сломали при подобном маневре друг другу весла. Эвдам указывал на это Эмилию Региллу и предостерегал от возможных последствий.

Поликсенид уже решил действовать. Он отдал приказ в грядущую ночь выставить по десять кораблей у мысов с тем, чтобы они с двух сторон нападали сбоку на выплывавшие суда, а с остальных кораблей высадить десант на берег и одновременно напасть на противника как с суши, так и с моря. Его замысел был безупречен, но вмешался случай. Именно в эту ночь римляне получили согласие от теосцев выдать вино и сочли более удобным перевести флот в городскую гавань для погрузки продовольствия на корабли. К тому же союзники опасались и армии Антиоха, находившейся на суше неподалеку оттуда. Так что флот

перебазировался, и моряки сошли на берег, собираясь грузить вино и провиант. И тут около полудня в ставку претора привели какого-то поселянина, который сообщил, что у острова Макрис уже второй день стоит некий флот в состоянии полной готовности — вроде бы он вот-вот готовится отплыть.

Началась страшная неразбериха. Трубаچی оглашали воздух сигналами к возвращению на корабли; командиры бросились в город за своими подчиненными, в то время как те нестройными толпами бежали обратно в порт, к кораблям. Паника продолжалась и в порту, когда многие из прибывших в спешке не могли отыскать свои корабли или мешали друг другу, карабкаясь на борт. Однако вскоре дисциплина была восстановлена, и флот был приведен в боевую готовность. Эмилий Регилл сам на своем корабле, первым выйдя на рейд, перехватывал как попало отходившие от берега суда и выстраивал их в линию. Эвдам также отвел свой флот от берега и постепенно выстроил его в боевой порядок. Первые корабли развернулись и под командованием претора вышли в море. Замыкали боевой порядок колонны родосские корабли. Флот был как раз на середине пути между Мионнесом и мысом Корик, когда с кораблей заметили флот противника. Корабли Поликсенида шли строем сдвоенной колонны, попарно. Они также заметили противника и развернулись в боевой порядок. Их левое крыло было сильно растянуто в расчете охватить правое крыло римлян и зайти ему в тыл.

Небольшой численный перевес вновь был на стороне царского флота. У Поликсенида в строю находилось 89 боевых кораблей, в том числе три гексеры и две гептеры. Римляне и родосцы располагали в общей сложности восемью десятками кораблей, из которых римских было 58, а родосских — 22.

Сирийцы раньше начали перестроение, к тому же они превосходили эскадру Регилла и Эвдама по числу вымпелов. В силу этого вражеский флот имел все основания рассчитывать на охват колонны противника. Однако Эвдам, заметив эту опасность, приказал своим родосцам приналечь на весла, и их более быстрые корабли, выскочив вперед, сравняли строй с разворачивающимися для атаки римлянами. Более того, Эвдам взял на себя атаку вражеского флагмана, направив свой корабль на судно Поликсенида.

Шеренги кораблей сошлись одновременно в этом ярком, логичном и без преувеличения красивом бою. Союзный флот качественно превосходил противника. Римляне были впереди в крепости корпусов своих кораблей и, безусловно, в выучке и доблести своих легионеров, бывших на борту. Но и римлян безусловно переигрывали в скорости хода, искусстве кормчих и опытности гребцов родосские корабельщики — а ведь каждый третий корабль союзников принадлежал им. Но самым страшным оружием нападающих родосских кораблей стали зажигательные устройства Павсистрата. Опробованные в Панорме, когда только благодаря им из ловушки спаслись хотя бы немногие родосские корабли, теперь они были применены вновь и принесли победу. Кормчие царских кораблей, в ужасе перед этими корзинами с огнем, нависавшими над носовыми оконечностями родосских судов, заставляли свои корабли буквально шарахаться от противника. Сирийцы уклонялись от лобового столкновения, на которое дерзко и умышленно шли их противники, и, в результате, подставляли их таранам свои борты. Несколько кораблей все же попытались совершить лобовой таран, однако, даже нанеся удар, они немедленно оказывались охваченными огнем. Ужас, который внушала перспектива подпалить свой корабль, который почти сразу вспыхивал факелом,

заставил остальные корабли Поликсенида раз и навсегда забыть о своем главном тактическом оружии и больше думать о том, как увернуться, чем о том, как напасть самим. Однако маневр уклонения, как мы сказали, также приводил к почти неминуемой потере судна.

Не менее важную роль сыграли и римские корабли, верные своей таранно-абордажной тактике. Пользуясь доблестью своих воинов, корабли Эмилия Регилла довольно скоро захватили или потопили несколько кораблей в середине строя противника и прорвали его центр. Это и решило исход схватки. Прорыв строй, римские корабли развернулись, охватывая остатки центра и левое крыло сирийцев. Удар в тыл, на соединение с родосскими кораблями, решил все дело. Выдержать его было выше сил флота Антиоха. В несколько секунд положение его стремительно ухудшилось, когда стали идти ко дну один за другим царские корабли. Запаниковало и правое крыло сирийцев, перепуганное страшными потерями своих товарищей. Флагман Поликсенида, выходя из схватки, поднял паруса и пустился наутек. Видя это, оставшиеся на правом крыле суда сирийского флота, поспешно ставя малые передние паруса, также ударились в бегство. Ветер им благоприятствовал, и они, похоже, не останавливались в своем бегстве до самого Эфеса.

Потери сторон были несопоставимы. Флот Поликсенида потерял 42 корабля! Из них 13 были захвачены римлянами или родосцами, а 29 отправились на дно Средиземного моря или сгорели на его волнах. Таким образом, потери сирийцев составили чуть менее половины корабельного состава эскадры. Римляне не потеряли потопленным ни одного судна, однако два корабля были повреждены так, что не подлежали восстановлению и, следовательно, должны быть списаны в безвозвратные потери. Еще несколько римских судов получили пробоины, однако не слишком тяжелого характера. Родосцы не имели бы безвозвратных боевых потерь, если бы не трагикомический и чрезвычайно показательный для понимания термина «воинская удача» случай. Один из родосских кораблей пробил своим тараном сидонский (палестинский) корабль. Однако от удара якорь сидонца выпал и зацепился одной из своих заостренных лап за борт родосского судна. Родосцы засуетились, пытаясь отцепить вражеское судно. Однако якорный канат, который к тому же еще и запутался среди частокла весел родосца, резко натянулся, снес и поломав их с одного из бортов. Ставший неуправляемым и беспомощным корабль был захвачен уже, казалось бы, почти потопленным противником и уведен на буксире в качестве трофея.

Можно было считать, что война на море закончилась. Фактически лишившись флота, Антиох вынужден был отказаться от всех своих владений за Геллеспонтом. Перепуганный царь, отлично понимая, что он лишился господства на море, вынужден был вывести свои гарнизоны из Лисимахии. Подтвердилась поговорка «у страха глаза велики». Быть может, так резко сдавать позиции и не следовало — гарнизон мог держаться еще долго. Однако лишний раз подтвердилось, что события на море влияют на сухопутные дела гораздо в большей степени, чем это может показаться на первый взгляд.

В результате победы при Мионнесе, в конечном итоге, римская армия смогла беспрепятственно переправиться в Малую Азию. После победы Эмилий Регилл ушел с флотом к Эфесу. Вновь корабли стояли у входа в гавань, как бы заставляя противника признать, что он уступает господство на море. Затем флот

ушел к Хиосу, который был местом назначения еще до морского сражения и до которого в свое время не дошли. Там, наконец, был произведен неотложный ремонт кораблей, которые толком не чинили со времени последнего сражения. Луция Эмилия Скавра с отрядом из 30 кораблей Регилл отослал к Геллеспонту для поддержки переправы сухопутных контингентов. Родосский флот также принимал участие в этой операции. По-видимому, Регилл очень хотел отослать их домой, стремясь оставить всю славу выигрыша этого сражения римлянам и себе самому. Он отдал им часть добычи, украсил родосские корабли трофеями и всячески стремился спровадить их на Родос. Однако родосцы «с присущей им неутомимостью» вызвались сперва помочь в перевозке войска консула и только потом вернулись домой. Благодаря этому об их подвигах и стало известно в Риме.

Последней операцией флота в этом году стало участие в штурме Фокеи. Правда, прямого участия в осаде и разрушении стен флот все же не принял, однако помог обложить город блокадой с моря. Взятый после кровавого и упорного штурма с суши город был основательно разграблен, однако вслед за тем, заморенный, стал местом стоянки флота на зиму.

Однако участь Антиоха была уже предрешена. Потерпев поражение при Магнесии в 189 г. до н. э., он вынужден был согласиться с условиями мира, продиктованными Римом. Поликсенид бежал, вполне обоснованно опасаясь мести бывших сограждан, а Ганнибал, не менее обоснованно подозревая, что одним из условий мирного договора будет его выдача римлянам, перебрался в Вифинию.

ТРЕТЬЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

Римляне не уделяют должного внимания флоту после Сирийской войны — Строительство флота, переброска войск на Балканы, и стычка под Ореем — Операции союзников и осада Кассандрии — Антенор на Делосе (македонская война на коммуникациях) — Перенос войны на сушу и ликвидация Македонского царства — Анализ действий на море в период Восточных войн — Рим и эллинистический мир — Новая стратегия на морях, новая геополитическая ситуация и фактическое поглощение Восточного Средиземноморья римлянами.

Военно-морские силы римлян в период между Сирийской и Третьей Македонской войнами характеризовались если и не снижением их боевого потенциала, то, по крайней мере, стагнацией своего развития. Судя по всему, особых оснований для беспокойства у них не было, и флот существенно снизил свою активность. Новых кораблей не строилось, старые продолжали использоваться, но выучка боевого состава — экипажей и морской пехоты — несомненно, снизилась. Единственной устойчиво продолжавшей тревожить сознание сената задачей оставалась в этот период охрана прибрежных вод Италии от возможных проявлений какого бы то ни было пиратства — как государственного, так и частного уровня. Однако опыт показал, что римская флотилия, численный состав которой в промежутках между войнами, естественно, остается в большей или меньшей степени для нас загадкой, с этими задачами не справлялась — по крайней мере, факт наличия проявлений морского разбоя в прибрежных итальянских акваториях имел место. Ликвидировать этот феномен на данном этапе римлянам не удалось.

Тем временем обозначились все предпосылки для новой войны с Македонией. Причин и поводов к ней было вполне достаточно, и в центре внимания сената и римского народа к концу 170-х годов вновь оказались македонские дела.

За истекшие два с половиной десятилетия стареющий Филипп, хотя и битый союзниками, нисколько не отступился от своих честолюбивых планов и, естественно, активно работал на восстановление мощи своего государства. В результате ему удалось в значительной мере воссоздать потенциал Македонии, позволявший, по крайней мере, рассчитывать на некий реванш. В обход условий договора с Римом, македонский царь перешел на «призывную» систему комплектования армии. Ежегодно, не выходя за пределы лимитированных 5000 солдат, он набирал в армию 4000, а на следующий год распускал их по домам, набирая новых. В результате в стране имелось большое количество обученных резервистов. Царь занимался любимым делом, усиленно разрабатывая золотые месторождения; он создавал стратегические запасы хлеба, активно торговал лесом и солью, обезопасил свои северные границы от нападений фракийских племен. Македония переживала экономический бум.

Надежды римлян на воцарение в ней сына Филиппа — Деметрия, жившего заложником в Риме и обработанного римской пропагандой и образом жизни, провалились. Его казнили, а македонский престол после Филиппа занял его второй сын, ярый «антироманец» Персей. Не слишком блестящая политика Рима на Балканах и в Греции доставила Персею массу союзников. Главными среди них были Иллирия и Эпир, однако в коалицию вошел и ряд греческих государств. На стороне римлян традиционно выступало Пергамское царство, так что коалиционный состав участников войны определился окончательно. Римское посольство обвинило Персея в притеснении греческих союзников Рима. В ответ Персей приказал всем римлянам в трехдневный срок покинуть пределы его государства. Война стала неизбежной, и в 171 г. до н.э. была Римом объявлена.

Первый период войны был ознаменован достаточно вялой динамикой событий. В определенной степени, кроме всего прочего, это объяснялось тем, что устаревший флот римлян (а многим кораблям было не менее 40 лет) требовал все же некоторого обновления. Судя по всему, общая численность его на тот момент была не слишком велика. Вряд ли мы погрешим против истины, если заметим, что совокупный состав флотов римлян не превышал тогда сотни достаточно обветшавших кораблей. Поэтому первой задачей было хотя и не слишком масштабное, но строительство новых судов.

Первой серьезной операцией флота традиционно стала переброска войск на Балканы. Консул Публий Лициний, получивший Македонию, предписал войскам сбор в Риме. Претор Гай Лукреций Галл был назначен командующим флотом (причем, заметим, всем флотом римлян). Он разделил свои силы. Часть кораблей осталась в Остии «для самых разных целей». Отобранные 40 квинкверем с войсками начали свой путь вдоль побережья Италии. На одной из квинкверем претор выслал вперед своего брата Марка Лукреция, приказав ему напоминать союзникам об их обязательствах поставлять корабли, а затем присоединиться с ними к флоту у Кефалении. Марк Лукреций, получив от регийцев одну трирему, от жителей Локр — две, а Урии — четыре, взяв их с собой, обогнул Калабрию и вышел к Диррахии. Здесь он провел блестящую реквизицию. У Исса стояли 12 легких кораблей, у местного царя в Диррахии — еще 54. «Нисколько якобы не

сомневаясь, что эти корабли приготовлены для римлян, он увел их с собой», — писал Тит Ливий.

Как уже было указано, римляне в тот год не предпринимали активных боевых действий, однако все же боевые столкновения на море были. Так, посольство Марция было отослано в Грецию в составе небольшой флотилии из нескольких квинкверем. Точечная лакуна в тексте не позволяет установить их численность, однако форма множественного числа указывает, что кораблей было как минимум два (в действительности, несомненно, больше). Эти корабли позднее, судя по всему, вернулись в Италию.

Флот в первое лето нес патрульную службу, охранял побережье и коммуникации и совершал незначительные набеговые действия, но в основном демонстрировал свои потенциальные возможности. Для конца этого года у нас есть данные о потере в какой-то морской стычке под Ореем как минимум четырех римских кораблей от таранов македонян.

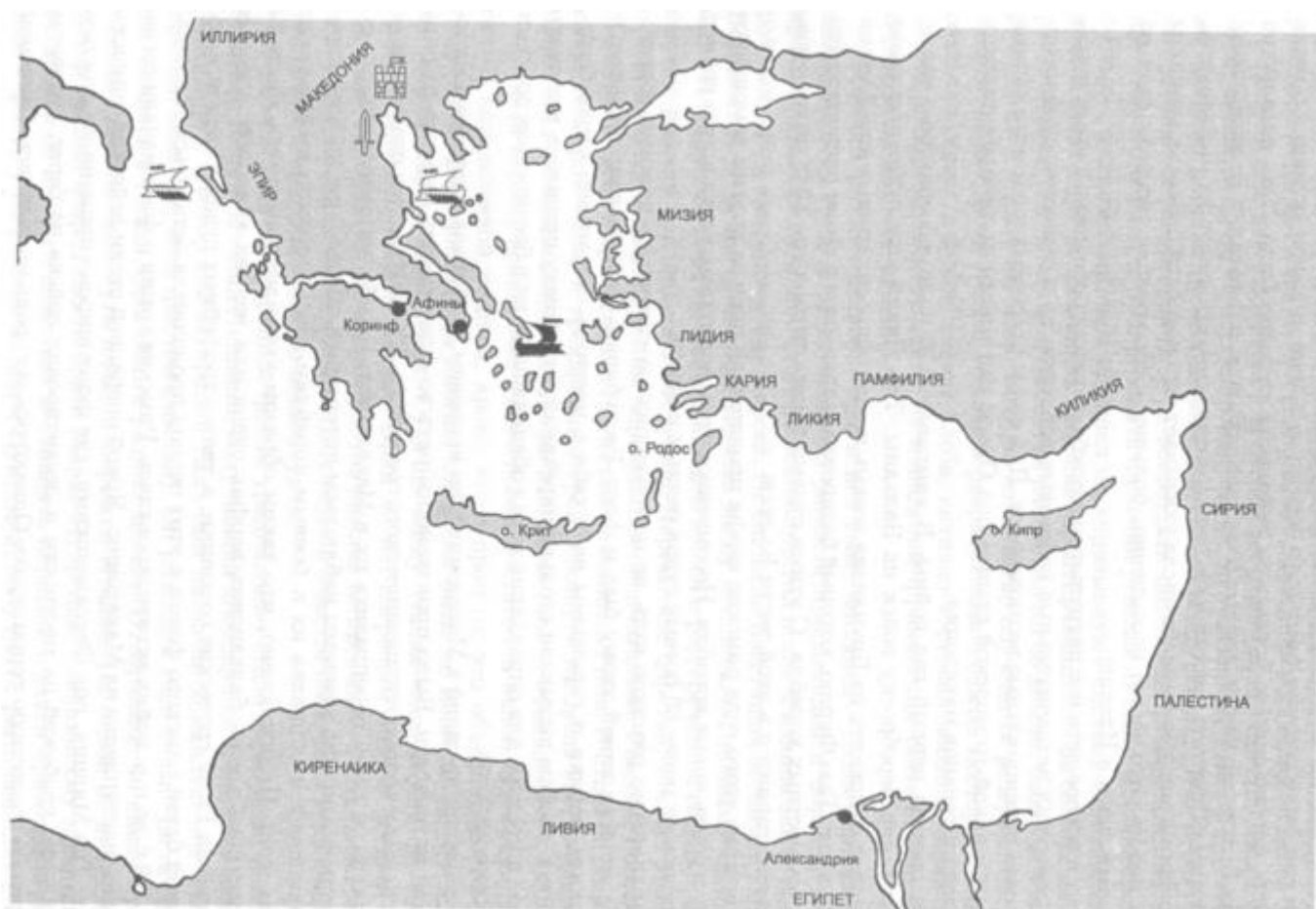
Так прошел первый год войны. В кампанию 170 г. до н.э. римляне также осуществляли переброску войск на Балканы. Тит Ливий упоминает, что сенат постановил отправить из Брундизия восемь полностью оснащенных кораблей на Исса к легату Гаю Фурию, который базировался там, имея в своем распоряжении всего два местных корабля. С этими судами были отправлены 2 000 легионеров, усилившие гарнизон в этой части Балкан.

В течение этого года римские верфи продолжали один за другим ремонтировать и строить новые корабли. Несомненно, что в восточных водах в этот период находилось не менее 60 боевых судов разных классов.

Параллельно римляне чуть не переругались со своими греческими союзниками — отчасти виной этому был и флот Республики. Так, расквартированные в Халкиде моряки и гарнизоны вели себя с местным населением столь бесцеремонно и вообще вызывали столько нареканий, что сенату пришлось вызывать консула и претора для оправдания перед обвинявшими их в бесчинствах послами греческих полисов.

Активизация усилий в Македонии, тем временем, требовала усиления военно-морской активности. Было приказано набрать во флот тысячу моряков из римских граждан вольноотпущеннического сословия — 500 из Италии и столько же — с Сицилии, а затем переправить их в Македонию, «где бы ни находился флот». Примечательно, что здесь мы наблюдаем интересный прецедент — комплектование экипажей и отправка их к боевым кораблям. Чем это было вызвано — не вполне ясно. Не исключено, что таким образом укомплектовывались команды новопостроенных на балканских верфях судов или же тех кораблей, которые поставляли Риму греческие союзники, а также трофейных судов. Главной и постоянной базой римского флота в этот период продолжала оставаться Халкида.

В 169 г. до н.э. война активизировалась. Римские армия и флот начали согласованное наступление на Македонию. Яркой операцией стали действия командующего, Гая Марция, под Фессалониками, где флот широко применялся для осуществления грабежей на местности и десантировал войска на берег, подвергая разорению вражескую территорию. Однако осада города не задалась. Причиной этого стала высокая активность городской артиллерии, имевшей такую дальность и точность, что она поражала не только осаждающие войска, но и подходившие к городу корабли. Решив не рисковать, Гай Марций снял осаду. После

Третья Македонская война. Операции 171-170 гг. до н. э.

этого флот отправился к Энее и успешно разорил тамошние земли. Потом корабли перешли в Антигонию, держась берега. Высадившиеся войска, по привычке, занялись грабежом, однако подверглись нападению македонских отрядов конницы и пехоты. Войска отступили к кораблям, но были отрезаны. Потеряв около 500 человек убитыми и почти столько же пленными, легионеры и моряки, наконец, рассвирепели по-настоящему и начали отбиваться всерьез. Примечательно, что весомая поддержка была им оказана с кораблей — оттуда пришло пополнение. В результате десантники уничтожили около 200 македонян и столько же взяли в плен.

Наконец, от Антигонии флот двинулся к палленской области, где опять десантировал войска для опустошений. Это была самая богатая область на всем его пути. Здесь к римлянам примкнули пергамский царь Эвмен с двадцатью «крытыми» кораблями и пять таких же судов, присланных еще одним союзником — царем Прусием.

Важнейшим событием стала совместная осада Кассандрии силами армии и флота союзников. Осадные мероприятия затянулись. Самое забавное, что союзники допустили досадный промах в самом начале осады. Бестолково организованная силами флота Эвмена блокада была не слишком плотной: десяток принадлежавших Персею легких судов, на которых находились отборные галльские воины, под покровом ночи совершенно беспрепятственно проскользнул под самым носом осаждающих кораблей в гавань города. Эти легкие беспалубные суда, так ловко лавировавшие в кильватерном строю под скалистыми берегами, на фоне которых они были совершенно неразличимы, не только нанесли урон репутации пергамцев, но, самое главное, серьезно усилили обороняющийся гарнизон Кассандрии. Это настолько обескуражило союзников, что они бросили осаду Кассандрии и, снявшись с якоря, перенесли блокаду к городу Торона. Здесь, также увидев, что город хорошо охраняется, они вновь оставили свою затею, после чего совершили переход к Иолку, откуда отправились осаждать Деметриаду.

Однако в этот момент между римлянами и пергамцами возникла размолвка. Вероятно, возмущенный тем, что ему не позволили стоять лагерем рядом с римлянами, Эвмен снял свой флот и ушел домой в Азию.

Самые серьезные изменения в ходе войны произошли в связи с назначением нового командующего — Луция Эмилия Павла. Он провел генеральную ревизию всех сил на Балканах и пересмотрел характер боевой службы — как армии, так и флота. Это не замедлило сказаться на общем ходе боевых действий. Известно о наборе 5000 моряков для флота. Исходя из этого и учитывая, что каких-либо серьезных потерь флот доселе не нес, можно предположить увеличение его численного состава на несколько десятков кораблей.

Единственным заметным деянием македонян на морях в тот период было то, что в силу испытываемых ими трудностей со снабжением и будучи зависимы от подвоза продовольствия, они выделили легкий флот для организации конвоев. Есть данные, что Персей отправил к Тенедосу 40 легких судов под руководством Антенора и Каллиппа, а также в придачу к ним пять прист. Им вменялось в обязанность охранять отдельно следующие суда, шедшие через Кикладские острова в Македонию с хлебом. Транспорты родосцев они отпустили, однако узнали, что за мысом в гавани под охраной нескольких пергамских таранных кораблей, которыми командовал некий Дамий, стоят задержанные суда с хлебом для Ма-

кедонии. Несмотря на легкость своего флота, македоняне угрозами вынудили пергамцев отпустить транспорты.

Следующей операцией стал перехват этим отрядом конвоя «коневозов» (тяжелых транспортов, перевозивших галльскую конницу) близ побережья Хиоса. Тридцать пять этих транспортников были захвачены македонянами врасплох и были либо покинуты командой прямо в море, либо причалили к Хиосу, где многих галлов перебили, а коней частью уничтожили, частью реквизировали.

После этого Антенор развернул подлинную войну на коммуникациях. Базируясь на Делос, он выходил в море по знаку, который подавали с дозорных башен острова, и топил все суда, кроме шедших в Македонию. Такой террор, вполне сравнимый с действиями подводных сил Германии в конце Первой (и отчасти Второй) мировой войны, конечно же, был явственным признаком близившегося конца боевых действий. Лишний раз сработал принцип «загнанного в угол» противника, который всеми силами напоследок старается отыграться за свои неудачи путем действий против тех, кто не способен отразить подобное нападение.

Однако эти пароксизмы агрессии на морях уже не могли спасти положения. В 169 и 168 гг. до н. э. война стремительно приобретала преимущественно сухопутный характер, а ход ее на суше был крайне невыгоден для македонцев. Персей отступал к Пидне, решив до последнего оборонять горные проходы в Македонию. Именно здесь, при Пидне, в 168 г. до н. э. и произошло сражение, решившее исход войны. Персей проиграл его и вынужден был бежать, однако впоследствии был схвачен римлянами и окончил свои дни в их тюрьме. После этого Эмилий Павел двинулся на Эпир и иллирийцев — самых стойких союзников македонян. Эта война также была удачна. Тотальное опустошение земель и продажа в рабство 150 000 жителей Эпира создали прецедент дальнейших действий римлян по отношению к покоренным народам.

В результате Третьей Македонской войны Рим окончательно ликвидировал Македонское царство. Не будучи сильной морской державой, оно, тем не менее, оказалось способно около полувека противостоять римским военно-морским силам — как путем привлечения эскадр союзников, так и путем строительства собственных военно-морских сил. Их действия по праву снискали себе определенную долю славы. Надо отметить, что действия римлян, при их доминировании на море, конечно же, выглядят достаточно блекло по сравнению с событиями, скажем, эпохи Второй Пунической войны. Однако и ставки, надо признать, были не столь велики.

Следует отметить, что Восточные войны римлян в описываемый период, т. е. в первой половине II в. до н. э., носили весьма своеобразный характер. Это были в полном смысле слова союзнические войны, в которых римский флот (в большей степени, чем армия, бывшая зачастую главной силой коалиции на суше) выступал лишь как одна из сил, действовавших на море. И если римляне численно порой все же превосходили союзников в рамках собираемых эскадр, то это далеко не всегда относится к качеству их действий и командования. Вне всякого сомнения, мы должны отметить в первую очередь роль Родоса. Прирожденные корабельщики, родосцы выступали как исключительно важная морская сила, действуя с равной самоотверженностью, храбростью и рассудком как в самостоятельных операциях, так и в составе союзных флотов, не раз оказывая неоцени-

мые услуги римлянам и всей коалиции вообще. Римляне, надо отметить, высоко оценили помощь родосцев в этой войне, установив в их честь в Риме памятную стелу с перечислением их заслуг. И в Македонской, и в Сирийской войнах Родос был отнюдь не только союзником римлян. Родосцы, прежде всего, вели свою собственную войну, в которую они оказались втянуты очень давно — еще задолго до вмешательства римлян в дела Греции и Восточного Средиземноморья. Родос отстаивал, прежде всего, свои собственные интересы — собственную безопасность, не говоря уже о безопасности морской торговли, составлявшей основу всей его экономики. Небольшой остров содержал довольно большой для такой республики флот. Его численность колебалась обычно в пределах 30-40 боевых кораблей. В основном это были quadriremy. Имелось также немалое количество легких кораблей. Родосский флот был хорошо оснащен, прекрасно организован (чего стоит только история создания образцовой системы передачи сигналов в бою на море). Небольшое число кораблей компенсировалось отличной подготовкой команды и достаточно мощным вооружением — ведь даже совсем небольшие суда родосцев имели на вооружении как минимум по одной метательной машине. Важно и то, что Родос был тогда одним из центров исследований в области изучения навигации, картографии, астрономии. Известно, что в то время многие античные картографы проводили нулевой меридиан именно через Родос.

Родосской республике, возникшей на обломках империи Александра, с самого начала своей самостоятельной истории пришлось отстаивать свою независимость от претензий со стороны династий Антигонидов, Птолемеев, а затем и Селевкидов, которые имели на вооружении крупнейшие и оснащенные по последнему слову техники того времени флоты. И исключительно благодаря наличию у них флота родосцы смогли противостоять огромным эллинистическим империям — ведь экономический потенциал, людские ресурсы, территория их были просто несопоставимы. В мирное время родосцы решали те же задачи, что и римляне: охраняли морские коммуникации и боролись с пиратами. Общность врагов и общность интересов в этой сфере неминуемо вели к стратегическому сближению Рима и Родоса — сколь прочному, столь и взаимовыгодному. Поэтому их союз был предreshen историей, и благодаря оказанной римлянам помощи они впоследствии сумели добиться некоторых привилегий в отношениях с римлянами — привилегий, сохраненных ими и после вхождения Родоса в состав Римской Империи. Как бы то ни было, столь симбиотичные связи пошли на пользу тем и другим.

Вместе с тем римляне именно в этих войнах, вероятно, пришли к окончательному убеждению в том, что Средиземное море является их собственностью — пока что не безраздельной, но это уже не за горами. Упорное и настойчивое подавление остатков Карфагена — с почти что «безнаказанным» использованием морских сил; абсолютно новые черты во внешней политике, выразившиеся на море в некоторых аспектах, наводящих на мысль о своего рода «дипломатии канонерок»; понимание союзнических войн как кровного дела Республики, которая не останавливается, не достигнув того результата, который ей необходим, — в конечном итоге, все эти новшества свидетельствовали о новом качестве Римского государства как субъекта международного права.

Результатом же Македонских и Сирийских войн на море стало то, что Рим и его флот окончательно и бесповоротно утвердились на морях Восточного Средиземноморья в качестве как важной и уже неисклuчимой силы, так и своего рода

арбитра и третейского судьи. Римское вмешательство в политические процессы этого региона постепенно становилось не случайностью, но необходимостью. В действительности до полного покорения всего Средиземного моря остался один шаг.

Примечательно, что в результате уничтожения Македонии как единого и сильного государства претерпела кардинальные изменения вся внешняя и морская политика Рима на Востоке. Отныне римляне не были заинтересованы ни в продолжении существования союза Пергама и Родоса, ни тем более в усилении этих двух столь разных государств.

Резкий поворот произошел в отношениях с бывшим союзником — Родосом. Поскольку остров в экономическом плане чрезвычайно серьезно страдал от войн, в которых выступал в качестве союзника римлян, островитяне многократно пытались завершить эту войну, обращаясь с соответствующими просьбами к римским военачальникам и сенату. Более того, отмечались попытки родосцев выйти из войны, в контексте чего даже был заключен союз с островом Крит — родосцы попытались шантажировать римлян, намекая на возможность войны против них. Однако римляне уже имели гораздо большее влияние, чем поначалу казалось родосцам: у них попросту было больше рычагов для давления. В результате все вышло только хуже для самих родосцев: им пришлось униженно выпрашивать прощение, а римляне использовали этот случай как повод для дальнейшего давления и пригрозили войной. В результате статус «друзей и союзников римского народа» для родосцев был оплачен лишением всех их прежних владений на территории Малой Азии. Родос в результате попал фактически в зависимость от Рима. Более того, римляне создали противовес своему бывшему — как оказалось, слишком строптивому — союзнику. Таковым стал остров Делос, провозглашенный ими свободным портом. В результате восточная торговля, за счет которой, в основном, и жил Родос, потекла мимо него. Этим искусным ходом римское государство лишней раз подтвердило свою решимость навести в Восточном Средиземноморье свой собственный порядок и принять на себя роль арбитра и верховного судьи.

Ликвидация Македонского государства и серьезное ослабление некогда весьма могущественной державы Селевкидов достаточно серьезно изменили общую военно-политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье. Фактически здесь теперь просто не существовало сил, которые могли бы противостоять дальнейшей агрессии Римского государства. Римляне все чаще — фактически, постоянно — вмешивались в дела островной и материковой Греции, а также других народов региона. Однако они на тот момент и сами не располагали адекватными силами для полного подчинения или оккупации эллинистических государств, разлагавшихся буквально на глазах. Рим в середине II в. до н. э. придерживался в Восточном Средиземноморье ярко выраженной политики «разделяй и властвуй»: он — посредством дипломатического давления или прямой военной помощи — вторгался во внутреннюю междинастическую борьбу, поддерживал сепаратистские движения внутри эллинистических государств, стравливал их между собой.

Первоочередной задачей после разгрома Македонии стало ослабление, расчленение, а затем и уничтожение державы Селевкидов. В эпоху правления Антиоха IV (175-163 гг. до н.э.) Селевкиды явно обнаруживают признаки новой

жизни. В частности, они проявляют серьезный интерес к Египту. В 168 г. до н. э. Антиох оккупирует Северный Египет, что, естественно, вызывает немедленную реакцию Рима. Усиление государства Антиоха не входит в их планы и, тем более, им совершенно не улыбается перспектива включения Египта в его состав. Помимо потери ряда баз и приближения опорных пунктов противника к пределам Римского государства под контроль Селевкидов переходила едва ли не важнейшая в Восточном Средиземноморье житница. Римское посольство в ультимативной форме потребовало очистить Египет, и Антиох, скрепя сердце, вынужден был покориться. Не менее важным ходом было активное внедрение римлян в иудейскую политику. Разжигая и всячески поддерживая восстание Маккавеев, римская дипломатия не только способствовала развалу Селевкидского государства, но и предуготовляла базу для своего утверждения в Иудее, бывшей стратегически одним из важнейших регионов — как для торговли, так и для базирования военных флотов. В 163 г. до н. э. Антиох IV погиб. Используя это обстоятельство и острейшую внутреннюю борьбу в его державе, римская дипломатия наконец добилась вожаемой цели — ликвидации двух главных составляющих военной мощи этой державы, тревоживших сенат: отрядов боевых слонов и военного флота. Потомки Антиоха IV управляли уже не той державой. Государство погрузилось во тьму хаоса и междоусобиц, его раздирали как внутренние войны, так и внешние противники — в частности, парфяне. Ряд поражений на суше доконал страну. В 129 г. до н. э. последний Антиох — седьмой по счету — проиграл битву парфянам и погиб. Огрызок государства — Сирия — еще будет существовать около полувека, но римляне постепенно начнут подминать под себя — сначала через купцов, а потом и откровенным вторжением — все новые территории на Ближнем Востоке. К концу II в. до н. э. они станут хозяевами в самом удаленном от Рима уголке Восточного Средиземноморья.

Египет, гарантами «свободы» которого римляне формально себя выставляли, в течение второй половины II в. до н. э. также полностью попал в орбиту их влияния. Политика в отношении него была менее жесткой, однако римляне, прежде всего путем вмешательства во внутренние проблемы этого государства, довольно легко установили над ним свой контроль.

Не менее важна была борьба за пергамское наследие. По отношению к Пергаму римляне дольше всего сохраняли видимость лояльности и всячески поддерживали его внешнеполитические притязания — до тех пор, пока они не выходили за рамки региона. Параллельно с этим Пергамское царство буквально наводнилось римскими торговцами, которые заняли практически все ключевые посты в транзитной и собственно пергамской торговле. Таким образом, Рим без какого-либо военного вмешательства установил контроль над экономикой Пергама. Даже когда существование этого государства перестало отвечать интересам Рима, правители Пергама продолжали опираться на его помощь. В результате получилось, что римляне одновременно поддерживали и пергамских царей, и их врагов. Поддержав ряд восстаний в провинциях Пергамского царства — в Галатии, Пафлагонии и Вифинии, — а также войдя в тесные дипломатические и торговые отношения с важным центром Понтийского региона — Гераклеей Понтийской (являвшейся ярким конкурентом Пергама в сфере торговли), — римляне породили целый клубок противоречий, который вел к изматыванию сил Пергама. Несмотря на то, что засилье римских торговцев вызывало активное брожение в

**Акватории, контролировавшиеся римлянами
после Восточных войн (к 130-м годам до н.э.)**

народе, в 133 г. до н.э., после смерти последнего пергамского царя Аттала III, лидеры пергамского нобилитета предпочли предать державу римлянам — якобы, по завещанию самого царя.

Последующие события чрезвычайно отчетливо продемонстрировали новые тенденции в развитии Средиземноморья. Когда в Пергаме — будущей провинции Азия — вспыхнуло антиримское восстание «гелиополитов» под руководством Аристоника, оно охватило преимущественно внутренние области страны. Это произошло потому, что приморские города отвергли саму идею восстания, ибо уже включились в римский товарооборот на всем средиземноморском пространстве и получали от него ощутимые выгоды. Оставаясь еще республикой, Рим создавал типичную имперскую инфраструктуру, предоставлявшую чрезвычайно благоприятные условия для развития, в частности, морской торговли. Морские войны, таким образом, немедленно получали экономическое продолжение, среди участников которого практически не было недовольных. Зарождавшаяся Империя протекционировала спокойствие и процветание на морских коммуникациях.

Однако одним из наиболее значимых для римлян приобретений в ходе Восточных войн было, безусловно, поглощение Греции. Непосредственным прологом к нему стало то, что римляне учинили в Македонии, Иллирии и Элладе после Третьей Македонской войны. Разделив Македонию на четыре части, а Иллирию — на три, римляне попытались вполне искусственным путем раздробить эти государства и подорвать их экономику путем запрещения разработки и экспорта основных естественных ресурсов — соли и корабельного леса. На большее они пока пойти не могли — аннексировать эти территории не было ни сил, ни юридической

возможности. Однако подобная политика все равно вызвала ожесточенное сопротивление, которое к началу 140-х годов до н. э. вылилось в открытое восстание. Грек Андриск из Фракии, выдававший себя за законного наследника македонского престола Филиппа — сына царя Персея — сформировал армию и вторгся в Македонию. Его поддержали многочисленные противники римлян. Несмотря на ряд тяжелых поражений, римляне перебросили морем на Балканы новые контингенты и с помощью пергамских войск в 148 г. до н.э. подавили восстание, расправившись с самим Андриском. Эпохальным событием — явным результатом подавления этого восстания — стало кардинальное преобразование системы отношений римлян с подвластными народами в Элладе. Была образована провинция Македония, включившая в себя также Эпир, ряд островов Ионического моря и острова Аполлония и Диррахий.

Эта провинция имела просто потрясающее значение для дальнейшей римской экспансии на Востоке. Дело в том, что от Диррахия до Византия была вскоре проложена знаменитая *Via Egnatia* — Эгнациева дорога. Связывая по кратчайшей линии бассейн Адриатики и район Геллеспонта, эта трасса дала римлянам громадное стратегическое преимущество, поскольку позволяла в кратчайшие сроки перебрасывать воинские контингенты на Восток, в Азию. Фактически именно с этого момента римляне начинают пересматривать длительно создававшуюся ими систему зависимых государств в Восточном Средиземноморье. Последующие захваты на Востоке не оформляются уже в виде формальных отношений зависимости от Рима — в состав Римского государства просто вливаются новые провинции.

Разгром Македонии изменил римскую политику по отношению к Ахейскому союзу, который после Второй Пунической войны стал главным проводником римского влияния в Элладе. Под предлогом защиты Спарты от притязаний Ахейского союза римляне вмешались в греческие дела и к 146 г. до н. э., после битвы при Истме и разрушения Коринфа, фактически включили Грецию в орбиту влияния римских наместников в Македонии.

Культурный аспект этого «аншлюса» переоценить невозможно. Рим, разграбив древние памятники и святилища, пропитался эллинской культурой. Однако не менее значимо и то обстоятельство, что римляне, наконец, включили в состав своего неимоверными темпами растущего государства области наиболее развитого, прогрессивного и в определенном смысле гениального кораблестроения античного мира. С одной стороны, опыт греческих корабелов был адекватно усвоен римскими судостроителями. С другой — области его генезиса были благополучно поглощены Римским государством. В результате у римлян просто не осталось конкурентов в плане прогресса корабельного дела. Да, разумеется, феномен эллинистических государств еще не был уничтожен в принципе. Митридатовы войны покажут, что традиции кораблестроения будут еще благополучно доживать свой век кое-где в Средиземноморье. Однако это была уже агония. Агония как эллинизма, так и эллинского судостроения. У него было блистательное прошлое и почти столь же великолепное настоящее, однако будущего уже не было.

ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Причины последней войны с карфагенянами — Задачи флота — Переброска войск в Африку — Ультиматум и начало осады Карфагена — Карфагенская тактика брандеров — Установление римлянами надежного контроля над островами между Италией и Африкой — Флотская десантно-штурмовая группа предпринимает попытку захвата участка обороны Карфагена — Проблемы организации блокады и сооружение римлянами дамбы — Карфагеняне роют канал из города и строят свой последний флот — Последняя морская битва под стенами Карфагена: «москитный флот» и хитрость союзников-сидетов — Поражение Карфагена и его ликвидация — Завоевание римлянами Лузитании и установление ими полного контроля над Западным Средиземноморьем.

Вероятно, в первой половине II в. до н.э. римляне постоянно ощущали, что существование Карфагена является не чем иным, как досадной исторической ошибкой. Если Аэций в свое время не уничтожил под Каталаунами Аттилу и его войско, то это, по крайней мере, имело какое-то объяснение: он стремился сохранить, как теперь принято говорить, «многополюсный мир», где все силы уравнивали бы друг друга. В этом контексте Карфаген не был нужен Риму ни в 201, ни в 149 г. Он только мешал, а если и выполнял какие-то торговые или буферные функции, то история показала в дальнейшем, что Рим и сам с ними справлялся отлично. Поэтому вопрос: отчего римляне не стерли с лица земли этот огрызок финикийской диаспоры, вероятно, будет будоражить многие умы еще долго. После разгрома при Заме и публичного сожжения пунийского флота Публием Корнелием Сципионом Карфаген перестал быть не только значительной, но и вообще какой бы то ни было силой. Да, римский народ был измотан тяжелейшей войной, но он никогда не был так силен в отношении своего давнего противника, никогда еще разница в мощи не была так очевидна. Нужно было еще одно усилие — на этот раз последнее. Но, возможно, сознание римлян еще работало как-то иначе, нежели в известные нам времена славы Империи. Для его становления и воплощения в хрестоматийно знакомые формы потребовались именно последующие полстолетия.

В середине II в. до н.э. Римская республика превратилась в ведущую державу Средиземноморского региона. Безусловное преобладание Рима обеспечивалось как динамикой его экономики, так и уникальным сочетанием военных, административных и инженерных талантов римлян. Флот римлян беспрепятственно осуществлял свою боевую, транспортную и торговую службу в пределах громадной акватории.

Однако на территории региона все еще оставалось противостоящее Риму государство, и это был Карфаген. Разумеется, для пунийцев было крайне проблематично, скажем, ликвидировать римское государство военным путем. Однако экономическая конкуренция со стороны Карфагена была весьма ощутима. Кроме того, римляне прекрасно помнили, как быстро карфагеняне умели оправляться от самых, казалось бы, тяжелых поражений. В последние годы Второй Пунической войны пунийцы перенесли ряд неудач, но вместе с тем именно к этому периоду относятся те страшные, по сути, броски, которые предпринимали Магон и другие военачальники, когда из ничего вдруг появлялся флот, и толпы наемников оказывались в Северной Италии или грабили сардинские берега, или — того хуже — будоражили римских союзников или варваров.

На этот раз Карфаген, разгромленный и униженный, оправился очень быстро. Навыки торговцев и давние связи по всему Средиземноморью и за его пределами позволили ему встать на ноги уже через 10-15 лет после окончания войны. В 187 г. до н. э. карфагеняне сами предложили выплатить всю оставшуюся контрибуцию по договору о заключении мира — надо полагать, что дела у них шли неплохо.

Римляне, верные принципу «разделяй и властвуй», создали в Северной Африке своеобразную политическую ситуацию. Всемерно поддержав своего союзника образца финала Второй Пунической войны — нумидийского царька Масиниссу, — они позволили ему создать протогосударство, постоянно находившееся в оппозиции Карфагену. Масинисса регулярно вел войны с пунами, отнимал у них одну территорию за другой, а те — по договору — даже не имели права вести войну без согласия на то римлян. Притеснения порой становились просто невыносимы в своей оскорбительности для Карфагена.

Борьба партий в Риме, которые решали в спорах между собой дальнейшую судьбу Карфагена, была ожесточенной. Однако перевес, естественно, в конце концов получили сторонники Марка Порция Катона. Как известно, непосредственным поводом к усилению давления на Карфаген стало формирование им в 152 г. до н. э. собственных вооруженных сил для борьбы с зарвавшимися нумидийцами; однако повод к войне римляне получили в результате дополнений к ультиматуму. Выдавшие заложников, стратегические припасы, оружие, карфагеняне были поставлены перед условием перенести свой город вглубь африканской территории. Помимо оскорбительности самого требования это лишало город самого смысла существования: пунийский город мог существовать только как порт. После месячного перерыва — якобы для обдумывания — пунийцы, подготовив все что было можно для войны, решили идти до конца.

Третья Пуническая война на море обычно вообще упоминается вскользь. Недостаток источников, краткость периода боевых действий и отсутствие ярких по своему характеру сражений, казалось бы, должны отвращать от нее любого исследователя. К тому же, в общем-то, игра шла «в одни ворота», и римляне имели неоспоримое преимущество. И все же с точки зрения развития военно-морского искусства эта кампания представляет безусловный интерес — как в стратегическом, так и в тактическом смысле.

С точки зрения стратегии фактически едва ли не единственной задачей римского военно-морского командования было обеспечение качественной, быстрой и беспроblemной переправы воинского контингента в Северную Африку, а затем налаживание столь же надежного транспортного моста между Италией и Сицилией и воюющей армией. Априорным условием решения этой задачи было завоевание господства на море. Второй задачей, являвшейся продолжением первой, было не дать карфагенскому флоту развернуть войну на коммуникациях, т. е. фактически запереть флот пунийцев в гаванях, а в идеале — ликвидировать его.

Единственным театром боевых действий стало Центральное Средиземноморье — акватория между Карфагеном, Сицилией и Сардинией. В этом пространстве разворачивались все события этой войны на море. Первой задачей римского флота стала переброска в Африку громадной армии. На фоне этого контингента меркнет знаменитая переправа Сципиона в конце прошлой Пунической войны. В этот раз переправлялись 80 тысяч пехотинцев и четыре тысячи всад-

ников. Для их перевозки с вооружением и провиантом потребовалось, по словам Аппиана, 100 гемиолий и множество других «легких и круглых» торговых кораблей без всякого вооружения. Эскаорт эскадры состоял из 50 квинкверем — вероятно, на них также везли какое-то количество людей. Высказывавшееся в литературе мнение о том, что часть контингента, шедшая на малых и относительно быстроходных судах, была отправлена вперед с целью захвата плацдарма и должна была быть высажена ранее главных сил, кажется необоснованной. Финальный участок пути был как раз наиболее опасным — если карфагеняне где-то и могли напасть на римскую эскадру (ну отчего не пофантазировать?), то уж никак не в окрестностях Лилибея, а на подходе. Громадная масса флота была сама по себе зрелищем устрашающим, а небольшой отряд легких кораблей, да еще без охранения, сам просился в руки противника. В конце концов, так рисковать жизнями своих солдат было не в духе римлян ни в одну из эпох.

В отличие от обычно проливающего свет на такие детали Тита Ливия, Аппиан не удосужился снабдить нас точными данными о численности транспортов. Но, судя по всему, число их было очень велико. Учитывая, что многие суда были относительно небольшими, число их должно было еще возрасти. Поэтому даже самая заниженная оценка количества транспортников, выделенных для операции, должна приближаться к 250 и уж никак не быть меньше 200.

Флотом командовал консул Луций Манлий Цензорин. Высокое положение и ранг этого командира придавали его назначению особое содержание. Такое количество войск вообще было трудно разместить и хотя бы несколько дней держать в одном месте, поэтому, несомненно, флот собирался в нескольких гаванях — вероятно, в Остии и портах союзников. Однако последним пунктом остановки перед Африкой был, конечно же, Лилибей.

Экспедиция увенчалась полным успехом — хотя мы и не знаем подробностей, но ни серьезных штормов, ни туманов, ни тем более кораблей противника на своем пути она не встретила. Карфагеняне вряд ли совсем ничего не знали о намерениях врагов — скрыть приготовления такого масштаба было просто невероятно, — но их флот (или то, что можно было назвать этим термином) был просто не в состоянии помешать эскадре Цензорина. Нельзя не учесть и того, что карфагеняне, возможно, еще верили в то, что путем переговоров, идя на уступки римлянам, можно будет избежать войны.

Вместе с тем у Карфагена был флот. Его численность не поддается решительно никакому исчислению, поскольку нет даже намека на нее в источниках. По одному из авторов (Флору) получается, что римляне сожгли все корабли, которые пунийцы добровольно им передали в надежде на мир. По другим данным, карфагеняне активно строили боевые корабли, опережая все мыслимые темпы в надежде противостоять Риму. Так что какое-то количество судов они имели, но, конечно, оно не шло ни в какое сравнение с тем, чем располагали римляне.

Целью перехода была Утика. Ее жители раньше всех почувствовали, куда дует ветер. Еще до отправки римлянами флота и войска представители города явились в Рим и выразили желание сограждан передать свой город под его покровительство. Гавань Утики, разумеется, также должна была быть в полном распоряжении римского флота. Поэтому вопрос о месте высадки, базе и порте снабжения отпал сам собой. Если раньше завоевание базы на африканском по-

бережье было ночным кошмаром многих полководцев и флотоводцев, то теперь проблема решилась бескровно.

Кроме того, помимо удобной и ближе всего расположенной к Лилибею гавани, римляне могли беспрепятственно, в случае нужды, пользоваться портами многочисленных дружественных им городов, расположенных к югу от Карфагена, — Ахоллы, Лептиса, Гадрумета и некоторых других. В дальнейшем торговые корабли этих городов осуществляли вспомогательное снабжение римского войска под Карфагеном.

Несомненно, что главным пунктом снабжения армии был Лилибей. Пунктами сбора грузов выступали и иные порты Сицилии, но, в конечном счете, последняя стоянка судов была там. Менее удобным был путь вдоль берегов Сардинии. Если им и пользовались, то исключительно для отправки небольших караванов. Опыт показывал, что крупные соединения желательно отправлять по кратчайшему пути, чтобы избежать потерь. К тому же из Сардинии везли преимущественно местные товары, запасенные на острове — переваливать через Каралы припасы из Остии было мало смысла.

Переговоры, которые велись между римлянами и карфагенянами, благополучно провалились. Естественно, переносить город пунийцы не могли, а римляне уже окончательно решили «дожать» противника. Немедленно после окончания переговоров 20 квинкверем под командованием самого Цензорина бросили якорь возле города. Неизвестно, были ли эти корабли оборудованы для штурма и имели ли на своем борту какую-то артиллерию. Вероятнее всего, их задачей было лишь осуществление торговой блокады и немедленный перехват любого боевого корабля, который попытался бы действовать близ города. Локализация флота не ясна, как и то, был ли он введен также и в озеро близ города.

Вместе с тем команды судов все же не были отягощены избытком боевых происшествий. Об этом свидетельствует тот факт, что матросы кораблей принимали участие в организации сухопутной осады, транспортируя и устанавливая по крайней мере одну из осадных машин. Если при наличии такой громадной армии использовали моряков, то явно им просто нечего было делать в этот момент.

Однако вскоре положение изменилось. Карфагеняне, не рискуя выходить в море на боевых кораблях, использовали брандеры. Это «оружие бедных» показало себя в высшей степени эффективно и доказало, что противник, по крайней мере, способен нанести осаждающим серьезный ущерб и дорого продать свою свободу.

При использовании брандеров карфагеняне активно применялись к ветру, дувшему в сторону стоящей на якорях эскадры римлян. В гавани Карфагена было заготовлено несколько десятков небольших однотипных челноков, специально построенных для этого случая. Вероятно, готовясь к отражению агрессии, карфагеняне в значительной мере строили именно такие «истребители квинкверем». Челноки эти были доверху нагружены сухим горючим материалом — хворостом и паклей — и находились в постоянной боевой готовности под охраной специально приставленных людей. Вместе с этим, здесь же на берегу хранился запас и других горючих и зажигательных материалов — смолы и серы. До поры одно с другим не смешивали. При этом соблюдалась конспирация: место базирования брандеров было полностью закрыто от римлян городскими стенами, и отследить загодя приготовления к запуску таковых они просто не могли.

Лишь только начинал дуть подходящий ветер, карфагеняне канатами, по методу бурлаков на Волге, отбуксировывали несколько брандеров к самому краю оборонительной стены. Здесь в них немедленно засыпали серу и заливали все содержимое смолой. Затем на челноках поднимали небольшие паруса и наводили на цель. Как только брандер начинал движение в нужную сторону, содержимое корпуса судна поджигалось. Можно предположить, что этим занимались специальные команды, которые, выведя брандер на курс и жестко закрепив руль, прыгивали в воду. Менее вероятно буксировка их другими судами. Во всяком случае, служба этих людей, при всей своей напряженности, была неизмеримо безопаснее ремесла команд брандеров нового времени, начиненных взрывчатыми веществами, которые норовили взорваться в самый неподходящий момент от случайной искры или шального ядра противника. Однако эффект, оказываемый карфагенскими брандерами, превосходил все ожидания. Римские корабли стояли относительно плотной группой, перегораживая подход к порту. Понятно, что внезапно сняться с якоря и отреагировать на угрозу было просто невозможно. При самой оптимистической раскладке команде нужно было разобрать весла, вставить их в порты, рассестись на свои места — в то время как выбирали якорь — и, стронув корабль с места, сманеврировать. На все это требовалось никак не менее нескольких минут. Нельзя же было, в конце концов, постоянно дежурить, не отходя от весел или сниматься с якоря и уходить при каждом устойчивом порыве ветра с берега! Проколы были неминуемы.

О том, что тактика регулярно приносила плоды и римлян то и дело заставляли врасплох, свидетельствует сообщение Аппиана: карфагеняне причинили им много вреда и едва не сожгли весь римский флот. И действительно, как бы ни была мала площадь корпуса развернутого по ветру судна и сколь бы ни были значительны промежутки между кораблями, при массовом применении зажигательных судов, шедших строем пеленга, попадания в цель были просто неизбежны.

При этом встречающееся в литературе мнение о том, что римляне находились со своими кораблями во внутреннем озере, а корабли были вытасканы на берег, кажется не слишком реалистичным. Во-первых, от такой дислокации флота никакого прока для целей блокады не было. Затащенные вглубь материка корабли имели превосходную, укрытую от всех погодных неприятностей стоянку, но никак не могли повлиять на обстановку на море. Во-вторых, атаки брандеров в этом случае были бы слишком сложны, а их эффективность должна быть относительно низка.

От первого года войны под стенами Карфагена дошли упоминания об атаке Нефериса, где, вероятно, применялся и флот. Совершенно однозначно силами флота (хотя и неизвестного состава) была осуществлена экспедиция на остров Эгимурес под руководством консула Мания Манилия. Эта экспедиция преследовала троякую цель: создание дополнительной базы для экстраординарных стоянок транспортов на линии Лилибей—Утика, основание промежуточной стоянки для транспортников лояльных городов африканского побережья и полное «запирание» залива. После захвата острова контроль над прилегающим к Карфагену морем был уже двойным и полным, по крайней мере, с востока. Других событий на море в этом году не было.

На следующий, 148 г. до н.э., военно-морская группировка римлян в Африке была вверена легату Луцию Гостилию Манцину. Общее руководство войсками

осуществлял консул Луций Кальпурний Пизон Цезоний. Нет данных об изменении численного или качественного состава флота и каких-либо перемещениях эскадр. Однако с этого года деятельность римских морских сил несколько активизировалась. Регулярно осуществлялись перевозки как из метрополии, так и вдоль африканского побережья. Кроме того, флот принял участие в нескольких осадах и штурмах городов.

Несомненно участие кораблей в блокаде и обстреле укреплений Клупеи, которые были предприняты при осаде этого города Кальпурнием Пизоном. Осада, впрочем, была не слишком удачной и безрезультатной. Взятие Неаполя Африканского несколько скрасило эту неудачу. Флот также был задействован в этом штурме, однако не сыграл решающей роли, что и привело к весьма скромному отражению его участия в источниках. Третьим городом, также осажденным в кампанию этого года, стал Гиппон Диаррит, однако его осада также не привела ни к каким результатам. В конце теплого сезона Пизон с войском, сняв осаду, ушел в лагерь в Утике.

Таким образом, в кампанию 148 г. до н. э. флот привлекался для решения трех основных задач, что, вероятно, было отражено в его трехчастном делении. Первая эскадра продолжала блокировать Карфаген — быть может, изобретая какие-то «противоядия» от атак брандеров.

Небольшая часть флота была отряжена для конвоирования транспортов из Италии и Африки. Однако сделано это было не сразу. Римляне сперва беспечно относились к транспортировкам по морю, за что были наказаны — ряд торговых караванов подвергся атакам кораблей жителей Гиппона. Вероятно, это была частная инициатива — вряд ли дисциплина карфагенян и возможности отдавать приказы из окруженного Карфагена были таковы, чтобы инициировать этот процесс. Угроза была совершенно реальна. Ответом как раз была экспедиция к Гиппону и попытка его нейтрализации, а также включение в состав караванов боевых судов.

Наконец, третья эскадра последовательно поддерживала сухопутные войска при штурме крепостей.

На следующий, 147 г. до н. э., был назначен новый консул — Публий Корнелий Сципион Эмилиан. Несомненно, с ним в Африку прибывали и новые морские силы. Их число неясно, но известно, что в составе флота были триеры. Как неоднократно случалось, и войска, и флот Сципиона были укомплектованы как римскими гражданами, так и союзниками из италийских городов. С флотом находился и новый командующий военно-морской группировкой — легат Сервий Атилий Серран.

Их прибытие совпало с кризисной ситуацией под стенами Карфагена. Войска уже почти два года осаждали город без заметных результатов и даже с потерями среди войск и в корабельном составе. Манцин, командуя флотом и в этом году, решил переломить ситуацию. После зимовки в Утике он вернулся под стены Карфагена и провел дополнительную рекогносцировку укреплений. В северной части стена проходила по скалистому участку вблизи моря. Рельеф был достаточно враждебен для нападающих, к тому же стена здесь была менее высока и почти не охранялась. Сделав соответствующие выводы, Манцин решил попытаться счастья именно на этом участке, высадив десант. Прямых указаний на это нет, но, скорее всего, это было сделано или ночью, или непосредственно перед рассветом.

В противном случае, как бы плохо ни неслась дозорная служба, не заметить перехода десятка-другого кораблей с войсками вдоль стен и самой высадки десанта было бы просто невозможно.

В результате блестяще задуманной и дерзко осуществленной операции Манцин высадил штурмовую группу легионеров на скалистые берега. Располагая лестницами, «кошками» и другими приспособлениями, солдаты, используя преимущества внезапности, вскарабкались на стену. Однако стену нужно было не только захватить, но и удержать. А это оказалось гораздо более сложной задачей. Десант, высаженный Манцином, был очень небольшим, вероятно, не более нескольких сотен человек, из которых на стену взобрались далеко не все. Карфагеняне же, как только прошел шок, вызванный внезапной опасностью, немедленно отреагировали. Поскольку штурм других участков стены не было, они могли беспрепятственно сосредоточить на угрожаемом участке все наличные силы в любом количестве и пропорции. В результате очаг прорыва обороны был локализован — вероятнее всего, взобравшихся на стену солдат так и не пустили дальше оборонительной галереи. После этого пунийцы занялись ликвидацией десантников. Те оборонялись самоотверженно, но их положение непрерывно ухудшалось при явном неравенстве сил. Встал вопрос об эвакуации десанта.

Все это происходило в течение одного дня и последующей ночи. Именно в этот день новый консул с флотом и войсками прибывал в Утику. И его войскам почти с ходу пришлось вступить в бой. Получив донесение с просьбой о помощи от Манцина, Сципион ночью произвел все необходимые приготовления в своей эскадре и на рассвете вышел в море, взяв курс на Карфаген. Аппиан так описывает произошедшее: «Вдруг показались корабли Сципиона, в стремительном беге поднимая высокие волны, все полные стоявших прямо легионеров». Легионеры, заведя подмогу, предприняли последний натиск и потеснили карфагенян. Когда те ненадолго отступили, моряки Сципиона приняли на борт своих кораблей бывших в опасности римлян.

В этой операции с тактической точки зрения много неясностей, особенно в ее второй фазе. Если флотилия Манцина смогла осуществить высадку десанта, то почему он сам не смог его эвакуировать? Зачем потребовалось вызывать корабли из Утики? Почему на судах Сципиона находились в большом количестве войска? Ведь дополнительной высадки десанта не предполагалось (хотя, быть может, она могла сломать ситуацию в пользу римлян).

Вероятнее всего предположить, что изменилась погода, а Манцин располагал под Карфагеном судами более тяжелого класса, чем триеры Сципиона. И только эти триеры могли осуществить снятие воинов со скал в условиях поднявшейся волны. В любом случае вопрос о войсках остается открытым.

Как бы то ни было, следует признать, что дерзкая операция по захвату участка городской стены провалилась — и, быть может, была сразу же обречена на провал. Задним числом можно придумать многое, но прописной истиной выглядит то обстоятельство, что, коль скоро замышлялась такая диверсия, просто необходимо было предпринять некий отвлекающий маневр или серию таковых в других местах периметра обороны. Только в этом случае можно было гарантированно овладеть стеной и перенести боевые действия внутрь городских стен. Во всяком случае, первостепенной задачей командующего флотом было, в случае малейшего успеха на стенах, незамедлительно развить его, высадив подкрепления. В целом

операция выглядит как смелый, но бездарно спланированный экспромт, отдающий известной долей непрофессионализма и напоминающий действия некоторых командиров Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны, да и многих других командующих, имевших больше апломба, чем тактических знаний. Так что замена Манцина на посту командира эскадры, пожалуй, была только к лучшему.

Приняв на себя командование, Сципион усилил блокаду гавани. Однако для того, чтобы полностью перекрыть всю акваторию, требовалось неимоверное число кораблей. В сущности, блокада отнюдь не заключается в том, чтобы перекрыть пространство, поставив корабли борт о борт — это довольно абсурдно. Но карфагеняне, находившиеся в безвыходном положении, использовали абсолютно любую возможность для прорыва этой блокады. Судя по всему, существовал специальный небольшой отряд из нескольких грузовых кораблей небольшого водоизмещения — возможно, построенных по образцу легких боевых судов, а возможно — просто переоборудованных из них. Они имели высокую скорость и маневренность, и карфагеняне пользовались этим — вероятно, довольно часто.

Перекрытию подходов к гавани мешало и то, что с восточной и юго-восточной стороны подход к городу изобиловал отмелями и подводными скалами, что исключало здесь якорную стоянку судов. Римляне, безусловно, хуже в них ориентировались, чем местные лоцманы. Кроме того, очень близко к стенам подходить было нельзя, так как с них открывали огонь по кораблям из метательных машин, да и просто применяли ручное оружие. Поэтому между городом и кораблями оставалось определенное пространство, да и кольцо блокады было с брешами. Пользуясь этим, «отсюда грузовые суда Битиаса, а иногда и какой-либо посторонний купец, наживы ради охотно идя на опасность, решались быстро туда проскочить; выждав сильного ветра с моря, они мчались на распушенных парусах, так что даже триеры не могли преследовать грузовые суда, которые неслись по ветру на парусах». Конечно, случались и прорывы из города, односторонний приток кораблей маловероятен. К тому же частные владельцы кораблей не могли просто так посылать суда в город — надо же было и получать прибыль, а ее требовалось вывозить. Базой снабжения, возможно, был город Неферис, однако с уверенностью этого утверждать нельзя.

Иными словами, блокада по объективным причинам не была абсолютной — а ведь римляне никогда ранее не имели такого доминирующего и безоговорочного превосходства на море, как сейчас. Впрочем, отдельные случаи прорыва кольца, конечно же, не могли решить всех проблем осажденного города, и положение его защитников медленно, но неуклонно ухудшалось.

Однако римлян такой ход событий не устраивал. Сципиону требовались решительные действия. Самым верным способом он счел изменение природно-географических условий в Карфагенской гавани. Римский командующий принял в определенном смысле беспрецедентное и масштабное решение — он приказал соорудить каменно-земляную дамбу, дублирующую корабельное кольцо блокады и полностью перекрывающую вход в карфагенский порт. Несмотря на то, что источники едва ли не вскользь упоминают о ней, это, несомненно, было одно из наиболее грандиозных решений за всю предшествующую историю римских войн. Осуществление этого «мегапроекта» было немыслимо без участия сил флота, которые осуществляли подвоз строительных материалов и, вероятно, служили

платформами для каких-либо инженерных приспособлений — например, копров. Однако опять остается непонятным, как смогли римляне, не рискувавшие подходить на кораблях под стены крепости, осуществить такой объем земляных работ фактически непосредственно у подножия этих стен? Осуществлялись ли работы только по ночам? Или для их прикрытия велся непрерывный обстрел стен?

Самое забавное, что карфагеняне в этот момент тоже не сидели сложа руки. Они умудрились прорыть из осажденного города в восточном направлении канал, по которому могли выходить корабли. И это инженерное сооружение, надо отдать им должное, было еще более масштабным, чем римское. Конечно же, римляне должны были обнаружить строительство этого канала, но коль скоро он копался изнутри линии обороны, да еще под прикрытием городской фортификации, до самого последнего момента, т. е. до обрушения перемычки и заполнения канала водой, помешать его строительству не было ни малейшей возможности — разве что путем взятия города.

Однако сам по себе канал был мало значим для осажденных. Важнее всего было то, что карфагеняне каким-то чудом, на последнем издыхании, смогли воссоздать свой военный флот. Это событие само по себе является достойным памятником карфагенским морякам и корабелям, сохранившим в веках их уходящую в небытие славу. Как ни был измотан осадой и осознанием неизбежного конца этот город — он смог построить какое-то (однозначно не менее 50, а по Страбону — вообще 120) число судов и с ними еще потягаться на морях с римлянами.

Корабельщики Карфагена в кратчайший срок — уже знакомые нам два месяца — построили и оснастили эскадру, способную выйти в море и дать бой. Разумеется, подробности этого строительства нам неизвестны. Знаем мы только то, что по данным одних авторов, для этого строительства был использован давно заготовленный и лежавший на складах корабельный лес. Другие же, например, Флор, упоминают о том, что для строительства кораблей горожане разобрали кровли своих домов. Трудно за что-либо поручиться, но, вероятнее всего, справедливо и то, и другое. Как говорится, дыма без огня не бывает, тем более, что римляне наверняка могли обнаружить следы использования стропил и балок как минимум в результате взятия города. Да и нехватка стройматериалов в городе после двух лет осады должна была ощущаться. Вместе с тем представить себе боевой флот, целиком построенный из уже далеко не новых деталей кровель, довольно сложно. Прежде всего, лес, используемый в кораблестроении, должен иметь определенную, и достаточно немалую, длину, что диктуется размерениями самих судов — их силовой набор, да и обшивку нельзя сделать из чего попало, тем более из сколоченных коротких брусьев. Лесоматериал, применяемый в строительстве зданий, имеет не только иной размер готовых деталей, но принципиально иное качество, не говоря уже о стремительном изменении этого качества с течением времени. Построить из него плот или лодку еще можно, а вот боевой корабль, даже «одноразовый» — вряд ли. Разумно предположить, что карфагеняне выгребли со складов весь корабельный лес, еще там оставшийся (стратегические запасы в городе вообще, похоже, были на высоте), и пустили его на изготовление важнейших элементов конструкции корпусов и рангоута. Менее важные в инженерном смысле детали внутреннего оборудования судов и часть обшивки, вполне вероятно, изготавливались именно из пресловутых стропил.

Типы кораблей были различны. Среди них, как говорит Аппиан, были квинкверемы, триремы, керкуры, миопары и значительное число меньших судов. Вероятно, крупных кораблей было все же построено относительно немного. Если кораблей было действительно более сотни, то, несмотря на размеры большинства из них, этот флот был все-таки сопоставим с римским.

Римляне к этому моменту то ли вообще утратили бдительность применительно к водному пространству, то ли были всецело поглощены завершением строительства дамбы и инженерным обеспечением осадных работ. Во всяком случае, та вопиющая небрежность, с которой осуществлялось несение патрульно-дозорной службы, не может быть оправдана ничем. Мало того, что римляне или не заметили, или не придали значения строительству канала, они фактически перестали осуществлять блокадные мероприятия на море во всем их комплексе. Не вполне понятно, было ли большинство кораблей римлян вытаснено на берег или они стояли на якоре. Второе вероятнее. Однако на этих судах не было ни гребцов, ни палубных команд, ни солдат — все сошли на берег, возможно, оставив на кораблях небольшую стражу, которая сама по себе не могла ни оборонять корабль, ни снять его с якоря для последующего маневра! То, что в этот момент весь римский флот не был в одночасье ликвидирован, всецело лежит на совести пассивных и осторожных карфагенских флотоводцев. Возможно, Карфаген не был бы спасен, и уж, во всяком случае, Рим от этого не проиграл бы войну, но затянуть ее и, скажем, создать в истории феномен Четвертой Пунической карфагеняне в тот день могли. Но этого не случилось.

Внезапно выйдя через канал в открытое море, карфагенский флот не предпринял вообще ничего! Никаких попыток атаковать корабли противника в течение двух суток (!) предпринято не было, и только на третий день карфагенские флотоводцы решили, наконец, использовать свой флот по его прямому назначению и дать бой.

Римляне были полностью готовы к битве и привели свои корабли и команды в надлежащий порядок. И было бы странно, если б это не было сделано — времени им карфагеняне дали предостаточно. Несомненное превосходство римлян в количестве кораблей, особенно в секторе тяжелых судов, имело место, однако, судя по всему, оно не было подавляющим. Можно предположить примерно полуторное численное преобладание римлян, но вряд ли более того. А малоразмерность карфагенских судов на начальном этапе боя даже способствовала их успеху и была не недостатком, а серьезным преимуществом.

Об этом сражении также немного сведений, однако известно, что противники выстроили свои корабли в линию. Таким образом, кульминационный акт морской войны между Римом и Карфагеном начался с применения классической и простейшей тактики морского боя. Изюминкой карфагенской тактики с самого начала боя стало как раз активное использование малотоннажного флота. Небольшие суда карфагенян, развивавшие достаточно большую скорость и тем сокращавшие до минимума время нахождения в зоне прицельного огня солдат на палубах римских кораблей, самоотверженно шли в атаку. Их экипажи подводили свои суденышки к самому борту крупных римских кораблей, где попасть в них копьем или стрелой оказывалось еще сложнее. Здесь, невзирая на опасность, карфагенские моряки из всех сил старались нанести максимальный урон кораблю противника. Некоторые старались перерубить как можно больше весел, другие

лодки заходили с кормы и перерубали рулевые весла, делая почти невозможным управление судном. Отдельные карфагенские челны, также заходя с кормы, пристраивались к кораблю в самом уязвимом (и безопасном для них самих) месте, и члены их команд пробивали обшивку римских кораблей на уровне ватерлинии. Разумеется, тараны для этого не были нужны. Если у карфагенян были орудия (топоры?) для перерубания толстых и прочных весел, то пробить относительно тонкую дощатую обшивку и подавно не составляло особого труда. Все это делалось исключительно силами малого флота — возможно, даже просто долбленых челноков, как можно истолковать употребляемый в источниках термин. Нанеся возможно больший урон, эти кораблики стремительно отступали.

Неясно, приняли ли участие в этой фазе боя крупные карфагенские корабли. Вероятно, они все же остались в стороне. Часть римских кораблей была обездвижена, часть потеряла управление, вероятно, некоторые либо затонули, либо в силу образовавшихся течей были выведены из боя и отошли на мелководье или были выброшены на берег. Но действительно тяжелых потерь в корабельном составе римляне не понесли. Судя по всему, это сражение именно в таком режиме продолжалось весь день, и к концу его карфагенские флотоводцы решили выйти из боя и продолжить его на следующий день. Их тактика себя оправдывала, но результат был слишком незначителен. По сигналу карфагенские корабли начали отход. Однако отход этот был совершен в полном беспорядке. Поскольку канал, прорытый из Карфагена, был совсем узким, и через него не могли проходить одновременно несколько судов, началась форменная неразбериха. Малые суда, более быстроходные и маневренные, ринулись вперед и сгрудились в устье канала, загромождая проход остальным кораблям. Образовавшаяся пробка просто не могла быть растащена быстро, поэтому стало ясно, что крупные корабли — квинкверемы и триремы — обречены принять бой в море. В качестве подспорья при обороне они использовали своего рода грузовой причал: вдоль берега и стен проходила насыпь, сооруженная для погрузки и разгрузки торговых судов. Используя эту насыпь как прикрытие своего тыла, карфагеняне выстроили корабли в плотную линию, борт к борту, развернув их носами к атакующим кораблям римлян. Кроме того, на поддержку своих моряков из города вышли войска с метательным оружием, по возможности использовались и орудия с городских стен.

В определенном смысле повторилась ситуация битвы в гавани Утики в конце Второй Пунической войны, но с зеркальной точностью. Теперь уже римляне штурмовали подобие плавучей крепости. Единственным выходом в этой ситуации могло быть решение всеми способами попытаться атаковать один из флангов карфагенской шеренги кораблей — как это было сделано Олавом Трюггвасоном в «Битве трех королей» при Свёльде. В этом случае строй судов был бы захвачен последовательно, корабль за кораблем. Но римляне предпочли лобовую атаку. И здесь они оказались в весьма невыгодном положении. Атаковать строй было легко, выходить из боя — крайне затруднительно. Видимо, римляне не наваливались всей массой, а атаковали как каждому кораблю заблагорассудится. Не имея возможности нормально отойти задним ходом в силу конструкции своих кораблей, они вынуждены были медленно и неуклюже разворачиваться «на пятачке». Квинкверемы — не боевые танки, и такой маневр для них — дело исключительной тяжести. На него уходило слишком много времени, и корабли в этот момент

оказывались под шквальным огнем с неприятельских кораблей. К тому же карфагенские корабли не были связаны, и некоторые из них, давая ход, пронзали таранами обшивку римских судов, топя их. По сообщениям Аппиана, римляне потеряли в этой фазе боя примерно столько же судов, сколько потопили сами.

Обращает на себя внимание факт полного отсутствия на римских судах «воронов». Они не упоминаются прямо, нет и косвенных намеков, позволяющих отследить результаты их применения. Похоже, римляне к концу войны окончательно расслабились. Варианты боя с применением абордажной тактики были отставлены как малореальные в условиях полного преобладания на море. Кажется, корабли абордажными мостиками вообще не оборудовали. Главное техническое достижение римлян в войне на море в финальном акте драмы, разыгравшейся между Римом и Карфагеном, вообще не применялось. Любопытно, что, имея двое суток на подготовку к морскому сражению, римляне в своем лагере даже не сделали попыток соорудить эти приспособления, хотя это было делом нескольких часов. Как бы то ни было, судам пришлось вести обстрел противника и применять замшелую, пусть и надежную, таранную тактику.

Самый оригинальный способ борьбы с карфагенскими «тяжеловесами» изобрели союзники римлян — сидеты, чьи корабли входили в состав римского флота под Карфагеном. В конечном итоге, битва была выиграна именно благодаря им, вернее — благодаря примененной ими хитрости. Особенное уважение вызывает то, что эта хитрость явно была блестящим экспромтом — насколько можно судить, никто и никогда подобную тактику ранее (как и позднее, впрочем) не применял. Измышлена она была в разгар боя и, видимо, была одним из классических примеров той «солдатской сметки», которой всегда очень гордились в своих подчиненных русские, а затем и советские отцы-командиры, старавшиеся оной заменить нехватку оружия и прочих необходимых вещей.

Корабли сидетов один за другим стали применять следующее. На достаточно большом удалении от строя карфагенских кораблей одно за другим их суда бросали кормовые якоря. Когда те достаточно прочно закреплялись в донном грунте, команда налегала на весла и судно, разогнавшись, наносило мощный таранный удар противнику. После этого незамедлительно якорный канат начинали выбирать, подтягивая судно строго кормой к якорю и, соответственно, все время оставаясь носом к противнику — чем максимально сокращали поражаемую площадь и время нахождения в зоне поражения метательного оружия противника. Вероятно, суда были не слишком легкими, поэтому канат выбирали, либо применяя мускульную силу нескольких десятков человек, либо употребляли для этой цели кабестаны. Протараненное судно противника тем временем, потеряв точку опоры в виде вонзенного тарана, стремительно заливалось водой и отправлялось на дно морское, после чего атакующие могли выбирать себе новую жертву. Посмотрев на такую чрезвычайную тактику, остальные суда флотилии — кто с большим, кто с меньшим успехом — стали подражать ему. Наверняка многие сделали это неумело и успеха не добились, но в результате все равно римляне одержали победу. Метод этот, сколь непривычный, столь же и эффективный, был блестящей находкой. Ясно, что применен он мог быть только в зоне прибрежного мелководья, иначе протяженность каната была бы слишком большой, что маловероятно. Однако сама по себе принципиальная простота и доступность этого решения привели к общему успеху. Стоит отметить, что такими ухищрениями

римляне расплатились не только за отсутствие на их кораблях «воронов», но и за принципиальный конструктивный минус своих судов — несимметричность их оконечностей. Будь на месте римлян скандинавы эпохи викингов, проблема отступления кормой вперед просто не возникла бы.

Как бы то ни было, победа осталась за римлянами. Перетопили они явно не все суда противника, а, вероятно, лишь большинство тяжелых кораблей. Потери самих римлян в этом бою также неизвестны. Помимо тактических новшеств — весьма активного и относительно нетривиального использования маломерного флота и подтягивания кораблей к якорям — это сражение при Карфагене вошло во всемирную морскую историю как последний морской бой Третьей Пунической войны и Пунических войн в целом. Насколько известно, после этого боя и вплоть до падения Карфагена никаких сражений на море не происходило. Карфагеняне, напрягши последние силы и соорудив из всего, что только можно было найти, боевой флот, лишились его главной ударной силы — тяжелых кораблей. Маломерная флотилия в море больше не вышла — глупо было бы надеяться заставить римлян врасплох еще раз и напасть на них с небольшими челноками. Римский флот продолжал обеспечивать блокаду крепости с моря и осуществлять масштабные перевозки, но уже практически никого и ничего не опасаясь. Карфаген-город еще держался, но с Карфагеном как морской державой, властелином и бичом Средиземноморья, было покончено. Теперь уже навсегда. А в следующем году пришел черед и самого города.

Не следует думать, что взоры римлян в эти годы были обращены исключительно на восток. Со 154 г. до н.э. римляне вели тяжелую и неоднозначную войну на Иберийском полуострове. Утвердившись в Испании после Второй Пунической войны, римляне постепенно расширяли сферу своего влияния. Трения с племенами Иберии, вызванные весьма нечистоплотной политикой наместников и притеснениями со стороны войск, вскоре стали неизбежны. «Запалом» стали лузитаны, жившие на западе полуострова, однако поражения римлян всколыхнули и большинство ранее лояльных племен. Затяжная и жестокая с обеих сторон война шла с переменным успехом полтора десятилетия. В конечном итоге, склонив на свою сторону часть племенной знати и устранив с ее помощью вождя и идейного вдохновителя освободительной антиримской борьбы, римлянам удалось в 139 г. до н.э. полностью покорить Лузитанию. Таким образом, к концу 130-х годов до н.э. римские легионеры победным маршем вышли на берега Атлантического океана.

Это не было завоеванием всего мира — всего лишь достижением его пределов. Ведь Средиземное море на протяжении веков и даже тысячелетий продолжало оставаться зоной актуальности для целого ряда цивилизаций. Именно вокруг его берегов вращались основные события древней и античной истории. Никто и никогда прежде не становился господином на таком обширном пространстве в Средиземноморье. Конечно его еще предстояло освоить. Но римляне наметили и попари своей ногой крайние точки этого пространства и, казалось, более не имели достойных противников в этой акватории. Правда, это действительно только казалось.

Уместно отметить, что римляне в период 160-130-х годов до н.э. весьма ограниченно применяли свой флот. Точных сведений ни о его численности, ни о дина-

мике развития мы, естественно, не имеем. Ряд демаршей вблизи берегов Эллады, отправка посольств, разовые поручения, патрульная служба и, конечно, переброска войск на Балканы, в Азию и в Иберию — вот основные задачи римского флота в этот период. Состав флота сократился по сравнению с периодом Пунических войн, ибо численность противников в Средиземноморье серьезно уменьшалась. Однако традиции военного флота уже были несокрушимы. Римляне обзавелись главным — опытом, который уже передавался от поколения к поколению моряков вне зависимости от позиции самого государства. Римляне окончательно стали морским народом. Два процесса — самообучения и обзаведения морскими базами — шли параллельно. В результате Средиземное море во второй половине II в. до н. э. стало понемногу превращаться в то, что нам известно из истории последующих веков, — *mare nostrum*, «наше море».

ГЛАВА V «ЗАЧИСТКА» НА ВОСТОКЕ. МИТРИДАТ, ПОМПЕЙ И ПИРАТЫ

Manu militari
(Воинской рукой)

Роль флота в конце II в. до н. э. — Базирование флотов Республики — Реорганизация армии Гаем Марием и значение этих преобразований — Начало эры либурн — Марсийская (Союзническая) война и ее влияние на флот — Митридатова опасность — Судостроительные программы понтийского царя — Захват островов и натиск на Родос — Сражение у Родоса — Победа у Родосской гавани — Перехват митридатовых транспортных портов — Комбинированный штурм крепости Родоса и его провал — Переход Ахайи, Лаконии и Беотии на сторону Митридата — Разгром римским, отрядом Бреттия флота Метрофана — Прибытие Суллы и наземные операции — Господство понтийцев на море — Неудачная переправа римских войск на Балканы — Первый мир с Митридатом — Строительство Митридатом флота против Боспора и Вторая Митридатова война — Последнее столкновение с Митридатом — Халкедонский позор римлян — Осада Кизика — Аprobация римлянами тактики малых эскадр — Попытка прорыва Митридата в Черное море и бегство в Армению — Захват римлянами понтийских портов — Митридат становится черноморским царем — Разгром Митридата и его гибель — Анализ боевого применения флота в Митридатовых войнах — Причины расцвета киликийского пиратства — Бесчинства пиратов в Средиземноморье и паралич римской торговли — Операции проконсула Мурены, Сервилия Исаврийского, Марка Антония — Их неудачи — Гнею Помпею даются экстраординарные полномочия — Раздел сил флота — Эскадры в действии — Политика Помпея по отношению к пиратам — Десант в Киликии и разгром пиратов — Роль пиратов в создании Римской Империи — Предпосылки Гражданских войн.

Римляне после завершения войн с Карфагеном и «броска» в Азию несколько сократили свою внешнюю активность. Двумя главными причинами этого были проблемы как экономического, так и военного свойства. Экономические заключались в том, что в состав Римского государства к концу II в. до н. э. влились громадные территории, которые требовалось если не осваивать, то, по крайней мере, переустраивать на римский манер. Римлянам необходима была передышка для того, чтобы «переварить» эти приобретения. Что касается военного кризиса, то он заключался в исчерпании потенциала старой республиканской армии. Все славные победы римского оружия не могли скрыть все чаще и чаще обнаруживавшихся проблем. Легионы, формировавшиеся по милиционному принципу и продолжавшие оставаться народным ополчением, хорошо действовали в Италии и на Сицилии. Однако их солдаты продолжали оставаться гражданскими по духу людьми, накрепко привязанными к своему хозяйству, семье — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Длительные и удаленные войны приводили к снижению боеспособности армии, командиры которой зачастую тоже не страдали от избытка профессионализма. Принудительная ротация кадров, так часто мешавшая римлянам в ходе Пунических войн, была также явным анахронизмом. В результате ряд тяжелых кампаний, в которых римская военная машина стала пробуксовывать, вынудил приступить к реформированию армии.

Все, что относилось к легионерам, в полной мере экстраполировалось и на формировавшиеся именно из них отряды морской пехоты. К счастью, римлянам уже не противостоял такой враг, как Карфаген, поэтому массовые наборы в морскую пехоту давно не проводились. Роль флота и его место в структуре военной мощи государства изменились. Постоянным было внимание римлян к транспорт-

ным кораблям. Рим, став хозяином на громадных территориях, вынужден был вмешиваться в политические и военные конфликты, разгоравшиеся порой в весьма удаленных землях. Зачастую добраться туда можно было только по морю; поскольку доставлять к месту новой войны приходилось большие массы солдат, исключительное значение приобретал транспортный флот. Фактически даже не участвуя в морских баталиях, флот постоянно в той или иной степени вовлекался в сухопутные кампании, играя в них заметную, если не определяющую, роль. Достаточно регулярные перевозки войск, которые приходилось переправлять в Африку, Азию и Испанию, требовали наличия определенного числа грузовых кораблей. Численность их практически никогда не опускалась ниже 50 единиц, в период усиления военной активности существенно повышаясь — до 100-200 единиц. Несомненно, транспортный флот такой численности было бессмысленно содержать постоянно. По мере износа материальной части корабли отправлялись на слом, замещаясь новыми. Следует отметить, что основная масса транспортных судов, будучи вполне универсальной, использовалась для перевозки грузов в интересах внешней торговли Республики. В то же время частные суда широко привлекались римским руководством в период необходимости массовых перевозок войск. Сама грань между военно-транспортным флотом и флотом просто транспортным была весьма условна. Типы кораблей были в основном идентичны. На общем фоне несколько выделялись, пожалуй, только «коневозы», которые были оптимизированы именно для перевозки лошадей и в силу этой специализации вряд ли могли быть использованы вполне универсально. Эти корабли были значительно усовершенствованы римлянами после близкого знакомства с эллинистической техникой подобного класса. Однако существенно, что и они были задействованы в повседневных перевозках.

Чрезвычайно важно и то, что транспортные корабли были преимущественно парусными, т.е. требовали принципиально меньшего количества команды. Если боевое судно без двух-трех сотен гребцов было просто бесполезно в морском бою, то транспортник, даже располагая 20-30 матросами, вполне адекватно выполнял все свои назначения. В силу этого количество кадровых моряков для транспортного флота было достаточно ограниченным — для укомплектования таких экипажей уже не требовалось не только помощи греков Юга Италии, но и итальянских союзников. В самом Риме постепенно формировалось численно ограниченное, но исключительно важное сословие моряков-профессионалов, а также морской элиты — шкиперов и специалистов в области навигации. Эта прослойка была принципиально важна, ибо создавала базу для экстренного, «аварийного», наращивания — в случае острой потребности — морских сил государства. Несомненно, пик кризиса был пройден. Ситуация, когда Рим в течение десятилетий был «зажат в угол», когда ему приходилось буквально выкручиваться, противостоя Карфагену на море, вне всяких сомнений, стала достоянием истории. Теоретически во второй половине II в. до н. э. можно было предположить относительно внезапное создание некой антиримской коалиции из остатков эллинистических государств с перспективой постройки ею более или менее значительного и вполне боеспособного флота. Однако в этом случае, опираясь на сформированные кадры, римлянам ничего не стоило за пару месяцев создать боевой флот, превосходящий любого противника как по численности, так и по боевому потенциалу. Апробированные методы тренажерной подготовки гребцов на берегу, устойчивая экономика и на-

личие огромных ресурсов гарантировали Рим от возможных неожиданностей на море.

Впрочем, как показала история, коалиции либо не возникали, либо были смешотворны по своему качеству; каждый же противник римлян поодиночке был достаточно слаб, в том числе и на море, чтобы его не опасаться всерьез.

Главной базой римского флота продолжала оставаться Остия. Однако результатом утверждения в Средиземноморье стало значительное увеличение числа морских баз, в случае необходимости становившихся военно-морскими. Исключительное значение имели в Центральном и Западном Средиземноморье гавани обоих Карфагенов — Старого и Нового, а также Лилибея и Сиракуз. Что касается Востока, то здесь первостепенное значение имели Александрия, бывшая ключом к Египту, а также гавани Диррахия (в меньшей, но сопоставимой степени — Аполлонии Иллирийской) и Византия, в совокупности являвшиеся ключом, в свою очередь, ко всей Азии. Огромную роль играли старые греческие порты Эгейского и Ионического бассейнов. Пожалуй, наименее контролируемой римлянами частью Средиземноморья было южное побережье Малой Азии, но до поры до времени это не имело особого значения.

Имелись и небольшие отряды военных кораблей, однако их численность после Восточных войн резко сократилась. В общей сложности в Италии численность боевых кораблей, боеспособность которых поддерживалась постоянно, никогда в этот период не превышала 40-50 выпелов, чаще же всего она была еще ниже. Они выполняли по преимуществу политические, а не военные функции. Являясь средством доставки к месту службы командиров высшего звена, послов и сопровождающих их лиц, эти корабли, поддерживавшиеся в образцовом состоянии, служили в основном для демонстрации силы и возможностей римского государства, зримо подтверждая потенциальную энергию, которая стояла за представителями Республики. Спорадически эти корабли принимали участие в эскортировании конвоев с войсками и продовольствием, направлявшихся к месту боевых действий, однако это также имело преимущественно демонстративное, а не жизненно важное значение. Маршрутами, на которых преимущественно появлялись эти корабли — как и маршрутами наиболее оживленного курсирования транспортных судов — были прежде всего линии Остия—Липара—Лилибей—Карфаген, Остия—Ильва—Массилия—Тарракон—Новый Карфаген, а также, пожалуй, самая важная для римлян в этот период линия Брундизий—Диррахий. В результате единственным местом базирования более или менее постоянных сил флота в Италии был Брундизий, где на регулярной основе базировались десятки кораблей, поддерживавших надежное и быстрое сообщение с Иллирией и Востоком.

Классическим примером массового использования флота для переброски войск в этот период стала Югуртинская война (111-105 гг. до н.э.). В ее ходе римские транспортные корабли осуществляли весьма интенсивное сообщение Италии с Африкой, перевозя войска, коней, припасы, оружие, посольства (в том числе и самого Югурту, который надолго ездил в Рим и жил там). В силу отсутствия у этого противника даже намека на желание воевать на море необходимости в чем-либо большем так и не возникло. Это столкновение было моделью войны Рима с относительно отсталыми народами, еще в массовом порядке попадавшими на пространствах Средиземноморья.

Преобразования Гая Мария, вытекавшие из опыта всех предшествующих войн, но прежде всего Югуртинской войны, вели к глубокой профессионализации армии. Легионы становились тем необоримым инструментом, который создаст через сотню лет Римскую Империю. Они уже были способны вести длительные войны на громадном удалении от родины без потери боеспособности. Соответственно, возрастало качество тех сил, которые потенциально могли быть размещены на кораблях.

Однако гораздо большее значение имело то, что Марий насытил римскую сухопутную армию метательной артиллерией. Это обстоятельство стало базисом распространения метательных машин во флоте. В результате боевые корабли римлян, наконец, окончательно обзавелись к началу I в. до н. э. достаточным арсеналом метательных машин, чтобы стать без всяких оговорок универсальными боевыми платформами. Попытки установки на кораблях метательных приспособлений имели место и ранее, однако практически всегда это были приспособления, предназначавшиеся для штурма городских укреплений. Теперь же их, базируясь на опыте, уже распространявшемся в эллинистическом мире, активно начинают использовать против кораблей противника. Римские суда, таким образом, обзаводятся всеми тремя поражающими факторами — тараном, abordажным мостиком и артиллерией. Дальнейшее совершенствование могло уже быть только качественным.

Важнейшее новшество этого периода — быстрое распространение либурн. В ходе массовых войн основным ударным средством римлян, как и их противников, были квинкверемы — достаточно тяжелые и мощные суда, универсальные в плане как таранного, так и abordажного боя, которые к тому же, могли перевозить немалые воинские контингенты. Однако с уходом от такой универсалистской тактики римляне обратились к типу кораблей, с которым близко познакомились уже в ходе Второй Пунической войны и антимакедонских экспедиций. Это были те самые корабли, сделанные по образцу легких судов иллирийского племени либурнов, которые заинтересовали римлян еще в III столетии до н. э. Теперь настало время для их использования. В результате значительную массу римского флота составляли к началу I в. до н. э. именно либурны, которые, хотя и не могли поднимать большого количества воинов и груза, благодаря своей быстроходности и великолепным мореходным качествам являлись своего рода оптимально сбалансированным боевым средством на море.

В такой обстановке начался I в. до н. э. В самом его начале Рим оказался в очень сложной ситуации. В 91-88 гг. бушевала так называемая марсийская, или союзническая война. Вызванная противоречиями между римлянами и их италийскими союзниками, она оставила после себя страшное разорение. Опустевшая казна и серьезно сократившаяся армия были далеко не единственными ее последствиями. Естественно, в упадок пришел и флот, или то, что от него оставалось. Однако внутренние италийские политические трансформации были еще серьезнее. Дарование прав римского гражданства большинству италийцев серьезно нивелировало разницу между жителями Рима и союзниками, став первым шагом по слиянию их в единый народ. Соответственно, нивелировались и многие обычаи, в том числе — традиции кораблестроения. Они становились универсальными для всего государства.

Однако римлянам так и не суждено было передохнуть после этой краткой, но изматывающей и кровавой войны. Практически одновременно их постигли два новых испытания: уже в ходе союзнической войны, в 89 г. до н.э., разгорелась первая война с царем Понтийского царства Митридатом VI Евпатором, а сразу после окончания войны с союзниками, в 88 г. до н.э. римляне погрузились в пучину гражданской войны.

Митридат родился в 132 году до н.э. Он вел свою родословную по отцу от Ахеменидов, а по матери — от Селевкидов. Это был чрезвычайно энергичный и способный человек, обладавший к тому же громадной физической силой. Дожив до семидесяти лет, Митридат до самого конца жизни мог ездить верхом, метать копья и проезжал в день до тысячи стадий, а также правил колесницей, запряженной шестнадцатью лошадьми. Он, как говорили, знал двадцать два языка, был любителем эллинистической культуры, считался покровителем наук и искусств, и написал ряд сочинений по естественной истории. Однако царь был весьма суеверен, коварен и жесток. Его персидская составляющая постоянно давала о себе знать. Митридат не смог сразу наследовать законно принадлежавший ему отцовский престол: из-за козней матери и опекунов ему пришлось скрываться, опасаясь за собственную жизнь, что, естественно, закалило его характер.

В 113 году до н.э. Митридат со своими сторонниками возвращается в Понт и приходит к власти путем жесточайшей расправы с противниками из числа понтийской знати. При его дворе тайные убийства в будущем станут традицией. Свое царствование Митридат VI Евпатор начал с создания сильной понтийской армии. Вскоре он подчинил себе соседнюю Колхиду, Малую Армению, Херсонес Таврический (которому была, таким образом, обеспечена защита от Скифского царства) и некоторые скифские оседлые племена в Таврике. С целым рядом степных племен — скифов, бастарнов, фракийцев — были заключены договоры о дружбе. По завещанию последнего бездетного царя Боспора Киммерийского из Династии Спартокидов Боспорское царство также стало частью Понтийского государства. Будучи дальновидным дипломатом, Митридат выдал одну из своих многочисленных дочерей за армянского царя Тиграна и, естественно, мог надеяться в случае надобности на войска своего зятя.

Греческие государства и Боспорское царство обеспечивали Митридату денежные средства, хлеб, рыбу и разнообразное продовольствие для его армии, а народы степи, проживавшие к северу и востоку от его владений, регулярно поставляли наемников в царскую армию. Митридат мечтал о создании мощного государства — преемника эллинистических династий, но главным препятствием на его пути стала экспансия Рима.

Одним из любимых детищ Митридата был военный флот, полностью построенный местными малоазийскими кораблями. Его численность обычно превышала то, что выставляли в войне друг с другом Рим и Карфаген. Создание такого флота оказалось возможным потому, что среди его подданных было огромное количество моряков торговых судов и рыбаков, поскольку соленая и вяленая рыба была одной из главных статей экспорта страны. Устойчивые традиции кораблестроения и кораблевождения обеспечили Митридату VI Евпатору надежные позиции в мире I в. до н.э. и сделали его грозным противником римлян.

К 90-м годам до н.э. Понт превратился в самую влиятельную силу региона. Митридату принадлежало все юго-восточное побережье Черного моря. В опреде-

ленном смысле Черное море постепенно превращалось во внутреннее море этого государства — ему были подконтрольны многие территории на его северном берегу. Однако Митридат вовсе не собирался останавливаться на достигнутом. В середине 90-х годов он приступил к завоеваниям в Малой Азии — на запад от реки Галис. Царь постепенно аннексировал Пафлагонию, Галатию, Каппадокию, а затем и Вифинию. Последнее приобретение было принципиально важно — Вифиния, крайняя северо-западная территория Малой Азии, являлась флангом Геллеспонта, пролива между Европой и Азией. Обзаведясь ею, Митридат получил контроль как за морским путем из Средиземного моря в Черное, так и за переправой в Азию.

Столь откровенного и опасного вторжения в сферу своих интересов римляне потерпеть, естественно, не могли. Путь посуху в Азию, их собственную провинцию, оказывался под угрозой. Именно это обстоятельство вынудило Рим к решительным действиям. Митридат прекрасно понимал всю опасность открытой ссоры с римлянами, поэтому он вел себя весьма осторожно. Когда в 92 г. до н. э. римляне потребовали очистить две провинции — Вифинию и Каппадокию, он подчинился. Но в годы союзнической войны понтийский царь воспрял духом и решил использовать ситуацию на собственное благо. Он вторгся в провинции и утвердил на их престолах зависимых от Понта царей. В конечном итоге в 89 г. до н. э. война с Римом все же началась. Митридат вторгся в провинцию Азия; учитывая, что сам Рим находился в тяжелейшем положении, ему сопутствовал успех.

Военно-морские приготовления царя имели достаточно серьезный размах. К моменту начала войны он располагал тремя сотнями палубных боевых кораблей. Кроме того, были развернуты и новые кораблестроительные программы, сопоставимые по масштабам: не менее сотни новых кораблей должно было вступить в строй в ближайшее время. Более того, царь активно заботился о кадрах своего флота. Понимая, что его рост и возможные потери потребуют в ближайшем будущем восполнения, он разослал свою агентуру в знаменитые на все Средиземноморье центры кораблестроения и кораблевождения. Главными пунктами поиска и вербовки новых специалистов стали Финикия и Египет. Там в первую очередь посланные Митридатом люди агитировали вступать в ряды его флота кормчих и штурманов, завлекая их выгодными условиями оплаты и разного рода благами.

В Восточном Средиземноморье складывалась весьма неблагоприятная для римлян ситуация. Нарушалась связь на коммуникациях, затруднялась переброска войск в восточные провинции, создавались серьезнейшие препятствия не только дальней торговле (после избиения римлян само ее продолжение было поставлено под угрозу), но и самому присутствию римлян в Азии. В сущности, римляне впервые после Карфагенских войн столкнулись с подобной угрозой. Ни одна из эллинистических монархий, разгромленных ими в прошлом столетии, не достигала таких масштабных успехов на море. Их приготовления были скромнее, активность, как правило, ниже, численность сил флота также не достигала подобных размеров. Фактически флот Митридата достиг того классического оптимума, который выработала эпоха Пунических войн — не менее 300 кораблей. Римляне действительно впервые за последние 60–70 лет имели дело с агрессивным, мощным и жестоким противником, достаточно хорошо разбиравшимся в

специфике войны с Римом. На его стороне было чрезвычайно важное стратегическое преимущество: владея общей инициативой, Митридат к тому же «играл на своей территории». Отторгнутые у римлян земли были непосредственными пограничными областями понтийского монарха. В то же время для римлян это была дальняя «колониальная» — в прямом смысле слова заморская — война. Так что им было по определению намного тяжелее. Нужно было организовать взаимодействие с силами союзников в наиболее близких к Западу областях Малой Азии — Вифинии, Пафлагонии, Каппадокии, поскольку именно на их войска можно было опереться. Без этого взаимодействия римляне просто не потянули бы самостоятельную наземную операцию.

Именно теперь впервые проявилось все громадное значение контроля над Византием и существования Эгнациевой дороги. Рим владел ключом к Азии. Непосредственное накопление сил могло производиться именно здесь. Оставляя в стороне сухопутные приготовления, отметим, что важнейшее значение для римлян имел флот, базировавшийся именно на Византий. Им командовали консулы Минуций Руф и Гай Попилий. Численность флота была не слишком велика — в нем насчитывалось около 150 кораблей различных классов, в том числе и легких. Только около трети из этого числа могли принимать на борт существенные отряды морской пехоты либо орудия. Однако грамотное и разумное использование этих сил могло привести к отличным результатам. Собственно, главной и единственной целью этой эскадры в тот момент мыслился контроль за понтийскими проливами. Необходимо было отрезать митридатову флоту всякую возможность перемещения из Понта в Средиземное море и обратно. Это было ей вполне по силам, учитывая ограниченность акватории, неплохую подготовку экипажей кадрового состава эскадры, а также и то обстоятельство, что новые суда достраивались и постепенно спускались на воду в Византии. Возможность выхода Митридата к Проливу и необходимость срыва его переправы в Европу всерьез, несомненно, даже не рассматривалась.

Противостоящие силы на море были достаточно солидны. Помимо имевшихся трехсот судов среднего и тяжелого классов были построены и спущены на воду более сотни легких бирем. Корабли были полностью укомплектованы командой и навигаторами, а также вооружены, где это возможно, метательными орудиями. Так что для открытого морского столкновения царь был подготовлен вполне адекватно.

Однако в 89 г. до н. э. дело до него так и не дошло. Отнюдь, впрочем, не по вине понтийских моряков, да и не вполне по вине римских корабельщиков. Дело в том, что сухопутные армии Рима и его союзников самым позорным образом, имея численное превосходство, сдали несколько битв митридатовым полководцам. В результате полководцы римлян и союзников разбежались с остатками своих войск кто куда — в Пергам, на Родос и даже дальше. Не лучшая участь постигла и флот, оказавшийся заложником новой политической ситуации и трусости своих командиров. Командующие эскадры сдали корабли Митридату и ушли, бросив Пролив и контроль над проходом в Понт на произвол судьбы, т.е. также отдав его противнику. Эта достаточно быстрая и успешная кампания окончательно утвердила Митридата в его намерениях и продемонстрировала, что именно он является хозяином морей на Востоке. Азия восстала против римлян, а те города, которые попытались сохранить верность, были взяты штурмом. В довершение

всего Митридат приказал перебить около 80000 римских граждан и италиков, живших в Азии.

В создавшихся условиях римлянам требовались решительные действия. Восходит звезда консула Корнелия Суллы — этому будущему блестящему полководцу и одному из отцов императорского строя Рима достается по жребию провинция Азия и, соответственно, война с Митридатом.

Митридат же тем временем активизирует действия против римских союзников не только на континенте, но и на островах. Он строит дополнительно не менее двухсот кораблей с тем, чтобы абсолютно доминировать на море в этом регионе. Главной целью становится Родос. Кос, также бывший важнейшей островной базой региона, покорился без боя. Митридат предпринял на него демонстративную поездку, в ходе которой жители Коса отнеслись к нему с полной лояльностью и стали союзниками понтийского царя. Была и иная цель этого визита. На Косе был захвачен в почетный плен юный царь Египта Александр, находившийся там со значительной частью египетской казны, отправленной на остров его бабкой Клеопатрой. Эти громадные богатства были вполне адресно использованы понтийским царем на благо его флота и армии. Так что над Родосом вновь, в который уж раз из-за сочувствия римлянам нависла серьезнейшая угроза.

Ряд других островов также выразил свою приверженность понтийскому монарху. В частности, из значительных в ряду таковых оказался остров Хиос, войска и главным образом флот которого примут деятельное участие в грядущих столкновениях на море.

Родосцы хорошо помнили уроки прошлых войн. Они неустанно достраивали и улучшали свои оборонительные стены и подходы к гаваням. Огромное распространение получила береговая артиллерия. Не считаясь с затратами, жители Родоса ставили повсюду, где это только было возможно, метательные машины, добиваясь того, чтобы буквально каждый квадратный метр акватории на угрожаемых направлениях простреливался огнем как минимум одного, а лучше нескольких, орудий. Вероятно, именно здесь и сейчас концентрация береговых орудий достигла наивысшего за всю эпоху античности показателя. Родосские инженеры превзошли самих себя, стремясь обезопасить родной город и родной остров. Орудия были нескольких классов. Наиболее дальнобойные из них, призванные встречать противника на дальних подступах и имевшие дальность стрельбы до нескольких сотен метров, естественно, не отличались высокой точностью. Главным их оружием были россыпи тяжелых камней, имевших большое рассеивание на предельной дальности и наносивших преимущественный ущерб живой силе противника на палубах кораблей. Кроме того, в качестве снарядов для этих установок применялись и зажигательные приспособления, которые при массовом и грамотном применении оставляли подходившим кораблям немного шансов достигнуть береговой черты. Однако основную роль играли более многочисленные установки ближнего боя. Их поражающий арсенал был весьма велик — в него входили и каменные, и свинцовые ядра, и стрелы с дротиками, и зажигательные снаряды. Неизвестно, к сожалению, были ли применены при создании оборонительной системы Родоса изобретенные некогда Архимедом приспособления. Однако вполне возможно, что они также были включены в состав механической части обороны острова. По крайней мере, применение машин, зацеплявших и поднимавших корабельные носы со стен, исключить нельзя. Они были уже хоро-

шо знакомы по крайней мере римлянам и слава об их применении гремела далеко за пределами Сиракуз, по всему Средиземному морю.

Кроме того, на Родос бежали почти все римляне и италийцы, спасшиеся из азиатских провинций. К ним же примкнула масса недовольных политикой Митридата и ориентировавшихся на римлян. Так что совокупный людской и военный потенциал римско-родосского войска и флота был все же достаточно значителен, хотя и не достигал размеров Митридатовых сил. Для атаки Родоса царь выделил более трех сотен своих кораблей, значительная часть из которых была транспортными и перевозила войска и припасы. В то же время родосцы располагали не более чем полутора сотнями боевых кораблей. Так что их силы позволяли только обороняться, а оборона, как мы видим, была достаточно сильна.

Вскоре, закончив приготовления, понтийский царь отправился со своим флотом и войском на штурм непокорного острова. Родосцы и римляне, имевшие отлично налаженную разведку и агентуру, немедленно узнали об отплытии царского флота. В качестве превентивной меры они, как и собирались, тотчас разрушили все предместья своей столицы, дабы от них противнику не было никакой пользы, а население в полном составе с имуществом, припасами и скотом вывели в город, под защиту стен и артиллерии.

Однако ни римляне, ни родосцы просто так не собирались сидеть и ждать прихода противника. Достоинно восхищения, что, явно уступая Митридату — как в численности кораблей, так и количестве людей, — союзники решили дать морское сражение еще на подступах к Родосу, чтобы по возможности помешать самой высадке и постараться сорвать всю экспедицию понтийского царя. Флот вышел в море. Здесь, у северо-восточных берегов Родоса, и развернулось первое морское сражение этой войны. Союзный флот, по замыслу своих командиров, должен был осуществить классический охват противника. Центр линейного строя развернулся для лобовой атаки, в то время как фланги, максимально растянувшись в стороны, стремились обойти строй митридатовых кораблей и нанести боковой удар — если и не замкнув кольцо, то хотя бы расстроив боевые порядки. Собственно, главной целью были, естественно, транспортные корабли. Их уничтожение сорвало бы высадку десанта, однако маневр удался лишь отчасти. Сражение, традиционно протекавшее вблизи берега, оказалось более затяжным и менее удачным, чем рассчитывали союзные командующие. Быть может, окружение и можно было завершить успешно, однако исход его решила большая численность и несколько более высокая скорость боевых судов понтийцев. Митридат и его корабельщики вовремя заметили начало маневра противника и приняли меры. Правое крыло царского флота, шедшее со стороны открытого моря, немедленно начало развертывание, стремясь также совершить маневр на окружение врага. Количество кораблей и их быстроходность позволили сделать это качественнее — линия понтийцев оказалась длиннее и, в конечном счете, смогла обойти своей оконечностью левый фланг союзников. Митридат, плывший на своей флагманской пентере, непосредственно руководил боем. Через некоторое время стало ясно, что Митридатов флот начинает постепенно теснить противника к берегу, стремясь замкнуть кольцо окружения и прижать союзный флот к скалистой отмели. Судя по всему, в этом сражении основным средством поражения являлись тараны, однако до массового применения их дело так и не дошло. По сути, битва свелась к обширному маневрированию в акватории. Родосцы, ясно видя, чем

может закончиться этот маневр, начали понемногу отступать, стремясь избежать как окружения, так и потери своих относительно немногочисленных судов. Затем отступление стало всеобщим, превратившись в организованное бегство в собственную гавань. Это было вполне оправдано, поскольку главная задача боя выполнена не была — Митридатовы транспортники остались на плаву, и даже угрожать им серьезно не получилось. В такой ситуации любая битва привела бы лишь к потере собственного флота с весьма печальными последствиями для обороны острова.

Поэтому родосцы отступили в гавань, заперли ее заградительными цепями и приготовились к отражению атак понтийцев. Началась осада города. Митридат расположился рядом со стенами и предпринял ряд атак — как с суши, так и с моря. И те, и другие оказались неудачными. Стены были неприступны, а крепостная артиллерия отбивала все попытки прорывав в гавань или подхода к стенам со стороны моря. Тогда царь послал на материк за подкреплениями. Его транспортники должны были привезти новые сухопутные войска. Однако атаки стен не прекращались. Родосцы, постоянно одерживавшие в них победы, уверились в своих силах. Их наварх Дамагор постоянно размышлял, каким образом наиболее эффективно использовать вверенные ему корабли. Располагая численно не очень большим, но прекрасно подготовленным флотом, он постоянно держали его в полной готовности, рассчитывая в случае подвернувшейся возможности перейти к фазе контрблокадных операций и вылазок на море. Вскоре такой случай представился.

Сражение произошло прямо напротив входа в гавань Родоса. Родосцы постоянно держали наготове несколько судов для немедленного выхода в море. Царский флот, соответственно, патрулировал неподалеку. В тот момент, когда один из царских транспортов, подвозивший осаждающим припасы, проходил мимо створа гавани, родосская бирема — небольшая и быстроходная, как нельзя лучше подходившая для такой атаки — стремительно вылетела ему наперерез. Шедший под парусом неповоротливый транспортник казался легкой добычей.

Однако эта стычка внезапно превратилась в настоящее морское сражение, поскольку множество кораблей с обеих сторон друг за другом устремилось к месту боя с тем, чтобы принять в нем посильное участие. В результате сражение оказалось весьма ожесточенным. Корабли Митридата, традиционно имевшие большую скорость и более многочисленные, казалось, имели превосходство. Однако это была только вводная, потому что на деле в полной мере сказался опыт родосских кормчих и великолепная выучка их экипажей. Дамагор отдал приказ атаковать в первую очередь легкие корабли противника. Не стремясь потягаться силами с тяжелыми и мощными судами, родосцы, исключительно искусно маневрируя, окружали — подходя по двое и по трое — биремы и триремы противника и, не размениваясь на мелочи, топили их таранными ударами в борт или корму. Эта тактика была оправдана на все сто процентов: фактор времени в этом бою был решающим. Родосские суда просто не могли позволить себе абордажный бой или перестрелку, требовавшие в течение длительного времени оставаться относительно неподвижными, превращаясь в отличную мишень для понтийских кормчих. Тактика «ударил — убежал» была наиболее адекватна ситуации. И, конечно, сыграла роль высокая маневренность родосских кораблей. Однако абордаж также был применен в этом бою. Кроме того, поскольку в момент поражения тараном

корабли некоторое время находились в сцепленном состоянии, родосцы и римские легионеры получали возможность учинить резню на палубе противника и поживиться за счет захваченных трофеев.

В результате родосцы вернулись в гавань победителями. Они вели на буксире одну захваченную триеру со всем экипажем, а также привезли большое количество захваченных трофеев в виде оружия и носовых украшений с кораблей.

Однако и они понесли потери. Одна из родосских пентер была захвачена понтийскими моряками. Не подозревая об этом, Дамагор вновь вышел из гавани на ее поиски, взяв с собой шесть наиболее быстроходных кораблей. Он полагал, что его корабль либо потерял ход в силу сбитых весел, либо еще ведет где-то бой — в силу ограниченности своего флота родосцы стремились не терять даже одного-единственного судна, не считаясь с опасностью новых потерь, к тому же среди них исключительно сильно было и чувство взаимовыручки. Заметив выход из гавани этого небольшого отряда, Митридат немедленно отправил на его перехват свою эскадру. Ее численность достигала двадцати пяти кораблей, однако Дамагор продемонстрировал все искусство родосского моряка. Поскольку его корабли не уступали в скорости противнику, однако он не имел возможности принять бой из-за громадного неравенства сил, Дамагор виртуозно уходил от преследования, используя маневр и слаженность действий своих подчиненных.

В результате отряд понтийцев гонялся за шестью родосскими кораблями до сумерек, не добившись ничего путного. Однако спустившаяся ночь превратила хищника в жертву. Неуверенно чувствовавшие себя в темноте на море понтийцы повернули обратно, в лагерь Митридата. Родосцы, напротив, отлично управлявшиеся со своими кораблями, развернулись и погнались за ними. В результате два судна Митридата были таранены и затонули со всем экипажем. Два других корабля, отбившись от своих, были загнаны Дамагором к побережью Ликии и только там смогли укрыться от погони и плена. Пользуясь тем, что Дамагор отвлекся, остальные царские корабли, развив максимальную скорость, добрались-таки до своей стоянки. Дамагор, напротив, проплавал всю ночь, разыскивая свою потерянную пентеру. Так ничего и не добившись, он вернулся с рассветом в гавань Родоса. Таким образом, родосцы одержали в этом бою безусловную победу, продемонстрировав, что, даже запертые в гавани, они не обнаруживают намерения отказаться от претензий на господство на море.

Любопытно, что во время дневного боя произошел инцидент, приведший к охлаждению между Митридатом и его островными союзниками. Когда царский флагманский корабль маневрировал во время сражения у входа в гавань, один из хиосских кораблей совершенно случайно в хаосе сражения вонзил свой таран в борт царского судна. Повреждения были незначительными, хотя царский корабль и дал течь, заставившую его в конечном счете выйти из боя. Несмотря на то, что этот инцидент был явной случайностью, Митридат, будучи человеком в значительной степени восточным по складу ума и характера, усмотрел в нем нечто большее и затаил злобу на своих хиосских союзников, а впоследствии подверг репрессиям виновных в инциденте рулевого и штурмана хиосского судна.

Однако этим сражением дело, понятно, не кончилось. Царь не оставлял своей затеи с осадой крепости и продолжал наращивать контингент. Этим и воспользовались родосцы, приободрившиеся в результате недавней победы. Пешее войско понтийского царя через несколько дней должно было прибыть в лагерь. Оно

перевозилось как на транспортниках, так и на боевых триерах. Зная о его приближении, а затем и заметив подходившие корабли, родосцы вновь совершили вылазку из гавани. Им на руку сыграло то, что в тот день поднялся сильный северный ветер, который относил понтийский флот напрямиком к гавани Родоса. Царский флот, борясь с высокой волной и находясь вблизи берега, естественно, не мог соблюдать строй. Пользуясь комбинированной тактикой и всякий раз применяя тот ход, который был наиболее эффективен, родосцы добились успеха. Часть кораблей была атакована на поражение — это были в основном суда с пехотинцами и боевые корабли. Они могли оказать сопротивление и проще было с ними просто покончить. С той же целью против многих из этих кораблей были применены зажигательные средства — «корзины Павсистрата» и метательные снаряды с горючей смесью. Третьим поражающим фактором стал абордаж. Он в основном применялся против транспортников с припасами, которые представляли собой ценный приз. Несколько кораблей было приведено на буксире в гавань, захватили также около трехсот человек пленных. Царский флот среагировать не успел, да и не мог бы этого сделать при такой погоде. Победа была целиком на стороне родосцев, а царь лишился громадной части своего войска и многих десятков кораблей.

Однако его решимости это не поколебало. Митридат задумал комбинированную атаку с моря и суши. На его кораблях спешно готовились к штурму приморской части городских стен. Мастерили лестницы, устанавливали метательные орудия и запасали снаряды. Царь возродил традицию изготовления самбук, известную по прошлым войнам. Эту штурмовую башню из дерева, вероятно, обшитую металлическими листами и шкурами, соорудили на двух соединенных в катамаран кораблях. Сооружение было довольно устрашающим, хотя и неповоротливым. Его намеревались использовать вблизи городской стены. Во-первых, самбука несла внутри себя на нескольких уровнях установленные метательные машины, изрыгавшие не только камни, но и стрелы с дротиками. Во-вторых, в нижней части имелось несколько таранов, достаточно хорошо защищенных от стрел и камней противника; при достижении стены ими можно было вполне успешно орудовать, сокрушая нижние ярусы кладки. Кроме того, самбука несла несколько перекидных мостиков, позволявших транспортировать воинов на стены города. Дело было за главным — подвести эту конструкцию к городской стене.

От перебежчиков Митридат знал, что самое слабое место обороны — в районе храма Зевса Атабирия, где стены ниже и слабее. Поэтому, запланировав общий штурм, он выделил специальное подразделение для штурма этого участка. Именно из района храма должен был быть подан знак огнем к общему штурму. Дело в том, что он планировался на ночное время. Войска и корабли должны были скрытно и в полном молчании подойти к стенам и входу в гавань. Только по сигналу с Атабирия надлежало с возможно более громким криком ринуться на штурм.

Однако родосцы сорвали этот план. Они обнаружили подходившего противника и сами зажгли сигнальный огонь на стене, оповещая свои войска об опасности. Понтийцы, приняв его за тот самый «свой» сигнал, начали кричать, как и было условлено. Однако родосцы, ответившие таким же громким криком, уже занимали по тревоге свои места на стенах и башнях. Внезапного нападения не

получилось. Заработали машины со стен, в наступавших полетело все, что подбавляет такому случаю. Ночной штурм сорвался, а к рассвету дело наступавших стало совсем плохо, и Митридат подал сигнал к отходу на исходные. Самбука, столь устранившая оборонявшихся, своей роли все же не сыграла. Первый моральный шок быстро прошел. Понтийцы с ее помощью не только обстреливали городские стены, но и пытались высадить на них десант, однако безуспешно. Войска на мелких кораблях подвозили к этому сооружению, и они пытались сначала перейти на палубы катамарана, а затем подняться в самбуке на этаж, где имелись переходные мостики. Однако усиленный обстрел родосцев сделал свое дело. Незначительные поначалу повреждения множились, и вскоре гигантское сооружение, потеряв конструктивную крепость и устойчивость, накренилось и рухнуло, погребая под собой сотни понтийских воинов. По мнению осажденных, не обошлось без участия богини Исида, храм которой находился в месте штурма самбуки: она, якобы, и извергла огонь на это сооружение. Первостепенная заслуга в этом, конечно, принадлежит береговой артиллерии родосцев и мастерству ее obsługi.

Теперь Митридат сдался. Он снял осаду с Родоса и попытался осадить Патары, однако, вырубив для сооружения осадной техники священную рощу, увидел неблагоприятный сон и, устранившись, ушел на материк, эвакуировав войско с Родоса. Однако война на море не кончилась. Митридат отправил своего военачальника Архелая с небольшим флотом для агитации в Греции за понтийского царя. Архелая сопровождал успех. Он захватил остров Делос, а также ряд других укрепленных островов, где уничтожил около 20 000 человек, в массе своей из римско-италийских гарнизонов. В результате острова были отбиты и переданы в распоряжение афинян, что должно было продемонстрировать расположение к ним понтийского царя. Ахайя, Лакония и Беотия встали на сторону Митридата. Он, в свою очередь, отослал на помощь новый флот с войсками под командованием еще одного своего военачальника — Метрофана. Однако римский командующий в Македонии Бреттий, выйдя в море с небольшим отрядом из нескольких десятков кораблей, дал морское сражение, достойное упоминания в силу своей отчаянности и победного для римлян исхода. Численно в несколько раз уступая противнику, римляне бросились в битву, и этот натиск решил ее исход. Бреттий атаковал авангард флота Метрофана и потопил большой транспортный корабль, а также быстроходное рассылное судно. Последнее было взято на abordаж, и римляне учинили на нем страшную резню, убив всех, кто был на борту, причем прямо на глазах у командующего понтийцев. Устрашенный этим зрелищем, Метрофан бежал с места битвы, так толком в нее и не вступив. Бреттий не смог его преследовать, так как парусности его кораблей не хватало, а транспортники Метрофана, шедшие под парусами, имели вполне приличную скорость. После этого Бреттий предпринял несколько походов, наказывая и разоряя отпавшие города. Однако его попытка взять Афины за горло, захватив их порт Пирей, не удалась — Архелай опередил его и занял порт со всем своим флотом.

Дальнейшая стадия войны была связана с прибытием из Италии войск Суллы и масштабными сухопутными операциями в Элладе. Шел 88 г. до н. э. Сулла предпринял осаду Пирея, что и в самом деле было решительно необходимо в этот момент. Однако была одна сложность: Сулла практически не располагал флотом. Тот небольшой контингент, который пришел с Бреттием из Македонии, при всей

своей самоотверженности не мог противостоять ни флоту Архелая, ни, тем более, основным силам флота Митридата. Оперативно отстроить флот Суллы был не в силах. У него не было при себе ни опытных кораблестроителей, ни рабочих; под его контролем не было лояльных греческих городов с верфями и кадрами для набора гребцов. Единственным возможным выходом был призыв к родосцам прислать корабли. Стоит заметить, что зависимость от союзнической поддержки станет проклятием для Суллы в этой войне.

Родосцы, как раз, были совсем не против помочь. Но Митридат владел морем. Его флот держал под контролем и окрестности Родоса, и все основные коммуникации Восточного Средиземноморья. Сулла предпринял обходной маневр. Он отправил своего подчиненного Лициния Лукулла — одного из наиболее заметных римских командиров того времени — с секретной миссией в Сирию и Египет. Лукулл должен был собрать корабли у тамошних правителей в приморских городах и с этим флотом подойти к Родосу. Таким образом силы родосцев серьезно увеличивались, и им грозила уже не такая большая опасность на переходе морем в Грецию. Несмотря на колоссальную опасность быть перехваченным Митрида-товыми кораблями, Лукулл сел на небольшое суденышко и, как вполне профессиональный шпион, пересаживаясь с корабля на корабль, чтобы замести следы, вскоре все же добрался до Александрии Египетской.

Пока он выполнял свою миссию, Сулла с помощью предательства и огромным напряжением сил все же взял Афины, учинив там резню. Вслед за тем, не дожидаясь помощи с Родоса или откуда либо еще, войска Суллы вскоре взяли и Пирей, предав огню не только здания и памятники, но и городские верфи. Архелай с войсками эвакуировался на судах своего флота — естественно, беспрепятственно — в Беотию. Вскоре после этого Архелай развязал против римлян подлинную морскую войну. Не имея возможности противостоять им на суше, он, тем не менее, господствовал на море. В результате применялась набеговая тактика, в ходе которой подвергались разграблению и запугиванию территории, население которых колебалось или поддерживало римлян, а также острова. В случае оказания сопротивления римлянами — как это было, например, в Халкиде — Архелай немедленно грузил войска на корабли и отступал. Естественно, что эта тактика приводила Суллу в откровенное бешенство — флота у него по-прежнему было совсем мало.

Митридат, тем временем, выжимал из новых подданных все соки. Обобрав галатов, он еще раз отомстил хиосцам — на этот раз всем. Многие из них бежали к Сулле, и их имущество он конфисковал, а потом реквизирует и оружие островитян, взяв также в заложники детей именитых граждан. На кораблях они были вывезены с острова и отправлены в города на Черном море.

Однако Сулле все же удалось в одном из мест запереть войско Архелая и разгромить его. Наличие флота не спасло митридатова военачальника от полного разгрома, так как эвакуироваться ему не удалось — лишь сам Архелай с немногими приближенными поспешно бежал на маленьком судне в Халкиду. Сулла тем временем разграбил Беотию, все время отпадавшую от римлян, продолжая ожидать помощи от Лукулла. Лукулл не появлялся, и от него не было никаких известий.

Суллы, вообще-то, оказался в весьма странной ситуации. Напомним, что в Риме уже разгорелась гражданская война. В частности, положение Суллы в

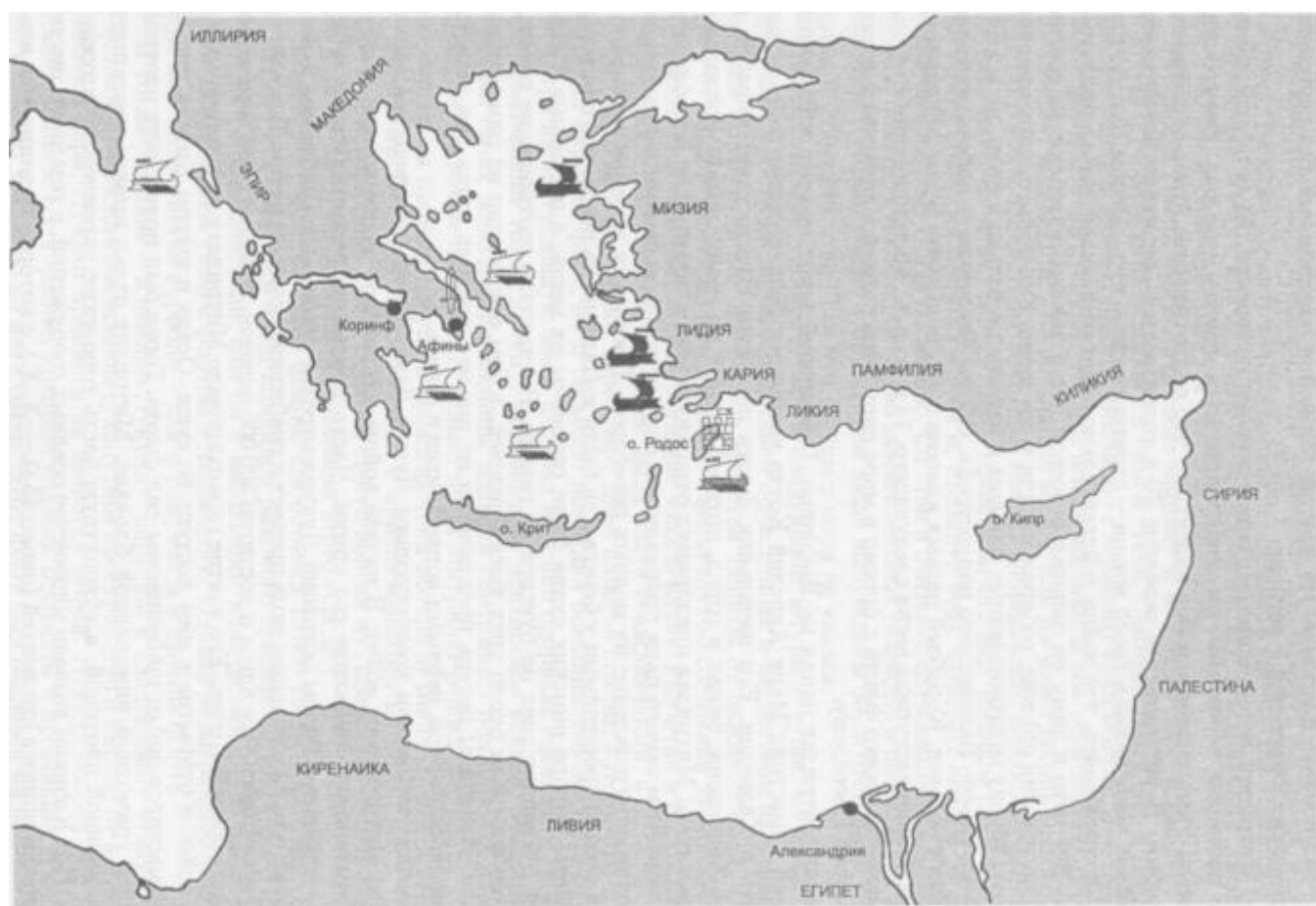
его отсутствие стало не просто шатким, но катастрофическим. Его политические противники — Корнелий Цинна и Гай Марий — объявили его в Риме врагом государства со всеми вытекающими отсюда последствиями: друзья его были перебиты, а имущество его в городском доме и в загородных владениях было разграблено. Естественно, Сулла был лишен формального права вести войну от имени римского государства — вместо него в Азию с двумя легионами был отправлен консул Валерий Флакк. Однако Сулла располагал отлично выученным, боеспособным и, самое главное, преданным ему войском и не собирался слагать с себя власть, как и смиряться со своим положением. Сулла, не рассчитывая на помощь Лукулла, приступил к строительству уже своих собственных кораблей.

Флакк, будучи не слишком опытным командиром, попал к тому же в бурю со своим флотом, который перевозил войска из Брундизия на Балканы. Надо в общем, признать, что идея переправы войск на восточное побережье Греции на кораблях была не совсем удачна. Буря разбросала корабли, большинство из них прибыло в Фессалию с опозданием, а те, которые успели выгрузить войска, оказались сожжены войсками, посланными Митридатом, прямо у берега. Войска в Фессалии, недовольные Флакком, перешли на сторону Суллы. Впрочем, один из подчиненных Флакка, Фимбрия, вскоре убил своего командира и, переподчинив его войска, преследовал армию понтийского царя вплоть до Пергама, где и прижал того к берегу. Только благодаря наличию у Митридата кораблей — как и отсутствию таковых у Фимбрии — царю удалось эвакуировать свое войско в Митилену.

Несмотря на отсутствие помощи с родины и незначительность сил флота, Сулла сумел дожать ситуацию. Вскоре Митридат через Архелая начал прощупывать почву для заключения мира. Несомненно, предметом торга стал флот. В частности, Сулла потребовал немедленной передачи ему всех кораблей флота Архелая — помимо репараций и возвращения практически всех завоеванных земель. Тем временем объявился и долгожданный Лукулл. Он, как оказалось, собрал-таки кое-какой флот из Финикии, Памфилии, с Родоса и Кипра и с ним опустошил многие места на неприятельском побережье и даже дал вполне успешное сражение царскому флоту. Как выяснилось, главную опасность для него при переходе и во время боевых действий представляли не корабли понтийцев, а морские разбойники, расплодившиеся в регионе.

Теперь, располагая достаточно мощным флотом, Сулла мог и вправду диктовать свои условия. В частности, в качестве аргумента, объясняющего претензии римлян, выдвигалось превентивное строительство понтийским царем флота и вербовка кадров по всему Средиземноморью. Этот злой умысел против Рима рассматривался Суллой в числе прочих недружественных действий Митридата — причем в качестве одного из главных. В результате в 85 г. до н.э. мирный договор все же был заключен: Митридат согласился на римские условия.

Однако всего через два года началась Вторая Митридатова война. И вновь флот стал важнейшим поводом к таковой. Митридат, стремясь разобраться с Боспорским царством, стал строить огромный флот и собирать армию. Римляне расценили эти приготовления как явно недружественный акт, направленный не столько против Боспора, сколько против них самих. Тем более Митридат не выполнял еще всех условий прошлого мирного договора.

Первая Митридатова война

Но начавшаяся война была относительно вялой и проходила в основном на суше, в Малой Азии. Римский флот выполнял в ней исключительно транспортные и патрульные функции. На третий год война завершилась без серьезных политических изменений в регионе.

Но Митридат, естественно, не оставил своих намерений. Будучи уже достаточно пожилым человеком, он решил попытать счастья еще раз. Внутренние проблемы Рима позволяли ему надеяться, что сопротивление будет относительно слабым. В результате в середине 70-х годов до н. э. он начал новую — как оказалось, последнюю в своей жизни — стратегическую игру. Летом 75 г. до н. э. царь, не сомневаясь, что война действительно будет решающей, начал приготовления. Все лето и зиму он запасал строевой лес и закладывал один за другим корабли, готовил оружие, собирал тысячи тонн зерна. Кроме того, царь привлек на свою сторону многочисленные племена и народы не только в Азии, но и в Европе — на Севере Балканского полуострова. Общая численность войска достигла 156 тысяч человек. Кораблей разных классов было построено более 200 единиц.

Как только наступила весна следующего, 74 г. до н. э., Митридат провел большие маневры своего флота и бросил в море пару белых коней в качестве жертвы богу морей Посейдону.

Затем Митридат напал на Вифинию. Правивший в тот момент в Вифинии римский наместник Марк Аврелий Котта вынужден был со своим войском отступить в Халкедон. Его начальник флота по имени Нуд, оставив корабли в гавани Халкедона, бежал в город, потеряв многих из своих людей. Воспользовавшись этим, Митридат предпринял отважную атаку гавани. Его корабли под командованием самого царя прорвались в порт, взломав таранами закрывавшее его боновое заграждение из медных переборок. Поскольку корабли не охранялись и стояли брошенными у берега или были вытащены на песок, все они были потеряны. Четыре римских судна были сожжены на месте, а остальные 60 кораблей Митридат увел на буксире из гавани. Впечатляло соотношение потерь: римляне потеряли около трех тысяч человек, в том числе один из римских сенаторов. Понтийцы потерь практически не имели — погибли лишь два десятка союзников-бастарнов, первыми ворвавшихся в гавань.

Римляне назначили командующим Луция Лукулла, выдвинувшегося еще в Первую Митридатову войну. В начале войны его главной задачей было осложнить Митридату снабжение его армии. Часть продуктов подвозилась по суше, часть — по морю. Рядом операций Лукулл отрезал сухопутное снабжение и рассчитывал, что наступающая зима прервет и снабжение морским путем. Все войско царя увеличилось уже вдвое и достигло 300 000 человек. Жаркая борьба разгорелась под городом Кизик. Его взятие гарантировало Митридату разблокирование своих войск и открытие к ним доступа по суше. Осада и штурм Кизика проходили с массированным применением сил флота. Город был подвергнут плотной и вполне грамотной инженерной блокаде. Митридат отдал приказ перекрыть гавань двойной плотиной, а сухопутную часть городских укреплений окружил рвами. Под Кизиком возвели множество осадных сооружений, в том числе некую «осадную машину в сто локтей (около 45 м. — А. Х.), с которой поднималась вторая башня с катапультами, бросавшая в город камни и другие метательные снаряды». Там же Митридат вновь попытался применить свою любимую самбуку. Она монтировалась на двух соединенных между собой пентерах и была пред-

назначена не столько для пробивания стен или обстрела города, сколько для переброски войск на стену — по мосту, выбрасывавшемуся с ее верхней части.

Понтийский царь предпринял и «психическую атаку»: к стенам подвезли пленных граждан Кизика, которые молили пощадить сограждан — что, впрочем, не произвело особого впечатления на осажденных. Их военачальник Писистрат велел им быть стойкими, раз уж стали пленниками.

Митридат решил применить свою машину и во время последовавшего вскоре штурма подвел ее на кораблях к самой стене. Самбука двигалась в порядках подступивших к стене кораблей. Внезапно с вершины упал мостик, и четверо воинов перебежали на стену. Понтийцы имели все шансы все-таки захватить город. Неизвестно, замешкались ли остальные воины, или же конструкция мостика самбуки позволяла задействовать солдат только «порционно», однако первый испуг у осажденных на этом участке стены прошел мгновенно. Вначале растерявшись, они почти сразу же пришли в себя и, столкнув этих четверых воинов со стены, принялись за самую осадную башню. Со стен в пентеры, служившие самбуке основанием, полетело такое количество зажигательных снарядов и потекло так много смолы, что управлявшие сооружением люди вынуждены были отступить, пятясь задом и отходя от стен. Так что штурм с моря не удался.

Исключительно упорным был и следующий штурм с суши, который ознаменовался яростным противодействием осажденных и искусством наступающих, которые применили все доступные средства защиты от зажигательных снарядов — от воды и уксуса до находящихся в ненатянутом состоянии кусков материи и одежды, которые улавливали летящие «зажигалки». Разбитая и подожженная в нескольких местах стена нигде не была взята осаждающими, а за ночь кизикийцы отстроили ее заново. Через пару дней налетел шторм, который не только потрепал царский флот, но и серьезно повредил большинство осадных орудий. Несмотря на наступившую зиму, которая все-таки прервала снабжение по морю, и последовавшие голод и чума, поразившую понтийское войско, Митридат не оставлял своих попыток. Кизикийцы подвели контрмины под царские подкопы и сожгли его новые машины. И только тогда Митридат решил отступить, отправив войско на прорыв посуху в Лампсак (они потеряли много людей в стычках с римлянами Лукулла), а сам бежал с приближенными на кораблях в Парос. Впрочем, вскоре царь вывез остатки своего войска из Лампсака — опять-таки на кораблях и вместе с остатками населения этого города.

Митридат разделил силы флота. Он оставил 10000 своих отборных солдат на пятидесяти кораблях — под командой римского предателя, сенатора Вария — в районе боевых действий, сам он с небольшим количеством приближенных и остальным войском ушел с флотом в Никомедию. Однако разыгравшаяся зимняя буря потопила многие корабли — как в том, так и в другом флоте.

И тогда римляне — а именно Лукулл — перешли к следующему этапу боевых действий. Освободив в основном сухопутное пространство в Европе от войск понтийского царя, Лукулл принялся за зачистку морей. Лукулл собрал под своим командованием все корабли, которые удалось отыскать в провинции Азия. Общее их число доходило до двух сотен. Этот флот был разделен на несколько эскадр, которые находились в жестком и грамотном взаимодействии с наземными частями. Каждая эскадра получила своего главкома. Эти силы и повели комбинированную атаку на владения Митридата. Триарий взял штурмом Апамею,

учинив избиение тысяч жителей. Другой командир, Брабас, захватил Прусиаду и Никею, которую оставили войска гарнизона Митридата. Лукулл самолично со своей эскадрой отправился к берегам Ахейского залива, где и захватил тринадцать неприятельских судов. Не удовлетворившись этим, Лукулл все-таки настиг Вария и нескольких других полководцев Митридата (Александра из Пафлагонии и евнуха Дионисия), захватив их у острова Лемнос. Узнав, что они пристали там со своим флотом, Лукулл открыто двинулся на них, рассчитывая на сражение. Однако его противники вовсе не собирались выходить в море. Лукулл, тщетно подсылая к ним по два корабля и вызывая на бой, наконец, принял решение. Он обошел остров на части своих кораблей и, высадив десант, загнал противника на его корабли. Однако и теперь их не удалось выманить — понтийцы продолжали держаться у берега. Тогда римский флот и войска на суше зажали их и подвергли массированному обстрелу стрелами и дротиками. Только теперь войско понтийцев оказалось разгромлено — многие погибли, остальные попытались бежать и в массе своей были захвачены в плен. Командиры понтийцев укрылись в прибрежном гроте, где их и нашли. Дионисий принял яд; Вария Лукулл приказал убить, справедливо полагая, что римлянин и сенатор не должен идти в его триумфе из этических соображений; так что в его руках оказался только Александр.

Но Митридат не был сломлен. Ему было необходимо прорваться в Черное море, поближе к родине, где он затевал новую реанимацию своей державы. Двигаясь со своим флотом вдоль малоазийских берегов, царь в который раз стал жертвой зимних штормов. У него было немногим более двух сотен кораблей. Страшная буря, обрушившаяся на флот, разбила и потопила около 60 кораблей, на которых погибло в общей сложности не менее 10 000 солдат. Остальные корабли были серьезно потрепаны и разбросаны по морю. Царский флагман настолько серьезно пострадал, что Митридат покинул его и перешел на легкое судно пиратов — они сопровождали его флот, — которое и доставило его в город Синопу. Отсюда, сев на транспортное судно, которое вели на буксире, он убыл в Амис. Здесь царь начал свою политическую игру, вовлекая в войну с Римом царя Армении Тиграна и своего сына Махара, правившего на Боспоре Киммерийском.

Неугомонный Лукулл неотступно преследовал царя Понта и углубился с римским войском во внутренние районы Малой Азии. Очередное поражение царя привело к его бегству в Армению. Положение Митридата было весьма сложным, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он отправил евнуха в собственный дворец, чтобы тот убил всех царских сестер, жен и наложниц. Лукулл же, приведя в Понт свой флот, брал комбинированными атаками с моря и суши один город за другим. Так пали Амастрида, Гераклея Понтийская и многие другие города.

Дольше всех держались Синопа и Амис. Жители Синопы, например, издавна славившиеся своими мореходными талантами, не только отбивали атаки римлян с суши, но и регулярно выходили в море, успешно сражаясь с римскими кораблями. Когда они поняли, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, то сожгли свои тяжелые суда, а на легкие погрузили всех оставшихся жителей города и бежали морем на восток. Так же поступили и амисяне. Однако Лукулл в силу ряда религиозных соображений и уважения к стойкости населения и защитников пощадил оба города и позволил жителям вернуться.

Параллельно он склонил на сторону Рима Махара — сына царя — и потребовал от Тиграна выдачи Митридата. В нескольких битвах понтийско-армянское

(по существу, больше армянское) войско было разбито, а сам Митридат получил несколько достаточно тяжелых ранений — в голову и ногу. Однако политическая и военная обстановка не позволили тогда завершить войну полным триумфом. Лукулла обвинили в затягивании войны, и его войско было фактически распущено. В конце лета 66 г. до н. э. война прервалась.

Одним из основных оснований для перерыва в боевых действиях явились бесчинства пиратов, которые к этому времени стали подлинным бедствием всего Средиземного моря.

Митридат, тем временем, выдержал настоящую микровойну со своим Сыном Махаром, который, убегая от отца, даже сжег часть царского флота в надежде предотвратить погоню за собой. Однако Митридат располагал и другими кораблями, так что почти настигнутый Махар все же принужден был покончить с собой. Использовал царь свой флот и для установления контроля над Северным Причерноморьем — в частности, флот Митридата применялся при аннексии Пантикапея и в ходе охоты за еще одним сыном царя — Ксифаром, который также был убит. Митридат в тщетной попытке защититься от усилившихся и победоносных римлян «перетекал» со своей державой все дальше на северо-восток и, как загнанный зверь (или все же человек?), уничтожал своих близких.

К этому времени Митридат стал поневоле царем почти всего Черного моря. Ему подчинились города от Фанагории до Херсонеса Таврического. Надеясь сохранить хотя бы остатки своей державы, он отправил к Помпею послов с предложением платить дань за владение своей державой. Помпей приказал самому Митридату явиться к нему и лично просить об этом, однако гордый царь отказал и вновь начал готовиться к войне. Он был стар, болен и страдал от незаживающих ран, но дух его сломлен не был. Царь вновь отстраивал флот, прилагая к этому все свои силы, а также заново формировал армию, привлекая в нее как свободных, так и рабов.

В Фанагории вспыхнул мятеж против царя. Восставшие обложили деревом и подожгли цитадель города, в которой укрылись члены царской семьи. Четыре сына царя — Артаферн, Дарий, Ксеркс (какие имена!!!), Оксатр — и дочь Эвпатра сдались. Однако другая его дочь, Клеопатра, продолжала оставаться в цитадели со своими приближенными. Отец, восхищенный ее мужеством, отправил несколько десятков легких бирем в Фанагорию. Эта блестящая операция увенчалась успехом: понтийские «коммандос» вызволили принцессу, буквально вырвав ее из-под носа у противника. Но тут приободренные примером Фанагории, восстали Херсонес, Феодосия и Нимфей.

Однако Митридат и в самом деле был нестигаем. Царь, потеряв почти все, задумал идею, явно вдохновленную примером Ганнибала. Он собрался двинуться в земли, заселенные кельтами, и, подбив их к совместному выступлению, вторгнуться в Италию (!). Даже наиболее преданные солдаты его войска сомневались в успехе этого мероприятия и не имели желания осуществлять такую экспедицию. Все говорили, что царь не желает умереть, не совершив чего-либо выдающегося.

Как обычно и бывает, пал Митридат жертвой предательства, причем предательства собственного любимого сына Фарнака. В 63 г. до н. э. Фарнак уговорил значительную часть командиров как в армии, так и на флоте, выступить в его поддержку. Фарнак поднял мятеж и был увенчан бутафорской короной из стебля травы. Митридат, наблюдая с возвышения за мятежом, прекрасно понимал,

чем все это кончится. При нем остались только две дочери и несколько командиров и слуг. Все члены царской семьи приняли яд, однако в отличие от дочерей, умерших сразу, Митридат оставался невредим. Он так долго приучал себя к ядам и принимал их в гомеопатических дозах, что яд не подействовал. Не желая сдаваться, царь приказал командиру галльского отряда Битоиту заколоть себя. Последнюю свою дорогу царь также преодолел по морю: Фарнак отправил его тело Гнею Помпею в Синопу на триреме.

Так закончилась последняя Митридатова война. Вне всякого сомнения, это был страшный и опасный противник. Его претензии распространялись намного дальше Малой Азии и, вероятно, ему не были чужды мысли о мировом господстве. Удивительная способность вставать на ноги из любого нокаута стяжали Митридату VI Евпатору славу и уважение противников. Завладев его царством, римляне включили в состав своего государства — в той или иной степени — громадные территории: фактически всю Малую Азию и побережья Понта Эвксинского, а также утвердились на Ближнем Востоке. Как писал Аппиан, «в результате Митридатовой войны римская власть... распространилась на берега Эвксинского Понта и до песков пустынь перед Египтом, от Иберии у Геракловых столпов до Евфрата... Так как они владели и Ливией, простиравшейся до Кирены (самую же Кирену царь Апион, побочный сын рода Лагидов, оставил им по завещанию), то в кругу земель по Средиземному морю им осталось завладеть только Египтом».

Громадную роль в этих войнах сыграл флот. Осуществление массовых перевозок по морю, контроль за коммуникациями и перерезание таковых, осады и штурмы приморских крепостей, морские сражения — все это происходило на акваториях Восточного Средиземноморья и Черного моря в течение двадцати шести лет с незначительными перерывами. Отточенное мастерство как римских, так и понтийских корабельщиков заслужило уважение современников и потомков. Примечательно, что в этих войнах Рим все реже прибегал к помощи союзников, и в частности Родоса. Если в первой войне родосцы буквально вытащили на себе все кампании на море, то в третьей их участие было крайне скромным, если не незаметным. Римляне за два десятилетия перестали нуждаться в помощниках на море, сами окончательно став «народом моря» не только в омывающих Италию морях, но и далеко за их пределами. Новые технические средства и приемы боя нашли в этих войнах весьма широкое применение, а корабли окончательно стали универсальными боевыми единицами, способными решать целый спектр задач боевого плана.

В период расцвета своего царства Митридат был фактическим хозяином морей на всем пространстве от Киликии до Ионического моря. О размахе боевых действий на море в эту войну говорят некоторые цифры. Он привел в подвластные римлянам гавани 700 трофейных кораблей — и это были лишь неповрежденные суда, доставшиеся, в массе своей, без боя. Во время двухдневного триумфа Помпея в Риме на повозках везли несколько десятков корабельных ростров, снятых с судов, непригодных для использования в римском флоте. В ходе того же триумфа вместо трофейных кораблей, которые по понятным причинам не могли быть предъявлены римлянам на Форуме, несли надпись на плакате, гласившую, что «кораблей с медными боевыми носами взято в плен восемьсот», и эти слова отражали истину. Как указывает Аппиан Александрийский, у царя Понта часто

число только собственных кораблей было больше 400, а ведь были еще и союзные, и пиратские суда. Так что противник у римлян был весьма суровый и не менее опасный, по сути, чем Карфаген. Тем славнее была их победа.

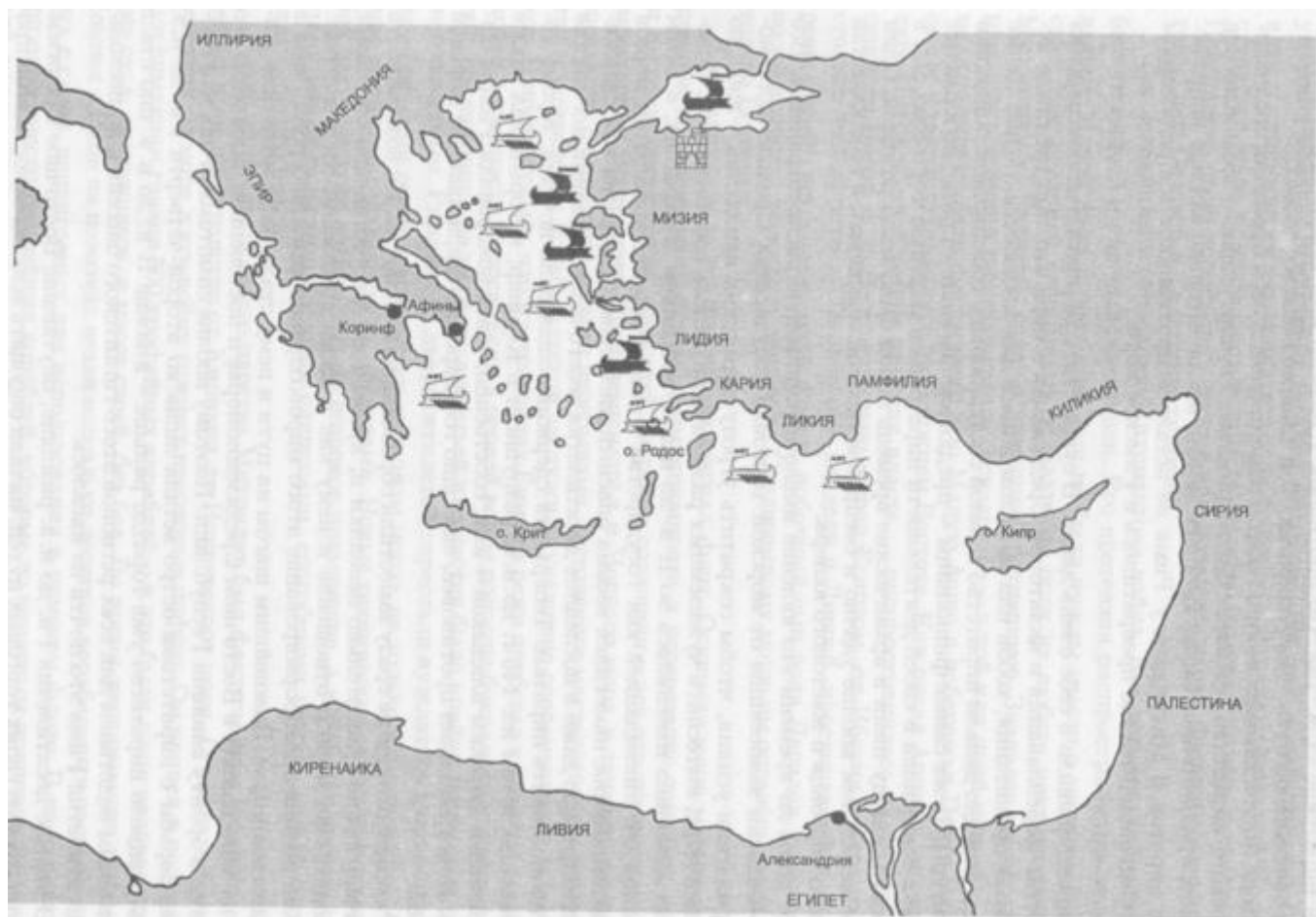
В ходе Митридатовых войн в полной мере проявила себя проблема средиземноморского пиратства, ставшая бичом римлян. Ее виртуозное и молниеносное решение, предложенное Гнеем Помпеем, имело исключительно важное значение. После пиратов и Митридата у Рима не осталось противников в Средиземном море. Оно окончательно превратилось в Римское море.

Пираты заявили о себе очень давно. В сущности, с момента распространения искусства мореплавания в акватории Средиземного моря это занятие стало источником пропитания, хобби или смыслом жизни для множества людей. Целые народы нередко делали пиратство важной составляющей собственной экономики и культуры. Те же самые финикийцы — предки карфагенян — примерно в равных объемах совмещали в своей деятельности пиратство и морскую торговлю. Да, в сущности, между ними в архаические времена порой было мало разницы. Один и тот же человек вполне удачно и беспроblemно мог совмещать в себе качества мирного торговца и жестокого капера.

До поры до времени это явление имело ограниченное распространение. Все мало-мальски зависевшие от морской торговли государства Средиземного моря прилагали усилия, чтобы сократить угрозу пиратских нападений — либо, по крайней мере, вытеснить чужеземных разбойников своими собственными. Положение несколько изменилось во II в. до н.э. С угасанием Карфагена, а затем и полной его ликвидацией как государства и самостоятельной силы на море в Средиземноморье наметился весьма опасный дисбаланс. Карфаген как сдерживающий фактор даже в последние десятилетия своего существования мог многое противопоставить пиратам. Теперь эта сдерживающая сила исчезла. Кроме того, римляне в том же 146 г. до н.э. разрушили и Коринф, который был также мощнейшим морским владыкой — как, собственно, и вся покоренная Римом Эллада. Исчез еще один противовес, еще одно государство, сдерживавшее морской разбой.

Римляне отнюдь не сразу заместили образовавшийся вакуум. Их возможности поначалу были относительно невелики и, кроме того, отсутствовало ощущение господства на море и отношение к нему как к своей собственности и вотчине. Только постепенное формирование этого мировоззрения изменило роль Рима в Средиземноморье. Важнейшим шагом на пути к нему стало сосредоточение усилий на завоеваниях в Восточном Средиземноморье и постепенное включение его берегов в орбиту влияния Республики. Поэтому вполне симптоматично, что проблема борьбы с пиратством остро встала лишь ко второй четверти I в. до н.э. Ведь расцвело пиратство уже гораздо раньше — в конце II в. до н.э. оно стало подлинным бедствием для всех регионов этого гигантского бассейна, но несколько десятилетий Рима это почти не касалось.

В первые десятилетия I в. до н.э. римляне, опутавшие Восточное Средиземноморье сетью своих торговых путей, начали ощущать всю значимость этой проблемы уже на собственной шкуре, а когда необходимость войны с Митридатом поставила в повестку дня массовые перевозки морем, проблема приобрела первостепенное значение. Была и другая сторона вопроса. Дело в том, что Митридат

Финал Митридатовых войн на море — 74 г. до н. э.

как раз самым активным образом привлекал морских разбойников к решению собственных задач, в том числе и главной — войны с римлянами. Пожалуй, самой недоброй славой пользовались в античном мире киликийские пираты — наиболее многочисленные, храбрые и безжалостные. По сути, это была пиратская страна — выражаясь современным языком, «государство-изгой». Поскольку Киликия вошла в состав монархии Митридата, он получил определенный контроль над этим беспокойным сообществом. Впрочем, и в других регионах той же Малой Азии хватало своих пиратов.

Так вот, Митридат, стремясь создать на море обстановку, невыносимую прежде всего для римлян, по словам Аппиана, «наполнил все море от Киликии до Геракловых столпов морскими разбойниками, которые сделали все пути между городами недоступными для сношений и непроезжими и вызвали повсеместно тяжелый голод». Конечно, это не было сделано в одно лето. Однако Митридат действительно сознательно и целенаправленно дестабилизировал обстановку в регионе, стремясь в этой мутной воде ловить свою собственную рыбу. Ведь, в конечном итоге, только он мог найти управу на эту компанию, а главный ущерб несли римляне и их союзники. О том, что управа была и все, на самом деле, было подконтрольно Митридату, свидетельствует то, что он осуществил широкую программу расселения этих пиратов. В ходе начального этапа войн многие города Малой Азии были основательно разрушены. Царь, восстанавливая их, активно селил в отстроенных городах и городках пиратов. Среди областей, в которых осуществлялась эта программа, упоминаются — разумеется, наряду с самой Киликией — Келесирия, Палестина и Понтийские земли в Черном море.

Однако Киликия была безусловным лидером в этом вопросе и поставщиком пиратов. Многие из них даже не были местными уроженцами. Завоевания Рима согнали со своих мест многочисленных мореходов, которые не могли или не хотели мириться с новыми порядками на своей родине. Еще до Митридата это весьма своеобразное «пиратское государство» было заметной силой в регионе.

Но характер морского разбоя постепенно менялся. Первоначально пираты представляли собой довольно обычное для любой эпохи зрелище: они использовали небольшие быстроходные корабли, применявшиеся в относительно незначительном количестве. Размах их действий был еще невелик, и главной формой разбоя были традиционные нападения на проходящие, в основном одиночные, торговые суда. Пользуясь высокой скоростью и возможностью быстрого маневра, пираты без особых проблем перехватывали свою добычу. Однако со временем тактика их действий менялась. Осмелев и почувствовав свою силу, пираты начинают строить более крупные корабли, по своему классу совпадающие с теми, которые применялись ведущими государствами в военном флоте. На смену легким шаландам и «полуторникам» приходят настоящие биремы и триремы, полностью соответствующие практике современного морского боя. Тактика «волчьих стай» и одиночного разбоя становится все более редкой — теперь пираты уже открыто совершают нападения на купеческие караваны и на сухопутные владения прибрежных правителей. Из частного разбоя это занятие превращается в коллективный налаженный бизнес, смыкающийся с государственной властью.

Поражение Митридата в первой его войне с Римом заставило царя сократить свои владения и отступить вглубь Малой Азии. Большое число людей, занятых в его флоте, который был теперь утрачен, оказалось не у дел. Среди них было

немало талантливых шкиперов и кормчих, да и навархов, прекрасно разбиравшихся в тактике морских битв. Не имея возможности найти приложение своим талантам, они, тем не менее, не испытывали желания служить римлянам, тем более, что те и сами не стремились в тот момент к наращиванию флота и отнюдь не горели желанием предоставлять вакансии кому бы то ни было. Прочие государства Средиземноморья также не имели возможности или желания «переварить» этот контингент. Однако под боком была Киликия.

Большинство безработных моряков осело в конечном итоге именно здесь. Их таланты пришлось ко двору. Пополнив число морских разбойников, они резко нарастили их потенциал. Теперь в море выходят настоящие пиратские флотилии со своими военачальниками и собственной иерархией. Эти флоты вели настоящие войны — неукрепленные города захватывались, укрепленные брались штурмом либо правильной осадой со всеми атрибутами таковой: подкопами, таранами и метательными орудиями. Массовой практикой стал захват заложников. Знатные и богатые люди, которые всегда в изобилии обитали в любом уважающем себя приморском городе, становились излюбленной добычей киликийцев: их увозили с собой и требовали достойный (естественно, обычно более чем достойный) выкуп. Эта практика приносила отличный доход, который становился достаточно надежным источником не только существования, но и процветания.

К пиратам примкнуло большое количество людей знатных, богатых и, в общем-то, вполне благополучных: они считали, что увеличить свое благосостояние таким образом им очень даже не повредит, тем более, что на морях все более и более воцарялась анархия. Свои «гражданские» замашки эти люди переносили и в стан пиратов. Как пишет Плутарх, «флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставляя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римского владычества».

Не довольствуясь наживой, так сказать, светского характера, пираты активно грабили и храмовое имущество, совершая святотатство, весьма порицаемое в античном мире. Многие святилища, ни разу до того не подвергавшиеся разорению, были ими захвачены и опустошены: кларосское, дидимское, самофракийское, а также храмы Асклепия в Эпидавре, Посейдона на Истме, мысе Тенаре, на Клаврии, храм Аполлона в Акции, храмы Геры на Самосе и в Аргосе и множество других. Как говорили, именно пираты впервые занесли из Азии культ Митры, широко распространившийся потом в позднеантичном мире.

Причем пираты явно обижались, когда кто-либо относился к ним именно как к разбойникам — они требовали признания за собой равных прав и именовали свою добычу военными трофеями. Они отнюдь не считали себя разбойниками и ставили себя в один ряд с царями и тиранами Средиземноморья, что, в общем-то, с формальной точки зрения, было вполне справедливо.

Руководство в этом псевдогосударстве было на вполне достойном уровне. По-

мимо поддержания внутреннего порядка осуществлялся строгий контроль за состоянием флота. В этих целях в Киликию свозили захваченных в разных городах ремесленников, которые составляли инженерный потенциал государства. Оно тщательно следило за обеспечением верфей всем необходимым для судостроения: в Киликию отовсюду шли строевой лес, медь, железо и прочие материалы и сырье. Полное самообеспечение кораблями, оружием и припасами стало принципом. Пираты полагали, что, действуя согласованно и держа флот в постоянной боевой готовности, они будут непобедимы.

Гнездом этого сообщества стала так называемая Суровая Киликия — гористая и труднодоступная местность, не располагавшая ни удобными гаванями, ни plentifulными якорными стоянками. Добраться туда извне или по морю было весьма затруднительно. Столицей и центром этой криминальной страны стал Корацезиум, расположенный на границе Киликии и Памфилии. Он был окружен цепью горных крепостей и укрепленных пунктов. Однако и в остальной Киликии, равно как и в соседних с ней землях, а также на островах, у пиратов была масса пристаней, лагерей, стоянок гарнизонов и укреплений. Их форпосты и гарнизоны находились почти повсюду: в Сирии, Памфилии, на Кипре, на Понте. Иными словами, пиратский образ жизни усвоили не только киликийцы — он стал нормой для едва ли не всего Восточного Средиземноморья. Теперь же киликийцы стали еще и правой рукой понтийского царя.

Митридат, видимо, сразу уловил возможную пользу, проистекающую от подобного сообщества. Он прямыми и косвенными путями способствовал деятельности пиратов, которая могла принести потенциальный вред римским интересам. Его поддержка способствовала тому, что деятельность киликийских пиратов вскоре уже не ограничивалась Восточным Средиземноморьем. Десятки тысяч пиратов господствовали к середине 70-х годов до н. э. на всех морях вплоть до Геркулесовых столпов. Все Средиземное море было ими заполнено. Их силы возросли настолько, что даже весьма далеко от своих родных гаваней они могли диктовать свои условия. Так, произошел ряд сражений между пиратами и силами римского флота. В частности, у берегов Сицилии киликийцы разгромили вышедший против них в море флот наместника этой провинции.

Под угрозой оказались коммуникации в самом сердце Римской республики. Рим давно уже стал мировым городом, был вовлечен в дальние торговые отношения и серьезно зависел от них. Сложности морской торговли отражались на Вечном городе перебоями в поставках не только восточных предметов роскоши, но и целого ряда ремесленных товаров, которые уже в массовом порядке ввозились из Греции или Азии. Теперь эта опасность качественно изменялась. Под угрозу ставились коммуникации внутренние, от которых зависела сама жизнь государства. Рим давно уже стал заложником поставок хлеба из Африки, с Сардинии и Сицилии. Заморские провинции, в свою очередь, оказывались отрезанными от Рима. Внезапно и как-то совсем незаметно для римлян ситуация практически вышла из под их контроля. Всего за несколько лет в морях объявился новый жестокий и беспощадный враг — в определенном смысле даже более опасный, чем Карфаген. Опасный не потому, что он был сильнее пунийцев, а потому, что сам Рим стал гораздо более уязвим, как всякая достаточно высоко организованная цивилизация.

Дело дошло до того, что сама Сицилия, когда-то с таким трудом завоеванная

римлянами, стала оплотом морских разбойников. Они десантировались неподалеку от Сиракуз, разбили там хорошо укрепленный лагерь и, используя его как базу, совершали рейды грабительского характера вглубь острова. Липарские острова, несколько раз подвергнувшись набегам пиратов, предпочли платить им регулярную дань только для того, чтобы избежать дальнейших грабежей.

Однако набеги пиратов имели не только экономические, но и политические последствия. Перебои с поставками зерна в Рим накаляли ситуацию. Население города, прежде всего люмпенизированные его слои, все более и более жестко ставило вопрос о решении проблемы морского разбоя. Дело грозило обернуться дестабилизацией обстановки в самой столице, а в ситуации то затухавшей, то вновь разгоравшейся гражданской войны это могло привести к падению самого государства. Так что пираты за несколько лет стали, пожалуй, главной головной болью римских сенаторов и должностных лиц.

Ситуация резко осложнялась тем, что эта «контртеррористическая операция» не имела отчетливой и ясной цели. Пираты не были ни Карфагеном, ни царством Митридата. Рассеянные по морям и побережьям базы пиратов, как и их флоты, представляли собой настолько ускользающую натуру, что охотиться за ними было крайне сложно. Численность их флотилий к этому времени переваливала за шесть сотен кораблей. Как пишет Аппиан, «им, как морякам, легко было благодаря своему снаряжению ускользать; выступали они не из родной земли, известной всем, и не имели ничего собственного и личного, но только то, что в данный момент попадало под руку. Поэтому война с ними не была обычной, не имела ничего закономерного, ничего твердого или ясного; этим она вызывала чувство беспомощности и страха».

Это чувство усугубляли регулярные промахи и провалы римских флотоводцев. Пираты не довольствовались действиями на периферии Италии, а проникали в самое уязвимое место — в Тирренское море. Такой наглости римляне не помнили со времен войн с Ганнибалом. Один из готовившихся к выходу против них в море флот они умудрились сжечь прямо в гавани Остии, т. е. буквально в двух шагах от Рима. Проконсул Мурена с вверенным ему флотом попытался вести борьбу с пиратами на море, однако практически ничего не добился — от крупных сражений разбойники, естественно, уклонялись, сами, в то же время, нанося римскому флоту ощутимый ущерб.

Вслед за тем настала очередь проконсула Публия Сервилия Ватии. Ему вначале сопутствовал определенный успех. В 78 г. до н. э. он начал жесточайшую борьбу с пиратами, причем существенно скорректировал стратегию своих действий по сравнению с предшественниками. Сервилий прекрасно понимал, что ощутимых результатов можно достичь только в том случае, когда война будет перенесена в логово самих пиратов, возможно ближе к их центральным базам. Именно поэтому он избрал своей целью прежде всего Восточное Средиземноморье. Переведя туда свой флот, Сервилий с исключительным упорством и рвением в течение трех лет — вплоть до 76 г. до н. э. — проводил в жизнь свою программу. Он разгромил пиратские флоты в нескольких морских сражениях, неоднократно высаживал десанты на побережье, штурмовал и захватил многочисленные укрепленные поселения и порты, крепости и города на принадлежавших пиратам землях в Исаурии, Киликии, Памфилии и Ликии. Десятки кораблей пиратов были сожжены или потоплены, а сами они тысячами заканчивали свою жизнь

под мечами легионеров Сервилия. Вклад его в дело искоренения пиратства был римлянами оценен по достоинству — проконсул получил триумф в Риме и почетное прозвище «Исаврийский».

Однако Сервилий Исаврийский, при всем к нему уважении, не смог завершить начатого дела. Нанеся ущерб пиратам, он не ликвидировал их гнездо, но, скорее, разворошил пчелиный улей. Симптомы этого проявились почти сразу же. Активность пиратов после короткого перерыва вновь резко возросла. Они вновь возвращаются в Западное Средиземноморье, опять проникают в Тирренское и Адриатическое моря и проводят ряд операций на побережье самой Италии. Так, в частности, пираты устроили ряд грабительских высадок на побережье в окрестностях Брундизия, а также в Этрурии, на севере Италии. Один из десантов захватил в плен нескольких женщин из знатных римских фамилий, ехавших с небольшой охраной по дороге — в том числе дочь триумфатора Марка Антония, которую отец потом выкупал из плена. Другие пираты примерно таким же образом напали на двух римских преторов — Секстилия и Беллина — и откровенно унизили в их лице все Римское государство, похитив этих должностных лиц вместе с их знаками отличия: в тогах, с сопровождавшими их слугами и ликторами. Ситуация вновь накалялась, так что откладывать ее решение было долее уже просто невозможно.

Симптоматично и показательно, что особую ненависть и презрение у пиратов вызывали именно римляне. Была ли это только «рука Митридата», или отношение к сынам Капитолийской волчицы было уже таким по всему Средиземноморью, поставлявшему «новобранцев» в пиратские ряды, — сказать сложно. Во всяком случае, когда очередной пленник, по словам Плутарха, кричал, что он римлянин, пираты устраивали нередко целый спектакль. «Они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили».

Новым героем войны с пиратами должен был стать вышеупомянутый Марк Антоний — кстати, отец незадачливого любовника царицы Клеопатры. В 75 г. до н. э. сенатом ему даны были полномочия принять власть над всеми морскими берегами, находящимися под римским управлением. Это и в самом деле были чрезвычайные полномочия — такой власти не имел до той поры ни один представитель власти в государстве. Проблема действительно стала смертельной. Однако, не к чести Марка, надо отметить, что его действия не были удачными. Римляне явно промахнулись в выборе главкома. Марку Антонию гораздо интереснее было то, что он сам получит в результате этих действий, чем то, что может выиграть Рим. Собственное сребролюбие и неумелость руководства привели к тому, что пятилетние действия против пиратов закончились безрезультатно, более того, сам Марк Антоний был разбит на море критским флотом, принудившим его заключить с Критом мирный договор.

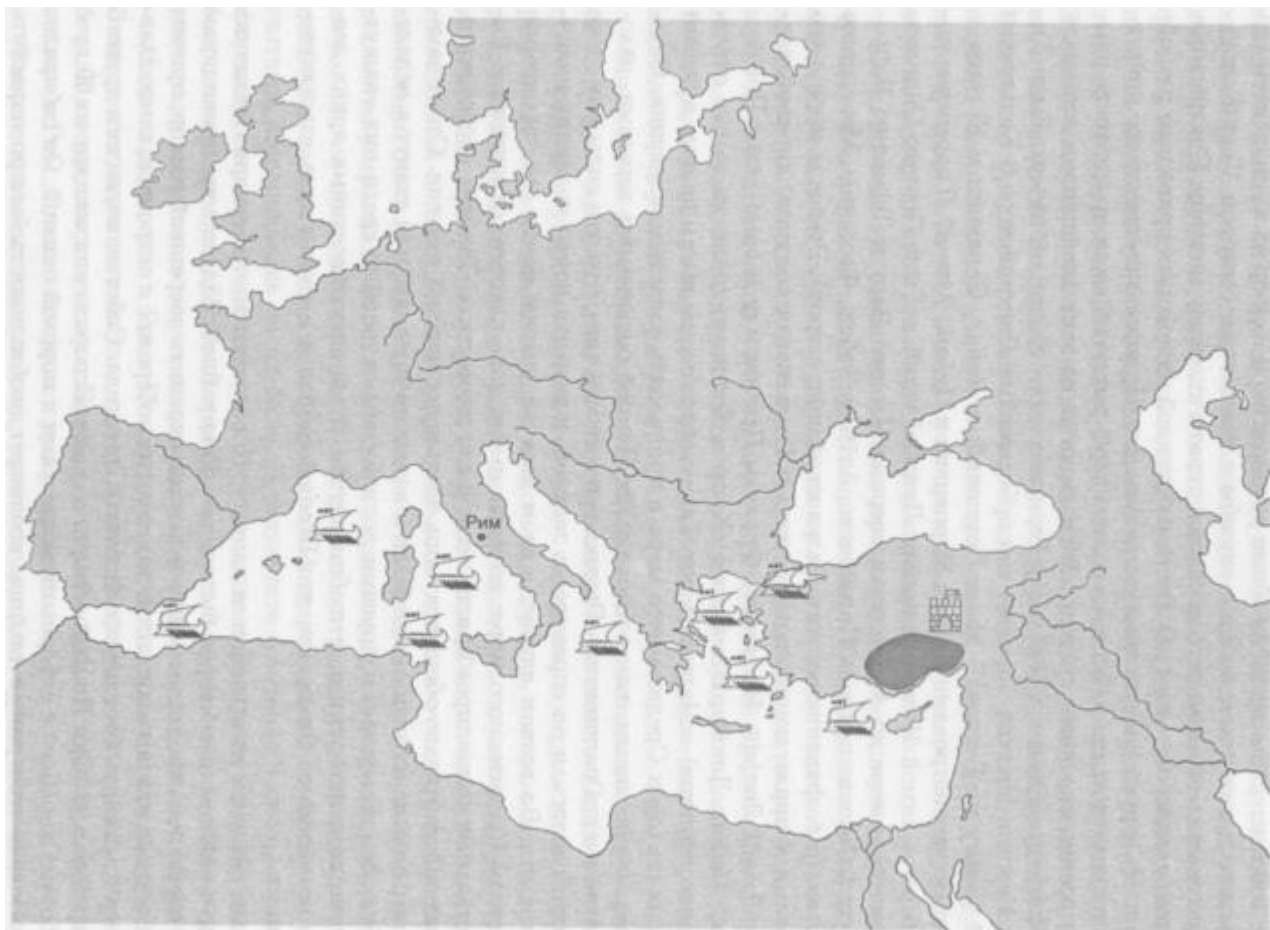
Пиратство достигло своего полного расцвета. Под контролем разбойников находилось не менее четырех сотен приморских городов; флот пиратов насчитывал

в общей сложности более тысячи судов разных классов. Не будет преувеличением сказать, что к 70-69 гг. до н. э. пиратские силы находились в наивысшей точке своего развития. В довершение всего Рим постигла еще одна беда. Знаменитое восстание Спартака, встряхнувшее всю Италию, происходило именно в 73-71 гг. до н. э. Его подавление потребовало от римлян невероятного напряжения сил, и относительно спокойный тон античных авторов, которые порой как бы бесстрастно и отстраненно описывают происходящие события, не должен вводить нас в заблуждение. Если только представить себе то положение, в котором оказалось государство, то становится страшно. Незаконченные войны на Востоке, разгул пиратства, ожесточенная политическая борьба группировок знати в самом Риме, бесчинствующие по всей Италии гладиаторы — все это поставило страну на грань гибели. Решать все проблемы одновременно было просто невыносимо — нужно было определяться с приоритетами.

Ситуация накалялась. Римская беднота, раздраженная приобретшими хронический характер перебоями в снабжении хлебом, находилась на грани социального взрыва. В этой ситуации в 67 г. до н. э. по инициативе плебейского трибуна Габиния был принят новый закон, который регламентировал порядок решения проблемы пиратства. Сенат предпринимал все возможное, чтобы воспрепятствовать принятию этого закона, однако не потому, что сам не желал бороться с разбойниками, а скорее в целях противодействия неслыханной концентрации власти в руках того человека, который окажется на этом посту. Тем не менее, закон все же был принят; согласно ему полномочия главнокомандующего по борьбе с пиратством существенно увеличивались.

На этот пост был избран на три года находившийся тогда в зените своей славы друг Габиния Гней Помпей. Согласно утвержденным законом порядкам, он получал неограниченную власть над всем побережьем Средиземного моря вплоть до Геркулесовых столпов на западе и берегов Понта Эвксинского на востоке. Однако права расширялись за счет того, что эта власть распространялась и на прибрежные земли на четыреста стадий (немногом менее 80 км) вглубь от береговой черты. Всем царям и правителям, подчинявшимся римлянам или находившимся в союзе с ними, было отправлено указание всячески содействовать Помпею; ему самому было дано право самостоятельно выбирать себе подчиненных командиров, набирать войско и собирать необходимые для нужд его армии денежные средства. Рим выделял в качестве стартовой суммы шесть тысяч аттических талантов серебра, достаточно солидные воинские контингенты и все наличные корабли. В результате, если вначале у Помпея оказалось 270 кораблей разных классов (от «полуторников» до квинкверем), то в конечном итоге ему выделили 500 вымпелов. Кроме того, в его распоряжение давалось 120 тысяч пехотинцев и около 5 тысяч всадников. Ему подчинялось, как пишет Аппиан, двадцать пять легатов, которых Помпей назначил руководить отдельными отрядами, задача каждого из которых была достаточно строго определена.

Помпей использовал уроки борьбы с пиратами своих предшественников и сделал из их поражений должные выводы. Стратегия борьбы в очередной раз подверглась кардинальному пересмотру. Во главу угла был поставлен повсеместный и одновременный натиск на противника. К этому моменту было ясно, что концентрация всех сил против любой из крупных баз пиратов является порочной практикой и ведет к неминуемому ускользанию основной массы врагов. Поэтому

Борьба Помпея с пиратами в 67 г. до н. э.

Помпей, внимательно изучив карту Средиземноморья, разделил всю его акваторию на несколько секторов. В каждый из них назначался командующим один из легатов, получая звание претора с соответствующими атрибутами и регалиями. За собой главком оставлял общее руководство и надзор за выполнением его приказаний и качеством несения службы в каждом из секторов. Таким способом пресекалась возможность пиратов к стратегическому маневру: Средиземное море разбивалось на «клетки», бегство с каждой из которых приводило разбойников лишь в руки следующего командующего. Принцип повсеместного присутствия полицейских сил обеспечил полное перекрытие морских пространств римскими военно-морскими силами. Имена многих из этих командиров дошли до нас. Командующими в Иберии и у Геркулесовых столпов назначены были Тиберий Нерон и Манлий Торкват; над побережьями Лигурийского и Кельтского морей (к югу от Галлии) — Марк Помпоний; в Ливий, Сардинии и Корсике с прилегающими островами Лентул Марцеллин и Публий Атилий. Тирренское море у берегов самой Италии стерегли Луций Геллий и Гней Лентул; Сицилию и Ионическое море до Акакрнании вверили Плоцию Вару и Теренцию Варрону; Луций Сизенна получил Пелопоннес, Аттику, Эвбею, Фессалию, Македонию и Беотию (т.е. фактически весь Балканский полуостров). Эгейское море с его островами и прилегающей к нему частью Геллеспонта получил под свой контроль Луций Лоллий; Вифинию, Фракию, Пропонтиду и само устье Понта — Публий Пизон. Ликий, Памфилию, Кипр и Финикию (один из самых ответственных участков) — Метелл Непот. Таким образом, мы имеем данные о девяти больших секторах Средиземного моря и тринадцать имен командующих. Остается не вполне ясным, как распорядился Помпей остальными легатами, находившимися в его подчинении. Высока вероятность того, что эти силы ему даже не потребовались, и он справился с задачей, используя почти половину наличных средств. Во всяком случае, в этом перечне учтены почти все территории по берегам Средиземного моря, которые имели хоть какое-то отношение к Риму: остальных командиров просто негде было разместить. Так что, скорее всего, Помпей действительно обошелся лишь частью доверенных ему сил. Стоит заметить, что многие из этих людей были в недавнем прошлом или станут в недалеком будущем консулами и другими должностными лицами; среди них окажутся писатели и историки и, в любом случае, отцы многочисленных ярких деятелей позднейшего Рима. Так что Помпей собрал и в самом деле «звездную» команду.

Если исходить из имеющихся данных, то получается, что средняя величина эскадр в каждом из секторов была около 35 кораблей. Задача всем командирам была поставлена предельно ясная и четкая: охранять вверенный сектор, причем не пассивно, а максимально активно, зачищая побережье и острова; и, самое главное, перехватывать противника, бегущего от соседа. Собственно, ничего другого и не требовалось. Сам Помпей оставил в своем распоряжении эскадру из 60 лучших боевых кораблей с отборными экипажами и морской пехотой. Он собирался использовать этот резерв там, где возникнет необходимость быстро нарастить силы. Районом собственного патрулирования он определил Тирренское море — наиболее ответственный треугольник между Италией, Сардинией и Сицилией. Это имело и практическое, и пропагандистское значение — Помпей был не только полководцем, но и честолюбивым политическим деятелем, и он прекрасно пони-

мал, что первоочередной задачей является разблокирование торговых путей, по которым снабжалось хлебом население Италии и самого Рима.

Едва разослав своих флотоводцев по назначенным местам, Помпей сам отправился в инспекционную поездку. Сперва он навестил Западное Средиземноморье, как наиболее близкое к Риму и наиболее далекое от Киликии. Эта поездка заняла всего сорок дней, в ходе которых командующий самолично побывал во всех своих флотилиях и ознакомился с обстановкой на месте. Однако эта поездка проходила на фоне интенсивной боевой деятельности подопечных флотоводца. В течение этих полутора месяцев Западное Средиземноморье было приведено к порядку. Завершив это мероприятие, он вернулся в Рим, откуда, после краткого перерыва, отправился на Восток. В те же самые сорок дней Помпей объехал флотилии Восточного Средиземноморья. Таким образом, система слежения и ликвидации пиратов была налажена им менее чем за три месяца. Причем она не просто была инициирована, а за этот самый срок привела к практически полному решению первой половины проблемы: пресечению пиратства на морях.

Само по себе это имело важнейшее пропагандистское значение. Во-первых, чрезвычайно возросла слава Гнея Помпея в Риме. Его энергия и быстрота действий вызвали восхищение у народа, да и у многих представителей знати. Снабжение города было полностью восстановлено. Падение цен на рынках, наступление прежнего изобилия — все это вызвало потрясающий эффект. Помпей стремительно завоевывал популярность, от недостатка которой и ранее не страдал. Во-вторых, что было гораздо важнее для исхода всего дела, эти приготовления вызвали страх у самих пиратов.

Вначале они собирались дать отпор Помпею и, по возможности, расправиться с его флотом, а если повезет — то перехватить его самого. Однако скорость, с которой он обустроил «новый порядок» на морях, повергла их в панику. В результате пираты сняли осаду с нескольких городов, которые они в этот период пытались захватить, и в массе своей расползлись по контролируемым ими гаваням, под прикрытие портовых стен или скал. Фактически уже в ходе инспекционной поездки Помпея море оказалось очищено от пиратов. Однако его командиры тоже не дремали. Ревностно относясь к своим обязанностям, они повсеместно устраивали морские облавы и захватывали пиратские корабли поодиночке или по несколько единиц. В местах концентрации разбойников римляне, пользуясь своими солидными и высококвалифицированными воинскими контингентами, обрушивались на их базы. В результате в течение нескольких недель форпосты пиратской активности в Центральном и Западном Средиземноморье были ликвидированы. Оставшиеся пираты настолько присмирели, что просто не рисковали выходить в море и заниматься привычным и любимым грабежом.

Надо сказать, что в Риме Помпею чинили в это время массу препятствий. В частности, один из консулов отдал приказ расформировать флот, что потребовало вмешательства самого Помпея, который, оставив корабли в Брундизии, выехал в Рим. Однако конфликт урегулировали.

Важное значение имел эпизод, произошедший во время инспекции Помпея где-то в греческих водах. Несколько пиратских кораблей, находившихся в открытом море, выразили желание сдаться Помпею. Отлично понимая, что он должен быть жестким, но и милостивым, Помпей не причинил этим пиратам никакого зла, отобрав, однако, корабли. Это открыло шлюзы: множество пиратов и их

руководителей, вместе со своими семьями, массово начали сдаваться непосредственно Помпею, избегая иметь дело с его преторами. Милосердие, проявляемое великодушным флотоводцем, обращало к нему многих, а с их помощью он выслеживал пиратов, не собиравшихся капитулировать, которых сразу же — чтобы ясно виден был контраст — подвергал жестоким репрессиям: чаще всего их распинали.

Теперь Помпей отправился в Киликию. Его приготовления были весьма масштабны. Помимо пехоты и конницы, находящихся на кораблях, он заготовил десятки осадных машин и множество приспособлений для организации штурма укреплений. Помпей не сомневался, что встретит ожесточенное сопротивление и ему придется брать один за другим укрепленные «гнезда» пиратов в киликийских горах.

И действительно, наиболее непримиримые командиры решили дать бой неподалеку от своей столицы — Корацезиума. Однако в этом сражении, подробностей которого, увы, не сохранилось, пираты были наголову разбиты. Уцелевшие укрылись в своих горных крепостях. Устрашенные размахом приготовлений Помпея и, самое главное, невиданной прежде в римских командующих решимостью, пираты решили, что, сдаваясь на милость победителя и не отягощая своей вины дополнительным сопротивлением, они гораздо скорее встретят сочувствие у безжалостного римского полководца. Поэтому начался форменный парад капитуляций. Войско и флот Помпея едва прибыли в Киликию, как жители Крага и Антикрага — двух самых больших укрепленных замков — сдались им без боя. Вслед за ними точно так же поступили и другие горные киликийцы; в результате буквально на глазах грозный оплот морских разбойников опустился к ногам победоносного Помпея. В общей сложности за несколько дней капитулировало 120 городов, портов и замков! Не менее 10 000 пиратов либо погибло в сражениях на море, либо сдалось в плен.

Жители укреплений не только сдавались сами, но и выдавали собственное имущество и, что самое главное, оружие — как уже готовое, так и только изготавливавшееся. Вместе с оружием сданы римлянам были и все корабли — опять-таки, как достроенные, так и стоявшие на стапелях. Кроме того, римлянам достались огромные стратегические запасы сырья, копившиеся у разбойников — медь, лес, железо, парусина, канаты и т. п. Войска Помпея освободили тысячи пленников, которые либо работали на пиратов, либо дожидались в плену выкупа, который за них должны были заплатить. Все они были возвращены на родину.

Лес, заготовленный для строительства кораблей, Помпей приказал сжечь. Источники приводят разные данные о количественном составе приобретенных Помпеем корабельных трофеев. Так, Аппиан сообщает, что в ходе операций командиров Помпея на морях силой был захвачен 71 корабль. В Киликии же Помпей получил сданными без боя 306 кораблей. Данные Плутарха несколько отличаются. По его мнению, Помпей захватил 90 судов «с окованными медью носами». В источниках есть данные и о якобы уничтоженных 900 недостроенных судах, равно как и о захваченных Помпеем 400 кораблях. Как бы то ни было, трофеи впечатляли.

Большинство прочих запасов, пригодных к транспортировке и достаточно компактных, было отправлено в Рим — как, впрочем, и все пригодные для службы корабли. С пиратами разобрались схожим образом. Помпей провел своего

рода отбор, в результате которого пострадали и были казнены лишь наиболее злостные зачинщики и вожди пиратского движения. Однако подавляющее большинство этой публики примкнуло к пиратам отнюдь не по доброй воле. Люди, лишившиеся в силу различных обстоятельств средств к существованию и вынужденные промышлять морским разбоем, получили прощение. Их по приказанию Помпея расселили в городках Суровой Киликии, опустевших в результате войн с Митридатом — Малее, Адале, Эпифании, Солах и ряде других. Некоторые из этих людей были отправлены на поселение в Ахайю, в Димы.

Надо сказать, что в ходе этой кампании произошел еще один, довольно курьезный, случай. Один из римских командующих, Метелл (родственник товарища Помпея по Испанской войне) еще до избрания Гнея с его чрезвычайными полномочиями был отправлен на Крит с заданием ликвидировать это второе по значению после Киликии гнездо пиратов в Средиземном море. Осада затянулась. Узнав о победе Помпея и о том, как он обошелся со сдавшимися в плен пиратами, жители Крита отправили к флотоводцу гонцов. Они писали Помпею, что Крит, как ни смотри, входит в ту самую прибрежную зону, которую сенат определил ему в безраздельное управление. Поэтому они и ищут у него поддержки и защиты от римского же полководца. Ситуация, в которую попал Гней, была весьма двусмысленной. Отправленный им на Крит офицер — Луций Октавий — примкнул к пиратам и выставил Помпея в странном и, мягко говоря, невыгодном свете, воюя против своего же товарища по армии. Получалось, что Помпей взял под защиту врагов Рима и хотел лишить триумфа полководца, потратившего столько сил на борьбу с этими самыми врагами. Метелл все же взял Крит, расправился с пиратами, а Октавия с позором отослал обратно, выгнав из своего лагеря. Только бешеная популярность Помпея помогла спустить дело «на тормозах».

Таким образом, война с пиратами, которая всеми без исключения (в том числе, безусловно, и самим Гнеем Помпеем) расценивалась как затяжная и кровопролитная, на деле оказалась более чем успешной и чрезвычайно короткой. Главной причиной такого скорого решения проблемы явился не перевес сил, а их грамотное распределение и применение. По мнению многих исследователей, Гней Помпей нигде не проявил себя столь ярко, как в этом кратком эпизоде своей жизни, посвященном борьбе с пиратами — и это несмотря на то, что он дал множество битв и показал себя ярким и неординарным политиком. Талант Помпея проявился прежде всего в фазе организаторской и подготовительной работы. Исключительную роль сыграла и пропагандистская кампания. Противник еще до начала боевых действий был полностью деморализован. Не вступая в сражение, пираты уже проиграли войну. Помпей создал прецедент, который, в сущности, определил его дальнейшую судьбу. Именно в силу молниеносного, красивого и почти бескровного решения проблемы киликийских пиратов Помпею, еще находившемуся в Азии, были под давлением римского народа даны неограниченные полномочия для борьбы с Митридатом. Он становился неограниченным начальником, получал право воевать и заключать мир, где хочет, и кого хочет делать друзьями римского народа или считать врагами, а также распоряжаться всеми римскими войсками, которые находились вне пределов Италии. Ни один из государственных деятелей Рима ранее не обладал такими полномочиями. Так киликийские пираты, сами того не подозревая, проложили Риму путь к грядущей неограниченной императорской власти.

Но главным препятствием на пути к спокойствию в Римском государстве стали страшные по своему ожесточению и размаху гражданские войны. Республика корчилась в муках, доживая последние десятилетия, но претенденты на единоличную власть, сражаясь друг с другом, в том числе и на море, растянули эту агонию на добрых (или не слишком добрых) полвека.

Насколько высока была роль флота, римляне поняли еще в годы «союзнической войны» в Италии. Тогда, в 90 г. до н.э., опасаясь вторжения в окрестности Рима флотов восставших племен (которые, в массе своей, и отстраивали Риму суда для борьбы с Карфагеном), они впервые зачислили в ополчение вольноотпущенников, что само по себе было неслыханно, и определили их охранять морское побережье от Кум до Рима.

В 85 г. до н.э. в Рим возвращался Сулла, имея массу трофеев после первого разгрома Митридата и в ореоле славы. В частности, он привел с собой множество кораблей бывшего понтийского флота. Консулы Луций Корнелий Цинна и Гней Папирий Карбон спешно собирали флот, стоявший в гаванях Сицилии, и ремонтировали корабли. Стремясь упредить Суллу, оба консула переправили свои войска на кораблях в Либурнию на территории Илирии. Однако кораблей было мало, и переправлять войско приходилось по частям. Если первый отряд ушел на балканский берег вполне нормально, то второй буря застигла у самого Брундизия, и спасшиеся солдаты отказались выступить против соотечественников. Поднялся бунт, в ходе которого Цинну убили. Так, из-за нехватки сил флота, расстроилось первое выступление против Суллы. Сулла же, в свою очередь, в 83 г. до н.э. явился в Брундизий с войском, размещенным на 1 600 кораблях! Естественно, город и не думал сопротивляться.

В 82 г. до н.э. Сулла, воюя в Италии, придавал большое значение лишению противников их флота. В Неаполе одной из главных целей его войска стали триремы, стоявшие в городской гавани. Постепенно Италия переходила под власть Суллы, а его противники — опять же морем — бежали, кто куда: на Родос, в Африку и т.д. Примечателен один эпизод. Когда один из консулов — Марий, племянник знаменитого полководца и реформатора армии — покончил с собой, его отрубленную голову доставили Корнелию Сулле. Тот положил ее не где-нибудь, а именно на Форуме перед рострами с трофейных кораблей (которыми была украшена ораторская трибуна), и сказал при этом свою знаменитую фразу, имея в виду молодость поверженного противника: «нужно сначала стать гребцом, а потом управлять рулем». Показательно употребление Суллой именно флотской терминологии.

Флот пригодился Сулле и для добывания противников — вскоре Помпей был отправлен с ним и войсками в Африку, чтобы ликвидировать Папирия Карбона.

Однако вслед за этим наступило не то чтобы затишье, но переориентация сил флота. Он в основном использовался для борьбы с пиратами, Митридатом, доставки войск в Испанию. Внутренние свары временно перешли в относительно скрытую фазу.

ГЛАВА VI НА БЕРЕГАХ ЛА-МАНША И АТЛАНТИКИ. МОРСКИЕ ВОЙНЫ ЦЕЗАРЯ

Faciant, meliora potentes
(Пусть сделает лучше, кто может)

ОПЕРАЦИЯ ПРОТИВ ВЕНЕТОВ

Стратегическая обстановка в Галлии в конце войн Цезаря — Венетская проблема — Необходимость флота — Его строительство и распределение сил Цезарем — Армориканская экспедиция флота и захват мысовых крепостей — Сравнение конструктивных особенностей римских и галльских судов — Первые стычки и новая abordажная тактика римлян — Решающее сражение с венетами — Разгром венетского флота и поражение повстанцев — Анализ первой океанской кампании римлян.

С эпохой галльских войн Гая Юлия Цезаря связан эпизод боевых действий на море, весьма отчетливо дающий представление об одном из типичных вариантов противостояния римлян и варваров. События эти развернулись на крайнем северо-западе Римского государства — в прибрежных водах полуострова Арморика — нынешней французской Бретани.

Галльская война, как казалось, подходила к концу. Были окончательно разгромлены племена белгов, с которыми римлянам довелось выдержать длительную и ожесточенную борьбу. Вторгшиеся с северо-востока германские племена были отеснены за Рейн; в Альпах были побеждены седуны. Цезарь и его командиры, перенесшие тяготы и превратности боевых действий, имели все основания считать Галлию, наконец, вполне замиренной.

Именно поэтому Цезарь решил в начале зимы 57-56 гг. до н. э. покинуть театр боевых действий и отправиться в Иллирию, ибо он рассчитывал провести там рекогносцировку — ознакомиться со страной и ближе узнать расселявшиеся там племена. Однако планы эти были сорваны практически в самом начале. Разыгралась классическая для любой войны, связанной с оккупацией территории противника, ситуация. Публий Кресе командовал 7 легионом, который был расквартирован на северо-западе Галлии, близ самых берегов Атлантики — среди земель, занимаемых племенем андов. Местность и в мирное время не отличалась избыточным плодородием и изобилием пищевых ресурсов, а в условиях недавно ведшихся боевых действий расквартированный легион оказался в мягко говоря стесненных рамках пищевого довольствия. В этой ситуации Кресе, предвидя весьма суровую зимовку, задумал провести классическую реквизицию. Он разослал по ближайшим племенным общинам нескольких своих командиров конницы и военных трибунов с приказом о сборе провианта. В частности, к племени эсубиев был послан Тит Террасидий, к куриосолитам — Марк Требий Галл. К племени венетов были отосланы Квинт Веланий и Тит Силий.

Неудивительно, что подобные претензии вызвали сопротивление среди племен, лишь недавно покоренных римскими войсками. Это покушение на имущество новых подданных Рима было расценено кельтами как первый пример и прообраз грядущих притеснений. В результате вожди племен сочли возможным

использовать это совершенно неизбежное для римлян мероприятие в качестве повода для пересмотра отношений с римлянами и, в перспективе, полного выхода из-под их контроля. Учитывая, что наиболее действенной мерой для предотвращения брожения и неповиновения среди замиренных подвластных племен в ту эпоху была выдача ими римлянам заложников из среды знатной молодежи, главной целью на данном этапе для кельтов было возвращение собственных заложников.

Собственно говоря, волнения начались прежде всего в среде венетов, пользовавшихся наибольшим авторитетом среди прибрежных племен. Именно венеты задержали и арестовали посланных к ним Силия и Велания, будучи уверенными, что этот демарш повлечет возвращение заложников, находившихся в ставке Красса. Примеру венетов незамедлительно последовали и их соседи — эсубии и куриосолиты. Особенностью психологического склада кельтов, неоднократно отмечавшейся многими античными авторами, было поспешное принятие решений и избыточная вспыльчивость и неуравновешенность — качества, вероятно, особенно отчетливо смотревшиеся на фоне спокойной уверенности в своих силах, свойственной римлянам и в особенности самому покорителю Галлии — Гаю Юлию Цезарю. По крайней мере, сам Цезарь неоднократно подчеркивал эту черту, то и дело проявлявшуюся у его противников. Так случилось и в этот раз. Пример венетов распространился достаточно далеко — целый ряд племен, проживавших на побережье Северо-Западной Галлии, примкнул к восстанию. Причем если Требия и Террасидия задержали, судя по всему, по собственной инициативе, то к отдаленным от венетов племенам, эсубиев и куриосолитов были отправлены послы, инициировавшие союз против общего врага. Через собственных вождей племена дали друг другу клятву действовать во всем сообща и разделить участь друг друга. Лозунгом, объединившим эту коалицию, было предпочтение унаследованной от предков свободы подчинению римлянам. К Крассу было отправлено посольство, заявившее, что он получит обратно своих посланцев лишь после возвращения племенных заложников.

В результате возник достаточно импровизированный, но весьма сильный союз племен, созданный «под конкретную задачу»: общий враг в лице римских легионов сплотил кельтов. Это стало чрезвычайно серьезной проблемой, так как в зоне восстания оказались обширные области прибрежной Галлии, области, наиболее удаленные на тот момент от метрополии. Фактически Цезарь мог располагать здесь только собственными силами, и его задача сводилась в данной ситуации прежде всего к тому, чтобы наиболее рационально их распределить и использовать.

Специфика ситуации заключалась в том, что приморский характер территории и морской образ жизни восставших племен переводил борьбу в новое измерение. Если до этого римлянам удавалось решать военно-политические проблемы в Галлии практически исключительно на суше и привычным им путем, то теперь наличие морского театра военных действий существенно затруднило их положение. Лидирующую роль в союзе племен играли венеты. Это племя пользовалось наибольшим влиянием во всей приморской полосе Северо-Запада Галлии, и основой этого влияния было их господство на море. По свидетельству самого Цезаря, венеты располагали самым большим числом кораблей по сравнению с иными племенами, с их помощью поддерживали постоянное сообщение с Британией,

а также безусловно превосходили всех прочих галлов знанием морского дела и практическими навыками в этой области.

Море у северо-западного побережья Галлии было весьма бурным и почти всегда создавало мощную прибойную волну, чрезвычайно затруднявшую собственно причаливание и спуск корабля на воду. Кроме того, сам берег был по большей части достаточно крутым и обрывистым, лишь в немногих местах имелись гавани, пригодные для стоянки и снаряжения флота. Все эти гавани находились под контролем венетов, что позволило им держать в своих руках морские коммуникации в этом регионе. Остальные местные племена находились в тех или иных формах зависимости от венетов — прежде всего зависимости даннической. В результате венеты оказались главным противником римлян в этом освободительном движении, причем противником, опасным вдвойне в силу наличия у него достаточно мощных военно-морских сил, которые, как мы увидим позже, стали для римлян действительно «крепким орешком». Для его «раскалывания» Цезарю со своими командирами пришлось существенно скорректировать тактику действий собственного флота в ближнем бою.

К слову сказать, само племенное имя венетов наводит нас на определенные и весьма далеко идущие аналогии. С венетами вообще связана одна из самых давних и по сию пору удовлетворительно не решенных загадок античной истории. Дело в том, что племена с таким именем неоднократно появлялись в разных уголках европейского континента. Достаточно, например, указать, что, помимо уже упомянутых нами венетов северо-западной Галлии, которые оказались героями этого эпизода римской истории, аналогичное имя носило племя, расселившееся на крайнем севере побережья Адриатического моря — в своеобразном углу, образуемом современной Италией и бывшими югославскими республиками. Племя это, в силу близости основным центрам античной культуры, оставило заметный след в истории Южной Европы, а также украсило своим племенным именем географическую карту современности. Именно оно послужило источником названия одного из наиболее известных городов средневековья — Венеции (Venetia).

Однако это не единственный пример. Несомненно, что племя если и не с абсолютно идентичным, то достаточно близким по звучанию именем оставило свой след в названии славянского племени вендов на Балтике, в Поморье. Глубокая древность этого корня и его связь отнюдь не только с Балтикой, но и с более северными территориями расселения славянства, с севером будущей Руси, подтверждается существенным филологическим аргументом. В западно-финских языках (эстонском и финском) Россия обозначается словом *Venaja*, а сами русские — *venäläinen*.

Это обстоятельство издавна привлекало к себе внимание исследователей, однако удовлетворительного объяснения ему не выдвинуто и по сей день. Встречаются различные точки зрения — от признания абсолютной независимости лишь случайно оказавшихся созвучными племенных названий и, как следствие, независимости происхождения их носителей, до признания единоплеменности всех этих венетов-вендов-венедов и зачисления их в разряд либо славян, либо кельтов, либо каких-то иных племен.

У нас нет ни возможности, ни нужды рассматривать здесь эту проблему, однако стоит отметить важное обстоятельство, существенное в контексте военно-морской истории античности. Все эти племена проживали близ моря и были

неплохими мореходами. Весьма показательно, что в ходе своих перемещений по Европе — а ни одно из них, судя по всему, не отличалось устойчивой оседлостью до того, как попало на страницы анналов и историй — эти племена в конечном счете стремились к морю и, наконец, обретали его, воплощая в максимально возможной форме собственные кораблестроительные и мореходческие таланты. Вряд ли это может рассматриваться как неопровержимое свидетельство их родства между собой, однако, несомненно, косвенно поддерживает эту версию.

Однако вернемся в Галлию, в ставку Красса. Оказавшись в весьма затруднительном положении, он отправил гонцов с известием о произошедшем к Цезарю, который к тому времени успел достаточно далеко отъехать от места события на юг. Тем не менее Цезарь, вполне в свойственной ему решительной и быстрой манере, сумел адекватно оценить сложившуюся оперативную обстановку и принять соответствующие моменту меры. По сути дела, главным обстоятельством, осложнявшим положение римлян, было именно господство венетов на море. В Галлии у римлян отсутствовал сколько-нибудь значительный флот, за исключением небольшого количества вспомогательных судов и транспортных плавсредств. Разумеется, с такими силами вступать в борьбу на море было бессмысленно. Сугубо сухопутная операция была затруднена. Ее можно и нужно было провести, однако маневр флотом и высадка войск в различных местах побережья позволял галлам держать в своих руках стратегическую инициативу. В результате война могла стать затяжной, что было вообще нежелательно для римлян.

Единственной альтернативой был синхронный удар как сухопутными, так и морскими силами, приводивший к успеху гораздо более коротким путем. Однако такие морские силы, в отличие от легионов, еще только предстояло создать. Можно было, разумеется, прибегнуть к помощи флотов, базировавшихся в Средиземном море. Несомненно, там нашлось бы должное число кораблей, укомплектованных квалифицированными командами, которые могли вполне успешно справиться с поставленной задачей. Однако путь вокруг Пиренейского полуострова и через Бискайский залив, да еще в условиях холодного времени года, был чрезвычайно сложен и долог — скорее всего, кампания затянулась бы по меньшей мере на полгода-год, прежде чем вступить в свою решительную фазу. Этот путь, разумеется, Цезаря не устраивал.

Оставался единственный выход — срочно обзаводиться многочисленным и хорошо оснащенным флотом на месте. Причем на месте в буквальном смысле — там, где находился сам Цезарь. Ведь многочисленные гавани Арморики находились в руках противника, и для того, чтобы строить там корабли, необходимо было вести тяжелую сухопутную войну за контроль хотя бы над несколькими портами. В этой ситуации Цезарь принял молниеносное и совершенно верное решение — строить флот там, где застало его известие о восстании — на реке Лигер (современная Луара). Лигер впадал в Атлантику, был полноводен и судоходен. Берега реки располагали необходимыми запасами строевого леса и были под вполне надежным контролем римлян; здесь находился и квалифицированный ремесленный персонал. Наряду с распоряжением о строительстве самих судов Цезарь отдал приказ о формировании команд: наборе гребцов, матросов и кормчих из населения провинции. Немедленно началась работа, и как только Цезарь удостоверился в ее успешном продвижении, а погодные условия несколько

улучшились в связи с окончанием зимы, он сам отбыл к войску Красса, располагавшемуся на севере.

Одновременно соответствующими приготовлениями, разумеется, занимались и венеты со своими союзниками. Даже за недолгий срок контактов с римлянами они составили себе вполне отчетливое представление о том, к каким последствиям может привести столь дерзкое и непочтительное отношение к последним, особенно в лице Цезаря и его офицеров. Кроме того, они и сами прекрасно понимали, что арест послов, всегда и везде считавшийся весьма вызывающим и недопустимым деянием, является чрезвычайно серьезным преступлением с точки зрения дипломатической практики. Поэтому, как только сведения о приближении Цезаря стали распространяться — разумеется, впереди него самого, — союзники начали усиленные приготовления к боевым действиям. Поскольку основу их боевой мощи составлял именно флот, то прежде всего его и коснулись все эти мероприятия. Корабли спешно ремонтировались и приводились в порядок. В пределы Венетии стягивались силы флота, находившиеся за ее пределами — к северу вдоль побережья, в Британии, на реках внутри континента.

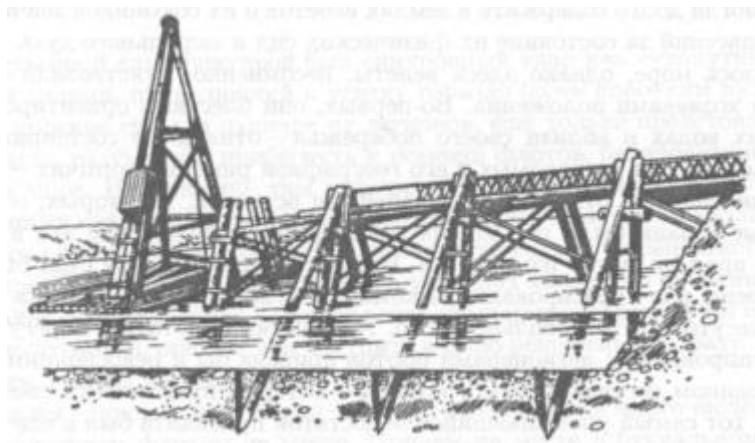
В основе стратегии галлов лежало использование характеристик театра боевых действий. Главная ставка делалась на военно-морские силы. Поскольку суша была во многих местах изрезана вдающимися в нее лагунами и имела достаточно пересеченный рельеф, действия легионеров существенно осложнялись. Важным обстоятельством была и породившая весь кризис нехватка провианта — римляне просто не могли долго содержать в землях венетов и их союзников значительные силы без опасений за состояние их физических сил и морального духа.

Оставалось море, однако здесь венеты, несомненно, чувствовали себя безусловными хозяевами положения. Во-первых, они блестяще ориентировались в собственных водах и вблизи своего побережья — отнюдь не гостеприимного и весьма опасного для незнакомых с его географией римских кормчих — ведь они не знали ни местных отмелей, ни гаваней, ни островов. Во-вторых, все немногочисленные гавани были под контролем венетов, и положение это в ближайшее время вряд ли могло измениться. Напомним, что римские суда были мало приспособлены для крейсирования, и команды нуждались в береговых ночевках если не ежедневно, то довольно часто. А попытка пристать к берегу в отсутствие оккупированных легионерами портов привела бы к невосполнимым потерям в численном составе флота и команд — потерям практически еженощным. В-третьих, тот самый упоминавшийся недостаток провианта был в еще большей степени существен для моряков. Наконец, следует помнить, что римлянам практически впервые предстояли широкомасштабные боевые действия не в закрытой акватории Средиземного моря, а в прибрежной полосе океана. В отличие от приученных к подобным условиям с юности галльских мореходов, римские команды, спешно набранные и обученные в Галлии, были очень мало готовы к такого рода испытаниям.

Помимо усиления флота, венеты, разумеется, не оставили без внимания и подготовку наземных сил. В спешном порядке укреплялись их города и поселения, из окрестных деревень свозился и складировался провиант. Будучи лидерами большого племенного союза, венеты всячески его укрепляли и расширяли. В союз вошли племена менапиев, лексовиев, намнетов, диаблинтов, моринов, амбилиатов, осисмов и др. Более того, пользуясь давними и устойчивыми

связями с Британией, венеты и оттуда призвали контингенты вспомогательных войск.

Как бы то ни было, обстоятельства, предшествующие началу боевых действий или, как сказали бы сейчас, оперативно-тактическая обстановка, были явно не в пользу римлян. И тем не менее Цезарь нисколько не колебался, начиная войну. Насильственное задержание римских послов всаднического сословия, возобновление военных действий после окончательной капитуляции, а также факт отпадения после выдачи заложников, с его точки зрения, совершенно справедливо рассматривались как злостное нарушение установленного им порядка и безусловно преступное деяние. Более же важным было то обстоятельство, что имел место, как любили говорить позднее, «преступный сговор», повлекший достаточно масштабное межплеменное движение. Существовала вполне реальная опасность, что и прочие племена сочтут возможным и дозволенным то же самое, если не принять решительных мер против венетов и их союзников. В общем, была необходима показательная, кратковременная, но очень эффективная войсковая операция, решающая основные задачи на этом фронте и способная продемонстрировать как мощь римского оружия, так и непреклонность позиции Рима в отношении своих новых подданных. При этом трезвомыслящий полководец прекрасно отдавал себе отчет в том, что «вообще люди от природы стремятся к свободе и ненавидят рабство». Его же задача как представителя Республики на окраинах ее владений заключалась во всемерном противодействии этому стремлению.

Конструкция римского моста эпохи войн Цезаря (реконструкция)

Понимая, что, как писал сам Цезарь, «почти все галлы падки на все новое и очень легко и быстро поддаются подстрекательству к войне», он решил разделить собственное войско с тем, чтобы распределить его по возможно более широкому району, предупреждая вступление в повстанческий союз еще большего числа племен. Цезарь отправил легата Тита Лабиена с корпусом конницы в страну племени треверов, которая располагалась близ самого берега Рейна, с сугубо «профилактическими» целями — помешать возможному соблазну примкнуть к союзу венетов. Одновременно Лабиен должен был побывать в землях союза белгов — в частности, у племени ремов — с аналогичной миссией. Кроме того, Цезарь имел в виду, что этот конный отряд предотвратит возможную переправу через Рейн

и вторжение в Галлию германцев, которых, по слухам, белги пригласили к себе на помощь. Существовала реальная угроза переправы германцев на своих судах через Рейн, и отряд Лабиэна, таким образом, должен был обезопасить северный и северо-восточный фланг Цезаря, обеспечив тому свободу действий в Арморике.

Левый фланг грядущего наступления обеспечивал Публий Красс. Его Цезарь отправил вместе с 12 легионными когортами на юг, в Аквитанию. Целью этого похода была демонстрация силы среди племени аквитанов — многочисленного и мощного племенного объединения, вполне могущего прийти на помощь своим потенциальным союзникам в Венетии. Присылка отсюда вспомогательных войск также могла чрезвычайно существенно осложнить и без того не блестящее положение римлян на северо-западе.

Легата Квинт Титурия Сабина с мощной группировкой из трех легионов Цезарь отослал в страну венеллов, куриосолитов и лексовиев, наиболее близко находившихся к эпицентру восстания и располагавших немалыми силами. Задачей этого отряда было непосредственное разъединение сил союзников венетов, ибо здесь одной только демонстрации силы было уже недостаточно.

И, наконец, командиром флота был назначен молодой Децим Брут. Под его началом оказался флот, состоящий из двух основных частей: собственно римских кораблей, построенных и укомплектованных по приказу Цезаря на Луаре, а также довольно многочисленных галльских кораблей, выставленных римскими союзниками. Эти корабли принадлежали пиктонам, сантонам и другим племенам, находившимся в мирных отношениях с римлянами и не предпринимавшим попыток отстаивания своей независимости. Соответственно, эти суда были укомплектованы галльскими экипажами и были предназначены и оптимизированы для ведения боя по местным, галльским, правилам. В известном смысле это было большим преимуществом, выгодно отличавшим галльскую часть флота от римской на этом театре боевых действий. Однако союзники союзниками, а полагаться римляне могли прежде всего на свои собственные корабли, хотя и укомплектованные «с бору по сосенке» в спешке. Всегда приходилось учитывать возможность определенных симпатий союзных галлов к своим этническим сородичам на противостоящей стороне.

Как бы то ни было, Брут получил под свое начало флот. При этом ему было приказано действовать до известной степени самостоятельно и как можно быстрее напасть на венетов. Сам Цезарь немедленно поспешил в прибрежную зону со своей сухопутной армией. Таким образом, началась достаточно масштабная и блестяще продуманная и спланированная карательная операция против восставших племен Северо-Западной Галлии. Удар наносился силами нескольких группировок, две из которых обеспечивали фланги демонстративными и превентивными действиями, одна наносила упреждающий удар по союзникам венетов, отделяя их, а главные силы наносили концентрический удар по самим зачинщикам мятежа — удар как с суши, так и с моря.

Война на море началась сразу же по прибытии флота Брута в армориканские воды. На первых порах использование морских сил было направлено преимущественно на борьбу с береговыми укреплениями противника, т. е. флот использовался как вспомогательная сила для осады галльских городищ, пытаясь обеспечить изоляцию их со стороны моря параллельно со штурмом легионерами с суши.

Важным обстоятельством, осложнявшим римлянам ведение боевых действий, было наличие в области венетов большого количества классических архаических укреплений по типу мысовых городищ. Это был, судя по всему, древнейший и наиболее примитивный способ возведения укрепленных поселений, связанный с максимальным использованием естественных природных укреплений и минимальным приложением усилий самих строителей. Приморский характер местности вносил свое разнообразие. Если в глубине суши для возведения мысового городища чаще всего нужен был обрывистый уступ рельефа, поднятый над ополем, то в Арморике существовало большое количество мысов и кос, выдающихся в море, которые как нельзя лучше соответствовали именно такому способу их использования. Мыс перегораживался стеной со стороны материка, и возводились не слишком существенные преграды со стороны моря. Море здесь отличалось достаточно существенными колебаниями уровня во время цикла прилива-отлива, повторявшегося дважды в день, через каждые 12 часов. Поднимавшаяся вода затапливала подступы к городищу с суши, а отступившее море мелело настолько, что делало невозможным подход кораблей к укреплению. Осадка судов не позволяла им безнаказанно приближаться к городищу для ведения постоянного обстрела или для высадки существенного десанта.

Практически единственным путем штурма таких укреплений — путем долгим, дорогостоящим и сомнительным в смысле эффективности — было сооружение разного рода ирригационных приспособлений и плотин, отбивавших волны и не позволявших им затапливать подступы к крепости, а также возведение огромных насыпей, в высоту достигавших самой крепостной стены. Однако и эти ухищрения вели лишь к частной победе: если римлянам удавалось поставить такой город в невыгодное положение, начать обстрел и приступить к осаде по всем традиционным правилам, то население и защитники, видя безвыходность своего положения, тотчас эвакуировались. Небольшие транспортные лодки и суда, которыми галлы располагали в изобилии, быстро перевозили живую силу и имущество в другие форты подобного рода. Борьба же с этим «москитным флотом» римским судам было чрезвычайно затруднительно; к тому же в начальный период римский флот еще не подошел к месту боевых действий и не мог ощутимо участвовать в патрулировании побережья.

После завоевания нескольких таких городов Цезарю пришлось убедиться в чрезвычайной неэффективности подобного метода ведения боевых действий. Выяснилось, что захват укреплений не предотвращает бегства, вернее, перемещения сил неприятеля на новое, не менее укрепленное, место. Поскольку сил для занятия всех укрепленных пунктов в принципе взять было неоткуда, стало ясно, что череда подобных осад — бессмысленная трата времени и сил, ибо такая тактика наносит больший ущерб собственной армии, нежели армии противника. Войска венетов оставались неуловимыми, а силы римлян, и в особенности их запасы, были весьма ограничены.

В результате Цезарь принял решение отложить осадные мероприятия и дожидаться прибытия собственного флота. В результате начал разворачиваться тот самый план кампании, который был задуман Цезарем в самом ее начале — план, основывающийся на концентрическом воздействии на противника с моря и суши, когда флот и наземная армия действуют слаженно и по единому плану. Это напроць лишило бы галлов возможности гибкого маневрирования и использования

своих кораблей в качестве десантного средства. Иными словами, Цезарь стремился к генеральному сражению, разворачивающемуся одновременно или почти одновременно на суше и на море. Только в этом случае римляне могли рассчитывать на сравнительно быстрый и гарантированный успех, ибо иного исхода самолюбие их полководца не могло предположить.

Большая часть лета 56 г. сопровождалась бурями, очень затруднявшими римлянам патрулирование прибрежной зоны и помощь в осаде крепостей. Высокие волны открытого моря чрезвычайно тяжело переносились римскими кораблями, не предназначенными конструктивно для таких погодных условий — разумеется, в процессе спешной постройки было трудно существенно изменить конструкцию судов, и римляне вступили в борьбу, располагая типологически тем же самым флотом, который бороздил гостеприимное Средиземное море. Отсутствие удобных гаваней также приводило к изматыванию сил флота, затруднению его действий и неоправданным потерям.

Существенно, что серьезных морских сражений до поры до времени не происходило. Галлы располагали большим количеством крупных судов, однако не вводили их в дело большими массами. Спорадические столкновения отдельных кораблей и небольших их групп вскоре продемонстрировали принципиальные конструктивные особенности галльского судостроения и его превосходство в данных условиях над римскими технологиями.

Галльские суда располагали более плоским и широким, чем у римлян, килевым брусом. Это обстоятельство, во-первых, делало корабль несколько более гибким в плоскости продольной симметрии. Набегавшая волна, которая при шторме становилась главным врагом судна, перекатываясь под днищем и бортами, несколько изгибала корабль. Относительно плоский киль позволял сохранять судовому набору прочность в более существенных пределах. Во-вторых, что не менее важно, плоский киль позволял судам венетов подходить ближе к берегу и меньше опасаться подводных скал и камней, отмелей и банок. Кроме того, судно, которое было по какой-либо причине захвачено отливом, оставалось на ровном киле и вообще было гораздо более транспортабельно, в то время, когда римский корабль вынужден был, лежа на боку, ждать прилива, к тому же испытывая угрозу быть захлестнутым водой.

Форштевни и ахтерштевни и непосредственно прилегавшие к ним участки бортов были выполнены из цельных кусков дуба — столь массивных, сколь позволяло найденное для этой цели дерево. Это было очень существенным преимуществом, ибо корабли такой конструкции выдерживали сколь угодно сильный удар волн и достаточно серьезные столкновения с подводными объектами и мелями. Кроме того, внутренний набор корпуса был очень серьезно усилен: в нижней, придонной, части шпангоуты были усилены и связаны между собою поперечными балками-бимсами в фут толщиной, а также скреплены гвоздями в палец толщиной. На этом фоне римские корпуса, естественно, выглядели скорлупками. К тому же венетские корабли были выше римских, что создавало совершенно определенные трудности в боях на ближней дистанции: корабль как боевая платформа для стрелков и артиллерии у римлян в этом случае слабо выполнял свои функции, так как обстрел по восходящей траектории был гораздо менее эффективен. Ведь даже боевые башни, возводившиеся для стрелков на римских кораблях, оказались ниже, чем корма неприятельских кораблей.

Однако различия касались не только конструкции корпуса, но также рангоута, такелажа и некоторых других элементов корабля. Сообразно с требованиями океанского пространства, якоря крепились не канатами, а железными цепями, как на гораздо более поздних судах. Вместо ткани на изготовление парусов шла кожа — как грубая и толстая, так и тонкая дубленая. Вряд ли это было связано с недостатком льна или невысоким уровнем ткацкого дела — скорее всего такие паруса были действительно гораздо устойчивее к воздействию сильных океанских ветров. К тому же общая масса кораблей была значительно выше, чем у римлян, а в условиях относительно слабо развитого в ту эпоху парусного вооружения и малой общей площади парусов управление перетяжеленным кораблем с помощью плотного кожного паруса гораздо более соответствовало ситуации.

Самое же принципиальное различие заключалось в том, что галльские корабли были ориентированы прежде всего на передвижение под парусом — весла играли на них отчетливо вспомогательную роль. В случае проблем с парусным вооружением либо в отсутствие ветра (что, впрочем, в этих краях случалось весьма редко) венецкие суда становились неповоротливыми и медлительными в силу массивности и относительно небольшой общей мощности гребцов, а также их малого числа. Весла у венецких применялись прежде всего для тонкого управления кораблем при маневрировании в гавани либо вблизи берега, когда было необходимо совершать небольшие эволюции. Для походного же использования они просто не были предназначены, в то время как у римлян парус и весло были вполне равноправными участниками движения судна, а маневренный ближний морской бой вообще не мыслился без гребли.

Что же касается вооружения судов, то оно было у противников примерно идентичным и состояло у галлов из тарана, укрепленного на носу корабля, а также метательного оружия команды — луков, дротиков, пращей и артиллерийских приспособлений, оптимизированных для метания как камней и стрел, так и зажигательных снарядов.

Как видим, конструктивная дифференциация кораблей, закрепленная в устойчивой традиции, была налицо. Суда римлян идеально подходили для Средиземноморья, суда венецких — для Атлантики. Римляне вынуждены были «играть на чужом поле», поневоле приспособившая свою тактику к весьма сложным условиям.

Изначальное техническое превосходство венецких сказалось сразу же. Уже в первых небольших столкновениях выяснилось, что победа может доставаться римлянам исключительно в силу большей маневренности и скорости их кораблей. Мореходность же галльских судов была существенно выше. Кроме того, галлам были не страшны мели и отливы: в результате действий на мелководье они практически не несли потерь.

Морские бои первого этапа кампании носили характер локальных стычек нескольких судов между собой. Никаких конкретных задач на первых порах не ставилось, поэтому основной задачей как римского, так и венецкого флотов было патрулирование прибрежной полосы и вспомогательные действия по отношению к собственным сухопутным войскам в ходе соответственно осады или обороны фортов побережья. Однако такое отсутствие крупных сражений в первый период боевых действий оказалось, как выяснилось, на руку именно римлянам. Трудно было придумать более удачный ход событий именно для них.

Помимо большей мореходности и общей прочности конструкции, главным достоинством галльского тяжелого корабля в ближнем бою становилась именно большая высота надводного борта по сравнению с римским. Мало того, что это затрудняло излюбленный римлянами абсордаж — высокий борт делал чрезвычайно сложным для римлян и дистанционный бой, так как потери в их командах, а также разрушения, причиняемые самим кораблям, были существенно выше. Не выдерживая, в большинстве случаев, боя один на один или с примерно равным по численности противником, римские моряки, тем не менее, получили неоценимый опыт и знания о тактике противника. Поскольку это произошло до встречи основных сил флотов, т. е. до решающего сражения, то те недели и месяцы, которые прошли под знаком несомненного превосходства галльских моряков, сыграли совершенно неоценимую роль для римского флота. Трудно представить, как могли бы развиваться события, произошли решительное сражение в самом начале кампании.

Благодаря знакомству с галльской тактикой римляне смогли выработать необходимые контрмеры. Выяснилось, что, во-первых, таранный удар — основное средство поражения вражеского судна — был неэффективен против венетских судов. В том случае, когда он приходился в носовую или кормовую оконечности корабля, последний просто не получал ощутимых повреждений — целнодолбленные из дуба конструкции отлично держали удар даже окованного металлом тарана. Выяснилось, однако, что и поперечный удар недостаточно эффективен — римские тараны, оптимизированные для поражения себе подобных судов, лишь в исключительных случаях пробивали борта галльских кораблей, обычно же суда расходились без существенных повреждений.

Таким образом, таранный бой оказался неприемлем для данного театра военных действий. Оставались немногочисленные формы боевых действий, ориентированные не на потопление судна противника, а на его захват. Но обстрел, а также фиксация баграми и крючьями борта вражеского судна были весьма сложны из-за разницы в высоте. Однако у римлян все же оказалось по крайней мере одно приспособление, позволявшее нейтрализовать и победить противника. Это было оружие, приобретшее популярность именно в ходе этой кампании — металлические серпы, укрепленные на длинных деревянных шестах. Серпы эти напоминали те, которые предназначались для обороны стен крепостей, и были приспособлены для поражения противника на расстоянии, не позволявшем ему применить собственное холодное оружие. В данной ситуации их цель была несколько иная — такелаж венетских судов.

Тактика была следующей: при сближении судов несколько человек из абсордажной команды, сколь возможно быстро, пытались зацепить подобными серпами канаты, с помощью которых реи прикреплялись к мачтам. Коль скоро это было выполнено, отдавалась команда гребцам, которые резко налегали на весла, усиленно начиная грести. Корабль, трогаясь с места, в конечном счете, разрывал или разрезал эти канаты. В результате этого реи обрушивались вместе с закрепленными на них парусами, что было катастрофой для корабля венетов, подвергшегося подобной атаке. Ведь конструкция этих кораблей, как было указано, предполагала преимущественное использование парусного вооружения, в то время как гребцы выполняли, по сути, вспомогательную роль. Маневренность и вообще подвижность судна резко снижалась, так как поднять паруса заново

у команды в условиях морского боя просто не было возможности, сил и времени.

Именно этот конструктивный недостаток тяжелых и относительно неповоротливых судов венетов был использован римлянами в решительном сражении, в значительной степени решившем судьбу всей кампании Цезаря в северо-западной Галлии. Как только основные силы флота собрались в указанной точке rendez-vous с главным корпусом сухопутных войск Цезаря, практически весь галльский флот, также ожидавший решительного сражения и готовившийся к нему, вышел из близлежащей гавани, где укрывался до этого. Корабли венетов и корабли римлян выстроились в боевом порядке друг против друга.

У венетов было около двухсот двадцати больших кораблей, находившихся в отличном техническом состоянии и полностью приготовленных к бою. К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о численности римского флота. Далеко не всегда античная традиция считала необходимым тщательно фиксировать подобные существенные детали. В данном случае это особенно странно, так как главным и основным нашим информатором об этой кампании является ее непосредственный инициатор и бессменный руководитель — Гай Юлий Цезарь. К тому же у Цезаря не было никаких оснований скрывать численность собственного флота, построенного по его приказу и находившегося под его непосредственным наблюдением и попечением. Если бы кораблей было мало, это подчеркнуло бы героизм римлян, успешно противопоставивших численно превосходящему противнику собственное умение и находчивость. Если их было много, это свидетельствовало бы о недюжинном организаторском таланте Цезаря, сумевшего на пустом месте в считанные недели и месяцы создать мощный и организованный флот, укомплектовав его экипажами. Тем не менее точных цифровых данных у Цезаря мы не находим. Однако, судя по контексту, сопровождающему рассказ о битве, можно предположить, что римских кораблей все же было несколько больше, чем галльских, однако вряд ли это соотношение было слишком уж диспропорциональным. Иными словами, суммарный тоннаж более массивных кораблей венетов и более легких римских был, судя по всему, примерно сопоставим.

Несмотря на ожидание боя, ни командующий флотом Брут, ни его трибуны, командовавшие отдельными кораблями, ни центурионы размещенных на кораблях подразделений, не могли побороть внезапной растерянности при виде столь грозной силы, каковую представлял собою флот выстроившегося перед ними противника. Никто не мог решить, какой именно тактики следует придерживаться в предстоящем бою. Существующее неравенство в материальной части было уже известно и подтверждалось непосредственным визуальным наблюдением противника. В связи с этим трудно было отдать общий приказ, ориентирующий войска на тот или иной тип совместных действий. Классическая фронтальная атака была в данной ситуации просто бессмысленна, и поэтому следовало думать лишь о наиболее эффективных формах абордажа судов противника.

В результате командиры кораблей начали действовать в режиме максимальной тактической гибкости. Бой начался в четвертом часу дня встречной атакой двух флотов. Наиболее эффективная тактика, опробованная на опыте прошлых боев, была применена и в данном случае и дала отличные результаты, в значительной степени обусловившие исход начальной фазы боя. В момент схождения строев члены команды каждого из римских кораблей, вооруженные серпами на

длинных рукоятях, стремились не только поразить противника на борту соседнего неприятельского корабля, но и зацепить своими серповидными наконечниками такелаж неприятельского судна. При этом лучники и артиллеристы с той и с другой стороны вели интенсивный обстрел противника — как живой силы, так и конструкций самого корабля, коль скоро применялись зажигательные снаряды.

Существенным подспорьем для римского войска стал моральный фактор. Дело в том, что битва разыгралась непосредственно напротив того места на берегу, где сконцентрировалась сухопутная армия Цезаря во главе с самим полководцем. Все близлежащие холмы и высоты, весь обрывистый берег, были усыпаны легионерами и воинами вспомогательных отрядов, а также их командирами, с неослабевающим интересом наблюдавшими за ходом сражения. Достаточно высокие берега давали для этого массу возможностей, и в целом все происходящее напоминало гигантское гладиаторское морское сражение на поверхности воды в каком-нибудь амфитеатре, с той лишь разницей, что от исхода этого зрелища зависел в значительной мере исход всей войны, а противник был совершенно реален. Ни один случай сколько-нибудь заметного проявления героизма не мог в этих условиях укрыться от взоров всего войска и Цезаря, поэтому моряки и солдаты морской пехоты сражались со всем рвением, усиленным сверх обычного возможностью отличиться. Это придавало атакам римлян особую эффективность, а в условиях, когда исход сражения решался преимущественно ловкостью членов команды, которая затем должна была быть подтверждена храбростью абордажной партии, эти моменты приобретали колоссальное значение.

Как только серпы цеплялись за снасти, гребцы вступали в дело, прилагая максимум усилий. Слаженными и мощными гребками они резко перемещали корабль, разрывая такелаж, после чего вражеское судно лишалось парусного вооружения, сразу же становясь негодным для дальнейшего употребления в качестве реальной боевой единицы. Корабль венетов становился практически неуправляемым. После этого бой на данном участке «фронта» вступал в следующую фазу. Поскольку корабли действовали вне строя и по собственной инициативе, ближайшие суда римлян, заметив падение рея и обездвижение того или иного корабля венетов, немедленно подходили к нему и окружали. Обычно к каждому нейтрализованному кораблю подходило два-три римских судна. Не прекращая интенсивного обстрела малоподвижной цели, солдаты приблизившихся судов всеми силами стремились зацепить борта противника и попытаться высадить на его палубу абордажную партию. После этого завязывался классический абордажный бой, бывший несколько скорректированной версией пешего боя легионера вне строя. В этом бою отлично вооруженные и обученные римские солдаты, несомненно, превосходили кельтских воинов, к тому же они часто имели и численное преимущество.

В результате последовательного и неуклонного применения именно подобной тактики было, в конце концов, захвачено несколько кораблей венетов. Кельты, видя, что против подобной тактики никакие средства не могут быть эффективными, через некоторое время начали испытывать определенное замешательство. Большая часть их кораблей предпочла спастись бегством. Развернув свои суда, венеты начали отступать. Однако в этот день погода, так серьезно досаждавшая и вредившая римлянам в течение многих предшествующих дней кампании, смилостивилась над моряками Цезаря и Брута. Внезапно наступил полный штиль.

Корабли галлов оказались полностью обездвиженными — для их остановки и превращения в плавучую мишень и цель для abordage стали ненужными даже ухищрения римских моряков и искусство кормчих и гребцов. Флот противника остановился сам, и остановился настолько основательно, что дальнейший ход сражения — это история откровенного избиения и пленения практически не имевших возможностей к сопротивлению команд обездвиженных кораблей. Гонимая за еде перемещавшимися кораблями венетов и маневрируя между ними, римляне один за другим захватывали их. Так продолжалось до тех пор, пока наступающие сумерки не положили конец бою, внезапно ставшему столь трагичным для господствовавших до того на море венетов. Лишь считанные галльские корабли с наступлением темноты и прекращением преследования римлянами смогли добраться до берега. Флот венетов был полностью разгромлен, причем большая часть судов была захвачена римлянами во вполне исправном состоянии.

Впрочем, спасение части флота в этот день не могло уже иметь никакого значения для повстанцев. Дело в том, что к месту этого решающего сражения были собраны все наличествующие корабли и сюда же сошлось все население, способное носить оружие — как пишет Цезарь, «даже пожилые люди, обладавшие хоть некоторым умом и влиянием». Потеря флота равносильна была для венетов полному проигрышу войны. Учитывая, что возле базы флота собралось все боеспособное население, против которого выступил не только мощный и прекрасно подготовленный корпус сухопутных войск, но и усиленный за счет трофеев этого сражения флот римлян, шансы окруженного с суши и с моря войска варваров были крайне сомнительны. Утратив свой главный аргумент, они в одночасье оказались перед лицом неминуемой гибели или, во всяком случае, поражения. Оставшееся в городах население было неспособно организовать адекватную оборону фортификационных сооружений, а отсутствие прикрытия с моря не оставляло защитникам крепостей никаких шансов. Они были обречены на постепенное истребление. Без кораблей дальнейшая война становилась бессмысленной, так как строительство нового флота требовало времени и отсутствия помехи в виде вторгшихся в страну римлян. Даже прорвавшиеся через строй легионеров остатки венетских отрядов были бы обречены вести партизанскую войну против оккупировавших страну во второй раз солдат Цезаря.

В этой ситуации уцелевшие после морского сражения венеты вместе со своими воинственными соотечественниками, на берегу ожидавшими исхода морской битвы, сдались римлянам со всем имуществом и вооружением. Цезарь, естественно, строжайшим образом наказал племя, осмелившееся нарушить договор с Римом, чтобы на будущее варвары в окрестных землях относились с большим уважением к праву послов. Все вожди и старейшины племени венетов были казнены, а воины, взятые в плен, проданы в рабство на невольничьем рынке.

Это сражение и последовавшая за ним полная капитуляция венетов положили конец войне не только с этим племенем, но и со всем побережьем. Оставив приморских галлов не только без войска, но и без боевого флота, Цезарь полностью нейтрализовал их и лишил возможности в обозримой перспективе оказывать римлянам реальное сопротивление. Из-за необдуманного выступления против новой власти галлы утратили ощутимую часть собственного суверенитета. Римская администрация, с этого момента гораздо более пристально следившая за ходом дел в новообретенных землях, тщательно контролировала проявления

не только военной, но и морской активности галлов, не допуская повторения «морского восстания».

Уроки, извлеченные из морской кампании 56 г., достаточно любопытны. Оценивая ее, стоит отметить, что это была первая по времени военно-морская операция римлян за пределами средиземноморского бассейна, в акватории Атлантического океана. Это было первое, и весьма показательное, столкновение флотов Римского государства и северных варваров. Спонтанно возникшая военно-морская угроза во вновь завоеванных землях вызвала мгновенно разработанную, адекватную и блестяще реализованную программу строительства экспедиционного флота, честь которой принадлежит гению Гая Юлия Цезаря.

Однако флот этот был построен по римскому образцу, и не предназначался для действий на открытых театрах по всем своим основным тактико-техническим характеристикам. Насколько можно судить, римляне в процессе завоевания области приморских галлов и венетов в частности не уделили серьезного внимания флоту последних и не исследовали технические характеристики составлявших его кораблей. В этом в полной мере проявилась недооценка ими потенциальной опасности, которую представлял собою флот венетов, вытекавшая из определенной самонадеянности и высокомерия римлян, а также из присущего им убеждения, что Галлию можно покорить лишь силой сухопутной армии. В результате внимательного знакомства римских инженеров с конструктивными особенностями кельтских военных кораблей, возможно, в конструкцию собственных судов могли быть внесены определенные изменения. И если изготовление цельных оконечностей из дуба могло представлять собой технологическую задачу, трудно-разрешимую «в полевых условиях», то усиление набора корпуса и наращивание высоты борта было вполне по силам и могло быть осуществлено без серьезных изменений традиционного проекта. Впрочем, строительство и подготовка флота шли в столь спешных условиях, что конструктивными ухищрениями могли просто пренебречь даже в случае хорошего знания кельтской «материальной части».

В полной мере эта негибкая технологическая позиция сказалась в ходе начального этапа кампании, когда римляне на практике убедились, что кельтские корабли являются «крепким орешком». По сути дела, в генеральном сражении судьба римского флота висела на волоске. Римляне победили потому, что опытным путем, неся неоправданные потери, смогли нащупать очевидное, однако не самое доступное, слабое место кельтских судов. Для победы над ними необходима была отменная ловкость и чрезвычайно слаженные действия команды гребцов; кроме того, все это было бы бесполезно, если бы не храбрость и неординарные усилия легионеров, бравших чрезвычайно неудобный для штурма корабль. Мы не располагаем данными о применении на римских кораблях в этом бою классического ворона — скорее всего, он даже вовсе не устанавливался, так как традиционное сцепление кораблей после таранного удара было в данном случае совершенно исключено по двум причинам — как невозможности самого тарана, так и разницы в высоте бортов.

Исключительная храбрость римлян в сражении была дополнена классической флотской дисциплиной и выучкой, которой римляне всегда отличались. Слаженные и организованные усилия в который раз даровали успех отлично вышколенному войску. Однако и в этой ситуации все было далеко не однозначно. На руку римлянам сыграла отличная погода и так кстати установившийся штиль. Развер-

нись сражение в другое время года или даже в другой день — возможно, исход кампании был бы несколько иным и не столь приятным для Цезаря. Однако мы должны — в который уж раз — констатировать, что случилось именно то, что случилось. Сочетание воинского мастерства, самоотверженности и счастливого стечения обстоятельств даровало римлянам победу в их первом океанском морском бою.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЦЕЗАРЯ В БРИТАНИЮ

Принципиальная новизна десантных операций Цезаря в Британии — Необходимость высадки в Британии — Сбор разведданных — Волусен осматривает британское побережье — Сосредоточение сил флота — Переправа в Британию и обнаружение римлян кельтами — Высадка войск и огневая поддержка десанта силами флота — Тактика мобильных групп в шлюпках во время высадки — Трудности снабжения через Проллив — Заговор британцев — Бой седьмого легиона — Переговоры с британцами и эвакуация на материк — Анализ первой десантной операции Цезаря.

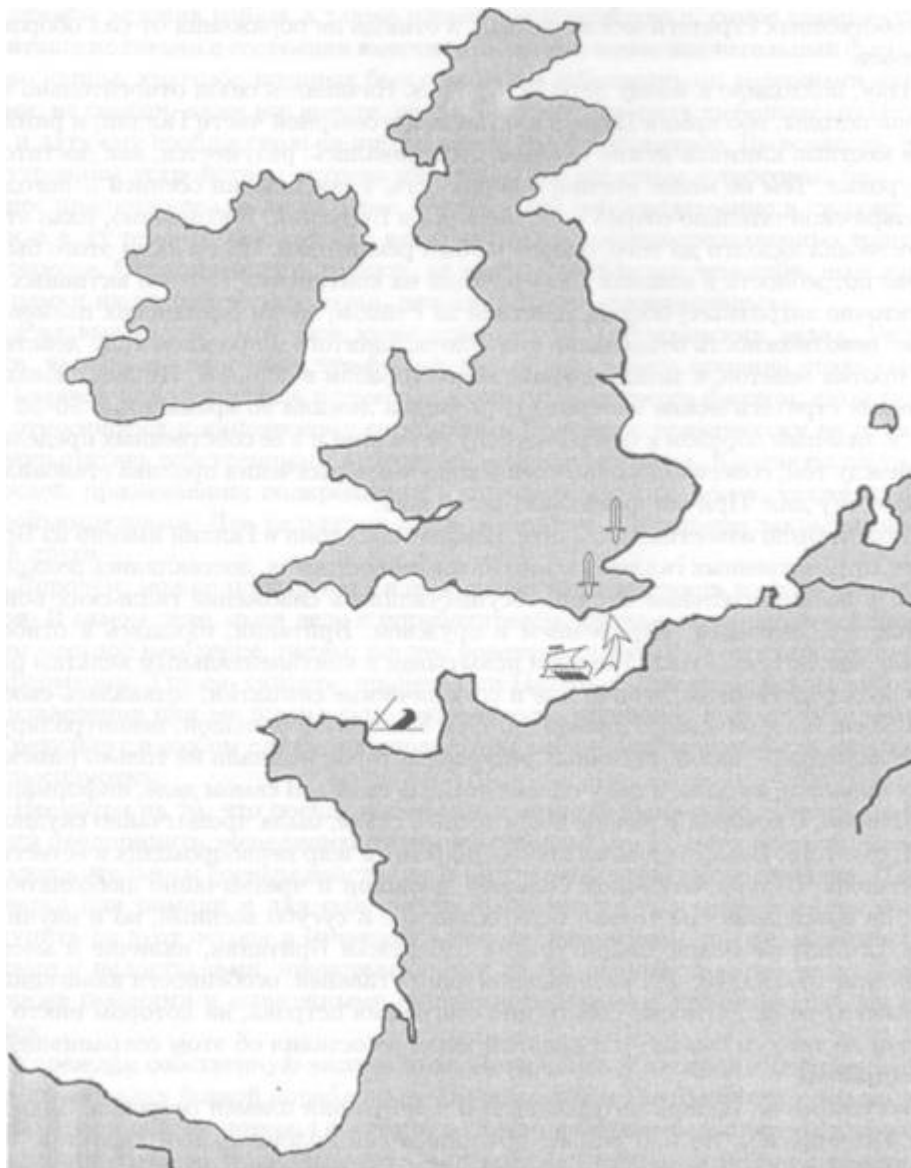
Так уж случилось, что в римской истории очень часто определение «первые» относимо к событиям, связываемым с именем Гая Юлия Цезаря. В самом деле, будучи гениальным стратегом и тактиком, а также, при всем этом, еще и чрезвычайно амбициозным политиком, Цезарь совершил немало деяний, по праву претендующих на звание нововведений. Одним из таких свершений были десантные операции на Британских островах.

Без сомнения, десанты с моря высаживались римлянами и раньше. Уже были описаны высадки войск на различных участках средиземноморского побережья и с различными стратегическими задачами. Однако не вызывает сомнения, что до операций Цезаря римлянам никогда не приходилось решать задач такой сложности и с таким количеством «неизвестных».

В подавляющем большинстве случаев десантные акции римлян носили характер простой выгрузки войск без активного противодействия противника. Сложности, возникавшие при осуществлении этих операций, в массе своей были основаны на проблемах технических и организационных. Нехватка кораблей, несогласованность действий начальников отдельных подразделений, сложный характер топографии побережья — вот основной круг проблем, возникавших перед войсками и их командованием — будь то во время Пунических войн или же в ходе других средиземноморских конфликтов.

Совершенно иной характер имела высадка Цезаря на Британских островах. Вряд ли будет серьезным преувеличением, если мы скажем, что эта операция по всем своим основным характеристикам была чрезвычайно близка классическим десантным операциям нового и новейшего времени, отличаясь от них главным образом лишь отсутствием на вооружении римлян и их противников огнестрельного оружия. Даже подвижная военная техника — колесницы — была применена в ее ходе обороняющимися бриттами, причем с существенным на первых порах успехом. Именно поэтому эта операция — как, быть может, никакая другая — блестяще подходит для описания в терминах, принятых для характеристики современного боя с аналогичными задачами.

Особенностями первой экспедиции Цезаря в Британию были, прежде всего: осуществление десанта в чрезвычайно сложной метеорологической обстановке;

Морские войны Цезаря

активное противодействие обороняющихся войск самой высадке; наличие боевых столкновений в прибрежной зоне, непосредственно в воде; дифференцированный и многоэшелонный характер как десантирования, так и эвакуации, потребовавший сложного, разветвленного управления всей операцией. Несмотря на тяжелейшие условия и, казалось бы, абсолютную невозможность успеха, акция была проведена Цезарем исключительно напористо и организованно, и незначитель-

ные результаты, ею достигнутые, были следствием существенной корректировки его собственных стратегических планов, а отнюдь не поражения от сил обороны островов.

Итак, подходило к концу лето 55 г. до н. э. Начинался сезон относительно холодной погоды, ибо армия Цезаря находилась в северной части Галлии, и римлянами местные климатические условия расценивались, разумеется, как достаточно суровые. Тем не менее именно в конце лета, в преддверии осенней непогоды, у Цезаря окончательно созрел план высадки в Британии. Несомненно, план этот существовал задолго до того, однако не был реализован. Причинами этого были острая потребность в войсках для операций на континенте, ведение активных (и достаточно затратных) боевых действий за Рейном, среди германских племен, а также невозможность отвлечения сил флота, занятого в прошлом году действиями против венетов, а зимой приводившего корабли в порядок. Иными словами, основные стратегические интересы полководца лежали во время зимы 56-55 гг. до н. э. главным образом к северо-востоку от Галлии и в ее собственных пределах.

Между тем, совершенно однозначно вопрос о пересечении пролива становился на повестку дня. Причин этого было несколько.

Цезарю было известно, что в продолжение всех войн в Галлии именно из Британии, от родственных галлам кельтских племен островов, доставлялись подкрепления и вспомогательные отряды, осуществлялось снабжение галльских войск провиантом, военным снаряжением и оружием. Британия, находясь в относительно недостижимом тылу галлов и испытывая к континентальным кельтам разного рода родственные, этнические и союзнические симпатии, оставалась своего рода базой повстанческого движения. При этом базой большой, неконтролируемой и активной — базой, истинных ресурсов которой не знали не только римские военачальники, но даже и получавшие помощь галлы. В самом деле, информация о Британии, с которой у галлов были тесные связи, была чрезвычайно скудной.

Кроме того, Цезарем двигал вполне понятный жар первопроходца и естествоиспытателя. Будучи человеком большой эрудиции и чрезвычайно любознательным, он преследовал не только стратегические и сугубо военные, но и научные цели. Его интересовали конфигурация побережья Британии, наличие и местоположение пригодных для базирования флота гаваней, особенности навигации в британских водах, а также собственно география острова, на котором никто из римлян до того не бывал — по крайней мере, не оставил об этом сохранившейся информации.

Без сомнения, Цезаря интересовала и этнография племен островов. Знакомство это, впрочем, носило вполне традиционный колониальный характер, ибо основной его целью, помимо удовлетворения любопытства, была оценка потенциальных выгод, которые могла принести эксплуатация местного населения.

Как бы то ни было, заинтересованность в информации об островах была налицо, однако попытка ее удовлетворить непосредственно на месте, в Галлии, для Цезаря обернулась полным провалом. Он провел масштабный опрос информированной части населения. Со всех прибрежных земель недавно замиренной Галлии были созданы купцы, участвовавшие в торговых операциях с бриттами и плававшие через пролив. Но выудить сколько-нибудь полезную и значительную информацию Цезарю не удалось. Оказалось, что купцы крайне мало информированы о характеристиках Британии и о ее географии. Цезаря интересовало, какие на-

родности населяют остров, насколько они многочисленны, каков их боевой опыт и способы ведения войны, а также племенное устройство и, самое главное, какие британские гавани в состоянии вместить более или менее значительный флот. Однако купцы, кругозор которых был ограничен собственными торговыми интересами, не смогли, даже все вместе, не только удовлетворить любопытство Цезаря, но и дать ему вообще сколько-нибудь полезную информацию. Выяснилось, что с внутренним устройством острова никто вообще незнаком — торговцы более или менее прилично знали лишь берег, обращенный непосредственно в сторону Галлии, т. е. ту территорию, которая входила в сферу их непосредственных торговых интересов. Ограниченность купцов, не интересовавшихся чем-либо, выходящим за рамки их коммерческих нужд, лишила Цезаря «разведанных».

Рядовые галлы были еще хуже осведомлены о британских делах. Разумеется, вызывает удивление, что берега достаточно узкого пролива столь серьезно разделяли родственные племена, однако факт остается фактом: сами галлы, не относящиеся к купеческому сословию, в Британию практически не плавали, довольствуясь собственными «территориальными водами». Контакты на уровне вождей, призывавших подкрепления с островов, судя по всему, также не были всеобъемлющими. Два кельтских мира оставались достаточно закрытыми друг для друга.

Впрочем, можно подозревать и определенную скрытность информаторов Цезаря. В самом деле, имея дело с поработителем, причем лишь недавно усмирившим местное население, галлы, вполне вероятно, утаивали часть стратегической информации. Трудно сказать, прибегал ли Цезарь к «специфическим методам» ее извлечения или же щадил самолюбие кельтских племен и их представителей, но результат в любом случае не оправдывал себя — необходима была личная рекогносцировка.

Несмотря на то, что погода портилась и впереди была осень, Цезарь намеревался предпринять экспедицию в этом же сезоне. Хотя условия не располагали к продолжительным боевым действиям и регулярной войне после высадки, Цезарь полагал для римлян и для себя лично чрезвычайно полезным хотя бы только вступить на этот остров и ознакомиться с его населением, потенциальными выгодами и недостатками, проистекающими из его подчинения, ресурсами земли, а также гаванями и возможными пунктами побережья, удобными для высадки войск.

Упреждая собственную экспедицию, Цезарь выслал вперед к берегам Британии на разведку боевой корабль под командованием Гая Волусена — командира, которому он вполне доверял и которого считал наиболее подходящим для подобной акции. Именно Волусену было поручено как можно скорее произвести все необходимые исследования — прежде всего разведку побережья — и возвращаться со всей поспешностью обратно в Галлию.

Сам же Цезарь во главе всех находившихся в его распоряжении войск двинулся в местность, заселенную племенем моринов и располагавшуюся на побережье современного пролива Па-де-Кале, т. е. в ту точку, где галльский берег ближе всего подходил к британскому и расстояние по воде между двумя побережьями было наикратчайшим. Здесь же был назначен сбор не только войску, но и всем находившимся в распоряжении римлян силам флота. Цезарь отдал распоряжение, согласно которому сюда должны были прийти не только корабли флота,

построенного в прошлом году для сражений с венетами, но и все находившиеся в наличии корабли местных племен.

Тем временем, лишь только начавшись, приготовления Цезаря к экспедиции в Британию оказались известны — через посредство купцов — в самой Британии. Это лишний раз показывает, что связи, существовавшие между насельниками обоих берегов Пролива были вполне оперативными и тесными. По крайней мере, не слишком балуя Цезаря информацией о жителях островов, кельты придерживались вполне согласованной и целенаправленной политики. Возможно, британские племена рассчитывали ограничиться «дистанционным» подчинением римской власти, чтобы избежать непосредственного контакта с легионерами и самим Цезарем. По крайней мере, ими были — по собственной, заметим, инициативе — присланы послы от многочисленных островных общин, которые заявили о своей готовности подчиниться римской власти и выдать знатных заложников. Однако Цезарь был не таков, чтобы отказаться от своего решения и отвергнуть личную рекогносцировку, предпочтя ей заочные выражения почтения и преданности. Проведя весьма содержательные переговоры с послами, он вполне дружелюбно распростился с ними, дав дружеские обещания в приверженности Рима союзническим договорам с новыми подданными. Цезарь всячески поддержал выраженное послами стремление к добровольному подчинению римлянам, однако никоим образом не изменил генерального плана экспедиции.

В то же время, пользуясь случаем, он отослал вместе с представителями британских племен Коммия, назначенного ранее, после победы над племенем атребатов, их царем. Цезарь считал Коммия в высшей степени преданным себе человеком и, помимо этого, храбрым и знающим полководцем и стратегом. Кроме этого, Коммий пользовался среди местных племен большим авторитетом. Коммию, бывшему местным уроженцем и ориентирующемуся в ситуации, была предписана скорее дипломатическая, нежели разведывательная миссия. Ему надлежало посетить максимально возможное число племен и провести среди них активную «разъяснительную» и пропагандистскую работу, советуя им отдаться под покровительство римлян, а также сообщить им о скором прибытии в Британию самого Цезаря и его войска.

Волусен, тем временем, тщательно осмотрел все побережье в его южной и юго-восточной части — осмотрел, не решаясь, тем не менее, сойти с корабля и доверить свою жизнь и свободу варварам, находившимся на берегу. Экспедиция была краткой, но информативно насыщенной: на пятый день он возвратился к Цезарю, доложив ему обо всех своих наблюдениях и рекомендациях.

Параллельно с этими событиями Цезарь встретился с чрезвычайно важной для него делегацией от племени моринов, в землях которых готовилась экспедиция. Делегация принесла официальные извинения от лица вождей племени за вооруженные выступления и сопротивление в ходе кампании прошлого года. Как пишет Цезарь, за то, что «по своей дикости и незнанию наших порядков они открыли войну против римского народа». Вместе с тем послы пообещали впредь исполнять все требования римской администрации. Вероятно, наличие на побережье громадных сил армии римлян и не менее значительного флота, недавно повергшего в прах прежних властителей морей — венетов, побудило моринов и их союзников первыми выразить почтение явно превосходящему их по силам противнику. Впрочем, в любом случае для Цезаря это было как нельзя кстати, ибо

официально было подтверждено замирение моринов, воевать с которыми Цезарь не хотел — наступало время, неблагоприятное, в частности, для содержания лошадей, и вообще в осенний период вести боевые действия в Галлии было сложно. В этой ситуации оставление базы армии и флота в землях спокойного и мирного противника обеспечивало тыл, что было чрезвычайно существенно в условиях, когда подавляющее большинство войск садилось на корабли и покидало сушу. Да Цезарь просто не хотел заниматься такими «мелочами», даже дипломатическими переговорами с племенами по эту сторону моря, в преддверии экспедиции, возбуждавшей его воображение и воинский азарт. В результате, по выдаче заложников, морины были официально приняты под покровительство Рима.

Между тем самих кораблей, находившихся в распоряжении римлян, было совершенно недостаточно для единовременной переправы всех войск, предназначенных к высадке. Цезарь предполагал осуществить перевозку всего контингента за один рейс, ибо невозможно было предугадать развитие событий — в частности, то, как именно поведут себя племена, заявлявшие о своей лояльности по отношению к римлянам. Экспедицию могли подстергать (и, как показали дальнейшие события, действительно подстерегали) самые непредвиденные неожиданности, в частности, сильное сопротивление варваров. В противном случае, разумеется, в условиях, когда для пересечения пролива нужно было лишь несколько часов — даже при движении самым малым ходом — вполне можно было обойтись даже частью имевшихся в наличии судов. Они вполне могли делать по рейсу в сутки, даже учитывая длительность погрузки и разгрузки кораблей. Однако неопределенность ожидавшегося приема со стороны местного населения подсказывала Цезарю более осторожный путь действий. Он предпочел пожертвовать оставшимися летними днями ради ускоренной постройки и введения в строй недостающих кораблей с тем, чтобы осуществить переброску войск одним усилием.

В результате предпринятых действий по подготовке флота, Цезарь располагал сосредоточенными в одном месте примерно 80 грузовыми судами. По его мнению, этого должно было хватить для переброски двух легионов пехоты. Кроме того, у него имелось большое число военных кораблей, также способных нести на себе воинские отряды. Эти суда были распределены между квестором, легатами и префектами, представляя транспортно-ударную силу. В случае столкновения с противодействием флота британских племен они без труда могли бы подавить его сопротивление и обеспечить высадку войск с транспортов. Помимо этого на момент начала операции было еще 18 грузовых кораблей. Однако они задерживались противным ветром всего лишь в восьми милях от места сбора флота. Обладая невысокой скоростью и вместе с тем большой парусностью корпуса, эти корабли были приспособлены для переброски войск в преимущественно тихую погоду. Относительно немногочисленные гребцы вряд ли смогли бы провести их к месту посадки войск даже без груза. Эти корабли были предназначены Цезарем для перевозки конницы, которая, таким образом, физически просто не могла прибыть в Британию одновременно с пехотными подразделениями. Однако сроки экспедиции не менялись — Цезарь решил пренебречь этим обстоятельством.

Войско, остающееся в Галлии во избежание непредвиденных событий, Цезарь препоручил легатам Квинту Титурию Сабину и Луцию Аурункулею Котте. Им было дано указание отвести войска в область племени менапиев и те области

моринов, от которых у него не было послов и заложников. Другому своему легату — Публию Сульпицию Руфу — Цезарь приказал занять гавань с достаточным отрядом с целью удержать ее любой ценой в случае беспорядков и обеспечить флоту беспроblemное возвращение.

Отдав все эти распоряжения, Цезарь, как только наступила более или менее благоприятная погода, около третьей стражи приказал флоту сняться с якоря. Учитывая, что это могло несколько сократить время подхода конницы, он отдал ей приказание самостоятельно отправиться к гавани, где находились 18 грузовых кораблей, и начать там погрузку. В этом случае транспорты могли бы следовать за флотом без промежуточной погрузки в основном порту. Несмотря на то, что все приказанное было в точности исполнено, транспорты с конницей все равно безнадежно отставали от основных сил флота, так что обеспечить их одновременное прибытие к британскому берегу не было никакой возможности — если только не заставлять весь флот часами стоять посреди Пролива. Как показали дальнейшие события, этим судам не удалось прибыть к британскому берегу ни в тот же день, что и основные силы, ни в два последующих дня. В результате синхронная высадка конницы и пехоты была сорвана в самом начале операции.

С первыми кораблями Цезарь уже около четвертого часа дня достиг берегов Британии. При подходе к берегу выяснилось, что там на всех холмах стоят в полной боевой готовности отряды вооруженных кельтов. Прием ожидался, судя по первым впечатлениям, весьма горячий. Географической особенностью этих берегов было то, что горы и холмы очень близко подходили к побережью. На большинстве участков берег был крутым и обрывистым, а полоса, на которую можно было совершить высадку — чрезвычайно узкой, к тому же полностью простреливаемой с господствующих высот. Те бухты и русла рек, которые являлись естественными гаванями, также были ограничены нависающими обрывистыми берегами, образующими узкости, которые отлично простреливались сверху лучниками, пращниками и метателями дротиков.

Цезарь прекрасно отдавал себе отчет, что высадка в таком месте попросту невозможна, ибо будет сопровождаться неоправданными потерями, которые подорвут боевой дух войск. Поэтому он встал на якорь в некотором отдалении от берега и простоял там до девятого часа, дожидаясь прибытия остальных кораблей. После этого были созваны легаты и трибуны и состоялся военный совет. Цезарь познакомил своих командиров со всеми сведениями, полученными в результате экспедиции Волусена, а также со своими собственными намерениями. Он подчеркнул, что в данной ситуации более, чем на суше, необходима согласованность и своевременность действий, ибо на море обстановка меняется чрезвычайно быстро. Цезарь потребовал, чтобы все действия безусловно выполнялись по первому его сигналу и вовремя.

План состоял в быстром маневре с целью изменения места высадки. Лишь только совет завершился, как начался прилив, сопровождавшийся благоприятным ветром. Тотчас же по приказу Цезаря суда снялись с якоря. Пройдя около семи миль вдоль побережья, они повернули к открытому и плоскому берегу, вполне пригодному для осуществления высадки войск.

Однако следует помнить, что корабли были достаточно тихоходными, и если пешее войско еще могло отстать, следуя за ними по берегу, конные отряды, безусловно, превосходили морские силы на столь короткой дистанции и имели

в этом ощутимое преимущество. Кельты отправили вперед конницу и боевые колесницы — как скоро поняли намерения римлян. Вслед за этими наиболее подвижными и маневренными подразделениями поспешили со всей возможной скоростью лишь немногие отставшие от них пехотинцы. В результате к моменту начала высадки римских легионеров берег был вновь занят кельтскими войсками, оказавшими ожесточенное сопротивление десантированию противника.

Высадка была сопряжена с немалыми трудностями. Римские тяжелые транспортные корабли, в силу своих немалых размеров и большой осадки, могли держаться на якоре лишь на достаточно глубоких местах, не подходя близко к берегу. Глубина воды на предельном приближении к побережью доходила до одного-полутора метров. В результате легионеры, спускавшиеся с кораблей, оказывались в крайне невыгодном положении. Оказавшись за бортом, они вынуждены были нести на себе не только собственные доспехи и оружие, но и выгружаемую стандартную «уставную» поклажу пехотинца, да еще и необходимые предметы из корабельного груза сверх нормативов. Помимо необходимости просто нащупать ногами дно на глубине, лишь немного уступавшей человеческому росту, к тому же в совершенно непригодной для такой высадки обуви и одежде, солдаты, бредя в полосе прибоя, вынуждены были почти сразу вступать в сражение с кельтами — как пешими, так и конными.

Британцы, в свою очередь, отлично знали побережье и характер дна в этой местности, в силу чего чувствовали себя в полной уверенности и навязывали инициативу боя. Оставаясь на берегу либо же совсем недалеко входя в воду, они открыли массированный огонь из всех видов метательного оружия по бредущим и отступающим римлянам. Пользуясь возможностью маневрировать, они полностью владели ситуацией, расстреливая почти неподвижных противников в упор. Несмотря на надежные доспехи и относительно небольшие потери, римские солдаты приходили в замешательство, чувствуя себя скорее дичью, нежели охотниками. Те, кто добирался до берега и вступал в сражение на холодном оружии, были в оцепенении от неожиданной активности и напористости кельтов, не проявляя того рвения и искусства, которое было свойственно всем легионерам, а легионерам Цезаря в особенности, в сухопутном бою.

Наблюдая это, Цезарь произвел классический маневр, предвосхищающий тактику высадки десанта нового времени. Чувствуя настоятельную потребность в усиленной «огневой поддержке» высаживающейся пехоты, он незамедлительно отдал распоряжение, согласно которому все сугубо военные корабли, находившиеся в его распоряжении, были отведены в сторону от общей массы высаживающихся легионеров транспортов. Любопытно, что военные корабли в силу своего необычного для кельтов вида и своеобразной раскраски, отличавшейся от транспортных кораблей, вызывали у защитников побережья замешательство. Это было достаточно существенным психологическим фактором, благодаря которому, по крайней мере, легионерам удалось немного продвинуться вперед в воде. Однако главным было то, что сравнительно быстроходные и маневренные военные суда быстрым броском на веслах выдвинулись на левый фланг высаживающейся пехоты, после чего начали яростный обстрел берега из всего метательного оружия, в изобилии находившегося на судах: камни пращей, стрелы и снаряды катапульт полетели в изумленных британцев. Причем, учитывая, что Цезарь распорядился подойти с их правого фланга, незащищенного щитами, которые воины держа-

ли преимущественно в правых руках, обстрел начал наносить обороняющимся весьма тяжелые потери.

Этот маневр принес высаживающимся войскам огромную пользу. Сочетание непривычного облика кораблей, изящного и слаженного маневра с использованием синхронно двигавшихся рядов весел, а также убийственного, непривычного и неожиданного действия метательных машин, никогда до той поры не виданных кельтами, привело последних в полное расстройство и замешательство, в результате чего они ощутимо подались назад. Однако римские солдаты продолжали наступление и саму высадку с кораблей все еще весьма нерешительно, опасаясь даже не столько противника, сколько глубины моря и незнакомого шельфа. И вот тогда орлоносец девятого легиона обратился с мольбой к богам, чтобы его поступок принес удачу и победу легиону. Слова солдата, обращенные к своим товарищам, Цезарь приводит дословно и, несмотря на то что они могли быть искажены памятью полководца, нет сомнения, что суть и смысл их переданы в достаточной точности: «Прыгайте, солдаты, если не хотите предать орла врагам; а я во всяком случае исполню свой долг перед республикой и императором». С этими словами знаменосец спрыгнул за борт и, держа орла в руках, двинулся к берегу. Этот, по тем временам наиболее значимый призыв, возымел свое действие: вслед за орлоносцем все до единого солдаты, находившиеся на этом корабле, также спрыгнули за борт, подбадривая друг друга. Более того, видя этот пример отваги, легионеры соседних кораблей начали, наконец, преодолевая робость, прыгать в море и двигаться к берегу, вступая в сражение с освободившими полосу прибоа кельтскими воинами.

Обе стороны сражались теперь с редкостным ожесточением: одни — стремясь отстоять свою землю, другие — стремясь захватить ее и не посрамить славы римского оружия. Однако на стороне кельтов было явное преимущество, по крайней мере в одном существенном аспекте. Они сражались на своей земле и действовали по вполне привычным и отработанным алгоритмам. Для них этот бой не отличался особой сложностью или новизной, за исключением, пожалуй, обстрела метательными машинами римлян. В то же время римские легионеры не могли проявить главных боевых качеств легиона, проистекавших из его организованной структуры и четкого построения. Во-первых, римляне не могли пока захватить существенный и необходимый для построения в шеренги участок побережья и вынуждены были, в большинстве своем, драться, стоя по колено в воде. Во-вторых, здесь в полной мере проявился тот недостаток десантирования больших масс войск, который две тысячи лет спустя громко заявит о себе по другую сторону пролива, во время высадки союзников в Нормандии в 1944 г.

Дело в том, что в мешанине бредущих по мелководью войск никто не мог разобрать, где именно находится его подразделение. Легионные орлы, вынесенные на берег, обрастали выбиравшимися на сушу солдатами, однако каждый из сходящих с разных кораблей воин примыкал к первой попавшейся части, отражая наседающих кельтов. Ни о каком построении легионных когорт, в которых каждый знал свое персональное и неизменное место, речи в данных условиях быть просто не могло. В результате вместо образцовых и боеспособных легионов на берег выбралась толпа отчаянных и блестяще обученных, но совершенно неорганизованных воинов, сбивавшихся в небольшие отряды, каждый из которых сражался на свой страх и риск.

Напротив, британцы, которые знали характер побережья и поверхность шельфа, мгновенно находя отмели и просто неглубокие места, быстро нападали, используя конницу, на тех легионеров, кто поначалу поодиночке оставлял корабли и пытался пробиться к берегу. При этом они особенно старались нападать на небольшие группы и отдельных воинов, используя численное превосходство и почти всегда добиваясь успеха. Помимо этого, в основном в первой фазе боя, когда боевые корабли Цезаря еще не приступили к своим решительным действиям, кельты вели чрезвычайно интенсивный обстрел из луков. Когда же корабли заняли свое место, стрелки перешли на правый фланг наступающих, обстреливая их незащищенные щитами бока по всей линии растянувшейся вереницы воинов.

Когда это перемещение было замечено Цезарем, он, не раздумывая, приказал части солдат сесть в небольшие шлюпки военных кораблей, а также перейти на небольшие разведывательные суда, которые имелись в некотором количестве в его распоряжении. Пользуясь этими небольшими мобильными плавучими отрядами, император посылал их туда, где наступающим римлянам приходилось особенно тяжело и где их наиболее отчетливо начинали теснить.

Однако, как только более или менее значительная часть десанта выбралась на сухой песок, римляне, наконец, начали строиться в соответствии с заведенными веками легионными порядками. Довольно скоро к орлам на берегу присоединилось большинство солдат и, пользуясь неоспоримым тактическим и техническим превосходством, римляне, наконец, начали быстро теснить врага, обратив кельтов в бегство. Но вынудив тех отступить от берега, легионы не могли их преследовать. Применявшаяся для этих целей в римской армии легионная конница находилась на восемнадцати кораблях, безнадежно застрявших у галльского берега и столь же безнадежно отставших от основной массы флота. Это было единственным фактором, мешавшим победоносному завершению высадки — завершению, которое в противном случае должно было окончиться полным и безоговорочным разгромом врага. Как считал сам Цезарь, это был первый эпизод в его военной карьере и в ходе Галльской войны, когда удача откровенно отвернулась от него.

Тем не менее, несмотря на то, что врагам удалось сохранить значительную часть своего войска, победа была совершенной. Об этом свидетельствует тот факт, что, едва остановившись после бегства, разбитые кельты пришли в себя и поняли, что собственным неудачным сопротивлением загнали себя в весьма неудобное положение. Они незамедлительно отправили к Цезарю посольство с униженной просьбой о мире и с обещанием выдать заложников и немедленно удовлетворить все его требования.

Вместе с этим самым посольством к Цезарю вернулся и его собственный посланник — Коммий из племени атребатов, незадолго перед экспедицией посланный в Британию с представителями местных племен. Как выяснилось, лишь только он сошел с корабля и попытался приступить к исполнению своих дипломатических обязанностей, его схватили, арестовали и заключили в оковы под стражу. Теперь же, после проигранного сражения, Коммий был отпущен назад. Более того, сознавая шаткость собственного положения после очевидного предательства, последовавшего после выдвинутых ими же предложений о подчинении Риму, вожди племен пытались всеми способами оправдаться и всячески старались свалить вину за выступление на якобы своевольную и неуправляемую, под-

верженную страстям народную массу, категорически отрицая собственное участие в этом мероприятии.

Цезарь, разумеется, выразил собственное возмущение тем, что они сначала по собственному почину отправили к нему на материк послов с предложениями о мире, а затем без причины пошли на него войной. Однако вслед за этим он заявил, что прощает им этот необдуманный поступок и требует, наконец, выдать заложников. Часть из них кельты выдали незамедлительно, остальных, происходивших из отдаленных мест острова, обещали доставить через несколько дней. Тем временем вожди племен распустили войска, приказав ополченцам уходить в свои деревни; со всех концов страны постепенно подходили старейшины, которые, по мере прихода, выражали покорность Цезарю и Риму.

В результате за три дня императору удалось водворить спокойствие среди новых подданных республики. Тем временем лишь на четвертый день после прибытия войск в Британию те восемнадцать транспортов, что перевозили конницу, оказались способными при тихом ветре выйти из своей гавани (!). Однако когда корабли уже приближались к британскому берегу и были отлично видны из лагеря римлян, разбитого неподалеку от берега, внезапно поднялась сильнейшая буря, сопровождавшаяся высокой волной и сильным северо-западным ветром. Определенно, боги в те дни были не на стороне Цезаря. Ни один из подходящих кораблей не был в состоянии держаться своего курса. Часть судов была отнесена к месту своего выхода в море. Другие же, повинуясь отчасти изменившему направлению ветру, отчасти попыткам кормчих и команды спасти положение, отдрейфовали с колоссальной для себя опасностью к другому побережью Британии. Их отнесло вдоль южного берега острова в западном направлении и им грозила нешуточная опасность быть просто разбитыми о прибрежные скалы. В этот же вечер эти корабли встали на якорь на мелководье. Однако ветер не стихал, колебания воды в часы прилива были достаточно велики и находиться на якорной стоянке стало небезопасно. Так получилось, что ночь после перехода совпала с полнолунием, когда колебания приливной воды были особенно велики. Подойти ближе к берегу было невозможно, а незначительная длина канатов мешала нормальной постановке на якорь в момент прилива. Корабли заливало водой, и это грозило потерей тех нескольких транспортов, которые все же добрались до британского берега. В этой ситуации команда кораблей была просто вынуждена — несмотря на непроглядную ночь — сняться с якорей, выйти в открытое море и направить свои суда в сторону материка.

В ту же самую ночь, поскольку прилив и в самом деле был очень существен, основные силы флота римлян постигли серьезные неприятности. Прилив и штормовые волны нанесли им значительный урон. Дело в том, что Цезарь приказал боевые корабли, принимавшие участие в высадке, вытащить на берег. Теперь их заливало волнами и, в случае сильных порывов ветра и высокой волны, волочило по прибрежным камням. В то же время досталось и грузовым судам с большой осадкой, стоявшим в ночи на якорю: их бросало в разные стороны бурей, ударяло друг о друга. Самым печальным для римлян было то, что совершенно не представлялось возможным каким-либо образом этому противодействовать — не было возможности ни управлять этими кораблями, ни завести на них буксирные концы и отбуксировать в какое-нибудь укрытое от ветров место. Флот почти полностью оказался в руках стихии, что было вдвойне опасно в условиях, когда

авторитет римлян в только что обретенной новой земле базировался исключительно на их военном превосходстве и силе. Флот был единственной надеждой экспедиционной армии Цезаря вернуться домой.

Других кораблей для отправки воинов и снаряжения на материк не было ни в Британии, ни в Галлии. Более того, совершенно не доставало необходимых материалов ни для ремонта поврежденных кораблей, ни для строительства новых судов.

Утром выяснились размеры понесенного ущерба. Значительное число кораблей попросту разбилось. На подавляющем большинстве остальных бурей был сорван почти весь такелаж, канаты, к которым крепились якоря (соответственно, также утерянные) и т. д. Иными словами, практически весь флот был если не потоплен, то, во всяком случае, приведен в совершенно небоеспособное состояние и стал непригоден к плаванию. Как и следовало ожидать, это вызвало сильные волнения в войсках — волнения на грани паники. Почти лишившись флота, войска понимали, что судьба их может сложиться далеко не самым лучшим образом: поскольку все были уверены, что зимовать они будут в Галлии, то в этой местности не было заготовлено на зиму никакого провианта.

Каким мог быть дальнейший ход событий? Нетрудно предугадать реакцию местной знати. Разумеется, погром римского флота, учиненный одной-единственной ночью ненастной погоды, не остался незамеченным. Британские вожди и князья, бывшие у Цезаря после сражения, заметили, что у римлян практически нет конницы, нет (на данный момент) флота, ни запасов хлеба. Кроме того, Цезарь переправил легионы без приличествующего операции обоза, ибо не планировал оставаться надолго на острове. В силу этого лагерь римлян был очень мал: по крайней мере, именно так показалось кельтским вождям.

После этого вожди начали переговоры между собой. Большинство из них склонялось к тому, что трудно представить более удачный момент для того, чтобы возобновить боевые действия. Они полагали, что было бы лучше всего отрезать римлян от подвоза хлеба и продовольствия и, пользуясь собственным численным превосходством, затянуть осаду лагеря до зимы. Они были в полной уверенности, что если римское войско побеждено в бою либо отрезано от эвакуации в Галлию, на континент, то после этого, по результатам экспедиции, уже никто не отважится и не захочет переправляться в Британию с агрессивными целями, и они навечно смогут обезопасить себя от возможности внешнего вторжения на остров.

В результате началось постепенное брожение среди вождей, находившихся в ставке Цезаря в лагере. Они составили заговор, в результате которого начали один за другим покидать лагерь и понемногу, тайно, вновь собирать вокруг себя ополченцев из деревень. Возникла совершенно реальная угроза крайне неприятного для римлян исхода экспедиции.

Несмотря на то, что Цезарь ничего не знал еще о составлявшемся заговоре, сама логика событий, разумеется, заставила его насторожиться. Из разгрома флота и приостановки выдачи заложников он сделал совершенно однозначные выводы, реальность которых была позднее полностью подтверждена ходом событий. Именно поэтому он предпринял все возможные в той ситуации меры предосторожности, направленные на поддержание боеспособности собственной армии и повышение ее автономности. Прежде всего со всех окрестных полей ежеднев-

но солдатами выделенных для этого подразделений неустанно и в максимальном возможном количестве свозился в лагерь хлеб. Далее, со всех кораблей, пришедших в полную негодность, были демонтированы не только медные детали, но и пригодные для вторичного использования деревянные части. Эти дерево и медь были немедленно употреблены для починки и восстановления остальных судов, не понесших столь серьезных разрушений. Кроме того, Цезарь незамедлительно отправил несколько кораблей, оказавшихся во вполне исправном состоянии, в Галлию за необходимыми для корабельного ремонта материалами. Солдат, в общем-то, не нужно было подгонять или объяснять им значимость этой работы: ситуация была кристально очевидна. В результате, при самоотверженной работе легионеров, римлянам удалось достаточно быстро существенно поправить свои дела. В результате флот Цезаря лишился безвозвратно всего лишь 12 кораблей, все остальные были в течение ближайших дней восстановлены либо, по крайней мере, приведены во вполне пригодное для использования состояние.

Во время этой ускоренной подготовки флота произошло довольно значительное столкновение с местными кельтскими отрядами. Оно, в частности, вошло в историю хотя бы уже потому, что это был первый случай столкновения римлян с британскими боевыми колесницами: гордостью островных кельтов и наиболее мощным ударным оружием британских племен. Именно экспедиционному корпусу Цезаря довелось впервые выдержать натиск этого, относительно нового для них, вида вооружения.

Сражение разыгралось при следующих обстоятельствах. Седьмой легион в один из дней был отряжен в качестве провиантской и фуражирской команды для заготовки хлеба с близлежащего поля. Хлеб почти повсюду был уже убран, и оставался лишь последний несжатый участок, которым и предстояло заняться легионерам. Бритты, зная об этом, ночью устроили засаду в лесу, окружавшем поле, где и подкарауливали римлян. Те, в свою очередь, нападения не ожидали, так как кельты не проявляли демонстративной враждебности: большая часть населения по-прежнему оставалась в своих деревнях, многие продолжали посещать римский лагерь, откровенно демонстрируя собственное дружелюбие.

Когда солдаты седьмого легиона добрались до поля и, сняв с себя вооружение и доспехи, разошлись по нему, приступив к жатве, кельты неожиданно атаковали их. Несколько человек было убито, остальные же находились в замешательстве, так как судорожно пытались вооружиться и построиться хотя бы в некое подобие боевого порядка, что им было чрезвычайно затруднительно сделать. Тем временем, благо поле это находилось неподалеку от римского лагеря, Цезарю доложили, что с передовых постов, стоящих у лагерных ворот, донесли, будто в том направлении, куда ушел легион, наблюдается необыкновенно большое облако пыли. Совершенно справедливо заподозрив в этом некую провокацию со стороны варваров, император немедленно лично направился туда, приказав следовать за собой двум караульным когортам. Две другие когорты должны были сменить этих на их постах, а остальным воинам в лагере был отдан приказ спешно вооружиться и также со всей поспешностью следовать за Цезарем. Немного отойдя от лагеря, римляне заметили полностью окруженный и расстроенный седьмой легион, который теснили со всех сторон и яростно обстреливали бритты.

Именно здесь Цезарь впервые наблюдал употребление в бою британских ко-

лесниц, блестяще описав его и тем сохранив для потомков живую картину кельтской тактики. Описание это столь исчерпывающе, что стоит привести его целиком: «Своеобразное сражение колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом, в подобном сражении достигается подвижность конницы в соединении с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро прыгнуть в колесницу».

Существенно в этом описании, во-первых, то, что описанный «драгунский» стиль боевых действий, сочетающий маневр и силу удара пехотинцев, был действительно весьма эффективен и позволял использовать чрезвычайно гибкую тактику в бою. Во-вторых, свидетельство Цезаря для нас крайне важно тем, что перекрестно подтверждает известные по ирландским «сагам» и порой кажущиеся фантастическими рассказы о чудесах вольтижировки, проявляемых отдельными героями. В свете абсолютно реалистического, трезвого и по-военному четкого повествования императора эти рассказы сразу же становятся неоспоримой правдой. Судя по словам Цезаря, все воины-колесничие (бывшие, несомненно, наиболее знатной и привилегированной прослойкой воинского сословия и племенной аристократии) обладали блестящими талантами, отшлифованными годами тренировок. Искусное и виртуозное управление повозкой и бой с ее использованием в сочетании со вполне акробатическими номерами, демонстрируемыми прямо на поле боя, отнюдь не были уделом одиноких героев, но являлись частью обыденной воинской практики всех британских воинов-колесничих.

Неудивительно, что, наблюдая это, римляне находились в некотором недоумении относительно того, какую все же тактику следует противопоставить противнику. Как бы то ни было, подкрепления Цезаря подоспели весьма вовремя. При виде подходящих в полном боевом порядке войск бритты сразу же отступили, выйдя из прямого соприкосновения с римлянами седьмого легиона, а сами легионеры вполне оправились от страха и замешательства. Однако Цезарь не считал нужным в данной ситуации нападать на врага. Впрочем, у него было не так уж много возможностей для этого. Так, основу наступательных сил у кельтов островов составляли колесницы и конница. Обладая большой подвижностью, они неизменно навязывали римлянам то, что традиционно именуется «стратегической инициативой». Иными словами, кельты принуждали римлян вступать в бой там и тогда, когда это было им более всего выгодно. Римляне же, не располагая значительными массами ударной конницы, вынуждены были вести преимущественно оборонительные бои — образно говоря, за кельтами оставалось право первого хода на доске.

То есть, при всем желании, Цезарь просто не мог в данной ситуации преследовать противника. Самое большее, на что была способна подошедшая римская пехота, — эффективно отогнать бриттов и отбить у них всякую охоту нападать

вновь, ибо в ближнем бою в сомкнутом строю легион, разумеется, не имел себе равных.

Некоторое время легионеры оставались в поле на прежней позиции, ожидая возможных попыток новых нападений кельтов, однако таковых не последовало, и Цезарь вскоре отвел войска обратно в лагерь. Тем временем, обескураженные новой неудачей, кельты разнесли весть о ней по всем близлежащим поселениям. В результате население, которое там еще оставалось, покинуло деревни, опасаясь карательных акций римлян. Затем последовало несколько дней проливных дождей и бурь, во время которых всякие боевые действия временно стали совершенно невозможными. Тем не менее, пока римляне отсиживались в лагере, всемерно укрепляя его, кельтские вожди и старейшины развернули активную агитационную кампанию, всячески побуждая соседние племена и общины к совместному выступлению против римлян. Мотивировалось это тем, что последних мало, лагерь их относительно невелик и не имеет каких бы то ни было долговременных капитальных укреплений. В результате удачного и дружного натиска можно было бы, следовательно, одним ударом решить все кельтские проблемы: окончательно выбить римлян с острова, ликвидировать у них охоту предпринимать новые десантные операции, а кроме того, обогатиться за счет грабежа лагеря и захвата ценного оружия и амуниции. Последнее обстоятельство для большинства рядовых воинов, несомненно, имело определяющее и преимущественное значение.

В конечном итоге эти призывы и авторитет вождей сыграли свою роль. В течение тех немногих дней, пока бушевала непогода, бритты собрали довольно большое войско, состоящее и из пехоты, и из конницы, после чего предприняли массированную атаку римского лагеря.

Впрочем, до штурма как такового дело так и не дошло. Цезарь предвидел подобный исход дела, как предвидел и то, что противник, даже если и будет побежден и разбит под стенами укрепления, отнюдь не потерпит полного и окончательного поражения, и римлянам не удастся уничтожить ни всех нападающих, ни даже их большинство. Единственное, на что можно было бы рассчитывать, так это нанести противнику максимальный урон. В виду этого обстоятельства Цезарь вывел войска из лагеря и построил легионы под его стенами в боевой порядок. О нападении первым нечего было и думать — римляне располагали лишь тридцатью всадниками, которые прибыли с приехавшим из Галлии вождем атребатов Коммием. Такие «силы» конницы, много стоившие бы в средние века, в эпоху Цезаря годились разве что для патрульной службы и дальней разведки, однако использовать их как ударный отряд было просто немыслимо.

Бритты, рассчитывая на победу в силу своей многочисленности, были все же еще достаточно плохо знакомы с боевыми качествами римского легиона. Вероятно, прежние победы римлян они приписывали игре случая и собственным просчетам. Во всяком случае, они весьма рьяно начали наступать на выстроившихся легионеров. Однако долго это не продлилось: устоять перед ответным натиском римских солдат бритты не смогли и вскоре побежали. Римляне преследовали их так долго и столь далеко, сколько позволяла быстрота их собственных ног и вес вооружения. Несмотря на неравенство в этом смысле с отступающими кельтами, многие из них были все же перебиты при отступлении, так что трудно сказать, в какой из фаз боя — первой или второй — кельтам был нанесен больший

ущерб. Ожесточившись беспрестанными попытками британских племен отстоять свою независимость и чередой предательств со стороны их вождей, Цезарь предпринял карательную акцию, предав огню все поселения и отдельные строения кельтов, которые попались на пути преследующих врага римлян. Затем войска вернулись в лагерь.

В тот же день к Цезарю вновь — в который уже раз — явились послы от племен с предложениями о мире. На этот раз он потребовал от них вдвое больше знатных заложников, чем было прежде. Вторым требованием императора была доставка заложников непосредственно на материк, а не в распоряжение римских войск на островах. Дело в том, что необходимость возвращения в Галлию и прекращения экспедиции в этом году становилась для Цезаря, как и для всех его офицеров и солдат, совершенно очевидным и непреложным фактом. Сезон относительно приемлемой для боевых действий и мореплавания погоды завершался, наступила осень. Бескормица, очевидная нехватка конницы и плачевное состояние материальной части флота вынуждали сворачивать деятельность на британском берегу. Вскоре должно было наступить осеннее равноденствие, за которым следовал период зимних бурь. Цезарь в этих условиях не считал возможным рисковать ни войском, ни оставшимся флотом, а переправа в непогоду, как показал недавний опыт, была чревата потерей если не всего флота, то значительной его части. Второй раз рисковать Гай Юлий не желал — слишком расточительным подарком варварам был бы этот ход.

Прошло несколько томительных дней, в ходе которых Цезарь внимательно наблюдал за состоянием погоды и прогнозами, которые можно было сделать, сопоставляя с теми или иными приметами. Как только наступила приемлемая для плавания погода, стих ветер и убавилось волнение, римляне начали грузиться на корабли. Посадка прошла без особых проблем, бритты больше не предпринимали нападений, уstraшенные последними событиями и опасаясь за судьбу своих заложников. Погрузка проходила днем и вечером и заняла довольно много времени. Вскоре после полуночи флот Цезаря снялся с якоря и отплыл на юг-юго-восток.

Следует отметить, что обратная переправа через пролив прошла гораздо более спокойно и бесхлопотно, нежели переход в Британию. Все суда благополучно достигли материка, и только два грузовых корабля с десантом были отнесены ветром и течением немного южнее основного места высадки в гавани.

Кормчие этих кораблей пристали к берегу там, где позволили обстоятельства, а солдаты, которых на судах было около трехсот человек, высадились на сушу и двинулись пешим порядком к лагерю Цезаря. И тут на них напали воины из племени моринов, которое Цезарь оставил вполне замиренным у себя в тылу, на материке. Небольшим отрядом, судя по всему, двигали вполне меркантильные соображения: морины рассчитывали на военную добычу. Окружив римлян, они потребовали от тех сложить оружие и сдаться, если они не хотят быть убитыми. Однако солдаты тотчас построились в каре и начали обороняться. Нападающие, подняв громкий шум, привлекли к себе внимание соплеменников, каковых бежалось к месту стычки не менее шести тысяч. Силы были слишком неравными, так что положение окруженных римлян было незавидным. Однако, на их счастье, события развернулись сравнительно недалеко от ставки римлян. К тому же Цезарь, разумеется, интересовался судьбой двух пропавших кораблей и их коман-

ды. Как только в лагере узнали, что отбившиеся легионеры приняли неравный бой, Цезарь незамедлительно выслал из лагеря на помощь своим солдатам всю наличную конницу.

О героическом сопротивлении римлян и боевых качествах нападавших говорит такой факт: легионеры выдержали бой, длившийся в течение четырех с половиной часов, и за все это время потеряли лишь несколько человек ранеными; сами же они перебили довольно много воинов из числа нападавших. Неудивительно, что как только показалась римская конница, морины бросились бежать, бросая собственное оружие, и понесли еще большие потери в ходе этого «отступления».

На следующий день Цезарь послал легата Тита Лабиена с перевезенными обратно на материк из Британии легионами против столь опрометчиво и коварно нарушивших свои обязательства моринов. Против них сыграло то, что болота, в которых они скрывались от римлян в ходе прошлой кампании, пересохла. В результате почти все воины этого племени были захвачены Лабиеном. Одновременно легаты Квинт Титурий Сабин и Луций Аурункулий Котта с войсками были посланы в область менапиев, где опустошили все их поля, скошили хлеб, сожгли дворы, после чего вернулись обратно к Цезарю. Сами менапии, опасаясь репрессий, бежали и укрылись в густейших лесах.

Для зимних квартир Цезарем была избрана страна белгов, где и были размещены все легионы, находившиеся с Цезарем. Туда же были присланы заложники от британских общин. Однако этот план Цезаря был выполнен в недостаточной степени: дело в том, что свое обязательство исполнили лишь два британских племени, остальные же откровенно пренебрегли собственным обещанием, очевидно, надеясь, что Цезарь потеряет интерес к дальнейшим операциям на островах, утраченный сложностями переправы и ведения боевых действий в отдалении от континентальных баз.

Цезарь отослал в Рим подробный отчет о своей операции и о благополучном возвращении легионов на континент. По этому поводу сенат определил двенадцатидневные молебствия в храмах и, судя по всему, остался вполне доволен экспедицией и ее результатами.

Первая высадка Гая Юлия Цезаря в Британии носила все основные черты предприятия подобного класса. Все плюсы и минусы ее организации и проведения полностью соответствовали ситуации, которая сложилась в тех условиях, в которых находился Цезарь и его войска и флот.

Прежде всего, это было отчетливо выраженное разведывательное мероприятие. Показательно, что Цезарь прекрасно отдавал себе отчет в том, что организует экспедицию в конце летнего сезона мореплавания, на грани времени дождей, бурь, непогоды и штормов. Его стратегия и тактика на британском берегу ясно показывают, что причиной относительно неглубоких операций было отнюдь не только нежелание погружаться в пучину враждебных британских племен и не боязнь потерять флот и лишиться связи с континентом. Напротив, весь стиль действий императора в Британии наводит на мысль о том, что такая тактика была частью изначального плана Цезаря. Видимо, он изначально предполагал закрепиться на побережье и, установив достаточно мирные отношения — разумеется, только и исключительно с позиции силы — с местными племенами, заняться рекогносцировкой глубинных районов и обследованием побережья. После более или менее длительного периода пребывания войска должны были быть выведены

с острова. Однако реалии с самого начала начали столь существенно корректировать планы Цезаря, что весь план экспедиции начал меняться на ходу.

Разумеется, экспедиция была организована поспешно и отнюдь не блестяще и не окончательно. Цезарь не знал, да и не мог знать характера побережья, поэтому войска надлежало высадить по результатам непосредственного визуального контакта с берегом, в первом же подходящем месте. Когда оно оказалось занятым численно во много раз превосходящими силами противника, место было изменено, однако и в этом случае не удалось избежать сопротивления высадке. Отметим, что изменить эту ситуацию Цезарь вряд ли мог. Единственным средством обеспечения внезапности могла быть только ночная высадка, однако в тех условиях навигации и на тогдашнем техническом уровне осуществить ее, особенно в ситуации прибрежных британских вод, было совершенно нереально. В любом другом случае эффект внезапности терялся, тем более, что британцы знали о намерении римлян высадиться на их острове. Таким образом, десантирование могло пройти удачно лишь в случае отсутствия реального противодействия, чего не наблюдалось. Достаточно неожиданным было яростное сопротивление местных воинов, хотя по умолчанию предполагалось, что они останутся верны обязательствам мира и дружбы.

Далее, чрезвычайно деструктивно сказался на реализации акции внезапный шторм, разбросавший корабли и серьезно ухудшивший их техническое состояние. Несомненно, Цезарь сильно рисковал, бросая практически в неизвестность огромное количество отборных войск, прошедших с ним галльскую кампанию. Но это как раз и было в характере будущего основателя мировой империи римлян.

Как бы то ни было, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, высадка состоялась, и дальнейшие события были совершенно закономерным продолжением раз избранного сторонами стереотипа деятельности. Цезарь, без сомнения, сделал все от него зависящее, а войска в очередной раз поддержали репутацию и славу римского оружия и честь римских легионов. Несмотря на крайне сложную ситуацию, в особенности после шторма, потрепавшего и частью уничтожившего стоявший на якоре флот, Цезарю удалось не только сохранить почти полностью свои экспедиционные силы, но и выполнить главную задачу — разведать ситуацию в Британии. Кроме того, император успешно вывел с островов свою армию и без потерь доставил ее на континент.

Экспедиция 54 г. до н. э. стала важнейшей операцией этого периода, в контексте которой закономерно многократно употребляется слово «впервые». Это был первый морской десант; первое десантирование с преодолением ожесточенного сопротивления противника; первая дальняя операция экспедиционных сил, чрезвычайно удаленных от метрополии. Наконец, римляне впервые смогли воочию познакомиться с Британией, бывшей до того привлекательной, но недостижимой *terra incognita*. Именно поэтому значение первой экспедиции Цезаря в Британию невозможно переоценить. Римляне получили опыт, который очень скоро сказался на их дальнейших действиях на Британских островах. А учитывая, что они в очередной раз показали себя не только храбрыми воинами, но и чрезвычайно талантливыми учениками, способными мгновенно извлекать необходимые уроки из собственных неудач, этот опыт сказался и на боевых действиях в других регионах.

В целом характеризуя операцию, необходимо отметить, что в ней флот, с одной стороны, играл исключительную роль, так как без него она была бы в принципе невозможна. Флот был единственным средством доставки войск в Британию, а что касается боевых кораблей, то их поддержка высаживающихся войск — надо отметить, совершенно в духе Второй мировой войны или локальных войн XX в. — сыграла огромную роль в обеспечении десанта. С другой стороны, не располагая никакими средствами дальнего боя, флот сам по себе за пределами полосы прибое не мог оказать решительно никакого влияния на ход боевых действий на суше. Все, что было совершено на островах, всецело было «на совести» легионеров, в очередной раз стяжавших себе славу лучших солдат античности. Оценить первую экспедицию Цезаря иначе как на «отлично» невозможно. Именно это делает ее одной из образцовых операций эпохи античности — даже несмотря на всю ее типологическую исключительность.

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ЦЕЗАРЯ В БРИТАНИЮ

Отбытие Цезаря в Италию и пересмотр кораблестроительной стратегии и технологий — Мобилизация войск и подготовка флота — Переправа в Британию — Сухопутные сражения, буря и приказ о достройке кораблей — Глубокая операция против бриттов на Темзе — Капитуляция британцев Кассивелауна — Переправа войск в Галлию и проблемы при ее осуществлении — Анализ десантных операций Цезаря.

После завершения первой британской экспедиции Цезарь был принужден уехать из своего зимнего лагеря в Галлии и направиться в Италию. Это был традиционный выезд — полководец, отделенный от Рима сотнями километров территории, занятой лишь поверхностно замиренными племенами, не мог постоянно действовать исключительно на свой страх и риск, сообразуясь только с известиями и инструкциями, передаваемыми с гонцами. Регулярные визиты в Рим, которые император предпринимал ежегодно, были необходимы как самому Риму, так и Цезарю, ибо позволяли воочию убедиться в тех изменениях, которые происходили на родине в области политической жизни. Далеко идущие планы Цезаря уже тогда давали о себе знать, и любая информация о политических интригах в сенате была для него важна.

Итак, Цезарь отбыл в Италию, приказав предварительно своим легатам, которых он поставил во главе легионов, заняться во время зимы подготовкой флота. В общих чертах указание сводилось к тому, чтобы за зимние месяцы привести в полный порядок и отремонтировать все корабли, оставшиеся с прошлой экспедиции и от венетской кампании, а также построить заново максимально возможное количество новых кораблей.

Цезарь уже в ходе первой высадки тщательно обдумывал приобретенный опыт и детально планировал экспедицию следующего года. Именно поэтому строительство нового флота не было механическим воспроизведением все новых и новых версий традиционных римских судов, принимавших участие в предыдущих операциях. Несмотря на то, что часть судов, выстроенных для ведения венетской войны, уже несла определенные конструктивные усовершенствования, дальнейшее улучшение проектов шло полным ходом, и основным инициатором его выступал сам Гай Юлий Цезарь.

Так, если суда, построенные в 56 г. до н. э. в Галлии, отличались от своих

предшественников главным образом большей прочностью корпуса и корпусного набора, а также усиленной обшивкой, то это определялось в первую очередь тем обстоятельством, что они были предназначены для узкоспециальной цели: успешного и безопасного плавания в зоне прибрежных камней и рифов и сражений с тяжелыми и прочными судами галльских мореходов. Новая цель определила и новые технические требования. Первостепенным в их ряду было обеспечение транспортных нужд.

Цезарь мог не опасаться (или не слишком опасаться, по крайней мере) столкновения с большим и мощным флотом жителей островов. Британцы не располагали должным количеством боевых кораблей, чтобы угрожать даже потрепанному бурями флоту римлян образца 54 г. до н. э. Что касается качества этих кораблей и их ударной силы, то они делали эту затею просто самоубийственной для нападавших. В этой ситуации главным и основным требованием к новым кораблям становилось решение проблемы доставки войск в Британию. Задачи конвойной службы и поддержки высадки в случае сопротивления вполне могли выполнить — и даже выполнить «с запасом прочности» — имеющиеся в наличии боевые корабли. Поэтому на передний план выдвигалось повышение мореходности, грузо- и пассажировместимости кораблей и безопасности плавания.

В соответствии с этими требованиями Цезарь отдал распоряжение строить корабли определенной конструкции и формы. Для обеспечения более быстрой и удобной погрузки на суда, их выгрузки, а также удобства вытаскивания кораблей на берег как в случае десантирования, так и во время шторма было приказано строить корабли несколько более низкого профиля, нежели те, что использовались в Средиземном море. Цезарь внимательно наблюдал за состоянием моря и сделал для себя совершенно однозначный вывод о том, что вследствие частой смены приливов и отливов в окружающих Британию морях, как ни странно, волны несколько ниже, чем в *mare nostrum*. Это давало дополнительные возможности на судах, предназначенных для действия на северо-западном театре, существенно понизить высоту борта и, как следствие, общую высоту корпуса судна.

Одновременно со снижением высоты несколько наращивалась ширина судна. Цезарь, отдавая приказ об этом, планировал увеличить таким образом как полезную нагрузку, принимаемую каждым кораблем, так и его устойчивость. Однако гениальность замысла была в том, что суда в результате этих нововведений отнюдь не становились неповоротливыми грузовыми баржами, годными только для переправы войск и унылого стояния на якоре в ожидании новых перебросок легионов. Напротив, Цезарь, проконсультировавшись как с мореходами, так и с собственными инженерами, определил чрезвычайно универсальную и пригодную для весьма разнообразных нужд конструкцию корабля. Вследствие относительно небольшой осадки и уменьшения общего миделя судна снижалось подводное сопротивление корпуса корабля. Низкие борта понижали уровень, на котором закреплялись весла. Следовательно, весло приближалось к поверхности воды и существенно уменьшался рычаг, который оно образовывало. В результате мускульные усилия каждого отдельно взятого гребца расходовались существенно более эффективно, поэтому скорость судна, несмотря на повышение его грузо-подъемности и водоизмещения, заметно повышалась. Линия эволюции, таким образом, вела римский экспедиционный флот к повышению плоскодонности и существенному улучшению мореходных качеств.

Поскольку намечавшаяся высадка должна была сопровождаться переброской не только многотысячного контингента войск, но и лошадей, вьючного и домашнего скота, а также грузов и амуниции, меры, предпринятые Цезарем, были чрезвычайно уместны и своевременны. Для строительства нового флота Цезарь развернул бурную деятельность, особенно предвидя свою отлучку; он старался заложить фундамент дела, которое могло бы затем развиваться уже само по себе и давать результаты без постоянного контроля и вмешательства командующего. Была организована даже «межрегиональная кооперация»: значительная часть материалов для оснастки новых кораблей по приказу Цезаря поставлялась из Испании.

Отдав все необходимые приказания, император отбыл вначале в Ближнюю Галлию, где присутствовал на судебных собраниях местных племен и общин, а затем в Иллирию, которая на протяжении всей его галльской эпопеи оставалась занозой, не позволявшей полностью сосредоточиться на галльских делах. Там ему по традиции пришлось заняться решением местных военных и административных вопросов и, в частности, отразить нападение соседних племен пирустов, тревоживших иллирийцев своими набегами. Быстро разобравшись с этими делами, Цезарь вернулся сперва в Ближнюю Галлию, а затем, наконец, к своему войску.

Осмотрев все зимние квартиры легионов, а также гавани и верфи, Цезарь остался вполне удовлетворен увиденным. Действительно, несмотря на тяжелые условия расквартирования и нужду в самых необходимых вещах и материалах, солдаты и корабельщики проявили необыкновенный энтузиазм и рвение: за несколько месяцев отсутствия полководца было построено 600 (!) кораблей указанного низкопрофильного типа. Кроме этого, 28 военных судов было не только построено, но и оснащено настолько, что в течение нескольких дней было готово к спуску на воду.

Цезарь, необычайно обрадованный и вдохновленный столь активным и усердным воплощением в жизнь его планов, вынес благодарность солдатам и гражданским работникам верфей и приказал продолжать работы, снабдив их необходимыми указаниями. По мере готовности корабли, спускаемые на воду, должны были собираться к гавани Итию, которая находилась, как прекрасно было известно Цезарю, ближе всего к британскому берегу. Помимо того, что здесь была наиболее удобная для погрузки войск и припасов бухта, расстояние до британского берега не превышало 30 миль.

Для обеспечения безопасности пункта сбора, приема кораблей и организации постоянного лагеря Цезарь оставил небольшой, но вполне достаточный для этих целей контингент, а сам с четырьмя легионами без лишней поклажи, налегке и в сопровождении 800 всадников отправился в область племени треверов, так как те не соблюдали возложенных на себя обязанностей: не являлись на назначенные собрания, всячески отказывали римлянам в повиновении и, более того, активно подстрекали жившие за Рейном германские племена к антиримским выступлениям.

Бурный воинский темперамент Цезаря, всегда удачно сочетавшийся с талантами дипломата и организатора, позволил избежать масштабных боевых действий. Смещение одних лидеров и замена их другими временно успокоили треверов, однако не решили проблемы окончательно. Тем не менее главной в этот

момент была задача высадки в Британии. Уладив дела с треверами, Цезарь прибыл к Итию, где и узнал, что флот его понес определенный ущерб: шестьдесят кораблей, выстроенных в землях племени мельдов, во время перехода к точке рандеву были застигнуты бурей и отброшены назад. Не будучи в состоянии держаться своего курса, они принуждены были вернуться в место своего выхода. Однако все остальные суда император нашел в полной готовности, оснащенными и готовыми к выходу в море.

Помимо собственной пехоты Цезарь, испытывавший в прошлом году в Британии чрезвычайную нужду в коннице, привлек к участию в экспедиции этого сезона всадников из галльских племен. Таковых в лагере близ Ития собралось не менее 4000 человек. Кроме того, сюда же прибыли и вожди многих северо-западных галльских племен. Это также было сделано по недвусмысленному приказу Цезаря, ибо подобным образом он обеспечивал свой тыл. Предполагалось, что лишь немногие из наиболее преданных ему вождей могут быть оставлены на континенте в распоряжении римской армии, остальные же, во избежание пагубного стремления к независимости и попыток поднять восстание, должны были отправиться с флотом в Британию — в качестве заложников. С этим обстоятельством был связан эпизод, несколько задержавший отправку. Один из вождей эдуев, Думнориг, вызывавший опасения своей ненадежностью, настойчиво отказывался плыть, всячески подстрекал старейшин и вождей племен к разного рода сепаратным антиримским союзам, а напоследок, уже в ходе погрузки на корабли, вместе с всадниками от эдуев попытался покинуть лагерь. В результате сам Думнориг был убит, а конница возвращена — до последнего человека — на базу римлян.

Сам процесс ожидания выхода в море растянулся на двадцать пять дней — главным образом из-за невыгодного для переправы направления ветра. Северо-западные ветра вообще господствовали в данном районе, а в этом конкретном случае дули с удивительным постоянством. Это не делало переход морем невозможным, но крайне осложняло задачу гребцам и кормчим, а подвергать весь свой флот дополнительному риску Цезарь, естественно, не хотел. Наконец благоприятный ветер все же установился, и был отдан приказ о посадке на корабли и погрузке вооружения, припасов и животных. Как указывалось, этот процесс едва не был сорван бунтом Думнорига, однако быстрые и решительные действия императора пресекли неповиновение.

На берегу в Галлии были оставлены три легиона и совсем небольшой отряд конницы — не более 200 всадников, для того, чтобы прикрыть гавань и лагерь римлян. Командование этими силами было вновь поручено Лабизну, которому, кроме охранительных функций, были также вменены в обязанность задачи заготовки продовольствия и общего наблюдения за состоянием дел в Галлии с предписанием принимать соответствующие меры самому, а также своевременно информировать Цезаря.

Сам же император во главе флота начал переправу. Общая численность всех кораблей, если считать те суда, что остались с прошлых кампаний, и корабли, построенные частными лицами для собственных нужд в ходе подготовки операции, «флот вторжения» насчитывал более 800 судов. Такая громадная цифра свидетельствует о серьезности намерений Цезаря: намечалась отнюдь не разведка, но полномасштабное завоевание.

Следует отметить, что, по словам самого Цезаря, в составе экспедиционных сил было пять легионов и «такое же количество конницы, какое осталось на материке». Это обстоятельство не вполне понятно. Если император в самом деле взял с собой лишь две сотни всадников, то это было весьма опрометчивым решением. Ведь громадный флот вполне позволял перебросить одновременно и большее количество конницы, которая была чрезвычайно необходима на островах, в условиях боев с бриттами. Вероятно, полководец не вполне доверял галльским союзникам, опасаясь, что этнические чувства могут побудить их к сочувствию британским «братьям по крови». Как бы то ни было, но значительная часть союзной галльской конницы была оставлена на континенте. Однако, в любом случае, нам известно, что количество конницы в этой экспедиции существенно превышало цифру в двести человек, поэтому слова Цезаря следует понимать в том смысле, что число взятых всадников было равно общему числу оставленных на континенте конников, а не тех двухсот, что остались в лагере для его охраны.

На этот раз переправа была организована еще более грамотно, нежели в первый раз: сказался приобретенный опыт. Флот снялся с якоря и вышел в море сразу же после захода солнца. В достаточно ясную ночь потерять ориентацию было невозможно, зато прибытие к британскому берегу приходилось бы как раз на ранние утренние часы, т. е. в случае каких-либо непредвиденных случайностей впереди был весь световой день, позволявший принять решение и его осуществить. Тем не менее без неожиданностей все же не обошлось. Суда выходили в море при легком юго-западном ветре, который для грамотных и опытных кормчих не служил бы помехой в достижении берегов острова. Однако отсутствие регулярной практики именно на этом направлении движения и относительно слабое знакомство с географией британского берега сыграли свою роль: кормчие немного просчитались. К тому же вскоре после полуночи ветер полностью стих, что заставило эскадру идти исключительно на веслах и внесло некоторую сумятицу в ориентировку. Достаточно сильное течение, существующее в проливе и направленное с юго-запада на северо-восток, не было в достаточной мере принято во внимание. Поэтому к рассвету выяснилось, что Цезарь со своим флотом несколько сбился с курса и был отнесен далеко к востоку от британского побережья. В лучах восходящего солнца моряки и легионеры увидели берега Британии слева от себя, причем на довольно приличной дистанции.

Исправляя ошибку, гребцы налегли на весла. Движению помогало то обстоятельство, что течение, в соответствии с временем суток, изменило направление на противоположное и теперь словно возмещало вред, который нанесло минувшей ночью. Цезарь приказал грести так усердно, как только могли его люди, чтобы возможно быстрее достигнуть той части побережья, которая, как ему было известно по предыдущей высадке, была наиболее удобна для десантирования. Следует сказать, что солдаты-легионеры, сидевшие на веслах, сделали все от них зависящее, чтобы показать выдающиеся результаты — скорость тяжелых грузовых транспортов при их неустанной гребле сравнялась со скоростью военных кораблей, гребные команды которых были укомплектованы профессионалами. Разумеется, немаловажную роль в этом сыграли конструктивные особенности кораблей, имевших чрезвычайно удачные обводы корпуса и небольшую осадку.

В результате навигационная ошибка была очень быстро исправлена: к полудню вся эскадра достигла британского берега именно в том месте, где и предпола-

гал осуществить высадку Цезарь. К некоторому удивлению как самого императора, так и всего войска, ожидаемого «теплого приема» не последовало: берег был пустынен и никаких признаков неприятельского войска не наблюдалось. Позднее, впрочем, обстоятельства разъяснились. От пленных, захваченных в ближайшие дни, Цезарь узнал, что кельты все-таки пришли на берег и собирались оказать сопротивление высадке, причем собралось их там весьма и весьма много, однако, устранившись огромного количества показавшихся на горизонте кораблей и представив размах вторжения, они благоразумно предпочли отойти от берега в глубинные районы острова с тем, чтобы вести боевые действия уже там, а не непосредственно в полосе прибойя. Вероятно, плачевный опыт прошлогодней антидесантной операции и понесенные в ней тяжелые потери несколько охладили пыл кельтов к подобным мероприятиям. Однако, с точки зрения стратегии, нельзя не признать, что противодействие высадке в момент ее осуществления, безусловно, сулило островным жителям гораздо больше шансов на отражение вторжения, нежели борьба на суше. При высадке легионеры теряли свое главное преимущество — строй, делавший их воистину непобедимыми. Несмотря на тяжелые потери, прежде всего от атакующих боевых кораблей и дистанционного обстрела солдатами с транспортов, британны имели, конечно, весьма существенные шансы сорвать операцию Цезаря в самом ее начале. Даже несмотря на отличную погоду и спокойное море, можно было нанести легионерам такие потери, что император, в конце концов, принял бы решение о прекращении высадки и отводе флота в Галлию. Тем не менее опасения кельтов привели к их поражению не только в этой фазе операции, но и во всей кампании фактически еще до начала боя, лишней раз подтвердив старую истину о том, что поражение терпят прежде всего глаза противника.

В результате высадка прошла без каких бы то ни было соприкосновений с противником, в полном порядке и организованности. Вскоре все войска оказались на берегу, и Цезарь определил наиболее выгодное место для разбивки лагеря. Сразу же по окрестностям начали рыскать римские патрули, имевшие главной и основной целью захват пленных и разведку. Пленные же, в свою очередь, вскоре сообщили Цезарю, где располагается позиция, занятая вражеским объединенным войском.

Как только император об этом узнал и получил необходимые сведения о численности и характере сил неприятеля, он тотчас же предпринял попытку завязать сражение. Оставив триста всадников и десять когорт пехоты под командованием Квинта Атрия на берегу и препоручив им прикрытие эскадры, Цезарь с остальными войсками двинулся в третью стражу на соприкосновение с неприятелем. Он мало опасался за сохранность флота, так как корабли стояли на якоре близ открытого и слегка поднимающегося берега и, следовательно, вряд ли могли подвергнуться какой-либо угрозе со стороны суши.

Сам же император быстрым маршем отправился вместе с основными войсками к месторасположению неприятеля. Пройдя в течение ночи не менее двенадцати миль, римляне увидели войско бриттов. Те укрепились на высоком берегу реки и, пользуясь преимуществом местности, начали всячески навязывать римским войскам сражение. Несмотря на усталость после ночного марша, римляне вступили в бой, а конница вскоре опрокинула кельтов и оттеснила их от берега к лесу. Однако это не решило проблемы, ибо кельты, укрывшиеся в лесу, стали крайне

труднодоступны. Вероятно, они отступили на заранее подготовленную позицию, потому что случайными те довольно мощные засеки, которые легионеры встретили в лесу, назвать было никак нельзя. Скорее всего, римляне оказались возле одного из типичных британских «городов» или, что вернее, «бургов» (если использовать германский термин более позднего времени), который был укреплен дополнительными завалами и засеками и предполагался к использованию в качестве опорного пункта в случае внутренних межплеменных усобиц, а также при глубоком проникновении римлян. Во всяком случае, легионеры оказались перед круговой полосой обороны, проникнуть за которую не представлялось никакой возможности. Сами же кельты небольшими группами выскакивали из-за этих укреплений и из леса, нападая на римлян в основном с применением метательного оружия и не давая солдатам возможности проникнуть внутрь оборонительной линии.

Однако блестящая тактическая подготовка не подвела легионеров и на этот раз. Солдаты седьмого легиона построили «черепашу» из щитов и, укрываясь таким образом от стрел и дротиков врага, подошли вплотную к засеке. После этого последовал стремительный натиск, завершившийся тем, что кельты были полностью выбиты из своего укрепления. Римляне понесли совершенно незначительные потери: только несколько человек были ранены. Однако Цезарь запретил преследовать отступающего противника и удалиться вглубь острова. Причиной этого было плохое знание местности и тех сюрпризов, которые она могла преподнести; кроме того, поскольку большая часть дня была уже потеряна, он хотел сберечь некоторое время для укрепления своего лагеря, считая это более важной задачей, чем погоню за отдельными кельтскими воинами.

Прошла ночь. На следующий день Цезарь возобновил преследование бежавшего противника. Поскольку ни местность, ни направление движения основной массы кельтов не были известны, он разделил свою конницу и пехоту на три колонны и уже с утра послал их в погоню за бежавшими. Однако жизнь мгновенно скорректировала планы полководца. Едва высланные вперед колонны удалились настолько, что издали были видны лишь их арьергарды, как появились всадники—гонцы от Атрия. Они сообщили Цезарю, что в минувшую ночь разразилась очень сильная буря. Она разметала почти все корабли, большая их часть была выброшена на берег. Ни якоря, ни канаты, которыми они крепились, не могли выдержать натиска ветра и волн; матросы и кормчие были также бессильны справиться с порывами ветра. Таким образом, от столкновений кораблей друг с другом и в силу того, что многие из них не смогли избежать столкновения с берегом, эскадра внезапно понесла чрезвычайно большой урон. Это явилось существеннейшим моментом, ибо ни обратная переправа, ни целенаправленные боевые действия на суше впредь до восстановления флота становились невозможными.

Цезарь немедленно отозвал легионы и конницу назад, приказав не нападать самим, но лишь отражать возможные атаки кельтов при отступлении. Сам же он вернулся к флоту, чтобы воочию убедиться в масштабе причиненного ущерба. Здесь самые мрачные и вместе с тем реалистические ожидания полностью подтвердились: не менее сорока кораблей были потеряны безвозвратно, будучи разбиты, что же касается остальных, то они, безусловно, поддавались ремонту, однако для этого требовалась масса труда и, что особенно важно, времени.

Цезарь предпринял энергичные меры. От всех легионов и подразделений немедленно были отобраны мастера, сведущие в корабельном или просто плотницком деле. Немедленно было отослано письмо на континент с требованием прислать мастеров-корабельщиков, а также отправлено указание Лабиезу немедленно приступить к постройке такого числа судов, которое только будет возможным осилить с имеющимися в его распоряжении солдатами.

Оставшиеся в относительной сохранности корабли по приказу Цезаря были немедленно вытасканы на берег, рядом с ними разбит лагерь, и все это вместе обнесено единым укреплением. Работа была чрезвычайно трудоемкой, на нее ушло около десяти дней — учитывая то, что солдаты трудились без отдыха даже по ночам.

Когда корабли были вытасканы на берег, а сам лагерь отлично укреплен, Цезарь вновь оставил для его охраны те же самые силы, что и в прошлый раз, а сам во главе остального войска отправился к пункту, где ранее были разбиты кельтские войска. Ко времени вторичного прибытия римлян там собралось еще большее число кельтов, нежели в прошлый раз. Во главе объединенных сил британских племен встал один из наиболее талантливых и амбициозных вождей — Кассивеллаун. Надо отметить, что приход римлян вызвал бурный всплеск «островного самосознания», и племена, ранее ожесточенно враждовавшие между собой, теперь объединились против общего врага.

Британские всадники и отряды колесниц атаковали римскую конницу на походе, причем атаковали со всем пылом варваров, рассчитывающих на реванш, однако во всех пунктах соприкосновения римляне, несмотря на численный перевес нападавших, вышли победителями и отбросили британцев в лес и на высоты. Перебив немало кельтов и увлекшись погоней, конница сама понесла некоторые потери, впрочем, не катастрофичные. После этого солдаты принялись укреплять лагерь, однако в разгар этих действий кельты вновь напали на передовые караульные посты перед лагерем и завязали ожесточенное сражение. Цезарь немедленно выслал на помощь две первые когорты — по одной от двух легионов, — которые и выстроились на небольшом расстоянии одна от другой. Но чрезвычайно экзотические боевые приемы колесничих и пехотинцев кельтов, сопряженные с вышеописанной акробатикой, а также их весьма непривычный и устрашающий внешний вид (британцы красили тело в синеватый цвет и отпускали длинные волосы и усы, натирая их пастой из мела с водой) столь сильно подействовали на воображение неустрашимых легионеров, что те пришли в определенное замешательство и не смогли оказать врагу серьезного сопротивления. Кельты же, напротив, с невиданной отвагой бросились на римлян, прорвали намечавшееся окружение и отступили без потерь. Лишь тогда, когда подошли дополнительные когорты на помощь, враг был отброшен окончательно. Потери были относительно невелики, однако в тот день в бою пал военный трибун Квинт Лаберий Дур.

Это сражение, развернувшееся непосредственно под стенами лагеря и у всех на виду, лишний раз подтвердило самоочевидный вывод. Римская пехота, отягощенная тяжелым вооружением, была в состоянии отразить любой натиск варварских сил, коль скоро они не превосходили ее численно в десятки раз, но преследовать неприятеля из-за своих доспехов она была просто не в состоянии. Солдаты не слишком желали покидать строй, да это было и просто чревато угрозой целостности и единству самого легионного строя. Разрушение каре грозило по-

ражением и даже в случае повального бегства противника было практически неприемлемо.

Еще менее, как оказалось, в данных условиях годилась для преследования римская конница, потому что британцы в большинстве случаев отступали совершенно обдуманно, нарочно завлекая римских всадников на некоторое отдаление от легионов. Как только те оказывались вдали от пехотинцев, кельтские всадники и колесничие спешили и принимали бой в пешем строю. Это сразу нарушало равенство, которое существовало между римской и кельтской конницами, причем нарушало его не в пользу римлян: не имея необходимого вооружения для успешной борьбы с пехотинцами, занявшими глухую оборону либо, напротив, активно нападающими на них, римские всадники вынуждены были отступать ни с чем. Такая «драгунская» тактика приносила кельтам неизменный успех. Кроме того, они никогда не сражались большими массами, предпочитая небольшие стычки, в которых, на далеком расстоянии друг от друга, действовали маленькие группы воинов.

На следующий день бритты остановились в отдалении от римского лагеря на высотах и показывались лишь небольшими отрядами, нападая спорадически на римскую конницу, причем с гораздо меньшим энтузиазмом, чем накануне. Однако в полдень, когда Цезарь послал три легиона и всю свою конницу под командованием легата Требония за фуражом, кельты внезапно со всех сторон напали на фуражиров, причем столь дерзко, что атаковали даже выстроившиеся в боевой порядок легионы.

Римляне с честью выдержали эту атаку. Отбросив врага, легионеры перешли в наступление и продолжали преследование до тех пор, пока совместными ударами всадников и поддерживавшей их легионной пехоты кельты не были опрокинуты окончательно. Стремительность натиска конницы и наступление пехоты были таковы, что врагам даже не дали возможности остановиться, собраться и соскочить с колесниц (!). Множество кельтов было убито в этом бою — пожалуй, наиболее удачном с начала операции в Британии. После этого поражения все вспомогательные отряды бриттов, собравшиеся из окрестных областей острова, немедленно рассеялись, и после этого кельты уже ни разу не вводили в действие против римлян слишком больших сил.

Разгадав намерения и планы противника, Цезарь решил пресечь повстанческое движение в зародыше, нанеся удар в самое сердце сопротивления: по стране, из которой происходил предводитель объединенных кельтов Кассивеллаун. Его родные земли находились вдоль течения реки Тамесис (Темза), куда и двинул свои войска император. Тамесис можно было форсировать вброд лишь в одном месте, где и был устроен пост бриттов. Когда Цезарь прибыл к этому броду, он увидел, что на противоположном, южном берегу стоят значительные вражеские силы. Против внезапного броска конницы брод был укреплен деревянными кольями, наклонно вбитыми в землю на берегу. Точно такие же колья скрывались и под водой, на дне реки, замаскированные течением. Однако следы их на воде были все же видны, что помогло избежать излишних жертв. Кроме того, об этом рассказали пленные и перебежчики, которых постепенно становилось все больше.

Готовясь к штурму переправы, Цезарь послал вперед конницу и приказал легионам со всей поспешностью идти за ней. Несмотря на то, что форсирование

проходило в очень тяжелой обстановке и легионеры двигались по шею в воде, они пошли вперед с такой быстротой и стремительностью, что преодолели брод почти одновременно с конницей. Кельты не смогли выдержать одновременного натиска пехоты и конницы и, оставив берег, бросились бежать.

Это сражение у брода через Темзу окончательно продемонстрировало Кассивеллауну, что в прямом открытом столкновении с римлянами у кельтов просто нет никаких шансов на удачу. Поэтому он отказался от идеи генерального сражения и перешел к тактике партизанской войны. Кассивеллаун распустил большую часть своих войск, оставив при себе лишь около четырех тысяч боевых колесниц. Используя их, он отслеживал все передвижения римлян, не вступая, однако, до поры в непосредственный контакт с ними. Войска кельтов держались несколько в стороне от дорог и в лесистых труднопроходимых местностях. Там, где, по его данным, должны были передвигаться римляне, скот и само население сгонялись в леса, а каждый раз, когда конница римлян углублялась с целью реквизиций слишком глубоко в лесистую местность, Кассивеллаун выпускал из лесу потайными тропинками и всеми вообще возможными путями боевые колесницы и вступал с римлянами в весьма опасные и изматывающие их сражения. Сам факт этой постоянной угрозы препятствовал глубоким рейдам и сокращал ареал влияния римских войск. В такой ситуации Цезарю не оставалось ничего другого, как держать конницу в непосредственной связи с легионами и причинять врагу вред только и исключительно поджогом его деревень и дворов, а также опустошением близлежащих полей — ровно настолько, насколько это в состоянии была выполнить легионная пехота во время своих тяжелых походов.

Однако римские победы не прошли даром. Настроения местного населения заметно менялись. Римляне олицетворяли силу, и силу несокрушимую. Это чувствовалось. Одно из наиболее многочисленных и могущественных племен Британии, тринованты, отправило к Цезарю послов с обещанием сдаться на милость победителя и выполнить все его требования, кроме того, они просили поддержки Цезаря в возвращении власти Мандубракию — сыну убитого Кассивеллауном вождя триновантов. Цезарь потребовал от племени сорок заложников и хлеб для армии. Прислав к ним Мандубракия, который бежал ранее к нему на материк, Цезарь принял их под свою защиту и, следовательно, оградил от притеснений, чинимых легионерами. Разумеется, состояние племени резко улучшилось и свидетельства положительного влияния такого симбиоза с римлянами не остались без внимания остальных племен. Кеномагны, сегонтиаки, анкалиты, биброки, кассы — все они отправили вскоре к Цезарю послов и отдались под римское покровительство.

От послов этих племен Цезарь, в конце концов, узнал, что сравнительно недалеко от его ставки располагается «город» Кассивеллауна, отлично защищенный лесами и болотами, где сосредоточено большое количество людей и скота. Место это действительно было хорошо укреплено как самой природой, так и бриттами. Но Цезарь, получив разведданные, немедленно отправился туда со своими легионами и атаковал укрепления с двух сторон одновременно. После короткого ожесточенного сопротивления кельты не выдержали натиска римлян и бросились бежать, однако близ того выхода, через который они пытались покинуть «город», скопилось большое количество скота, который воспрепятствовал бегству, так что много кельтских воинов пало на этом выходе, либо было захвачено в плен.

В тот же день к Цезарю вновь — в который уже раз — явились послы от племен с предложениями о мире. На этот раз он потребовал от них вдвое больше знатных заложников, чем было прежде. Вторым требованием императора была доставка заложников непосредственно на материк, а не в распоряжение римских войск на островах. Дело в том, что необходимость возвращения в Галлию и прекращения экспедиции в этом году становилась для Цезаря, как и для всех его офицеров и солдат, совершенно очевидным и непреложным фактом. Сезон относительно приемлемой для боевых действий и мореплавания погоды завершался, бескормица, очевидная нехватка конницы и плачевное состояние материальной части флота вынуждали сворачивать деятельность на британском берегу. Вскоре должно было наступить осеннее равноденствие, за которым следовал период зимних бурь. Цезарь в этих условиях не считал возможным рисковать ни войском, ни оставшимся флотом.

К тому же напоследок римлянам пришлось пережить еще одно неприятное происшествие. Кассивеллаун, собрав войска четырех своих вождей-союзников, внезапно попытался напасть на стоянку римских кораблей. Однако все закончилось благополучно — римляне совершили вылазку, перебили много врагов и даже захватили в плен одного из вождей — Луторига, сами же потерь не понесли. Узнав об этом, Кассивеллаун впал в отчаяние и понял, что его борьба закончена: растеряв войска и союзников, нечего было и думать о дальнейшем сопротивлении. Поэтому он немедленно отправил через Коммия к Цезарю предложение о сдаче.

Цезарь вернулся на побережье и начал готовиться к эвакуации. Корабли были отремонтированы и находились в образцовом порядке. Но, в силу того, что вместе

**Акватории, контролировавшиеся римлянами
после Митридатовых войн и завоеваний Цезаря**

с пленными и заложниками людей прибавилось, а потери в корабельном составе при прошлых переправах были заметны, он принял решение переправлять войска в два приема. Первая партия переправилась успешно, однако при возвращении из Галлии входившие в ее состав корабли (и еще 60 судов, построенных Лабием) опять попали в бурю. Флот разбросало и многие корабли пропали без вести или вернулись в Галлию. Напрасно прождав их несколько дней, Цезарь разместил солдат поплотнее на оставшихся судах и все же благополучно переправил свою армию без каких бы то ни было потерь на континент.

Неизвестно, были ли вытасненные после этого на берег корабли использованы в каких-либо иных целях на следующий год. История Цезаревых десантов на этом была завершена.

Несколько экспедиций, предпринятых Гаем Юлием Цезарем для завоевания Британии, привели лишь к частичному решению проблемы. Хотя задача полного захвата острова еще и не ставилась. Живи Цезарь на сотню лет позднее — возможно, именно его легионы дошли бы до Твида, Клайда и Кэйтнеса. Но это довелось сделать другим полководцам, и участие флота в этих завоеваниях было куда как менее заметным.

Оценивая экспедиции Цезаря, следует сказать, что почерк этого человека ощутим во всем. Образцовое планирование высадки, тщательная подготовка флота, учет разведывательной информации, внимание к погодным характеристикам — все это было им проявлено. Что до самой десантной операции, то все ее этапы — выбор места десантирования, огневая поддержка высаживающихся войск в прибрежной полосе, обустройство лагерей, содержание транспортов и военных судов и, наконец, сами рейды десантных отрядов, ради которых и затевалась экспедиция — все это заслуживает однозначной отличной оценки. Не будет преувеличением сказать, что единственной, с кем Цезарю действительно приходилось бороться на равных, была природа Ла-Манша и Па-де-Кале. Всех остальных противников он легко и изящно переиграл.

ГЛАВА VII АГОНИЯ РЕСПУБЛИКИ. РИМСКИЙ ФЛОТ В ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ

In saltu uno duos apros capere
(В одном лесу поймать двух вепрей)

Последний этап гражданских войн эпохи Республики — Помпей и Цезарь — Разгром Помпея — Поездка Цезаря в Египет — Захват Африки и гибель Помпея-младшего — Особое благоволение водной стихии к Гаю Юлию Цезарю, отмечаемое современниками — Морские сражения Долабеллы и Кассия — Родосская эпопея — Флот Клеопатры и борьба Октавиана с Секстом Помпеем — Захват Секстом Помпеем Сицилии — Сражение с флотом Сальвидиена в проливе у скал Сицеллы — Октавиан и Антоний перебрасывают войска на Балканы — Крейсерские операции Мурка и Агенобарба — Перехват транспортного флота под Брундицием — Передел провинций — Антоний и Клеопатра — Блокада Помпеем Италии — Возвышение Агриппы — Раздел Средиземноморья между Антонием и Октавианом — Переговоры Октавиана и Помпея у Мизенского мыса — Равенна постепенно становится главной базой флота римлян — Атака Сицилии — Менодор и Менократ — Битва в Мессанском проливе и гибель флота Октавиана — Стратегические планы сторон на морях — Новая атака Сицилии — Менодор должен блокировать порты Октавиана — Однако он переходит на сторону Октавиана — Захват Липар Агриппой — Битва при Милах и разгром флота Помпея — Переправа Октавиана к Тавромену и комбинированная атака его лагеря помпеянами — Разгром флота Октавиана и его собственное спасение — Агриппа берет Тиндарид — Договор о решающем сражении — Гарпакс — Битва при Навлохе — Бегство Помпея — Триумвират превращается в дуумвират — Война Помпея — Его убийство — Клеопатра и Антоний создают casus belli — Их флот достигает огромных размеров — Концентрация сил сторон при Акции — Характеристика флотов сторон и их проблемы — Клеопатра настаивает, что следует решить исход войны битвой на море — Битва при Акции — Тактика сторон — Бегство египетской эскадры Клеопатры и Антония — Разгром его флота — Египетский финал: гибель Антония и Клеопатры — Могли ли Антоний и Клеопатра победить?

Новая вспышка гражданской войны относилась уже к периоду после 50 г. до н. э. и была связана с возвращением в Италию Гаю Юлию Цезаря. Умудренный опытом и овеянный славой галльской и британской войн, Цезарь вступил в острую борьбу с Помпеем, да еще и не с одним, а с целым семейством Помпеев и их многочисленными сторонниками. Помпей, уже привычный к такого рода мероприятиям, организовал поэтапную переправу верных ему войск из Брундиция морем в Диррахий. При нехватке кораблей приходилось дробить силы, и корабли совершили как минимум три рейса на Балканы, переправляя армию Помпея поближе к Эпиру, где он собирался заняться приготовлениями к войне. Многие сподвижники бежали к Помпею, также используя корабли, — масштаб гражданского противостояния был уже далеко не итальянским, и без флота нельзя было ни убежать от противника, ни настигнуть его.

Заметным событием того же года была десантная операция одного из подчиненных Цезаря — Куриона — против Вара Аттия, командовавшего войсками Помпея в Африке. Курион перебросил из Сицилии на транспортах два легиона. Конвой эскортировали 12 больших боевых кораблей. Пристали в гавани Утики. Операция поначалу, казалось, имела успех — противники, в том числе и мавретанские кочевники, были разбиты. Однако вскоре войска Куриона были разгромлены, а его голова досталась вождю мавретанских кочевников Юбе. Командовавший

римским флотом Фламма, узнав об этом, немедленно бежал, позорно бросив на произвол судьбы оставшихся в Африке римских воинов. Их командир Азиний попытался договориться с купцами со стоявших на якоре близ берега кораблей. Он переправился к ним на легкой лодчонке и уговаривал подойти к берегу. Некоторые и вправду подошли, однако, когда солдаты стали подниматься на борт, выяснилось, что корабли перегружены и могут вскоре затонуть; купцы и члены их команд, взяв у солдат деньги за проезд, начали выбрасывать их в море, где многие и утонули. Оставшихся на берегу кочевники перебили. Так что все два легиона в полном составе вместе со вспомогательными войсками погибли на африканском берегу.

Помпей, переправившись в Эпир, ожидал Цезаря и неустанно готовил свои корабли, отстраивая новые. Он даже сумел захватить сорок судов Цезаря, неосторожно вышедших в Ионическое море. В результате он стал обладателем громадного флота. У Помпея было шестьсот боевых кораблей, полностью укомплектованных командами. Правда, большинство из них было собрано «с бору по сосенке», но костяк боевых сил составляли 100 кораблей с римскими экипажами. Кроме того, было, как указывает Аппиан, «великое множество грузовых и обозных судов».

Противники наращивали силы. В разгар зимы 49-48 гг. до н. э. Цезарь собрался переправляться через Ионическое море. Свои войска — пять легионов пехоты и 600 отборных всадников — он привел в Брундизий и погрузил на корабли. Однако период зимнего солнцеворота не способствовал мореплаванию: ветры были слишком сильными, и флот стоял теперь на якоре в открытом море. Тем временем прибыли еще два легиона. Цезарь, невзирая на бурю, отправил их в путь на грузовых судах. Военных кораблей у него было совсем немного, и они охраняли Сардинию и Сицилию, так что похвастать эскортом он вряд ли мог. Отважившись на эту авантюру, Цезарь с авангардом прибыл в Эпир 5 января 48 г. до н. э. и тотчас отправил корабли с гонцами за остальным войском, также переправленным на другой берег моря. Прибыл он не в Диррахий, а был отнесен бурей к городам Орику и Аполлонии, так что здесь его не ждали. Командиры Помпея, караулившие близ Орика 18 кораблей с хлебом, бежали, затопив их, чтобы они не достались Цезарю.

Помпей тем временем овладел Диррахием и послал флот в Орик, также захватив его. Границей между двумя армиями стала река Апс. Флот Помпея контролировал море, его триеры постоянно патрулировали прибрежную полосу, имея базы на островах, и оставшиеся в Италии верные Цезарю войска все еще не переправились. Цезарь полагал, что если они поплывут еще зимой, то скорее избегнут встречи с противником или, благодаря своей большой величине и попутному ветру (идя под парусами) одолеют его, коль скоро на них нападут. Он решил тайно сам отправиться к своему войску, полагая, что другого человека они просто не захотят слушать. Здесь и произошел один из тех ярких эпизодов, которые входят в историю. Цезарь, желая скрыть собственное отплытие, распорядился приготовить самую быстроходную лодку, трех рабов и самого лучшего рулевого, якобы для переправы в Италию посла Цезаря. После очередного обеда, сославшись на недомогание, Цезарь удалился к себе, предоставив своим друзьям продолжать пирушку. Сам же, надев гражданскую одежду, закутавшись в плащ и сев в повозку, отправился к судну — якобы как посланец Цезаря. Как пишет Аппиан, «он

и в дальнейшем отдавал все приказания через рабов, сам оставаясь закрытым и в течение ночи неузнанным. Когда наступила буря, рабы увещевали кормчего быть храбрым, указывая, что благодаря буре им скорее удастся проплыть незамеченными среди врагов, которые находятся поблизости». Кормчий плыл по реке, гребя изо всех сил. Когда достигли устья реки и море, со всей его бурей и встречным течением задержало их движение, рабы всячески подгоняли кормчего и гребцов, а когда тем стало ясно, что ничего не добьешься, Цезарь вдруг открыл лицо и крикнул рулевому: «Смелей направляйся навстречу буре. Ты везешь Цезаря и его счастье». Кормчий и гребцы были поражены и навалились на весла, так что лодка все же вышла в открытое море. Однако двигалась она крайне медленно, так что все стали опасаться, как бы с наступлением утра не быть обнаруженными патрулями Помпея. Цезарь, наконец, смирясь с неизбежностью, разрешил повернуть обратно.

Попытка самостоятельно переправиться в Италию, таким образом, успеха не имела. Теперь замысел его был раскрыт, и Цезарь, не надеясь еще раз остаться неузнанным, отправил вместо себя одного из своих командиров, Постумия. Цезарь написал очень своеобразное послание своим командирам в Италии: вести войско надлежало Габинию, если послушается Габиний, то Марку Антонию, если откажется Антоний — Калену. Если не решатся все трое, Цезарь направил письмо и всему войску с приказом: садиться на корабли и пристать туда, куда их пригонит ветер, а кораблей не жалеть, ибо «не в кораблях нуждается Цезарь, а в людях».

Примечательно, что Габиний, послушавшись Цезаря, повел тех, кто пожелал последовать за ним, по суше, через Иллирию, где они почти все и были уничтожены иллирийцами. Антоний же, напротив, выполнил приказ в точности и повез свое войско на кораблях. Проходя под парусами мимо Аполлонии Иллирийской, они были атакованы двадцатью боевыми кораблями Помпея. Внезапно ветер стих, что поставило подкрепления Цезаря на грань гибели — на кораблях, шедших под парусами, никто уже не надеялся спастись от гребных трирем Помпея, не зависевших от ветра. Те уже разворачивались в боевой порядок, на правив на противников свои тараны; с палубы кораблей Помпея полетели первые стрелы и камни из пращей. Столь же внезапно ветер вновь подул, так что цезарианцы, немедленно подняв все паруса, спаслись, потеряв только лишь два корабля, которые прибило к болотистому берегу — корабли Помпея, едва спасшись из шквала сами, овладели этими судами. Остальные корабли Антония причалили в Нимфее, в расположении войск Цезаря.

Из эпизодов этой войны стоит упомянуть и тот, в котором войска Цезаря стремились отрезать громадной дамбой длиной 1200 стадий лагерь Помпея от моря, а тот, в свою очередь, копал рвы со своей стороны.

В том же 48 г. до н. э. Помпей получил дополнительные корабли из Египта от знаменитой впоследствии Клеопатры и ее брата Птолемея в количестве 60 единиц, однако весь его флот, в том числе и эти корабли, стоял в бездействии у острова Коркиры. Это было громадным просчетом Помпея, который мог лишить Цезаря подвоза продовольствия, но Помпей по какой-то причине ослабил свое внимание к военно-морским силам, а ведь силы его флота были поистине громадны. По словам Плутарха, у Помпея насчитывалось не менее 500 крупных боевых кораблей, не считая еще большего числа либурн.

Тем более удивительно, что, потерпев поражение в битве при Фарсале, Помпей, спасаясь на маленькой лодке, на которой настиг проплывавший случайный корабль, и уже на нем достиг Митилены. Здесь он забрал свою жену Корнелию и на четырех кораблях, присланных родосцами и жителями Тира, уплыл в Парфию. Его собственный флот остался под Коркирой и не принял участия в вызволении своего предводителя. Именно на пути к Парфии, в Киликии, соратники уговорили Помпея предпочесть Египет. Так он и сделал, идя, как выяснилось, навстречу своей судьбе.

Именно в этот момент наступило обострение отношений тринадцатилетнего царя-фараона Птолемея XIII со своей старшей сестрой, Клеопатрой VII. Она, бежав из Египта, собирала войско в Сирии, а Птолемей охранял свою страну от сетеры-соправительницы. Помпей, отнесенный ветром, причалил именно рядом с лагерем Птолемея и попросил его помощи. Учитель Птолемея, Феодот Самосский, предложил убить Помпея и этим угодить Цезарю. Под предлогом, что море здесь мелкое и крупные корабли не смогут пристать к берегу, за Помпеем отправили небольшую лодочку с царскими гребцами. По пути к берегу Помпей был убит. Видя это, соратники Помпея и его жена поспешно отплыли на своих кораблях. Вскоре голову Помпея доставили Цезарю.

Сподвижники Помпея, еще не зная о его судьбе, разделили его коркирский флот из 300 кораблей на две эскадры. Одна ушла в Понт Эвксинский к царю Боспора Фарнаку за помощью, а другая — в Африку. Старший сын Помпея, также Гней, морем отправился набирать войска в Испанию.

Цезарь, не зная, где находится Помпей, переправлялся с частью армии на маленьких челноках через Геллеспонт в Азию. Как раз в момент, когда он находился на середине пролива, показались корабли полководца Помпея, Кассия, шедшие к Фарнаку. Силы были не то что не равны — кораблям Кассия ничего не стоило, даже не вступая в перестрелку, просто передавить и опрокинуть все корабли цезарианцев. Однако — сколь велика была харизма Цезаря — полагая, что Цезарь атакует (?!), Кассий протянул к нему руки со своего корабля и сдал весь флот без боя!

В Малой Азии Цезарь узнал, что Помпей бежал в Египет. Он немедленно отплыл к Родосу и, не дожидаясь основных сил, взяв с собой немногочисленные войска, посадил их на триремы, взятые у Кассия и родосцев. Сохранив в тайне направление своего движения, он вывел свой малочисленный флот вечером в море и велел держаться ночью света фонаря на его корабле, а днем — его вымпела. Через три дня Цезарь прибыл в Александрию. Дождавшись основных сил, он, за преступление, совершенное, по его мнению, в отношении Помпея, вскоре разгромил Птолемея и через девять месяцев объявил Клеопатру царицей Египта. Голову же Помпея он приказал похоронить с подобающими почестями. Это произошло в 47 г. до н. э.

Эта экспедиция в Египет имела и продолжение в виде многомесячного турне с новой царицей страны пирамид по Нилу на четырехстах кораблях. Не исключено, что именно в ходе этой поездки с осмотром пирамид и посещением храмов, где царям (и Цезарю заодно) воздавались божеские почести, у него созрела мысль о форме императорской власти, достойной Рима.

В 46 г. до н. э. Цезарь совершает высадку в Африке. Маршрут этой экспедиции был стандартен: Регий—Мессана—Лилибей—Утика. Разгромив противника, Це-

зарь присоединил Африку к своим трофеям. Его противники покончили с собой: Катон в Утике, а Луций Сципион — на корабле в море, перехваченный кораблями Цезаря.

После своего грандиозного триумфа в Риме в 45 г. до н. э. Цезарь отправился по суше в Испанию и разбил там сына Помпея. Море и здесь сыграло свою роль. Бежавший после разгрома к своему флоту Помпей-младший был на носилках, инкогнито, как частное лицо, принесен на верфь. Увидев, что люди здесь в отчаянии и могут выдать его Цезарю, он спустился в лодку, чтобы бежать, но запутался ногой в канате. Кто-то, пытаясь его вызволить, рубанул по канату мечом, но попал по ноге. Он все же отплыл на лодке и причалил в глухом и уединенном месте, заросшем колючим кустарником. Когда его настигли и здесь, он отбивался до последнего. Голова этого Помпея также была похоронена Цезарем с почестями.

Собственно, с этого времени до трагической кончины Цезаря в мартовские иды 44 г. до н. э. особенных событий на море не отмечается. Было несколько переправ через Ионическое море, ряд перемещений флота, но боевая активность его снизилась, уступив место политической активности в Риме. Современники отмечали тем не менее особое благоволение водной стихии к Гаю Юлию. Знали, что Ионическое море покорилося ему, когда он собирался переплыть его во время шторма; знали, что моря Галлии и Британии также сдались перед великим завоевателем. Помнили его иллирийский выход в море на крохотной лодочке. И конечно, вспоминали о том, как, сражаясь под Александрией, Цезарь остался на мосту один и, находясь на грани жизни и смерти, сбросил с себя тогу и прыгнул в море. Разыскиваемый противником, он плыл долгое время глубоко под водой, лишь изредка выныривая на поверхность, пока не приблизился к одному из своих кораблей, а там уже поднял руки, привлек к себе внимание и был спасен.

В наступившем после гибели Цезаря хаосе власти морских битв какое-то время не было. Море стало прибежищем беглецов, удиравших на кораблях из Италии, и претендентов, постепенно собиравших силы для решающей схватки за власть. Именно штормовая погода на море помешала бежать из Италии знаменитому оратору и политическому деятелю Марку Туллию Цицерону, за что он и поплатился жизнью.

На главной арене античного мира оставалось все меньше бойцов. Создание триумвирата (Антоний, Лепид и Октавиан) и его борьба с оппозицией стали главной интригой 43–42 гг. до н. э. Наиболее часто упоминаемой в источниках в этот период становится акватория Ионического моря. Поскольку республиканская оппозиция собирала силы на востоке, здесь постоянно происходили перемещения флотов, гонцов и разного рода предводителей войск.

Вскоре всем окончательно стало ясно, что ставкой в игре является не померкший ореол уже почти всеми позабытой республиканской власти, а выпестованное Цезарем единовластие, а претендентов на него только двое — приемный сын Цезаря Октавиан и его бывший полководец и ближайший соратник — Марк Антоний. Однако на морях действовали и другие весьма приметные персонажи.

Так, в 42 г. до н. э. в нескольких морских сражениях столкнулись Публий Корнелий Долабелла, поддерживавший Октавиана и Антония, и Гай Лонгин Кассий. Долабелла собрал флот из кораблей, взятых на Родосе, в Ликии, Памфилии и Киликии. Сам он командовал армией, а флот передал своему адмиралу Фигулу.

В городе Лаодикея в Сирии Долабелла укрепился и намеревался господствовать над отличной гаванью этого укрепленного порта. Его противник Кассий запер Долабеллу с суши и послал за кораблями — все туда же: на Родос, в Ликию и Финикию. Воистину, все смешалось в державе римлян. Однако откликнулись, конечно же, только финикийцы. За этим последовало морское сражение. Обе стороны понесли потери; известно, что Долабелла захватил пять кораблей противника со всем их экипажем. Кассий вновь послал за кораблями по прежним адресам, а также к царице Клеопатре и ее командующему на Кипре Серапиону. Несколько городов и Серапион, ничего не сообщив Клеопатре, отправили корабли Кассию. Она же сама, сочувствуя Долабелле, послала Кассию четыре легиона, но не флот, который она приберегала для его соперника.

Теперь от участия в гражданской войне на чьей-либо стороне отказались и родосцы, и ликийцы. Последовало еще две битвы. Первая окончилась вничью, а вторую Долабелла проиграл. Вскоре Кассий взял Лаодикею, а Долабелле пришлось покончить с собой.

Вновь, как и прежде, разгорелась борьба за влияние на Родосе. Естественно, предметом спора были прежде всего его корабли — не слишком многочисленные, но представлявшие собой мощную силу благодаря опыту родосских моряков. Верхушка родосского общества не желала выступать против Рима. Что касается простого народа, то он, вспоминая о былом величии Родоса, полагал в массе своей, что справится и не с таким противником. Родосцы, в итоге, вывели в море 33 своих лучших боевых корабля. После долгих колебаний и переговоров они все же решились выступить против Кассия. Александр и Мнасей, выбранные родосцами в качестве главнокомандующих, повели флот к Минду, где стоял флот Кассия. Здесь произошло два морских сражения, отличавшихся не столько многочисленностью кораблей, сколько исключительным упорством и продолжительностью.

За сутки родосцы на веслах достигли Книда, где заночевали. На следующий день противники встретились. Суда Кассия пошли в атаку. Корабли родосцев были легче и маневреннее. На них они с легкостью то прорывали строй неприятеля, то обходили римские корабли и нападали на них с тыла. Римляне же, как в старые добрые времена Пунических войн, противопоставляли врагам классический абордажный бой на палубах. Численный перевес был на их стороне, и вскоре Кассий окружил родосские корабли, которые не в силах были ни прорвать, ни обойти строй римлян. Стесненные римлянами, родосские суда лишились возможности свободно маневрировать, а их таранные атаки против тяжелых и прочных кораблей противника были совершенно безрезультатны. В результате боя три родосских корабля были захвачены вместе с экипажем, два — потоплены, а остальные ретировались на Родос. Римляне потерь не имели, однако, вернувшись в Минд, вынуждены были почти все встать в ремонт — родосцы их серьезно потрепали.

Кассий, наблюдавший за ходом сражения с близлежащей горы, понял, что нужно срочно «дожать» противника. Сразу же по окончании ремонта кораблей он отплыл с ними к принадлежавшей родосцам крепости Лорима, откуда перебросил на Родос свое пешее войско на транспортниках. Вслед за ними отправился и сам Кассий с восьмьюдесятью боевыми судами, «оснащенными так, что они наводили страх». В том числе на них были впервые упоминаемые в античной литературе «складные башни», которые могли неким образом раздвигаться. Ро-

досцы попытались дать еще один морской бой, однако как его ход, так и исход были аналогичны первому. Потеряв еще два корабля, родосский флот оказался заперт в своей гавани. Вскоре, после согласованного наземно-морского штурма и предательства, столица острова была взята Кассием. Определенную роль в этом штурме сыграли и его «раздвижные башни».

Вскоре Кассий узнал, что флот Клеопатры вскоре в полной боевой готовности должен выступить в поддержку Цезаря Октавиана и Марка Антония, находившихся в Македонии. Надеясь воспрепятствовать этому, Кассий отправил к берегам Пелопоннеса свою эскадру из 60 кораблей под командованием некоего Мурка с легионом солдат и лучниками. Однако флот царицы потрепала буря еще у берегов Африки; многие корабли затонули, и их обломки усеяли все Средиземное море до самой Лаконии. Сама царица, больная, едва добралась до дома. Чтобы не бездействовать, Мурк снялся и ушел к Брундизию. Здесь он встал на якорь у острова на входе в гавань города, надеясь запереть гавань и пресечь доставку противникам в Македонии помощи из Италии. У Антония было совсем мало кораблей, но он активно отбивался от флота Мурка. Более того, Антоний соорудил башни, устанавливавшиеся на плотках, собранных из небольших лодок. Конструкции были разборными, и Антоний приказывал собирать их каждый раз, как Мурк высылал свое войско на транспортных кораблях по частям, а не всем флотом; Антоний также дожидался ветра с берега, чтобы не быть захваченным шедшими под парусами транспортниками. Однако успех ему не сопутствовал.

Октавиан в это время предпринял ряд морских сражений у берегов Сицилии с Секстом Помпеем, племянником Помпея Великого. Целью этой борьбы было господство на Сицилии. История самого Секста Помпея была исключительно интересна. Командуя войсками в Испании, он испытывал, как писали, пренебрежение со стороны Цезаря из-за своей молодости и неопытности. Вероятно, именно это и задевало молодого и вполне честолюбивого вояку. Он занялся тем, с чем столь успешно боролся его собственный отец еще совсем недавно. Помпей сколотил небольшую команду авантюристов и на нескольких кораблях разъезжал по морям, омывающим Испанию, занимаясь морским разбоем. При этом его сподвижники понятия не имели, кто ими руководит на самом деле. Когда вокруг него сколотилась уже вполне приличная команда, Помпей открыл свое истинное имя. Слух немедленно распространился, и многочисленные воины, сражавшиеся с его отцом и братом и теперь бывшие не удел, начали сбегаться к нему отовсюду, видя в Помпее своего нового вождя.

Началась новая фаза борьбы. Теперь Помпей, располагая тысячами сторонников и десятками кораблей, стремился установить свой контроль над Испанией — самой большой провинцией Рима на тот момент. Используя силы флота, он был практически неуловим и всегда навязывал инициативу. Посылка Цезарем двух своих командующих в Испанию ни к чему не привела: борьба шла на равных. Потом Цезаря убили, а сенат вскоре призвал Помпея в Рим. Тот, будучи осторожным человеком, ушел с флотом в Массилию и уже отсюда наблюдал, что происходит в Риме. Вскоре сенат избрал его командующим на море и наделил всеми теми полномочиями, которыми недавно облек его отца, т. е. фактически неограниченной властью над морем и побережьями.

Однако Секст Помпей и теперь в Рим не поехал, а, взяв флот, ушел на Сицилию, которой вскоре овладел. И здесь он начал создавать и укреплять основания

своей вполне осязаемой власти. А она была весьма велика. Прежде всего, к нему сбежалась уйма корабельщиков и моряков из Испании и Африки — людей опытных и вполне преданных Помпею. Так что с флотом особых проблем не было — имелись и кадры, и корабли, и верфи. Далее, к Помпею массово бежали как свободные, так и рабы из Италии — все те, кто не хотел мириться с триумвирами. Многие города Италии тайно или явно слали ему людей и средства, поскольку там также не любили триумвиров. К Помпею перебежала и масса знати из Италии — дело в том, что его собственный авторитет у всех ассоциировался еще и с харизмой его отца, с которой все еще мало что могло сравниться в Средиземном море. Так что Помпей стал вполне универсальным оппозиционным лидером с немалыми силами.

Октавиан, отлично представляя степень опасности такого противника, отправил для борьбы с ним собственный флот под командованием Квинта Сальвидиена Руфа. Однако, представляя опасность, Октавиан ее явно недооценил. Ликвидация флота Помпея отнюдь не была легким делом. Сам триумvir отправился посуху в Регий с тем, чтобы присоединить свое войско к флоту Сальвидиена — вероятно, Октавиан планировал масштабное вторжение на Сицилию либо под прикрытием своего флота, либо после его победы в морском бою.

Точными данными о численности флотов мы не располагаем, судя по всему, она была относительно равной, однако в полной мере проявили себя как особенности конструкции судов, так и влияние погодных условий. Помпей подкараулил Сальвидиена у входа в пролив, возле скал знаменитой Сциллы. В проливе, куда втянулись во время боя корабли Сальвидиена, море волновалось гораздо сильнее, к тому же возникали водовороты, обусловленные особенностями гидрографии. Экипажи Сальвидиена, имевшие меньший опыт, были непривычны к качке и сильно страдали из-за нее, отчего были не в силах адекватно ни управлять кораблями, ни грести. Движение судов нарушилось, их скорее тащило по течению, нежели они шли сами. Кроме того, у Помпея суда были более легкие и стремительные, чем у Сальвидиена. Основным поражающим фактором в этом сражении были, безусловно, тараны и метательные приспособления для зажигательных снарядов, что косвенно подтверждается отсутствием захваченных в итоге битвы судов с обеих сторон.

Битва затянулась, но ни один из противников не мог добиться успеха. Уже ближе к вечеру Сальвидиен первым дал сигнал к отходу, вслед за чем поле битвы покинул и Помпей. Противники понесли равные потери, что очень хорошо характеризует моряков Сальвидиена, подавляющее большинство из которых впервые участвовало в морском сражении, однако цель достигнута не была, и господство на море Октавиану захватить не удалось. Сальвидиен увел свои корабли, большинство из которых требовало ремонта, в баларскую гавань. «Столкнуть» Секста Помпея с Сицилии тогда не удалось.

Октавиан, прибыв в Регий, первым делом торжественно дал его жителям, как и жителям Гиппония, личные гарантии их неприкосновенности. Он очень беспокоился об этих городах, бывших важнейшим оплотом против помпеянской Сицилии. Именно эту переправу нужно было сейчас держать во что бы то ни стало, обеспечив этот фронт, он временно забыл о сицилийских делах и отплыл с частью флота в Брундизий — поддержать переправу войск из Италии в Македонию.

Здесь два триумвира — Октавиан и Антоний — сумели общими усилиями организовать и провести переброску в Македонию основной части своих сил. Транспорты с легионерами были отправлены через Адриатику с относительно небольшой охраной: в голове колонны шло всего несколько трирем. Карауливший транспорты в море Мурк, естественно, попытался на них напасть, но сильный попутный ветер позволил всему флоту проскочить совершенно безнаказанно, и Мурк догнать его не смог. Вторая партия войска через несколько дней точно таким же образом ускользнула от Мурка, который выбирал себе позицию слишком далеко от гавани Брундизия, и оба раза не успевал догнать и перехватить противника на проходе. Однако ни он сам, ни Кассий категорически не собирались очищать море. Они полагали, что сейчас важнее всего перехватывать транспорты со вспомогательными войсками, амуницией и, самое главное, с провиантом, шедшие в Македонию. Наступала осень, и войско Октавиана и Марка Антония начинало страдать от недостатка пищи. Следовало усугубить эти страдания. Поэтому в помощь Мурку был выслан еще один флот во главе с Гнеем Домицием Агенобарбом. В нем насчитывалось пятьдесят кораблей, на которых располагался легион солдат и множество стрелков из лука. Несомненно, они рассматривались как одно из основных поражающих средств, поскольку могли стрелять зажигательными стрелами, уничтожая корабли, не имевшие ценности для Кассия — например, с войсками. В то же время морская пехота могла атаковать посредством abordaja «ценные» призы — с продовольствием и снаряжением, тем более, что они, естественно, слабее сопротивлялись таким атакам.

Имея теперь 130 больших боевых кораблей и много маленьких гребных судов, располагая мощной группировкой морских пехотинцев, Мурк и Агенобарб крейсировали близ Брундизия и действительно хронически срывали поставки войскам: пробиться сквозь их кордон удавалось лишь немногим судам и только в очень благоприятных условиях.

Сложилась интересная ситуация. Армия триумвиров превосходила войска Брута и Кассия, имея 20 легионов против 18, однако позиции ее были хуже и, самое главное, она была почти отрезана от продовольствия, своих баз и даже источников финансирования: солдатам просто не из чего было платить обещанные деньги. Флоты Помпея, Мурка и Агенобарба полностью блокировали Центральное и Западное Средиземноморье. Попытки подвозить хлеб из оставшихся у триумвиров провинций — из Африки, Япигии и Лукании — были обречены из-за господства на море их противников. В то же время «республиканцы» имели в своем тылу полностью спокойное и невраждебное море — они осуществляли беспрепятственный подвоз провианта и всего необходимого с территорий от Египта до Фракии. Общая численность их боевых кораблей превышала две сотни. Один из командиров Кассия, Тиллий Кимвр, с флотом и легионом пехотинцев обошел фракийское побережье возле города Дориска и распределил здесь все места, пригодные для лагерей, корабельных стоянок и выгрузки судов. Параллельно была решена еще одна задача: демонстрация флота заставила командиров триумвирата выдвинуть ряд подразделений ближе к берегу, и через освободившиеся горные проходы Брут удачнее перегруппировал свои войска.

Но все эти приготовления оказались бессильны против таланта полководцев триумвирата, прежде всего, конечно, Марка Антония — в битве при Филиппах

в ноябре 42 г. до н. э. «республиканцев» разбили, а Кассий погиб при довольно загадочных обстоятельствах.

Победа триумвиров оказалась несколько подпорченной другим сражением, разыгравшимся в один и тот же день с битвой при Филиппах, но на море. Мурк и Агенобарб продолжали караулить морские коммуникации возле Брундизия. В это утро из гавани города вышли несколько десятков тяжелых транспортов с войсками общей численностью в два легиона. Причем войска эти были в основном элитные: везли, в частности, так называемый Марсов легион, прозванный так за свою стойкость, преторианскую когорту численностью около двух тысяч человек, четыре отряда всадников и множество вспомогательных отрядов и подразделений новобранцев. Конвой вновь охраняло несколько трирем.

Все сто тридцать республиканских кораблей вышли наперерез. Несколько наиболее быстроходных транспортов на всех парусах ушли на восток, к македонским берегам. Однако ветер внезапно ослабел, и остальные транспортные корабли, потеряв ход, стали блуждать по морю, не имея возможности уйти от противника. Триремы эскорта прилагали все усилия, но сделать ничего не могли, так как уступали противнику по величине и не могли нанести его кораблям серьезный урон. Моряки этих трирем вели себя просто героически в совершенно безвыходной ситуации. Уступая противнику в численности, они спешно связывали свои корабли канатами и шестами, скрепляя их в плавучую стену, которой стремились прикрыть свои транспортники и не дать врагам прорваться к ним. Но, как только они завершили эти приготовления, Мурк приказал пустить в ход зажигательные стрелы, сосредоточив весь огонь на триремах боевого охранения. Спасаясь от огня, они вынуждены были перерубить связующие канаты и плыть врассыпную друг от друга, а затем, круто развернувшись, вновь нападать на триремы противника. Пользуясь этой передышкой, лучники Мурка и Агенобарба сосредоточили огонь на транспортах. На кораблях конвоя, особенно среди воинов Марсова легиона, возникло острейшее возмущение тем, что они не могут повлиять на исход схватки, хотя и превосходят солдат противника численностью и боевыми качествами. Огонь охватывал потерявшие ход корабли. Часть легионеров покончила с собой, не желая гореть в пламени, многие прыгали за борт — кто в море, а некоторые, если удавалось, на неприятельские корабли, стремясь подороже продать свою жизнь. Их самоотверженная храбрость и ярость заставили многих республиканских солдат и моряков расстаться со своими жизнями.

В результате большая часть конвоя была либо потоплена, либо сожжена. Эти полусожженные остовы кораблей потом долго еще будут плавать по морю, неся на себе останки людей, погибших или от огня, или — те, кто вскарабкался на догоревшие корпуса — от голода и жажды. Многие уцелевшие, держась за мачты и доски, были прибиты к пустынным островкам, скалам и утесам. Многие продержались в море в течение пяти дней, жуя фрагменты парусов, веревки и слизывая смолу со снастей, и лишь затем волны выносили их на сушу.

Много было и пленных. Так, семнадцать трирем и множество солдат с транспортов, оказавшись в безвыходной ситуации, вынуждены были сдаться на милость победителя и присягнуть противнику. Сам Домиций Кальвин на своем корабле на пятый день вернулся в Брундизий, когда никто его уже и не ждал, считая погибшим.

Таким образом, история в своем вечном круговороте компенсировала про-

тивникам их победы на суше и на море. Однако компенсация эта была неравной: уже через несколько дней был разбит и Брут, который покончил с собой. «Республиканцы» как военная сила прекратили существование. Остался лишь Секст Помпей, да еще грядущие разногласия между победившими триумвирами, которые вскоре станут еще масштабнее. Последние сторонники республиканской коалиции из римской знати, отсиживавшиеся на острове Фасос, вскоре были выданы приплывшему на остров с флотом Антонию — за исключением немногих, сумевших уплыть с Фасоса, куда кто мог.

После разгрома сухопутных сил противников триумvirата началась перетасовка кадров. Оставленный Кассием и Брутом в Азии один из их сподвижников Гай Кассий по прозвищу Пармский, узнав о гибели первого из своих командиров, Кассия Лонгина, понял, что и Бруту недолго осталось. В Азии он занимался взиманием денег и подготовкой вверенного ему флота. Теперь он отобрал из флота родосцев тридцать лучших кораблей: именно столько, сколько ему недоставало. Все остальные — за исключением священного корабля родосцев — он приказал сжечь, прежде всего для того, чтобы жители острова, возмущившись этим, не могли создать для него каких-либо проблем военного рода. Со своими кораблями и этими тремя десятками судов Кассий Пармский вышел в море. К нему присоединился еще один адмирал республиканского флота — Турулий, — имевший несколько десятков кораблей собственного флота и деньги, ранее собранные все с тех же родосцев. Присоединился к ним и еще один, Лепид (не путать с триумвиром), который был ранее отправлен Брутом на Крит с кораблями. Не примкнул к новому союзу лишь Клодий, присланный Брутом напоследок на Родос с 13 кораблями: этот забрал с собой оставшийся на Родосе гарнизон из 3000 легионеров и выступил против Кассия Пармского.

Кассий же с Турулием поплыли к Мурку и Агенобарбу. К их флоту, бывшему существенной силой, стекались теперь недовольные триумвирами со всех провинций Азии. Собралась не самая плохая компания в смысле воинских талантов и сил. У этой коалиции было уже не менее 80 кораблей, вдоволь легионеров с тяжелым вооружением; они набрали много новых гребцов из рабов, пленных и греков-островитян. В результате, прибыв в Ионическое море, эта пестрая команда разделилась. Одни ушли с Мурком на восьмидесяти кораблях к Помпею на Сицилию, а другие остались вместе с Агенобарбом, образовав самостоятельную партию.

Триумвиры, разбив противников, заново переделали провинции. Лепиду достались африканские провинции, Антонию — Восточное Средиземноморье, а Октавиану — Испания, Галлия и Иллирия. Италия формально была в общем управлении, но в действительности ею распоряжался Октавиан, так как двое остальных пребывали за ее пределами — в Африке и Малой Азии.

Антоний, отправившись на восток, наводил порядок в освобожденных от республиканских вождей областях. С одними городами и правителями он был суров, другим, напротив, даровал льготы и милости — в зависимости от их поведения в прошлом. Здесь, в Киликии он встретился с прибывшей к нему во всем блеске своего величия Клеопатрой. Царица Египта, надо сказать, использовала весьма впечатляющий прием для производства впечатления на Антония.

Как пишет Плутарх, царица приплыла в ставку Антония в Тарсе на корабле

с позолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, «которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшейся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами — будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки (Кидна. — А. Х.), от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города, мало помалу начала пустеть и площадь, и в конце концов Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии».

Антоний при встрече начал упрекать Клеопатру в том, что она не приняла участия в союзе триумвиров и не выслала требуемую помощь. Однако царица вполне резонно объяснила ему истинное положение вещей — что только болезнь и зимние шторма помешали ей, уже вышедшей с флотом навстречу кораблям Мурка, осуществить задуманное. В сущности, это было истинной правдой. Но важнее то, что Антоний, пораженный не только внешностью, но и умом, а также государственным уровнем мышления Клеопатры, влюбился в нее со всеми известными последствиями. Через несколько лет именно эта любовь приведет обоих к трагическому финалу, а Римскую Республику-Империю — к последней в ее истории крупной морской битве. В 41-40 гг. до н. э. Антоний, казалось, был только тенью египетской царицы, уехав в Египет и полностью погрузившись в греко-египетскую культуру и греко-египетские проблемы.

В Италии же было весьма неспокойно. Жертвы репрессий Октавиана исчислялись уже тысячами, солдаты его роптали, но самое главное — флот Помпея блокировал подвоз продовольствия. В самой Италии вследствие войн сельскохозяйственные работы почти прекратились, и она страшно нуждалась в продуктах питания извне: все, что выращивалось, целиком уходило на прокорм армии. В Риме процветали преступность и грабежи.

Интересно, что в годы гражданских войн, пользуясь неразберихой, активизировались иллирийские племена, причем произошло это в форме морских походов, когда на своих судах либурнского типа сами либурны или соседние с ними племена совершали грабительские нападения на берега Италии, находившейся совсем рядом. Многие из этих племен так и не покорились еще Риму, некоторые отпали, пользуясь смутным временем. Конечно, эта проблема не достигала размеров проблемы киликийских пиратов, но была весьма болезненной занозой, мешавшей римлянам чувствовать себя спокойно у себя дома. Кстати, позднее, в 35 г. до н. э., Октавиан будет вынужден провести ряд карательных операций против этого опасного противника, в скором времени искоренив проблему — по крайней мере, в основном.

Огромное количество недовольных римлян и италийцев бежало к Помпею. У него было не менее двухсот боевых кораблей (скорее всего, значительно больше), полностью укомплектованных грамотными и подготовленными экипажами, множество войск и огромные богатства — Помпей продолжал массовые грабежи на морях, пополняя свою казну. Еще одна армия явилась к нему с острова Кефаления у берегов Греции, пополнив силы как пехоты, так и флота. Просчетом

Помпея было то, что, копя силы, он занимал выжидательную позицию и готовился только обороняться. Идти в Италию он, похоже, не хотел. А между тем только это могло его привести к успеху.

Агенобарб тем временем, имея 70 кораблей, два легиона солдат и множество лучников, прашников и легковооруженных воинов и гладиаторов, устроил набег на балканские территории, признавшие власть триумвиров. После нескольких высадок здесь десантов он, переплыв к Брундизию, внезапно напал на этот порт. Ему удалось сжечь часть трирем Октавиана, а остальные были захвачены и уведены. Кроме того, войска Агенобарба устроили осаду Брундизия на суше и разграбили его окрестности. Почти вся Италия уже восставала против Октавиана. Однако путем длительной борьбы и кровавых столкновений к 40 г. до н. э. это внутрииталийская война была все же завершена. Брат Антония, Луций Антоний, а также жена триумвира — Фульвия, укрывшись в городе Перузии, долго вели борьбу с Октавианом, якобы ратуя за восстановление республиканских ценностей. Перузию Октавиан взял, но не хотел ссориться с Антонием, и жестоко наказал всех захваченных, кроме Луция и Фульвии. У Перузии уже засияла звезда Марка Випсания Агриппы — правой руки Октавиана и выдающегося флотоводца.

Этому были причины. Антоний, узнав о таком повороте дел, собирался прервать свое египетское «уединение» и отправиться в Италию. Фульвия с тремя тысячами всадников уехала в Брундизий, откуда на пяти военных кораблях, вызванных ею из Македонии, двинулась к Агенобарбу, сколачивая новую коалицию. С Агенобарбом уже вели переговоры о его присоединении к Марку Антонию. Оппозиционеры стали активно готовить в Южной Италии высадку своих сил и запастись для них продовольствие.

Антоний стремительно, и даже не всегда по своей воле, становился лидером оппозиции. Теперь все бежали к нему, и даже Помпей прислал из Сицилии к нему мать Антония, бежавшую из Италии. Антоний совершил большую поездку по греческим островам, собирая флот и войска, верные ему, и, наконец, оказался в Афинах, куда и тянулись теперь все нити заговора. Антоний все еще рассчитывал договориться с Октавианом.

В 40 г. до н. э. сложилась исключительно интересная ситуация. У Октавиана было множество сторонников — в частности, получившие от него землю испытанные ветераны. Вооруженных сил у него было гораздо больше, чем войск у противников — и Антоний, и Помпей, и Агенобарб не располагали и близко такой силой, как Октавиан: у него насчитывалось свыше сорока легионов! Но у Октавиана не было ни одного корабля, в то время как коалиция владела пятью сотнями кораблей. У Октавиана по ряду причин не было и возможности построить необходимый флот. В этой ситуации Италию можно было просто уморить голодом или довести до полного неповиновения Октавиану.

Полного доверия в коалиции еще не было. Антоний отплыл с Коркиры с двумя сотнями новеньких, построенных на верфях Малой Азии кораблей. Он должен был встретиться с Агенобарбом, которому окружение Антония не доверяло. Но Антоний вышел вперед своего флота на пяти кораблях и смело устремился навстречу флоту Агенобарба. По забывчивости ли, или же из сознательной гордости, ликтор, находившийся на носу флагмана Антония в последний момент приказал убрать значок командующего, что означало, что в приближавшемся

корабле Агенобарба видят не равного, а подчиненного. В результате флагман Агенобарба занял место сбоку корабля Антония и, таким образом, Антоний был признан командующим. Все роли выяснились и утвердились.

Вскоре флот Антония прибыл в Калабрию. Затем он отправился под Брундизий, где стояли пять когорт Октавиана. Солдаты заперли ворота, и Антоний, все более раздражаясь, окружил город. Брундизий стоял на перешейке, и его-то и приказал перекопать Антоний. Кроме того, флот блокировал порт с моря. Одновременно люди Антония были разосланы по всей Италии с тем, чтобы занимать все удобные для высадки войск с кораблей участки побережья. Не слишком изобиловавшая подобными гаванями и отмелями Италия должна была принять войска новых оппозиционеров.

Помпей вскоре также получил от Антония послание с требованием идти в Италию и сделать все, что возможно. Тотчас же посланный им Менодор со множеством кораблей и четырьмя легионами оккупировал Сардинию, принудив там к сдаче два легиона Октавиана. Сам Помпей высадил несколько десантов на итальянском берегу. Он осадил Фурии и Консенцию, а Антоний взял Сипунт в Апулии. Война началась.

Антоний оказался изрядным хитрецом. Мало того, что он вызвал войско из Македонии, он предпринял откровенный и эффективный ход, имея целью принудить Брундизий к капитуляции. Ночью он незаметно выводил в море боевые и транспортные корабли, нагруженные местными поселянами. Днем они, один за другим, демонстративно входили в расположение его лагеря и разгружались прямо на глазах у осажденных. Вскоре подвезли и собрали осадные орудия. Однако дела шли не слишком хорошо. Агриппа отбил Сипунт, Помпея выдавливали из Италии: Фурии уже разблокировали, и он начал эвакуацию, продолжая осаждать лишь Консенцию. Успехом стала лишь триумфальная капитуляция высланного Октавианом отряда из полутора тысяч всадников, которые сдались четырем сотням конников во главе с Антонием.

Последовали длительные переговоры, в результате которых Антоний и Октавиан договорились. По иллирийскому городу Скодре (современный Шкодер в Албании) пролегла граница. К востоку вплоть до Евфрата была половина Антония, а к западу — Октавиана. Африка осталась Лепиду. Постановили, что Антоний уедет на войну с парфянами, а Октавиан будет бороться с Помпеем. Раздраженный захватом Сардинии и Корсики, Октавиан категорически не хотел мириться с Помпеем.

Тот, как и прежде, блокировал снабжение и принимал беглых рабов; он ликвидировал Мурка, заподозрив его в стремлении к высшей власти. Сил же для борьбы с владевшим морем противником у Октавиана не было. Когда голод в Риме достиг наивысшей силы, народ стал требовать договоренности с Помпеем. В результате летом 39 г. до н. э. у Мизенского мыса состоялась встреча триумвиров. Она была весьма зрелищно обставлена — римляне умели это делать.

Помпей прибыл в Италию с эскортом кораблей на роскошной гексере. Посреди моря, на небольшой глубине были вбиты деревянные сваи, и на них настелили два дощатых помоста. Вокруг дежурили сторожевые суда. На тот, который располагался ближе к суше, вошли Октавиан и Антоний, а на тот, что ближе к открытому морю — Помпей с его сопровождающим. Помпей хотел получить долю Лепида, но ему предлагали лишь прощение и возвращение из изгнания, поэто-

му сначала договориться не удалось. Однако посредники усиленно совещались между собой. Переговоры затянулись. Мать Помпея и его жена, многочисленные сподвижники подталкивали его к миру. В конце концов заключили соглашение: война прекращалась на море и на суше, препятствий торговле больше чинить не будут, Помпей выводит гарнизоны из Италии, ему остаются Сицилия, Сардиния, Корсика и еще Пелопоннес, он обязуется беспрепятственно отправлять хлеб из своих владений римлянам. Амнистировали всех проскрибированных, кроме участников заговора против Цезаря.

Морской характер соглашения был подтвержден и последовавшим за ним банкетом. По жребию первым его устроил Помпей на своей галере, стоявшей на якоре близ мола, потом — Антоний и Октавиан в своих палатках на молу. Вокруг стояли корабли, а участники прятали под одеждой оружие — естественно, никто никому не доверял. Адмирал Помпея Менодор предлагал напасть с флотом и ликвидировать противников, но Помпей отказался.

Антоний уехал в Афины, а потом отправился воевать в Парфию. Мир же Октавиана и Помпея был нарушен. Пираты вновь начали свою деятельность на морях, и Рим как будто не почувствовал облегчения со снабжением. Октавиан начал готовиться к войне.

Именно тогда стала обозначаться будущая роль Равенны. Этот город в самой дальней точке Адриатического моря, хорошо прикрытый болотистой местностью с севера и морским пространством — с юга, представлял идеальную базу для флота. Октавиан уже в те годы наметил его в качестве одного из центров римского кораблестроения. До него тяжелее было добраться судам Помпея. Здесь, в Равенне, начали осуществлять массовую судостроительную программу. Десятки кораблей закладывались, строились и спускались на воду. Не спали и в Остии — ее верфи также заработали на полную мощность. Готовые корабли и войска из Галлии отправлялись в Брундизий и в Путеолы. Сицилию собирались брать в клещи и высаживать два десанта. На стороне Октавиана оказался и Менодор, пообещавший передать ему Сардинию и Корсику.

Весной 38 г. до н.э., назначив командовать флотом Кальвизия Сабина и подчинив ему Менодора, Октавиан отправил все заготовленное к войне в Равенне в город Тарент. По пути командира этого отряда Луция Корнифиция застал шторм, и из всех кораблей погибло только одно флагманское судно, предназначавшееся для самого Октавиана. Это сочли дурным предзнаменованием, однако сам Октавиан подхлестывал события и уверял войска, что война справедлива, и виноват именно Помпей, пиратствующий на море.

Война началась. Октавиан отплыл из Тарента в Сицилию, туда же отправились из Этрурии Кальвизий и Менодор. Сухопутные подразделения двигались в Регий, откуда должны были быть переправлены на Сицилию. Помпей узнал об измене Менодора только сейчас. Он ждал Октавиана в Мессане, а против Кальвизия и Менодора выслал с очень большим флотом одного из вольноотпущенников, ненавидевшего Менодора — Менекрата.

Вскоре — к вечеру того же дня — Менекрат и Менодор встретились в море. Менодор, не входя в соприкосновение с флотом противника, укрылся в заливе близ Кимы, где и остался на ночь. Пристать там было невозможно, так как берега были каменистые и изобиловали отмелями. Менекрат проплыл дальше, в сторону Энарии, но наутро вернулся. Менодор построил свои корабли плотным

полукругом — так, чтобы его строй было невозможно прорвать. Менекрат бросил свои корабли в атаку, но, в силу того, что строй противника разорвать действительно не удалось, а фланговая атака была невозможна, ему удалось лишь оттеснить корабли Менодора еще ближе к берегу. Прижатые к мелям, они очень напоминали суда римлян, оказавшиеся в аналогичной ситуации под Дрепанами. При этом Менекрат имел свободу маневра, мог отступать и становиться на якорь так, как ему хотелось, Менодоровы же корабли не имели возможности двигаться вообще. Как пишет Аппиан, «они находились как бы в положении сухопутного войска, сражавшегося в морской битве, причем не имея возможности ни спастись от ударов, ни преследовать».

На левом фланге римского строя располагался флагман Менодора. Менодор и Менекрат в разгар боя, увидев друг друга, с криками поплыли навстречу друг другу, полагая, что сражение двух флагманов вернее всего решит исход дела. Корабли пошли во фронтальную атаку и с грохотом столкнулись таранами. При этом столкновении, поскольку оно было практически лобовым, корабли не получили пробоин, ведущих к затоплению. У Менодора оказался поврежденным нос корабля, а у Менекрата поломана часть весел с одного из бортов. После этого начался абордажный бой. Сцепившись железными крючьями, моряки опустили абордажные мостики и затеяли ожесточенную перестрелку с использованием стрел, копий и камней. Корабль Менодора был существенно выше, чем у Менекрата. Именно поэтому воины Менодора имели преимущество и при использовании оружия, и при переходе на вражеское судно. Бой был тяжелым и кровавым; практически никто не остался без какого-либо ранения, многие погибли. Оба адмирала были ранены — Менодор получил удар обычным копьем в руку, в то время как Менекрата ранили в бедро иберийским копьем с зазубренным наконечником сложной формы, который было крайне сложно извлечь. Истекающий кровью и слабеющий Менекрат тем не менее не покинул своего боевого поста и подбадривал своих воинов. Однако вскоре его корабль все же был захвачен, и Менекрат бросился в море с его борта. Менодор отвел захваченный корабль к берегу. Ни он сам, ни его воины уже не могли нормально сражаться.

На правом же фланге Кальвизию удалось грамотной атакой отрезать от основного строя несколько кораблей Менекрата. Они обратились в бегство, и часть кораблей Кальвизия устремилась за ними. В то же самое время остальные корабли противостоящего ему крыла помпеянцев повел в атаку еще один отпущенник Помпея — Демохар. Его натиск на оставшиеся суда Кальвизия был настолько силен, что часть из них обратилась в бегство, а остальные, отступая, разбились о камни близ берега. Команда с них спаслась, выскочив на берег, но солдаты Демохара подожгли севшие на мель суда. В это время вернулся Кальвизий, так толком никого и не догнавший. Он собрал свои разбежавшиеся по морю корабли и потушил пожар на разбитых судах. К ночи флоты вновь построились на прежних позициях.

У Помпея изначально было больше судов, а теперь его противники еще и потеряли несколько кораблей. Так что численный перевес оставался на его стороне, но в ходе сражения погиб Менекрат. Как считалось, у Помпея было только два талантливых флотоводца — Менодор и Менекрат. Теперь не осталось ни одного. Демохар, не надеясь на успех в грядущей фазе битвы и полностью деморализованный, к утру отплыл на Сицилию.

Кальвизий потерял лучшие свои корабли, а многие из оставшихся утратили боеспособность. Он какое-то время оставался на якоре. Затем, узнав об отходе противника, подошел к берегу в безопасном месте, где починил свои корабли и отправился на юг, в точку назначения. Однако двигался он весьма осторожно и старался держаться заливов.

Октавиан со своим флотом без особых проблем прибыл в Тарент, а оттуда с войском и большим количеством судов пришел в Регий. Напротив, у Мессаны, стоял сам Помпей всего с сорока кораблями. Все подчиненные советовали Октавиану напасть на него немедленно, пока Помпей не дождался всех своих кораблей, однако Октавиан отказался. Он полагал, что стоит все-таки дожждаться подхода войск и флота Кальвизия.

Развернувшаяся вскоре битва в Мессанском проливе в буквальном смысле слова произошла между Сциллой и Харибдой. Октавиан получил известие о произошедшем близ Кимы от гонцов, прибывших с донесением от Кальвизия. Намереваясь встретить его на подходе, Октавиан отдал приказ флоту двигаться по проливу навстречу кораблям Кальвизия. Большая часть пролива была уже пройдена, когда Помпей, выйдя из Мессаны, напал на арьергард растянувшегося флота триумвира, а затем атаковал и весь строй, стараясь вызвать противника на ответный бой. Однако командиры кораблей имели строгое указание Октавиана: в бой не вступать. Да, в общем-то, принимать бой в узком проливе, и еще с сильным течением, объективно не стоило. Суда Октавиана шли вдоль берега. Теперь многие из них отдали якоря и, развернувшись носами к противнику, отражали его атаки.

Помпей, потеряв своих лучших командиров, назначил командовать флотом двоих — уже знакомого нам Демохара и Аполлофана (этот тоже был вольноотпущенником — просто поразительно, сколь талантливы были в кораблеводстве рабы Помпея!). На сей раз командовал атакой Демохар. Он совершил удивительное: кардинально уступая противнику в численность судов, Демохар отдал приказ нападать на стоящие на якоре вражеские суда не в одиночку, а попарно, и только потом атаковать следующий корабль Октавиана. Корабли триумвира, отступая к скалам и сталкиваясь друг с другом, подвергались ударам таранов помпеянцев и тонули один за другим. Множество кораблей было подожжено помпеянами. Повторялась ситуация близ Кимы, когда суда гибли так же бесцельно, не нанося урона противнику.

Октавиан соскочил со своего корабля на прибрежные скалы и помогал выбираться на берег тем, кто спасался с тонущих кораблей. Ситуацию несколько исправил Корнифиций. Криками со своего корабля посовещавшись со своими командирами на других судах, он решил нарушить приказ Октавиана и ответить на нападение, предпочитая гибель в бою поражению на месте, в пассивной обороне. Корабли стали сниматься с якоря и устремились на противника. Эта внезапная и, как казалось, отчаянная атака привела к успеху: суда Корнифиция захватили флагманский корабль Демохара, который сам спасся на соседнее судно.

Как раз в разгар этого боя, в уже наступавших сумерках, с запада показались корабли Менодора и Кальвизия. Причем никто из октавианцев их не заметил, а помпеянцы, находившееся мористее, заметили новую угрозу и, так как были уже утомлены и потрепаны, предпочли отступить.

Наступила ночь. Спасшиеся на берегу все еще не знали о приближении Каль-

визия с кораблями. Уцелевшие суда также не могли в темноте причалить, хотя солдаты вместе с Октавианом и развели на горах костры, сделав их импровизированными маяками. Однако радовало то, что легионеры из тринадцатого легиона, узнав о случившемся, пробрались через прибрежные горы на свет костров и помогали товарищам, а также разбили палатку для Октавиана, который остался даже без рабов, разбежавшихся в суматохе. Вскоре узнали и о прибытии Кальвизия.

Днем стали ясны масштабы потерь. Большинство уцелевших кораблей имело более или менее серьезные повреждения. Возле берега плавало огромное количество снастей, парусов, десятки полуобгоревших кораблей. Октавиан построил флот Кальвизия впереди, прикрыв им, как заслоном, свои поврежденные корабли, и приступил к ремонту. После полудня поднялся сильный южный ветер. Поскольку на кораблях Октавиана не было полного состава команды, а только те, кто исправлял повреждения, их стало сносить на скалы, где были потеряны еще несколько кораблей. Помпей в это время укрылся в гавани Мессаны.

На самом деле настоящая трагедия разыгралась как раз днем, после битвы. Менодор, надеясь переждать ветер, вышел дальше в море и встал там на якорь. Борясь с волнами, он приказал грести против ветра: якоря не держали. Немногие суда вышли вслед за ним, но основная масса осталась у берега. Вскоре ветер усилился, и тогда началось самое страшное. Все пришло в беспорядок, на судах началась паника, гибли и те, кто прыгал в воду, и те, кто оставался на борту тонущих кораблей. Море покрылось парусами, обломками и трупами. Еще хуже стало ночью, так как в темноте хаос наступил полнейший. Тяжелее всего было то, что в этом месте шторм исключал всякую возможность выбраться на скалистый берег, и множество людей погибло именно в волнах прибоя, разбившись о камни.

Как говорили потом местные жители, они никогда прежде не видели такой бури. Волнение моря не утихомиривалось еще долгое время, и наутро, уже после того, как ветер стих. Октавиан, в результате, потерял больше половины своего флота и войска. Это было тяжелое поражение.

Хорошо еще, что Помпей, будучи все же человеком нерешительным, не стал ни нападать на остатки флота противника, ни высаживать десанты в Италии, чего Октавиан очень опасался и во избежание чего немедленно разослал войска в угрожаемые прибрежные районы.

Октавиану было очень нелегко. Нужен был флот, а его почти не было. Нужны были деньги, а Италия не платила податей. Прижатый к стене, он отправил гонцов к Антонию за помощью, а сам стал продумывать план следующего нападения. Он полагал, что придется пойти на риск и бросить через пролив войска на транспортниках, почти без эскорта, с тем, чтобы полностью перенести войну на сушу, в Сицилию. Однако прошло несколько месяцев, и дело стало налаживаться. Пришли известия о том, что Антоний согласен воевать вместе, что Агриппа в Галлии одержал блестящую победу над аквитанами. А главное — ряд городов начал строить корабли! С флотом собирались помочь и некоторые состоятельные друзья, так что к весне 37 г. до н. э. можно было рассчитывать на удачу.

В начале весны Антоний достроил свой флот, истратив на него почти все деньги, и вышел с ним из Афин в Тарент. Октавиан, напротив, тянул время, ссылаясь на неготовность своего флота. Антоний рассчитывал обменять свои корабли на легионеров Октавиана — ему было нужно войско для войны с парфянами. И об-

мен был произведен: за 120 кораблей Антония Октавиан отдал 20 000 пехотинцев. Октавия, сестра Октавиана и жена Антония, сверх этого подарила брату десять трирем смешанного военно-транспортного типа, а он подарил в ответ Антонию тысячу отборных телохранителей по собственному выбору последнего.

От Октавиана сбежал обратно к Помпею Менодор — тайком, забрав с собой семь кораблей из флота главкома Кальвизия. Видимо, все же, предательство было частью его натуры, коль скоро он так легко менял своих покровителей, хотя у Менодора было и много других причин поступить именно так: его не любил Марк Антоний — хотя, возможно, ему делали лестные предложения бывшие соратники из лагеря Помпея. Разгневанный всем этим Октавиан сместил Кальвизия и назначил главнокомандующим Агриппу. Когда флот был полностью готов и укомплектован личным составом, Октавиан предпринял совершенно необходимые в таких ситуациях религиозные церемонии очищения.

Исключительный интерес для нас представляет стратегическое планирование сторон. Едва ли не со времен Второй Пунической войны флот впервые с такой отчетливостью выступал для обеих сторон гарантом успеха борьбы друг с другом. Именно поэтому планы противников предусматривали его достаточно искусное применение прежде всего со стратегических точек зрения.

Октавиан предполагал одновременное нападение на оплот своего врага — остров Сицилию — с нескольких направлений. Сам он со своей частью флота собирался плыть на Сицилию из Путеол. Командовать второй частью войска и флота было поручено Титу Статилию Тавру, который должен был отплывать из Тарента. Лепиду поручалось двигаться со своими кораблями и воинами из Африки. Таким образом, предусматривалось, что римский флот тремя эскадрами вторгнется на остров одновременно с трех сторон — востока, запада и юга.

Численность этих сил впечатляла. В самом деле, Эмилий Лепид располагал, видимо, самой большой группировкой из всех командующих в этом походе — у него было более 1000 транспортных кораблей, на которых перевозилось 12 легионов римских солдат, около пяти тысяч ну индийских всадников со своими лошадьми, а также масса военного снаряжения, провианта и т. п. Эскадру сопровождало семьдесят эскортных военных кораблей. Значительно меньший флот вел Тавр. Он смог вывести из Тарента только сто два судна. Изначально, как мы помним, тарентский флот располагал ста тридцатью, однако за зиму в силу ряда причин (вероятно, сыграли свою роль эпидемия, некие климатические сложности и, конечно, недостаток продовольствия в Италии) умерло довольно много из присланных Марком Антонием гребцов, поэтому, не имея резервов обученного персонала, Тавр смог укомплектовать меньшее количество экипажей. Точной численности главного отряда, который вел Октавиан, мы не знаем, но, по косвенным данным, стоит предположить, что их было не менее полутора сотен. Значительно было и количество транспортных судов в этих двух отрядах, однако оно серьезно уступало числу кораблей Лепида.

Исходя из этой диспозиции, можно с уверенностью утверждать, что отряды октавиановского флота имели различное стратегическое предназначение. На Лепида была возложена задача перебросить на Сицилию основную массу людей, продовольствия и снаряжения. Остальные отряды везли меньше войск и уж совсем мало припасов, которых остро не хватало и в самой Италии, однако они были сильнее с точки зрения наличия ударных кораблей для морских сражений.

Только при совместном использовании и скорейшем объединении сил всех трех флотов мог быть достигнут решительный успех.

Октавиан довольно придиричиво подошел и к вопросу о времени отплытия — это имело важное, с точки зрения надежд на успех, значение. Таким днем был назначен десятый день после летнего солнцеворота 36 г. до н. э. Это было первое число нового месяца июля, названного так Октавианом вместо прежнего месяца квинтилия в честь своего приемного отца Гая Юлия Цезаря. Октавиан считал это счастливым предзнаменованием, поскольку Цезарь всегда одерживал победы в битвах.

Не менее тщательно готовился к отражению вторжения и Помпей. Он, чувствуя себя вполне уверенно на море, владел разведанными о приготовлениях своего противника и, в полном соответствии с ними, построил собственную стратегию. На южном направлении, против вторжения Лепида, Помпей выставил один легион тяжелой пехоты под командованием своего полководца Плиния. В помощь ему был придан значительный отряд вспомогательных войск, состоящий из пехотинцев с легким вооружением. Плиний базировался на Лилибей — главный порт африканского направления — и располагал несколькими десятками кораблей разных классов, в основном легких и разведывательных. Главной его задачей было отражение возможного десанта, а не противодействие противнику в море с целью навязывания морского боя на уничтожение.

Помпей тщательно патрулировал моря вокруг Сицилии. На берегах в наиболее важных и опасных участках были размещены войска все с той же целью — не позволить высадить десанты. Более того, Секст Помпей вынес вперед свои форпосты обороны. В частности, особенно интенсивно охранялись им Липарские острова и Коссура, с тем чтобы не дать Октавиану или Лепиду возможности утвердиться на этих базах и использовать их для нападений на Сицилию. С этой целью на острова были переброшены мощные гарнизоны и переведены значительные подразделения флота, позволявшие, по идее, собственными силами на первых порах осуществлять сдерживание противника. Однако основная и лучшая часть флота была оставлена в проливе, в порту Мессаны. Это был одновременно и стратегический резерв, позволявший в кратчайшее время резко нарастить силы на наиболее опасном направлении.

Следует отметить, что с точки зрения стратегии план Секста Помпея был весьма продуктивен. Он реализовывал идею создания глубоко эшелонированной и прочной обороны побережья, базирующейся на гибком маневрировании наличными силами, стратегической разведке и разветвленной сети опорных пунктов на побережье. В этом плане, в сущности, не было изъянов и его следовало бы признать образцовым.

Наконец, с восходом солнца 1 июля 36 г. до н. э. все флоты одновременно вышли из своих гаваней и двинулись к назначенным целям. Октавиан еще в Путеолах совершил в море с флагманского корабля приличествующие случаю жертвоприношения и возлияния тихим ветрам, Нептуну и спокойному морю, чтобы все они содействовали ему против врагов его приемного отца. Он весьма грамотно организовал построение флота на переходе морем — вперед был выслан ряд кораблей, проводивших дальнюю разведку и исследовавших бухты на пути основного флота. Был выделен арьергард из кораблей, которыми командовал Аппий.

**Районы боевых действий на море
в период гражданских войн 48—31 гг. до н. э.**

Плыли неспешно, с заранее уговоренной скоростью. Так, путь из Африки к берегам Сицилии, на который при нормальном ветре уходило, обычно не более полутора дней, занял вдвое больше времени. Лепида, на третий день его плавания, уже совсем близко от берегов Сицилии, застиг сильный южный ветер. Несколько десятков его транспортников разбились на сицилийском берегу, однако Эмилию Лепиду удалось все же без особых проблем высадить остальное войско с кораблей на берег неподалеку от Лилибея. Симптоматично, что на подходе противодействия оказано не было. Дозорные корабли Плиния были отогнаны тем же ветром с южных направлений и не смогли вовремя предупредить о приближающейся опасности, а потом было уже поздно. Войска, высадившись, осадили в Лилибее гарнизон помпеянцев. Параллельно с этим было взято еще несколько мелких сицилийских городков, из которых некоторые даже не оказали сопротивления и сдались сами.

Эта разыгравшаяся на море буря внесла коррективы в осуществление всей операции. Так, Тавр, как только ветер разыгрался не на шутку, предпочел не рисковать своими кораблями и войском и вернулся обратно в гавань Тарента. Меньше всех повезло флоту Октавиана. С началом шторма его арьергард под командованием Аппия, только лишь огибавшего Минервин мыс, был в значительной части уничтожен. Часть кораблей разбило о скалы, многие сели на мель, а остальные разметало по морю, и им был нанесен существенный ущерб. Октавиан, как только началась буря, нашел убежище в Эрейском заливе, вдававшемся в сушу с запада на восток. При входе флота в этот залив, на подводных камнях, густо усеивавших море вблизи одного из мысов, прикрывавших бухту, была потеряна тяжелая гексера. Однако она не стала, увы, последней потерей Октавиана. Ветер вскоре изменил свое направление, став западным. Бухта, до того бывшая весьма тихой, оказалась полностью открыта шторму, который гнал пенившиеся

валы прямо на корабли римлян. Никакие якоря спасти уже не могли — это была ловушка, из которой нельзя было выбраться. Вскоре стемнело, что только добавило проблем. Оставалось уповать только на волю случая и богов — сами моряки были бессильны.

Некоторым кораблям удалось все же пристать к берегу, значительную часть людей переправили на сушу вплавь, стараясь оставить на кораблях по преимуществу необходимый экипаж, однако очень многие не умели плавать, и переправить их с судов было попросту невозможно.

К утру буря стихла, и тогда стали считать потери. В общей сложности погибло шесть тяжелых боевых кораблей, двадцать шесть трирем и около сорока либурн. Октавиан, наладив помощь пострадавшим и их, как мы бы сейчас сказали, реабилитацию, занялся обдумыванием ситуации. Все его суда в той или иной степени требовали ремонта. Он начался немедленно, здесь же в бухте. Корабли чинили либо на плаву, либо вытаскивая на берег. Ремонтные мероприятия, по оценкам, должны были занять ровно месяц, после чего флот был бы вполне готов к новым испытаниям. Иными словами, он мог быть введен в строй полностью только в первую неделю августа, если не случится каких-то непредвиденных осложнений. В общем-то, для начала операции это было поздновато. Однако проблема голода в Италии только обострялась, а Лепид уже открыл боевые действия на Сицилии. Промедление было крайне, крайне нежелательно.

В силу этого Октавиан развернул кипучую деятельность. Прежде всего, усиленными темпами ремонтировались пострадавшие во время бури корабли. Экипажи с разбитых и уничтоженных судов Октавиан отослал в Тарент к Тавру, с тем чтобы тот укомплектовал ими свои оставшиеся без гребцов корабли. Этим компенсировалось около трех десятков потерянных судов. Октавиан сам съездил в Тарент и лично осмотрел флот Тавра. После этого он направился в Гиппоний, где находились его сухопутные войска и где под началом Агриппы было заложено несколько десятков кораблей. Выступив перед войсками, Октавиан поторопил их и рабочих на верфях, призывая в кратчайший срок закончить постройку кораблей. Параллельно с этим и в последующие дни он предпринял ряд поездок по Италии, успокаивая население и, в особенности, поддерживавших его ветеранов, поскольку и впрямь создавалось впечатление, что здесь вмешиваются сверхъестественные силы.

Интересно, что Помпей и в этой ситуации не сделал ничего, чтобы перехватить инициативу. Он не напал на оставшиеся корабли Октавиана и тем более не помышлял о вторжении в Италию. Хотя у него под боком и находился Лепид с немалыми силами, эта опасность была пока что локальной, и область, захваченная десантом из Африки, была весьма скромной. Так что выделить силы для удара по противнику в Италии труда не составляло.

Вместо этого Помпей в основном предавался разного рода «камланиям», пребывая в приподнятом настроении по поводу вторичного разгрома противника. Он без конца занимался жертвоприношениями морю и самому Нептуну, называл себя сыном этого бога и даже поменял традиционный для римлян пурпурный плащ на лазоревый, стремясь показать себя приемным сыном Нептуна. Но когда Секст Помпей узнал от своей разведки о приготовлениях Октавиана, его оптимизм заметно поубавился. Невероятная решимость противника все-таки переломить ситуацию и впрямь выглядела зловеще.

Помпей предпринял не вполне разумный шаг. Он отправил Менодора следить за портами Октавиана и, в случае выхода из них каких-то сил, постараться нанести таковым возможно больший ущерб. Однако сил для этого Менодору не дали. Конечно, Помпей откровенно не доверял своему бывшему главкому-перебежчику. Опасаясь его, он доверил Менодору командование только теми семью кораблями, которые тот привел с собой. Этих сил было смехотворно мало для того, чтобы даже организовать наблюдение за двумя-тремя гаванями, поэтому данное поручение выглядело скорее как издевка, что для талантливого и честолюбивого адмирала было чрезвычайно оскорбительно. Он отлично понял уже, что новых кораблей ему не дадут и все время будут держать на вторых ролях и коротком поводке. Душа же требовала большего, поэтому Менодор в который уже раз собрался переменить покровителя.

Однако он считал необходимым поднять собственный престиж и значение перед тем, как проситься под опеку Октавиана. Прежде всего Менодор раздал все имевшееся у него золото своим морякам и приступил к активнейшим пиратским действиям. Он прошел за три дня на веслах расстояние почти в триста километров и внезапно набросился на корабли, охранявшие с моря место строительства новых римских кораблей под Гиппонием. Ни Октавиана, ни Агриппы там в этот момент не было (последний отправился наблюдать за заготовкой леса), и нападение имело успех. В молниеносной атаке были потеряны два или три сторожевых судна, которые Менодор захватил и увел с собой. После этого он развернул форменный террор, хотя и локального масштаба. Он захватывал, топил и сжигал все торговые суда, нагруженные зерном, которые пытались подойти к Гиппонию либо становились где-то поблизости на якорь. Среди захваченных им людей были и персоны сенаторского звания, в частности сенатор Ребилл. Менодор откровенно бахвалился и издевался над противником. Однажды он демонстративно подвел свой корабль к берегу и сделал вид, что судно застряло в прибрежном иле и водорослях, и никак не может сняться с мелкого места. Когда находившиеся повсюду на прибрежных высотах римляне сбегались к берегу в надежде захватить попавшее в их руки беззащитное судно, Менодор, оттолкнувшись от берега, со смехом отошел в море. После этого, вдоволь надemonстрировавшись собственной удали, Менодор не без явного умысла отпустил захваченного Ребилла обратно к Октавиану.

Еще во время своей первой службы у Октавиана Менодор сдружился с другим римским флотоводцем — Марком Миндием Марцеллом. Стремясь тихо провести переговоры и подстраховаться на всякий случай, он заявил своим людям, что Марцелл собирается перейти на сторону Помпея и с ним необходимо переговорить конфиденциально. Вызвав Миндия на переговоры, Менодор встретился с ним на уединенном островке и сообщил о своем желании вернуться. По словам Менодора, он перешел к Помпею только из-за оскорблений, нанесенных его бывшим командиром, Кальвизием. Теперь, когда тот был смещен, он хотел бы вернуться под начало Агриппы и Октавиана. Менодор просил гарантий безопасности у Корвина Мессалы, заместителя Агриппы, сам же сказал, что пока — для отвода глаз — будет продолжать пиратствовать, не нанося, однако, римлянам серьезного ущерба.

Вскоре Миндий доложил Октавиану ситуацию, и тот принял Менодора, бросившегося ему в ноги и просившего простить свой поступок. Подчиненные же

Менодора, не желавшие повторять его действия, были Октавианом отпущены. Однако Октавиан все же велел установить за Менодором негласный надзор, что было, в общем-то, вполне понятно, исходя из характера предшествующих событий, происходивших с этим человеком. Однако столь ценным кадром Октавиан не пренебрег, во всяком случае, был рад, что априори ослабил этим своего противника.

Вскоре флот был достроен. Октавиан привел свои корабли в Гиппоний и приказал Мессале, взяв два легиона, отправиться на кораблях под охраной на Сицилию, в лагерь Лепида, располагавшийся в окрестностях Тавромения на восточном берегу острова. Как мы видим, Лепид, не смогший захватить Лилибей, предпочел уйти в оконечность острова, лежавшую ближе к Италии. Там была удобная бухта, в которой можно было разгрузить корабли. В тот же район должен был двигаться из Тарента со своими войсками и кораблями и Тавр. Ему надлежало встать возле Скилакийского мыса, непосредственно напротив Тавромения. Три легиона были высланы Октавианом в Стилиду для наблюдения за разворачивающимися событиями — им надлежало выполнять функции оперативного резерва.

Тавр в точности выполнил приказание. На берегу он развернул сухопутные войска, впереди которых двигалась конница, осуществлявшая тактическую разведку. Аналогичную функцию выполняли многочисленные либурны, ведущие разведку на море впереди всего флота. Октавиан вскоре и сам прибыл к расположению Тавра и одобрил все его мероприятия. Затем он вновь отбыл в Гиппоний.

Помпей пока еще не вполне понял ситуацию. Он продолжал, естественно, держать свой флот в Мессане, однако решил, опираясь на разведку, пресечь доставку к Лепиду его оставшихся в Африке войск. Адмирал Помпея — Папий — вышел с отрядом боевых кораблей в сторону африканского побережья. Данные разведки оказались точными: ему навстречу шел конвой транспортников Лепида, везших четыре легиона и массу вооружения. Лепид также выслал навстречу неохраняемому конвою свои боевые суда, однако они, к сожалению, запоздали. На транспортных приняли корабли Папия за свои и не приняли никаких мер предосторожности. Одни из них были захвачены, другие сожжены или затоплены, несколько вернулось в Африку. Потери были страшные: в море погибло полных два легиона отличных солдат, так необходимых Октавиану на Сицилии. Многих спасшихся вплавь добивали уже на берегу Сицилии солдаты Тизиена — полководца Помпея. Только немногим удалось добраться до лагеря Лепида. Уцелевшие корабли укрылись в сицилийских бухтах, когда увидели подходящие суда Лепида — они приняли их за вторую волну противника.

Октавиан, собрав весь свой флот, отправился к Липарскому архипелагу. Его целью была Стронгила — самый северный из пяти островков, образующих сам архипелаг. Впереди, по заведенному уже порядку, шли разведывательные либурны. Флота противника в море обнаружено не было, однако на берегу разведка обнаружила многочисленные скопления живой силы армии Помпея в городах Пилориаде, Милах, Тиндариде и ряде других мест. Октавиан решил, что это и есть главные силы во главе с самим Помпеем. Большого флота здесь не было — только в Милах стояли сорок судов Помпея — как потом оказалось, под командованием Демохара (их поначалу приняли за эскадру Папия, который был с Помпеем в Мессане). Октавиан оставил в этом районе командовать флотом и войсками Агриппу, а сам срочно отбыл в Гиппоний. Его план был весьма отчетлив. Взяв

в Гиппонии три легиона Мессалы, он собирался быстро перебросить их в лагерь Тавра и с их помощью сначала захватить в отсутствие Помпея Тавромений, а затем напасть на него с двух сторон.

У Агриппы же дела обстояли следующим образом. Он с флотом, оставив Стронгилу, подошел к самому южному из Липарских островов, Гиере, и, пользуясь подавляющим превосходством в силах, без труда захватил ее. На следующий день он планировал напасть на корабли Демохара в Милах. Однако здесь оказалась отлично налаженная служба оповещения и наличие у Помпея огромного флотского резерва в Мессане — она ведь находилась всего в нескольких милях от Мил. опередив Агриппу, Помпей отправил в Милы 45 судов под командованием Аполлофана, а потом, поразмыслив, вышел туда же и сам во главе отряда из 70 кораблей. Так что за ночь численность группировки была увеличена почти в четыре раза, и общее число кораблей Помпея в Милах к утру составляло 155 выпелов.

У Агриппы было существенно больше кораблей, однако он, выйдя еще ночью с Гиеры, имел в виду сражение только с сорока кораблями, так что взял с собой лишь половину своего флота, сразу оказавшись в меньшинстве, хотя и не подавляющем. Поняв, что условия игры изменились, он немедленно отослал посыльное судно обратно на Гиеру за подмогой, но остальные корабли из-за расстояния подошли лишь к финальной фазе сражения и не приняли в нем никакого участия. Кроме того, Агриппа немедленно отправил еще одно судно к Октавиану, сообщая, что Помпей действительно находится возле Мил — его опознали по значкам и выпелам на кораблях подходившей эскадры.

Здесь, под Милами, развернулось яркое и напряженное морское сражение, вполне сопоставимое по своему масштабу, да и по значению, с его «тезкой» — битвой при Милах, разгоревшейся за два с четвертью века до того. Агриппа возглавил свой флот и находился в центре его боевых порядков. Тяжелые корабли он поставил в середине, расположив на флангах легкие силы флота и либурны. Флагманом флота помпеянцев был Папий.

Античные авторы особо отмечали отличное вооружение двух противоборствующих флотов и качество их подготовки. Описание Аппианом этого морского сражения настолько ярко и впечатляюще, что стоит процитировать его достаточно пространно. «Снаряжение обеих сторон было блестящее: на носовой и кормовой частях корабля имелись башни. После обычных призывных речей и поднятия сигналов на судах они устремились друг на друга, одни прямо с фронта, другие в обход, с криком, с шумом, производимым судами, чтобы этим навести страх. Суда Помпея были меньше, более легкие и быстрые при нападении и обходе, суда Цезаря (Октавиана. — А. Х.) более крупные и тяжелые, вследствие этого более медленные на ходу, зато обладавшие большей силой при нападении и менее чувствительные к повреждениям. Экипажи на судах Цезаря были опытнее в морских делах, на судах же Помпея — сильнее. Превосходство судов Помпея проявлялось не в нападении, а при обходе — они или отгибали назад концы и лопатки весел, или ломали их рукоятки у более крупных судов, или отделяли суда от других, нанося тем не меньший вред, чем прямым нападением. Суда Цезаря нападали на более короткие суда Помпея, отталкивали их, потрясали или пробивали. При сцеплении же они нападали на эти более низкие суда с высоты, причем им было легче сбрасывать железные „вороны" и крючки. Одолеваемые всем этим, лю-

ди бросались в море, и их подбирали плававшие вокруг вспомогательные суда Помпея».

Как видим, главным тактическим приемом в данном сражении стал фланговый обход и просачивание помпеянских кораблей сквозь строй цезарианцев. Последние, в свою очередь, тем же самым заниматься просто не могли в силу недостатка маневренности и относительно малого числа. Поэтому, являясь активной стороной в плане завязывания сражения, Агриппа поневоле вынужден был принять пассивную тактику (вернее, тактику активной обороны) в ходе сражения. Явно обозначились достоинства и недостатки разных классов кораблей: высота надводного борта и водоизмещение играли исключительно важную, если не определяющую, роль. Цезарианцы, как обычно и бывало в случае малой численности судов у обороняющейся стороны, скрепляли свои корабли (по крайней мере, крупные) друг с другом, мешая противнику разбить строй на части и прорваться сквозь него для удара с тыла или в борт. Именно этим объясняются повреждения кораблей при попытке их отрыва друг от друга. Показательно, что при резком возрастании количества стрелков и метателей на кораблях, при возрастании роли артиллерии, роль зажигательных снарядов была относительно невелика — массовых пожаров на кораблях ни в том, ни в другом флотах не было. Абордаж имел огромное значение, и морпехи Агриппы переигрывали своих противников.

Флагманы традиционно встретились в единоборстве, инициатором которого вновь был Агриппа. Он направил свой корабль прямо на корабль Папия и нанес ему мощнейший таранный удар в скулу, как раз в защитный пояс носовой части, набранный из толстых деревянных брусьев — так называемую эпотиду. Корпус корабля противника был не столько пробит, сколько расколот более тяжелым и имевшим огромную кинетическую энергию судном Агриппы. В образовавшуюся трещину, дошедшую практически до килевого бруса, хлынула масса забортной воды. От столкновения воины, находившиеся на башнях судна Папия, оказались сброшенными за борт или на палубу. Нижний ряд гребцов оказался заблокирован на своем уровне, да и в любом случае гибель судна была столь стремительной, что они просто не успели бы выбраться. Все они погибли, захлебнувшись в заполнявшей корпус морской воде. Большая часть гребцов верхних ярусов, взломав настил палубы, смогла выскочить наружу и спрыгнуть в воду. Вместе с ними спасся и командующий, которого подняли на ближайший корабль, который он тотчас же повел в атаку на противника.

Секст Помпей наблюдал за происходящим сражением с берега, стоя на мысу. Видя, что абордажные схватки приводят к потере его кораблей, а с Гиеры к противнику движется подкрепление, он приказал организованно отходить. Отход и был организован качественно, нисколько не напоминая бегство. Корабли помпеянцев медленно отступали, переходя в контратаки; когда противник особенно сильно наваливался на них, они отходили на заиленные места в устьях рек — там было безопасно, не было камней, а на илистом мелководье легкие суда помпеянцев чувствовали себя более уверенно, чем их враги.

Кормчие флота Агриппы категорически не советовали ему заходить вслед за противником на мелкие места, однако флотоводец мечтал пожать плоды окончательной победы. Его флот бросил якорь в море, на некотором удалении от берега, блокируя вражеские корабли. Приближалось темное время суток — как тому

и положено на юге, темнота наступала очень быстро, почти внезапно. Агриппа надеялся, что ему удастся провести ночной бой, коль скоро враги начнут выбираться из своих «тихих заводей». С применением зажигательных средств и впрямь можно было устроить немалый фейерверк, подпалив пару помпеянских кораблей и в свете этих факелов протаранив отходящие от берега суда. Однако грандиозным замыслам Агриппы помешали все те же кормчие собственного флота и его собственные командиры. Они заметили, что не стоит полагаться на волю всегда готового взбунтоваться моря, да еще вблизи берега, а также вполне резонно намекали, что лучше дать экипажам выспаться и привести себя в порядок, а заодно исправить повреждения, полученные кораблями.

В наступавшей темноте Агриппа отплыл на Гиеру. Вскоре, выждав немного, тихо снялись и ушли в свои порты и помпеянские корабли. Потери сторон были относительно невелики, но несопоставимы. Помпей лишился тридцати кораблей, в то время как Агриппа потерял безвозвратно лишь пять. Правда, обе стороны имели серьезные повреждения на абсолютном большинстве судов, но здесь ущерб был примерно равным. Помпей выразил своим морякам массу похвал, заявив, что это больше напоминало штурм крепости, нежели морское сражение. Он щедро раздавал награды, как победителям в битве, и говорил, что они покрыли себя славой, устояв против таких мощных судов, а в проливе более легкие суда должны будут одержать несомненную победу, поскольку здесь им будет помогать сильное течение. Вместе с тем Помпей пообещал увеличить высоту кораблей, хотя бы наращивая борта. После обеда на следующий день он ушел с флотом в Мессану, но часть кораблей оставил в Милах, чтобы ввести в заблуждение Агриппу — якобы, Помпей продолжает оставаться все на том же месте.

Агриппа, между тем, дав своему флоту пару дней передышки, подошел к побережью Сицилии. Жители города Тиндарида готовы были сдаться ему и открыли ворота, однако гарнизон, оставленный там Помпеем, не только не сдал цитадели, но и вытеснил из города вошедшие туда части Агриппы, несколько других городов северного побережья Сицилии пустили к себе гарнизоны Октавиана. Таким образом, цезарианцы обзавелись сухопутными базами и портами и на севере острова, что было весьма важно. Однако множество городов и все побережье были заняты помпеянами. У них было немало береговой артиллерии, прислуга которой постоянно поддерживала разведенный огонь в намерении поджигать корабли цезарианцев при их подходе в пределы досягаемости.

Октавиан, узнав об уходе Помпея из Мессаны в Милы на битву с Агриппой, вышел из Скилакия в Левкопетру — также на итальянском берегу пролива. Он предполагал следующей ночью переправиться с войсками через пролив в сторону Тавромения, но вскоре пришло известие о победе на море, и Октавиан передумал — считая, что Помпей все еще в Милах, он решил плыть не тайком, а вполне открыто, днем, во главе конвоя, везущего победоносное и бодро настроенное войско. Осмотрев утром море с высокой горы, Октавиан нашел его свободным от противника и решил плыть немедленно. Суда вместили большую часть войска, но далеко не все — необходим был еще один рейс. Мессала остался с этим арьергардом в Италии. Без всякого противодействия кораблей Помпея Октавиан благополучно перешел пролив и вдоль берега двинулся к Тавромению. Появление флота с войсками, однако, не произвело на горожан должного впечатления: сдаться они категорически отказались. Тогда Октавиан десантировал войско на

некотором отдалении, близ святилища Аполлона, где произошло явно дурное предзнаменование — при сходе на берег главнокомандующий упал, и, хотя самостоятельно поднялся, все сочли это дурным знаком. Так оно и вышло.

Совершенно неожиданно, в самый разгар строительства лагеря, появился Помпей, а также Демохар и Аполлофан со своими кораблями. Причем этот неприятнейший сюрприз поджидал цезарианцев не только на море: с двух сторон к лагерю подошли пехота и конница Помпея. Пассивность Помпея опять не дала ему насладиться полной победой. Напади он всеми силами одновременно — быть может, мир так и не узнал бы об императоре Октавиане Августе. Однако напала только конница Помпея, разогнав легионеров, строивших лагерь. Неопытность помпеянских полководцев поражала: приближалась ночь, и пехота, боясь располагаться рядом с противником, ушла в соседний город Фенику, а флот стоял на некотором отдалении у Коккинского мыса. Так что цезарианцы все-таки закончили сооружение своего лагеря, в котором было три легиона, 500 всадников без лошадей (они должны были прибыть со вторым конвоем), две тысячи ветеранов-добровольцев, тысяча вспомогательных войск и отряд флотского экипажа с кораблей.

Оставив командовать в лагере Корнифиция, Октавиан еще затемно на кораблях вышел в море. Флот он организовал в два отряда: правым крылом командовал Луций Титиний Сульпициан, а левым — Публий Каризий. Сам Октавиан поднялся на борт своей либурины и объехал свой флот, подбадривая людей. После этого он снял с корабля собственный штандарт, как во время величайшей опасности. За этим последовала битва, которая не известна нам во всех подробностях, но результат ее, напротив, отлично известен и говорит сам за себя. С перерывом последовали два сражения между флотами, которые длились весь световой день и закончились только следующей ночью. Флот Октавиана нанес серьезный ущерб противнику, однако сам просто прекратил существование. Почти все корабли Октавиана были захвачены либо сожжены, только немногие, не получив к тому приказа, вышли из боя и, подняв носовые паруса, ушли в Италию. Их пытались преследовать, но безуспешно. Спасшихся вплавь убивали помпеянцы уже на берегу, но некоторым удалось добраться до лагеря Корнифиция.

Чудом спасшийся на своей либурне Октавиан причалил в Абальском заливе и был настолько подавлен, что, как говорят, даже подумывал о самоубийстве. Однако вскоре его нашли свои и, переправляя с лодки на лодку, доставили в расположение Мессалы. Октавиану упорно не везло на море. Быть может, причиной тому было то, что после первой бури, разметавшей его корабли, он заявил, что и наперекор Нептуну одолеет море и даже приказал во время очередных празднеств в цирке удалить из процессии статую этого бога.

Придя в себя, он немедленно отослал к Корнифицию либурну письмом, где велел держаться и ждать помощи. Затем он отправился в город Стилиду в Бруттии, где стояли три легиона под командованием Каррины. Он приказал ему плыть с войсками на имевшихся у того кораблях на Липару. Мессалу отправили в Путеолы за элитным первым легионом — привести его в Гиппонию. А Агриппе Октавиан отослал приказ срочно выслать на усиление Корнифиция отряд под командованием Квинта Ларония. Тот, к слову сказать, дошел до цели и спас остатки армии Корнифиция, хотя и страшно поредевшей.

Агриппа все же взял Тиндарид. Октавиан немедленно перебросил туда морем

пехотинцев и всадников. Его группировка на острове постоянно росла — теперь в ней уже насчитывался двадцать один легион, около 20 000 всадников и более 5000 воинов легкой пехоты. Войска Октавиана, наконец, соединились с войсками Лепида. Обстановка на острове медленно, но неуклонно изменялась, баланс смещался в сторону Октавиана. Теперь уже он владел ситуацией. В частности, Октавиан поставил себе целью отрезать подвоз продовольствия Помпею и занять города, через которые тот получал провиант. Это могло просто удушить армию Помпея, и он пошел на неординарный ход.

Помпей, сильно опасавшийся легионеров Октавиана, предложил ему через парламентариев решить исход их противостояния морским сражением. Октавиан, естественно, этого не хотел — он уже крайне недоверчиво относился ко всему связанному с морем. Но отступать было некуда: можно было потерять лицо, он согласился. Был назначен день битвы, место, и — что уж совсем было вновь — оговорено число кораблей, которые должны были в ней участвовать: по триста единиц с каждой стороны. При этом оговаривалось, что суда могут быть снабжены всеми мыслимыми боевыми приспособлениями и машинами, башнями и снарядами, которые могут быть придуманы инженерами сторон.

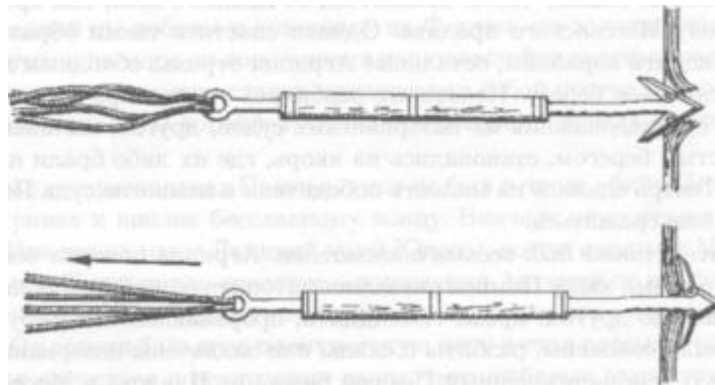
В общем-то, задумка была исключительно удачная. В сущности, доводилась до логического конца идея противоборства двух воинов перед битвой. Эта битва должна была стать чем-то вроде спортивного состязания, где ставками были исход войны и жизни десятков тысяч людей. Своего рода гладиаторский бой двух флотов.

Агриппа отнесся к подготовке предстоящего сражения со всей серьезностью. Его пытливый ум искал и находил. В частности, он придумал и внедрил на своих кораблях принципиально иное средство поражения — гарпакс. Оно напоминало гигантскую блесну: толстое бревно длиной около полутора метров обивалось железом для утяжеления и предотвращения поражения огнем со стороны противника. На обоих его концах в торцы заделывались прочно сидевшие в дереве железные кольца. К одному из них шарнирно крепился большой крюк, напоминавший якорь-кошку. В кольцо на другом конце продевалось множество относительно тонких канатов длиной в несколько десятков метров. Применялся гарпакс достаточно просто и эффективно: им выстреливали из катапульты, целясь поверх палубы вражеского судна. Бревно в результате либо падало на палубу, либо перелетало через нее, либо застревало в надстроечных конструкциях корабля. После этого кабестанами и другими приспособлениями канаты, на которых висел гарпакс, выбирались с возможно большей скоростью. Естественно, это приводило к серьезным разрушениям корабля или крепкой его фиксации крючьями с последующим подтягиванием к борту атакующего судна.

3 сентября 36 г. до н.э., в условленный день, флоты сошлись для битвы. Это сражение, известное как битва при Навлохе, отличалось невиданным ранее по массовости применением различного рода средств дистанционного поражения. Флоты сходились, выстроившись правильными фронтальными линиями. Еще в фазе сближения с их палуб и башен противники открыли друг по другу просто ураганную стрельбу, бросая как машинами, так и собственными руками, зажигательные снаряды, копья, стрелы и камни. Через короткое время строи кораблей столкнулись. Таранные удары наносились с огромной силой — некоторые приходились в борт, другие — в эпотиды, третьи были лобовыми. Эти последние не

разрушали, как правило, корпуса судна, однако от сильнейшего толчка воины, как правило, просто слетали с башен, как и многие гребцы и моряки, сбрасываемые со своих мест. В результате многие суда становились временно небоеспособными — десятки и сотни людей беспорядочно карабкались по всем корабельным конструкциям, стараясь занять должное место для боя или управления судном. Очень ярко проявилась роль малых вспомогательных кораблей и либурн. Они сновали между сражающимися судами и стали главным спасательным средством: множество оказавшихся в воде людей были подобраны именно ими. Многие корабли сознательно или случайно промахивались при лобовой атаке и, проплывая друг мимо друга, буквально осыпали противника копьями и метательными снарядами. В некоторых случаях доходило до абсордажного боя.

В рамках сражения применялись все способы ведения боя. Однако, как говорили участники сражения, наиболее эффективным средством поражения оказался именно гарпакс. Изобретение Агриппы было исключительно удачным. Средств борьбы с ним не существовало — слишком непривычным и новым было это оружие. Перерубить бревно при всем желании было просто невозможно из-за железной оковки. Также не удавалось и перерубить канаты, на которых он крепился — они начинались более чем в полтора метра от борта, и ни одно оружие не способно было достать до них. Потом, впрочем, будут придуманы и введены на боевых кораблях специальные «антигарпаксные» средства в виде серпообразных лезвий, насаженных на длинные рукоятки. Однако в битве при Навлохе они, конечно, на кораблях еще отсутствовали.

Гарпакс и его применение

Впрочем, чисто эмпирическим путем был найден определенный паллиатив: помпеянцы поняли, что если дать задний ход, то можно препятствовать притягиванию кораблей друг к другу. Однако и цезарианцы гребли изо всех сил, а так как корабли, как правило, имели вполне сопоставимую мощность, выражаемую в «человеческих силах», это уравнивало шансы. Силы гасили друг друга, а машины притягивали гарпаксом вражеское судно, после чего следовал абсордаж.

Первое столкновение завершилось. Вскоре, перестроившись и приведя себя в порядок, флоты сошлись вновь. Определенная сложность была вот в чем — война-то шла гражданская, поэтому противники были прежде всего соплеменниками. Аппиан так пишет об этом: «Сблизившиеся корабли сражались всеми

способами, экипажи их перескакивали на неприятельские суда, причем с обеих сторон одинаково нелегко уже было отличать неприятелей, так как и оружие было у всех одно и то же, и говорили почти все на итальянском языке (корабли можно было отличить только по цвету боевых башен. — А.Х.). Условленный пароль в этой обоюдной свалке делался известен всем — обстоятельство, послужившее для множества разнообразных обманов — с обеих сторон; друг друга не узнавали как в бою, так и в море, наполнившемся телами убитых, оружием, обломками кораблей».

Первая схватка научила противников осторожнее пользоваться зажигательными снарядами — при тесном соприкосновении судов пожар был равно опасен и для той, и для другой стороны. Обе армии со смешанным интересом и страхом смотрели с берега за этой битвой. Они понимали, что решается исход войны, однако долгое время ничего не было ясно: «жалобные вопли попеременно раздавались то с той, то с другой стороны».

Вновь в битве наступил краткий перерыв. Перед началом третьей схватки Агриппа, подсчитав по цветным башням в общем столпотворении количество выведенных из строя и тонущих кораблей, понял, что судов противника гибнет заметно больше, чем его собственных. Он указал на это своим командирам и морякам флагмана, а затем передал сообщение об этом на другие суда. Вряд ли оно дошло до всех кораблей, но следующий натиск окрыленных цезарианцев был особенно силен. Они стали теснить противника непрерывно, все усиливая давление. Часть судов Помпея, которым приходилось особенно туго, прибегла к крайним мерам: сбрасывая башни, чтобы избавиться от лишнего веса, они бросились наутек в сторону Мессанского пролива. Однако спастись таким образом удалось только семнадцати кораблям, остальные Агриппа отрезал обходным маневром и начал прижимать к берегу. Некоторые разбились — как, впрочем, и часть не в меру рьяно преследовавших их цезарианских судов, другие, пытаясь укрыться под каменистым берегом, становились на якорь, где их либо брали на abordаж, либо жгли. Теперь сдались на милость победителя и немногие суда Помпея, продолжавшие еще сражаться.

Исход битвы также был весьма показателен. Агриппа потерял всего три (!!!) корабля, в то время как у Помпея оказались затопленными 28 кораблей, потерял он и большинство других: кроме семнадцати, прорвавшихся из окружения, все остальные были сожжены, разбиты о скалы или захвачены цезарианцами.

Полностью деморализованный Помпей бежал из Навлоха в Мессану, бросив свои войска на произвол судьбы. Их командующий сдал подразделения легионеров Октавиану, потом сдалась и конница. Узнав по пути в Мессану о сдаче войск, Секст Помпей оставил плащ полководца и, переодевшись в гражданское, приказал гонцу мчаться в Мессану и начинать эвакуацию, к которой, собственно, уже давно готовились. Все войска Помпея вскоре сдались, кроме Плиния в Лилибее, который со своими восемью легионами был вызван Помпеем в Мессану. Помпей же, не дожидаясь его, бежал на тех самых семнадцати судах к Антонию, мать которого он некогда спас и теперь рассчитывал на взаимность.

Встреча не состоялась, и Плиний занял Мессану, после чего был осажден в ней Агриппой и подошедшим Лепидом. Кстати, дальнейшие действия Лепида очень напоминали сепаратную капитуляцию Германии, подписанную западными союзниками в мае 1945 г. без участия советской стороны: Плиний начал пере-

говоры о сдаче, и Агриппа предложил подождать до утра (он хотел дожидаться приезда Октавиана), а Лепид той же ночью от своего имени заключил мир. При этом он рассчитывал переманить к себе легионеров Помпея — им не только сохранили жизнь, но и разрешили вместе с войсками Лепида грабить Мессану (!), чему они и предавались до утра.

Вскоре разногласия между взбешенным Октавианом и Лепидом достигли предела. Лепид ссылаясь на то, что он первым высадился на Сицилии и теперь она принадлежит ему. Октавиан был даже вынужден держать свой победоносный флот в море на якоре из опасения, что люди Лепида его подожгут. Лепид пытался переманить к себе легионеров Октавиана, но авторитет Октавиана был весьма высок, и вскоре как раз он перевербовал практически всех воинов своего бывшего союзника. Оставшийся ни с чем Эмилий Лепид был смещен со всех постов (ему оставили только его жреческое звание) и отправлен доживать век в собственное поместье. Триумвиры превратились в дуумвиров.

Октавиан стал обладателем гигантской военной силы. 45 легионов, 25 тысяч всадников и более 40 тысяч легкой пехоты — все это было в его распоряжении, кроме того, он владел шестью сотнями боевых кораблей. Вскоре войска двумя партиями на транспортных судах были отправлены в Италию. Не менее полутора тысяч транспортных судов, большей частью взятых у состоятельных людей, он возвратил их прежним владельцам. Одолженные у Антония корабли он также отослал в Тарент.

Именно тогда Октавиан объявил мир. Из всех почестей, установленных для него сенаторами, Октавиан принял лишь учреждение ежегодного праздника в дни одержанной им победы и установку на Форуме его золотой статуи с надписью: «На суше и на море он восстановил нарушавшийся долгими распрями мир». Характерно, что постамент статуи представлял собой ростральную колонну — в нее были вделаны носы кораблей, символизировавшие победу именно в морской битве.

Октавиан не преследовал Помпея — тот не был в числе убийц Цезаря. Помпей сам себя привел к вполне бесславному концу. Вначале он скитался по морям — ограбил в Италии на мысу Лациний храм Юноны, потом отплыл в Митилену, где и задержался. Тут пришло известие о поражении Антония от парфян и его прибытии в Александрию. Помпей вознамерился столкнуть его с пьедестала и занять его место. Он затеял большую политическую игру и стал рассылать письма всем, на кого мог опереться в реализации своих честолюбивых замыслов: от Фракии и Понтийского царства до парфян. Он начал собирать свой собственный новый флот и тренировать их экипажи — на словах заявляя, что делает это как бы для Антония и против Октавиана. Антоний не поверил, и был прав. Он выслал из Сирии флот с войсками под командованием Марка Тития. Тому было приказано воевать с Помпеем не на жизнь, а на смерть, коль скоро он враг, или привести его с почетом к Антонию — коль скоро он сдастся.

Помпей уже начал свою войну. В 35 г. до н. э. он захватил город Лампсак близ Геллеспонта и осадил многострадальный Кизик с использованием сил своего флота. Войско его росло, флот строился. Вскоре он занял Никею и Никомедию. Однако Титий и Гай Фурний, назначенный Антонием командовать еще одной армией, собрали изрядные силы против Помпея. К Фурнию прибыли 70 из тех кораблей, что когда-то Антоний послал Октавиану, а позднее тот вер-

нул обратно, — они пришли с Сицилии. Титий привел еще 120 боевых кораблей. Командующие собрались в Проконнесе. Помпей, боясь их намного более многочисленных войск, сжег свой флот и, вооружив гребцов, пополнил число воинов. Это было откровенной глупостью. Качественными легионерами они не стали, а Помпей все-таки недавно был признанным владыкой морей и, как он сам говорил, сыном самого Нептуна. Кроме того, от Помпея к Антонию убежала масса соратников, и он остался почти без командиров.

Прошли переговоры. Все думали, что Помпей сдастся. Однако ночью, оставив в своем лагере обычные огни и приказав в обычное время подавать сигналы сторожевыми трубами, Помпей вышел из лагеря с легковооруженными пехотинцами, не сказав даже им, куда они идут. Он хотел сжечь стоявший у берега флот Тития. Но, как это часто бывает, все спутал перебежчик. Ничего не зная о плане, он сообщил антонианцам о направлении движения Помпея с отрядом. Догадаться было нетрудно. Когда на помпеянцев напала конница противника, солдаты перешли на сторону Антония. Помпею оставалось только сдаться. Вскоре его убили.

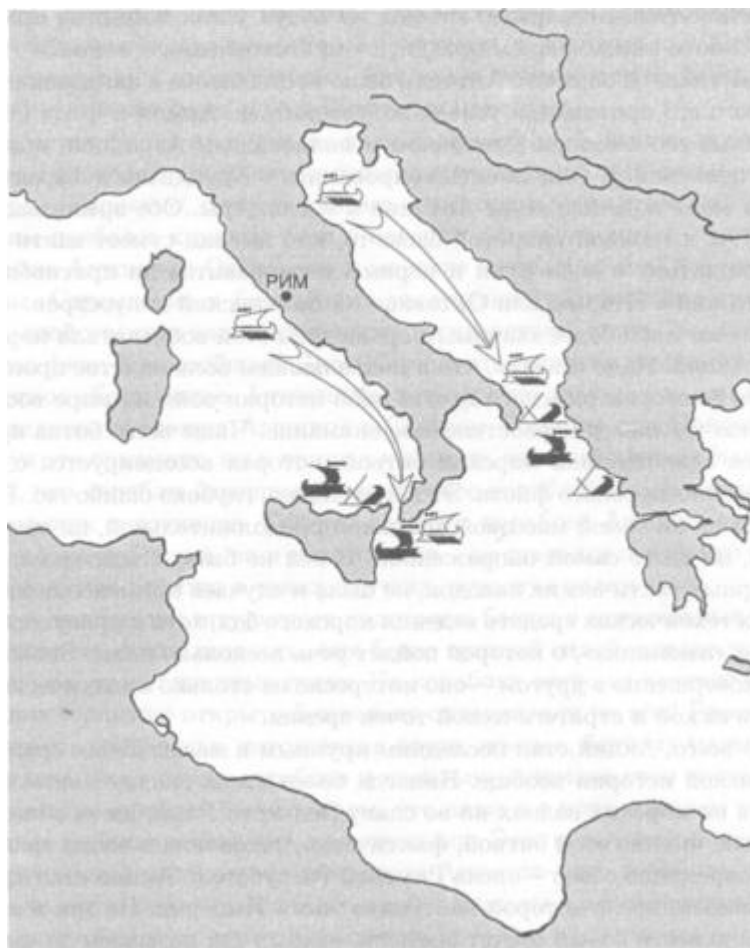
Так завершилась жизнь последнего из трех ярчайших представителей славной династии Помпеев, совершивших самые главные дела в своей жизни на морях — либо во славу Рима, либо к его бесчестью. Впрочем, каждый из них достаточно искренне верил в правоту собственных предприятий и верность избранного пути.

Наступили новые времена. Антоний продолжал оставаться на Востоке. Октавиан—весьма, надо сказать, лицемерно — обвинил его в «необоснованном» убийстве Секста Помпея. Это явилось дополнительным поводом к охлаждению и, в перспективе, стремительному ухудшению отношений между недавними союзниками. Вскоре Антоний публично заявил о своем браке с Клеопатрой. Более того, он начал чеканить монеты с изображением себя и Клеопатры и дарить египетской царице и своим детям от нее римские территории в восточных провинциях. В число этих земель вошли Армения, Мидия, Парфия, Финикия, Сирия и Киликия. Все это, безусловно, невероятно раздражало римлян, и ряд сенаторов в особенности, и было件 понятно, что долго так продолжаться не может. В Риме циркулировали слухи о том, что Антоний давно стал простым орудием в руках Клеопатры, что он совершенно потерял разум и волю, околдованный приворотными зельями царицы, что римскими легионами на Востоке распоряжаются евнухи и служанки Клеопатры. Впрочем, все это было недалеко от истины.

Октавиан раздувал эти настроения, тем более, что у него самого в сенате было немало противников, ориентировавшихся на Антония. Они обвиняли Октавиана в отстранении от власти Лепида и прочих грехах. Общая ситуация клонилась к тому, что отношения между двумя соправителями должны были вылиться в открытую вражду с применением военной силы. Должен был остаться только один. Осенью 33 г. до н. э. Антоний отправил войско под командованием своего полководца Канидия Красса (бывшего полководца Лепида) из Армении к малоазийскому побережью и вскоре сам отправился туда же — в город Эфес. Военные приготовления Антония вызвали естественное беспокойство Октавиана. 1 января 32 г. до н. э. только что избранный консул Гай Соссий выступил в сенате с речью, направленной против Октавиана. Через несколько дней Октавиан, окружив сенат своими войсками, потребовал от сенаторов вынесения специального решения, направленного против Антония. Одновременно с этим он разрешил всем

сочувствующим Антонию покинуть Рим, чем и воспользовались оба консула и более 300 сенаторов — все они вскоре добрались до Антония. Вслед за этим сенат объявил войну египетской царице Клеопатре, имея формальным *casus belli* присвоение ею римских владений. Поскольку Антоний выступил на защиту своей союзницы и жены, то он также был объявлен «врагом Республики». Началась еще одна — Бог знает какая уже по счету за последние 60 лет — гражданская война. Впрочем, не надо было быть слишком прозорливым, чтобы догадаться, что она, скорее всего, станет последней: слишком мало фигур уже оставалось на доске римской политической истории.

Весну 32 г. до н. э. Антоний оставался в Эфесе, собирая силы для похода в Грецию и Италию. Как только завершился период зимних штормов, в Эфес прибыла египетская эскадра в составе 200 боевых кораблей и огромного количества транспортных. Клеопатра шла на своем флагмане, носившем, насколько известно, название «Антониада». Вначале Антоний собирался отправить царицу

**Районы базирования и крупнейших боевых столкновений
в период гражданских войн**

обратно, однако та, вместе с Кандием Крассом (он был подкуплен царицей), убедил Антония, что ей совершенно необходимо остаться в его ставке. Вероятно, это было его роковой ошибкой — хотя, впрочем, сомнительно, чтобы Антоний выиграл эту войну и в отсутствие Клеопатры. Хуже всего было то обстоятельство, что в атмосфере типично восточного интриганства, которая теперь установилась в ставке Антония, полководцы и военачальники высокого ранга, обиженные царицей Египта, в массовом порядке бежали к Октавиану. Через этот канал шла утечка информации, да и с кадровой точки зрения командный состав был серьезно ослаблен.

Антоний и Клеопатра со своими силами постепенно перемещались на запад. Вначале их базой стал остров Самос, потом — Афины. Общая численность флота к концу 32 г. до н. э. достигла 800 боевых и грузовых кораблей, войско насчитывало не менее 19 легионов. Впрочем, штаб этой армии больше напоминал бродячий цирк, поскольку туда были созваны все доступные актеры, музыканты и певцы, устраивавшие бесконечные представления и праздники. Как пишет Плутарх, «в народе с недоумением говорили: каковы же будут у них победные празднества, если они с таким великолепием празднуют приготовления к войне?!»

Впрочем, главной ошибкой Антония было промедление в нападении, в результате которого его противники успели подготовиться. Армия и флот Октавиана, возглавленные его славным адмиралом и полководцем Агриппой, выдвинулась навстречу противнику. Они сконцентрировались в Брундизии и Таренте. С другого берега моря подошли силы Антония и Клеопатры. Обе армии вышли друг против друга, и главной интригой было то, кто именно сумеет взять стратегическую инициативу в свои руки и первым переправится на противоположный берег — Антоний в Италию или Октавиан на Балканский полуостров.

Важнейшим и наиболее значимым сражением этой войны стала морская битва у мыса Акций. Надо сказать, что в подавляющем большинстве произведений, посвященных истории римского флота либо истории войн на море вообще, этому сражению уделяется первостепенное внимание. Чаще всего битва при Акции оказывается единственной морской битвой, которая ассоциируется с историей римского военно-морского флота. Это, безусловно, глубоко ошибочно. Битва при Акции не была ни самой массовой, ни самой продолжительной, ни самой кровопролитной, ни даже самой напряженной. В ней не было исключительных, экстраординарных тактических находок, не было и случаев применения каких-либо сверхновых технических средств ведения морского боя, хотя и присутствовала существенная «изюминка», о которой пойдет речь несколько ниже. Значение этого сражения совершенно в другом — оно интересно не столько с тактической, сколько с политической и стратегической точек зрения.

Прежде всего, Акций стал последним крупным и масштабным сражением на море в римской истории вообще. Никогда более столь значительные силы уже не сойдутся на морских волнах ни во славу Великого Рима, ни за обладание ею. И, во-вторых, именно этой битвой, фактически, закончилась эпоха гражданских войн и одновременно с нею — эпоха Римской Республики. Акций стал хронологической границей, после которой наступила эпоха Империи. Не зря в некоторых городах стали вести новый отсчет времени, открыв так называемую «актийскую эру», началом которой стал день сражения.

Как говорили, Октавиан собрал флот в составе 260 боевых кораблей, отли-

чавшийся не «хвастливою высотой или громадными размерами кораблей, но удобоуправляемостью, быстротой и безупречной оснащенностью каждого судна». Многие из этих судов служили во флоте еще со времен войны с Секстом Помпеем, некоторые были спущены на воду совсем недавно. Агриппа и Октавиан располагали множеством хорошо обученных кадров моряков. Значительное количество из этих кораблей относилось к типу либурн — таковых были никак не менее половины общей численности, были суда и более тяжелых классов: триремы, quadriремы, quinquerемы и, вероятно, даже гексеры — крупнее судов не было. Более крупные корабли несли на себе боевые башни и артиллерию, но таких кораблей было совсем мало, и отнюдь не они, а именно либурны в конечном итоге определили исход грядущего сражения.

Затем Октавиан отправил к Антонию гонцов с требованием не терять времени даром, а немедленно выйти с флотом в море, где и померяться силами. Антоний в ответ вызвал Октавиана на поединок, а в случае отказа предлагал сразиться у Фарсал, где когда-то сражались Цезарь и Помпей. Чтобы понять весь комизм ситуации, надо помнить, что Октавиан был довольно хилым и с военной точки зрения малоспособным человеком, в то время как Антоний — типичным «солдатским императором», как сказали бы позднее: большого роста, огромной физической силы и с грубоватыми манерами.

Что касается флота Антония, то в его составе было большое число огромных по размерам кораблей, среди которых были и легкие суда, и тяжелые — от трирем до децемрем. Вероятно, следует считать неоспоримым фактом, что здесь были выставлены наиболее крупные суда в истории античного мира — и с этой точки зрения война Антония и Октавиана и морские битвы в ее ходе все же по-своему уникальны. Стремление к безмерному увеличению размеров и водоизмещения кораблей, свойственное эллинистическим государствам, теперь вылилось в свою финальную фазу. Как сообщает Дион Кассий, эта гигантомания имела под собой вполне четкое обоснование. Антоний был прекрасно знаком с ходом и результатами последнего сражения Агриппы с Секстом Помпеем при Навлохе. Именно анализируя это сражение, он и пришел к выводу, что исход битвы был предопределен тем, что корабли Агриппы были крупнее кораблей Помпея и на них было больше морских пехотинцев. Так что размеры кораблей Антония стали результатом не только традиций, но и новаторства — он старался превзойти вероятного противника и, как водится в таких случаях, перегнул палку.

Большое количество штурмовых надстроек, башен и метательных приспособлений делало его флот, казалось, еще более грозной силой, однако это был, как говорится, колосс на глиняных ногах. На кораблях остро не хватало команды, и триерархи совершенно открыто буквально отлавливали по всей Греции кого попало: путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек. Эта публика вливалась в отряды гребцов и насильно занимала свои места на веслах, однако размеры кораблей были таковы, что даже и с привлечением этого персонала скамьи гребцов оставались полупустыми. Это, в действительности, имело самые удручающие последствия для флота Антония — его кораблям остро не хватало мощности, поэтому они были крайне тяжелы и неповоротливы на плаву. Все это дорого обойдется мужу Клеопатры, которая, надо сказать, всячески раздувала в Антонии самоубийственное стремление биться на море.

В ситуации конца 32 г. до н. э. исключительное значение имел контроль над

многострадальной Керкирой, которая была ключом к переправе. Флот Антония уже подходил к Керкире, когда показались подходящие корабли под командованием Агриппы. Антоний отступил и укрепился на мысе Акции. Но и Агриппа также не сумел овладеть островом: начавшиеся зимние бури и шторма сорвали высадку. В результате флот Октавиана вернулся в Италию, а Антоний, оставив армию на мысе Акции, уехал со своей ставкой зимовать в Патры (на полуострове Пелопоннес), оставив армию и флот в лагере на Акции. Весной 31 г. до н. э. в Патры пришла весть: Октавиан не только захватил Керкиру, разгромив при этом одну из флотилий Антония, но и сумел закрепиться на балканском побережье: он высадил здесь войска в количестве почти 75 тысяч человек, и занял местность в Эпире, именовавшуюся Торина (т.е. «мешалка»). Его войско располагалось примерно в 35 километрах от лагеря Антония. Клеопатра, смеясь, говорила: «Ничего страшного! Пусть себе сидит на мешалке!». Однако Антонию было не до смеха.

Армия Октавиана и Агриппы двинулась вперед. Ей навстречу Антоний вывел все свое войско, сняв к тому же солдат и с кораблей собственного флота. Опасаясь, что его лишенные морских пехотинцев суда станут легкой добычей Агриппы, он предпринял откровенный блеф. Антоний приказал вооружить гребцов и расставить их на палубе как бы для настоящего боя и в полной готовности. На опустевших палубах весла были закреплены в таком положении, чтобы издали казалось, что их держат гребцы, которые готовы немедленно налечь на рукоятки и ринуться в битву. В таком состоянии суда были расставлены в боевых порядках в устье залива, носами к противнику. Обман возымел действие. «Купившись» на гребцов, воинственно стоящих на палубе, Агриппа и Октавиан предпочли не рисковать и, не предпринимая атаки, отступили.

Оба войска расположились лагерями по разные стороны Амбракийского залива: Октавиан на северном берегу, Антоний — на южном. Антоний в основном бездействовал. С помощью построенных на реках и ручьях плотин Антоний затруднил снабжение армии Октавиана водой. Агриппа, в свою очередь, используя часть сил своего флота, захватил Патры, Коринф и остров Левкаду, находившийся у самого Амбракийского залива. В результате армия Антония была блокирована отчасти с суши и полностью — с моря, и подвоз продовольствия из Египта и Азии был отрезан. В лагере начинался голод и дезертирство, многие пополняли армию Октавиана и Агриппы. В который уже раз Октавиана спасала нерешительность его противников.

В конце августа 31 г. до н. э. Антоний созвал военный совет. Убедившись, что флот ни в чем не имеет успеха и представляет из себя скорее обузу, чем реальную силу, Антоний все более склонялся к тому, что стоит перебороть противника на суше. Его правая рука, Канидий Красс, также склонял своего главнокомандующего к сухопутному образу ведения войны. Он призывал его отослать Клеопатру назад в Египет, сжечь оставшийся флот, от которого и так мало толку, и двигаться вглубь Балкан — во Фракию или Македонию (к войскам царя гетов, обещавшего помочь), где и дать сухопутное сражение, которое должно решить исход дела. На море Антоний явно уступал противнику, на суше же и сейчас имел превосходство — у него было не менее 100 тысяч солдат против 75 тысяч войск Октавиана. Полководческие таланты Антония были общеизвестны, а войска еще не успели разложиться и проявляли все еще вполне приличное состояние духа. Будет глупо,

сказал Канидий, распределить это войско по кораблям и потратить его впустую.

Однако верх на совете взяло мнение Клеопатры. Именно она настояла, чтобы исход войны решился битвой на море. Потеряв флот и пусть даже одержав победу на суше, Антоний потеряет всякую возможность как переправиться в Италию, так и уйти в Египет. Плутарх полагал, что царица заботилась прежде всего о собственном спасении — высматривала себе дорогу для бегства, думая лишь о том, что именно таким способом легче всего сможет ускользнуть в случае поражения. Кто знает теперь — быть может, все именно так и было на самом деле. Спросить у самой Клеопатры уже не удастся. Однако зададим себе вопрос — разве она была не права? Традиционное мнение римских историков, пронизанное взглядами официальной пропаганды победителей, не должно смущать непредвзятого аналитика: шансы на море у Антония были слабы, но утратив флот, он терял и последние из них. А Клеопатра, несомненно, была кем угодно, но не взбалмошной и безмозглой дамой. Уровню ее стратегического мышления, как мы знаем на примере всей ее яркой жизни, могли позавидовать многие государственные деятели не только эпохи античности. Видимо, Антоний продолжал это понимать: он полностью согласился с ней, решил дать сражение на море и, в случае успеха, прорвать блокаду.

За несколько дней до сражения армия и флот Антония чуть не оказались обезглавленными. Лагерь сообщался с якорной стоянкой флота проходом, по обеим сторонам которого были легионерами отстроены длинные стены — миниатюрная копия системы Афины—Пирей. Антоний частенько хаживал к своему флоту по этой дороге, причем обычно без всякой охраны, в сопровождении одного-двух человек. Раб-перебежчик сообщил об этом Октавиану, и тот устроил засаду. Однако дело сорвалось, поскольку солдаты слишком рано выскочили из засады у стены, и захватили лишь охранника Антония, шедшего впереди, сам же главнокомандующий спасся бегством.

Но битва приближалась неумолимо — впереди была осень, а за ней шла зима. В отличие от Агриппы с Октавианом ждать Антонию было нечего.

Приняв решение дать морской бой, Антоний распорядился сжечь все египетские суда, оставив только 60 наиболее крепких и качественных из них. Часть из его тяжелых кораблей также не участвовала в сражении — Антоний провел отбор и выбрал самые большие или наиболее прочные. Именно их он укомплектовал гребцами и моряками по полному штату. В результате флот насчитывал 360 кораблей, почти исключительно тяжелых классов. Учитывая, что у Октавиана по-прежнему оставались его 260 кораблей, а они были в основном легкими, можно смело утверждать, что суммарное водоизмещение Антониева флота было минимум в три раза больше, чем у его противника. На кораблях было размещено в общей сложности 20 тысяч легионеров и две тысячи лучников. Один из его старых боевых командиров, префект когорты, весь покрытый шрамами от бесчисленных сражений под началом Антония, встретившись со своим командующим, заплакал и сказал: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!» Антоний, ничего не сказав, лишь жестом и взглядом призвал ветерана мужаться. Похоже, он сам сомневался в успехе мероприятия. Капитаны собирались оставить пару-

са на берегу, однако Антоний приказал погрузить их на корабли — чтобы можно было, дескать, преследовать бегущего неприятеля.

Однако сражение откладывалось: четыре дня сильный ветер, и бурные волны не давали начать битву; только наутро пятого дня наступил штиль, и море сделалось ровным, как зеркало. Антоний вместе с Геллием Попликолой возглавил правое крыло своего флота, где стояли три эскадры; Целий и Геллий Соссий командовали двумя эскадрами левого крыла. Марк Октавий и Марк Инстей возглавляли центр строя. Шестьдесят оставшихся египетских кораблей Клеопатры находились в резерве позади боевых порядков флота Антония.

Октавиан также разделил свой флот на три отряда: правое крыло он возглавил сам вместе с Марком Лурием, центром предводительствовал Луций Аррунций, а левым доверили командовать Агриппе. Впрочем, он же осуществлял и общее руководство флотом.

Канидий Красс и командовавший армией в отсутствие императора Октавиана Тит Статилий Тавр выстроили свои войска на противоположных берегах залива. Воины на берегу отлично понимали напряженность момента: они знали, что здесь, на их глазах, в море, решается судьба войны.

Утром 2 сентября 31 г. до н.э. в устье Амбракийского залива, на западном побережье Греции, напротив мыса Акций, в бою сошлись два римских флота.

Оба главнокомандующих осмотрели свои флоты. Причем Антоний, объезжая на лодке свои корабли, призывал воинов сражаться уверенно, как если бы они находились на суше. Он указывал подчиненным, что следует полагаться на большую тяжесть собственных кораблей, а кормчим приказывал, принимая таранные удары судов противника, стойко удерживать свои корабли на месте, как если бы они стояли на якорях, а также остерегаться сильного течения в устье залива. Антоний планировал перегородить залив полностью, выстроив флот в линию и уперев фланги в его берега. Массивные корабли должны были исключить как прорыв вражеских либурн сквозь строй, так и обход с флангов. Судя по всему, никаких активных действий Антоний предпринимать без нужды сам не собирался.

Октавиан, поутру обходной дорогой направившись к флоту, встретил погонщика ослов, который, узнав императора, ободрил его, ответив на вопрос, как его зовут: «Эвтих-Счастливцев, а моего осла — Никон-Победитель». На своей флагманской триере Октавиан обошел строй и осмотрел его. Добравшись до своего правого крыла, он рассмотрел флот противника. Октавиан был поражен, насколько недвижимо стоят враги — казалось, они отдали якоря. Он удерживал свои корабли на расстоянии восьми стадий (около полутора километров) от противника в течение нескольких часов. Целью Агриппы было, напротив, всеми силами постараться «вытащить» врага из залива в открытое море.

Около полудня подул ветер с моря, и кормчие Антония на левом фланге, фактически нарушив приказ, привели в движение левое крыло. Надеясь на высоту, громадные размеры и неуязвимость своих кораблей, они начали выдвигаться из залива. Заметив это, обрадованный Октавиан приказал своему крылу дать задний ход, стремясь еще дальше выманить сдвинувшегося с места противника в море и по возможности оторвать его крыло от общего строя, после чего окружить его своими отлично снаряженными судами, превосходившими противника как в скорости, так и в маневренности — на тяжелых судах Антония все еще не доставало гребцов.

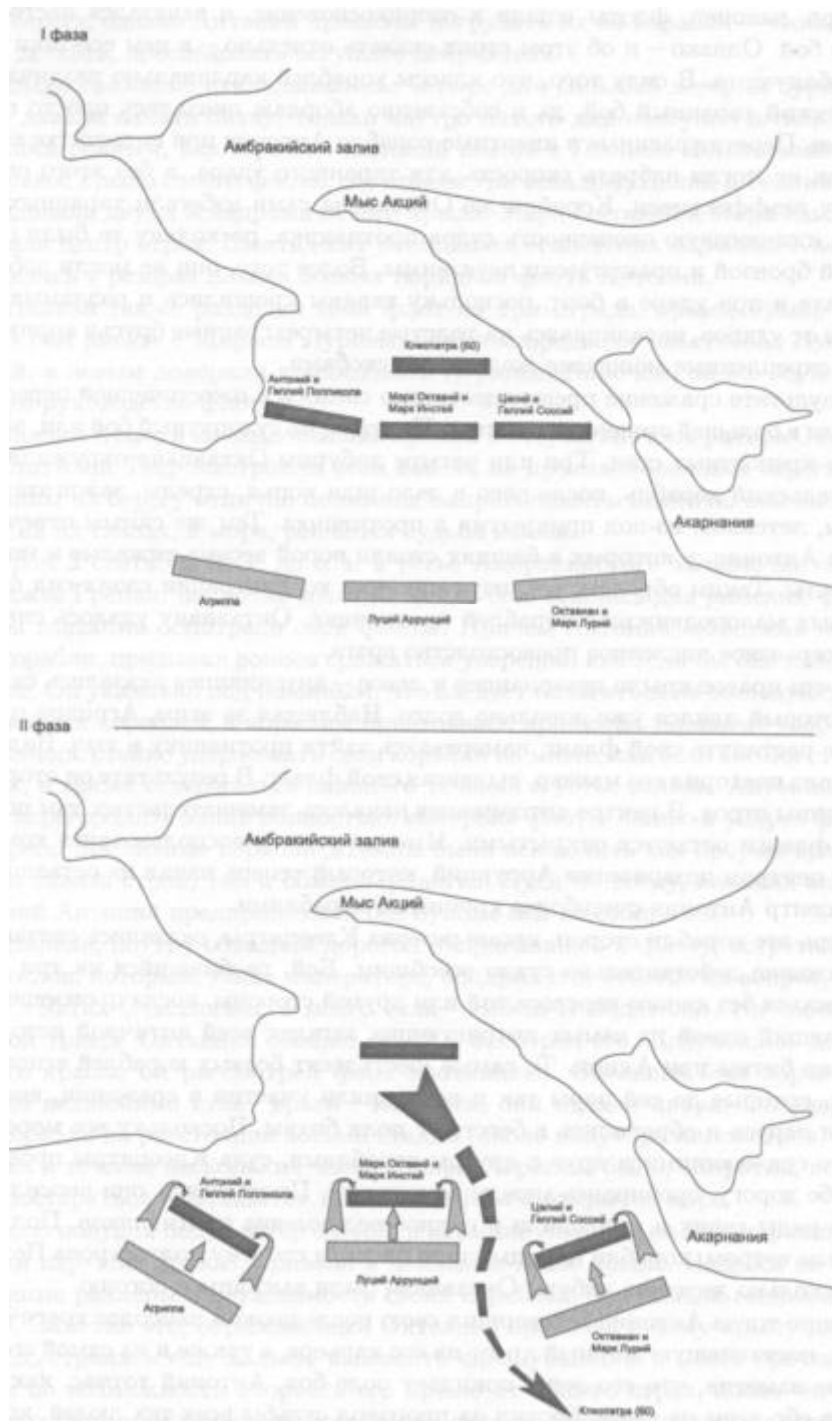
Теперь, наконец, флоты вошли в соприкосновение, и завязался настоящий морской бой. Однако — и об этом стоит сказать отдельно — в нем все-таки была своя особая черта. В силу того, что классы кораблей кардинально различались, классический таранный бой, да и собственно абсордаж оказались просто невозможными. Перетяжеленные и инертные корабли Антония при недостатке команды никак не могли набрать скорость для таранного удара, а без этого он был попросту неэффективен. Корабли же Октавиана сами избегали таранных атак в скулы или носовую оконечность судов противника, поскольку те были обиты листовой бронзой и практически неуязвимы. Более того, они не могли добиться результата и при ударе в борт, поскольку тараны крошились и разламывались на куски от ударов, наталкиваясь на толстые четырехгранные брусья корпусного набора, скрепленные мощными железными скобами.

В результате сражение преимущественно свелось к ожесточенной перестрелке, походя в большей степени, как пишет Плутарх, на сухопутный бой или, вернее, на бой у крепостных стен. Три или четыре либуры Октавиана окружали один неприятельский корабль, после чего в дело шли копья, стрелы, зажигательные снаряды, летевшие из-под прикрытия в противника. Тем же самым отвечали и корабли Антония, у которых в башнях стояли порой весьма тяжелые и мощные катапульты. Таким образом, реализуя принцип концентрации своих сил против отдельных малоподвижных кораблей противника, Октавиану удалось снивелировать серьезное численное превосходство врага.

Так что правое крыло цезарианцев и левое — антонианцев оказались связаны боем, который длился уже довольно долго. Наблюдая за этим, Агриппа принял решение растянуть свой фланг, намереваясь зайти противнику в тыл. Видя это, Попликола повторил его маневр, выдвигая свой фланг. В результате он оторвался от середины строя. В центре антонианцев началось замешательство: там поняли, что их фланги остаются открытыми. Именно этим и воспользовался командовавший центром цезарианцев Аррунций, который теперь напал на оставшийся в заливе центр Антония с наиболее крупными кораблями.

Теперь все корабли сторон, кроме резерва Клеопатры, оказались связаны боем. Сражение действительно стало всеобщим. Бой, разбившийся на три очага, продолжался без явного перевеса той или другой стороны, когда произошел случай, ставший одной из самых интригующих загадок всей античной истории, а не только битвы при Акции. Те самые шестьдесят боевых кораблей египетской царицы, которые до сей поры так и не приняли участия в сражении, внезапно подняли паруса и обратились в бегство с поля битвы. Поскольку все море было покрыто сражающимися друг с другом кораблями, суда Клеопатры прокладывали себе дорогу, пробираясь между воюющими. Прорываясь, они вносили смятение в ряды своих и приводили в полное недоумение противников. Пользуясь попутным ветром, корабли царицы ушли на юг, в сторону полуострова Пелопоннес. Несколько десятков либурн Октавиана были посланы в погоню.

Именно тогда Антоний и совершил свою последнюю и наиболее трагическую ошибку, поставившую жирный крест на его карьере, а также и на самой его жизни. Едва заметив, что его жена покидает поле боя, Антоний тотчас, как будто позабыв обо всем на свете, бросил на произвол судьбы всех тех людей, которые сражались и умирали за него или, по крайней мере, за его дело — что в те времена было практически одно и то же. В сопровождении всего двух человек — сирий-

Сражение при мысе Акции 31 г. до н.э.

ца Алекса и своего приближенного Сцеллия — он перешел на пентеру, бывшую одним из самых быстроходных кораблей его флота, и бросился вслед за своей возлюбленной.

Где-то во время этого бегства с Антонием произошла серьезная психологическая перемена, и он сломался окончательно. Догнав флагман Клеопатры «Антониаду», он поравнялся с ней. Клеопатра, узнавшая Антония, приказала поднять соответствующий сигнал на своем корабле и, когда пентера приблизилась к борту «Антониады», Антония приняли на борт. Однако он пребывал в полностью невменяемом состоянии — он не видел Клеопатры и сам не желал показаться ей на глаза. В полном одиночестве Антоний молча сидел на носу корабля, обхватив голову руками.

Наконец либурны Октавиана, посланные в погоню, настигли флот Клеопатры. Антоний, увидев противника, очнулся и, более того, принял командование судном на себя, развернув его и двинувшись в атаку, чем отогнал все суда преследователей, кроме одного. Им командовал некий спартанец Эврикл, сын Лахара, обвиненного Антонием в морском разбое и обезглавленного за это. Вставший во весь рост на носу корабля Клеопатры Антоний спросил, кто это так упорно за ним гонится? Потрясая копьем и целясь в Антония, Эврикл ответил, однако в Антония попасть ему так и не удалось — то ли в силу быстроты хода корабля Клеопатры, то ли еще почему-либо. Эврикл, вместо атаки «Антониады», напал на еще один флагманский корабль Клеопатры (их было два) и протаранил его, сбив рулевое весло и лишив управления. Он захватил впоследствии еще одно судно царицы с драгоценной столовой посудой. Едва лишь Эврикл отстал, Антоний опять впал в прострацию и просидел так на носу корабля в течение трех суток, пока судно не пристало у Тенара в Пелопоннесе. Только здесь рабыни Клеопатры настояли, чтобы Антоний встретился с царицей, а затем убедили их разделить и стол, и постель.

После бегства Клеопатры, а затем и Антония, битва продолжалась еще несколько часов. Ветер свежел, и волны, становившиеся все выше, наносили серьезные повреждения кораблям антонианцев. Цезарианцы во время боя кричали своим противникам, что командующий бросил их, а Октавиан сам провозгласил, что готов простить и помиловать своих противников. Своими глазами бегство Антония видели немногие, и решительно никто не мог поверить, что он мог бросить свои девятнадцать нетронутых легионов и двенадцать тысяч всадников. Все знали его как испытанного и стойкого солдата, который, пережив всякие превратности воинской судьбы, вряд ли мог поддаться настроению момента. И все же, примерно после четырех часов боя, их флот, наконец, прекратил борьбу.

Точно так же и войска на берегу в течение семи дней не покидали своего лагеря: они все надеялись, что их полководец вернется, и отвергали любые предложения Октавиана о сдаче.

Результаты битвы были вполне однозначны: полный разгром Антония, однако сражение оказалось на удивление «бескровным». В этом сражении с обеих сторон погибло не более пяти тысяч человек, практически весь флот Антония был захвачен — в руки Агриппы и Октавиана попало триста боевых кораблей.

К Антонию в Тенару тем временем постепенно собирались транспортные корабли и съезжались уцелевшие в сражении друзья и соратники — по их словам, весь военный флот погиб, но армия еще держалась, и надежда еще была. Антоний

отправил к Канидию гонца с приказом немедленно отступить через Македонию в Малую Азию. Сам же, раздав друзьям полный корабль драгоценностей и золотой и серебряной утвари из царских кладовых, велел им спасаться, кто как сможет, а сам отплыл с Клеопатрой в Египет. Канидий не дождался гонца — в один из дней он скрылся из лагеря, после чего легионеры сдались Октавиану.

В Египте, отрезанный даже от информации о своем сдавшемся войске и преданный своими командирами, Антоний, наконец, вынужден был уехать в Александрию, где неугомонный ум Клеопатры затеял еще одно по-своему гениальное мероприятие. Царица собиралась, взяв с собой ценности и войска, перетаскать корабли флота из Средиземного моря в Красное — примерно на месте нынешнего Суэцкого канала, а затем уйти на них в Персидский залив и искать пристанища на новой родине, в заморских землях. Однако эта задумка не удалась: арабы сожгли первые суда из перетаскиваемых волоком, а Антоний все еще надеялся на свое давно уже несуществующее войско в Македонии.

Конец известен. Вначале Антоний уединился на молу, вдававшемся в море, и не хотел никого видеть. Когда же к нему прибыл сам Канидий и рассказал о том, что произошло с войском, Антоний преобразился. Как будто радуясь тому, что конец близок, он с Клеопатрой в ее дворце начал увеселять весь город пирами, вином и денежными раздачами. Через 11 месяцев, 1 августа 30 г. до н.э., в Александрийскую гавань вошел флот Октавиана. Последние солдаты и моряки Антония перешли на его сторону и сдали остатки флота. В результате Антоний, а затем и Клеопатра покончили с собой.

Октавиан достиг того, о чем, вероятно, только в самых смелых мечтах думал еще несколько лет назад — он остался один. Десятилетия кровопролитных гражданских войн завершились. Республика превратилась в Империю, а в Средиземноморье впервые в истории воцарился мир — все оно стало территорией одного государства, которое до безумия радо было — в лице едва ли не каждого из его жителей — испытать на себе давно забытое ощущение мира. Эллинистический мир прекратил существование — даже то, что не вошло в состав Империи, испытывало ее абсолютное влияние. Наступила эра Великого Рима.

Многие пытались объяснить алогичное и немотивированное поведение и Клеопатры, и Антония, приведшее к такому исходу. Все теории сводятся к придумыванию фактов, которые отсутствуют в источниках. Одни говорили, что правое крыло антонианцев не смогло отойти в залив, хотя и стремилось это сделать, — за ними стояли корабли Клеопатры. Тогда корабли крыла сдались, а Клеопатра, увидев это, решила прорваться и спасти хотя бы свои корабли. Еще более фантастично мнение, что Антоний и царица изначально собирались бросить армию (вспомним погруженные на суда мачты и паруса), но сбежать смогла лишь часть флота (?), остальные суда из-за штиля отеснили обратно, где они и сдались (это через два-три часа ожесточенного сопротивления?). На фоне подобных «идей» версия античной историографии о помутнении рассудка из-за любви и вмешательстве злого рока, честное слово, выглядит гораздо убедительнее.

Если же говорить серьезно, то единственный вопрос, который действительно возникает — могла ли битва закончиться иначе? Иными словами, был ли шанс у Антония? Флот Агриппы—Октавиана владел и стратегической, и тактической инициативой. Суда Антония, даже укомплектованные по штату, не могли сравниться с его судами ни в скорости, ни в маневренности. И здесь, безусловно, не

имело значения, в узкости шел бой, или в открытом море — огромная парусность надводного борта и волнение в открытом море еще больше усложнили бы морякам Антония жизнь. Вот прижав противника к берегу, к камням... Да кто же им позволил бы это сделать, спрашивается? Так что вопрос о маневрировании и маневренном бое в частности решается вполне однозначно.

Остается самый сильный аргумент флота Антония — огневая мощь. Несомненно, по «суммарному залпу» они превосходили противника примерно так же, как и по водоизмещению — сиречь минимум втрое. Однако крайне симптоматично, что количество плененных судов было практически идентично количеству участвующих в битве. То есть ни один из кораблей Антония не сожгли. Это, в принципе, неудивительно. Но из источников не следует и того, что флот цезарианцев понес хоть сколько-нибудь ощутимые потери в корабельном составе. Так что массированный обстрел наносил урон живой силе, но не кораблям. Вероятно, средства пожаротушения, системы защиты — вроде разного рода мокрых навесов из досок и кожи, ненатянутой ткани и т. д. — достигли уже такого совершенства, что надежно защищали корабли и той, и другой стороны. К тому же была еще и маневренность — меткость при стрельбе по движущейся цели снижалась, а когда атаквали с трех или четырех сторон...

Иными словами, подводя итог, надо отметить, что с тактической точки зрения цезарианцы победили в самом начале — бой пошел по их схеме, антонианцев вытащили из залива в море и связали боем. Сражение на измор, теоретически, могло продолжаться очень долго: недостатки одной из сторон в чем-либо компенсировались достоинствами в чем-то другом. Так что флот Антония мог держаться и дольше, но подвижность флота Октавиана обязательно доконала бы его — не в этот день, так на следующий. Более важно было то, что Антоний уже проигрывал общую стратегическую инициативу во всей войне. И, наконец, за ним стояла отжившая традиция. Отживший образ эллинистического владыки, который прочно утвердился за Антонием, был еще как-то понятен на Востоке, но не лез — в прямом и переносном смысле — ни в какие из ворот Вечного города. В то же время расчетливый и хладнокровный Октавиан, вполне откровенно демонстрировавший свои ультрамонархические замашки и желания, отчетливо увязывал их с идеями старой римской республиканской демократии — он, во всяком случае, был римлянам понятнее. Да и с чисто исторической точки зрения за ним было будущее: новая фаза формации в Древнем Риме была неизбежна. Антоний проиграл, только задумав эту войну, а скорее всего, еще много лет назад, ввязавшись в борьбу за власть.

Вместе с ним ушла в прошлое и эра «гонки вооружений» в области морских вооружений. Гнаться стало не за кем. Враги были несопоставимы по силам: как если бы страна, располагающая авианесущим флотом, осталась в мире, где все остальные располагают в лучшем случае тральщиками и патрульными катерами. Наступала эра «москитного флота».

ГЛАВА VIII « MARE NOSTRUM » И НЕ ТОЛЬКО ОНО. ФЛОТ В ИМПЕРИИ И НА ЕЕ РАЗВАЛИНАХ

In extremis
(В последний момент)

Новая политическая и геостратегическая ситуация в Средиземном море — Структура и дислокация сил флота в ранний императорский период — Боевые операции на германском театре — Завоевание Британии — Оркнейские острова, Мона — Ирландский и Каледонский походы — «Угон» германцами трех либурн — Парфянский инцидент — Мизенский шторм, сумасбродство Нерона и попытка «морского путча» — Флот в гражданской войне 60-х годов — Борьба претендентов за влияние во флоте — Морской мятеж: Аникета в Колхиде — Батавский эпизод — Действия на рукавах Рейна и в проливе Ла-Мани — Германцы и их традиции судостроения — Создание Мёзийской эскадры — Действия римлян в Черном море — Таврское пиратство — Боспорский флот — Порты Северного Причерноморья и Крыма в частности — Экспедиция Авла Дидия Галла и гибель кораблей на обратном пути — Поход Тиберия Плавтия Сильвана — Харакс — Роль флота в Империи и обстановка на морях в период принципата — Речные флотилии — Возрастание значения Византии и выход римлян в Красное море, Персидский залив и Индийский океан — Кризис III века и «незаметное» падение речной границы Империи — Готы вторгаются в Понт и выходят в Средиземное море — Морские походы готов — Борьба с ними римлян — Разгром под Наиссой — Мятеж Караузия — Экспедиция Асклепиодата — Саксонское пиратство — Уход римлян из Атлантики — Противостояние Лициния и Константина — Форпост Востока, Константинополь — О роли флота в последние годы Империи.

Установление режима принципата, обычно отождествляемого с первым имперским периодом истории Древнего Рима, принесло определенные изменения и в сферу строительства и использования военно-морского флота. Создание империи не означало автоматического прекращения внутренних конфликтов — дело в том, что этому прекращению способствовала конкретная историческая обстановка. Римская Империя оформилась в годы Октавиана Августа, а ситуация этого периода характеризовалась явно положительными тенденциями. Истерзанные почти столетием гражданских войн и гигантская держава, и сам город Рим нуждались в передышке. Основная масса политически активной знати сгинула в водовороте междоусобиц. Оставшиеся готовы были предпочесть стабильное единовластие ужасам республиканской борьбы за доминирование. Почти полумиллионный римский народ — в значительной своей массе пролетариат — вполне устраивал любой правитель, обеспечивавший ежедневные раздачи лепешек и гладиаторские бои.

Как бы то ни было, стабильность наступила. Ее не смогут поколебать ни бесчинства императоров-сумасбродов I в. н.э., ни чехарда власти последующего времени. Лишь исчерпание нескончаемого потока рабов на рынки Империи и нашествия варваров сметут с лица земли это величайшее государство Древнего Мира. Империя наконец полностью замкнула кольцо вокруг Средиземного моря и практически полностью контролировала берега Понта Эвксинского. Все акватории античного мира оказались в итоге собраны под одним скипетром. Последние правители, имевшие претензии на власть на прибрежных территориях,

упокоились могилах. До ближайших вторжений варваров, колеблющих устои государства и связанных с морскими нашествиями, было еще далеко — добрых два с половиной столетия. С пиратами было давно покончено. Не то чтобы исчезли социальные предпосылки этого явления — ему просто негде было угнездиться. Все побережье просматривалось бдительным оком римских прокураторов и их администрации.

Теоретически, конечно, группа людей криминального толка или недовольных могла обосноваться в каком-нибудь заливе и некоторое время на одном-двух кораблях тиранить проходящие купеческие суда и караваны, однако развязка всегда бывала скорой и неминуемой. Для ликвидации такой угрозы вполне достаточно было единственного патрульного судна с грамотным и хорошо обученным экипажем и сытыми, натренированными солдатами на борту, каковые суда нетрудно было отыскать в любом приличном торговом порту — или, наконец, построить за несколько дней. Патрульная служба, конечно, не нашла должного отражения в письменных источниках эпохи Империи, однако нет ни малейших сомнений, что она была качественно организована, а ее возможности значительно превышали опасности, против которых она и создавалась.

Таким образом, эпоха расцвета морского флота римлян осталась позади. Так не только казалось — так оно и было на самом деле. Враги были разгромлены, и Империи оставалось бдительно хранить то, что ей оставили в наследство предшествующие поколения. А когда придет нужда обороняться, эта оборона уже никогда не будет иметь решающего значения на море — все неудачи постигнут римлян на суше, и только на ней. От момента выхода Рима на арену мировой истории в Пунических войнах и до самого его заката график развития и значения торгового и военного флотов будет почти симметричен: сколь прогрессивно будет вздыматься линия первого, столь же прогрессивно нисходить — линия второго.

Однако военный флот в Империи не исчез. Более того, ему еще будет суждено вписать в свою историю несколько достаточно ярких страниц — как героических, так и трагических. Флот, который содержали императоры, в определенном смысле действительно не вполне соответствовал их величию, однако Август, несомненно, исходил из принципа разумной достаточности. Римляне, оставаясь сухопутным народом, никогда не стремились к господству над чем-либо, кроме своих внутренних морей. Желание исследовать Атлантику всегда ограничивалось у них стремлением контролировать прибрежную полосу океана — и не более того. К тому же и противников там уже не осталось, поэтому защищать торговое мореходство вдоль западных границ Империи пока что не требовалось. Для римлян океан, пожалуй, был скорее предметом ужаса, чем любопытства.

Политика власти во внутренних морях была ориентирована всецело на поддержание торговли подданных Империи. Уже в эпоху Октавиана Августа была определена структура имперского флота позднейших веков. Постоянных мест дислокации у него было два: Равенна на Адриатике и Мизены в Неаполитанском заливе. Соответственно дислокации эти эскадры именовались Равеннским и Мизенским флотами. Первому вменялось в обязанность господствовать над Восточным Средиземноморьем и поддерживать в нем порядок, второму — выполнять аналогичные задачи в Западном Средиземноморье. К каждому из флотов прикомандировывался отряд кадровых моряков численностью в несколько тысяч человек.

Кроме двух главных баз были и второстепенные. В частности, отряд кораблей базировался в Нарбоннской Галлии. Изначально это были таранные суда, захваченные в битве при Акции и посланные Октавианом Августом с должным числом гребцов в Форум Юлия (современный Фрежюс) близ Массилии. В дальнейшем, по мере обветшания, суда заменялись новыми. Эта база предназначалась для обеспечения контроля над галльским побережьем и Испанией, но уже через несколько десятилетий она захирела и пришла в упадок, а ее функции были возложены на Мизенский флот.

Отдельная небольшая эскадра занималась охраной переправы через Ла-Манш и Па-де-Кале, обеспечивая безопасность сообщения в этом регионе и связь с Британией. Впрочем, особое значение эта так называемая Гезориякская эскадра приобрела лишь в III столетии н. э.

Численность флотов, естественно, колебалась в зависимости от обстоятельств, финансового состояния государства и личности правителя. Основные флоты в мирное время, несомненно, вряд ли превышали отметку в 100-150 кораблей каждый, а обычно бывало и меньше. Точно известно, что в I в. н. э. еще одна эскадра, которая охраняла Черное море, насчитывала по штатному расписанию сорок кораблей и три тысячи прикомандированных к ней легионеров. Кроме того, довольно значительное число кораблей постоянно базировалось в укрепленных пунктах на Рейне и Дунае. Эти флотилии осуществляли постоянное патрулирование двух великих рек, демонстрируя силу, отслеживая перемещения германских варваров и препятствуя их попыткам переправиться через реки.

С эпохи Августа начинается эра либурн. Эти великолепные быстроходные суда, равно пригодные для всех основных нужд флота — от ведения абордажного боя и посыльной службы до транспортировки войск и припасов, оказались универсальным решением. Именно из них в основном и состояли флоты римлян в эту эпоху. Время тяжеловесных многоярусных кораблей окончательно ушло в прошлое. Они строились и использовались, но весьма ограниченно, явно не составляя уже костяка флота.

Уже в первых десятилетиях новой эры выяснилось, что флот может играть исключительную роль в боевых действиях на германском фронте. Как известно, этот период знаменовался примерным равенством сил римлян и северных варваров и еще продолжавшимися попытками римлян покорить внутреннюю Германию и надежно утвердиться за Рейном. Поэтому войны на границе были ожесточенными. В царствование Тиберия его племянник Германик вел тяжелые войны в Северной Галлии. Именно здесь выяснилось, что в местных ландшафтных условиях легионеры больше страдают от дальних переходов по бездорожью и грязи, чем от оружия противника. Использование флота становилось оправданным для быстрой переброски легионов как вдоль морского побережья — в тыл прибрежным армиям германцев, так и по Рейну — для фронтального маневра. Как пишет Тацит, «если отправиться морем, то римлян оно не страшит, тогда как врагам совершенно неведомо; в этом случае можно раньше начинать военные действия и одновременно с легионами перевозить необходимое им продовольствие; всадники и лошади, переправленные по устьям и течениям рек, придут свежими в самое сердце Германии». Примечательно, что германцы еще довольно долго не будут расцениваться римлянами как реальный противник на море.

Кораблестроительные программы, осуществлявшиеся непосредственно в Се-

верной Галлии, поражают воображение своей масштабностью. В частности, в 16 г., во время боевых действий против племен хаттов и херусков, Германик поручил легатам Силию, Антею и Цецине организовать постройку транспортного флота численностью в тысячу судов. В течение нескольких недель это мероприятие было завершено. Детальное описание этого флота, включавшего корабли различных типов, столь примечательно, что его стоит привести целиком. Итак, суда были «одни короткие, с тупым носом и такой же кормой, но широкие посредине, чтобы лучше переносить волнение на море, другие — плоскодонные, чтобы могли без повреждения садиться на мели; у большинства кормила были прилажены и сзади, и спереди, чтобы, гребя то вперед, то назад, можно было причалить, где понадобится; многие суда с насланными палубами для перевозки метательных машин были вместе с тем пригодны и для того, чтобы перевозить на них лошадей или продовольствие; приспособленные для плавания под парусами и быстроходные на веслах, эти суда, несшие на себе умелых и опытных воинов, могли устрашить уже одним своим видом». Этот флот блестяще справился с задачей, перебросив войско Германика в тыл к противнику, в устье реки Амизии (современный Эмс).

Не менее впечатляющими, хотя и трагическими, стали и дальнейшие события, связанные с этим флотом. Одержав в итоге блестящую победу, Германик решил вернуть войско обратно в Галлию тем же способом, лишь некоторые подразделения отправив в зимние лагеря по суше. Солдат, лошадей и амуницию погрузили на суда, которые через устье Амизии вышли в океан. Стояла вторая половина лета, и в момент выхода в море погода была отличной. Морская гладь тревожилась только мерными всплесками весел и кильватерными следами транспортников. Никто и не предполагал беды. Внезапно из налетевших туч посыпался град. Начался настоящий шторм, видимость упала до минимума.

На кораблях началась паника. Хотя до берега, казалось, было совсем рукой подать, моряки, не имевшие длительного опыта, чувствовали себя не вполне уверенно. О солдатах, второй раз в жизни стоявших на качающейся палубе, и говорить нечего. Часть из них в ужасе лишь мешала морякам, другие, пытаясь помочь, только усугубляли своим неумением общее положение. К тому же поднялся сильнейший встречный ветер с юга, который понес корабли обратно на север, разметав их по открытому морю и неся к островам с отмелями и скалами. С колоссальным трудом удалось отойти от этих островов, однако тут пришла новая напасть — начался отлив. Он потащил корабли обратно к островам. Можно только догадываться, как чувствовали себя римляне в этот момент — посреди неведомого моря, вблизи берега, населенного врагами, от которых не приходилось ждать пощады. Шторм, тем временем, и не думал утихать. Из заливаемых кораблей вычерпывали воду, а потом за борт стали выбрасывать лошадей, выючный скот и даже собственное оружие.

Часть кораблей утонула, большинство буря все-таки унесла к островам, где некоторым удалось найти укрытие и дожидаться ясной погоды. Однако множество кораблей оказалось разбито на скалах, и спасшиеся на островках римляне оказались в печальном положении. Острова были необитаемы и вполне пустынные. К некоторым прибывало трупы лошадей, так что их обитатели не умерли с голоду, чего нельзя сказать об остальных солдатах и моряках, которым такая удача не улыбнулась. Трирема самого Германика оказалась прибитой к материку

в земле племени хавков. Спасшись, он находился в крайне подавленном состоянии и бродил по берегу, обвиняя себя в неудаче и гибели людей. Вскоре, однако, уцелевшие корабли стали собираться вместе, и их команды, обнаружив своего командира, невероятно обрадовались. Корабли выглядели более чем неважно: потерявшие часть команды, битые и потрепанные, с импровизированными парусами из солдатской одежды. Наскоро починив корабли, Германик отправился собирать уцелевших воинов, обходя острова. Нашли, надо сказать, многих. Большое количество солдат и матросов попало на континент или в Британию, где их либо отыскивали, либо выкупили.

В 18 г. Германик предпринял своего рода демонстрационный выезд с флотом в восточные провинции Империи. Вместе с семьей и несколькими десятками кораблей он обошел в течение нескольких месяцев все ключевые места Восточного Средиземноморья, гостя в городах и на островах, решая местные проблемы и демонстрируя величие римского флота и самого Вечного города. Позднее он совершил аналогичную поездку в Египет.

Судя по всему, к этому времени распространилась практика иметь в приморских городах как одиночные корабли, так и небольшие их отряды для организации сопровождения плававших по прилегающим акваториям — гонцов, торговцев и просто знатных путешественников. В 24 г. бывший воин преторианской когорты Тит Куртизий в Брундизии и его окрестностях поднял настоящее восстание рабов. Ситуация грозила выйти из под контроля, однако в город внезапно прибыли три биремы, составлявшие подобный конвой. Местный квестор, построив буквально свалившихся с неба в его руки моряков, повел их в бой, подавив в зародыше это выступление и, вполне возможно, спас Италию от нового Спартака.

Исключительно благодаря наличию флота и его грамотному использованию в 40-х годах римляне приступили под руководством тогда еще находившегося в ранге легата Веспасиана к завоеванию Британии, которая была окончательно покорена в 83 г. Юлием Агриколой. Этот последний был наместником в Британии в 77-85 гг. и к тому же еще и тестем выдающегося историка Публия Корнелия Тацита. Вообще борьба за Британию изобиловала не только транспортными операциями, но и высадками десантов; случались и нападения местных племен на римские корабли у берега или на стоянке, в частности Агрикола широко применял флот для заброски десантов в тыл племенам, с которыми велись боевые действия. Однако античные авторы, как правило, не придавали значения подробностям этих операций, предпочитая рассматривать политические ходы и сухопутные сражения. Даже Тацит, несомненно, многократно слышавший от своего тестя рассказы о битвах за Британию и весьма подробно описавший их, становится предельно скуп на подробности, коль скоро речь заходит о боевой службе флота.

Судя по сообщениям Тацита, римский флот первым из всех флотов и кораблей Средиземноморья обогнул Британию, доказав, что она является островом. В те же годы — в середине и второй половине I в. н. э. — римляне открыли и покорили Оркнейские острова. Возможно, что отдельные корабли или подразделения достигали и Скандинавии, но данные об этом достаточно глухи, и комментировать их следует с изрядной долей осторожности. Во всяком случае, Скандинавия

в те годы никак не входила в сферу интересов римлян, а позднее им было уже не до нее.

В 61 г. римский наместник в Британии Светоний Паулин решил захватить остров Мона (современный Энглси) — густонаселенный и служивший базой для перебежчиков и ирландских кельтов, нападавших на римскую Британию. Он построил флот из плоскодонных кораблей, пригодных для плавания по мелководью. На нем он перевез пехоту, в то время как всадники либо ехали верхом по мелководью, либо плыли, держась за гривы коней. Однако зрелище противника, судя по описанию Тацита, было явно не для слабонервных: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары». Однако вскоре римляне оправились и разгромили кельтов, вырубив их священную рощу и разместив на острове гарнизон.

Что касается попытки вторжения на более отдаленные территории Британских островов, в частности в Ирландию, то они также имели место. На пятом году своего наместничества в Британии, т.е. в 81 г., Юлий Агрикола переправился на своем флагмане во главе римского флота в Ирландию (Гибернию). До этого нога римского легионера не ступала на берега этого острова, и он, как и населявшие его племена, был известен только по рассказам купцов. Высадив десант и проведя ряд удачных сражений, Агрикола покорил побережье Ирландии, обращенное к Британии, разместив здесь гарнизоны. Однако прочно в Ирландии римляне все же не утвердились. Впоследствии Агрикола любил рассказывать своему зятю, что полностью подчинить Гибернию можно было силами одного лишь легиона и приданных ему вспомогательных войск. Этот рассказ, надо отметить, поразительно напоминает заявления одного из министров обороны России о городе Грозном и парашютно-десантном полке.

В противоположность этому Каледония (современная Шотландия), заселенная тогда еще преимущественно племенами пиктов, в значительной степени покорилась римлянам именно благодаря Агриколе и грамотному применению им флота. Когда в 82 г. он задумал операцию против каледонцев, то тщательно учел все особенности театра военных действий. Гористая, изрезанная страна представляла не слишком благодарное поприще для стяжания славы римскими легионерами. Поэтому Агрикола активно применял свои военно-морские силы. Корабли римлян осуществляли дальнюю разведку побережья, до той поры почти вовсе им неизвестного. Они искали и исследовали удобные гавани на западном побережье Каледонии и забирались все дальше. Затем на транспортных и боевых судах в эти гавани высаживались десанты. Параллельно с этим сухопутная армия двигалась все дальше на север. Это было первое массовое применение Агриколой флота в подобных целях, и, надо ему отдать должное, наместник блестяще справился с нелегкой задачей налаживания взаимодействия армии и флота. Как пишет Тацит, «это было невиданным ранее зрелищем, ибо мы вели войну одновременно на суше и на море». Каледонцев же появление римского флота повергло в уныние — они прекрасно поняли, чем закончится разведка их гаваней.

В следующем, 83 г. Агрикола вновь использовал свой маневр и выслал вперед

флот с целью уже прежде всего устрашения. Решающая битва на суше произошла близ горы Гравпий, где каледонцев разбили. Именно после этого в целях устрашения вновь покоренных племен римский флот обошел остров с севера и благополучно вернулся в свои гавани на юго-западе Британии. Война была завершена.

В ней, кстати, был еще один — весьма трагикомический — эпизод, связанный с флотом. В 82 г. когорта германцев из племени узипов, отправленная в Британию, взбунтовалась. Они убили своего центуриона и римских солдат, распределенных по манипулам в роли своего рода сержантов для обучения этих германцев. Захватив в Британии три либурны с кормчими, германцы попытались добраться домой. Однако все трое рулевых вскоре оказались убиты, и германцы оказались в сложном положении. Дорогу домой они представляли, видимо, довольно слабо, да и путь из Каледонии был неблизким. Они, как могли, управлялись со своими румпелями сами, периодически сходя на берег за припасами и водой. Однако местные кельты не всегда просто так отдавали добро, и германцам вскоре пришлось туго — настолько туго, что на угнанных либурах началось людоедство — сначала ели ослабевших, а потом уже просто по жребию. С трудом перебравшись через Пролив, германцы разбили свои корабли у берегов континента и были захвачены в плен другими германскими племенами — кто свебами, а кто фризами. Некоторых потом продали в рабство римлянам, где они смогли рассказать о своих приключениях.

В 63 г. флот был применен римлянами на самом восточном участке границы Империи, на парфянском рубеже. Выдающийся полководец Гней Домиций Корбулон, позднее убитый по приказу Нерона, усилил оборону пограничной реки Евфрата, расставленными невдалеке друг от друга сторожевыми постами. Дабы конница парфян не могла воспрепятствовать строительству моста через реку, он вывел на Евфрат огромные корабли, скрепленные попарно бревнами, с установленными на них башнями и отгонял варваров с помощью дальнобойных катапульт и баллист, метавших камни и копья.

Следующий, 64 г. был отмечен серьезным ущербом, который понес римский флот в силу одного лишь сумасбродства императора Нерона, последовавшего вскоре после знаменитого пожара Рима. Приказав флоту прибыть к определенному дню в Кампанию, Нерон и не подумал отменить распоряжение ввиду надвигавшейся бури. Флот вышел из гавани Формий и, едва обогнув Мизенский мыс, был застигнут ветром, который вынес на кумские скалы и разбил множество трирем и либурн. Отчасти и в силу этого инцидента организаторы одного из заговоров против ненавистного императора привлекли на свою сторону офицеров Мизенского флота, который часто сопровождал императора, весьма охочего до морских прогулок. Однако заговор провалился.

Неурегулированность принципов престолонаследия в Империи превращала каждую смену императоров в грань, когда государство ходило по лезвию ножа, балансируя над пропастью новой гражданской войны. Флот неизменно оказывался вовлеченным в эти события. Еще при императоре Гальбе две триремы Мизенского флота, как сообщает Тацит, были посланы на остров Цитн с заданием перехватить и уничтожить там некоего самозванца — понтийского беглого раба, выдававшего себя за Нерона.

Когда в 69 г. Гальба был убит, преторианцы провозгласили императором Ото-

на, а нижнегерманские легионы — Вителлия, что привело к откровенному насилию в самом центре страны. Поскольку одну из главных сил Отона составлял западноиталийский флот, его моряки приняли активнейшее участие в мятеже. На погруженную в мир страну — речь идет о Лигурийском побережье и берегах Приальпийской Италии — обрушились все ужасы гражданской войны. Моряки Отонова флота бесчинствовали не хуже, чем любые варвары, наводя ужас на совершенно не ожидавшее такого исхода дел мирное население.

Однако флот проявил себя не только как сборище мародеров и преступников. Когда в том же году дело дошло до настоящей войны между претендентами на место принцепса, обе стороны использовали военно-морские силы, хотя и по-разному. На берегу моря разыгралась битва, с тактической стороны весьма интересная в плане налаживания взаимодействия сил. Отоновские преторианцы выстроились на прибрежной равнине, а на холмах рядом с ней встали отряды морских пехотинцев и прашники из местного населения. Флот же в полной боевой готовности расположился вдоль берега, повернувшись к нему носами кораблей. Сторонники Вителлия, главной силой которых была не пехота, а конница, проведя атаку, позволили втянуть себя в пространство между преторианцами и берегом. Их прижали к береговой черте и уже практически разбили, когда с тыла на них обрушился флот. Часть морских пехотинцев вела массированный обстрел противника, остальные высадились на берег и бросились в атаку. В результате согласованных действий армии и флота войска противника были разбиты.

Впрочем, вителлианцы также использовали в этой краткосрочной, но кровавой войне силы флота. В частности, морская пехота под командованием Туруллия Цериала принимала участие в осаде Плаценции.

Несколько позднее сторонники Вителлия использовали свои корабли для строительства импровизированного моста через реку Падус (По). Корабли расставили на равном расстоянии друг от друга, скрепили между собой крепкими балками от носа к носу и от кормы к корме, а чтобы не снесло — укрепили якорями, удерживавшими суда носом против течения. При этом якорные канаты оставили ненатянутыми, позволив им свисать свободно: если вода прибудет, то корабли поднимутся, и мост останется невредим. Кроме того, на переднем корабле построили башню, откуда можно было с помощью машин и разного рода метательных приспособлений обстреливать противника.

На стороне отонианцев располагались отряды гладиаторов под предводительством Марция Макра. Они также возвели на своем берегу башню и осыпали с нее противника камнями и зажигательными стрелами. У отнианцев было и некоторое количество быстроходных кораблей. Посредине реки располагался небольшой островок, на который они собирались переправиться. Отряды германцев, служившие в вителлианском войске, вплавь преодолели реку и заняли этот остров — на нем скопилось множество германских воинов. Эпизод, последовавший за этим, по-своему уникален. Макр посадил своих гладиаторов на корабли и отправил на островок, приказав очистить его от противника. Когда корабли подошли к острову, выяснилось, что гладиаторы ни в какой мере не соответствуют возложенной на них задаче. Во-первых, их боевая подготовка даже для обычного пешего боя была недостаточна и не соответствовала стандартам имперской армии — как, впрочем, и стандартам германским. Во-вторых, еще хуже они умели стрелять из лука. К тому же у германцев было преимущество: они стояли на твер-

дой земле, а их противники — на качающейся палубе. В результате гладиаторы больше бегали по палубе и мешали друг другу, выбирая позицию для стрельбы. Те из них, кто должен был войти в первую десантную партию, сгрудились в носовой части кораблей и перемешались с гребцами в беспорядочную толпу. И тогда германцы, не дожидаясь высадки противника, бросились в воду и пошли к кораблям вброд. Сотни человек хватали небольшие суда за корму, рулевые и гребные весла, многие карабкались на борта. Корабли германцы тащили за собой к берегу и, повиснув на бортах, накренили так, что они черпали воду и тонули. Только несколько кораблей вернулось назад ни с чем, а гладиаторы и солдаты на берегу были настолько злы на несчастного Макра, затеявшего эту атаку, что едва не убили его.

Значительного размаха достигло использование флотов в ходе похода сподвижника Веспасиана — Муциана — против Вителлия. Это была новая фаза войны, начавшаяся после убийства Отона. В качестве одного из средств давления на противника Муциан использовал базировавшуюся на понтийские порты эскадру, с помощью которой перебрасывал войска и стремился запереть выход в Понт Эвксинский. Кстати, уход отсюда римских войск и эскадры печально отразился позднее на собственно понтийских делах — но об этом чуть дальше.

Согласно плану Муциана, крупные боевые корабли флота должны были блокировать всю Адриатику. Оба флота Империи — Равеннский и Мизенский — служили очередной разменной монетой в противостоянии врагов. Командовавший обоими флотами Луцилий Басс, возведенный Вителлием в этот ранг с должности простого префекта кавалерийского отряда, обиделся, что его не сделали одновременно префектом претория. Так что Вителлий, думая приобрести себе еще одного сподвижника, нажил врага и изменника. Учитывая, что моряки Равеннского флота набирались в основном из уроженцев Далмации и Паннонии, т. е. из провинций, которыми управлял Веспасиан, склонить их на его сторону было довольно легко. Так что флот перешел на сторону Веспасиана и выбрал себе собственного префекта Корнелия Фуска.

Этот флот активно участвовал в междоусобной войне. Патрулируя на море, он запер войска противника в Восточной Италии. Армия Вителлия оказалась в Италии в очень сложном положении. Один из его командующих — Валент — вышел с верным Вителлию флотом из гавани Пизы, пытаясь прорваться в Нарбоннскую Галлию, однако штиль, чередующийся со встречными ветрами, заставил его причалить в порту Геркулеса Монойкийского (современный Монако). Один из немногих оставшихся верными Вителлию прокуратор Марий Матур принял моряков и солдат. Соседние порты контролировались сторонниками Веспасиана. Когда вскоре и Матур решил присягнуть Веспасиану, Валент ушел со своей эскадрой к Стойхадам — островам, расположенным неподалеку от Массилии. И именно здесь его, наконец, подкараулили быстроходные либурны, посланные сюда еще раньше флотоводцами Веспасиана. В результате этого, а также почти полного господства на море кораблей, верных Веспасиану, последние очаги сопротивления понемногу угасали. Веспасиану присягнули Испания и Британия.

Сходным образом сторонники Веспасиана склонили к измене и переходу на его сторону и Мизенский флот. Центурион Клавдий Фавентин продемонстрировал морякам Мизенской эскадры подложные письма, в которых Веспасиан, якобы, обещал им награду в случае перехода на его сторону. Командующий флотом

Клавдий Аполлинарий оказался нерешительным человеком и не мог определиться со своим выбором, поэтому его сместили и назначили командовать эскадрой Апиния Тирона. Аполлинарий с оставшимися с ним незначительными силами флота, правда, принял участие в безнадежной обороне города Таррацины. Его гребцы весьма неумело обороняли ее стены, а затем Клавдий бежал из города всего с шестью либурами — остальные были либо захвачены войсками полководцев Веспасиана, либо утонули под тяжестью облепивших их и пытавшихся спастись людей.

Однако дестабилизация в Империи привела и к иным последствиям. Так, в Черном море вспыхнуло восстание некоего вольноотпущенника Аникета. Этот Аникет был когда-то рабом у последнего понтийского царя Полемона II, затем получил свободу и дослужился до командующего царским флотом. В 63 г. н. э. Понт стал римской провинцией. Огромная власть Аникета оставила по себе лишь воспоминания — достаточно сильные, однако, чтобы заставить его мечтать о revanche. И вот случай представился. Неурядицы в государстве, казалось, позволяли рассчитывать на успех.

Как сообщает Тацит, «именем Вителлия Аникет привлек на свою сторону пограничные с Понтом племена, пообещав самым бедным разрешить пограбить, и во главе большого войска внезапно ворвался в Трапезунд, славный древний город в самой отдаленной части Понтийского побережья». Стоявшая здесь римская когорта — бывший царский гарнизон — была перебита. Римские историки были невысокого мнения о его боевых качествах — тот же Тацит презрительно замечает, что, «хотя этим солдатам недавно дали римское гражданство, значки и оружие, принятые в нашей армии, они все равно остались прежними — ленивыми, распущенными греками».

Аникет и его люди, перебив гарнизон, забросали горящими факелами оставшиеся в гавани римские корабли и сожгли их дотла. В результате Аникет стал полным хозяином Черного моря. Поскольку Муциан увел отсюда лучшие либуры и всех своих солдат, море было свободно от римского флота. Понтийцы удивительно быстро построили свой флот, состоящий из так называемых «камар» — судов местного, понтийского типа, восходящих по своей конструкции к древнегреческим образцам. Само слово «камара» означало, собственно, в греческом языке сводчатую комнату или повозку с закрытым, сводчатым же верхом. Отличительной особенностью камар было своеобразное сечение корпуса. Их борта на уровне планширных досок сходились достаточно близко, а ниже достаточно интенсивно расширялись — в результате разрез корпуса напоминал поперечное сечение крупных галеонов нового времени. Эти корабли строились без единого медного или железного гвоздя — кроме шиповых соединений применялись связи из веревок и канатов. В случае бурного моря и свежей погоды по верх бортов накладывали дощатый настил, образующий своеобразную крышу, который повышал мореходность и препятствовал заливанию корабля. Важнейшей особенностью конструкции камар были симметричные оконечности носа и кормы. Одинаково заостренные, они позволяли — как и германские суда в Скандинавии — грести в обе стороны и подходить к берегу как носом, так и кормой, что повышало маневренность и делало суда достаточно универсальными.

Ощущая себя совершенно безнаказанными, вояки Аникета с наслаждением предались грабежам на самой удаленной территории, подконтрольной Риму, — в

Колхиде, на территории современной Грузии. Казалось бы, римскому императору, занятому гражданской войной и толком не утвердившемуся на престоле, не было и дела до такой мелочи, да еще в такой глуши. Но не тут то было. Мятеж Аникета насторожил Веспасиана и привлек к себе внимание. Он отобрал по легионам небольшие отряды, свел их в специальное подразделение и поставил во главе этого подразделения опытного военачальника Вирдия Гемина. Отряд был переброшен в Колхиду через Малую Азию и, отыскав занятых грабежами повстанцев, напал на них. Те бежали на корабли и отступили. Однако Гемин спешно отстроил несколько быстроходных либурн и погнался за Аникетом. В устье реки Хоб в Колхиде восставших настигли. Те чувствовали себя в безопасности, поскольку Аникет подкупил местного грузинского царька Седохеза. Гемин связался с царьком и доходчиво разъяснил ему перспективы. Их было две: или сдать Аникета, или смириться с тем, что в его страну войдут римские войска. Царь — «непостоянный, как все варвары», пишет Тацит — думал не очень долго и выбрал первое. Естественно, с восставшими церемониться не стали. Таким образом, до морских сражений дело в тот раз не дошло, но значение флота было продемонстрировано вполне очевидным образом.

Отличительной чертой новой политической ситуации стало установление достаточно отчетливой границы между Империей и германцами. Эта разграничивающая линия в значительной степени совпадала с крупнейшими европейскими реками — Рейном и Дунаем. Они были достаточно удобными рубежами обороны — когда уже в начале I в. н. э. стало ясно, что дальнейшее расширение пределов государства становится невозможным, римляне предпочли закрепиться на естественных преградах. Именно поэтому не только оправданным, но и необходимым было содержание речного флота из легких либурн: они могли сорвать попытки германцев переправиться через Рейн. Сочетание подобных попыток с неурядицами в Империи было чрезвычайно опасно и грозило серьезными последствиями.

Один из подобных эпизодов — весьма яркий и показательный — произошел во время войны с восставшими под руководством знатного батава Юлия Клавдия Цивилиса германцами в 70 г. на территории современной Голландии. Командовал римским отрядом претор Квинт Петилий Цериал, некогда бывший легатом в Британии (в 61 г.), позднее наместник Британии в 71-74 гг. Как известно, Рейн в своем нижнем течении разветвляется на несколько весьма извилистых и полноводных рукавов, носящих в настоящее время собственные названия. Оборона этой дельты представляла для римлян определенные сложности и требовала немалого полководческого искусства и стратегической прозорливости командиров. Описываемые события развернулись на берегах реки Ваал. Первые стычки разгорелись в исключительно тяжелых условиях для обеих сторон. Сойтись двум армиям мешала большая заболоченная равнина. Цивилис приказал насыпать дамбу, косо вдававшуюся в Ваал и отводившую воду на соседние поля. Поэтому первое сражение шло в виде поединков на торчавших из воды кочках или по колено в воде. Первый день закончился безрезультатно, но с меньшими потерями у римлян, на следующий день германцам везло больше: высокорослые варвары длинными копьями издали поражали римлян, сами неся незначительные потери. Однако батав-перебежчик привел римскую конницу в тыл противника, и только опоздавшие римские корабли не позволили разгромить отступившего врага окончательно.

Через несколько дней к римлянам прибыло подкрепление, но германцы разрушили одну из старых дамб, пустив Рейн по сухому до той поры руслу и подняв общий уровень воды в его рукавах. Римский флот был явно недостаточен для того, чтобы составить наплавной мост и перебросить армию на другой берег. Германцы же переправлялись через реку вплавь и вступали в сражение с римлянами. Кроме того, у германцев было большое количество небольших лодок и барок, пригодных для плавания как по реке, так и в прибрежной черте моря. В один из дней переправившихся на римский берег германцев удалось сбросить обратно в реку — сам Цивилис принужден был спасаться вплавь. Однако римский флот оказывался хронически неспособен принять участие в отражении этих атак. Цериал был слишком вспыльчивым и непоследовательным командиром, не был способен к разумному и долгосрочному планированию и не сумел создать должной системы оповещения и связи. Все его действия оказывались экспромтами, и приказания отдавались достаточно судорожно — они достигали кораблей в последний момент, и те, естественно, не успевали принять участия в сражении. Кроме того, на кораблях оказывался постоянный некомплект команды. Цериал использовал гребцов на работах в лагере, для посыльной службы, в качестве пехоты — в результате, когда приказ достиг кораблей, подавляющее большинство из них просто не смогло сдвинуться с места из-за отсутствия гребцов на веслах. Так что флот находился в изрядном небрежении.

В свою очередь германцы были начеку и, как оказалось, задумали и осуществили весьма дерзкий и хорошо выверенный план по захвату римских кораблей. После очередного осмотра лагерей, которые легионеры строили на зиму в Бонне и Новезии, Цериал возвращался в свой лагерь. Эту инспекционную поездку он осуществлял на своем флагманском корабле (триreme) в сопровождении почти всех сил флота. Как и следовало ожидать, порядка в этом флоте не было. Строй не соблюдался, солдаты из боевого охранения забыли о своих обязанностях. Германцы, наблюдая за флотом, решили осуществить свой план. В одну из безлунных ночей, пользуясь темнотой как прикрытием, они вышли на реку на своих легких лодках. Грести особо не приходилось: отплыли выше по течению, и оно довольно быстро вынесло их к лагерю римлян на противоположном берегу. Никакого сопротивления они не встретили: караульная служба неслась так, что никто не обнаружил сохранявших полное молчание германцев. Вскоре они оказались за валами, внутри лагеря.

Германцы заранее разделились на два отряда. Один из них, продолжая соблюдать тишину, напал на римские палатки в лагере. Германцы перерезали растяжки палаток и те падали, накрывая спящих римлян, которых затем начали резать мечами. Другой отряд сразу бросился к стоянке римских кораблей. Набрасывая веревки на ахтерштевни кораблей, германцы немедленно выводили их на реку кормой вперед, стаскивая с берега. Едва напав на лагерь, они, напротив, разразились громкими и свирепыми криками, стремясь усилить эффект разгоравшейся паники. Организованного сопротивления, естественно, не было и в помине — полуголые легионеры бились, намотав на левую руку плащ или свою одежду и зажав в правой меч. Сам Цериал, проводивший ночь на берегу с проституткой, спасся именно благодаря этому: его флагман с поднятым преторским выпелом был в первую очередь захвачен германцами и уведен от берега. Кстати, потом при разбирательстве обстоятельств этого дела часовые будут уверять,

что именно командующий приказал его не беспокоить, они перестали перекликаться и заснули — оттого, дескать, и произошло внезапное нападение. Как бы то ни было, римляне понесли людские потери и лишились значительной части кораблей.

Германцы уже засветло отправились на собственных и захваченных кораблях восвояси. Преторский флагман они решили посвятить пророчице Веледе и отвели его в посвященное ей святилище на реке Лупии. Остальные же суда были немедленно использованы Цивилисом по прямому назначению. На биремы и униремы он посадил гребцов и воинов — эти трофеи составили костяк нового флота; в качестве эскорта использовалось большое число имевшихся у германцев лодок, на каждой из которых размещалось 30-40 человек. Эти лодки вооружили по образцу римских либурн, установив на многих легкие метательные орудия. Над этими лодками германцы подняли импровизированные паруса, сделанные из собственных плащей. Цивилису не терпелось продемонстрировать свою военно-морскую мощь, поэтому он вывел эту флотилию в парадном строю по одному из рукавов Мааса в реку Лек и повел ее к открытому морю.

Целью этой операции было перехватить транспортный конвой, везший из Галлии продовольствие армии Цериала. Последний, однако, несмотря на давешний афронт, не растерялся и не испугался, а скорее был удивлен этим зрелищем. Он вывел наперехват свой поредевший флот. Римляне серьезно уступали германцам в численности кораблей, однако, безусловно, превосходили их выучкой гребцов, кормчих и солдат. Тем более, что, наученные опытом, легионеры и гребцы горели желанием отыграться. Помимо этого римские корабли были гораздо крупнее германских лодок; с ними могли сравниться только их собственные корабли, захваченные накануне. Однако правильному регулярному сражению помешала погода. Течение сносило римские корабли в одну сторону, а ветер отгонял суда германцев в противоположном направлении. Поэтому до абордажной схватки дело не дошло. Флоты поравнялись и в течение нескольких минут шла ожесточенная перестрелка с применением дротиков и стрел, но корабли неумолимо расходились и вскоре дистанция стала предельной, поэтому перестрелка прекратилась. Флоты разошлись и сражение, таким образом, окончилось вничью при минимальных потерях с обеих сторон. Более того, в последующие дни оно так и не возобновилось. Батавы отступили за Рейн. Вскоре, уже поздней осенью, из-за ливней река вздулась, судоходство осложнилось. Флот римлян был слишком мал, чтобы кардинально изменить ситуацию. Вскоре закончилась и сама война.

Описанные события достаточно показательны для анализа противостояния на реках Европы. Германцы, с которыми все чаще приходилось иметь дело римлянам, сами обладали прекрасно развитой традицией судостроения. Она уходила корнями в глубочайшую древность. Наскальные изображения лодок известны в Скандинавии с эпохи неолита, а в период бронзового века кораблестроение на Севере достигло небывалых успехов — скандинавы в Дании и Южных Норвегии и Швеции строили корабли, вполне сопоставимые по своим размерам и характеристикам с синхронными кораблями Средиземноморья — разве что беспарусные. Так что, по крайней мере, у северных германцев судостроительные традиции были намного древнее, чем у самих римлян, однако эти традиции были не столь востребованными: уровень морской составляющей цивилизации Северной Европы с течением времени становился относительно более низким, чем у римлян. Внеш-

няя морская угроза для региона отсутствовала, а следовательно, отсутствовали и стимулы для совершенствования и развития судостроения. Пожалуй, главные шаги культурного прогресса северных германцев были связаны с традициями корабельного дела.

Кроме того, разные племена имели изначально разные навыки судостроения. Если скандинавы — в частности свионы (свеи), готы, англ, саксы, даны и юты, а также многочисленные племена норвежских фьордов — не мыслили своей жизни без моря, то для континентальных германских племен, с которыми на первых порах в основном и сталкивались римляне, эти судостроительные традиции были относительно менее актуальны и подверглись, даже если и были, существенной редукции.

Судостроение германцев хорошо исследовано благодаря многочисленным находкам как практически полностью сохранившихся, так и оставшихся только в виде незначительных фрагментов кораблей. Эволюция форм судна пролегла от архаических двухштевневых лодок, ведущих свое начало из эпохи неолита, до шедевра судостроения — серии скандинавских специализированных типов военных и транспортных судов XI в. Судостроение «отсталого» Севера существенно превосходило по качеству все то, что могла предложить одновременная Европа, а подготовка мореходов (каковыми были практически все взрослые свободнорожденные мужчины) была просто несопоставима.

Древнейший период судостроения отмечен существованием характерных «двурогих» штевней, причем традиция эта является чрезвычайно устойчивой, переживая несколько тысячелетий без принципиальных изменений. Наскальные рисунки, распространенные в бронзовом веке на западном побережье Норвегии, в Бохуслене в Швеции, весьма многочисленны и обнаруживают удивительное постоянство форм. Находка наиболее раннего на сей день реального корабля железного века (обычно датируемого IV в. до н.э.) в Хьёртшпринге на острове Альс в Дании продемонстрировала высокую степень его сходства с архаическими прототипами. Судя по всему, это судно было принесено в жертву в болоте, являвшемся культовым местом. При общей длине 13,28 м оно было способно поднять около 20 человек. Назначение двойных штевней, выступающих вперед достаточно далеко, по-прежнему вызывает вопросы, ибо объяснение их наличия исключительно требованиями безопасности при плавании среди подводных камней и айсбергов (?) представляется совершенно неудовлетворительным. Именно подобные суда, симметричные в носовой и кормовой частях, описаны Тацитом в строках, посвященных обитателям крайнего севера Германии (Скандинавии): «среди самого Океана, обитают общины свионов; помимо воинов и оружия, они сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа. Парусами свионы не пользуются и весел вдоль бортов не закрепляют в ряд одно за другим; они у них, как принято на некоторых реках, съемные, и они гребут ими по мере надобности то в ту, то в другую сторону».

Традиции судостроения, практически синхронные расселению человека в Северной Европе, способствовали неуклонному совершенствованию корабельного искусства, однако после ладьи из Хьёртшпринга в древностях образуется цезура, которая заполняется информацией лишь в конце периода так называемого римского железного века (I-IV вв. н. э.).

К этому времени относится находка знаменитого судна из Ньюдама, относимого к IV в. н.э. Существенно, что именно с рубежа эр отслеживается резкий отход в области культуры кораблестроения от предельно глубоко укорененной в традиции формы двухштевневой ладьи в направлении новой технологии. Судно из Ньюдама характеризуется классическим полого вздымающимся штевнем и развитой клинкерной обшивкой, а также вполне адекватной мореходностью. Несмотря на абсолютную симметричность оконечностей, у него четко обозначены нос и корма — направлением уключин и узлом крепления рулевого весла. Это, без сомнения, новая генетическая линия развития корабля — линия, которая в дальнейшем обнаруживает непрерывность и череду форм, непосредственно связывающую все эпохи — от первых веков н.э. до развитого средневековья. Никакой принципиальной разницы в конструкции корпуса между нюдамским кораблем и судами эпохи викингов из Усеберга, Гокстада и Скуллелева не существует, меняются лишь размерения, обводы корпуса и рангоут. Суда, очень близкие к нюдамскому типу, будут использованы англами, саксами и ютами в эпоху завоевания Британии и готами, достигшими Северного Причерноморья.

Происходившие в годы войн 60-70-х годов с флотом происшествия лишний раз доказали, что военно-морские силы были для римлян важным, но явно второстепенным элементом вооруженных сил. Их использовали по случаю, а когда флот становился не слишком нужен — о нем забывали. И тем не менее корабли постоянно принимали участие во всех заметных событиях. Роль военно-морского флота была достаточно высока как на тактическом уровне, так и на стратегическом. Он задействовался во всех операциях: в блокадах больших пространств и акваторий целых морей — как средство давления и устрашения, для высадки десанта и подвоза продовольствия (это в особенной мере проявилось в войнах с германцами в 60-е годы, в частности в кампании против Цивилиса), для прямых атак противника с кораблей (тактика, блестяще отработанная еще Гаем Юлием Цезарем), для карательных экспедиций. Флот по-прежнему был универсальным боевым инструментом, хотя все основные сражения продолжали разворачиваться на суше.

Именно в эти годы происходит формирование самостоятельных подразделений флота в подконтрольных римлянам акваториях Понта Эвксинского. В 64 г., после аннексии Понта и заключения Рандейского мирного договора с Парфией, был сформирован отдельный Понтийский флот. Самостоятельная Мёзийская эскадра или, в буквальном смысле, Мёзийский Флавиев флот (*classis Flavia Moesica*) был сформирован после 69 г. при легате Мезии Рубрии Галле. В период правления императоров Веспасиана (69-79) или Домициана (81-96) и итальянские флота, и Мёзийский флот получили почетный титул *Praetoria* — преторианских.

Несколько интересных и примечательных страниц были вписаны в историю римского военно-морского флота в связи с Северным Причерноморьем. Собственно, здесь издавна существовала устойчивая и преемственная традиция судостроения, уходящая корнями как в эллинское корабельное ремесло, принесенное на северные берега Понта Эвксинского во время Великой колонизации, так и в мореходные навыки местных племен. Так, Страбон писал о том, что жители окрестностей Сиваша использовали для плавания по нему сшитые из кож лодки. Но, несомненно, на самой высокой ступени развития мореходства среди народов

Северного Причерноморья стояли тавры, проживавшие в горах и предгорьях юго-западной части Таврики и на Южном берегу Крыма. Согласно сведениям Геродота, эти самые тавры весьма любили приносить в жертву богине Деве захваченных ими мореходов, которых они брали в плен не только в результате кораблекрушений, но и захватывая их на стоянках в бухтах и даже в открытом море. Это обстоятельство явственно указывает на то, что тавры располагали собственными судами. Об их типологии сказать что-либо затруднительно, поскольку ни письменные источники, ни археологические находки никакого света на это не проливают. Возможно, они были близки к вышеописанным камам, возможно — представляли собой лодки более традиционного типа, однако несомненно, что эти корабли или челны обладали вполне удовлетворительной мореходностью, позволявшей выходить в открытое море.

Источники в то же время дают относительно неплохое представление о том, что собственно эллинские судостроительные традиции блюлись в полисах Северного Причерноморья вполне свято. Расположенные здесь города — Херсонес Таврический, Ольвия, а также Боспорское царство, включавшее в свой состав многочисленные города и поселения по обоим берегам Боспора Киммерийского (Керченского пролива), — имели мощный торговый флот, осуществлявший массовые перевозки грузов как по Черному морю, так и в море Средиземное. Собственно, даже для обеспечения внутреннего благосостояния он был необходим: Херсонес, например, уже в IV в. до н.э. обзавелся огромной сельскохозяйственной территорией на северо-западе Таврики, сообщение с которой осуществлялось преимущественно по морю.

Естественно, что для защиты морских торговых путей и патрульной службы, сопровождения торговых и транспортных кораблей, борьбы с пиратами были остро необходимы постоянные морские силы. Известно, что, например, боспорский военный флот вел достаточно массовые кампании по борьбе с пиратством в Понте, т. е. по сути решал ту же проблему, что и римляне в определенный период их истории в Средиземном море. Этим промыслом занимался целый ряд приморских племен: ахеи, гениохи, уже упомянутые тавры. Диодор сообщает, что в конце IV в. до н.э. Евмел (309–303 гг. до н.э.) очистил море от пиратов, а это предусматривало, конечно же, не только значительные силы корабельного состава, но и их грамотную организацию. Впрочем, от пиратов море приходилось избавлять регулярно — именно этим занимался боспорский флот на рубеже II и III вв. уже н. э. В составе флота были и достаточно крупные корабли класса триер — Полиэн описывает заговор триерархов, что предполагает наличие целой прослойки кадрового старшего морского офицерства на Боспоре.

Постепенное проникновение Рима в Понт началось уже во II в. до н.э., однако окончательно он утвердился здесь лишь в имперский период. Стоит заметить, что Северное Причерноморье и Таврика в частности, являясь «зоной жизненных интересов» Империи, тем не менее не включались в нее в качестве провинций или неких полностью интегрированных территорий, однако их зависимость от Рима была вполне осязаемой. Римляне вели активнейшую торговую и хозяйственную деятельность в этих краях, на постоянной основе расквартировывали здесь свои воинские подразделения, оказывали с их помощью регулярную и массовую поддержку греческим государствам в их борьбе с варварскими племенами, «продавливали» выгодных Риму политических деятелей (в частности на

Боспоре) и т. д. Виднейшую роль в этих процессах играл флот. Корабли Равеннской эскадры неоднократно вводились в акваторию Черного моря и использовались для переброски войск, демонстрации силы и рассыльной и дипломатической службы. Кроме того, после организации римлянами провинции Мёзия в 15 г. н.э. и ее укрупнения в 46 г. н.э., эта территория становится главным форпостом влияния в Северном Причерноморье. Войска, находящиеся в регионе, а также силы флота с этого времени подчиняются римскому наместнику Мёзии. Здесь же, в прибрежных портах, строятся и проходят боевую службу не очень многочисленные (судя по всему, их обычно было не более 40-50 единиц) военные суда местных формирований, предназначенные для оперативного реагирования.

Северное Причерноморье располагало большим количеством отличных портов и гаваней, многие из которых были издавна улучшены, обустроены и оборудованы греками-колонистами. Хорошими гаванями могли похвалиться Ольвия и Тира. Страбон указывал, что повсюду вдоль Боспора Киммерийского есть удобные гавани, одна из лучших среди которых располагалась в Нимфее. Кроме того, заметными портами были Фанагория, Танаис, Синдская гавань, порт Бат, Киммерик. По словам Страбона, в порту Феодосии, например, могли одновременно находиться не менее ста кораблей. В пантикапейской гавани располагались верфи, где одновременно могли строиться 30 кораблей. Пантикапейская и феодосийская гавань располагали искусственными молами, насыпанными с большим искусством и надежно защищавшими порты от волнения, а отчасти и от последствий сильных ветров.

Целым созвездием прекрасных бухт отличался Херсонес Таврический — помимо собственной гавани в Карантинной бухте, в его окрестностях имелось множество удобных гаваней и якорных стоянок в современных Севастопольской, Стрелецкой, Казачьей бухтах, а также в Северо-Западном Крыму — Калос Лимен, т.е., в буквальном переводе, Прекрасная Гавань. Наконец, именно неподалеку от Херсонеса, на рубеже Южного берега, находилась одна из уникальных даже в мировом масштабе гаваней — без сомнения, наиболее удобная на всем Понте — известная еще во времена Гомера бухта лестригонов (современная Балаклавская бухта). Однако практическое отсутствие островов в Черном море создавало определенные проблемы при его пересечении некаботажным способом.

Применение римлянами флота в Северном Причерноморье было достаточно частым, однако подробности его известны лишь в ряде случаев. Так, во время боспорско-римского вооруженного конфликта 45-49 гг. на кораблях Равеннской эскадры на Боспор были переброшены подразделения римлян из состава VIII Августова легиона под командованием Авла Дидия Галла — наместника Мёзии (кстати, ставшего потом наместником Британии). Возможно, что ряд соединений был переброшен транспортниками и из Малой Азии, в том числе на кораблях, базировавшихся на Византий. Это случилось в 46 г. После того, как на престол был посажен выгодный Риму молодой царь Котис и большая часть «ограниченного контингента» эвакуировалась, оппозиция под руководством низложенного и бежавшего царя Митридата VIII вновь восстала, но оставшиеся вспомогательные войска всадника Гая Юлия Аквилы ликвидировали эту опасность. Стоит заметить, что эта экспедиция, конечно, была не спорадическим вмешательством римлян в дела региона, а лишь звеном в цепи вполне целена-

правленных действий, связанных с утверждением над ним римского военного и политического контроля.

При возвращении римских войск морем обратно в Мёзию произошел громкий инцидент, напомнивший, казалось бы, давно ушедшие времена. Путь кораблей пролегал мимо Южного берега Крыма, и разыгравшийся на море шторм выбросил несколько кораблей на берег как раз в расположении тавров. Тавры, напавшие на римских солдат, всех их уничтожили вместе с командиром — префектом когорты. Вероятно, многие легионеры были не просто убиты в схватке, а принесены в жертву в таврском святилище на перевале Гурзуфское седло, что подтверждают находимые там при раскопках нумизматические находки.

Другим примером участия флота в северопричерноморских делах является поход наместника Мёзии Тиберия Плавтия Сильвана Элиана. Состоявшийся между 63 и 66 гг., он был следствием неспособности Херсонеса Таврического самостоятельно защитить себя от натиска скифов и активизировавшихся в этот период сарматов. Это была эпоха императора Нерона, и, несмотря на все свои «причуды», Нерон все же не упускал из виду и события на столь дальних рубежах. В боевых действиях на территории Таврики приняли участие подразделения морской пехоты с кораблей Равеннской эскадры. Причем эти действия, ведшиеся, естественно, на суше, шли не только в Северо-Западном и Западном Крыму, но и на Южном берегу.

Обнаруженные на мысу Ай-Тодор и в его окрестностях клейма с упоминанием вексилляции Равеннской эскадры подтверждают, что римляне именно сейчас учреждают здесь свое присутствие и занимаются строительством крепости на берегу в расположении тавров. Это было вызвано острой необходимостью обезопасить плавание вдоль берегов Южной Таврики. Укрепленный пункт в этом месте, носивший название Харакс, мог быть опорной точкой для карательных экспедиций, базой «подскока», маяком и своеобразным «устьем» для заброски подразделений с моря вглубь территории противника. Ведь все боевые действия в ходе экспедиции Плавтия Сильвана носили характер ряда глубоких десантных операций, осуществлявшихся с кораблей Равеннской эскадры, которые — в силу свободы маневра, как когда-то было у Агриколы в Британии — могли устойчиво и постоянно владеть и стратегической, и тактической инициативой.

Харакс по временам забрасывался римлянами, и войска отсюда выводились, однако вскоре опять возвращались. В частности, около 120 г. в Хараксе был воздвигнут алтарь с посвящением Юпитеру от имени Геминия Фортиса, командира поста бенефициариев. Судя по всему, Харакс в этот период находился в непосредственном подчинении провинции Нижняя Мёзия.

Интересно, что наиболее примечательное на сегодняшний день римское святилище, связанное с расквартированными подразделениями легионеров, обнаружено именно в районе Балаклавской бухты, исключительно удобной для переброски войск и базирования здесь небольших эскадр. Кроме того, стоит отметить, что в Северном Причерноморье периодически встречаются надгробия римских моряков, что свидетельствует о том, что они могли как расквартировываться здесь, так и применяться в боевых действиях на территории региона.

Период I — середины III столетий н. э. ознаменовался укреплением старых тенденций и возникновением новых. В Средиземном море флот выполнял в ос-

Флоты Империи в первых веках новой эры

новном транспортные функции, а отдельные корабли привлекались для посыльной службы, весьма обычной и частой в Империи. Сообщения морем были не менее удобны, чем сухим путем; как бы ни были совершенны римские дороги, скорость передвижения по воде зачастую превышала скорость, достигавшуюся на суше, а в случае, когда речь шла о путешествиях из Европы в Африку или на Ближний Восток, преимущество имели, безусловно, только корабли. Средиземное море было со всех сторон окружено римскими провинциями, а Апеннинский полуостров врезался в середину этого огромного озера в форме громадного мыса. Старая проблема малочисленности в Италии удобных и безопасных пристаней была к этому времени в основном решена. Во многих приморских городах были проведены дополнительные мероприятия по углублению фарватеров и их расчистке, строительству причалов, пирсов и маяков. В частности, огромное значение имела искусственная пристань в Остии, находившаяся в устье Тибра и устроенная по приказанию императора Клавдия. Гиббон вполне обоснованно называет ее «одним из самых полезных памятников римского величия». Как писал Плиний, от этой пристани, находившейся на расстоянии менее 30 км от столицы, можно было при попутном ветре достигнуть в течение семи дней Геркулесовых Столпов, а за девять или десять дней — Александрии Египетской. Иными словами, пространство Средиземного моря с запада на восток, т. е. в максимальном протяжении наиболее актуальных для Империи водных путей (не считая Понта), было проходимо за две недели с небольшим. Одна из самых популярных и коротких морских линий связи пролегла из Остии мимо берегов Сицилии в Карфаген. Другая морская дорога связывала Рим с Египтом. Неиссякаемый поток продовольствия — в основном зерна — шел по ней в Вечный город, обеспечивая его существование.

Однако не только Средиземное море и Понт были дорогой для транспортных и торговых кораблей. Активно осуществлялись перевозки вдоль береговой черты в Галлии, у берегов Бискайского залива. Чрезвычайно оживленным был морской путь в Британию через проливы. Особняком стоит вопрос о торговле с варварскими племенами. В эти десятилетия она достигает своего наивысшего размаха. К германцам вывозится масса товаров, производимых на территории Империи, и прежде всего в приграничных городах, колониях и лагерях. Помимо оружия, тканей, посуды и ряда ремесленных изделий громадный размах приобретает виноторговля. Вино являлось, наряду с оружием, типичным предметом «престижного» экспорта, т. е. товаропотока, который обеспечивал нужды нарождающегося слоя германской племенной знати, обеспечивая ее зримое и осязаемое превосходство над соплеменниками, к которому всячески стремились претендующие на власть вожди военных дружин. И если оружие, при всей своей дороговизне, было относительно малообъемным продуктом, то вино, приносящее не меньший доход, занимало куда большее пространство. Судя по рельефу из Неймегена (Нижний Рейн), корабли, груженные сосудами с вином, курсировали по Рейну и у берегов Северной Галлии достаточно активно, и общий объем виноторговли был чрезвычайно велик, являясь одним из наиболее заметных экономических феноменов прирейнских провинций Империи.

Это не отменяло того факта, что мирная торговля регулярно сменялась войнами с германцами на границе, которые со временем становились все более частыми. За период 70-230-х годов отмечается не менее 36 случаев боевого применения

отдельных кораблей и подразделений имперских флотилий на Рейне и Дунае. К началу II в. либурны фактически вытесняют все остальные типы судов. Их быстротходность и маневренность были совершенно незаменимы на речных театрах, поскольку здесь полностью отсутствовала угроза противодействия крупных кораблей противника и очень ограниченно применялась метательная техника. Главным и основным смыслом содержания патрульных флотов было противодействие все более частым попыткам германцев прощупать на прочность римский лимес. Флотскими базами были Колония Агриппина (будущий Кёльн), Могонциакум (Майнц), Августа-Раурикорум — на Рейне, а также Кастра Регина, Аквинкум и Тресмис — на Дунае. В этих укрепленных пунктах или в непосредственной близости от них располагались места базирования относительно небольших флотилий. Они и вправду были небольшими — средняя численность отдельных отрядов составляла 15 вымпелов, максимальная, как правило, никогда не превышала 30 единиц.

Кроме того, исключительно важное значение всегда придавалось дельте Рейна. Сложнейшая природно-географическая обстановка в этих приморских — низменных и заболоченных — землях требовала от командиров особой подготовки и опыта. Несмотря на то, что с эпохи Августа территория будущих Нидерландов была в основном под контролем римлян, изрядная сложность местной гидрографии создавала порой ситуацию классического «слоеного пирога». Контроль за всеми протоками и рукавами Рейна, особенно в период подъема воды, был чрезвычайно сложен, а учитывая широтное направление его течения в этом регионе, германцы получали удобную возможность проникать по многочисленным руслам реки в глубину контролируемой римлянами территории.

Учитывая, что этот фланг римской обороны упирался в открытое море, ему придавалось большое значение. Здесь базировалось в общей сложности около 120 кораблей, сведенных в 5 эскадр. Численный состав Нижнерейнской флотилии обычно поддерживался на уровне 5000 моряков — это не считая легионеров, которые прикомандировывались к ней, обычно в количестве до полутора тысяч человек. Правда, германцы в этот период не применяли еще собственные морские суда, да и на реках их лодки были не так активны, как в последующие времена, однако служба в этом флоте отнюдь не была синекурой. Так, достаточно указать на инциденты 183, 196 и 212 гг., когда, соответственно, согласованными действиями Нижнерейнской флотилии были сорваны две попытки форсирования Рейна вплавь дружинами германцев и одна попытка навязать сражение с использованием собственного флота. В последнем случае около четырех десятков германских лодок с воинами были перехвачены в среднем течении реки Лек подразделением из 16 либурн под командованием легата Луция Клодия Вера. В успешном для римлян исходе этого боевого эпизода сказались хорошо организованная и поставленная дозорная служба и то обстоятельство, что флотилии в этот период поддерживались в постоянной боевой готовности. Замеченные с дозорных вышек на римской стороне германские суда были выслежены и филигранно атакованы кораблями римлян. Бой получился недолгим, но достаточно интенсивным. Первая фаза скоротечной стычки заключалась в активной перестрелке с применением главным образом дротиков. Германцы, пользуясь явным численным превосходством, попытались, разделившись на два отряда, атаковать римлян с флангов. Быть может, им бы это и удалось в полной мере, если бы

на месте римских солдат и моряков оказался кто-то другой. Однако кормчие нескольких римских кораблей, повернув суда на цели, сами атаковали нападавших германцев. Три корабля удалось потопить, еще два стали добычей римских абордажных партий — несмотря на относительно тяжелое вооружение, легионеры без труда захватили эти лодки. Потеряв несколько кораблей, германцы вынуждены были ретироваться и в последующие дни уже не повторяли подобных попыток.

Высокой степени интенсивности достигала боевая служба этих подразделений в периоды обострения отношений с варварами или повышения активности последних. Так, при Траяне в 117-119 и 122-124 гг. на Дунае флотилии Аквинкума и Тресмиса совместно с мелкими отрядами, базировавшимися в промежутке между ними, не только занимались обеспечением имперских войск, ведших боевые действия, но и патрулировали прилегающие акватории Дуная, отслеживая перемещения войск противника и демонстрируя ему невозможность переправы через реку. Во время Маркоманнской войны 166-180 гг. верхнерейнские эскадры проводили усиленное патрулирование, а учитывая, что германцы вели себя весьма беспокойно фактически на всем протяжении реки, работы у них хватало. В 210 г. была сорвана попытка переправы варваров через Рейн в его среднем течении, в районе южнее Могонциакума. Таких примеров можно привести достаточно много.

Как и положено, в годы неурядиц флот активно привлекался претендентами на престол — как и их противниками — для использования в целях давления на врага, блокады отдельных территорий и городов, высадки десантов и снабжения армий. С течением времени во II и III вв. все большее значение в военном отношении приобретали порты Восточного Средиземноморья. Важнейшим из них становится будущий Константинополь, именовавшийся тогда Византием. Поскольку через Византий шел один из главных путей, соединявших Европу с Азией, этот город был снабжен сильным гарнизоном, находившимся под серьезным вниманием властей. В его гавани к концу II в. постоянно базировался флот уже из пятисот судов. Значение города все время возрастало, определяя его будущность столицы восточной половины Империи. Обладание Византием, который до того был всего лишь пунктом остановки императоров и узурпаторов на пути на Восток или на Рим, теперь становится вожаемой целью и едва ли не основной задачей политики. Однако во время гражданской войны между Севером и Нигером город выдержал почти трехлетнюю осаду значительных сил армии и почти всего имперского флота. В конце концов Византии был взят голодом. Должностные лица и солдаты были казнены, стены разрушены, все городские привилегии отменены. Будущая столица Восточной Империи превратилась в открытую со всех сторон деревню, поставленную в унижительную зависимость от города Перинфа.

Собственно, Империя этим актом доставила себе больше вреда, чем пользы. Дион Кассий полагал, что низведение Византия до уровня заурядного поселения отняло у Империи наиболее сильный форпост защиты от варварских нашествий в азиатско-понтийском регионе. И это было действительно так. Через несколько десятилетий, к середине III в., в период готских нашествий, вся губительность этого шага станет совершенно очевидна. Боспор и Геллеспонт с конца II в. становятся на длительный срок открытыми для морских вторжений в Средиземное море. Вероятно, ни один из императоров в тот период не мог предполагать появления

в подконтрольных им морях какой-либо заметной морской силы, угрожающей благополучию государства.

Стоит отметить, что период первых веков новой эры был ознаменован и выходом римских флотилий в совершенно новое для них пространство — Красное море, Персидский залив и Индийский океан. Принадлежащие римлянам корабли открыли эпоху морской торговли со странами Востока. Никаких боевых столкновений на этом направлении источники не фиксируют, хотя, несомненно, феномен пиратства в южных морях имел место, и спорадические стычки с пиратами происходили. Но военного флота на постоянной основе римляне на них не держали. Империя уже просто не успела расшириться до такой степени, чтобы «ногою твердой стать при море» еще и на этом направлении.

Особенность рассмотренного нами периода в истории Рима заключалась в том, что именно сейчас была пройдена высшая точка развития этой величайшей империи древности. В конце II столетия Рим достиг максимума своего могущества. Завоевания, экономические возможности и международное значение Империи были в зените, а из него существует только один путь — вниз, в небытие. До этого было еще далеко, но симптомы проявлялись все отчетливее. Упадок ждал и одно из главных и славнейших детищ этой империи — ее военно-морской флот.

Наступали новые времена. С середины III в. баланс сил в системе Империя — варвары начинает нарушаться. Империя слабеет, а окружающие ее племена, напротив, находятся на подъеме. Разумеется, их техническая оснащенность и уровень организации остаются достаточно примитивными, однако численность, громадность пространств, с которых можно ожидать их вторжений и, самое главное, деградация власти и силовых структур Римского государства делают этот последний натиск смертельным. Империя просуществует в таком распадающемся состоянии чуть более двух веков — примерно с 230-х годов до 476 г., когда пост императора будет ликвидирован в ее западной части. С точки зрения обыденного сознания — это довольно долго. С точки зрения исторического процесса и развития Рима, этот процесс был весьма быстрым. Тем более, что фактически империя как нечто единое распалась на достаточно обособленные фрагменты уже к концу IV столетия.

Стоит отметить, что главными ударными отрядами этого вторжения варваров были племена, проживавшие на двух крайних точках римской оборонительной линии — франки в низовьях и среднем течении Рейна и готы в Северном Причерноморье. Именно готам принадлежит честь организации самых крупных проблем гибнущей Империи на море. Франки, вместе с англами, саксами и ютами устроили римлянам весьма бурный финал их владычества в Британии и на берегах Ла-Манша.

Примечательно, что в ходе кризиса III в. и Великого Переселения народов особых «боев за Рейн» не отмечается. Этот феномен объясняется достаточно просто: даже к середине III в. многие германские племена на правах федератов, т. е. союзников римлян, жили уже по эту сторону Рейна и Дуная, на римской территории. Значение пограничных речных флотилий постепенно падало вместе с размыванием понятия римского лимеса. Эта граница уже не была непроницаемой, да и охрана ее к концу III столетия все чаще становилась заботой частных лиц и наместников провинций, практически мало зависевших от Рима. Упадок

флотов лимеса привел к тому, что они относительно тихо сошли со сцены. Однако на флангах этой грандиозной пограничной черты все было совсем не так просто.

Готы — германское племя, происходящее из Южной Скандинавии. В начале II столетия они переместились на южный берег Балтийского моря. Около середины II в. они начали свое движение на юго-восток. Это переселение заняло около столетия. В результате, пройдя территорию современной Польши и Украины, готский племенной союз во второй четверти III в. обретает новую родину в Северном Причерноморье — в Крыму, на территории Южной Украины и вплоть до Дуная. Под контролем готов оказались также земли Боспора Киммерийского. Они получили исключительно удачную базу в Северном Причерноморье.

При императорах Валериане и Галлиене (к середине III в.) римские провинции, для которых Дунай был границей, постоянно подвергались нашествиям германцев и сарматов, но римляне вполне успешно защищали их. Несмотря на то, что отряды варваров, все время бродивших по берегам Дуная, проникали иногда вплоть до границ Италии и Македонии, их всегда или останавливали, или ликвидировали, перекрывая пути к отступлению.

Однако готское нашествие внезапно оказалось направленным совсем по другому пути, чрезвычайно опасному для Империи. Да еще и в необычной форме — по крайней мере, такого римляне не ожидали. Южнее Понта Эвксинского лежали богатейшие малоазийские провинции, являвшиеся одними из самых ценных бриллиантов в венце Империи и, естественно, привлекавшие внимание варваров. Однако средств к защите этих провинций у римлян практически не было. Со времен Митридатовых войн опасность в этом регионе была чисто номинальной. Стены городов лежали в развалинах; большая часть доходов местного бюджета шла на сооружение бань, храмов и театров, но никак не на укрепление боеспособности. Подразделения военного флота здесь уже не располагались. Византий незадолго до того был насильственно низведен до положения заштатного городка, он уже не являлся той базой флота, которая без труда контролировала сообщение в Геллеспонте и наглухо запирала переправу из Европы в Азию. Центры Северного Причерноморья не могли ничего противопоставить новой опасности — ни Херсонес Таврический, ни сам Боспор не были в состоянии сопротивляться силе готов. Гарнизоны — преимущественно из воинов местного происхождения, — разбросанные по приморским крепостям, как правило, насчитывали не более нескольких сотен воинов и в большинстве случаев не располагали боевыми кораблями.

Напротив, у готов с флотом все было в порядке. Нет никакого сомнения, что они принесли традиции кораблестроения со своей северной родины. Будучи одним из скандинавских народов, готы, конечно, располагали судостроительными навыками. Они вовсе не нуждались в заимствовании боспорского флота или в строительстве своих судов по понтийскому образцу. Возможно, какая-то часть их кораблей относилась к типу «камар», однако они главным образом использовали собственную традицию. Так что значительное количество использовавшихся готами судов должно было принадлежать к некоему типу, промежуточному между хьертшпрингской и нюдамской ладьей. Точно так же, используя в качестве моряков местных боспорских мореходов, готы и сами были неплохими моряками. Крайне сомнительно, чтобы они утратили за два-три поколения свои северные мореходные навыки.

Первым морским походом готов стала проба сил под Питиунтом в 255 или 256 г. Этот город, расположенный на самом краю римских владений, располагал хорошей гаванью и весьма надежно укрепленной крепостью. Под Питиунтом готам не повезло: город взять не удалось и они были отбиты. Во многом это стало заслугой римского командующего Сукцессиана, однако когда он вскоре получил повышение и покинул провинцию, Питиунт был взят готами и разрушен.

Следующей целью стали восточные и юго-восточные берега Черного моря. Плавания готских эскадр численностью в несколько сотен небольших кораблей в Колхиду в 257 г. открыли сезон их дальней охоты. Взять Фазис не удалось, и следующей их целью стал Трапезунд. Этот важный торговый центр располагал искусственным портом, построенным по распоряжению императора Адриана. Трапезунд был центром, в котором скапливались средства, собиравшиеся со всего Понта в пользу государственной казны, поэтому его богатства делали его чрезвычайно привлекательной целью.

Город располагал двойным рядом крепостных стен, к тому же обычный гарнизон был усилен дополнительно десятью тысячами (!) воинов. В обычных условиях таких сил было вполне достаточно, чтобы отбиться от любой армии. Кроме того, в городе имелись многие десятки транспортных и некоторое количество боевых кораблей, которые при желании можно было использовать по назначению против врага. Однако эти войска оказались фактически бесполезны — дисциплина была на низжайшем уровне, моральный дух оставлял желать лучшего. Войска относились к своей службе как к sinecure, не ожидая серьезного противника и предаваясь пьянству и разврату. В результате готы, быстро разобравшись, в чем дело, в одну из ночей, завалив ров связками хвороста и насыпав из них высокую груды близ стены, пробрались в наполненный войсками, но практически не охраняемый город. Симптоматично, что, пока готы занимались грабежами и избиением мирного населения, тысячи солдат спасались бегством через противоположные городские ворота. Загрузив захваченные транспортники добычей, готы посадили на весла наиболее крепких жителей, выловленных в городе и его окрестностях, и, приковав их, отправились обратно на Боспор.

Морские походы вдоль восточного берега Черного моря следуют один за другим — в 258, 263, 269 гг. Каждый из них сопровождается глубокими рейдами на территорию малоазийских провинций и каждый практически не встречает сопротивления.

Вскоре после начала своих походов готы предприняли грандиозную экспедицию и в Европу. В 263-264 гг., увеличив численность своего флота и перевозимого войска, они отправились вдоль западного берега Черного моря. Возглавляли эту экспедицию вожди готов Респа, Ведук и Тарвар. Пройдя мимо устьев Днепра, Днестра и Дуная, готы присоединили к своему флоту множество местных рыбацких кораблей и лодок. С ними они дошли до Геллеспонта и окрестностей Византии. Переправившись на азиатскую сторону пролива, готские десантники высадились возле Халкедона. Показательно, что готов было меньше, чем защитников Халкедона. Последние стояли лагерем возле храма Юпитера Урийского на мысу, господствующем над входом в пролив, однако моральные качества этих воинов вновь не шли ни в какое сравнение с воинственным пылом скандинавских варваров. Бросив свои позиции и город на произвол судьбы, солдаты разбежа-

лись. Город был захвачен и разграблен. В руках германцев оказались оружие и значительные богатства.

После этого для готов настала пора выбора. Оставив флот близ Гераклеи — небольшого городка в Пропонтиде, — они пытались сообразить, куда стоит отправиться дальше. Выбор, и в самом деле, был велик. Можно было отправиться в Европу, в Азию, заняться грабежом на суше или плыть дальше по морю. Первые успехи продемонстрировали им, что сопротивление будет чисто номинальным. И тогда один из перебежчиков показал им дорогу в Никомедию — столицу Вифинии. До нее от Халкедона было чуть более пятидесяти километров по суше. Этот перебежчик не только указал готам дорогу к городу, но и выступил в качестве военного советника, руководя взятием города. Впрочем, отпора готы не встретили и здесь. Помимо Никомедии захватчики разграбили сопоставимые с ней по значимости и богатству города Апамею, Никею, Прузу, Циос. Город Кизик, прославленный когда-то во времена Митридатовых войн, избежал общей участи только в силу того, что местная речка из-за горных ливней так разлилась, что помешала готам подойти к городу по суше и остановила их в пятнадцати километрах от его стен. Готы вернулись с добычей, груженной на повозки, к своим кораблям, а затем и на новую родину.

Третий поход готов был предпринят в 267-268 гг. вместе с герулами. Кто были эти люди — до сих пор неясно. Возможно, это было просто одно из германских племен, однако есть основания полагать, что герулы представляли собой интернациональные дружины, состоявшиеся из представителей различных, в основном германских, племен, — своего рода бродячее воинское братство, наподобие скандинавской «руси» IX в. Вероятно, в этом вторжении принимали участие и другие племена. Зосим, описывая варварские вторжения этого периода, указывает, что «готы, бораны, уругунды и карпы стали опустошать европейские города... не оставили не опустошенной ни одной части Италии и Иллириды». Насчет Италии заблуждаться не стоит — под ней подразумевались и весьма отдаленные от Апеннинского полуострова территории, вплоть до Паннонии, однако масштаб вторжения поразил воображение современников.

Этот новый флот состоял из 500 кораблей. Конечно, это были не корабли времен Первой Пунической войны. Однако в новых условиях эта опасность была страшной. Такой флот, даже по самым скромным оценкам, мог нести около 12 тысяч человек, каждый из которых был отъявленным головорезом, как и положено германцу той эпохи.

Достигнув Боспора Фракийского, они вошли в Пропонтиду, но встречный ветер отогнал их суда обратно ко входу в это море. На следующий день они намерстали упущенное и подошли к нетронутому ранее Кизику, который в этот раз все-таки был взят. Вслед за этим готы на своих кораблях вышли в Средиземное море. Теперь началось их плавание в Эгейском море. Учитывая, что оно представляло собой один громадный архипелаг, готы, вероятно, были изрядно удивлены. Уже не первое их поколение отвыкало от подобных «шхер», поэтому северяне чувствовали себя здесь несколько неуютно. Периодически обращаясь к помощи местных лоцманов, готы постепенно приближались к континентальной Элладе, грабя и разоряя то островки вблизи европейских берегов, то города на берегу Азии. Наконец они добрались до Аттики, пристав в гавани Пирея, всего в восьми километрах от Афин.

Город под руководством Клеодама — инженера, назначенного императором укреплять приморские города Греции, — готовился к обороне. И ведь им было чем заниматься: городские укрепления не восстанавливались и не ремонтировались со времен Первой Митридатовой войны и пребывания здесь войск Корнелия Суллы.

Впрочем, усилия оказались тщетными. Готы после непродолжительного штурма взяли Афины и занялись в городе грабежами. Очень хорошо характеризуют новую ситуацию некоторые детали противостояния варваров и «цивилизованных» эллинов и римлян. У Зонары сохранился исторический анекдот о том, как во время разграбления Афин готы собрали все находившиеся в городе библиотеки и собирались устроить из них громадный костер. Однако один из их вождей, более образованный, чем его соотечественники, убедил их отказаться от этого намерения. Он заметил, что пока греки будут предаваться изучению книг, они никогда не будут уметь владеть оружием. При всей живописности и колоритности этого эпизода симптоматично, что варвары в середине III столетия проникли в самое сердце античной цивилизации — и именно при помощи флота.

Однако в результате германцы чуть этого самого флота не лишились. Он был оставлен в пирейской гавани и охранялся слабо — готы явно не ожидали партизанских действий, за что и поплатились. Клеодам, потерпев неудачу как фортификатор и организатор обороны, вскоре вернулся с римским флотом, пополнив его экипажи местными жителями. Флот, впрочем, был не слишком большой численности, но этого оказалось вполне достаточно — Клеодам напал на готские корабли и большую часть из них уничтожил.

Большой проблемой для готов это не стало, но разозлило их основательно. Они отправились в материковую Грецию и в скором времени, не встречая серьезного сопротивления, разграбили целый ряд знаменитых центров от восточного побережья Балкан до западного: их добычей стали Аргос, Фивы, Коринф, Спарта. Не располагавшие собственными армиями, привыкшие к безопасности имперского состояния, эти города просто физически неспособны были поддерживать собственную безопасность — уже триста лет в этом не было никакой нужды. Достигнув Эпира, готы оказались в прямой видимости италийского побережья, т. е. в сущности вблизи столицы Империи.

Только теперь император Галлиен, кажется, понял, что происходит. Он самостоятельно возглавил армию и переправился из Брундизия навстречу готам. Встреча с настоящим войском отрезвила и готов. Видимо, масштабная война на истребление в их планы не входила. Потеряв в стычке несколько сотен человек, германцы решили договориться. Предводитель герулов Навлобат предпочел поступить со своими воинами на римскую службу, прельстившись званием консула (кстати, впервые тогда данным варвару, а не римлянину). Этот отряд, впрочем, прославился на римской службе в дальнейшем благодаря своей стойкости и преданности. Некоторые предпочли организованно пробираться через провинцию Мезия к берегу Черного моря.

Часть готов ушла к кораблям и отплыла восвояси. По дороге они напоследок разграбили Трою. Возвращаясь через Черное море, они пристали во Фракии. Здесь, вдоволь пограбив местное население, готы увидели и испытали на себе еще одну приятную сторону жизни в цивилизованном мире. Близ города Анхиала, по словам Иордана, готы оставались «много дней, восхищенные банями на горячих

водах... где из глубины пробиваются огненные источники; среди всех остальных неисчислимых в мире мест с термами это, несомненно, главные и наиболее ответственные для здоровья страждущих». Так что грабительский поход в Империю закончился на имперском курорте.

Надо отметить, что эти походы были заметными вехами в истории древнего мира, хотя в основном и отрицательными. Так, храм Артемиды в Эфесе, причислявшийся древними к семи знаменитым чудесам света, до той поры не менее семи раз подвергался разорению и разрушению, однако каждый раз восстанавливался во всем своем великолепии, лишь приумножая свой блеск. На сей раз, сожженный готами, он навсегда прекратил свое существование. Как писал Гиббон, «и персы, и македоняне, и римляне чтили его святость и обогащали его своими приношениями. Но грубые дикари с берегов Балтийского моря не имели склонности к изящным искусствам и относились с презрением к воображаемым ужасам иностранного суеверия». К этой фразе трудно что-то добавить.

В 269 г. готы организуют новый поход в Империю. Его масштабы и сущность заметно отличаются от всего, что стало уже привычным для римлян и греков. Коалиция племен была впечатляющей: кроме ост- и вестготов в источниках упоминаются певкины, грейтунги, тервинги, гепиды, герулы и некие кельты. Вне всякого сомнения, целью готов был не просто грабеж, а поселение на новых землях в пределах Империи — среди воинов была масса женщин и детей со своим имуществом. Войско шло несколькими отрядами, часть из которых двигалась по суше, а часть плыла на кораблях. Число таковых достигло на этот раз двух тысяч. Несмотря на меньший относительный размер каждого судна, стоит признать этот поход наиболее масштабным вторжением в пределы Римского государства за всю его историю. Флоты такой численности римлянам еще не встречались. Один из источников повествует даже о 6000 кораблей и 320 тысячах человек, однако это явно завышенные данные.

Сухопутное войско безуспешно пыталось штурмовать Томы и Маркианополь. Готские же корабли, выйдя из устья Днестра, вскоре достигли Боспора Фракийского. И вновь пролив стал для них серьезным препятствием. При проходе через него громадный флот оказался подхвачен течением. Готские кормчие оказались не на высоте, и суда, сгрудившись в узком проходе, стали сталкиваться одни с другими или разбиваться о берег. Потеряв десятки кораблей, готы высадили несколько десантов на европейском и азиатском берегу. Однако жители готовились к этому вторжению — сельская местность была опустошена а города сильно укреплены. Взять Византий не удалось, под стенами города германцы потеряли множество своих воинов и вынуждены были с позором отступить, зато Кизик был взят. После этого во флоте варваров обнаружились раздоры и черты деморализации; некоторые из варварских вождей отплыли со своими дружинами к островам Крит и Кипр. Главные силы флота, тем не менее, бросили якорь у Афона и, отдохнув там, напали на города Фессалоника и Кассандрия. В это же время часть флота опустошала прибрежные районы Фессалии и Греции.

Сухопутный отряд готов, забросив осаду припонтских городов, прошел Мезию и находились где-то в Западной Фракии. Навстречу готам выступил новый император Клавдий во главе всех доступных воинских подразделений Империи. Узнав об этом, готы сняли осаду Фессалоники и двинулись на соединение с остальными силами. Флот остался у Афона.

Ситуация была не из легких. Мятеж в Галлии и Испании серьезно подорвал силы государства. Клавдий не случайно писал сенату и народу Рима: «каков бы ни был наш успех, он, во всяком случае, будет достаточно велик».

Решающее сражение на суше вскоре произошло под Наиссой (современный Ниш). Варвары, казалось, уже разбили римских легионеров, подавленных их численностью, но вступление в бой императорского резерва, напавшего из горных ущелий на тыл готов, решило исход сражения. Отряд из отборной готской молодежи был принят на службу в императорскую армию; остальные пленники были проданы в рабство. Число взятых в плен женщин было так велико, что на долю каждого солдата, как говорили, досталось по две-три женщины. Потеряв, по разным данным, от 20 до 50 тысяч человек и страдая от голода, холода и чумы, готы отступали, спасаясь от преследующих их римлян. К началу 270 г. остатки войска готов пробились на север и осадили Анхиал и Никополь.

Часть флота, отделившаяся и ушедшая на Кипр и Крит, довольно долго бесчинствовала в этом регионе. Осада города Сиды в Памфилии стала наиболее ярким событием этого похода. Однако и он закончился неудачей. Римский флот — к сожалению, неизвестного нам состава и численности — вышел из портов восточной части Империи. К нему вскоре присоединились корабли с Запада — значительная часть Равеннской эскадры выступила против врага, ради борьбы с которым ее и создавали. В нескольких сражениях варварский флот был разгромлен. В столкновениях готы, разумеется, уступали более прочным, тяжелым и насыщенным вооружением — как ручным, так и стационарным — кораблям римлян. Несколько десятков судов готов было потоплено или сожжено, громадное количество воинов римляне истребили. Незначительное количество готов сумело добраться до дома.

В 275 г. состоялся, насколько можно судить, последний морской поход готов. Они переправились на малоазийский берег вдоль восточного берега Понта Эвксинского. Высадившись на берег, они двинулись вглубь материка. Корабли патрулировали вдоль понтийского побережья и серьезной роли в боевых действиях не принимали. Не встретив существенного сопротивления, готы прошли провинции Понт, Вифиния, Галатия, Каппадокия и достигли Киликии. Римляне, похоже, действовали двумя армиями и в основном на суше. Однако флот был послан, хотя и с запозданием. Он вновь состоял из кораблей Равеннской эскадры.

Потерпев ряд поражений на суше, готы отступили с добычей на корабли. Часть из них осталась в Малой Азии — то ли не успев дойти до побережья, то ли по иным причинам, например, желая здесь поселиться. Их разбили имперские войска. Не повезло и флоту. Уже на подходе к Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу) римский флот настиг готов и нанес им поражение. Увы, у нас вновь нет данных о подробностях этого столкновения.

Как бы то ни было, два поражения подряд, в которых оба раза были задействованы силы флота, положили конец готской морской экспансии. Получив статус федератов, готы оказались сухопутными соседями Империи и вскоре начали массово вливаться в ее силовые структуры и правящий класс. Однако их агрессивные действия в перспективе будут носить сугубо сухопутный характер.

Вторым флангом морских нашествий на Империю стали берега Ла-Манша. Борьба с франками, пытавшимися вторгнуться в Галлию 280-х годах, заверши-

лась весьма трагично для государства — франки были отбиты, но их победитель, один из полководцев императора, Караузий, узурпировал власть в Британии.

Дело в том, что источники поздней Империи не дают точного представления о национальном составе этих новых морских разбойников. Несомненно, среди них было немало франков, саксов и других германцев. Их флоты, состоявшие порой из сотен судов традиционного германского типа, описанного выше, с середины III столетия становятся серьезной проблемой для побережий Галлии и Британии. Именно для отражения этих нашествий небольшие отряды кораблей, охранявшие переправу через пролив, были реорганизованы в Гезориакскую флотилию (по названию города на месте современной французской Булони). Численность этого флота, в составе которого были и либурны, и триремы, достигала 200 единиц, иногда увеличиваясь в силу особых условий.

Возглавил этот флот по распоряжению императора Максимиана Караузий, который, будучи человеком отнюдь не знатного происхождения, выдвинулся благодаря своей отменной храбрости и опытности в качестве кормчего. Став адмиралом этого флота, Караузий весьма своеобразно распорядился полученной властью. Впрочем, эта ситуация характеризовала отнюдь не его самого, а общее положение дел в Империи, упадок которой стал неопровержимым фактом.

Дело в том, что Караузий очень лично понимал свою функцию на галльской границе. Когда германцы выходили на свой пиратский промысел, он совершенно беспрепятственно пропускал их на побережье Галлии и Британии, т. е. на территорию, хранить которую как зеницу ока было его первой задачей. На обратном пути отягощенных добычей варваров Караузий честно и бескомпромиссно перехватывал. Отобранная добыча пополняла его собственные богатства. Естественно, слухи об этом немедленно достигли императора. Но тот был далеко, и его приказ о казни Караузия выполнить не смогли. Караузий делился со своими флотскими командирами, а потом еще и заключил договор с варварами. Покинув гавань Гезориака, он увел флот в Британию, где склонил на свою сторону расквартированные там легионы и вспомогательные войска.

Присвоив себе титул императора, Караузий фактически отторг этот остров от Империи. В течение семи лет он возглавлял эту импровизированную мини-империю, поддерживал в отличном состоянии свое любимое детище — свой флот, комплектуя его также в значительной степени варварами. Нанимаемые им варвары из саксов и франков укрепили северную границу от набегов пиктов из Шотландии. Караузий чеканил монету, покровительствовал искусствам, вводил в своем окружении германские моды в одежде, манерах и прическах. Под его властью осталась и значительная часть северо-западной Галлии вокруг Гезориака. В результате Караузий стал кем-то вроде Вильгельма Завоевателя. Он всецело господствовал на обоих берегах Ла-Манша, его флот беспрепятственно распоряжался прилегающими акваториями, в частности устьями Рейна и Сены. Грабительские экспедиции на римское побережье Галлии стали нормой в это время.

Империя, напротив, лишилась в регионе практически всех сил флота, а отстроить его было затруднительно в силу того, что государство разрывалось между нашествиями варваров, финансовыми кризисами и политической нестабильностью. Все-таки строительство флота требовало серьезных усилий и личности руководителей, которые были уже в дефиците. Когда римлянам все же удалось — после тяжелых усилий — отстроить на бискайском побережье свой новый флот,

ему просто нечего было противопоставить флотилии Караузия: неопытные моряки и кормчие не шли ни в какое сравнение с вышколенными «морскими волками» британского узурпатора. В результате имперский флот был наголову разбит. С Караузием заключили договор, признав его императорское достоинство.

Но вскоре, с утверждением режима тетрархии в Империи, эффективность противодействия смутьяну возросла. Констанций взял на себя ведение войны с Британией. Прежде всего он решил ликвидировать континентальные базы узурпатора. Он осадил Гезориак и возвел огромный мол поперек входа в гавань. Полностью отрезав таким образом город от блокадопрорывателей, он запер в гавани и часть флота Караузия. После упорнейшего сопротивления город сдался. В течение трех лет Констанций употреблял всю свою энергию на завоевание галльских территорий, подчиненных Караузию, а также на сооружение и, главное, тренировку своего флота. Его успешные операции против франков исключили их участие в войне на стороне узурпатора. В разгар подготовки к вторжению на остров Караузия убил его ближайший приспешник — Аллект, чьи бойцовские и политические таланты существенно уступали дарованиям убиенного покровителя. Констанций, напротив, был воплощением решимости. Он — почти как в ходе операции «Оверлорд» — рассредоточил свои силы, не давая противнику возможности предугадать направление высадки.

Префект Асклепиодат, бывший командиром главной эскадры имперского флота, наконец, переправился через пролив. Сделано это было просто филигранно. Под прикрытием густого тумана, покрывшего море и британский берег, эскадра римлян вышла в море. Несмотря на бурное море и боковой ветер, римляне преодолели пролив и, искусно обойдя заградительный кордон, выставленный Аллектом в устье Темзы, десантировали войска на западном побережье острова. Асклепиодат демонстративно сжег свои корабли, не желая давать войскам повод к отступлению. Вскоре Аллект в единственном генеральном сражении сдал Британию и был убит. Британия была возвращена в Империю.

Однако этот успех не очень помог Империи на западном фронте. С конца III в. подлинным бедствием для Британии и Галлии становятся непрекращающиеся нашествия англов, саксов и ютов. Это было своего рода генеральной репетицией походов викингов. На гребных ладьях, аналогичных судну из Ньюама, германские воины внезапно появлялись у берега, и спасения от них зачастую не было.

В начале эпохи домината, т.е. к концу III в., защита береговой линии, особенно на востоке, юге и юго-востоке, была усилена и защищена от нападений саксов. У Малтона, расположенного примерно в 30 км от Эбуракума (Йорка) на побережье, имелись пограничные укрепления. В зоне пролива находился так называемый *Litus Saxonicum*, до конца IV в. соответствовавший своему назначению. В дополнение к этой линии укреплений была воздвигнута вторая — на материке, на побережье Галлии, также против саксонских набегов, так называемый *Tractus Armoricanus et Nervicanus*.

К 360-м годам нападения варваров достигли особенно большой интенсивности. Саксы опустошали берега Пролива. Но в 368 г. римскому военачальнику Флавию Феодосию — будущему императору — после ожесточенных боев удалось оттеснить нарушителей границ.

Очередной виток политического и военного упадка римского господства в

Британии начался в 383 г., когда римский военачальник в Британии Магн Максим был провозглашен своими отрядами императором. Он перебрался с частью своих подразделений в Галлию и даже уничтожил императора Грациана, утвердившись в Галлии и Испании. Вслед за этим последовала практическая передача охраны сухопутной границы Британии шотландцам. К моменту вывода отсюда легионов в 407 г. никакой регулярной защиты побережья, конечно же, не было. Нашествия саксонских пиратов стали регулярным явлением. Показательно описанное Гильдасом настроение, обуявшее британцев к этому времени. В письме к Аэцию, руководившему обороной Галлии, в 446 г. они писали: «Варвары гонят нас в море, а море гонит нас обратно к варварам; мы пребываем между двумя этими смертями, и нам предстоит быть либо задушенными, либо утонуть». Но помощь Рима уже не пришла.

Великолепное свидетельство находим мы в произведениях Аполлинария Сидония. В панегирике императору Авиту в 456 г. он писал: «Tractus Aremorius также ждет саксонских пиратов, которые удали ради бороздят британские воды на своих кожаных лодках, прокладывая путь через синее море в залатанных своих суденышках». Тогда он еще иронизировал над саксами, а в письме, датированном 469 или 470 г., он уже с явной тревогой говорил о серьезной опасности, которая исходит от саксов: «Этот враг своей жестокостью превосходит всех других. Он нападает мгновенно и неожиданно; если его замечают до того как он нападет, он уклоняется от сражения. Он презирает тех, кто выступает против него открыто, и уничтожает тех, кто его не ждет. Когда он кого-либо преследует, он перерезает ему дорогу; если же он вынужден бежать, он ускользает от преследователей. Кораблекрушение его не пугает, оно для него не более чем упражнение в ловкости. Опасности, ожидающие его в море, для него не только привычны, но и приятны. Если поднимается буря, то она порождает в душе тех, кто ждет нападения, ощущение укрытости, — но буря скрывает и тех, кто нападает: они охотно мирятся с опасностью, которая подстерегает их в волнах прибоя или на острых скалах, надеясь на успех неожиданного нападения». Из письма Аполлинария (сообщающего, что после нападения саксы подняли паруса и уплыли «на свою родину, прочь от континента») можно понять, что базой для этих нападений была уже сама Британия.

Так — тихо и относительно бесславно — завершилось римское присутствие в Атлантике. Возникавшим на обломках Империи варварским королевствам и доживавшим свой век фрагментам Римского государства, даже если они и имели выход к морю, было уже не до военного флота — просто не хватало сил и времени.

В последние века Рима оборона на реках еще держалась. Реформы Диоклетиана на рубеже II и III вв. выразились и в некотором оживлении речных флотилий, однако все усиливающийся натиск варваров вскоре сделал эти усилия тщетными. С того времени, как Италия перестала быть местопребыванием правительства, Мизенская и Равеннская флотилии стали приходить в упадок. В силу того, что военно-морской флот в эпоху Империи базировался не столько на воинских приготовлениях, сколько на традициях торгового мореплавания, вполне естественным было поддержание этого «естественного уровня» именно в экономически развитых и процветающих восточных провинциях — прежде всего в Египте, Палестине и Малой Азии.

Едва ли не последним случаем массового применения флота в Средиземном

море в контексте междоусобных войн было противостояние западного императора Константина и властвовавшего над Востоком Лициния. Обе стороны обзавелись флотами. Флот Лициния состоял из трехсот пятидесяти либурн, из них сто тридцать были доставлены из Египта и Киренаики, сто десять прибыли из портов Финикии и с острова Кипр, а еще сто десять выставили Вифиния, Иония и Кария. Приготовления Константина не шли ни в какое сравнение с приготовлениями Лициния. Вся Греция выставила в пирейской гавани не более двухсот небольших судов. Однако Лициний не воспользовался своим подавляющим превосходством на море для того, чтобы перенести боевые действия на территорию противника и захватить стратегическую инициативу. Он ждал противника у Адрианополя, на суше. А на стороне Константина, напротив, была великолепная сухопутная армия. Беспорядочная масса молодых рекрутов Лициния была растерта западными ветеранами. Сам император укрылся в Византии. Он не сомневался, что господство на море и недавно подновленные стены обеспечат ему безопасность в осаде.

В самом деле, у Константина, казалось, не было никаких шансов. Голод грозил скорее его войску, нежели осажденным. Но Константин немедленно вызвал к себе в лагерь собственных адмиралов и дал им приказ во что бы то ни стало прорваться через Геллеспонт. Адмиралы Лициния, напротив, отдали инициативу в руки противника. Именно это было непростительной ошибкой. Здесь, в Боспоре Фракийском, развернулось одно из последних морских сражений эпохи Великого Рима.

Флот восточного императора стоял в проливах, как будто ожидая противника. Лишенный возможности маневрировать, он утрачивал здесь свое главное преимущество — численность. Сражение длилось два дня. Командовал западным флотом сын императора Крисп, восточным — наварх Аманд. В первый день флоты, несмотря на кардинальную количественную разницу, сражались на равных и, понеся тяжелые потери, вернулись к местам своей стоянки. На следующий день внезапно подул сильный южный ветер. Поскольку корабли Криспа шли как раз с юга, он быстро понес их в сторону противника. Надо заметить, что матросы и морские пехотинцы показали все, на что они были способны, и выложились до предела. Благодаря их храбрости флот Аманды был разгромлен, а сам наварх с трудом спасся и едва сумел бежать в Халкедон. Восточный флот потерял 130 кораблей и не менее 5000 человек личного состава.

Разблокировав море, Константин получил возможность снабжать свою армию по воде. Вскоре Византии был взят западной армией. Впрочем, Лициний еще пытался сопротивляться и, бежав из города, собрал новую армию и малотоннажный флот. С его помощью он перебросил не менее 50 000 человек на европейскую сторону Геллеспонта, однако в битве под Хрисополем был наголову разбит. Так что флот ему больше не понадобился.

Пожалуй, последним движением агонизирующей Империи как целого в сфере военно-морского строительства стало возрождение Константином Великим Византия, превратившегося теперь в Константинополь. Город был фактически отстроен заново и стал подлинным форпостом Востока. Константинопольская гавань — один рукавов Босфора Фракийского — носила название Золотого Рога. Река Лик, впадавшая в гавань, очищала ее дно от растительности и заиливания. Благодаря практическому отсутствию приливов и отливов глубина порта

позволяла осуществлять выгрузку товаров прямо на набережную — без помощи лодок, непосредственно на причал или на склады. С начала IV столетия Константинополь с его огромной (имеющей вход шириной около полукилометра) и отлично защищенной гаванью, перекрытой цепями, превращается в главный порт восточной части Империи. Здесь содержится флот, численность которого никогда не опускается ниже 250 боевых кораблей. Константинополь надежно блокирует переправу из Европы в Азию и служит надежным заслоном любой попытке проникновения по морю из Понта Эвксинского в Средиземное море. Впрочем, если эти попытки и были, то слишком слабые и непоследовательные, по крайней мере, о них не сохранилось упоминаний в источниках.

Вместе с тем в финале эпохи античности Средиземноморью еще предстояло стать ареной грандиозных морских предприятий. Символично, что они развернулись именно там, где начиналась морская история Рима — история вообще глубоко символична. Речь идет о войнах Византии с вандалами. Традиционно внимание привлекают прежде всего боевые действия VI столетия, когда войска Велисария в одной кампании буквально растерли Вандальское королевство, однако в эпоху правления императора Льва Фракийца, в 468 г., произошло массовое морское сражение, которое с известной долей обоснованности можно считать последней морской битвой римлян. В самом деле, хотя Империя уже давно была и формально, и физически разделена на Запад и Восток, до падения Рима оставалось восемь лет, поэтому битвы восточных императоров принадлежали еще общей истории этого двуединого государства.

В этом сражении восточноримский флот столкнулся с единственной к тому моменту мощной силой варваров на море — флотом вандалов. За несколько десятилетий до этого, в начале V столетия, вандалы, вломившиеся в Италию в составе громадного потока варварских племен, прославились как первые обладатели лавров покорителей Рима, взятого их королем Аларихом в 410 г. Вскоре вандалы, используя римские корабли, осуществили массовую переправу в Африку, где на месте бывшего Карфагенского государства и обрели свою новую родину. Их вождь Гейзерих (Гизерих), отличившийся впоследствии удивительным для тех времен политическим долголетием (он умудрился править с 428 по 477 гг.), не только стяжал богатую и плодородную римскую провинцию, но и сумел отстоять ее в бескомпромиссной схватке с императором Византии. Союзниками и соратниками вандалов были аланы (предки нынешних осетин), которые вместе с ними составили в основном варварскую часть нового варварского королевства, а также ряд других племен.

Гейзерих развернул масштабную государственную деятельность, однако наиболее ярким из его деяний, безусловно, стало создание на базе унаследованных римских кораблей и новопостроенных судов собственного многочисленного флота, который стал самой важной и, фактически, единственной боеспособной силой в акватории Западного Средиземноморья. Этот флот не просто демонстрировал силу — Гейзерих самолично водил его в походы, целью которых стали нашествия на наиболее зажиточные и благополучные побережья разоренного Великим переселением народов региона. Ежегодные, начинавшиеся весной походы имели своей целью то Италию, то Сицилию, то Иллирию, то Грецию и Пелопоннес. Откровенно грабительский характер этих экспедиций был совершенно очевиден и являлся ярким примером варварских нашествий, перенесенным на море. Как рассказыва-

ли, однажды флот был уже готов и поднимал паруса, когда Гейзерих взошел на корабль. Кормчий спросил его, против какого народа плыть? «Разумеется, против тех, на кого прогневался Бог», — ответил король. Возможно, это была вполне разумная предосторожность в виде сохранения военной тайны, но, скорее всего, типичная боевая бесшабашность германского лидера. В этот момент Гейзерих как никогда походил на своих «двоюродных внуков» — скандинавских конунгов лучших времен.

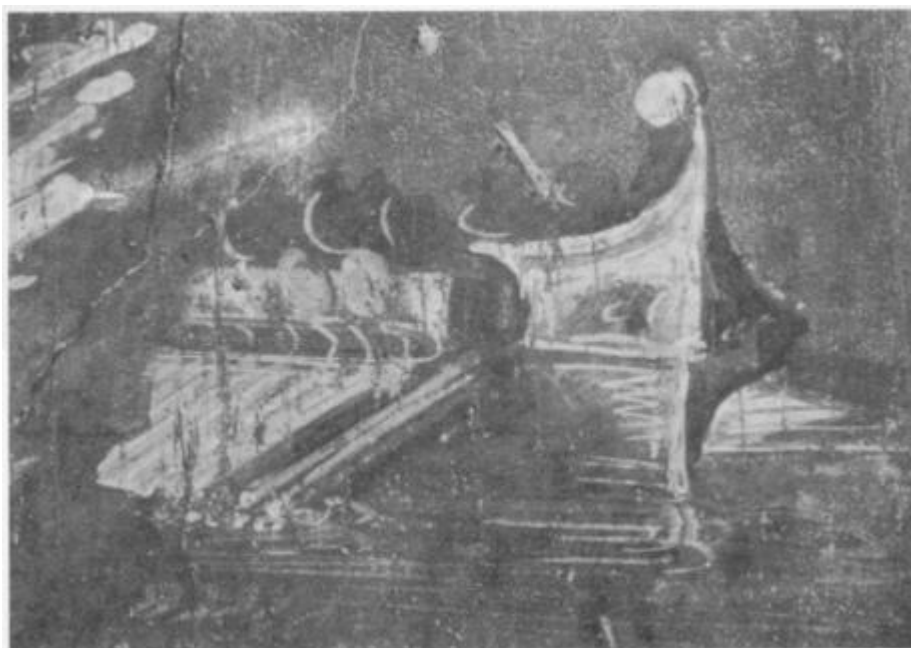
Конечно, подобные каверзы не вызывали энтузиазма у властей Империи. В 468 г. терпение их лопнуло. Император Лев I начал собирать войско и готовить флот. Общая численность войск доходила до 100 000 человек. Эти цифры могли бы вызвать сомнение, но, коль скоро речь шла и о громадном флоте, кажется, что к ним мы должны отнестись с большим уважением. На подготовку похода истрачены были умопомрачительные деньги. Во всяком случае, все имеющиеся источники рисуют картину приготовлений громадного масштаба, хотя деталей в плане точного качественного состава флота и многих других подробностей до нас не дошло. Как говорил Прокопий Кесарийский, такого флота у римлян еще никогда не было. Оставим это замечание на его совести: обычно он не обманывал своих читателей, да и сам был достаточно критичен.

Главкомом назначили Василиска, брата жены Льва Верины. Его не без оснований подозревали в претензиях на престол и оттого приписывали не слишком большое рвение в деле уничтожения вандалов — ведь это укрепило бы на троне его соперника.

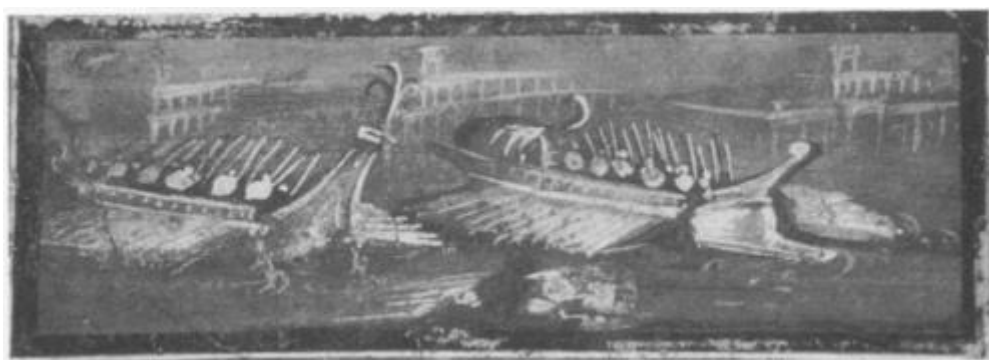
Нельзя сказать, что операция была плохо организована. Император замыслил тройной удар по вандалам, результатом которого, очевидно, должно было стать уничтожение их сил. Одна армия, под командованием Марцеллиана — сподвижника знаменитого Аэция — нанесла удар с севера, захватив Сардинию, находившуюся до того под властью вандалов. Другой талантливый полководец — магистр милитум Фракии Ираклий — нанес удар с востока. Его войско высадилось в Триполисе и, оставив корабли, ускоренным маршем достигло вандальских поселений, где и разбило отряды противника.

Настал критический момент — Гейзерих вполне серьезно считал свое дело проигранным, узнав о разгроме флангов и прибытии основного флота Василиска. Этот флот традиционно пристал у Прекрасного мыса, неподалеку от Карфагена. Один стремительный бросок, конечно, мог решить дело достаточно быстро. Однако Василиск, все же, видимо, был нечист в своих помыслах о собственном политическом будущем. Он медлил, и это позволило Гейзериху прийти в себя и принять трезвые решения.

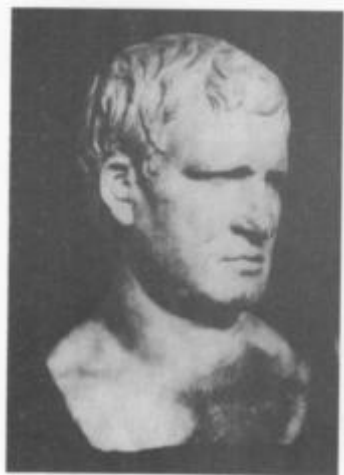
Тот сделал все возможное. Он отправил к Василиску послов, прося у него перемирия на пять дней, якобы для того, чтобы уговорить своих вандалов на приемлемые для византийцев условия сдачи. Параллельно, кажется, Василиску отправили и деньги в немалом количестве в надежде купить если не его уход, то промедление. Одновременно Гейзерих готовился к грандиозному морскому сражению. Будучи уже опытным флотоводцем, он ждал перемены ветра, который вскоре должен был стать попутным для его кораблей. Все эти меры в совокупности принесли результат. Через несколько дней ветер действительно подул в нужном направлении, как бы приглашая Гейзериха попытать счастья в очередной раз. И он не упустил своего шанса.

Римский боевой корабль (фреска)

Либурины, выходящие из гавани (фреска)

Марк Випсаний Агриппа

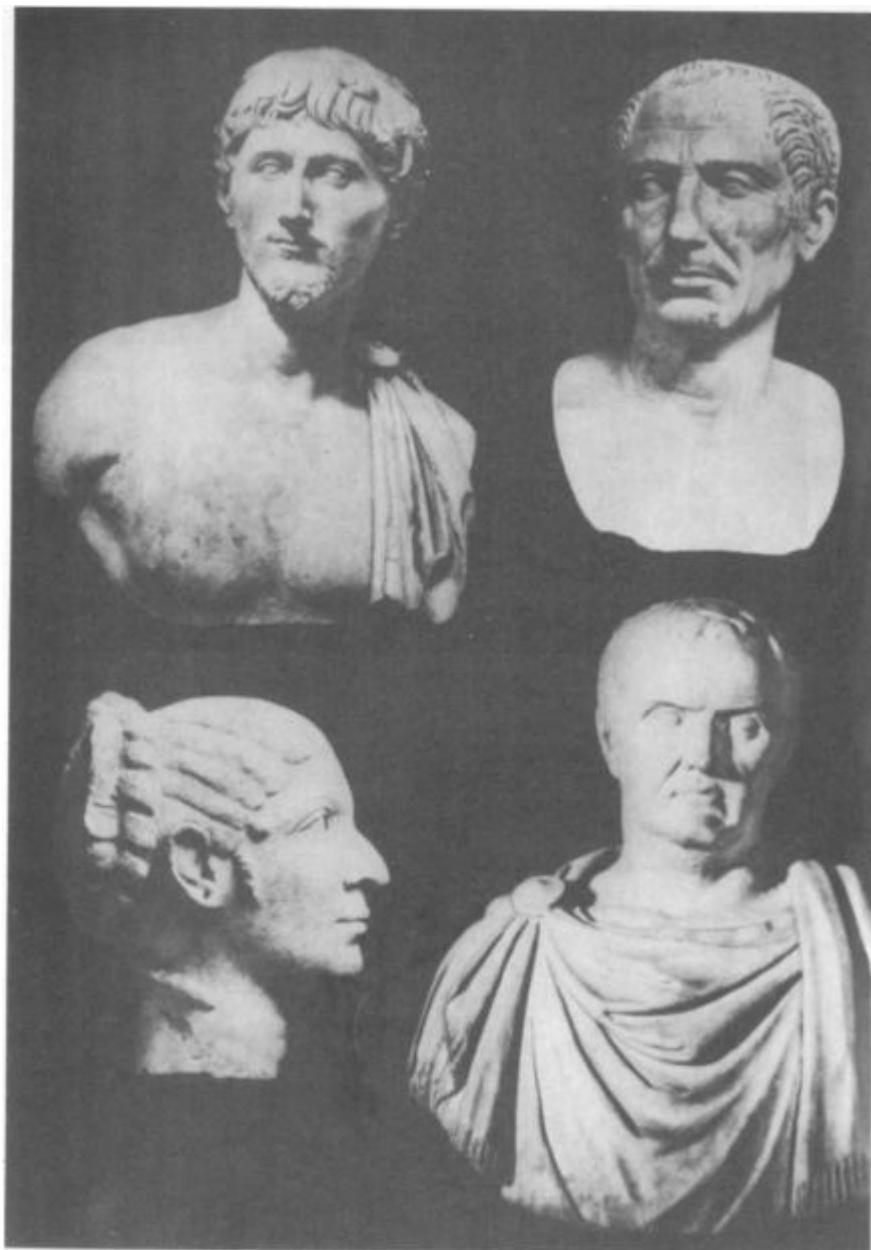
Гней Помпей Великий

Ростральная колонна

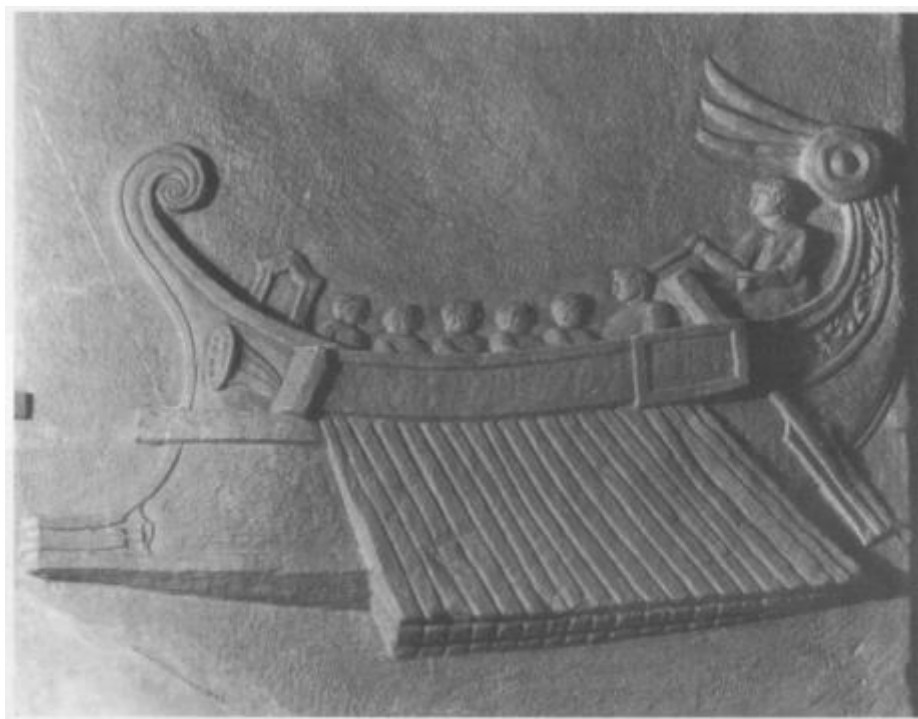
**Римский рельеф с изображением транспортного судна.
Над головами команды видны бочки, которыми загружен корабль**

Вверху слева — Марк Эмилий Лепид; вверху справа — Гай Юлий Цезарь;
внизу слева — Клеопатра; внизу справа — Марк Антоний

Легкие корабли римлян в походе

Рельеф с изображением римской триремы

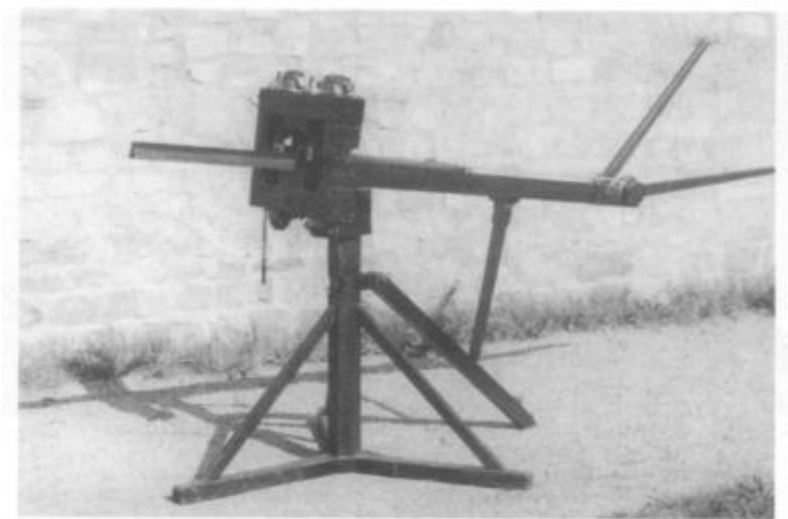
Легионеры abordажной партии римского корабля перед атакой (рельеф)

Легионеры, атакующие противника с палубы корабля с применением пилумов (рельеф)

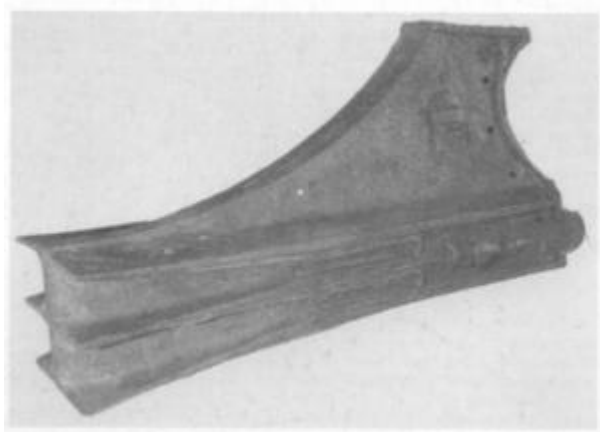
Морское сражение с применением abordажной тактики (рельеф)

Палубная баллиста — один из наиболее распространенных вариантов римской корабельной артиллерии (реконструкция)

Либурна с двумя метательными машинами на баке (реконструкция)

Таран римского боевого судна

Погрузка провизии на грузовой корабль (фреска)

Буксировка с берега баржи с провиантом (рельеф)

Погрузка амфор с вином и маслом на грузовое судно (мозаика)

Войска Гейзериха, отлично вооруженные и давно ждавшие своего часа, взошли на корабли. Флот немедленно вышел в море. Однако значительная часть кораблей Гейзериха шла в бой без команды и войск, только с кормчими и необходимым минимумом матросов на них. Их тащили на буксире остальные суда. Мы не знаем в точности, что еще погрузили на эти корабли, которым предстояло стать брандерами — вполне вероятно, что люди Гейзериха позаботились о том, чтобы наполнить их горючими материалами. Подойдя в непосредственную близость к стоявшему на якоре флоту противника, Гейзерих отдал приказ об атаке. На брандерах, выведенных на последние в своей корабельной жизни курсы, подняли паруса и закрепили румпели, после чего кормчие и матросы попрыгали за борт.

Атака была страшной. Римляне не ожидали ее, и их корабли стояли плотной группой, а поскольку их было очень много, то ни один брандер не проходил мимо цели, рано или поздно находя жертву. Очаговые возгорания вскоре превратились в целые группы горящих кораблей, команды и солдаты на палубах которых в страшной суматохе и смятении пытались спастись или оттолкнуть пылающие суда от своего борта. В основном эти попытки были тщетны, и множество судов римлян сгорело дотла, даже не снявшись с якоря.

И тут появились остальные корабли вандалов. Посеяв панику и полностью переключив внимание римлян на тушение пожара и собственное спасение, Гейзерих немного выждал. Стоит учесть и то, что горящие брандеры и римские корабли (дерево, смола, пенька и парусина), несомненно, давали массу дыма, которым заволокло весь горизонт. Под прикрытием этой дымовой завесы вандалский флот развернулся и изготавился для атаки, а когда перед ними оказалась вполне готовая добыча, ринулись в атаку.

В ней была реанимирована старая как все Средиземноморье таранная тактика. Тараны в этом сражении вновь стали важнейшим оружием. Вандалы, таким образом, отлично усвоили уроки своих учителей. Ударами в борта византийских судов вандалы топили их, а в редких случаях и брали на abordаж. Особым героизмом прославился один из командиров Василиска, Иоанн. Его судно взяли в клещи и начали штурмовать с нескольких сторон. Не имея ни малейшей надежды на победу, Иоанн отбивался до последнего, а когда увидел, что его корабль захвачен, прыгнул в воду во всем своем вооружении. Руководил этой атакой сын Гейзериха, Гензон, который тщетно просил Иоанна сдаться в плен. Ответив, что никогда Иоанн не будет в руках собак, командующий пошел ко дну.

В общем, победа была полной. Главные силы византийцев были уничтожены, погиб почти весь их флот. Когда предатель убил Марцеллиана, боеспособным осталось только войско Ираклия, которое в одиночку ничего не могло сделать и вернулось домой. Так завершилось последнее сражение римского флота, символичное по многим показателям. Римляне «сломали зубы» именно под стенами Карфагена и, кроме того, сражение было проиграно ими не только в силу атаки брандеров, но и благодаря массовому и искусному применению вандалами традиционных таранов. Круг замкнулся. «Вороны» и многоярусные гиганты, сотенные флотилии квинкверем и боевые башни на судах — все это безвозвратно уходило куда-то в глубину веков. Античный мир исчезал, как утренний туман под лучами солнца, а вместе с ним исчезали и флоты античности. Им на смену шло совершенно иное время, иные люди и иные формы ведения войн.

Несомненно, не в последнюю очередь благодаря сильному флоту, бывшему средством устрашения, в перипетиях Великого переселения народов выстояла и сохранила себя именно Восточная Империя, Византия. В середине VI в., в годы, когда Западная Европа будет лежать в развалинах и на пепелище Римской Империи будут собирать свои силы полудикие дружины варварских народов, Византия под руководством императора Юстиниана сумеет организовать молниеносную десантную операцию в Африке, а потом в Италии и Испании и почти восстановит прежнюю великую Империю. Поддержание в течение 20 лет надежного морского моста Константинополь — Италия будет событием, которое даже в самых честолюбивых снах не посетит новых властителей Европы. А несколько позднее византийский флот на деле докажет Карлу Великому бессмысленность натиска на Восток. Более того — великая Венеция эпохи средневековья станет прямой наследницей имперских флотских традиций. Так что Империя на море отнюдь не погибнет в V столетии. Но все это — тема совсем другой книги и совершенно иная эпоха.

ГЛАВА IX МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ И ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ БОЕВОЙ СЛУЖБЫ РИМСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Non refert quam multos, sed quam bonos habeas
(Важно, не сколько у тебя, а сколь они хороши)

КОРАБЛИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА ДРЕВНЕГО РИМА

Начало римского кораблестроения в исторической ретроспективе — Три периода римского кораблестроения — Типология римских кораблей — Проблема рядности весел — Следы гигантомании — Основные конструктивные особенности, поражающие факторы и характеристики римских судов — Практика кораблевождения — Либурны и их использование.

Римское кораблестроение всецело находилось в русле общей средиземноморской традиции. Как показывает анализ письменных источников, а также многочисленных материальных свидетельств — рельефов, мозаик и т. д., — типы кораблей, применявшиеся римлянами в ходе боевых действий и транспортных операций, по своей конструкции принципиально не отличались от аналогичных типов кораблей Греции и эллинистических государств Малой Азии. Огромное влияние на становление римского боевого флота оказало карфагенское (т. е. финикийское и переднеазиатское по своей сути) судостроение. Карфаген не только стал самой существенной угрозой Риму в момент его выхода на международную арену, но и способствовал бурному прогрессу, вернее, самому возникновению римского военного судостроения. Не копируя в точности пуническую традицию, римляне, оттолкнувшись от нее, не могли не перенять многих конструктивных особенностей, ей свойственных. Карфаген был главным соперником на суше и море, поэтому при строительстве флота было необходимо учитывать именно его характеристики для успешного противодействия — лучшее перенималось, несовершенное, если удавалось, старались улучшить. Вместе с тем сама Италия располагала немалым числом племен, у которых существовало развитое судостроение. На их фоне выделялись этруски, действительно придавшие определенный импульс совершенствованию римских судостроительных навыков.

Печально и, быть может, до боли обидно, но это неоспоримый факт: ранняя история римского торгового и военного судостроения покрыта мраком, который порой слегка рассеивается исключительно благодаря тем или иным случайным находкам, в основном на дне морском. Однако степень этого рассеивания все же остается досадно низкой. Одна из самых главных интриг — располагали ли римляне боевым флотом до Первой Пунической войны? Судя по всему — нет. У них просто не было такой задачи. Можно спорить и приводить аргументы за и против этого мнения, но главным останется факт — все источники указывают на определенную степень растерянности римлян в самом начале войны, когда они всерьез осознали необходимость строительства не просто нескольких боевых кораблей, а целого военного флота. Очевидно, эта растерянность не была след-

ствием некой природной и врожденной осторожности римлян — уж как раз этим они никогда не отличались. Так что, без сомнения, отцы-сенаторы и римские военачальники были до этого знакомы с боевыми кораблями — хотя бы на примере их греческих союзников, живших в двух шагах от Вечного города — но степень этого знакомства была весьма поверхностной. Скажем, в качестве аналогии можно привести такой пример. Некий генерал, еще помнивший свои лейтенантские годы где-нибудь под Седаном, на старости лет, присутствуя на тактических занятиях танкового подразделения году этак в 1917, в принципе, мог восторгаться мощностью машин и даже согласно кивать, когда ему объясняли все выгоды их использования, однако решительно все, что было связано с устройством, характеристиками и спецификой боевого применения этих забавных штуковин, для него продолжало, несомненно, оставаться великой загадкой, решать которую он даже не пытался. Возможно, какие-то грани мировосприятия этого условного генерала были вполне свойственны и римским командирам на переломе истории их государства. В идеале, конечно, было бы просто «напрячь» союзников и пользоваться их кораблями, экипажами, кормчими, штурманами и т. п. Собственно, вначале так и поступали. Тонкостей и времени перехода на использование преимущественно собственных сил мы не узнаем никогда — и это уже совершенно точно. Но ясно, что отказ от использования сил союзников затянулся даже не на десятилетия, а на века. Еще в гражданских войнах активно применялись корабли «импортной» постройки, которые заимствовали у подконтрольных народов и государств. Но, параллельно с этим, массово и качественно строили свои собственные корабли. Практика эта тихо изжила себя лишь во времена Империи — с изменением политической ситуации и статуса бывших союзников.

В общем-то, вопрос так остро и не стоял. То, что римский торговый флот существовал с весьма давних времен, не может быть подвергнуто сомнению. Иначе, собственно, вряд ли бы возникли Пунические войны, а Карфаген пришлось бы перепаживать и посыпать солью какому-то иному племени, но никак не латинянам. Римские торговые корабли бороздили Средиземное море задолго до того, как в Сенате оформилось желание твердой ногою встать на Сицилии. Эти корабли были своими, что принципиально важно. Собственно, торговый корабль в те времена отличался от боевого обводами корпуса, рядом конструктивных особенностей и предназначением. Общие размерения и, если угодно, степень сложности всего сооружения были вполне сопоставимы. Именно поэтому знаменитая фраза Т. Моммзена о том, что строительство боевого флота в начале Пунических войн было подобно строительству линейного флота государством, имевшим ранее лишь легкий флот, вызывает некоторое недоумение и, в любом случае, неприятие. Никакого качественного скачка не требовалось. Нужно было освоить и поставить на поток иную конструкцию — естественно, несколько изменив собственные традиции, мышление и, главное, получив образец. Именно это и произошло после того, как сел на мель знаменитый корабль карфагенян, послуживший римлянам своего рода прототипом и толчком для развития собственной инженерной фантазии.

Однако это судно, конечно же, не стало откровением и истиной в последней инстанции. Вокруг римлян было куда как более талантливых и однозначно более лояльных, чем карфагеняне, итальянских греков. Украсть или скопировать у них технологию строительства боевого корабля было совсем несложно, а лицензий и

авторского права в те времена, к счастью, не существовало и в помине. Но римлянам был нужен именно карфагенский корабль, ибо именно с такими судами они намеревались вести тяжелую и кровавую войну. И все-таки новые римские суда не были ни зеркальной копией, ни раболепным подражанием карфагенскому трофею. Источники неоднократно подчеркивают, что на протяжении всей войны среднестатистический римский корабль оставался более тяжелым, медленным и менее маневренным. Это могло происходить в двух случаях. Во-первых, можно было действительно скопировать внешние обводы судна, но нарушить целый ряд технологических правил и ноу-хау, например, набрать корпус не из гнутых деталей набора, а из составных — сколоченных из нескольких частей. Как известно, в поздней Византии примерно в этом и заключалась деградация судостроительной традиции. В результате корпус как раз получился бы более тяжелым и менее прочным. Конечно, такая возможность не исключена, но все же кажется более вероятным, что римляне изначально замыслили применение своего изобретения в виде абордажного мостика. В этом контексте большая пассажировместимость судна была гораздо предпочтительнее, нежели его легкость на ходу — собственно, карфагеняне вначале и не собирались уклоняться от схваток, а сами шли на римские «вороны». Именно поэтому придавать такое уж большое значение акту исследования римскими флотскими инженерами и судостроителями трофейного корабля вряд ли стоит — хотя, конечно, и игнорировать его нельзя, как и любой иной исторический факт. Гораздо более важным было тщательное исследование матчасти противника с выявлением ее сильных и слабых сторон, а заимствования, безусловно, имели уже второстепенное значение. А идея возить на корабле значительную массу морпехов и высаживать их — с изрядным, надо отметить, удобством — непосредственно на палубу вражеского судна, конечно, была гениальной — как раз из разряда тех, за которые человечество преклоняется перед древними римлянами.

Как уже указывалось, римляне в конструировании своих судов ориентировались на достижения в первую очередь греческой, этрусской и карфагенской традиций. Источником при реконструкции и исследовании трансформации конкретного облика римских кораблей на протяжении как минимум 800 лет являются как многочисленные тексты античных авторов, так и целый ряд изобразительных источников, а также относительно немногочисленные археологические находки. Наряду с тем, что информация внешне кажется достаточно обильной, стоит отметить, что в основном мы по-прежнему знакомы лишь с внешним обликом римских кораблей. То, что творилось внутри них и прежде всего то, как был устроен и оборудован боевой корабль, все еще остается в значительной степени результатом более или менее обоснованных домыслов, гипотез, предположений и аналогий. Однако многое все-таки ясно.

История римского кораблестроения знала три основных периода. Первый из них связан с эпохой Первой и Второй Пунических войн, второй — с периодом от начала Восточных войн до битвы при Акции, а третий наступил в основном после нее и продолжался уже до полного заката Римской Империи.

Первый период достаточно легко определим — в его рамках осуществлялась массовая постройка больших серий однотипных кораблей с применением стандартизации и вполне поточного производства. Это крупносерийное кораблестроение было всецело детерминировано конкретной военно-исторической обстанов-

кой, которой точно так же определялись и базовые типы кораблей. Сходившие сотнями с верфей Остии и ряда городов Италии и Сицилии суда почти все принадлежали к классу квинкверем или трирем. Не будет преувеличением сказать, что на долю первых приходилось не менее двух третей общего количества спущенных кораблей, а на долю вторых — более половины оставшихся бортов. Легкие суда, совершенно необходимые для патрульной, посыльной, разведывательной службы, преследования противника и других целей, несомненно, строились, но здесь необходимо учитывать одно очень важное обстоятельство. Легкий флот нес в этих войнах символические потери. Львиная доля таковых приходилась у обеих сторон на квинкверемы, оставлявшие далеко позади по этому показателю триремы. Поэтому оборот материальной части и потребность в ее обновлении в секторе легкого флота были гораздо ниже и менее интенсивными.

Второй период характеризовался тем, что римляне, измотанные противостоянием с Карфагеном, вначале предпочитали использовать корабли восточных союзников — преимущественно Родоса. Резко снизилось как количество кораблей, одновременно стоящих на вооружении, так и число вновь вводимых в эксплуатацию судов. Принцип действовал такой, что корабли в основном служили «на износ», а новые программы осуществлялись по случаю, для решения конкретной боевой задачи в рамках планировавшейся стратегической операции. Вначале принципиальной разницы с предшествующим временем в наиболее популярных классах кораблей вроде бы не было, однако постепенно стали происходить определенные изменения, выразившиеся в постепенном увеличении размеров судов и их водоизмещения. Здесь действовали две причины: знакомство с эллинистическими кораблями и осознание того факта, что большее количество морских пехотинцев и большая высота борта откровенно способствуют одержанию победы над противником.

Апофеозом этого процесса стали сражения Агриппы при Навлохе и Агриппы и Октавиана при Акции. Последний бой, правда, не слишком продемонстрировал очевидные и неоспоримые преимущества легких классов кораблей над сверхтяжелыми. Останься у Империи морские враги или продолжись гражданские войны — быть может, гонка морских вооружений сделала бы еще виток-другой (хотя, кажется, дальше было уже некуда). Но врагов не осталось — и наступило время либурн, т. е. собственно третий период. В его рамках средние корабли, конечно, строились и эксплуатировались, но уже не были ни костяком флота, ни его главной силой. Наступило время, когда флот выполнял преимущественно полицейские функции.

Преимущество традиций опыта судостроения обеспечивалось тем, что корабли имели весьма длительный срок службы. При грамотном обращении и уходе, хранясь на берегу, корабль мог находиться в строю до 50 лет и более. Большинство кораблей Первой Пунической войны благополучно дотянули до Второй и верой и правдой служили своим экипажам и Риму еще не один год.

Римские боевые суда реализовывали общеантичную концепцию многовесельного и часто многоярусного судна. В отличие от транспортных кораблей, которые чаще всего имели только парусный движитель и при штиле теряли ход (их приходилось брать на буксир), военные корабли располагали комбинированной системой привода — у них были и весла, и мачты с парусами. Если ранние суда

были по размерам и формам, в принципе, идентичны греческим, то постепенно размерения кораблей увеличиваются.

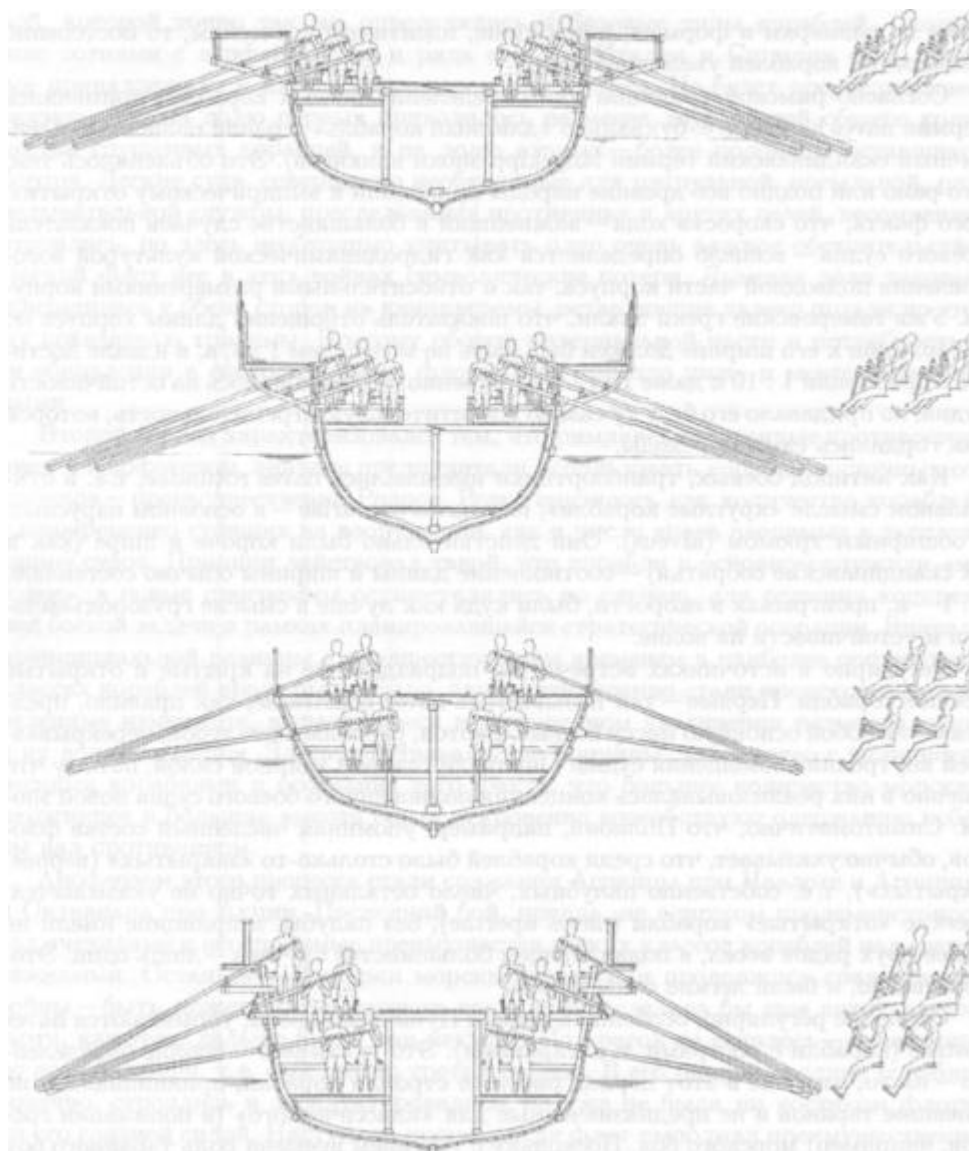
Согласно римской традиции для определения боевых кораблей применялся термин *naves longae*, т. е. буквально «длинный корабль» (сравни полностью идентичный скандинавский термин *langskipr* эпохи викингов). Это объяснялось тем, что рано или поздно все древние народы приходили к эмпирическому открытию того факта, что скорость хода — важнейший в большинстве случаев показатель боевого судна — всецело определяется как гидродинамической культурой изготовления подводной части корпуса, так и относительными размерениями корпуса. Уже гомеровские греки знали, что показатель отношения длины корпуса по ватерлинии к его ширине должен был быть не менее, чем 1 : 6, а, в идеале достигать пропорции 1 : 10 и даже 1 : 12. Естественно, это отражалось на остойчивости судна, но придавало его бегу ту самую восхитительную стремительность, которой так гордились сами мореходы.

Как антипод боевых, транспортники именовались *naves rotundae*, т. е. в буквальном смысле «круглые корабли», или *naves onerariae* — в основном парусные, с обширным трюмом (*alveus*). Они действительно были короче и шире (как и их скандинавские собратья) — соотношение длины и ширины обычно составляло 4 : 1 — и, проигрывая в скорости, были куда как лучше в смысле грузоподъемности и устойчивости на волне.

Регулярно в источниках встречается подразделение на крытые и открытые боевые корабли. Первые — так называемые *naves constratae*, как правило, представляли собой основную массу боевых флотов, располагая палубой, перекрывавшей внутренние помещения судна. Они были главной ударной силой, потому что именно в них реализовывалась концепция полноценного боевого судна новой эпохи. Симптоматично, что Полибий, например, упоминая численный состав флотов, обычно указывает, что среди кораблей было столько-то «закрытых» (вернее, «крытых»), т. е. собственно палубных, число остальных точно не указывается. Легкие «открытые» корабли (*naves apertae*), без палубы, в принципе имели не более двух рядов весел, в подавляющем большинстве случаев — лишь один. Это, собственно, и были легкие силы флота.

Столь же регулярно, особенно в период Пунических войн, упоминаются *naves rostratae* (корабли с рострами, т. е. таранами). Это указывает — вполне определенно — на то, что уже в этот период римляне строили корабли, принципиально не имевшие таранов и не предназначенные для «классического» (в понимании греков, например) морского боя. Поскольку с течением времени роль таранного боя неумолимо снижалась, уменьшается и количество упоминаний о таком классе кораблей, в отдельных источниках просто сходя на нет.

Как известно, основным принципом классификации античных кораблей — как в источниках, так и в современной литературе — является распределение их по классам в соответствии с количеством рядов весел. Полный хаос и путаница, которые существуют в этом вопросе, вполне объясняются вышеупомянутым отсутствием надежных и непротиворечивых данных о внутреннем устройстве античных судов. Классическим примером является целый ряд переводов античных авторов на русский язык, где одни и те же корабли именуются то «пятирядниками», то «пятипалубниками», то «судами с пятью рядами весел», то «пентерами», то «квинкверемами». Если два последних наименования еще можно принять как

**Варианты расположения гребцов на судах
с двумя и тремя рядами весел**

буквальные передачи греческих и латинских терминов, то с остальными просто невозможно адекватно работать при анализе. Причем если для переводов, сделанных в XIX в., это еще как-то простительно — все-таки историки и тем более филологи в ту эпоху мало интересовались конкретикой военного дела, предпочитая вполне дилетантские «обходы» острых углов текста, — то для нашего времени это буквально не лезет ни в какие ворота.

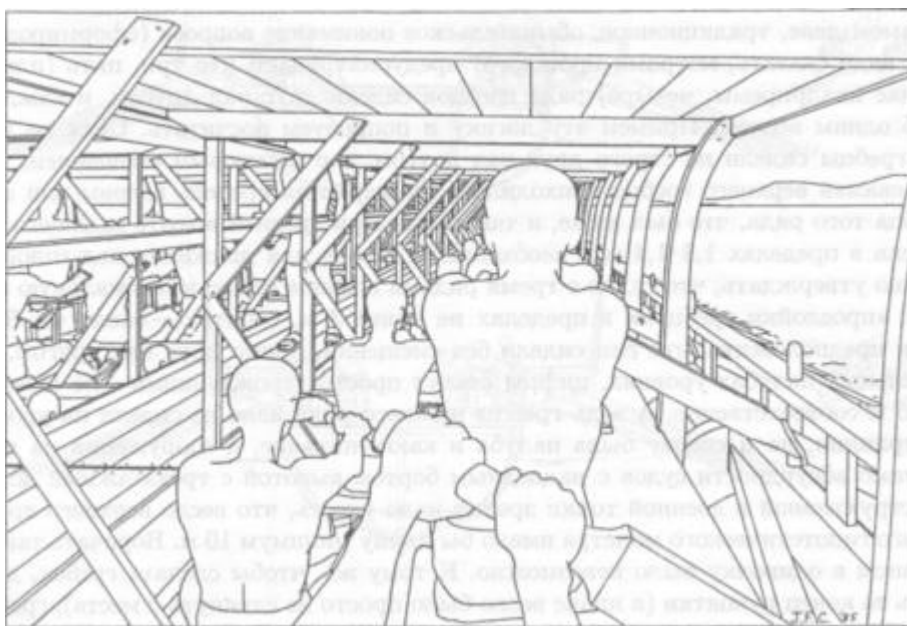
Дело в том, что безусловные лидеры по упоминаемости — квинкверемы и триремы — еще могут быть восприняты буквально (да и то только в части триремы).

В самом деле, традиционное, обывательское понимание вопроса (сформированное, надо сказать, мэтрами прошлого) предусматривает, что три, пять (или, в случае квадриемы, четыре) ряда гребцов сидели друг над другом, и каждый греб одним веслом. Примем эту логику и попробуем посчитать. Судя по всему, гребцы сидели не строго друг над другом, а с некоторым смещением, так что скамья верхнего гребца приходилась примерно на уровень головы или шеи гребца того ряда, что был ниже, и так далее. При средней высоте сидящего человека в пределах 1,3-1,4 м и необходимом зазоре для движения над головой, можно утверждать, что судно с тремя рядами гребцов имело максимальную высоту «прослойки гребцов» в пределах не менее 3 м, с пятью — около 4,5-5 м. Если предположить, что они сидели без смещения, прямо друг над другом, на отдельных палубах-уровнях, цифры станут просто угрожающими — не менее 5 и 7,5 м соответственно. А ведь гребцы нижнего ряда явно не сидели на уровне ватерлинии, да и сверху была палуба и какие-никакие, а сооружения на ней. Помимо абсурдности судов с надводным бортом высотой с трехэтажный дом с конструктивной и военной точки зрения надо учесть, что весло верхнего яруса такого гипотетического монстра имело бы длину минимум 10 м. Ворочать таким бревном в одиночку было невозможно. К тому же, чтобы сделать гребок, держась за конец рукоятки (а иначе весло было просто не сдвинуть с места), гребец должен был бы не сидеть, а бегать взад-вперед по палубе.

И если на уровне трирем такая схема еще имела смысл, то дальше действительно начинаются проблемы. Античная историография знает упоминания гексер, гептер, октер, эннер, децемер — судов, якобы, с шестью, семью, восемью, девятью, десятью рядами весел. Последние, в частности, мыслились Антонием как главная сила его флота при Акции. Известно и нечто гораздо более впечатляющее, типа несколько раз упоминаемого «шестнадцатирядника», однако абсолютный рекорд античной историографии представляет собой так называемая «тессераконтера», т. е. «сорокарядное судно». Предложенные почти полтора века назад «очевидные реконструкции» предусматривали корабль с высотой надводного борта не менее 15 м и длиной весел до 75 м, что было не просто абсурдом, но и издевательством над здравым смыслом и элементарными законами физики. В античном мире не существовало стволов такой длины, а составные весла такого размера — это действительно нечто особенное.

В общем, буквальное прочтение термина малоубедительно. Давным-давно предложено вполне разумное и непротиворечивое решение. Согласно ему, цифра в наименовании класса корабля означала количество гребцов, приводивших в движение весла одного ряда по одному из бортов. Иными словами, судно, имевшее два ряда весел, каждым из которых гребли по два человека, могло именоваться квадриемой; корабль, несший три ряда весел, где на нижнем (на самых коротких и легких веслах) сидело по одному человеку, а на верхних — по два, являлся квинкверемой (пентерой в греческом варианте). Гексера, в таком случае, располагала также тремя рядами весел с одним, двумя и тремя гребцами соответственно — длина весел росла с высотой. Все это подтверждается тем, что ни одно из изображений кораблей римского времени не демонстрирует нам более чем три ряда весел.

Несомненно, под упоминаниями «многорядных» кораблей была вполне адекватная подоплека реальных исторических фактов. С точки зрения здравого

Вид гребной палубы римского боевого корабля

смысла размещение гребцов по вышеуказанной схеме на «шестнадцатирядном» судне было вполне непротиворечивым — например, на нижнем ряду могли располагаться на одном весле 3 гребца, на втором — уже 5, а на верхнем — 8 гребцов. Несомненно, в этом случае увеличивалась общая ширина судна. На уровне верхнего ряда ширина корпуса должна была достигать 10-12 м. Эта проблема решалась традиционным для Средиземноморья способом: чем выше, тем больше расширялся корпус, «грибообразно» нависая над водой в сечении, а уключины верхнего яруса выносились на выступающие балюстрады для увеличения размаха рычага весла. В результате по ватерлинии судно могло все еще сохранять приемлемые размеры, хотя быстроходностью уже и не блистало.

Впрочем, эти корабли и не предназначались для того, чтобы гоняться друг за другом по морю и маневрировать. Они вполне удовлетворительно пересекали все Средиземное море — при ясной погоде, конечно, и «короткими перебежками» от острова к острову. Но обе последние великие морские битвы античности — Навлох и Акции — больше напоминали рыцарские турниры: противники договаривались о встрече и тихо строились на глазах друг у друга, тяжело выползая из гаваней, после чего, сойдясь, начинали ожесточенную перестрелку из всего, что можно было швырнуть в противника. Собственно, к тактике это уже не имело никакого отношения, и такие битвы, конечно, были просто немыслимы в «классическую» эпоху прошлого. В общем, аншлаг в театре абсурда, как говорится. Разборки, «стрелки» среди своих и по договоренности.

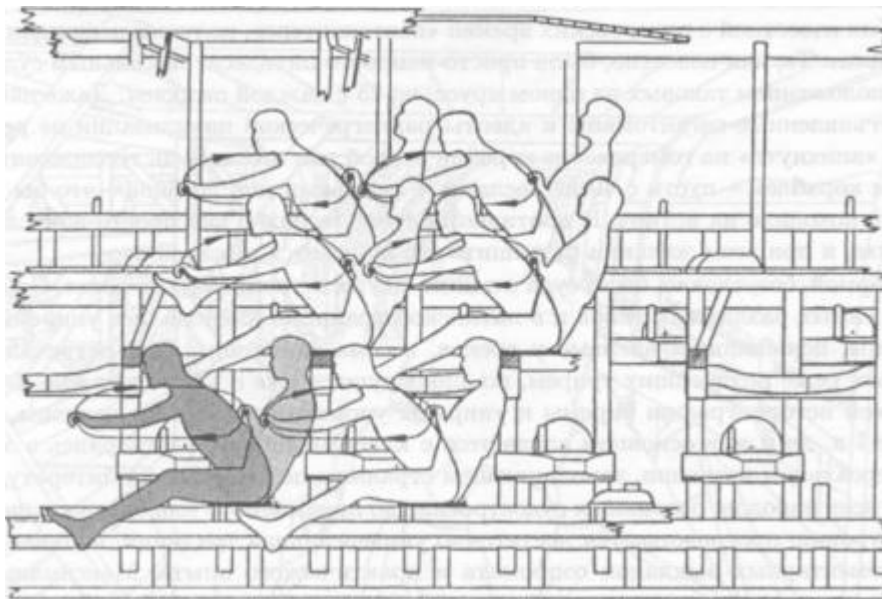
Что касается тессераконтеры, упоминавшейся в частности Афинеем из Навкратиса, то, в первую очередь, напрашивается самоочевидное решение, напоминающее ликвидацию знаменитого «гордиева узла». Уподобив название этого

корабля известной с гомеровских времен «пентеконтере», получим неожиданный результат. Та, как известно, была просто-напросто пятидесятивесельным судном с расположением таковых на одном ярусе, по 25 с каждой стороны. Даже наиболее отъявленные гигантоманы и adeпты раннегреческой цивилизации не решаются «впихнуть» на гомеровские корабли второй ряд весел. Будь тессераконтера таким кораблем — пусть с 40 не веслами, а скамьями для гребцов — это бы еще как-то походило на истину. В противном случае вопрос о ней просто повисает в воздухе, и при всем желании разрешить его не удастся никак иначе.

Нормой, безусловно, были суда с одним, двумя и тремя рядами весел. Первые были самых различных типов и в латинской традиции именовались униремами. Биремы, появившиеся впервые у греков, весьма загадочны. Они встречались, видимо, реже позднейших трирем, но фиксируются уже с VI столетия до н. э. В римской историографии биремы и униремы упоминаются как бы вскользь, а в конце I в. до н. э. в основном сливаются с классом либурн, растворяясь в этом универсальном названии, заполняющем страницы позднеримской литературы.

У всех народов, развивших судостроение до приемлемого или экстраординарного уровня, прослеживается достаточно универсальная традиция, вытекавшая из элементарных выкладок сопромата и практического опыта. Максимальная длина судна определялась длиной килевого бруса, к которой плюсовалась длина изогнутых штевной, крепившихся к килевой балке. Эти соединения, в идеале, были единственными на уровне киля — сам килевой брус должен был иметь монолитную конструкцию. Сделать его составным означало нанести серьезнейший урон продольной прочности всего судна, которое просто могло не выдержать всхода на волну и переломиться посередине. Об этом знали древние скандинавы, об этом, естественно, знали (вернее, убедились в этом на горьком опыте) и народы Средиземного моря. А учитывая, что длина монолитного бруса определялась высотой корабельных деревьев, именно она и лимитировала максимальное продольное размерение античных кораблей. Именно в силу этого длина корпуса обыкновенных трирем и квинкверем, как правило, не выходила за пределы 25-35 м. Примерно в тех же параметрах держались и либурны последующего времени, отличаясь более скромным водоизмещением.

Судя по данным историографии, археологическим находкам, изображениям и прочим данным можно составить определенный усредненный «портрет» основных кораблей. Интересные данные получены и при анализе корабельных сараев, в которых в стационарных условиях, в межсезонье и между плаваниями, хранились вытасканные на сушу корабли. Такие сооружения обнаружены в Карфагене, Пирее и ряде других городов античного мира. Квинкверемы, судя по всему, имели длину не свыше 35 м, а их ширина в максимальном варианте, на уровне гребцов верхнего яруса, не превышала 5,5-5,9 м. Подводная часть судна была существенно уже — обычно не более 4,5 м. Осадка такого судна, как правило, не превышала 1,2 м; в перегрузочном варианте (например, при транспортировке легионеров или припасов) она могла возрасти, но вряд ли превышала 1,5 м — весельные порты нижнего яруса должны были находиться достаточно высоко над водой, чтобы не заливать при высокой волне. Водоизмещение такого судна было в пределах 110-140 тонн, возможно, бывало и больше. По устоявшейся средиземноморской традиции корабли имели высокий ахтерштевень, исключительно грациозно загигавшийся вверх и вперед и обычно увенчанный резными

Кинематика движений гребцов на судне с тремя рядами весел

украшениями наподобие хвостового плавника гигантской рыбы. Украшался и форштевень судна, но здесь главное внимание обращалось на удобство использования тарана и «ворона». Грузовые корабли, как правило, имели относительно симметричные оконечности и носовые украшения, нередко весьма художественные.

Классическим вариантом команды боевого корабля типа квинкверемы эпохи Пунических войн, судя по единственному имеющемуся у нас свидетельству Полибия, был контингент из 300 гребцов (150 на каждый борт, 30 рядов весел), а также 120 легионеров морской пехоты, предназначенных для абордажных атак противника с использованием «ворона». Кроме того, наличествовал командный состав в количестве нескольких человек — вряд ли кормчий на корабле такого класса был в одиночестве — и, конечно, матросы общим числом до 15–20 человек. Их предназначением было выполнение необходимых работ на корабле, а также управление парусным вооружением судна. На боевых кораблях в обязательном порядке имелись мачты — как правило, не слишком высокие, не более 6–8 м над уровнем палубы. Обычно мачта была одна, но крупные корабли могли нести две и даже три мачты, установленных с небольшим наклоном вперед — для лучшей управляемости судна под парусом. Уже во вторую фазу Пунических войн на кораблях средних классов появляются метательные машины. На квинкверемах их, как правило, было не более двух-четырех.

Трирема была несколько меньших размеров — не столько короче, сколько «изящнее» — и меньшего же водоизмещения. На ней размещалось в среднем 150–170 гребцов, рулевые, 10–12 матросов. В зависимости от ситуации десант морской пехоты включал от 50 до 100 легионеров, в перегруз — для переброски морем к месту назначения — могли принять на борт еще человек сто солдат. Могли также устанавливаться метательные приспособления и, естественно, «ворон».

Эти два класса кораблей составляли основу римского флота на протяжении столетий. Несмотря на кажущуюся универсальность, относительную дешевизну и легкость постройки, полную сбалансированность боевых и мореходных качеств, трирема так никогда и не стала самым массовым кораблем Древнего Рима (в отличие, скажем, от Древней Греции). Ее «ниша» во флотах новейшего времени, пожалуй, ближе всего соответствовавшая нише, занятой крейсерами, всегда была более ограниченной, чем у других кораблей. Вначале триремы были слишком малы, чтобы господствовать на морях, а после Акция — вдруг стали слишком велики. При всем этом триремы были по-своему уникальными долгожителями. Этот «средний класс» просуществовал от самого начала римского военного кораблестроения до самого его конца, войдя в нашу эру и дотянув, судя по всему, до окончательного развала Империи. Триремы достаточно часто были флагманскими кораблями флота, сочетая в себе подвижность и надежность. На них ставилась артиллерия и могли размещаться солидные воинские формирования.

Квадриремы занимали промежуточное положение и, видимо, были весьма малочисленным типом кораблей. По крайней мере, упоминания о них гораздо более редки, нежели о двух предшествующих классах. На фоне ярких боевых происшествий с участием трирем и квинкверем, квадриремы как-то теряются, и сказать о них нечто вразумительное не представляется возможным. Похожая судьба постигла и бирему. Судно с двумя рядами весел, появившись в очень давние времена, широко использовалось римлянами, но упоминается оно крайне редко. Также, как и обычные однорядные корабли, бирема попадала в класс разведывательных, посыльных и вспомогательных судов, которые при описании битв с большой временной дистанции (большинство авторов было отделено от происходивших событий веками истории) оптом зачислялись в разряд «прочих кораблей», а их никто из солидных историков обычно не считал, говоря в таких случаях «много», или «бесчисленное множество», или что-то в этом роде. Биремы и униремы могли эффективно атаковать только аналогичные корабли, и сражения между ними занимали то же положение в череде событий войны, какое в XX в. заняли поединки между эсминцами.

Другой полюс классов кораблей был представлен крупными судами — от гексеров и выше. Типологически и конструктивно они отличались от квинкверем большей громоздкостью и высотой надводного борта, а также, как правило, вынужденной конструктивной ослабленностью корпусного набора. Общие габариты кораблей этих типов были куда больше, самые крупные из них могли достигать 70 м в длину и даже более. Киль поневоле приходилось делать составным, что приводило к резкому ослаблению конструкции, которую приходилось усиливать, перетяжеляя ее, эти нагрузки компенсировались новыми усилениями, и т.д. В результате гексеры, септеры, эннеры и прочие децемремы были тихоходны, немо-реходны, и применимы только для нужд обороны, осады приморских крепостей или же могли применяться действительно по договоренности, в «искусственных» сражениях. Именно они были абсолютными рекордсменами по части установки боевых башен, штурмовых лестниц, метательных машин, а также по численности экипажа. Теоретически возможно предположить появление на них четвертого ряда весел (не более того!), однако пока никакие археологические или письменные источники этого не подтверждают. Расположение гребцов на борт, по ярусам,

могло быть (для децемремы), например, 2-4-4, или 5-5 (как вариант — 4-6) — при двухрядном расположении весел. Однако это, естественно, только предположения. При 40-50-рядном расположении весел общее число гребцов исчислялось в 800-1000 человек, чему соответствовало никак не менее 400-500 *легионеров*, стрелков и артиллерийской прислуги, обслуживавшей до десятка *различных метательных приспособлений*. Это сооружение с трудом можно вообще назвать кораблем, и неудивительно, что у Марка Антония возникали серьезные проблемы с комплектацией экипажей. Но, впрочем, время вынесло приговор этим классам кораблей, и они благополучно сошли со сцены.

Стоит упомянуть и о достижении определенного «потолка» в судостроении, действительно граничившего с абсурдом. Речь идет о грандиозных «представительских» кораблях, получивших распространение в эллинистическом мире и попавших в результате и в римскую историю. Так, личное судно Птолемея Филопатора имело, как сообщают, около 120 м в длину, а общая высота от киля до палубы достигала почти 25 м. Несший на себе семь башен, корабль был вычурно украшен и приводился в движение веслами по 17 м длиной, в рукоятки которых был залит, для уравнивания, свинец. Общая численность экипажа доходила до 7000 человек, в том числе 4000 гребцов. Для сиракузского тирана Гиерона II сам Архимед выстроил гигантское судно. На корабле было восемь башен, множество залов для проведения праздников и пиров, храмовых помещений и роскошных жилых кают; на корабле были термы, дюжина стойл для лошадей, огромные резервуары для воды. Главная катапульта, также построенная Архимедом, могла, якобы, метать камни весом до 50-60 кг на сотни метров, а обитый железом барьер защищал от abordажных «воронов». Корабль имел 8 якорей (4 деревянных и 4 железных), а для изготовления его мачты срубили самое высокое дерево в Бруттии. Подобные суда отделялись изнутри в полном соответствии с эллинистической модой того времени и представляли собой скорее плавучие резиденции, чем боевые суда: они располагали мозаичными полами, садами и оранжереями, в отделке применялись мрамор, слоновая кость, золото, ливанский кедр. Понятно, что обитаемость таких кораблей была на вполне приемлемом уровне. Вероятно, подобным образом выглядело и судно, на котором Клеопатра впервые явилась к Антонию. О непрактичности подобных сооружений дополнительно свидетельствует тот факт, что архимедово изобретение Гиерону толком так и не пригодилось — корабль не проходил в большинство гаваней Сицилии, да и в остальных ему было тесновато, и его подарили египетскому монарху, у которого таких проблем не было.

Знаменитая находка такого рода была сделана на дне озера Неми в горах Альбани в окрестностях Рима. Там под водой при археологических исследованиях обнаружили фрагменты корпусов гигантских кораблей. Эти плоскодонные монстры, имевшие, судя по всему, не менее 75 м в длину и до 19 м в ширину, естественно, относились уже к разряду императорских забав сумасшедшего I в. н. э. и не имели никакого боевого значения, о чем говорит и место их обнаружения. Обнаруженные суда, вероятно, действительно были не более чем плавучими дворцами и подавляющую часть времени стояли на якоре у причала, лишь изредка выходя на спокойные воды озера. Они располагали всем необходимым набором помещений для роскошной жизни с соответствующей отделкой. Примечательно, что они были невысоки и имели, скорее всего, лишь два ряда весел с большим

числом гребцов на каждом. К сожалению, во время второй мировой войны эти суда были уничтожены в ходе боевых действий.

Но эти суда только подчеркивали тот факт, что эпоха гигантских боевых кораблей безвозвратно уходила или уже ушла в прошлое.

Античность знала много различных типов судов, о которых трудно сказать что-то определенное без серьезного анализа. Так, широко применялись так называемые гиппагоги (коневозы), перевозившие боевых лошадей для армии, гемииолии и тригемииолии, целосы (келесы) и ряд других кораблей. Полибий упоминает некий «полоторник», вероятно, представлявший собой бирему, у которой один ряд весел был намного меньше, чем другой. В общем, из-за проблем с интерпретацией фактов, лучше воздержаться от безапелляционных комментариев по поводу этих судов.

Не только таран — что естественно, — но и корпус боевого корабля подвергался дополнительному усилению. Таран с незапамятных времен оковывали бронзой. Известные еще по греческой практике бруссы-эпотиды — своеобразный «бампер» корабля — получили широкое распространение на тяжелых судах эллинистических государств, а с расширением римского присутствия в Восточном Средиземноморье и ростом кораблей перекочевали и в римский флот. Они изготовлялись из мощных деревянных балок и предохраняли корпус от лобовых и скуловых таранных ударов противника, выполняя функцию как бы внешнего слоя разнесенной брони. Примерно аналогичные функции брал на себя в экстренных случаях и вынесенный далеко за уровень надводного борта пояс крепления верхнего ряда весел — при бортовом таранном ударе его (как, впрочем, и торчащие в сторону весла) еще нужно было проломить форштевнем, чтобы добраться окончательно тарана до собственно подводного борта корабля противника. Однако наиболее важное значение имело непосредственное бронирование корпуса. Уже довольно рано — несомненно, в эпоху Пунических войн — в подводной и отчасти надводной части тяжелых кораблей, в районе ватерлинии, начинает применяться обшивка корпуса листовой бронзой. Прямоугольные листы этой брони имели, как правило, толщину в несколько миллиметров и, набиваясь встык или внахлест с проковкой шва, обеспечивали чрезвычайно эффективное прикрытие угрожаемых участков корпуса корабля. Относительно эластичная и вязкая бронза, наложенная на прочный деревянный подбой обшивки, создавала весьма устойчивую преграду проникновению вражеского тарана. Вначале бронированию подвергался только нос судна — его скуловые поверхности на 3–4 м от форштевня, однако со временем на тяжелых судах зашивать начинают всю ватерлинию. Ко II—I вв. до н. э. бронирование бронзовыми листами становится неотъемлемой принадлежностью гексер и более крупных судов, почти всегда встречаясь на квинкверемах, а частичное попадает и на триремах.

Имевшееся на мачтах прямое парусное вооружение позволяло ходить при попутном ветре, однако по извечной традиции перед боем паруса убирали, поскольку управлять судном, идущим под парусом, в бою было не просто сложно, а опасно. Маневрирование приводило к элементарной потере ветра, который к тому же просто мог стихнуть или измениться на противоположный. Под парусами обычно ударили от противника или преследовали его — если ветер был попутным. В позднейшее время — как, например, перед битвой при Акции — нормой было то, что паруса складывали на берегу. Однако в эпоху «спонтанных» битв, заведя

противника, паруса снимали и, скатав, укладывали на палубу — просто так или упаковав в специальные чехлы. Там же, на палубах, складывали и снятые реи и мачты, крепившиеся в гнездах на килевом бруске и в отверстиях в палубе.

Устойчиво попадающийся на изображениях «торговцев» римского времени стоячий такелаж, поддерживавший мачту, демонстрирует, что на них она, скорее всего, была в принципе несъемной, стационарной. Боевые же суда, напротив, такого такелажа, как правило, не несут. Съем-постановка мачты на них были обычной операцией, которая осуществлялась быстро и слаженно.

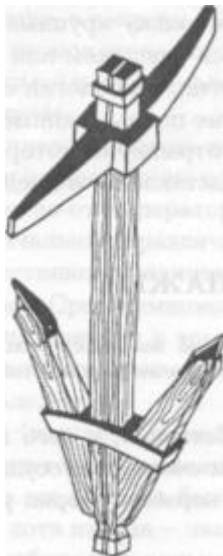
Скорость римских кораблей представляет собой весьма «плавающую» величину. В момент атаки на короткой дистанции квинкверема и трирема могли давать до 8-9 узлов. Понятно, что длительное плавание с постоянным напряжением сил гребцов на аналогичном уровне было невозможно. Во время длительных переходов гребцы работали посменно: например, сначала один ряд весел, потом другой, или в иной очередности. Этим достигалась равномерность хода, но крейсерская скорость в результате, естественно, падала до 4-5 узлов, а иногда и меньше. Подобный показатель, как бы забавно он ни смотрелся с точки зрения сегодняшнего дня, был весьма хорошим достижением для судов такого водоизмещения и такого класса. Тяжелые суда, разумеется, имели меньшую скорость. Для гексер 5-6 узлов были максимумом, а экипажу децемеры заветные 5 узлов, скорее всего, и не снились. Эти суда «ползали», являясь всего лишь подвижной платформой для вооружения.

В то же время с распространением либурн нормой становятся более солидные показатели. Скорость в 10-12 узлов достигалась судами этого класса вполне адекватно и на больших отрезках пути — без каких бы то ни было серьезных усилий. Учитывая, что в имперский период первостепенное значение приобретает не классический морской бой, а перехват противника (узурпаторов, варваров и т.д.), а также быстрое реагирование войсками относительно небольших контингентов, либурны оказываются незаменимы. Транспорты, вместительные и тяжелые, принимавшие на борт до 250-300 тонн груза, имели скорость под парусами порядка 5 узлов при попутном ветре. При встречном ветре, а также при его отсутствии они теряли ход. В составе конвоев с боевыми судами на транспортники заводили буксирные канаты с военных кораблей, но общая скорость такого конвоя, естественно, падала минимум вдвое, а то и больше. К тому же одно военное судно могло вести «в поводу» явно не более двух транспортов. Поскольку сотня либурн за два рейса могла перебросить в нужную точку целый легион римской армии, поскольку скорость движения подобного каравана была неизменна и не зависела ни от скорости, ни от направления ветра, именно либурны стали идеальным средством быстрого реагирования. Войска из Мёзии в Таврику, из Италии на Балканы и Восток, а также по пограничным рекам Империи идеально было перевозить именно таким образом. Конечно, себестоимость такой переправы была намного выше, но это компенсировалось скоростью, а в условиях преимущественно натуральных расчетов и в имперской ситуации такие «мелочи» не имели серьезного значения и чаще всего не учитывались. Видимо, базовыми единицами для осуществления таких разъездов на небольших дистанциях были подразделения из двух десятков либурн, поднимавшие как раз когарту легиона — одну из основных маневренных групп той эпохи, численностью в 600 солдат.

Естественно, основным видом перемещений по морю были каботажные плава-

ния в виду берегов. Причиной этого было не только и не столько слабое знакомство с ориентированием в открытом море и боязнь его, сколько необходимость периодически высаживать команду на берег. Если на специальных транспортных кораблях еще могли наличествовать какие-то удобства для перевозимых войск — выгородки, койки, выложенный огнеупорным кирпичом для термоизоляции камбузов и др. — то на боевых кораблях, принимавших на борт пехоту или спешенных всадников для переправы по морю, не имелось и намека на таковые. На среднестатистической квинквереме при штатном экипаже в 450 человек было весьма некомфортно и тесно даже в обычной ситуации. Приняв в перегруз десант из сотни-другой человек, такое судно превращалось в кромешный ад для всех, находящихся на нем, тем более, что большинство из перевозимых легионеров, естественно, ни разу не выходили в море и не имели никакого иммунитета от морской болезни. Спали вповалку на палубе и в трюме. Если случалось совершать в таких условиях переход морем — например, в Африку — и находиться в пути два-три дня, то пережившие такую экзекуцию воины и впрямь достойны были высших из доступных наград, даже не вступая в столкновение с противником на берегу или в море. Быть может, именно этим объясняется настороженное отношение к морю у римлян — ведь они смотрели на него в значительной мере именно глазами своих солдат и офицеров.

Именно поэтому нормой эпохи были дневные переходы вдоль берега. На ночь корабли вставляли на якорную стоянку или вытаскивались на берег, если это позволял рельеф побережья. Войска и команда сходили на берег и либо разбивали лагерь, либо просто ставили свои палатки, где и проводили ночь. Как правило, если дело происходило в ходе боевых действий и неподалеку от противника, на борту оставалась дежурная смена гребцов и караул из числа солдат. В мирное время этим, естественно, могли пренебречь. В любом случае, держать команду и легионеров на борту постоянно было невозможно, да и бессмысленно — боевые

Римский корабельный якорь классического периода

корабли не блистали в смысле обитаемости своих внутренних помещений даже для штатных гребцов. Невысокая мореходность судов подтверждается многочисленными кораблекрушениями в результате бурь и штормов, а также ошибок в навигации. Рекордсменами по этому показателю стали периоды Первой Пунической войны и эпоха противостояния Октавиана и Секста Помпея у берегов Сицилии. В общей сложности в этих катастрофах тогда сгинulo до полутора тысяч кораблей.

Новая эпоха принесла с собой новые веяния. С легкими и быстроходными судами иллирийского племени либурнов римляне познакомились очень давно — уже между Первой и Второй Пуническими войнами им пришлось иметь дело с иллирийцами, и именно тогда эти «либурнские галеры», «галеры либурнского типа», или просто либуры, стали вызывать интерес у римских морских командиров. Их верткость и завидные мореходные характеристики — при вполне удовлетворительной вместимости и грузоподъемности — вызывали уважение. Нет сомнения, что уже тогда они принимались на вооружение — их захватывали в качестве трофеев и, несомненно, старались копировать. Точных данных об этом быть не может, поскольку историки той поры не снисходили до описания судов, применявшихся для повседневной и в чем-то рутинной боевой работы — их интересовали яркие факты. Именно поэтому в литературе утвердилось мнение, что либуры начал массово строить чуть ли не сам Агриппа. Он их, безусловно, строил и любил, но был в этом далеко, далеко не первым.

Говорить о либурах вообще довольно сложно, поскольку это наименование класса кораблей быстро стало почти нарицательным, чуть ли не ассоциируясь с понятием «военный корабль». В подавляющем большинстве случаев это были одно- и двухрядные по расположению весел корабли не более 30 м длиной и не более 4-5 м шириной. В норме либуры имели от 40 до 100 весел, каждым из которых работал один гребец. Не менее 30 солдат могли находиться на борту такого корабля, где также размещали и легкие метательные машины, и даже башни. Это было возможно, поскольку крупные либуры относились к классу закрытых судов и перекрывались — целиком или частично — палубой.

Впрочем, касательно типологии, технологии строительства, стратегии и тактики применения либурн наиболее полные данные дает Вегетий, к публикуемому в качестве приложения к книге отрывку из которого автор и отсылает читателя, чтобы он сам составил себе представление о предмете разговора.

СЛУЖБА ВО ФЛОТЕ И ПОДГОТОВКА ЭКИПАЖЕЙ

Рассуждение о принципах кадровой политики римлян — Командующие — Гребцы и матросы — Морская пехота — Идеологическая подготовка.

Рим любил легионеров. Собственно, у него к этому были все основания — именно они создали, в конечном счете, все государство. В результате не только конница и легкая пехота, но и корабли упорно рассматривались как вспомогательные силы.

Римляне не создали самостоятельного института подготовки морских офицеров, и все командные должности во флоте военачальники занимали, как пра-

вило, по совместительству, по стандартной схеме. В распоряжение консула, префекта, легата или командира более низкого ранга — вплоть до центуриона — поступал более или менее значительный отряд кораблей, которыми он распоряжался в целях достижения общего результата, не имея в виду — в подавляющем большинстве случаев — действия на море как самоцель. Он мог самостоятельно предпринимать меры по строительству или реквизированию флота у кого-либо, но все равно не порывал со своими пешими войсками. Это было понятно: всего несколько раз за всю историю Рим оказывался погружен в пучину преимущественно морской войны, большинство сражений происходило все же на суше. Углубленный анализ структур управления римским флотом и его кадрового состава не является целью данной книги — это, без сомнения, тема отдельного исследования. Приведем лишь несколько общих положений.

В республиканские времена римлянам приносил большой вред республиканский же принцип принудительной ротации высших командных кадров. Существовала практика назначения морских дуумвиров (командовали флотом первоначально два военно-морских дуумвира (*duoviri navales*)). Консулы, осуществлявшие общее руководство и армией, и флотом, менялись каждый год, то же нередко происходило и с офицерами более низкого ранга. Только к эпохе Второй Пунической войны можно отметить какую-то устойчивость, когда человек несколько лет подряд назначался на один и тот же пост — в Первую войну это было исключением из правил и большой редкостью. В результате сухопутные командиры, в принципе не имевшие опыта ведения боевых действий на море и зачастую впервые попадавшие на палубу корабля, всецело находились во власти советов более или менее добросовестных корабельщиков из числа союзников и, самое главное, едва накопив какой-то опыт, снимались через год с должности. Бредовость этой ситуации была естественной данью демократическим принципам. Самое удивительное, что в этом положении Рим умудрялся регулярно одерживать морские победы — естественно, не благодаря, а вопреки вышеупомянутым принципам. Во главе флота в республиканский период стоял консул или легат — должность именовалась *dux classis*. Корабль командующего флотом назывался *navis praetoria*, командир корабля — *praefectus navis*.

Большая или меньшая устойчивость настала во времена Империи. Двумя италийскими флотами командовали на достаточно постоянной основе префекты, получавшие приказы непосредственно от императора, а не от сената. Остальными флотилиями командовали военачальники различного ранга, временами — достаточно высокого, вплоть до наместников провинций.

Последствия войн в Восточном Средиземноморье и сильная примесь эллинистического элемента после Акция привели к тому, что многие аспекты морской терминологии заменились греческими эквивалентами. Так, капитаном корабля являлся триерарх, как и в Элладе.

Гребцы (*remiges*) и матросы (*nautae*) в начале истории римского флота набирались из числа союзников, поэтому назывались также *socii navales*. Гребцами и матросами практически во все времена были, вопреки распространенному заблуждению, свободные люди, хотя иногда — например, в годы Второй Пунической войны — на весла во флот набирали и вольноотпущенников. Спорадические случаи использования рабов и военнопленных были случайной и экстраординар-

ной мерой, не делавшей погоды. Вольноотпущенников допускали и на должность кормчего (gubernator).

Обычно моряки имели статус солдат, что было очень престижно, набирались из числа италийских племен, служили 26 лет и в конце службы получали римское гражданство — одну из главных социальных приманок эпохи. Впрочем, нередко моряки бывали и недовольны своей службой в военном флоте, когда она казалась им тягостной. Известен случай, когда моряки Равеннского флота в ходе гражданской войны 69 г. потребовали от командования перевести их в разряд легионеров, а на их место набрать далматинских новобранцев.

Гребцы были мастерами своего дела. Это мастерство у кадровых моряков оттачивалось упражнениями как на суше — знаменитый «тренажер Дуилия», несомненно, массово применялся и в последующую эпоху, — так и на реальных боевых кораблях. Так, Октавиан перед битвой при Милах и Навлохе для своих новых команд, набранных из вольноотпущенников взамен погибших при кораблекрушении, как пишет Светоний, «устроил при Вайях Юлиеву гавань, соединив с морем Лукринское и Авернское озера; и после того, как его войска обучались там в течение всей зимы, он разбил Помпея». В этом центре подготовки новобранцев, несомненно, тренировались не только гребцы, но и легионеры корабельных экипажей.

Римские легионеры

Практика двоеначалия имела достаточно широкое распространение в силу того, что корабль в смысле команды обычно состоял из двух частей: моряков и морских пехотинцев. Зачастую командир вторых рассматривал себя как главное звено в иерархии. Подразделение морской пехоты на корабле, по аналогии с римской сухопутной армией, называлось центурией. Его составляли солдаты, в разное время именовавшиеся манипуляриями (manipularii), коль скоро это были обычные легионеры, либо classarii и так называемые liburnarii — если они набирались специально на флот.

Немаловажное значение имела и идеологическая подготовка. Естественно, штатной должности замполита или капеллана на кораблях не было, однако каж-

Стандартный набор вооружения легионеров

дый командир подразделения или флота, да и на уровне триерарха тоже, был одновременно и «духовным отцом» своих подчиненных. Явственно выделяются две формы работы на идеологическом фронте.

Первой были более или менее напыщенные и более или менее убедительные речи, обращаемы полко- или флотоводцем к своим подчиненным. Это, собственно, было нормой везде и всегда, а в Риме — в особенности. Они могли быть общего плана — типа «держитесь крепко и стойте до последнего, мы победим», плюс доля личного обаяния, а могли включать в себя конкретные указания: как кормчим — какой тактики придерживаться, так и солдатам и гребцам — как именно вести себя в конкретной ситуации, в зависимости от типа вооружений противника.

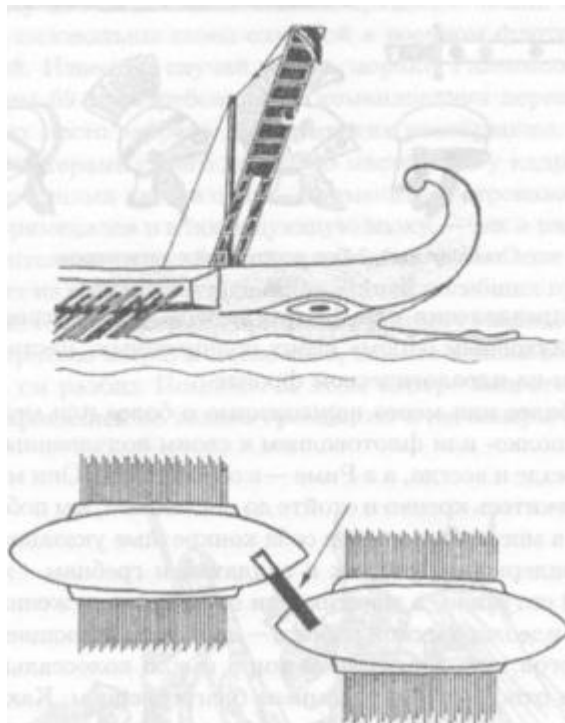
Вторая форма идеологической работы — действия, имеющие целью заручиться поддержкой богов, что в античном мире имело колоссальное значение и к чему все искренне относились с огромным благоговением. Как правило, командующий вместе со жрецами, а иногда и сам совершал жертвоприношения. Во время Сицилийской войны с Секстом Помпеем, в весьма критический момент, перед отправкой очередного флота на войну, Октавиан провел следующую церемонию, отличавшуюся от обычных, видимо, только размерами и придаваемым ей значением: «Около моря стояли алтари, экипаж разместился вокруг них в глубоком молчании, жрецы приносили жертвы, стоя у моря, и трижды на ладьях обвозили вокруг флота очистительные жертвы в сопровождении военачальников, молившихся о том, чтобы все дурные предзнаменования обратились от флота на очистительные жертвы. Затем, разделив жертвы, часть бросали в море, часть сжигали, возложив на алтари, причем высказывали различные благие пожелания. Так римляне всегда производят очищение флота».

«ВОРОН»

Дискуссионность конструкции «ворона» — Философия применения «ворона» — Принципиальные новшества в конструкции этого приспособления.

Собственно, изобретение абордажного мостика, «ворона» (harpago corvus), стало наиболее известным римским «ноу-хау» в области морских вооружений — не единственным, конечно, но столь важным именно потому, что позволило римлянам в буквальном смысле выжить и выстоять в начальный, самый решающий

и тяжелый период их «обживания» на морях. Он являлся сооружением достаточно синкретическим, соединяющим в себе несколько отдельных инженерных решений, большинство из которых не являлось чем-то экстраординарным, однако впервые они оказались собранными вместе в одной конструкции.

«Ворон» и его боевое применение

Итак, «вызовом» являлась необходимость быстро и гарантированно переправить на борт вражеского судна партию морской пехоты в полном вооружении. Ответом явилось сооружение стационарного и практически безотказного устройства, которое — при всей своей примитивности и очевидности получаемых преимуществ, — судя по всему, так никогда и не было ни скопировано, ни применено противниками. Единственное внятное и подробное описание этой конструкции приводится Полибием. Есть смысл процитировать этого автора целиком, ибо пассаж действительно уникален: «На передней части корабля утверждался круглый столб в четыре сажени длиною и в три ладони в поперечнике, с блоком наверху. К столбу прилажена была лестница, подбитая с помощью гвоздей поперечными досками в четыре фута ширины и в шесть сажен длины. В дощатом основании лестницы было продолговатое отверстие, коим лестница и накладывалась на столб в двух саженьях от начала ее; по обоим продольным краям лестницы сделаны были перила вышиною до колен. На конце столба прикреплено было нечто наподобие железного заостренного песта с кольцом наверху, так что все вместе походило на орудие хлебопека; через кольцо проходил канат, с помощью которого во время схватки судов ворон поднимался на блоке и опускался на па-

лубу неприятельского корабля спереди или с боков, когда во избежание бокового нападения нужно было повернуть корабль в сторону. Как только вороны проби-вали палубные доски и таким образом зацепляли корабли, римляне со всех сторон кидались на неприятельское судно, если сцепившиеся корабли стояли бок о бок; если же корабли сцеплялись носами, тогда воины переправлялись по самому во-рону непрерывным рядом по двое. При этом шедшие во главе воины держали щиты перед собою и отражали удары, направляемые с фронта, а следующие за ними опирались краями щитов о перила и тем ограждали себя с боков».

Описание, как видим, настолько исчерпывающее, что явственно выделяется на фоне даже относительно подробных «словесных портретов» иных типов во-оружения. Собственно, каких-то особенных реконструкций даже и не требуется, почти все понятно и из самого описания Полибия. Вертикально установленный на корабле столб высотой около 7 м 40 см и толщиной порядка 27 см, шарнирно закрепленная вблизи его основания деревянная лестница длиной чуть больше 11 м шириной 1 м 20 см, а также система ее подъема и наведения — вот и все. Несомненно, столб, являвшийся основой всей конструкции, был один, и лестница крепилась у его основания, но узел крепления был смещен несколько назад от места пересечения столбом палубы корабля. Это делалось для того, чтобы пра-вильно и рационально распределить нагрузку на канат при подъеме «ворона», иначе усилие потребовалось бы слишком большое: очевидно, что для быстрого и эффективного подъема «ворона» проекция оконечности самого мостика должна была находиться как можно ближе к столбу, обеспечивая, в то же время, дося-гаемость палубы соседнего корабля. В таком случае проще решалась проблема поворота всего сооружения, хотя и в таком варианте текст Полибия не дает адек-ватного ответа, как именно это делалось. Во всяком случае, «ворон» наводился на цель путем доворота конструкции вокруг одной-единственной оси, и осью этой был пресловутый вертикальный столб.

Единственное относительно темное место — крепление пресловутого «орудия хлебопека». В самом деле, если прочесть текст буквально, то получается, что эта штукавина—массивный металлический груз, заостренный, как клюв пти-цы, — располагался чуть ли не на вершине опорного столба всего сооружения. Делать ему там явно было нечего, поскольку с неподвижного столба он никак не мог оказаться на палубе вражеского корабля — что, собственно, и было его един-ственным предназначением. Все мало-мальски научные реконструкции размеща-ют этот груз на оконечности самого мостика, что вполне оправдано и единственно логично и с боевой, и с инженерной точек зрения. Единственным прояснением данного вопроса может быть предположение, что в тексте Полибия и в самом деле речь идет о двух разных столбах — одном, стоявшем в основании всей кон-струкции, и другом, являвшемся своего рода силовым лонжероном самого абор-дажного мостика. На конце последнего, собственно, и размещался этот самый железный груз. То, что первый столб, так тщательно описанный Полибием, не мог быть конструктивной частью мостика, очевидно хотя бы из того обстоятель-ства, что он имел круглое сечение, что особенно подчеркнуто нашим информато-ром. Решительно невозможно понять, для чего бы потребовалось использовать в качестве лонжерона мостика-лестницы круглое бревно, при учете того, что все остальные элементы конструкции, с ним сопряженные, имели плоские грани. В этом случае куда уместнее и грамотнее смотрелся бы использованный в таком

качестве деревянный брус квадратного или близкого к нему прямоугольного сечения. Не уступая оцилиндрованному бревну в продольной прочности, он явно выигрывал в плане удобства сборки и общей прочности конструкции (прибивать поперечные доски настила лестницы к брусу, надо заметить, неизмеримо удобнее и надежнее, чем к круглому бревну). Во всяком случае, любой здравомыслящий инженер забраковал бы конструкцию с круглым столбом.

Естественно, все изложенное — лишь версия, однако стоит заметить, что при всех разногласиях в тонкостях конструктивных решений этого относительно загадочного сооружения практически ни у кого из отдающих себе отчет в том, что они пишут, авторов нет серьезных противоречий касательно общей концепции и, если угодно, философии применения этого рода оружия. Напомним, что в морских сражениях ряд кораблей римлян, вооруженных «воронами» — и довольно значительный ряд, надо заметить, — все же был потоплен. Большинство из них эта печальная участь постигла относительно недалеко от берега, на мелководье, что позволяет надеяться, что морская археология, делающая в последние полвека потрясающие успехи, вскоре даст, наконец, ответ на весьма важные вопросы, предоставив нам возможность ознакомиться с остатками реального «ворона», сохранившегося под толщей воды. Во всяком случае, в отличие от, скажем, реконструкции мотивов поведения Антония или Клеопатры в ходе битвы при Акции, это задача вполне решаемая. Вопрос времени, как говорится.

Возвращаясь к философии применения «ворона», заметим, что она, как и сама конструкция, выбрала в себя несколько целей и задач, каждая из которых была успешно разрешена. Так, идея абордажного боя была явно не нова — испокон веку и критяне, и финикийцы, и эллины благополучно занимались абордажем. Собственно, такой — один из самых распространенных — вид военно-морской активности, как морское пиратство, был напрямую и неразрывно связан именно с абордажем. Иначе мероприятие вообще теряло смысл: например, протаранить «купца» было глупо, поскольку он, очевидно, быстро бы затонул, оставив у пиратского экипажа лишь ощущение спортивной гордости от успешной погони за добычей. Следовательно, надо было высаживаться на палубу не слишком поврежденного (ну, например, со сбитыми с одной стороны веслами) либо вконец запуганного (в смысле экипажа) корабля — со всеми возможными последствиями, в том числе — с перспективой ожесточенного сопротивления команды или воинов, имевшихся на борту. Массовые случаи абордажа, дополнявшего таранные атаки «на уничтожение», изобильно разбросаны по страницам, посвященным древними авторами боевой службе эллинских флотилий и великим морским битвам эпохи греко-персидских войн, Делосского союза, осады Сиракуз, и т. д. и т. п.

Идея абордажного мостика или трапа также лежала на поверхности. Они использовались издавна, поскольку полагаться на то, что все воины сумеют просто и легко перепрыгнуть на чужой корабль даже с дистанции в пару метров, очевидно, мог только очень безответственный стратег — тяжесть вооружения, волнение на море и противодействие противника делали эту задачу более сложной для нападавших, чем для оборонявшихся. Поэтому за сообщениями о воинах, переправившихся на палубу противника, в любом античном источнике следует видеть в том числе (не всегда, разумеется) и применение тех или иных настилов для переправы этих воинов, имевшихся на многих боевых кораблях — что называется «по штату». Не менее очевидной была и необходимость снабжения этих трапов

и мостиков перилами, облегчавшими переправу на борт вражеского судна. Так что коробчатая конструкция, несомненно, также не была римским изобретением, а успела «обрасти бородой» задолго до закладки флота в Остии или битвы при Милах.

Таким же старым был и принцип фиксации вражеского судна с помощью специальных приспособлений. Разного рода «кошки» на канатах, несомненно, имелись в арсенале любого судна, собиравшегося брать кого-либо на бордаж. Метавшиеся, выбиравшиеся и фиксировавшиеся в натянутом положении при помощи мускульной силы рук самих моряков, они представляли собой в течение какого-то времени единственное средство для «заарканивания» судна противника. Определенным шагом вперед являлось изобретение приспособления, которое именуется в античной литературе «*manus ferrae*», т. е. «железная рука». При всей неясности того, как конкретно выглядела эта штука, не вызывает сомнения, что, в сущности, это был огромный железный багор или просто крюк, принципиальным отличием от старой доброй «кошки» у которого была жесткость самой конструкции. Крюк мог как цепляться за борт корабля противника, так и пробивать палубу. Вместо каната присутствовала твердая штанга, на конце которой и крепился сам крюк. К сожалению, не представляется возможным обоснованно ответить на вопрос, как эта штанга выглядела. Сомнительно, чтобы это был цельнометаллический стержень, но деревянное древко могло быть довольно легко перерублено противником — требовалась как минимум оковка, как у гарпакса. И еще один вопрос остается открытым: как именно наводился и пускался в действие этот инструмент — держали ли его в руках члены экипажа, либо он был шарнирно закреплен на палубе или крепился к борту? Шансов отыскать на морском дне ответ куда как меньше, чем в случае с «вороном». Но, в любом случае, система преследовала цель зафиксировать вражеское судно максимально надежно близ собственного борта. И, как ни смотри, конструкция генетически являлась предшественником «ворона».

Теперь-то самое время ответить на вопрос — в чем именно заключалось пресловутое «*ноу-хау*» римлян? В трех основных вещах. Прежде всего, римские инженеры объединили в одном приспособлении все необходимые функции, сделав его универсальным. Вместо отдельных систем захвата судна, удержания его на близком расстоянии и переправки на его борт бордажной команды появилась единая конструкция, соединившая все три. Обивка мостика «ворона» досками позволяла надежно прикрыть от метательного оружия солдат бордажного подразделения на стадии сближения с судном противника: поднятый «ворон» прикрывал вполне приличное пространство за собой и защищал от фронтального огня. Прочные перила предохраняли ноги солдат после опускания мостика. Падающий по дуге с высоты в несколько метров «клюв» пробивал все на своем пути и накрепко застревал в конструкциях корабля противника, глубоко уходя в палубу. Поднять его, очевидно, никогда не удавалось, а почти сразу после его опускания делать это было уже бессмысленно. После этого корабль противника уже при всем желании не мог оторваться от прицепившегося к нему «римлянина». Удобство и просторность самого мостика обеспечивали исключительно эффективное перемещение по нему легионеров. Теоретически ширина в 1,2 м позволяла «бочком» двигаться даже троим воинам, однако в данном вопросе скорость имела гораздо большее значение, чем массовость. Безусловно, легионеров из морской

пехоты тренировали как на реальных кораблях, так и на наземных тренажерах, соорудить которые было еще проще, чем на судне. Поэтому навык, отработанный регулярными тренировками, приводил к столь впечатляющим результатам. Практически для того, чтобы преодолеть бегом и в полном вооружении, после старта с места, те 11 м, которые составляла длина мостика, легионеру требовалось от 4 до 5 секунд. Вот искомая скорость переброски воинов на вражескую палубу. Даже если противники были готовы к применению «воронов», все, что им оставалось — ждать появления легионеров на своей палубе. Очевидно, бой на самом мостике был если и возможен, то всегда оканчивался победой легионеров.

Далее, римляне соорудили и применили устройство, которое, с точки зрения инженерной мысли нашего времени, относилось фактически к классу полуавтоматических. «Ворон» не требовал дополнительных операций при его применении в бою. Ручная работа прислуги заключалась в том, чтобы в преддверии боя кабе-станами и ручными лебедками привести его из походного в боевое положение, т. е. поднять. Наведение относительно курсового направления могло осуществляться в относительно большом временном интервале — уже за сотню метров становилось ясно, под каким углом сойдутся суда, кардинально его изменять было уже поздно и той, и другой стороне, поэтому на доворот конструкции оставалось — даже при фронтальном, лобовом схождении, не менее 10-12 секунд, а обычно и больше. Учитывая, что наводилось не орудие, а мостик, его нужно было, по сути, просто вывесить в сторону угрожаемого борта своего корабля. После этого оставалось только ловить момент — когда в радиусе досягаемости «клюва» оказывался подходящий участок вражеской палубы, нужно было либо отдать лебедку, либо обрубить канат — и все. Единственное, что требовалось от оператора этого орудия — хороший глазомер и определенная опытность в своем деле, что также достигалось тренировкой. Самое главное, что «ворон» не требовал никаких манипуляций при его непосредственном боевом применении.

Но, конечно, главным «изобретением» римлян были их легионеры. Об этом необходимо помнить всегда, поскольку никакие «вороны» и «железные руки» не имели бы смысла без этих людей, которые изначально не мыслились в качестве войска, применяемого на корабле, но исключительно удачно вписались в его параметры и стали основой боевой мощи римского флота на долгие века.

АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ ВООРУЖЕНИЕ И СПЕЦСРЕДСТВА

Метательная артиллерия римлян — Зажигательные средства и методы борьбы с ними — Самбуки, штурмовые башни на кораблях и их боевое применение.

Римские корабли уже в эпоху Пунических войн обзаводятся метательной артиллерией (*tormenta*), которая потом используется все чаще и все более массово, а также специальными надстройками башенного типа — появляется тип так называемых *paves turritae* (башенные корабли).

О типах артиллерийских орудий древности ведутся жаркие споры не первое столетие, но ясности в этом вопросе по-прежнему немного. Очевидно, те машины, что устанавливались на кораблях, принципиально не отличались от использовав-

шихся на суше. Они относились к двум основным типам. Первый был сгенерирован на базе баллист, использовавших энергию распрямления большого комбинированного двуплечего лука в горизонтальной плоскости и имевших продолговатый ложемент, обеспечивавший преимущественно настильную траекторию полета снаряда. Таковыми, чаще всего, были стрелы, дротики и тяжелые копья или их связки. Второй тип восходил к идее катапульты, принципом которой было выстреливание снарядов, производившееся путем перемещения ложкообразного ложемента в вертикальной плоскости. Они были удобны для обеспечения навесной траектории полета снаряда, хотя и тот, и другой типы, в принципе, могли наводиться и иным образом: все зависело от конструкции и конкретных задач. Источником энергии традиционно выступали эластичные канаты, закрученные в жгут с огромным усилием с помощью кабестанов. Материалом для них могли служить различные волокна, но обычно, видимо, предпочитали волосяные или сухожильные жгуты.

Все указанные классы машин на определенном этапе получают в свой боекомплект массу зажигательных снарядов, использовавших в качестве горючего материала сырую нефть, смолу, уголь, серу, а также комбинации этих веществ. Поскольку огонь становится неотъемлемым спутником морских битв, в арсенал кораблей вводятся и средства пожаротушения и предотвращения возгорания — запасы воды, песка; угрожаемые деревянные конструкции корабля — в частности, его боевые башни — занавешивают кожаными фартуками, смачивавшимися перед битвой водой и уксусом.

В рамках ведшихся ими войн римляне сами, или заимствуя у соперников и союзников, применяли некоторые специальные средства, достойные отдельного упоминания. Логическим продолжением и наследником «ворона» стала так называемая «самбука». Полибий весьма пространно и детально описывает ее в контексте рассказа об осаде и штурме Сиракуз под 214 г. до н.э. «Римляне отняли у восьми пентер весла, у одних с правой стороны, у других с левой, открытыми стенками связали суда попарно и, действуя веслами только с наружных боков, стали подвозить к городской стене так называемые самбуки. Устройство этого осадного орудия следующее: делается лестница в четыре фута ширины и такой длины, чтобы и при установке она достигала верхнего края стены; с обеих сторон ее ограждают и закрывают высокими перилами, потом кладут ее наискось вдоль соприкасающихся стенок связанных между собой судов, так что лестница выступает далеко за корабельные носы. На вершинах мачт укрепляют блоки с канатами. Когда нужно действовать, канат привязывают к верхнему краю лестницы, и люди, стоящие на корме, тянут его на блоке, а другие, находящиеся на передней части корабля, следят за правильным подъемом лестницы и подпирают ее шестами. Наконец, при помощи гребцов, размещенных по обоим наружным сторонам, римляне подходят с кораблями к суше и стараются только что описанное сооружение приладить к стене. На вершине лестницы находится доска, с трех сторон огороженная плетнем; на ней стоят четыре человека, которые и ведут борьбу с неприятелем, находящимся на зубцах стены и мешающим установке самбуки. Как только лестница установлена так, что эти четыре воина возвышаются над стеной, боковые стенки плетня снимаются, и воины тотчас с двух сторон взбираются на зубцы или башни; прочие товарищи следуют за ними по самбуке, надежно прикрепленной канатами к обоим кораблям. Сооружение это не без

основания получило такое название: когда машина поднята, то корабль в соединении с лестницей напоминает по виду самбуку (музыкальный инструмент. — А.Х.)».

Описание Полибия оставляет достаточно мало места для фантазии — оно вполне прозрачно и ясно. Согласно ему, самбука в классическом варианте эпохи Второй Пунической войны представляла собой нечто вроде трапа, который подается к борту авиалайнера, но только установленного на кораблях. Аналогия с «вороном» скорее в принципе установки и привода, остальное было заимствовано с суши, из практики применения осадных лестниц. Применение самбуки было полностью оправдано двумя обстоятельствами. Во-первых, высота и мощность стен, оборонявших город со стороны моря, естественно, были меньше, нежели с напольной, сухопутной стороны города. Это и понятно: в эпоху строительства укреплений Сиракуз вряд ли кто-то всерьез рассчитывал на подобные проблемы. Кроме того, палуба этих пентер (точнее, квинкверем) находилась на высоте как минимум трех метров над уровнем моря, что позволяло существенно снизить длину штурмовой лестницы — по закону гипотенузы на величину, почти в полтора раза большую, чем высота от ватерлинии. Так что в целом конструкция была куда как менее массивна и гораздо более подвижна, чем сухопутный ее аналог, который к тому же и перемещать было крайне затруднительно.

Самбука выполняла, по сути, ту же функцию, что и «ворон», ибо позволяла транспортировать подразделение воинов в расположение врага — правда не на корабль, а на стену. Несколько человек, попавших на стены, должны были лишь несколько секунд удерживать плацдарм, так как следом двигались их товарищи.

Однако следует сказать, что та самбука, которая описана у Полибия, совершенно не напоминает конструкции, применявшиеся под этим названием в позднейшие времена. Собственно, это была огромная деревянная штурмовая башня, также установленная на катамаране, собранном из двух тяжелых боевых кораблей. Она не всегда именуется в источниках самбукой — иногда речь идет именно о башне в конкретном значении этого слова. Однако, применительно к I в. до н. э. эти понятия в источниках полностью сливаются. Так, Митридат VI Евпатор применяет установку, именуемую самбукой, однако в детальном описании Аппиана, например, это сооружение представляет собой отнюдь не штурмовую лестницу, а именно многоярусную башню.

Трудно сказать, как именно обстояло дело в реальности — к сожалению, античные авторы порой на удивление неточны и поверхностны при описании как раз наиболее интересных для нас механизмов и военных приемов. Видимо, действительно понятия самбуки и штурмовой башни постепенно в римском да и не только в римском, сознании слились в нечто единое.

Такие штурмовые башни-самбуки применялись под Сиракузами, у стен Утики и при штурме укреплений Родоса Митридатом Евпатором. Грандиозные сооружения выглядели вполне устрашающе: в них насчитывалось до четырех этажей, разделенных перекрытиями, на каждом из которых располагались воины и осадные приспособления. В нижнем ярусе находились тараны, поскольку именно внизу имело смысл пытаться пробить стену, вызвав обрушение ее части или открыв доступ сквозь пролом для своих воинов. Выше ярусами находились катапульты и баллисты, предназначенные как для разрушения стены, так и для уничтожения живой силы противника и заброски в город зажигательных снарядов. Верхняя

боевая площадка снабжалась перекидными мостиками, аналогичными тем, что применялись и с сухопутных башен, которые также были издавна известны в античной полиоркетике.

Говорить о чем-то более подробно крайне сложно. Исходя из элементарного обеспечения работоспособности воинов и техники на уровнях, высота пространства между перекрытиями не могла быть меньше 1,8-2 м. То есть общая высота четырехэтажной башни, например, могла достигать минимум 8 м. Но это чисто схоластические рассуждения, поскольку конкретная высота башен определялась высотой приморских участков стен.

В любом случае, эпоха таких башен стремительно уходила вместе с традициями эллинистической гигантомании. С завоеванием Средиземного моря стало бессмысленно штурмовать чьи-то города на периферии, а окончание гражданских войн положило конец этой практике в принципе. Спорадические реанимации подобной практики уже не отразились на истории римского военно-морского флота.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ К КАРТАМ

	Зоны базирования и боевых операций римского флота
	Зоны базирования и боевых операций на море противников римлян
	Зоны базирования и боевых операций союзников римлян
	Места существенно значимых боевых потерь римлян (от 10 кораблей и более)
	Места существенно значимых боевых потерь противников римлян (от 10 кораблей и более)
	Десанты с кораблей
	Осады крепостей с участием сил флота
	Перемещения флотов римлян
	Перемещения флотов противников римлян
	Перемещения флотов союзников римлян

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 2000.
- Аноним Византийский.* Инструкции по полиоркетике // Вестник древней истории. 1940. Вып. 3-4. С. 425-454.
- Аполлодор.* Полиоркетика // Там же. С. 394-413.
- Аппиан Александрийский.* Римская история / Пер. с древнегреч. С. Н. Кондратьева. М., 1998.
- Афиней.* О машинах // Вестник древней истории. 1940. Вып. 3-4. С. 414-424.
- Валерий Максим.* Знаменитые слова и дела / Пер. с лат. И. Алексеева. М., 1772.
- Веллей Патеркул.* Сокращение греческой и римской истории / Пер. с лат. Ф. Моисеевкова. СПб., 1774.
- Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. Н. Кондратьева. Под ред. А. И. Доватура. М., 1992.
- Гай Саллюстий Крисп.* Сочинения (О заговоре Катилины. Югуртинская война. История) / Пер., статья и комментарии В. О. Горейштейна. М., 1981.
- Геродиан.* История императорской власти после Марка: В 8 кн. / Пер. А. И. Доватура и др. СПб., 1995.
- Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Т. 6: Греческая мифология. М., 2000.
- Евтропий.* Бrevиарий от основания Города / Пер. с лат. Д. Б. Кареева, Л. А. Самуткиной. СПб., 2001.
- Гай Юлий Цезарь.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / Пер. с лат. и вступит. статьи М. М. Покровского. М., 1991.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Вступит. статья, пер., комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Корнелий Тацит.* Сочинения: В 2 т. Анналы. Малые произведения. История / Пер. Г. С. Кнабе. СПб., 1993.
- Ливий Тит.* История Рима от основания Города. В 3 т. М., 1989-1994. Малые римские историки. М., 1996.
- Непот Корнелий.* О знаменитых иноземных полководцах / Пер. с лат. Н. П. Трухиной. М., 1992.
- Павел Орозий.* История против язычников / Пер. с лат. В. М. Тюленева. М., 2002.
- Павсаний.* Описание Эллады / Пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М., 1994.
- Полибий.* Всеобщая история / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. В 3 т. СПб., 1994.
- Полиэн.* Стратегемы / Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
- Страбон.* География: В 17 кн. / Пер. с греч., статья и коммент. Г. А. Стратановского, под общ. ред. С. Л. Утченко. Л., 1964.
- Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела // Вестник древней истории. 1940. Вып. 1. С. 231-293.
- Флор Анней Луций.* Четыре книги римской истории от времен царя Ромула до цесаря Августа / Пер. Л. Прохорова. М., 1792.
- Фронтин Юлий Секст.* Военные хитрости. СПб., 1996.
- Аренс Е. И.* Морская сила и история. СПб., 1912.
- Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999.
- Веникеев Е. В., Артеменко Л. Т.* Пенителы Понта (Пиратство в Черном море). Симферополь, 1992.
- Всемирная история флота / Автор-сост. О. В. Лапшова и др. М., 2001.
- Гельмерсен П. В.* Морская блокада. Л., 1925.

- Горшков С. Г. Морская мощь государства. М., 1979.
- Горькое С. Ю. Рим и Карфаген: Великая морская война. М., 2003.
- Дитерихс В. К. Заметки по военно-морской истории. Т. 1-2. СПб., 1898-1899.
- Доценко В. Д. История военно-морского искусства: В 4 т. СПб., 1999.
- Жерве Б. Значение морской силы для государства: Популярный очерк. Пг., 1921.
- Зотов Р. В. Стратегические уроки морской истории. СПб., 1892.
- История военно-морского искусства: Учебное пособие для училищ. М., 1953.
- История Древнего Рима / Под ред. А. Г. Бокшанина, В. И. Кузищина. М., 1971.
- История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1994.
- Камп. Л. С. де Корабли из озера Неми // Наука и жизнь 1971. № 4.
- Кладо Н. Л. Значение морской силы. СПб., 1900.
- Конноли П. Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Кораблев И. Ш. Ганнибал. Ростов-на-Дону, 1997.
- Кресуэл Дж. Война на море. М.; Л., 1941.
- Моммзен Т. История Рима: В 5 т. СПб., 1994.
- Морской словарь: В 2 т. М., 1959.
- Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. М., 2002.
- Немировский А. И. Этруски — от мифа к истории. М., 1983.
- Памятниковедение. Изучение памятников судостроения, мореплавания и гидротехники: Сб. научных трудов. М., 1990.
- Писаревский Н. П. Морской флот античных городов Северного Причерноморья. Воронеж, 2000.
- Разин Е. А. История военного искусства. М., 1994.
- Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1988.
- Ромм Ш. Морское искусство или Главные начала и правила, научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей. Ч. 1-2. СПб., 1793-1795.
- Ханке Х. Люди, корабли, океаны. Л., 1976.
- Шершов А. П. История военного кораблестроения: С древнейших времен и до наших дней. СПб., 1994.
- Шитарев В. Под парусами. М., 1994.
- Шифман И. Ш. Финикийские мореходы. М., 1965.
- Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. М., 2002.
- Щеглов И. В. История военно-морского искусства. СПб., 1881.
- Alonso-Nunez J. M. Roman knowledge of Scandinavia in the imperial period // OJA. 1988. Vol. 7. N 1.
- Baatz D., Bockius R. Vegetius und die Romische Flotte. Mainz, 1997.
- Beike M. Kriegsflotten und Seekriege der Antike. Berlin, 1987.
- Casson L. Ship and Seaman ships in the Ancient World. Baltimore; London, 1995.
- Casson L. The ancient manners. Seafarers and seafighters of the Mediterranean in ancient times. New York, 1959.
- Rival M. La charpenterie navale romain. Paris, 1991.
- Thiel J. H. Studies on the history of Roman sea-power in republican times. Amsterdam, 1946.
- Zechlin E. Maritime Weltgeschichte. Altertum und Mittelalter. Hamburg, 1947.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЕГЕЦИЙ ФЛАВИЙ РЕНАТ О РИМСКОМ ФЛОТЕ (ОТРЫВОК ИЗ «ЕРІТОМЕ REI MILITARIS», то есть «КРАТКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА», ок. 390-410 гг.)

31. По приказу твоего величества, непобедимый император, окончив указание методов ведения сухопутной войны, считаю, что мне остался еще отдел, касающийся войны на море; при изложении способов ее ведения мне следует быть кратким, потому что уже давно море для нас спокойно, а с варварскими племенами мы воюем только на суше.

Римский народ всегда имел наготове флот ради славы, пользы и величия своего государства, а не вследствие необходимости при каком-нибудь волнении; именно для того чтобы никогда не было такой необходимости, он всегда имел флот в готовности. Ведь никто не решается вызывать на войну или наносить обиду тому царству или народу, который, как он знает, может быстро оказать сопротивление и наказать за эту смелость. Обыкновенно у Мизенского мыса и в Равенне стояло по легиону с флотом, чтобы быть близко на случай защиты города, чтобы, когда того потребуют обстоятельства, без замедления, без объездов они могли двинуться на кораблях во все части света. От флота в Мизенах поблизости находились Галлия, Испания, Мавритания, Африка, Египет, Сардиния и Сицилия. Из Равенны же флот обыкновенно плыл прямо в (оба) Эпира, Македонию, Ахайю, Пропонтиду, Понт, на Восток, к Кипру и Криту, так как в военных делах быстрота обычно приносит больше пользы, чем доблесть.

32. Во главе либурнов, которые стояли в Кампании, находился префект мизенского флота; те же, которые были на стоянке в Ионическом море, имел под своей властью префект равеннского флота. Под их начальством было по десяти трибунов, командовавших отдельными когортами. Но каждая отдельная либурна имела отдельных навархов (капитанов), т.е. как бы хозяев корабля, которые кроме других обязанностей по кораблю должны были ежедневно заботиться о том, чтобы постоянно проводить упражнения с кормчими, гребцами и воинами.

33. Различные провинции в различные времена имели преобладающее значение в морском деле; поэтому и были корабли различного вида. Но когда Август сражался с Антонием при Акциуме, главным образом благодаря помощи либурнов был побежден Антоний. На опыте этого столь важного сражения обнаружилось, что корабли либурнов более пригодны, чем остальные. Поэтому, взявши их за образец и усвоив их название, по их подобию впоследствии римские владыки создали свой флот. Либурния является частью Далмации с главным городом Ядертиной (Зара-Веккиа. — А. Х.); взяв пример с кораблей этой области, теперь и строят военные суда и называют их либурнами.

34. Если при постройке дома обращается внимание на качества камня и смеси из извести и песку, то тем более нужно быть внимательным во всех отношениях при постройке кораблей, так как гораздо больше опасности на плохо построенном корабле, чем в доме. Либурны делаются главным образом из кипариса, из домашней и дикой сосны и из ели; лучше соединять их медными, чем железными

гвоздями. Хотя расход при этом будет несколько значительнее, но так как это прочнее, то это выгодно; ведь железные гвозди быстро разъедает ржавчина, от тепла и влаги, медные же и в воде сохраняют свою основную металлическую основу.

35. Особенно нужно обращать внимание на то, чтобы деревья, из которых должны быть выстроены либурны, были срублены между 15 и 22-м числом месяца. Только дерево, срубленное за эти 8 дней, остается нетронутым гниением и трухлявостью, срубленное же в другие дни дерево еще в том же году, источенное изнутри червями, обращается в пыль; это отметили и само искусство кораблестроения и ежедневная практика строителей; это мы познаем из наблюдений над самой религией, так как только в эти дни угодно было навсегда установить праздники.

36. Самое полезное рубить деревья после летнего солнцеповорота, т. е. в месяцы июль и август, и во время осеннего равноденствия, (т. е.) до январских календ (1 января), ибо в эти месяцы засыхают соки и потому дерево становится более сухим и крепким. Вот чего нужно остерегаться: не распиливать ствол на доски тотчас же после того, как дерево будет срублено, а как только оно будет распилено, не посылать досок на постройку корабля, так как и толстые стволы и уже распиленные доски требуют для большей сухости большого срока времени. Ведь если пускаются в работу сырые материалы, то, когда выходит природный их сок, они ссыхаются и дают очень широкие щели; нет ничего опаснее для плавающих [чем когда доски начинают давать трещины].

37. Что касается величины кораблей, то самые маленькие либурны имеют по одному ряду весел; те, которые немного больше, — по два; при подходящей величине кораблей они могут получить по три, по четыре и по пяти рядов весел. И пусть это никому не кажется огромным, так как в битве при Акциуме, как передают, столкнулись между собой гораздо большие корабли, так что они имели по шести и больше рядов весел. К более крупным либурнам присоединяются разведочные скафы, которые имеют на каждой стороне почти по двадцати рядов гребцов; их британцы называют... просмоленными. С помощью этих кораблей производят внезапные нападения, иногда нарушают свободное плавание и подвоз провианта для неприятельских кораблей и путем выслеживания перехватывают их прибытие и их планы. Чтобы эти разведочные суда не выдавали себя белым цветом, их паруса и канаты окрашиваются в венетскую краску, которая похожа на цвет морских волн; даже воск, которым обычно обмазывается корабль, окрашивается в ту же краску. Моряки и воины надевают одежду венетского цвета, чтобы не только ночью, но и днем они, занятые выслеживанием, могли бы остаться незамеченными.

38. Тот, кто плывет с войском на военных кораблях, должен уметь заранее различать приметы бурь и водоворотов. Ведь от бурь и волн либурны гибнут чаще и в большем числе, чем от силы врагов. На эту сторону науки о природе должно быть обращено все внимание, так как природа ветров и бурь выводится из внимательных наблюдений над атмосферой. Море не знает жалости, и если осторожность спасает предусмотрительных, то невнимательных губит небрежность. Поэтому изучающий морскую науку прежде всего должен знать число ветров и их названия. Древние согласно с расположением осей мира признавали только четыре основных ветра, дующих с каждой из четырех частей света, но

опыт позднейшего времени установил их двенадцать; их названия для устранения сомнений я привожу и по-гречески и по-латыни, так чтобы, указав сначала главные ветры, я мог затем перечислить те, которые связаны с ними справа и слева. Начнем с весеннего солнцеповорота, т.е. с восточного края, откуда дует ветер афелиотес, т.е. подсолнечный (восточный); справа к нему прилегает ветер кэкиас *καίκις*, или эвро-борей (северо-восточный), а слева эвр, или Вултурн. Южным краем владеет Нот, или Астр; справа к нему прилегает Левконот, т.е. белый Нот, а слева — Либонот, или Кор. Западный край занимает Зефир, т.е. подвечерний; справа от него дует Липс («дождливый»), или африк, слева Иа-пинг, или Фавоний («благодатный»). Наконец, северный край достался на долю Апарктиасу («От Северной Медведицы»), или северному; с правой его стороны поднимается Фрасциас («Фракийский»), или Цирций, а слева Борей, т.е. Аквилон. Эти ветры часто дуют по одному, иногда два вместе, во время же больших бурь дуют и три; под их порывами моря, которые сами по себе тихи и спокойны, поднимают сильное волнение и становятся жестокими; от их дуновения, в зависимости от времени и места, вместо бури наступает ясная погода, и, наоборот, ясная погода превращается в бурю. При благоприятном направлении ветра флот достигает желанной гавани, при противном ветре он должен стоять на якоре, или плыть назад, или бывает принужден выдерживать опасную борьбу. Поэтому не так легко подвергается кораблекрушению тот, кто внимательно изучил характер ветров и следит за ними.

39. Следует затем вопрос о месяцах и днях. Могучее и гневное море не позволяет спокойно плавать по нему в течение всего года; но некоторые месяцы особенно удобны, в некоторые из них плыть рискованно, а в остальные по природным условиям море недоступно для кораблей. По окончании Пахона, т.е. после восхода Плеяд, с 25 мая до восхода Арктура, т.е. до 16 сентября, плавание считается спокойным, так как благодаря лету резкость ветров умеряется; после этого времени до 11 ноября плавание сомнительно и грозит большими опасностями, так как после сентябрьских ид (13 сентября) поднимается Арктур, могущественнейшая звезда, несущая с собой самые сильные бури, а 24 сентября, в день равноденствия, бывает жестокая буря, около 7 октября появляется дождливое созвездие Козерога, а 11-го того же месяца — созвездие Тельца. Но начиная с ноября плаванию решительно мешает частыми бурями закат зимних Плеяд (Вергилий). От 11 ноября до 10 марта моря для плавания закрыты. День очень короткий, ночь длинная, на небе густые тучи, воздух сумрачный, жестокая сила ветров, удвоенная дождем или снегом, не только прогоняет всякий флот с моря, но даже валит тех, кто идет сухим путем. После же, если можно так сказать, дня рождения судоходства, который во многих городах справляется торжественными играми и общественными зрелищами, вследствие влияния многих созвездий и с точки зрения самого времени вплоть до самого 15 мая (майских ид) все еще опасно бывает плавать по морям, но не потому, чтобы это пугало деятельную энергию купцов, но потому что, когда войско плывет на либурнах, тут должна быть проявлена большая осторожность, чем когда на смелое плавание преждевременно толкает частная нажива.

40. Кроме того восход и закат также и некоторых других созвездий вызывают очень сильные бури. Хоть во всех этих случаях свидетельства писателей указывают нам определенные дни, но так как многое меняется по различным

причинам и надо твердо помнить, что вследствие нашей человеческой близорукости мы не можем знать всех причин небесных явлений, поэтому наблюдения над всем, что нужно для плавания, разделяются на три части. Известно, что буря может произойти или в точно определенный день, или раньше его, или после него. Те, которые происходят раньше срока, названы греческим термином *προχαμαζειν*, происходящие в назначенный день — *χιψαζειν*, те же, которые происходят после этого срока, — *μεταχαμαζαν*. Но перечислять все поименно мне кажется ненужным и длинным, так как очень многие авторы старательно изложили не только все, что относится к каждому месяцу, но даже и к каждому дню. Движение тех звезд, которые называются планетами, всякий раз когда они по воле бога-творца предписанным путем приближаются к созвездиям или отдаляются от них, также очень часто служит причиной перемены светлой погоды на сумрачную. Что дни новолуний полны бурь и больше всех других страшны для плавающих, это отмечено не только опытными моряками, но даже известно и простым людям.

41. Есть много примет, которые в тихую погоду предвещают бури и во время бурь указывают наступление спокойной погоды; но все это, как в зеркале, показывает лик луны. Красноватый цвет его указывает на ветер, голубоватый указывает на дождь; смешанный из того и другого предсказывает проливные дожди и бешеный шторм. Веселый и ясный лик обещает морякам ясную погоду, такую же, как и лик луны, особенно если это четвертый день со дня ее восхода, если рога ее не заострены, она не имеет красноватого оттенка и свет ее от испарений не является мутным. Также большая разница, как восходит солнце или как оно скрывает день, бросает ли оно весело прямые лучи, или меняется от набегающих туч, сияет ли оно обычным своим блеском, или оно под влиянием ветров — огненного цвета; не должно оно быть и бледным или с пятнами, так как это предсказывает близкий дождь. И воздух, и само море, величина и форма облаков дают указания опытным морякам. Некоторые указания дают птицы, некоторые — рыбы; это, можно сказать, божественным прозрением понял Вергилий в своих «Сельских поэмах», это старательно изложил Варрон в своих книгах, описывающих плавание по морям. Если кормчие говорят, что они это знают, то они знают это лишь постольку, поскольку их научил ненаучный опыт, а не дала в их руки высшая наука.

42. Море, как стихия, составляет третью часть мира; кроме волнения, которое производят на нем ветры, оно само дышит и движется. В определенные часы дня, а равно и ночи оно в некоем стремительном течении, которое называют (по-гречески) реума, двигается вперед и назад и по обычаю стремительно текущих рек то заливает земли, то уходит в свою глубину. Эта двойственность меняющегося течения, будучи попутной, помогает плаванию кораблей, при противном течении задерживает их ход. Собираясь сражаться, надо избегать этого с величайшей осторожностью. Стремительность прилива и отлива нельзя преодолеть силою весел; иногда сам ветер уступает ей. И так как в различных местностях, при различных фазах прибывающей и убывающей луны, в определенные часы изменяются прилив и отлив, то собирающийся вести морское сражение должен до столкновения хорошо узнать природу моря и места.

43. Дело уменья матросов и кормчих — хорошо знать те места, по которым они собираются плыть, и находящиеся здесь заливы, так чтобы они могли избе-

гать опасных мест, скрытых и выдающихся подводных камней, отмелей и песчаных банок. Чем глубже то море, по которому он плывет, тем более спокойно он может идти этим путем. От навархов (капитанов) прежде всего требуется осмотрительность, от кормчих — опытность, от гребцов — сила их рук, потому что ведь морская битва происходит обычно при спокойном море и либурны, как бы огромны они ни были, двигаясь не дуновением ветра, а ударами весел, своими носами поражают противников и в свою очередь избегают их нападения, а в этом случае победу дают сила рук гребцов и искусство управляющего рулем.

44. Много различного рода оружия нужно для сухопутного сражения. Но морское сражение требует не только многих видов оружия, но и машин и метательных орудий, как будто бы бой шел у стен и башен. Действительно, что может быть более жестоким, чем морское сражение, где люди гибнут и в воде, и в огне. Поэтому должна быть проявлена особая забота о том, чтобы моряк был хорошо защищен, чтобы воины были в бронях или панцирях, со шлемами, а также в поножах. На тяжесть оружия никто не может жаловаться, так как во время сражения на кораблях стоят на месте; также и щитами пользуются более крепкими вследствие необходимости защищаться от ударов камнями и более крупными. Кроме серпов, крючьев и других видов морского оружия они направляют друг против друга копия и метательные снаряды в виде стрел, дротиков, камней из пращей и фустибалов, свинцовые шары, камни из онагров, баллист, маленькие стрелы из скорпионов. Еще более опасным является сражение, если воины, мечтая о доблестных подвигах, подплывут на своих либурах к неприятельскому кораблю и, перекинув мост, переходят на него и там вступают в рукопашный бой с мечами в руках, как говорится, грудь с грудью. На более крупных либурах устраиваются бойницы и башни, чтобы им можно было с более высоких палуб, как будто со стен, тем легче наносить раны и убивать врагов. Горящие стрелы, пропитанные зажигательным маслом (нефтью), обмотанные паклей с серой и асфальтом, они мечут баллистами, вонзают их в корпус неприятельских кораблей и сразу поджигают доски, пропитанные столь большим количеством легко воспламеняющегося материала, как воск, смола, вар. Одни погибают от меча и камней, другие среди волн должны сгореть в огне; однако среди столь многих родов смертей есть один самый ужасный случай, когда трупы убитых, не получившие погребения, поедаются рыбами.

45. Наподобие сухопутных сражений, бывают и здесь внезапные нападения на малоопытных моряков, или устраиваются засады поблизости от удобных для этой цели узких проходов у островов. Это делается для того, чтобы тем легче погубить неподготовленных. Если матросы врагов утомлены долгой греблей, если на них дует противный ветер, если волны идут против хода их корабля, если враги спят, ничего не подозревая, если стоянка, которую они занимают, не имеет (другого) выхода, если представляется желанный случай для сражения, то к благодеяниям судьбы надо присоединить силу рук и, воспользовавшись удобным обстоятельством, начать сражение. Если осторожность врагов дала им возможность избежать засады и заставляет вступить в бой в открытом море, тогда нужно выстроить боевые линии либух, не прямые, как на полях битвы, но изогнутые, наподобие рогов луны, так чтобы фланги выдавались вперед, а центр представлял углубление, как бы залив. Если бы враги попытались прорвать строй, то в силу этого построения они были бы окружены и разбиты. На

флангах поэтому должны быть помещены главным образом отборные корабли и воины, составляющие цвет и силу войска.

46. Кроме того полезно, чтобы твой флот всегда стоял со стороны свободного глубокого моря, а флот неприятельский был прижат к берегу, так как те, которые оттеснены к берегу, теряют возможность стремительного нападения. В подобного рода сражении, как доказано, три вида оружия особенно полезны для одержания победы: это — ассеры (стенобитные балки), шесты с серпами и секиры. Ассером называется тонкая и длинная балка, наподобие реи, висящая на канате; оба края ее обиты железом. Подойдут ли к неприятельскому кораблю справа или слева, эту балку с силой приводят в движение, как таран, и она уверенно валит с ног неприятельских воинов и матросов и очень часто пробивает самый корабль. Серпом называется очень острое железо, изогнутое, наподобие серпа; оно насаживается на очень длинные шесты и внезапно подрезает канаты, на которых висят реи; когда паруса упадут, то либурна становится неповоротливой и бесполезной. Секирой называется топор, имеющий с обеих сторон очень широкое и острое лезвие. При помощи их в пылу сражения очень опытные моряки или воины на маленьких челноках тайно перерубают канаты, которыми привязаны рули неприятельских судов. В этом случае корабль сейчас же становится как бы невооруженным и потерявшим всякую свою силу; ведь какого же еще спасения ждать кораблю, который потерял руль?

О крейсерах (*lusoriae*), которые теперь на Дунае несут ежедневную сторожевую службу в качестве пикетов, думаю, говорить нечего, так как очень частое практическое их применение сделало в этом искусстве больше открытий и усовершенствований, чем могла нам показать старинная наука.

Перевод С. П. Кондратьева

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Предыстория. Учителя и предки	6
ГЛАВА II. Орлы над морем. Первая Пуническая война	35
ГЛАВА III. Коммуникации решают все. Римское морское могущество в ходе Второй Пунической войны	132
ГЛАВА IV. Борьба за побережье. Восточные войны и Третья Пуническая война	237
Вторая Македонская война	—
Сирийская война	257
Третья Македонская война	273
Третья Пуническая война	284
ГЛАВА V. «Зачистка» на востоке. Митридат, Помпей и пираты	298
ГЛАВА VI. На берегах Ла-Манша и Атлантики. Морские войны Цезаря	333
Операция против венетов	—
Первая экспедиция Цезаря в Британию	348
Вторая экспедиция Цезаря в Британию	366
ГЛАВА VII. Агония республики. Римский флот в гражданских войнах	378
ГЛАВА VIII. «Mare Nostrum» и не только оно. Флот в Империи и на ее раз- валинах	422
ГЛАВА IX. Материальная часть и основные аспекты боевой службы римского военно-морского флота	459
Корабли военно-морского флота древнего Рима	—
Служба во флоте и подготовка экипажей	474
«Ворон»	477
Артиллерийское вооружение и спецсредства	482
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ к КАРТАМ	486
Источники и ЛИТЕРАТУРА	487
ПРИЛОЖЕНИЕ. Вегетий Флавий Ренат о римском флоте (отрывок из «Epi- tome rei militaris», то есть «Краткого изложения военного дела», ок. 390-410 гг.)	489

Александр Алексеевич Хлевов

МОРСКИЕ ВОЙНЫ РИМА

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Редактор *Е. Е. Жирнова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Верстка *А. М. Вейшторг*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 8.07.2005. Формат 70х100¹/i6 - Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40 + 0,64 вкл. Заказ JVW3V.

Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76 E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41